

Министерство образования и науки РФ
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Факультет социальных наук,
Нижегородское региональное отделение
Межрегиональной общественной организации «Академия гуманитарных наук»

ГУМАНИТАРИИ В XXI ВЕКЕ

18–19 апреля 2013 года

Том 1

Нижний Новгород
Издательство НИСОЦ
2013

УДК 316
ББК 60.5

Р е ц е н з е н т ы:

*Козлов
Анатолий Александрович*

– д.с.н., профессор, заведующий кафедрой социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

*Теодорович
Михаил Леонидович*

– д.с.н., профессор кафедры экономической социологии факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

С77 Гуманитарии в XXI веке / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 1. – Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2013. – 696 с.

ISBN 978-5-93116-150-1

В сборнике представлены материалы научных исследований, обсуждавшихся на пленарном заседании и секциях международной научно-практической конференции «Гуманитарии в XXI веке» (18–19 апреля 2013 г., Нижний Новгород, ННГУ им. Лобачевского), посвященных проблемам современного общества в самом широком спектре.

Сборник предназначен для преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников образовательных и социальных учреждений и общественных организаций.

Составитель и научный редактор Саралиева З.Х., д.и.н., профессор, зав. каф. общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, зам. председателя оргкомитета конференции.

ISBN 978-5-93116-150-1

ББК 60.5

© НИСОЦ, 2013

В конференции «Гуманитарии в XXI веке» участвовали исследователи, специалисты и практики из 22 городов России, а также Белоруссии, Германии, Испании, Казахстана, Польши, США, Украины, Франции, Чехии и Японии.

Результаты научных исследований представлялись на следующих секциях и круглых столах:

- ✓ Социология,
- ✓ Наука и образование,
- ✓ Юридические науки,
- ✓ Социальная политика и социальная работа,
- ✓ История и международные отношения,
- ✓ Философия и культурология,
- ✓ Психология в современном обществе,
- ✓ Молодежь и молодежная политика,
- ✓ Молодая семья,
- ✓ Экономика и рынок труда.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

Чупрунов Евгений Владимирович	– ректор ННГУ, <i>председатель оргкомитета</i>
Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна	– заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы ФСН ННГУ, <i>зам. председателя оргкомитета</i>
Блонин Владимир Александрович	– декан ФСН ННГУ, <i>ученый секретарь</i>
Вишневский Юрий Рудольфович	– заведующий кафедрой социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина
Грудзинский Александр Олегович	– проректор по международной деятельности и инновациям в образовании ННГУ
Козлов Анатолий Александрович	– заведующий кафедрой социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета
Кузнецов Андрей Александрович	– декан исторического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Петрова Татьяна Эдуардовна	– заместитель директора Департамента дополнительного образования детей, воспитания и молодежной политики Министерства образования и науки РФ
Пуляев Вячеслав Тихонович	– Президент «Академии гуманитарных наук»
Романовская Вера Борисовна	– заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ
Рыхтик Михаил Иванович	– декан факультета международных отношений ННГУ
Сайгин Вадим Викторович	– проректор по экономическому развитию и АХР ННГУ
Скворцов Николай Генрихович	– проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета
Стронгин Роман Григорьевич	– Президент ННГУ им. Н. И. Лобачевского
Цыганов Виктор Иванович	– декан юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Швецов Владимир Иванович	– проректор по информатизации и довузовской подготовки ННГУ
Шпрингер Вернер	профессор университета Дуйсбург-Эссен (Германия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна	– ответственный редактор – д. ист. н., профессор, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Бекарев Адриан Михайлович	– д. филос. н., профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского
Блонин Владимир Александрович	– декан ФСН ННГУ
Каржина Галина Альбертовна	– заместитель декана по научной работе ФСН
Рыхтик Михаил Иванович	– декан факультета международных отношений ННГУ
Романовская Вера Борисовна	– заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ

Данный сборник в совокупности со специальным выпуском «Нижегородского музея» (2013 г.) посвящен 20-летию Межрегиональной общественной организации «Академия гуманитарных наук» – соучредителя журнала «Нижегородский Музей». Академия была создана в июле 1993 г. по инициативе ученых и деятелей культуры Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Уфы. Первое региональное отделение было создано в 1994 г. в Нижнем Новгороде Р.Г. Стронгиным, З.Х. Саралиевой, О.А. Колобовым. В 1997 г. Академия аккредитована при Межпарламентской Ассамблее Содружества Независимых государств. Материалы данного выпуска представляют широкий спектр научных и социогуманитарных исследований и сфер деятельности первого в новой России независимого объединения ученых-гуманитариев.

Редакционная коллегия

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Кламмер У.</i> Занятость и социальная защищенность женщин в Германии – вызовы XXI века.....	15
<i>Романовская В.Б.</i> Гуманитарное образование в Европе. Начало университетов.....	22
<i>Рыхтик М.И.</i> Социально-политическое измерение инновационного развития.....	25
<i>Саралиева З.Х.</i> Родительское ядро в семейном взаимодействии	31
<i>Стронгин Р.Г.</i> Гуманитарный проект: общественная палата Нижегородской области	37
<i>Тощенко Ж.Т.</i> Этноконфессиональные проблемы высшего образования	49

СЕКЦИИ

Социология

<i>Агапов П.В.</i> Проблема агрессии в социально-гуманитарном знании (теоретико-методологический аспект).....	60
<i>Бабинцев В.П.</i> Бюрократия и интеллигенция в XXI веке: позиционирование социолога	64
<i>Бартенева Н.Е.</i> Фитнес как бизнес и образ жизни.....	67
<i>Богатова О.А.</i> Конструирование статуса и имиджа финно-угорских республик Приволжского Федерального округа	70
<i>Бубнов Ю.М.</i> Социальные фобии белорусов	74
<i>Волков Е.Н.</i> Инженерный подход и гуманитарии в 21-м веке.....	80
<i>Воронин Г.Л.</i> Социально-психологические типы россиян: самоидентификация в социальном пространстве.....	83
<i>Добрынина В.И., Добрынин В.В.</i> Современный гуманитарий как актер, интерпретатор и мифосозидатель изменяющегося социума	89
<i>Ермилова А.В.</i> Роль интеллигенции в современном обществе глазами представителей «нового класса».....	95
<i>Зацепин М.И.</i> Общественный компонент системы обеспечения национальной безопасности	100

<i>Игнатушко Л.В.</i> Социальные ожидания и практики эмоционального поведения мужчин на примере отношения к проявлению слез	103
<i>Интчама Л.В.</i> Типология одиночества	110
<i>Козлова Т.З.</i> Чтение в структуре свободного времени россиян.....	114
<i>Колодина А.А.</i> Особенности формирования человеческого потенциала в современной России	118
<i>Криворотова Т.А.</i> Этносоциальная стратификация в постиндустриальную эпоху: структурные особенности и векторы трансформации статусных позиций	123
<i>Крокстон Джэк и Эльвингер Джудит</i> Оценка результатов исследования среди студентов американского университета....	128
<i>Куконков П.И.</i> Социальная деструкция в постсоветской России.....	135
<i>Куликова А.В.</i> Сети социального взаимодействия как стратегия выживания домохозяйств	139
<i>Курамишев А.В.</i> «Гендерный» след в классической социологии	143
<i>Кутявина Е.Е., Курносова Л.С.</i> Особенности профессиональной и этнической идентичности мигрантов	147
<i>Кухтевич Т.Н., Васенина И.В.</i> Гуманитарная составляющая интернета.....	152
<i>Ларшина Н.В.</i> Спортсмены: национальные герои или антигерои?.....	158
<i>Липатова Т.Н.</i> Духовный потенциал населения региона: проблема интерпретации и актуализации.....	163
<i>Лукин Н.С.</i> Критерии формирования социального слоя: современные представления.....	167
<i>Люсина Н.В.</i> Проблема выбора эгоистического и просоциального поведения в ситуациях социальной дилеммы: социологический анализ	170
<i>Ляйбольд Ш.</i> Значение религии для тех, кто формирует общественное мнение	173
<i>Петренко-Лысак А.А.</i> Новейшие социопространственные мобильности	176
<i>Подкар С.Б.</i> Модернизация 2.0. туризм и народные художественные промыслы (НХП): Проект для конвергенции и инноваций. Нижегородская область	180
<i>Пушина В.Н.</i> Социальное самочувствие пожилых людей Ивановской области	184
<i>Пушина Л.Ю.</i> Социальная ответственность: межпоколенческие различия и факторы их формирования	188

<i>Рябова Т.Б.</i> Современный российский антиамериканизм: гендерная специфика.....	193
<i>Савельев Ю.Б.</i> Критерии модернизации в 21 веке: эмансипационные ценности и социальное включение	195
<i>Солдаткин А.Е., Варызгина А.А.</i> Стратегии совладания с бедностью среди населения малых городов Нижегородской области....	198
<i>Судьин С.А.</i> Семья с психически больным ребенком в образах массового сознания	204
<i>Сухова Е.Н.</i> Релятивный подход к анализу социальной идентичности врача	208
<i>Ткаченко В.С.</i> Инвалиды в малом городе	212
<i>Тюрин И.Ю.</i> Структура и сущность понятия культуры здоровья: взгляд социолога	216
<i>Щербина В.В.</i> О состоянии современной отечественной и западной социологии	218

Наука и образование

<i>Азерли Д.А.</i> Поликультурная среда как средство социального воспитания подростков в современной школе.....	222
<i>Архангельская А.С.</i> Проект «вуз+Инталев» в сфере консалтинга	224
<i>Бабочкина С.П.</i> Гуманитарные аспекты процесса формирования профессиональных ориентаций старшеклассников.....	228
<i>Богоудинова Р.З.</i> Ценностно-смысловой контекст современного образования.....	232
<i>Грудзинский А.О., Бедный А.Б.</i> Инноватор – целевая модель выпускника ведущего университета	236
<i>Евсеева А.В., Жесткова Е.А.</i> Социализация и гражданское становление личности обучающегося через реализацию социально-педагогических проектов	241
<i>Жесткова Е.А.</i> Модель педагогических условий социализации и самореализации обучающихся с разными образовательными возможностями.....	245
<i>Жесткова Е.А., Чиковкина С.А.</i> Взаимодействие семьи и дошкольного образовательного учреждения как фактор успешной социализации личности ребенка.....	249
<i>Иванцова Е.С., Наумова Т.В.</i> Технология учета и развития индивидуального стиля учебной деятельности ученика как средство индивидуализации процесса обучения	252

<i>Иванычев И.С.</i> Имитация качества знаний у современных студентов: от списывания к плагиату	256
<i>Касьян А.А.</i> Образование и идеология: от прошлого к будущему	259
<i>Клюева Е.В.</i> Сотрудничество семьи и школы в воспитании у младших школьников уважения к семейным ценностям как социально-педагогическая проблема	275
<i>Корешкова М.Н.</i> Образовательный проект в педагогическом процессе вуза	278
<i>Курлов А.Б.</i> Гуманитарное образование: новые перспективы или движение к «зияющим высотам»	281
<i>Лютова Д.В.</i> Адаптация первоклассников к школьной жизни	285
<i>Мигунова А.В.</i> Образование в области социальной работы: вопросы для обсуждения	287
<i>Резник Ю.М.</i> О бюрократии в науке	290
<i>Рябокоть М.В.</i> Абитуриент-2012: проблема выбора вуза	294
<i>Соколов В. М.</i> Цели и оценки степени их достижения в управлении образовательными системами	298
<i>Фадеева И.М., Сарайкин Ю.В.</i> Структура научно-педагогических кадров исследовательского университета: социолого-статистический анализ	303
<i>Шакурова А.В.</i> Ценностные предпочтения учителей в современной России	307
<i>Широкалова Г.С.</i> Закон об образовании и место религии в учебном процессе	314

Юридические науки

<i>Глушаченко С.Б., Горбик С.А.</i> Юридические основания ответственности должностных лиц при возмещении причиненных убытков: история и теория вопроса	319
<i>Горбик С.А.</i> Развитие доктрины об ответственности должностных лиц за причинение убытков в России (XIX – начала XX вв.)	322
<i>Данилова Е.В., Уткин А.В.</i> К вопросу о соотношении нравственности и права в трудах российских правоведов XIX – начала XX вв.: идеи реформирования и модернизации правосудия	325
<i>Жданов П.С.</i> К вопросу о ренессансных предпосылках политико-правовых воззрений нового времени	329
<i>Калинина Е.В.</i> Справедливость и правосудие как ключевые категории учения торы	334

<i>Кондратьева А.Н.</i> Эволюция правового регулирования финансовой основы местного самоуправления в результате контрреформ 1890 года	338
<i>Лазорин К.Б.</i> «Наука законов благоустройства» Н.Х. Бунге, как идея реформирования государственного управления России.....	342
<i>Леонов А.С.</i> Проблема определения границ действия государственного суверенитета в сфере защиты прав человека	345
<i>Мельникова Т.В.</i> Социальные аспекты взаимопонимания инвалидности.....	350
<i>Минеева Т.Г.</i> Правовое регулирование духовного и светского образования в Российской империи второй половины XVIII–XIX вв.	352
<i>Петикян С.Г.</i> Существование источников средневекового армянского права в условиях отсутствия государства.....	356
<i>Пыпина Г.С.</i> Основные тенденции развития и нормативно-правового обеспечения вопросов безопасности в современном Российском государстве	356
<i>Радбиль Т.Б.</i> «Язык вражды» в современном обществе: проблема лингвистической квалификации понятия в экспертной деятельности лингвиста	363
<i>Рожнова Ю.А.</i> Правовые проблемы, возникающие в связи с применением принципа <i>Terra Nullius</i>	367
<i>Романовская Л.Р.</i> Соотношение понятий «секта» и «НРД» в контексте гуманитарных проблем	370
<i>Румянцева В.Г.</i> Концепция «общественного права» в трудах В.Н. Лешкова	375
<i>Соловьева С.В.</i> Медиация как правовая процедура	379
<i>Степанова К.В.</i> Служба пробации в России: функции и реализация на практике	383
<i>Уткин А.В.</i> Общая характеристика и юридическое значение «основных положений преобразований судебной системы в России».....	387
<i>Шарангия С.З.</i> Представления о «случае» и «непреодолимой силе» в разные исторические эпохи	391

Социальная политика и социальная работа

<i>Баженов Д.А.</i> Теоретические основы социальной ответственности государства и современная российская модель	395
---	-----

<i>Безаева О.В.</i> Основные итоги переписи населения 2010 года в Нижегородской области	400
<i>Bossong Horst</i> Sozialarbeitswissenschaftliche forschung: ein kurzer einwurf	416
<i>Глухова М.Ф.</i> Социозащитная функция современной организации....	424
<i>Глушкова Е.В.</i> Проблемы жизнедеятельности пожилых людей, длительно и часто находящихся в лечебных учреждениях.....	429
<i>Горская И.В.</i> Медико-социальные права несовершеннолетних пациентов, оказавшихся в трудной жизненной ситуации	433
<i>Долгова Л.А.</i> Коммуникативная компетенция руководителя: обобщенный портрет	436
<i>Ерофеева Т.Е.</i> Проблема социального сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы	440
<i>Исакова И.А.</i> Этико-правовые аспекты школьной социальной работы	442
<i>Киселев И.Ю., Щерба М.А.</i> Государственные акторы в процессе социального конструирования риска	446
<i>Киселев И.Ю., Киселева Н.В.</i> Местное самоуправление в зеркале общественного мнения	450
<i>Коптева Л.Н.</i> Государственно-частное партнерство в экономике здравоохранения: интегративный подход к взаимодействию.....	454
<i>Кормичиков Д.А.</i> Концепция социальной политики в программах политических партий России	458
<i>Кузнецова А.М.</i> Системный подход как методологическая основа исследования социального регулирования лекарственного обеспечения льготных категорий больных.....	462
<i>Лимкина Н.А.</i> Информационное сопровождение в решении вопросов социальной профилактики в Республике Мордовия (по материалам региональных СМИ)	465
<i>Майкова Э.Ю.</i> Муниципальное и государственное управление в представлениях граждан (на примере Тверского региона)	473
<i>Максимова М.Н., Шакирова А.Ф.</i> Меры социальной поддержки граждан пожилого возраста (на примере Республики Татарстан и Нижегородской области)	477
<i>Морозова О.Н., Габидуллина М.Ш.</i> Социальные проблемы молодых людей страдающих сахарным диабетом	482
<i>Мосунова Т.В.</i> Характеристики образа социального работника в представлении студентов	485

<i>Отделкина Т.Н.</i> Проблемы профилактики социального сиротства, отраженные в СМИ.....	488
<i>Петрова И.Э.</i> Социальная работа религиозных организаций в России и Европе	492
<i>Плуженская М.Г.</i> Особенности аккультурации мигрантов в условиях этнической толерантности-интолерантности	498
<i>Разов П.В.</i> Формы и методы социальной адаптации специфических социальных групп.....	502
<i>Смирнова А.В.</i> Технологический процесс осуществления социального патронирования семей и детей, находящихся в социально опасном положении в учреждениях социального обслуживания Республики Татарстан.....	507
<i>Смирнова А.В., Утеева Э.Н.</i> Социальная реабилитация граждан пожилого возраста.....	509
<i>Сокерина О.В.</i> Социальные риски многодетной семьи: теоретический анализ	512
<i>Тимуца О.В., Латыпова А.А.</i> Междисциплинарный подход в изучении проблем пациентов, страдающих редкими заболеваниями	514
<i>Филиппов Ю.Н., Тарычев В.В., Храмов С.В., Хазов М.В.</i> Современное состояние социальной и квалификационной структуры фельдшерского персонала выездных бригад скорой медицинской помощи в аспекте подготовки к реформированию службы.....	518
<i>Хамитова Г.М.</i> Получение медицинской помощи в соответствии с программой государственных гарантий.....	524
<i>Цветкова Б.Л.</i> Чтение в 21 веке: динамика функций и значения	529
<i>Чигиркина В.А.</i> Социальная адаптация школьников-мигрантов	533
<i>Шагимуратова И.К.</i> Удовлетворенность инвалидов услугами, предоставляемыми центрами занятости населения г. Казани при трудоустройстве	537
<i>Щигорцова Е.С.</i> Основные условия и факторы адаптации бывших сотрудников наркоконтроля России.....	541
<i>Юскаева М.В.</i> Доступность и качество медицинской помощи в оценках населения Республики Мордовия	543

История и международные отношения

<i>Бакутина Н.С.</i> Имидж как неотъемлемая часть государственной политики	547
--	-----

<i>Белащенко Д.А.</i> Некоторые особенности межнациональных отношений в Крыму на современном этапе	543
<i>Борков А.В.</i> Образование в сфере международных отношений: отечественный и зарубежный опыт	553
<i>Бородин М.Ю.</i> Угроза исламизации современного европейского общества.....	558
<i>Горькова Л.В.</i> Методологические основы концепции начальной истории Руси Густава Эверса.....	563
<i>Казаков М.А.</i> Гуманитарная безопасность и гуманитарные технологии в стратегии развития современной России	567
<i>Киселев И.Ю., Смирнова А.Г.</i> Угроза распространения ядерного оружия в XXI веке как объект социологического исследования... ..	572
<i>Кузнецов А.А., Маслов А.Н.</i> Российский историк начала XXI в. между профессиональной дисциплиной, культурной памятью общества и политическим заказом (на примере претензий Нижнего Новгорода на получение звания «Город воинской славы»)	576
<i>Латишина Д.А.</i> Проблема социальной структуры международного общества.....	586
<i>Левин А.Я.</i> Выборы 2012 года и системный кризис в США	589
<i>Молев Е.А.</i> Проблемы и перспективы археологии в ННГУ им. Н.И. Лобачевского	594
<i>Новокрещенова Т.М.</i> Исторический оптимизм или воля к жизни.....	596
<i>Поскребышева Е.С.</i> Генезис политических инструментов устойчивого экологического развития.....	598
<i>Пухова Е.А., Подлеснова Е.С.</i> История университета на страницах студенческих СМИ (на примере студенческой газеты «НоВШЭсти»)	601
<i>Рогожина Е.М.</i> Религия и вера в современном российском обществе	604
<i>Рыжов И.В., Якимова Е.А.</i> Кризис идентичности в современном обществе на примере государства Израиль	608
<i>Рябов О.В.</i> «Волга-матушка» в национальной идентичности русских.....	612
<i>Сергунин А.А.</i> Теория «структурного насилия» Й. Гальтунга: прошлое и настоящее.....	614
<i>Смирнова А.Г.</i> Конструирование рисков и угроз безопасности как процесс социального познания	618

<i>Старкин С.В.</i> О некоторых тенденциях политики ЕС в области экоинноваций и экологического развития	622
<i>Сухова А.Н.</i> Актуальность кросскультурной адаптации в услови- ях международного сотрудничества	626
<i>Чернявская О.С.</i> Нижний Новгород: знания нижегородцев в обла- сти истории своего города.....	629
<i>Шубрт Иржи</i> Социология и история: союзники или соперники?	632

Философия и культурология

<i>Булычева Е.И.</i> Противостояние классического и современного искусства как актуальная проблема искусствознания	639
<i>Ветошкин А.П.</i> Духовность и методология идеал-реализма в со- временной гуманитаристике	643
<i>Злотникова Л.М.</i> Человеческая деятельность в новой реальности	650
<i>Каржина Г.А.</i> Рациональность и диалог науки и религии.....	654
<i>Козырьков В.П.</i> Капитализация и судьба гуманитариев	658
<i>Лейни Р.Н.</i> Постмодернизм в рекламе	662
<i>Лысцев М.С.</i> Постмодернизм как образ жизни индивида конца XX – начала XXI вв.....	666
<i>Ляховец А.С.</i> Малые города: диалектика культурных традиций и новаций	670
<i>Мостицкая Н.Д.</i> Коммуникативное пространство культуры и ста- новление личности в XXI веке.....	676
<i>Савинова О.Н.</i> Роль СМИ в сохранении самобытных культур и традиций народов России.....	680
<i>Фатенков А.Н.</i> Одиссей. Возвращение (актуальные интерпрета- ции).....	684
<i>Шетулова Е.Д.</i> Перспективы российской цивилизации: социаль- но-философские версии	689
<i>Яркеев А.В.</i> Мифологизация этнической идентичности в структу- рах социальной дискурсивности.....	693

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ЗАНЯТОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ ЖЕНЩИН В ГЕРМАНИИ – ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА ERWERBSTÄTIGKEIT UND EIGENSTÄNDIGE SOZIALE ABSICHERUNG VON FRAUEN IN DEUTSCHLAND – HERAUSFORDERUNGEN FÜR DAS 21. JAHRHUNDERT

У. Кламмер
Университет Дуйсбург-Эссен (Германия)
Ute Klammer
Universität Duisburg-Essen

Указывается на два аспекта проблемы гендерного равенства: формальное, правовое и фактическое, выраженное в различных сферах жизнедеятельности людей. Если в стремлении к равенству, с правовой точки зрения, западные страны достигли значительных успехов, то в повседневной жизни людей неравенство представляется одним из серьезных вызовов современности. На рынке труда, в профессиональной среде, в трудовых доходах и социальной защите женщин в настоящее время существуют еще серьезные различия. Автор показывает на примере Германии, что задачей научных исследований в этой области может быть вскрытие причин и факторов текущей гендерной дифференциации, а также идентификация необходимых политических шагов по решению проблемы.

Zu den großen gesellschaftlichen Herausforderungen des XXI. Jahrhunderts gehört in vielen europäischen Ländern die Gleichstellung der Geschlechter. Während die rechtliche Gleichstellung weitgehend erreicht ist, sind auf dem Arbeitsmarkt, bezüglich der Berufs- und Einkommenssituation sowie der sozialen Sicherung immer noch deutliche Unterschiede zwischen Frauen und Männern zu verzeichnen. Wie im Folgenden auf der Basis von Studien für Deutschland exemplarisch gezeigt wird, kann die sozialwissenschaftliche Forschung dazu beitragen, die Hintergründe für fortbestehende Geschlechterdifferenzen zu beleuchten und politische Handlungsbedarfe zu identifizieren.¹

Ключевые слова: занятость, гендерные проблемы рынка труда, гендерные отношения, биография, гибкие (флексибильные) формы труда, равенство, семья, доходы, пенсионное обеспечение, политика занятости, семейная политика, стратегии предприятий.

Keywords: Anstellung, gender, Arbeitsmarkt, Geschlechter-Beziehungen, Biographie, flexible (flexibel) Formen der Arbeit, Gleichstellung, Familie, Einkommen, Renten, Arbeitsmarktpolitik, Familienpolitik, Strategie Unternehmen.

Предметом анализа выступают следующие аспекты занятости и социальной защищенности женщин в Германии на современном этапе:

- время и деньги (некоторые ключевые аспекты развития женской занятости и оплаты женского труда в Германии);
- ретрадиционализация гендерных отношений вследствие брака;
- последствия женских трудовых и жизненных биографий на примере ситуации в старости;
- анализ контекста: факторы, воздействующие на биографию;
- поиск причин I: ошибочные политические стимулы и несоответствия;
- поиск причин II: стратегии предприятий;
- образец и потребность в политических действиях.

1. Во-первых, развитие женской занятости в Германии можно охарактеризовать следующим образом. Увеличилось число работающих женщин (на 66%), однако это происходит в ситуации стагнации так называемой «полной занятости» (свыше 35 рабочих часов в неделю). Женщины все чаще включаются в неполную занятость, подработка, но одновременно заметнее становится разница во времени труда между женщинами и мужчинами. Работодатели охотнее принимают на работу женщин на сокращенный рабочий день или рабочее место на 30-34 рабочих часа. При этом мнения женщин и мужчин о желаемом рабочем времени мало чем различаются. Существующие объемы рабочего времени женщин и мужчин не соответствуют их предпочтениям.

Во-вторых, в области развития профессиональной карьеры женщины, с одной стороны, как и раньше, в меньшей степени претендуют на ключевые позиции: только 28% всех руководящих постов в немецком хозяйстве занимают женщины. Среди членов советов директоров в ТОП-200 немецких компаний насчитывается только 10,6% женщин, руководителями организаций из них являются только 3,2% женщин (данные за 2010 г.). С другой стороны, перебои в трудовой карьере, нестабильный труд неблагоприятно отражаются на жизни женщин, например, в области оплаты труда, карьерных шансах, в пенсионном обеспечении.

В-третьих, в вопросе о равенстве в вознаграждении и низких зарплатах положение следующее. Степень неравенства в вознаграждении мужчин и женщин примерно на 23% выше, чем в среднем по ЕС (18%), более двух третей всех работников, получающих в Германии низкую зарплату (< 2/3 среднестатистических доходов), являются женщинами, а

разрыв в вознаграждении женщин и мужчин достигает в течение трудовой жизни 58% (возрасты 1936–55 гг. рождения).

2. В Германии отмечается тенденция ретрадиционализации моделей занятости в семье в течение жизни.

Табл. 1

Образцы распределения трудовых и домашних обязанностей в семейных парах с увеличением длительности брака (в %)

Модели занятости в семье	Длительность брака		
	После заключения брака	После 6 лет совместной жизни	После 14 лет совместной жизни
Подчеркнуто традиционная*	25,5	55,0	60,2
Традиционная**	29,0	25,7	24,9
Партнерская	43,6	18,6	13,7
Не традиционная	1,7	0,7	0,8
Подчеркнуто не традиционная	0,2	0,4	0,4
Пары (n=...)	1423	773	518

* Подчеркнуто традиционная: зарабатывает только мужчина

** Традиционная: мужчина – кормилец, женский заработок дополняет семейный бюджет

3. Результаты исследований в области женских трудовых и жизненных биографий на примере ситуации в старости показывают, что женщины в старости намного чаще полагаются на государственное базовое обеспечение по старости.

Их пенсионные доходы сокращаются пропорционально числу детей в семье.

Замужние женщины получают наименьшие индивидуальные доходы, однако относятся к самым высоким доходам домохозяйств. Разведенные женщины имеют самые низкие среднестатистические доходы.

Диаграмма 1

Нуждаемость в старости: распределение и частота по полу

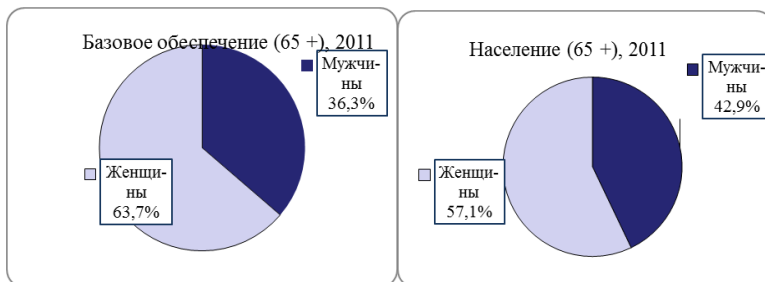

Табл. 2

Общие полученные (нетто) доходы женщин 65 +

Дети	Индивидуальные ежемесячные полученные доходы в евро
0	1283
1	1084
2	997
3	941
4 или больше	878

Табл. 3

Женщины в 65 лет и после: доходы во взаимосвязи с семейным положением

	Индивидуальные полученные (нетто) доходы в евро	Эквивалентный вес нетто-доходов домохозяйств в евро
Замужние	686	1585
Вдовы	1334	1334
Разведенные/ Разъехавшиеся	1098	1098
Одинокие	1263	1263

4. Анализ контекста занятости женщин показывает, что на женскую трудовую биографию влияют следующие факторы: институциональные условия, рынок труда, структуры/культура организаций, стереотипы управления, феномен неуверенности в себе, в своих силах и трудовых/профессиональных возможностях.

5. Причинами вышеописанного положения женщин являются, во-первых, ошибочные политические решения. Анализ современной политики в отношении женщин показывает, что мерам в области равенства и семьи в Германии, сфокусированным на перспективах жизни людей, несмотря на значительный прогресс в последние годы, не хватает целостности, и что интервенции в различные фазы жизни не связаны между собой. Недостаток целостности приводит к тому, что одновременно устанавливаются стимулы для абсолютно разных моделей жизни или что часто поддержка в одной фазе жизни не пролонгирована в последующих, или она указывает на другое направление. Эти изломы, которые затрагивают, прежде всего, женщин, можно найти в Германии во многих государственных и региональных программах. Примерами несоответствий в политике помощи в трудовой жизни в Германии являются:

- развитие дошкольного образования. Как мера снижения социального неравенства она одновременно мотивирует женщин занимать рабочие места в низкооплачиваемой занятости;

- женщины получают лучшее образование, чем раньше. Одновременно в политике существуют стимулы для неиспользования этого потенциала в системе занятости;

- политические меры, стимулирующие выбор модели одного/дополнительно зарабатывающего в семье для семейных пар, в которых партнер получает хороший трудовой доход. Однако во время безработицы действует правило в рамках социального законодательства (SGB II) о полной трудовой деятельности всех трудоспособных в нуждающемся домохозяйстве.

6. Перспективы трудовой жизни для занятых и предприятий в контексте важнейших современных трендов выглядят следующим образом. Происходят значительные изменения различных жизненных циклов: биологического, семейного, профессионального, организационного и жизненного цикла в труде. Соответственно усиливается конфликт между прошлыми и новыми потребностями, возникает необходимость синхронизации и диахронизации взаимодействия в деятельности предприятий и работников. Современная же практика

показывает, что перспективы предприятий с ориентацией на «трудовую жизнь работников» не обязательно соответствуют трудовым и жизненным перспективам занятых. Результаты исследования предприятий показывают, что им свойственно применять различные стратегии в отношении разных групп занятых. Среди основных стратегий выделяются:

- «маркетизация» (из-за прекаризации трудовых отношений по «флексибильным краям» занятости у предприятий нет особой заинтересованности в отношении занятых);

- «обсуждаемая стабильность» (в этом случае применяются тактики изменения должностных обязанностей сотрудников, формируется переговорный процесс согласований для (бывшего) основного ядра занятых при переходе с государственного на договорной (тарифный, профсоюзный) уровень, уровень предприятий и индивидуальный уровень, могут заключаться так называемые «пакты о занятости»);

- «совместное управление» (используется для объединений высококвалифицированных лиц или «ключевых игроков» (high potentials, key players) с высокими доходами, привлекательными услугами и долгосрочным развитием персонала при высоких ожиданиях предприятий целеустремленности и работоспособности работников).

Различные стратегии имеют различные последствия для (будущей) трудовой и семейной жизни соответствующих групп, и, как правило, это все усиливающаяся дифференциации/разрывы.

7. Немецкая федеральная комиссия по воссозданию равенства в занятости мужчин и женщин рекомендует добиваться в стране следующих мер в политических действиях:

- создание общества с возможностями выбора;
- хорошее образование, которое защищает занятость мужчин и женщин;

- возможность самостоятельно заботиться о средствах на жизнь;

- индивидуальная социальная защита трудящихся и их семей;

- равная оценка и оплата профессиональных квалификаций и компетенций женщин и мужчин;

- совместимость профессионального труда и семьи посредством создания надлежащей инфраструктуры попечения над детьми, школьного воспитания и заботы, а также гибкого времени труда на предприятиях;

- гибкость трудовых биографий посредством способов приостановки трудовой деятельности или временного и возвратного сокращения рабочего времени;

- общество гарантирует воспитание и попечительство над детьми, уход за больными и повышение квалификации;
- общество стимулирует использование данных возможностей в общественно значимых сферах как женщинами, так и мужчинами, в том числе и для исключения проблем в пенсионном обеспечении.

Литература

1. Ergänztender Bericht der Bundesregierung zum Rentenversicherungsbericht 2012 gemäß § 154 Abs. 2 SGB VI (Alterssicherungsbericht 2012) //Bundesministerium für Arbeit und Soziales. Режим доступа: http://www.bmas.de/SharedDocs/Downloads/DE/PDF-Gesetze/alterssicherungsbericht_2012 Дата входа: 17.05.2013
2. BMFSJ (Deutschland): Neue Wege – Gleiche Chancen Gleichstellung von Frauen und Männern im Lebensverlauf //Erster Gleichstellungsbericht Stellungnahme der Bundesregierung zum Gutachten der Sachverständigenkommission. Zugeleitet mit Schreiben des Bundesministeriums für Familie, Senioren, Frauen und Jugend vom 15. Juni 2011. Режим доступа: <http://www.bmfsfj.de> Дата входа: 17.05.2013
3. Klammer, U. Gleichstellung in der Lebensverlaufsperspektive //Sachverständigenbericht. Ministerium für Integration, Familie, Kinder, Jugend und Frauen Tagung am 10. Mai 2011 in Mainz. Режим доступа: http://www.boeckler.de/pdf/v_2011_09_29_klammer.pdf Дата входа: 17.05.2013
4. Klammer, U. Impulsreferat „Work-Life-Balance“ oder „Work-Family-Conflict“? Familienfreundlichkeit zwischen betrieblichen Angeboten und gelebter Unternehmenskultur // Podiumsdiskussion des Fortschrittsforums am Donnerstag, 1. November 2012, Hannover. Режим доступа: http://www.fes.de/niedersachsen/common/pdf/doku/2012/11_01_Fortschrittsforum_Vortrag_Klammer.pdf Дата входа: 17.05.2013

Примечание

1. 2011 sind im Sachverständigen Gutachten zum 1. Gleichstellungsbericht (BMFSFJ 2011) unter dem Fokus „Gleichstellung aus der Lebensverlaufsperspektive“ die Strukturmodelle der Lebensläufe von Frauen und Männern in Deutschland analysiert und darauf aufbauend politische Empfehlungen entwickelt worden. Näher Informationen zu dem Bericht, der von einer durch die Regierung eingesetzten Sachverständigenkommission unter Vorsitz der Verfasserin dieses Beitrags erarbeitet wurde, finden sich unter www.gleichstellungsbericht.de.

Перевод презентации доклада и адаптация текста для сборника – д.соц.н., профессор кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского Сизова И.Л.

**ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЕВРОПЕ.
НАЧАЛО УНИВЕРСИТЕТОВ**
THE HUMANITIES IN EUROPE. ORIGIN OF UNIVERSITIES

В.Б. Романовская
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
V.B. Romanovskaya
N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

Рассматривается история возникновения первых юридических школ (университетов) в Европе.

In this article the history of the first law schools (universities) in Europe is considered.

Ключевые слова: Университет, юриспруденция, римское право, каноническое право, образование

Keywords: University, jurisprudence, Roman Law, Canon Law, education.

Двенадцатый век вошел в историю Европы как век, положивший начало светскому университетскому образованию. До одиннадцатого века включительно образование в европейских городах давалось исключительно при монастырских заведениях, находящихся под контролем епископов. Именно монастыри являлись сосредоточием знаний, библиотек, рукописей, архивов и умов, способных развивать и передавать эти знания.

Каким-то образом, в итальянском городе Болонье некий Ирнерий, большой знаток римского права, был приглашен группой студентов для обучения и разъяснения текстов римских юристов, написанных за тысячу лет ранее и вновь открытых в Италии. Начало его преподавательской деятельности совпало с резко возросшим интересом к трудам античных юристов. Студенты со всей Европы стекались в Болонью, чтобы получить юридическое образование, ставшее весьма престижным и перспективным. Первые учебные заведения мало напоминали современные как по форме, так и по содержанию. Юридическая школа в Болонье, ставшая прообразом университета, была основана с целью глубокого изучения текста Свода гражданского права, составленного юристами императора Юстиниана в шестом веке в Византии, Восточной Римской империи.

Интересно, что обучение праву для Ирнерия и его учеников было делом частным, не имеющим поддержки со стороны государства. В

принципе, в то время любой человек мог основать свой бизнес как преподаватель. Для этого надо было иметь помещение, подходящее для занятий, столы и стулья. Объявив периодичность занятий, темы лекций и цену, ему оставалось только дожидаться желающих посещать его занятия. Очевидно, чтобы такие желающие появились, необходимо было иметь авторитет и влияние в определенных кругах, что позволило бы иметь достаточное количество студентов, приносящих доход.

Ирнерий имел такой авторитет и влиятельных друзей, распространивших информацию о его способностях и обеспечивших ему первый набор. Учитывая его действительно высокую компетенцию как преподавателя, проблем с набором студентов в его юридической школе не было. Преподаватель права мог также зарабатывать на сдаче внаем комнат в своем доме для студентов, аренду книг, давать юридические консультации и даже консультировать судей. Но это еще не было университетом.

Началом университетскому строительству послужило то обстоятельство, что студенты приезжали из разных стран, и для обеспечения взаимной поддержки создавали землячества по этническому и географическому признаку. Для защиты своих интересов от множества опасностей, поджидающих их на чужбине, студенческие землячества объединились в ассоциацию – *universitas*. Интересно, что преподаватели первоначально не входили в число членов этой ассоциации. Студенты Болоньи вольны были нанять любого преподавателя, заключив с ним договор. Студенческая гильдия получила от города Болоньи Хартию, закрепляющую право *universitas* не только нанимать профессоров, но и определять читаемые курсы, величину каникул, лекционное время, регулировать аренду жилья, книг и т.д. Преподаватель получал оплату непосредственно от студентов.

Профессура, в свою очередь, тоже создала ассоциацию, которая имела право и принимать экзамен на докторскую степень, что давало право быть членом гильдии профессоров. Так профессорская ассоциация регулировала количество своих членов, не допуская большой конкуренции. Однако, именно в Болоньи, студенческая ассоциация имела куда больше прав и возможностей, чем профессорская. Если профессор не удовлетворял требованиям к качеству занятий, дисциплине труда и не выполнял своих обязанностей, студенты могли бойкотировать его лекции и не платить. В Болоньи студенческий совет выбирал Ректора, который должен был соответствовать определенным требованиям, он наделялся правами, в частности -присваивать степень бакалавра успешным выпускникам. Подобное соотношение сил между двумя ассоциаци-

ями была явно в пользу студенческой *universitas*. Объяснялось это исключительно экономическими соображениями. Студенты, будучи детьми богатых родителей, везли в город немалые деньги. Они арендовали у горожан жилье, покупали продукты, учебные принадлежности, посещали разные заведения, лавочки, кабаки, короче говоря, представляли большую ценность для местных жителей. Город был заинтересован, чтоб студенты нанимали преподавателей и приглашали их в Болонью.

Опыт Болонской школы был перенесен в другие европейские города, где изучалось римское право, в частности, Падую, Пизу, Монпелье, Орлеан, Париж, Вену, Краков, в следующем столетии – Оксфорд и Кембридж [1]. Однако соотношение сил между студенческой и преподавательской ассоциациями изменилось в пользу последней. Этому феномену находится экономическое объяснение. Города, заинтересованные в закреплении хороших профессоров, а соответственно, и студентов с их деньгами, стали заключать договоры с преподавателями. Суть этих договоров сводилась к следующему: город платит профессору, а он гарантирует преподавание только в этом городе и нигде больше. Сроки могли устанавливаться разные, так же, как и размер оплаты. Закрепив профессора, город получал стабильные доходы от пребывания студентов.

Можно ли назвать юридическую школу с ее студенческим *universitas* первым европейским университетом? С большой натяжкой, но можно. Это было высшее учебное заведение, поскольку туда приезжали студенты, уже имевшие гуманитарное образование, полученное в монастырской или кафедральной (при епископе) школе. А в программу таких школ входило изучение грамматики, риторики, логики, диалектики, музыки, геометрии, произведений отцов церкви, работ Аристотеля, Платона, Цицерона и пр. Этот комплекс знаний именовался «свободные искусства». В него не входили право, медицина, теология. Эти знания надо было получать отдельно, только после освоения «свободных искусств». Таким образом, если применить современную терминологию и предположить, что монастырские школы давали среднее образование, то юридическая школа в Болоньи завершала гуманитарное высшее.

Образно говоря, начало гуманитарной интеллигенции в Европе было положено в период Высокого средневековья, и ключевую роль в этом процессе сыграли университеты.

Литература

1. Rashdall H. The Universities of Europe in the Middle Ages. Oxford. 1936. P. 87.

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
THE SOCIO-POLITICAL DIMENSION
OF INNOVATION DEVELOPMENT**

М.И. Рыхтик

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

M.I. Ryhtik

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Материал подготовлен в рамках проекта, поддержанного грантом РГНФ 11-03-00069а, номер государственной регистрации 01201172132 от 27.07.2011

На протяжении истории Российского государства неоднократно предпринимались попытки инновационных преобразований. Однако часто они не достигали поставленной цели и приводили к непредсказуемому, иногда противоположному, результату, ибо осуществлялись без учета политических факторов.

Изучение инновационного процесса – относительно новая тема для отечественной историографии, где в данный момент происходит накопление фактов и знаний по этой проблематике. Очевидно, что развитие новых технологий приводит к появлению новых возможностей для общества, но одновременно создает новые риски.

Своевременность данной проблематики подтверждается повышенным вниманием к проблемам управления инновационной сферой. Политические лидеры, эксперты и аналитики довольно часто обращаются к вопросам совершенствования воздействия власти на инновационную деятельность. Именно в решении вопросов, связанных с инновационным переоснащением российской экономики, эксперты видят реальную возможность для России выдвинуться в число передовых стран мира. Термин «инновация» происходит от латинского «innovato», что означает «обновление» или «улучшение». Инновации прочно вошли в современный лексикон, приобрели манипулятивный и даже мифологический характер. Инновационными стали провозглашаться все программы, проекты, технологии, имеющие характер изменений, новизны. Некорректность использования данного понятия требует упорядочения содержательной стороны и уточнения определения по современным словарям.

Часто можно встретить определение инновации как внедренное новшество, обладающее высокой эффективностью и являющееся ко-

нечным результатом интеллектуальной деятельности человека. Интерес к инновационному развитию экономики повлек повышение внимания к управленческим процессам в этой сфере, что делает постановку вопросов политического характера наиболее своевременной и востребованной.

Инновационный проект и социально-политические риски тесно взаимосвязаны: с развитием технологий и инноваций возникают новые риски. В обществе начинаются активные дискуссии о том, как технологии могут повлиять на здоровье людей, на окружающую среду, на общество. Технологии меняются, риски тоже, но вопрос, который подлежит обсуждению, сохраняется: насколько это опасно для человека? Как сохранить стабильность системы в целом? А это уже вопросы, имеющие отношение к власти, а значит – политические.

В связи с этим совершенно справедливым является вопрос, от каких факторов зависит успех преобразований и без чего рассчитывать на положительный результат не приходится? Что должен включать в себя инновационный проект?

Эксперты выделяют много факторов, способствующих модернизации: научно-теоретическое обеспечение, кадровое, идеологическое. В условиях многонациональной страны особое значение приобретает *социальное обеспечение* в более широком смысле, то есть прочная социальная база, оказывающая всемерную поддержку проводимых реформ и готовая сознательно идти до конца, невзирая на временные трудности, неизбежные в условиях перемен. Отсутствие активных социальных групп, мотивированных модернизацией, приводит к кризисным явлениям, обостряющимся при неверном решении национальных вопросов.

Особенность управления в инновационной сфере связана с необходимостью более активного подключения других участников политического процесса: институтов гражданского общества, предпринимательских структур, институтов образования. Таким следующим фактором можно считать сбалансированный *многосубъектный характер управления*. Важнейшая роль в системе взаимодействия государства и общества в процессе модернизации должна принадлежать институтам гражданского общества. Их функция – контроль за государством, бизнесом и наукой, в том числе и через механизмы этического контроля. Это обеспечивается приданием новых функций уже существующим социальным институтам, так и формированием новых общественных движений, социальных учреждений.

Этический фактор приобретает особое значение. Пристальное внимание следует обратить на изучение тех ценностей и идеалов, которые будут определять содержание «новой» цивилизации, появляющейся на базе новых технологий. Для этого потребуется проанализировать социально-политические последствия внедрения продуктов и услуг, выполненных с использованием новых технологий (Nano, bio, info, cogno) изучить опыт, практику и стратегии США, Японии, Германии, Англии, Франции, Швеции, Швейцарии, Канады, Австралии, Кореи, Сингапура и других стран, внедряющих программы поддержки инновационного развития. Разработать максимально эффективную систему информационного сотрудничества всех участников модернизационного процесса. Разработать практические рекомендации по управлению рисками на локальном, государственном и глобальном уровнях, связанных с модернизацией.

Пример – возникновение и развитие биоэтики, что по справедливому замечанию А. Иванюшкина, является ярким событием не только истории науки, но и в истории общества и государства. Ведущие международные институты и общественные организации: Организация Объединённых Наций (ООН), ЮНЕСКО, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Совет Европы и др. В 1997 г. Совет Европы принял Конвенцию по биоэтике, к которой на сегодняшний день присоединилось большинство европейских государств.

Ведущие эксперты по биоэтике считают, что её развитие как социального института нашло выражение в формировании системы этических комитетов как в системе здравоохранения, так и в научно-исследовательских и образовательных институтах. Это стало возможным благодаря осознанию того факта, что развитие биомедицинских технологий способствует не только прогрессу здравоохранения, но и несёт новые риски.

Созданные этические комиссии стали социальным механизмом не только защиты жизни человека, но и субъектом управления инновационной деятельности. В России мы находимся в самом начале этого пути, который в США, например, занял почти 10 лет. После продолжительных дебатов в 1960-е годы в Конгрессе США были выработаны принципы Качественной клинической практики (GCP – Good Clinical practice), обеспечивающей строгий научный контроль в процессе создания новых лекарств. Таким образом, GCP должна создать условия для разработки и появления на рынке безопасных и эффективных лекарственных препаратов. Однако в стороне оставался вопрос о безопасно-

сти человека (добровольца или пациента) в момент испытания препарата. Задача была решена, чему способствовало три фактора, связанных с развитием институтов гражданского общества в США.

В этой связи особую роль начинает играть образование вообще и высшая школа, в частности. Неотъемлемой частью образования в современной высшей школе должна стать её гуманитаризация, что бы готовить специалистов, способных творить в условиях интегрированного инновационного пространства. Инновационные процессы, определяющие основные пути развития высшей школы в мире, требует качественно новых подходов к определению приоритетов образования. Инновации требуют новых инвестиций как в естественнонаучные, так и гуманитарные науки.

Современное образование переживает трудное время. В краткосрочной перспективе фактор информационного общества будет существенным образом влиять на образование. Как отмечают эксперты, кардинальным образом этот фактор скажется именно на социально-гуманитарной сфере (в меньшей степени в направлениях «юриспруденция» и «международные отношения»). Переход от индустриальной экономики к знаниевой экономике требует новых компетенций от людей. Мировая экономика переживает период неопределенности, это значит, что заранее нельзя сказать, какие инструментальные компетенции окажутся ключевыми. Существующая система образования ориентирована на индустриальную систему производства, на воспроизводство специалистов (Я.Коменский). В новой знаниевой экономике ставка делается на развитие когнитивных (исследовательских, аналитических, познавательных и проектных) компетенций, более универсальных и гибких. Университет в сфере социально-гуманитарных наук не будет давать конкретной профессии, ибо нет четкого понимания о «карте востребованности» специалистов через 10-15 лет. Исходя из этого, некоторые эксперты предлагают новую карту структуры когнитивных компетенций, состоящую из наборов навыков: (1) поиска и постановки задач; (2) поиска и сбора информации; (3) анализа информации; (4) логических рассуждений; (5) синтеза (сборки) решений; (6) упаковки решений (нейминг, брендинг); (7) компетенций проектирования; (8) компетенций групповой интеллектуальной деятельности. Три основные группы компетенций в социально-гуманитарном образовании: аналитические, системные и коммуникационные. Аналитические получают в процессе обучения. Коммуникационные – в процессе выполнения заданий и самостоятельной работы. Системные – через внеучебную деятельность (включая проектную и кафедральную работу).

Под влиянием различных факторов возможны разные сценарии развития научно-технического прогресса. П.Сорокин в свое время писал, что однонаправленного развития не существует, а есть лишь факторы колебаний – их и нужно изучать, не уповая на постоянное однонаправленное движение. Как справедливо отметил российский исследователь В.А. Ковалев, «желание воспользоваться принципиально новыми технологиями для выхода из нашего социально-политического тупика – это «и хочется, и колется, и элита не дает». Но искушение очень велико».

Эксперты предлагают выделять ряд индикаторов, которые можно использовать для оценки эффективности управления инновациями:

- наличие политической воли, отражающей приверженность властей страны к поддержке предпринимательства, его конкурентоспособности, основанной на развитии и применении инновационных технологий;

- наличие социально-экономической структуры, а именно институтов, способных поддерживать человеческие и организационные ресурсы, необходимые для функционирования основанной на современной технологической базе экономики.

Эффективность управления инновационной деятельностью, в результате которой формируется среда, производящая знания внутри национального государства, определяется способностью науки (научного сообщества) обеспечивать качество получаемых знаний мирового уровня. Важнейшим критерием инновационного характера науки являются устойчивые и активные связи с международным научным сообществом. Особую роль здесь играет ориентация определённой части исследовательской среды на коммерциализацию знаний. Однако, известно, что большинство ученых и других представителей интеллектуального труда достаточно далеки от бизнеса. Поэтому задача государства должна заключаться в том, чтобы, не ломая их фундаментальную мотивацию, тем не менее стимулировать исследовательскую среду на производство инноваций.

Таким образом, общий концептуальный подход к управлению рисками в условиях инноваций, должен заключаться в анализе основных факторов воздействия новых технологий на социум; разработке мер, уменьшающих ущерб от воздействия негативных факторов, в том числе до конца неучтённых рисков, непредвиденных обстоятельств; реализации такой системы адаптирования населения к рискам, при помощи которой могут быть не только нейтрализованы или компенсированы вероятные негативные последствия, но и максимально использованы шансы для обеспечения высокого уровня безопасности человека, государства и

человечества. Ключевая роль в этом процесс отводится образованию и гуманитарному знанию, которые сформируют новые ориентиры для развития общества.

Литература

1. Азгальдов Г. Г., Костин А. В. Интеллектуальная собственность, инновации и квалиметрия // *Экономические стратегии*, 2008. № 2(60). С.162–164.
2. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М.: «Едиториал УРСС», 2010. – <http://www.bibliotekar.ru/gavrov-4/index.htm>
3. Гронский В.А., Урусов Н.В. «Инновационная политика в условиях глобализации»// *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. № 6. 2012.
4. Дынкин А.А. Место России в мировом технологическом пространстве. Национальная инновационная система. ВК ЗАО “Экспоцентр”, 2003.
5. Иванова Н.И. Инновационная система России в глобальном контексте // *Наука и коммерциализация технологий*, Ras-stc.ru, 20.07.2005. http://www.innovbusiness.ru/content/document_r_A081A687-267E-40BE-AFF0-0B7322B9A710.html
6. Иванюшкин А.Я. Биомедицинская этика. – М.: Авторская академия; товарищество научных изданий КМК, 2010. – 270 с.
7. Крутских А., Зиновьева Е., Бирюков А. Инновационные направления современных международных отношений. М.: Аспект Пресс, 2010.С. 296.
8. Портер М. Конкурентное преимущество. Как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М.: Альпина Бизнес Букс 2005, С. 654.
9. Рыхтик М.И., Симонов А.Л. Мультикультурализм и проблема взаимопонимания: что нужно делать? // *Работа с мусульманской молодежью в образовательных учреждениях и религиозных объединениях в России и за рубежом*. М.: . М.- Изд-во Московского исламского университета, 2012. – 140 с. 2012. С. 76-81.
10. Рыхтик М.И., Корсунская Е.В. «Национальная инновационная система США» Американистика: актуальная подходы в современных исследованиях: межвуз. Сб. науч. Тр. Вып. 4: памяти В.А. Коленеко/ под ред. Т.В. Алентьевой, М.А. Филимоновой. – Курск: Курск гос. ун-т, 2012. С. 274-287.
11. Рыхтик М. И., Квашнин Д.А. Социально-политические аспекты био- и нано- революции: новые задачи по управлению рисками // *Евро-атлантическое пространство безопасности: концептуальное и региональное разнообразие*. Сборник научных статей. Нижний Новгород, 2008. С. 62–72.
12. Федоров В. «Модернизация должна стать модной» // <http://www.kreml.org/interview/244858307>

**РОДИТЕЛЬСКОЕ ЯДРО
В СЕМЕЙНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
PARENT NUCLEUS IN FAMILY INTERACTION**

З.Х. Саралиева
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
Z.Kh. Saralievа
Nizhniy Novgorod State University

Анализируется определяющая роль родительского ядра во взаимодействии современной российской семьи.

There given the analysis of the role of parent nucleus in the interactions within modern Russian family.

Ключевые слова: проблемы современной семьи, семейное взаимодействие, родительское ядро.

Key words: the problems of modern family, family interaction, parent nucleus.

В современной социологической литературе категорию «кризис современной семьи» естественным образом применяют и к современному родительству. И это справедливо, потому что проявляющееся и растущее настроение осознанной бездетности (добровольная бездетность может быть лишь вершиной айсберга, в глубине могут корениться экономические, социальные, психологические причины) пока еще не разорвало цепочку брак–родительство, хотя позиции обоих институтов можно трактовать как их старение. Пользуясь идеей Л.Н. Гумилева, можно говорить о том, что исчерпывается пассионарность моногамии со всеми вытекающими последствиями: бегство от брака, родительства вообще и ответственного, в особенности.

Сокращение «времени в пути» во всех видах территориальных перемещений, очевидно, сказывается и на социальном и внутрисемейном взаимодействии. И здесь мы имеем дело с еще одним бегством – от длиннот состояния. Если перечислить хотя бы несколько обязательных компонентов взаимосвязей в семье – забота, любовь, уважение, доверие, помощь, ответственность, научение, совместные переживания, близость – все они требуют времени и прилежания. Давно ушло из семейных практик домашнее чтение, сжимается частота семейных обедов, совместного досуга, семейных советов. Уходит интеграция, не вырабатывается синергия.

На фоне ценностных трансформаций современной семьи главные изменения можно обозначить как отделение семейных форм отношений от брака и родительства от семьи.

Позиция семьи в современной системе ценностей российских граждан в последнее время меняется. В конце 90-х – начале 2000-х гг. при массовых опросах, проводимых в разных регионах, семья постоянно занимала не ниже 3-го – 4-го места. Общероссийское социологическое исследование «Русская мечта: какая она и может ли осуществиться?» (март-апрель 2012 г.) показало, что о хороших детях мечтают 23% респондентов, о хорошей семье – 17–18%. [1]

Существуют различные подходы к типологии родительства, которые в конечном счете укладываются в 3 типа: биологическое, социальное, тот и другой тип в сочетании.

Углубить такой подход можно через характеристики семей: полные–неполные, моногамные–альтернативные и др.

Можно предложить и такую трактовку родительства:

1. Формальное – на основе предписанных представлений о родительских функциях (нормы, традиции, Семейный кодекс).

2. Безответственное (среди прочих проявлений безответственного родительства укажем и рождение больных детей вследствие халатного отношения, прежде всего матери, к вынашиваемому плоду).

3. Ответственное – на совпадении взглядов на брак, семейные роли, ожидания, формы социального контроля, основы и границы взаимодействия (чем больше векторов, тем прочнее семья), ориентация на самостоятельное жизнеобеспечение.

4. Формы замещающего родительства.

5. Нерезидентное родительство.

6. Разделенное родительство.

Родительство можно анализировать и под таким ракурсом:

= атавистический инстинкт размножения;

= вынужденное родительство;

= нежеланное родительство (под давлением обстоятельств, религиозных и/или этнических традиций);

= дети – самоцель, самоутверждение, продолжение рода, передача статуса, собственности;

= «побонный эффект» безответственного или незрелого секса (в т.ч. «маленькие мамы»), девиантного поведения;

= новый ребенок с новым партнером;

= ответственное родительство как потребность (Многообразно в проявлениях: уровень, время проявления (возраст, очередность ребенка), условия реализации, преодоление неблагоприятных условий и барьеров).

Ответственное родительство, на наш взгляд, не биологический, а социальный феномен. Оба супруга должны осознать потребность в детях, созреть до родительства.

Родительское ядро в зависимости от типов семей может быть полным, неполным/монородительским, разделенным, имеет ряд общих и специфических качеств.

Общее: ответственность, функциональность, предупреждение девиантных форм взаимодействия, социальный контроль. *Специфическое:* дополнительные усилия для устранения дефицитов общения и социализации, ресурсности родительского ядра; большее участие социума в семейных формах обеспечения, воспитания, реабилитации.

Разделенные семьи и разделенное родительство официально статистически не улавливаются, выявляются социологически.

Причины и мотивы: = обучение детей в других городах и странах; = долговременные командировки одного из супругов; = интересы бизнеса; = вынужденное трудоустройство/вахтенный способ; = социально-психологическая усталость супругов.

Сроки раздельного существования семьи: 1. Эпизодически. 2. Краткосрочные. 3. Долгосрочные. 4. Постоянно.

Последствия: = могут сохранять функциональность и внутрисемейные благожелательные отношения; = географическая разделенность/удаленность может нарушать функциональность и внутрисемейные связи; = угроза распада; = развод.

Разделенное родительство может наблюдаться и в неразделенных семьях: резкое разграничение ролей и обязанностей между отцом и матерью; «номинальное родительство»; «параллельное родительство»; «бесконтактное родительство»; контрастное отношение к детям; различные установки на цели и формы воспитания; ориентация только на внутрисемейное взаимодействие или на взаимодействие семьи с внешней средой.

Продуктивно рассмотрение современного родительства сквозь призму «концепции развития»: = достижимость целей в соответствии с личным потенциалом родителей и детей; = восхождение от простого к сложному с постоянными замерами на входе-выходе; = адаптация воспитательных приемов к процессу развития; = учет личностной ресурс-

ности и капиталов родителей (физический, социальный, когнитивный, психологического равновесия); = обучаемость и педагогическое саморазвитие родителей; = социальная синхронность и синхронизация: расти вместе с ребенком, учитывая не только общие процессы физической, социальной и когнитивной акселерации, но и индивидуальный рисунок взросления ребенка. Здесь семью могут подстерегать две опасности: «родительская мономания» и раннее сбрасывание родительских функций на плечи самого ребенка под благовидным предлогом формирования его самостоятельности и ответственности поведения; = адекватная оценка ресурсности своих детей в соотношении с социальными нормами и требованиями современного социума к подрастающему поколению.

Мерой успешного развития родительского ядра является его ролевой репертуар. Общество все дальше отходит от старых представлений о роли отца и матери и от позиции пожизненного закрепления этих ролей. Это не отменяет постулатов И. Гофмана о принятии роли, ее закрепления, идентификацией с ролью. Но оставляет пространство для неизбежной модификации ролей по мере развития родительского ядра. Изначально могут быть противоречия в присвоении, освоении и согласовании ролей, проявляться разная степень зрелости ролей у каждого из родителей. Жизнь нередко требует перераспределения ролей. В результате происходит обогащение ролей и, как следствие, возрастание эффективности ответственного родительства. Трения по поводу семейно-ролевого распределения могут поддерживаться и нередко провоцироваться старшим поколением, особенно в ситуации хронологического совпадения начала самого родительства и карьерно-профессионального роста. В этом случае многие семьи обращаются к бабушкам-дедушкам, которые перехватывают функцию родительского ядра, навязывая свое понимание ролевого распределения.

Проблемность современной семьи можно типологизировать по двум основаниям: = «сквозные» проблемы, присущие семье как социальному институту и малой социальной группе во все времена и в разных странах; = специфические, определяемые и национально-социальными условиями, социокультурным кодом сегодняшней России, и идущей из веков российской ментальности, окрашенные поколенческими особенностями и т.д.

Эффект наложения этих двух проблемностей делает многие семьи клиентами социальной работы, социального вспомоществования. Необходимо дифференцировать семьи с обострившимися проблемами и с

проблемами в попытках их разрешения, обретения социальной субъектности. И в том, и в другом случае залог позитивного решения в усилиях и умениях родительского ядра.

Несколько вопросов к дальнейшему размышлению о проблеме.

1. Всегда ли благословенна многодетность? Всегда ли желание иметь еще одного ребенка сочетается с ответственным родительством, понимаемом нами, еще раз подчеркнем, как родительско-детское взаимодействие прежде всего в интересах ребенка, а его воспитание в интересах социума. И не следует ли в этой связи отделять семейную политику от демографической, если в ее приоритетах только количественные характеристики динамики народонаселения?

2. Может ли быть ответственным монородительство? Субъективно, с точки зрения представлений и усилий родителя (сегодня растет число отцов, воспитывающих детей) – да. Но по эффективности и результатам – не так очевидно, потому что со временем могут проявиться у ребенка элементы депривации, дефициты в самооценке, коммуникативных навыках и др.

3. Действительно ли единственный выход из ситуации кризиса семьи и родительства заключается «в возвращении к сложившимся веками идеалами родительского поведения, которые являются наиболее продуктивными для сохранения человеческого потенциала России. Это традиционная и созидательная модели родительства» («в традициях ценностей национальной культуры») [2].

Прежде всего, динамизм XX века (с очень нередкими девиантными проявлениями, подорвавшими и наш генофонд, и ценности национальной культуры) вряд ли оставил нашим поколениям нетронутыми идеалы родительского поведения. Даже если они и сохранились в каком-то виде и объеме, многие из них морально устарели, особенно для подрастающего поколения. Каждое время рождает свои идеалы. Следовательно, не отвергая идеалы прошлого, думать надо о главном в настоящем, привлекая и опыт и идеалы других стран и этносов в нашем глобализирующемся мире. Никакие христианские конфессии сегодня не справляются с задачами расширенного воспроизводства народонаселения, сохранения пожизненного брака, сокращения распада браков (в том числе венчанных), внебрачного родительства, адюльтеров.

4. Может ли замещающее родительское ядро вернуть принятым детям право на обоих родителей? Кто и когда проведет серьезное социологическое исследование замещающих семей?

5. Что представляет собой родительское ядро при суррогатном материнстве? Возникает ли живое чувство любви к ребенку у отца и матери? Какую задачу оно решает, как покрывает дефицит в жизненном сценарии?

6. Возможны ли у нас объявления о базе данных спермы, как в лондонском метро? Каким при этом сформируется родительское ядро?

7. Почему значительная часть родителей современной России страдают синдромом «выталкивания детей» (подчас не научив элементарным навыкам ведения собственной жизни: правилам подростковой гигиены, хозяйственно-бытовым умениям, распоряжения деньгами и т.д.) в благих целях. «Что делать в этом городе?» «В этой стране?», «Нам не удалось, пусть повезет вам!» Ставка на успех, форсирование естественного процесса взросления приводят к эффекту «двойного отчуждения» подростков от родителей и в связи с обычной переориентацией на значимых других, и в совокупности с территориальной распределенностью, ослабляющих эмоциональные семейные связи.

8. Совместимо ли ответственное родительство с наказанием детей? Как отличить и отделить наказание от насилия? Как исключить «повышенный тон» внутрисемейного взаимодействия?

9. Способно ли родительское ядро оградить детей от состояния неблагополучия как самоощущения в отношениях в семье и во взаимодействии с миром внешним, куда выходит ребенок?

Осуществление социологического анализа современной российской семьи логично в двух ракурсах: = что происходит с семьей? = как помочь родителям в реализации их сложнейших функций, в возвращении и проявлении труднейшего на земле дела – таланта родителя.

Литература

1. Горшков М.К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Новые идеи в социологии: Монография / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2013. С. 242.

2. Грицай Л.А. Социальное измерение современного российского родительства // Вестник Института социологии. № 2, апрель 2011. С. 195, 199.

**ГУМАНИТАРНЫЙ ПРОЕКТ: ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАЛАТА
НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**
**HUMANITARIAN PROJECT OF THE PUBLIC CHAMBER
OF NIZHNIY NOVGOROD REGION**

Р.Г. Стронгин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

R.G. Strongin

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Вот уже седьмой год в Нижегородской области работает Общественная палата – общественная организация, созданная для того, чтобы способствовать единению населения, дальнейшему развитию гражданского общества.

Гражданское общество – это сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, независимая от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти, т.е. это те общественные структуры, которые находятся между семьей и властью.

Тема гражданского общества не новая, к ней обращались в своих трудах великие философы, в том числе И. Кант и Г.В.Ф. Гегель.

Иммануил Кант: «Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую вынуждает его природа, – достижение всеобщего правового гражданского общества» («Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане»). Характеризуя гражданское общество, И. Кант отмечал трудности его формирования, ибо там, где присутствует свобода, немедленно рождается антагонизм. Поэтому нужен человек, который на основании закона будет устранять социальные риски: общество «нуждается в господине, который сломил бы его собственную волю и заставил его подчиняться общепризнанной воле, при которой каждый может пользоваться свободой». Кант указывает, что этот человек должен быть справедливым, но в то же время «каждый облеченный властью всегда будет злоупотреблять своей свободой, когда над ним нет никого, кто распорядился бы им в соответствии с законами». Вот почему эта задача самая трудная из всех. Процесс строительства гражданского общества требует накопления опыта и наличия воли для реализации полученных соображений.

В этом трудном строительстве гражданского общества, которое должно поддерживаться властью, находится весь мир, и наше государ-

ство в том числе. Новым российским инструментом развития гражданского общества являются Общественные палаты – *неполитический институт развития гражданского общества*.

Идея создания таких общественных организаций принадлежит президенту Владимиру Владимировичу Путину. Общественная палата формируется в соответствии с законом – федеральным для палаты Российской Федерации и региональным – для Общественных палат в регионах России. Аналогов Общественных палат за рубежом нет. Это совершенно новая организационная форма, новый институт гражданского общества, который есть только в России.

Общественная палата призвана содействовать сотрудничеству представителей общественных объединений, их взаимодействию с органами государственной власти, местного самоуправления *в целях* защиты интересов жителей Нижегородской области, защиты их прав и свобод, обеспечения прав общественных объединений при формировании и реализации государственной политики, осуществления общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти и органов местного самоуправления.

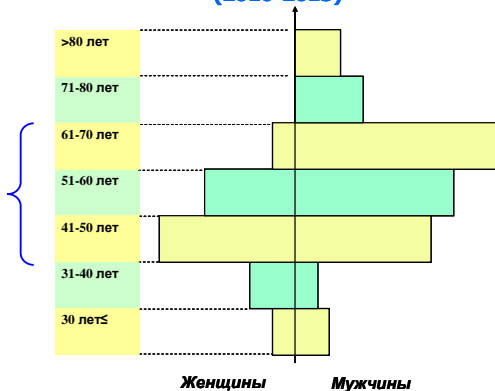
Общественная палата действует на основании Закона об Общественной палате Нижегородской области; Регламента Общественной палаты Нижегородской области; Кодекса этики члена Общественной палаты Нижегородской области; Положения о порядке рассмотрения обращений в Общественную палату Нижегородской области; Положения о порядке проведения общественной экспертизы законопроектов; Всеобщей декларации прав человека (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.). Все эти документы, кроме первого и последнего, разработаны самой палатой.

Нижегородская палата имеет высококвалифицированный, авторитетный состав и широкие связи с некоммерческими организациями региона. Членами палаты не могут быть граждане, работающие в органах исполнительной и законодательной власти. Первых пятнадцать формирует губернатор области. Затем они избирают тайным голосованием пятнадцать человек от общественных организаций и объединений российского или нижегородского уровня. Уже эти тридцать членов палаты избирают 15 представителей муниципальных общественных объединений.

Для осуществления успешной деятельности палаты необходимо, чтобы она была «погружена» в гражданское общество и одновременно сотрудничала с властью региона, имеющей ресурсы. Члены палаты (2-й состав) представляют 26 некоммерческих организаций и входят в 131

общественный совет. В составе палаты восемь кандидатов наук, четыре доктора наук, Герой России и Герой Социалистического Труда, Кавалер 3-х степеней Ордена мужества, академик, член Президиума РАН, ректор вуза, два Заслуженных деятеля науки России, 7 почетных граждан Нижнего Новгорода и Нижегородской области, 5 лауреатов премии Нижнего Новгорода – это люди, уже получившие признание.

Возрастной состав членов палаты (2010-2013)

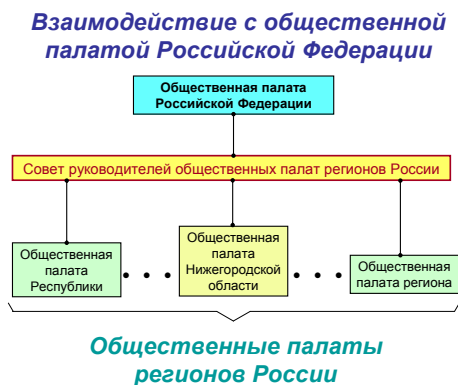

Общественная палата Нижегородской области наладила взаимодействие с властью региона. Успешное взаимодействие с властью играет ключевую роль в обеспечении реализации рекомендаций палаты. У Общественной палаты нет своих денег, заводов, рабочих. Чтобы осуществить то, что считаем нужным сделать, нужно взаимодействовать с органами власти.

Нижегородская власть отличается открытостью. Губернатор с самого начала выделил место представителю палаты в зале заседаний правительства области с микрофоном и экраном и полным комплектом документов. Поэтому мы информированы о том, как областная власть формирует и реализует свои планы и как учитываются рекомендации, которые мы даем в установленном порядке.

Позже нам выделили такое же место в зале заседаний областного Законодательного собрания. Потом мэр города дал нам место в зале заседаний Городской думы. Подписано соглашение о взаимодействии Общественной палаты и прокуратуры области.

Сейчас Общественные палаты созданы примерно в 60 субъектах РФ, в остальных субъектах есть более традиционные структуры, вроде общественных советов. Не везде формирование происходит быстро, в ряде регионов не удается добиться согласия по вопросам формирования палаты. Взаимодействие федеральной и региональных палат, не предусмотренное федеральными и региональными законами, получило практическое развитие в форме учреждения совета руководителей региональных палат на базе федеральной.

Структуру Общественной палаты Нижегородской области составляют шесть *комиссий*: по вопросам развития институтов гражданского общества; по вопросам развития науки образования и культуры; по проблемам экономического развития в условиях глобализации; по вопросам социальной политики и социальной защиты населения; по обеспечению гарантий безопасности, защиты прав и свобод граждан; по проблемам молодежи.

Формы работы палаты Нижегородской области многообразны: пленарные заседания, общественные слушания, заседания Совета палаты, заседания комиссий палаты, деятельность рабочих групп, проведение учебы для представителей НКО, информационная деятельность.

Важной составляющей деятельности Общественной палаты Нижегородской области является *развитие международного сотрудничества*. За рубежом также много некоммерческих организаций. В 2008 году в Нижний Новгород приехала *председатель конференции международных неправительственных организаций Совета Европы Аннелиз Ошгер*. Состоялся межрегиональный круглый стол «Общественные палаты регионов как площадки взаимодействия НКО и власти», на котором обсуждались вопросы повышения эффективности института Общественных палат регионов, взаимодействия российских НКО с государственными органами и органами местного самоуправления.

В обсуждении приняли участие Аннелиз Ошгер – председатель конференции международных неправительственных организаций Совета Европы; Пламен Николов – заместитель главы генерального директората по демократии и политическим проблемам Совета Европы; представители 80 регионов и Общественной палаты России.

Аннелиз Ошгер отметила, что за короткий срок в России возникло много общественных структур.

В 2012 году было подписано *Соглашение о сотрудничестве между Общественной палатой Нижегородской области и Общественной палатой Республики Абхазия* (г. Сухум).

Соглашение подписывали председатель Общественной палаты Нижегородской области Р.Г. Стронгин и секретарь Общественной палаты Республики Абхазия Н.Н. Акаба. Предметом соглашения является двустороннее сотрудничество в целях совершенствования и повышения эффективности деятельности, обмена опытом, содействия развитию институтов гражданского общества, расширения общественных связей. Заключение соглашения исходит из признания Российской Федерацией Республики Абхазия в качестве суверенного и независимого государ-

ства; Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РФ и РА от 17 сентября 2008 года; Соглашения между Правительством Нижегородской области и Правительством РА о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве от 16 октября 2010 года.

23-24 июня 2010 г. два члена Общественной палаты Нижегородской области принимали участие в *Российско-Американском Саммите* по гражданскому обществу в Вашингтоне, приуроченному к встрече президентов России и США.

Тематика работы Общественной палаты Нижегородской области отличается большим разнообразием. По ряду рассмотренных вопросов удалось достигнуть договоренностей, отвечающих интересам жителей области. При этом внимание палаты сконцентрировано в первую очередь на интересах значительных групп населения.

Например, людям не нравится мусорная свалка, которая рядом с их домом, и в одиночку эту проблему не решить. Вот это наш вопрос. Мы рассматриваем и вопросы отдельных людей. Палата не может быть стороной в судебном процессе, но мы можем помочь консультацией.

Пример 1.

Было время, когда половина льготников не могла получить *бесплатные лекарства* из-за неполного финансирования. Это касалось десятков тысяч людей. Мы занимались этим вопросом, ситуация нормализовалась. В результате совместной работы Общественной палаты и органов власти область получает средства на льготников практически в полном объеме. Остались вопросы по ассортименту и по сервису. Мы продолжаем этим заниматься.

Пример 2.

Другой важный вопрос, который поднимала палата – «*О подготовке квалифицированных рабочих кадров для предприятий промышленности*».

Эта тема была инициирована Общественной палатой Нижегородской области; Нижегородской ассоциацией промышленников и предпринимателей; Нижегородской торгово-промышленной палатой; Советом ректоров вузов Нижегородской области.

Новые рабочие места предполагают не человека с кувалдой, а рабочего, который может работать на станке под управлением компьютера. Чтобы стать современным рабочим, надо много всего знать, но для этого не обязательно заканчивать университет. Но и ПТУ таких станков, которые стоят миллион евро, не имеют, поэтому не могут дать необходимых знаний обучающимся.

Мы вышли с инициативой создания ресурсных центров. Нас поддержали промышленные предприятия. Процесс обсуждения был сложный. Отметим некоторые этапы:

- Распоряжение Правительства Нижегородской области № 98-р «О создании рабочей группы по реализации рекомендаций Общественной палаты Нижегородской области по подготовке квалифицированных рабочих кадров для предприятий машиностроения Нижегородской области» (январь 2008).

- Распоряжение Губернатора Нижегородской области №1170-р «Об утверждении плана исполнения рекомендаций Общественной палаты Нижегородской области по подготовке квалифицированных рабочих кадров для предприятий машиностроения Нижегородской области» (июль 2008).

- Постановлением Правительства Нижегородской области №460 утверждена областная целевая программа «Подготовка квалифицированных рабочих кадров для различных отраслей экономики Нижегородской области на 2009–2010 годы» (июль 2008).

- Начата разработка регионального закона «О начальном и среднем профессиональном образовании в Нижегородской области».

Сейчас работает уже 11 ресурсных центров, в которых обучается 25% учащихся ссузов. Эти центры поддерживают конкретные предприятия. Уже есть выпускники, которые начали работать на этих предприятиях. Важный момент – для обучающихся сразу есть рабочие места. В августе 2010 года губернатор Нижегородской области В.П. Шанцев докладывал о результатах этой успешной работы Государственному Совету Российской Федерации. Президент РФ Д.А. Медведев посетил ресурсный центр в городе Арзамасе.

Пример 3.

Учитывая драматическую ситуацию с пожарами, сложившуюся в Нижегородской области летом 2010 г., Общественная палата начала разработку вопроса «*Преодоление последствий стихийных бедствий*». В ноябре 2010 года были проведены общественные слушания «Что было сделано и что можно было сделать в ходе борьбы с пожарами», в которых приняли участие заместитель губернатора В.А. Лебедев, депутат Областного законодательного собрания В.П. Анисимов, и.о. директора департамента лесного хозяйства Ю.Н. Гагарин, начальник ГУ МЧС по области А.А. Шишканов, директор ГУ Нижегородской области «Лесопожарный центр» А.А. Алешин и другие.

В целях экологического и патриотического воспитания молодежи Общественная палата Нижегородской области, Совет ректоров Нижего-

родской области и Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского при поддержке правительства Нижегородской области инициировали проект «Живая Земля».

Проект «Живая Земля» предусматривает всесторонний подход к вопросу восстановления и сохранения природных богатств. В частности, научное направление работы в рамках проекта связано с комплексным изучением пострадавших территорий, выполнением исследований по данным проблемам силами студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей. Реализация научной составляющей проекта предполагает объединение усилий научно-исследовательских кафедр вузов Нижегородской области (экологов, ботаников, зоологов, химиков, почвоведов, социологов и экономистов).

Успешное осуществление проекта связано в значительной степени с активным включением различных институтов гражданского общества, а также с привлечением внимания широкой общественности к проблеме сохранения природных ресурсов Нижегородской области. В работах по восстановлению леса приняли участие сотни студентов-добровольцев из нижегородских вузов.

Пример 4.

В связи со значительным числом случаев гибели людей в открытых водоемах Общественная палата Нижегородской области в 2010 году обратилась к теме «Предупреждение гибели людей на водных объектах в летний период на территории Нижегородской области». Рабочую группу по этому вопросу возглавил В.А. Потапов, пленарное заседание состоялось в августе 2011 года.

В 2010 году зарегистрировано 200 происшествий (в 2009 году – 241 случай). При этом погибли 183 человека (в т.ч. 16 детей и 18 женщин). В 2011 году зарегистрировано 171 происшествие (летом). При этом 162 человека погибли, 24 человека спасены сотрудниками ГИМС и спасателями.

В рассмотрении темы участвовали руководители города и области, представители ГИМС ГУ МЧС РФ по Нижегородской области, Рособнадзора, ГУ МВД РФ, прокуратуры, а также специалисты Нижегородского отделения ВОСВОД, Дзержинска, Балахны, Кстова, эксперты и др.

Проведенная работа выявила основные причины и позволила выработать рекомендации, часть которых была реализована во взаимодействии с органами власти. В частности, во многих районах были официально определены места отдыха на воде, и их надлежащее содержание включено в бюджеты.

Пример 5.

К числу острых проблем относится утилизация отходов. Это проблема Планеты. Сегодня накоплено 48 т отходов на каждого жителя Земли, и каждый день Земля рождает новый 1 млн т. В Нижегородской области ежегодно образуется более 1,5 миллионов тонн бытовых отходов, которые размещаются на 246 свалках. Практически все они не отвечают требованиям законодательства. Общая площадь под свалками – около 600 га. «Игумново» – крупнейшая свалка в Европе.

В декабре 2011 года состоялось заседание Общественной палаты Нижегородской области по вопросу «*О ситуации с мусорными свалками и обращением с отходами на территории Нижегородской области*». Рабочую группу возглавил С.К. Маков.

С докладами на заседании выступили министр экологии и природных ресурсов области Н.В. Небов, заместитель председателя комитета по экологии Областного законодательного собрания Р.В. Кабешев, заместитель прокурора Нижегородской межрайонной природоохранной прокуратуры Е.А. Корнишова, заместитель директора департамента жилья и инженерной инфраструктуры администрации г. Нижнего Новгорода Д.А. Новиков, сопредседатель общественного совета по экологическим проблемам при губернаторе Нижегородской области А.А. Каюмов.

В заседании также приняли участие представители органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, компаний-перевозчиков, перерабатывающих компаний, научного сообщества, общественных объединений.

Обсуждалась реализация действующей областной целевой программы «Развитие системы обращения с отходами производства и потребления в Нижегородской области на 2009 – 2014 гг.»; проблема сбора ртутьсодержащих отходов, а также организация информационно-просветительской работы с населением по вопросам обращения с отходами. Многого удалось добиться. Посетивший область министр природных ресурсов и экологии России Сергей Донской предложил тиражировать в других регионах опыт Нижегородской области в сфере организации системы обращения с отходами. «Считаю, по этим проектам есть чем гордиться», – сделал он вывод после участия в открытии межмуниципального полигона в Городецком районе и оценки возможностей мусоросортировочного комплекса. («Нижегородская Правда», № 10, 31.01.13).

Пример 6.

В октябре 2010 г. Общественная палата вынесла на широкое обсуждение тему «*Вопросы тарифной политики и их влияние на промышлен-*

ное развитие региона и на риски в социальной сфере». В обсуждении принимали участие председатель Областного законодательного собрания В.Н. Лунин, министр экономики Г.В. Баландин, министр ЖКХ и топливно-энергетического комплекса В.В.Ульянов, заместители министров С.А. Курбчиков и И.Г. Сазонов, руководитель службы по тарифам О.Ю. Седов, председатель комитета ОЗС Н.А. Пугин, руководитель регионального УФАС РФ М.Л. Теодорович, генеральный директор НАПП В.Н. Цыбанев, член Общественной палаты РФ В.В. Клочай, советник Полпреда Президента РФ в ПФО В.Н. Евлампиев, председатель НРО «Деловая Россия» П.М. Солодкий и другие специалисты. Итогом стали выработанные рекомендации. Правительству РФ – об ускорении принятия нормативно-правовых актов, обеспечивающих управляемость формирования цен, развитии децентрализованных систем теплоснабжения, прозрачности ценообразования и др. Правительству Нижегородской области – о создании в области саморегулируемых организаций для передачи избыточных функций государства структурам гражданского общества, ускорении программы установки приборов учета, введения тарифов по времени суток и др.

Пример 7.

Комиссия по проблемам экономического развития в 2012 году проработала вопрос *«Повышение финансовой грамотности и доступности банковских услуг для населения средних и малых городов, а также сельских населенных пунктов в Нижегородской области».*

Кредиты, страхование, ипотека, инвестиционные вклады, договоры на услуги и другие финансовые продукты и инструменты являются новыми для населения области.

В центре обсуждения были меры, предоставляемые населению области, а также меры, принимаемые Главным управлением Банка России по Нижегородской области по повышению финансовой грамотности населения; деятельность Регионального отделения Федеральной службы по финансовым рынкам в ПФО по повышению финансовой грамотности населения, меры по защите населения от недобросовестных поставщиков финансовых услуг, работа антимонопольных органов по защите населения от недобросовестных поставщиков финансовых услуг, развитие конкуренции в сфере финансовых услуг.

Пример 8.

К числу проблем, могущих стать источниками значительных социальных рисков, относятся предлагаемые *изменения в налогообложении недвижимого имущества.* Проработка этого вопроса с участием высо-

коквалифицированных экспертов позволила сформировать рекомендации, направленные Правительству РФ. Получен ответ Министерства финансов РФ, из которого следует, что значительная часть предложений палаты признана обоснованной.

Пример 9.

20 декабря 2012 года состоялось итоговое заседание Общественной палаты Нижегородской области по вопросу «*Социологический портрет призывника Нижегородской области*».

Из истории вопроса. 29 сентября 2011 года член Общественной палаты Российской Федерации Александра Васильевна Очирова обратилась к губернатору Нижегородской области В.П. Шанцеву с просьбой рассмотреть возможность участия представителей Нижегородской области в подготовке документа «Социологический портрет призывника Российской Федерации».

4 октября 2011 года заместитель губернатора С.А. Потапов, подчеркнув значимость вопроса, предложил создать региональную рабочую группу с целью изучения региональной специфики подготовки граждан к военной службе и формирования предложений от Нижегородской области в проект документа «Социологический портрет призывника Российской Федерации».

Важность такого анализа определяется тем, что на основании «Социологического портрета призывника РФ» будет формироваться пакет предложений в проект ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 года №53 ФЗ, а также будет вестись работа по выработке социальных стандартов для призывника и контрактника.

8 декабря 2011 г. состоялось первое заседание рабочей группы при Общественной палате Нижегородской области по изучению региональной специфики подготовки граждан к военной службе для составления документа «Социологический портрет призывника Российской Федерации».

Результаты комплексного социологического исследования «Социологический портрет призывника Нижегородской области» были представлены на заседании Общественной палаты 20 декабря 2012 года. Финансировалось исследование из бюджета области.

Руководитель полевого отдела ЗАО «НИСОЦ» Я.В. Ушакова рассказала о результатах социологического исследования. Опрос проводился среди учащихся школ и студентов Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Оказалось, что молодые жители города наиболее катего-

ричны в своих оценках службы в армии. Наибольшие опасения вызывают неуставные отношения, дедовщина, высокий уровень коррупции, сложные бытовые условия, низкий социальный статус служащих в армии.

Пример 10.

Совместное заседание комиссии по проблемам экономического развития в условиях глобализации и Совета Нижегородской ассоциации промышленников и предпринимателей по вопросу «*О предложениях «Научно-производственного кластера «ГК «Росатом» и АФК «Система» по размещению на территории Технопарка «Система – Саров» наукоемких производств нижегородских предприятий»* (2010 г.).

В заседании приняли участие представители Правительства области и ОЗС, администрации г. Саров, руководители ведущих вузов, предприятий и организаций области.

Пример 11.

Актуальная тема «*Преодоление последствий финансово-экономического кризиса в Нижегородской области*» была вынесена на большое пленарное заседание в 2009 году. В обсуждении темы участвовали: губернатор В.П. Шанцев; председатель Областного законодательного собрания В.Н. Лунин; заместители губернатора В.А. Иванов и Г.А. Суворов; генеральный директор Нижегородской ассоциации промышленников и предпринимателей В.Н. Цыбанев; министр экономики Г.В. Баландин; уполномоченный по правам человека В.В. Ольнев; председатель регионального отделения организации «Опора России» Д.П. Бирман; председатель регионального отделения организации «Деловая Россия» П.М. Солодкий; председатель молодежного парламента В.А. Якуба и другие.

Представители Общественной палаты Нижегородской области М.В. Гапонов, Д.Г. Краснов и М.Б. Орлов вошли в состав Координационного совета по регулированию негативных процессов в экономике Нижегородской области при губернаторе.

Рекомендации Общественной палаты Нижегородской области были рассмотрены и учтены Министерством экономического развития Российской Федерации при разработке Программы антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2010 год.

Пример 12.

Общественная палата контролирует реализацию рекомендаций. Например, по теме «*Ситуация с онкологическими заболеваниями на территории Нижегородской области*» рекомендации палаты включены

в целевую программу «Совершенствование онкологической помощи в Нижегородской области на 2011–2016 г.»; проведена реорганизация онкологической службы путем объединения трех диспансеров в единый областной онкологический диспансер (2011 г.). Строится новый корпус на 300 коек для обеспечения комплексного лечения онкологических больных.

Важным направлением деятельности Общественной палаты Нижегородской области является *обучение членов палаты и НКО*. Одно из предложений Президента РФ Д.А. Медведева состояло в том, чтобы передать часть социальных функций общественным организациям на конкурсной основе и финансировать выполнение этих функций. Реализация этого предложения предполагает соответствующую учебу представителей НКО. Общественная палата Нижегородской области принимает участие в организации такой учебы с привлечением экспертов Общественной палаты РФ.

Приведенные примеры работы Общественной палаты Нижегородской области охватывают самые разнообразные сферы жизни населения, но это далеко не вся ее деятельность. *За три последних года работы палаты (с 2010 по 2013) было проведено более 230 мероприятий, отчет о работе палаты составил 315 страниц печатного текста.*

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ETHNIC ISSUES IN HIGHER EDUCATION

Ж.Т. Тощенко
Член-корреспондент РАН
ZH.T. Toshenco
Correspondent member of the RAN

В современном мире образование стало важнейшим показателем эффективности развития любой страны. Оно рассматривается со многих позиций – экономических, политических, духовных, демографических и других граней жизнедеятельности современного общества. По мере повышения его роли и признания его влияния возникают (появляются) новые проблемы, продиктованные логикой и особенностями развития

той страны, которая используют и намерена в дальнейшем использовать и наращивать интеллектуальный потенциал. Однако на этом пути могут возникнуть и возникают новые проблемы, которые деформируют процесс развития образования, снижают его эффективность, осложняют процесс реализации его ресурсов и резервов. Среди них *особое значение приобретают этноконфессиональные проблемы, которые занимают значительное место в нашей стране в силу ее многонациональности и существования многих религий и религиозных групп.*

Анализируя эти проблемы, следует сказать, что тревога за будущее вызвана резким обострением этноконфессиональных отношений, проявившемся во взрыве национализма и клерикализма в самых различных их формах. Их роль в современной России стала настолько значительной, что создана угроза существованию самого государства как единого целого. Ведь общеизвестна роль этих мировоззренческих и политических течений в распаде СССР, которые в той или иной мере непосредственно сохраняют и даже наращивают свое влияние и в постсоветской России на ее современном этапе развития. Это проявляется, *во-первых*, в том, что *этноконфессиональные проблемы создают угрозу существованию российского государства.* Недаром известный «друг» советских и постсоветских реалий З. Бжезинский уповал и продолжает уповать на использование национальных и религиозных противоречий как фактора, прямо влияющего на распад страны. *Во-вторых*, логика развития этноконфессиональных противоречий приводит к тому, что *теряется социальное и духовное единство общества*, вносятся в его существование факторы, которые способствуют не сближению, а противостоянию народов и религий. *В-третьих*, порождается *возможность острых конфликтов, вплоть до вооруженных*, что уже стало реальностью на постсоветском пространстве (карабахский кризис, война между Грузией и Абхазией и Южной Осетией, приднестровский конфликт, кровопролитие в осетино-ингушском противостоянии). В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что возможность таких конфликтов осознается не только в районах противостояния, а в общественном сознании россиян, независимо от места их жительства (см. табл. 1).

Такая ситуация и такое мнение не могло не отразиться и на студенческой аудитории, на содержании и структуре обучения, на общеобразовательной политике, на всём комплексе вопросов, составляющих сущность и среду высшего образования.

Таблица 1

**Возможны ли в настоящее время в России
массовые кровопролитные столкновения на
национальной почве?**

	2002	2007	2006	2009	2011
• Определенно да	12	13	10	3	11
• Скорее, да	37	37	29	20	28
• Скорее, нет	30	32	32	39	39
• Определенно нет	12	8	18	25	11
• Затрудн ответить	10	10	10	11	12

Источник: Общественное мнение – 2012. М., Левада-Центр, 2012

Если рассматривать *сферу управления и обеспечения учебного процесса*, этнический и конфессиональный их контекст составили в первую очередь учебники и учебные пособия, в которых воплотилась официальная политика в сфере высшего образования во многих странах бывшего Советского Союза, теперь независимых государств. Не избежали этих соблазнов и многие республики, входящие в состав России. Во многих из них стали переписывать историю автохтонного (титульного) народа, искать его «древние», исторические истоки, отвергать влияние русской культуры. В некоторых «трудах», рекомендуемых для обучения студентов, фальсифицировалось прошлое, препарировались многие исторические события или просто выдумывались несуществующие события и факты. Так, вдруг обнаруживалось, что украинские казаки служили охраной при фараонах в древнем Египте, то находилось древнее казахское государство. Таких и подобных фактов и «открытий» пруд пруди в современной постсоветской «научной» и учебной мысли. И это не было заблуждением или невольной ошибкой. Это было сознательная политика по формированию националистического мировоззрения как основы самоопределения вновь возникающего государства (или члена Федерации, что было характерно для России) и соответствующей претензии на самостоятельность, независимость или суверенитет.

В жизни высших учебных заведений это отразилось в том, что *учебный процесс стал ориентироваться на внедрение в сознание молодежи уникальности и даже превосходства «своего» народа, его истории,*

«своей культуры», «своего» языка. И общей характеристикой становящихся новых государств, республик стало дистанцирование от русской культуры, русского языка, тем более, что официальная политика России по этим вопросам была непоследовательной, путаной, часто безразличной. Этому в немалой степени в условиях России способствовал так называемый региональный компонент в учебных программах, который нередко использовался для осуществления замаскированных националистических амбиций. При этом надо отметить, что *если в 1990-е годы в основном использовался этнонациональный компонент, но в 2000-е годы в полной мере расцвел и конфессиональный компонент*, когда религиозные притязания на участие в воспитании молодежи стал поддерживать и даже внедряться в учебный процесс. Появились кафедры теологии, а в ряде университетов стала осуществляться подготовка по данной специальности. Крайним случаем такого заигрывания с религией стало образование кафедры теологии в Московском физико-техническом университете, что привело к протестам преподавателей и студентов. Наряду со студенческим юмором («будем расщеплять атомное ядро с божьей помощью»), снесением скульптуры студента у входа в университет и водружением на его место православного креста (ранее у этой скульптуры была надпись «Дорогу осилит идущий», что позволило студенческим активистам после ее исчезновения водрузить свою надпись «Не осилил») стали практиковаться курсы лекций по православной культуре. Зав. кафедрой был утвержден один из иерархов Московского патриархата. И как следствие этого конфликта – более 90 академиков, членов-корреспондентов, докторов наук поставили свои подписи под протестом против такого поведения ректора университета и проводимой им политики по внедрению пропаганды православия в учебный процесс.

Выражением клерикализации высшего образования стал процесс строительства различных культовых учреждений на территории вузов или непосредственно в их помещениях. Причем это в основном касалось православия. Реакцией на такие действия стала реализация точно таких же действий в мусульманских республиках или образование негласных молелен и других актов демонстрации приверженности «своей» религии непосредственно в помещениях или на территории учебных заведений. И в этой ситуации трудно возразить этим актам — почему православию можно, а мусульманам, протестантам, буддистам и другим конфессиям нельзя?

Наступление национализма и клерикализма в жизни студенчества отразилось в появлении и даже институционализации этнических и религиозных групп, которые стали выразителем не только гуманистических национальных ценностей, но и опорой националистических тенденций, консервацией не всегда бесспорных традиций и обычаев, противопоставление другим этническим и конфессиональным группам. Это в не так уж редких случаях привело к отчуждению и даже враждебности по отношению к окружающим их людям, что серьезно осложняло взаимоотношения в студенческой среде. И как самый худший вариант развития таких взаимоотношений – конфликты, стычки, случаи насилия.

Процесс выпячивания этноконфессиональных различий привел к расширению ксенофобии, которая, конечно, никогда не исчезала, но для ее расцвета была создана соответствующая среда, основа, база. (см. табл. 2)

Таблица 2

**Следует ли ограничить проживание
на территории России людей следующих
национальностей?
Результаты ксенофобии**

• ДА:	2004	2005	2006	2007	2000	2010	2011
• Вьетнамцев	39	42	35	34	24	33	21
• Евреев	8	15	18	13	10	6	11
• Выходцев с Кавказа	39	44	50	42	44	38	37
• Китайцев	39	46	41	41	34	36	30
• Из среднеазиатских республик СССР	26	31	31	23	25	20	27
• Украинцев	8	8	7	6	7	6	5
• Цыган	18	30	32	30	29	25	22
• Всех наций, кроме русской	16	17	14	11	11	10	16
• Никого не следует ограничивать	21	20	25	23	19	21	17
• Затруднились ответить	15	5	5	6	8	14	12

Источник: Общественное мнение – 2012. М., Левада-Центр. 2012.

Анализ этой таблицы показывает, что только каждый шестой (17%) обладает, как сказали бы в советское время, полностью сформированным интернациональным характером. Более того, происходит процесс,

пусть небольшого, но уменьшения числа людей, придерживающихся таких убеждений (с 21% в 2004г до 17 % в 2011 г.). На наш взгляд, это достаточно низкий процент, который говорит о широком распространении недоверия, предвзятости, а иногда и этнофобии по отношению к представителям других наций и национальностей. С учетом затруднившихся ответить (12%) можно сказать, что две трети населения поражены теми или иными предубеждениями или являются полностью враждебно настроенными к тем или иным нациям, а иногда и к нескольким. Более того, заставляет задуматься и тот факт, что каждый шестой (16%) выражает крайний русский национализм – неприятие никаких наций. Такая ситуация чревата возможностями развития самых различных конфликтов

Чем объяснить такое положение?

На наш взгляд, это продиктовано, тремя факторами: а) официальной политикой, б) распространением концепций, стимулирующих национализм и клерикализм, в) деятельностью различных квазиобщественных организаций, направленной на обострение отношений между этнонациональными группами.

Что касается официальной политики, то побуждение национализма на территории бывшего Советского Союза началось с так называемой политики перестройки, когда поощрялись националистические амбиции различных деятелей, надевающих на себя лавры представителей народа, а на самом деле рвущихся к власти, желательно неограниченной. Эта тенденция на территории постсоветской России была продолжена Ельциным, провозгласившим: «Берите суверенитета, сколько вам нужно». В результате произошел всплеск политизированного национализма, проявившегося сначала в развале СССР, а затем ослаблении и угрозе развития такого сценария в России. Эта угроза несколько ослабла в 2000-е годы после изъятия из конституций российских республик понятий о суверенитете и унификации законодательства для всех субъектов федерации.

Вместе с тем, власть своими актами и действиями стимулировала развитие клерикализма, который начал наступление на нескольких направлениях. В образование стали внедряться основы православной (мусульманской, буддийской и др.) культуры, стала осуществляться подготовка теологов в светских учебных учреждениях. Обсуждается вопрос о введении степени кандидата богословия через Высшую аттестационную комиссию. Такая политика вызывает недоумение, протест и критику: ведь по Конституции РФ Российская федерация – светское

государство. Попытка всех охватить религиозным просвещением имеет свои границы. Ведь по данным многочисленных социологических исследований, верят в бога 50-55% (не путать с другой цифрой – православными признают себя 75-80%, что практически равно численности славянского населения страны, но это признание носит культурологический характер, так как этим утверждением признается принадлежность к национальной культуре, к своему народу, к его традициям и обычаям). Да и среди тех, кто объявляет себя верующим, от 40 до 50% или вообще не бывают в храме или чрезвычайно редко посещают его. Даже патриарх Кирилл признал, что истинно верующих, воцерквленных, соблюдающих все догмы и каноны церкви, насчитывается не более 11-12% от всей численности населения. Так следует ли в этой ситуации настаивать на ориентации образования на обучение конфессиональным догмам и канонам?

На наш взгляд, ошибочной оказалась и официальная установка на толерантность, в том числе и на этноконфессиональном направлении. По сути, толерантность, будучи калькой с некоторых западных теорий и западноевропейской официальной практики, не принесла ничего позитивного, наоборот, обернулась более глубокими издержками, которые носили латентный характер. В реальной жизни это свелось к терпимости, за которой скрывалось равнодушие, всепрощенчество, отстраненность, дистанцирование. Будучи на деле выражением права на другое мнение и суждение, и даже поведение, толерантность не была по большому счету, ориентирована на межнациональное и межконфессиональное согласие, на уважение к другой позиции. Она не предусматривала желание контактировать, обмениваться, обогащаться другой культурой, приять в своей жизни ценности других этносов и религий, участвовать в жизни других народов и других религий. Толерантность удовлетворялась установкой – раз вы придерживаетесь таких-то взглядов, убеждений, действий, я признаю за вами это право, буду терпеть их, хотя я их не разделяю, могу просто не переносить их, не считать их достойными уважения. Но могу терпеть, могу признать за вами право и в дальнейшем придерживаться своей позиции до тех пор, пока это не коснется моей личной жизни. Такая позиция в конечном счете выливается во всепрощенчество, в безразличие, в равнодушие, что далеко от строительства подлинно гуманистических отношений между людьми разных национальностей и разной конфессиональной принадлежности.

Свой вклад в развитие национализма и клерикализма вносят и некоторые представители научного мира. Причем, иногда это происходит

не столько умышленно, сколько от недостаточной продуманности обобщаемых ими концепций и теорий. Чего, например, стоит возникший в начале 1990-х годов термин «титульные народы», который заменяется иногда понятием «коренные народы»? Правильнее было бы говорить об автохтонных народах, т.е. о тех, кто раньше других пришел на эту территорию, поселился на ней и создал свою национальную культуру или ее основы. Но именно титульность породила в ряде республик России создание преимуществ на участие в управлении, получение образования, проявилась в попытках абсолютизировать значение своего языка и т.п. В этой ситуации возникает вопрос: а сколько надо прожить на данной территории, чтобы считаться титульными? Ведь русские живут, например, в республиках Поволжья уже более 400-500 лет. Поэтому лучше жителей данного народа считать автохтонами, что снимает вопрос о дополнительных или придуманных преимуществах той части населения, которая первая освоила эту землю.

Не меньший «вклад» в деформацию общественного сознания внесла «научная» концепция «интересы нации выше, чем интересы человека» под флагом отстаивания суверенитета, независимости и уникальности народа и его культуры, что приводит к разгулу и нагнетанию националистических страстей, к проповеди исключительности национальной принадлежности, к противопоставлению другим культурам, к игнорированию гуманистических ориентаций личности, к подчинению устремлений человека неким более высшим ценностям, которые абсолютизируются в образе нации. Именно такая установка ведет к созданию оголтелых форм национализма, перерастающего в шовинизм, расизм и фашизм.

Отдельные ученые или претендующие на это звание внесли разлад и при трактовке религиозных учений: от прямой апологетики написанного в Библии, Коране и других священных книгах до оправдания и защиты крайних форм религиозного экстремизма. Это проявилось при трактовке содержания некоторых псевдохристианских учений, что вело к оправданию даже изуверских сект (некоторые были потом официально запрещены законодательством, как и при советской власти). Не меньший натиск выдержало общественное мнение при массивной атаке ваххабизма, который трактовался как безобидное религиозное течение, но имеющее некоторые специфические особенности. К его оправданию приложили руку некоторые исследователи религии, публицисты, часть религиозных деятелей. И лишь когда анализ террористических актов, этноконфессиональных конфликтов выявил истинные причины творцов

этих действий, вплоть до террористических актов, стало ясно, что в реальности представляет собой это учение.

И наконец, деятельность ряда квазиобщественных организаций была направлена на обострение этноконфессиональных отношений. В условиях провозглашенной свободы и демократии в начале 1990-х годов стали возникать многочисленные националистические организации, охватившие в первую очередь молодежь, в том числе и студенческую. Под флагом сохранения национальной самобытности, развития национальной культуры, поддержания своего национального языка ряд этих организаций стал склоняться к политическим требованиям. Студенческая аудитория оказалась самым легким достоянием для этих групп, использовав вечное стремление молодежи к обновлению, к поиску новых форм организации общественной и личной жизни. В 2000-е годы активизировался процесс создания таких же групп, но на конфессиональной основе. Они оказались более организационно сплоченными, более мобильными и готовыми даже к террористическим актам.

В заключение, стоит отметить – анализ этноконфессиональных проблем высшего образования позволяет сделать вывод, что студенческая молодежь, как и все российское общество, расколото. К социально-экономическому расслоению добавился ее раскол и на этнической и конфессиональной основе. Эти различия стали играть значительную роль в жизни молодежи, нередко выходя на первый план, особенно в тех ситуациях, когда молодежь не видела перспективы в решении для себя проблем будущего, достижения материального благополучия, оправдания существующего порядка вещей. Иначе говоря, к традиционному делению социальной структуры общества по профессиональной принадлежности, по экономической дифференциации, по возрастным различиям мощно добавился этнический и религиозный фактор, ставший одним из ведущих мотивов в жизнедеятельности молодежи. Это тем более опасно, что в настоящее время разрушители являются более дееспособной и социально опасной группой, чем создатели, ряды которых раздроблены и находятся, если не в смятении, то представляют собой неорганизованную, слабоструктурированную массу, не способную противостоять атакам и авантюризму национализма и клерикализма.

Литература

Абдулагатов З.М. Современная религиозная ситуация в Дагестане (процессы мусульманского возрождения) // Этнографическое обозрение, 2002, № 6.

Бабкин М.А. Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.) М.: Изд-во Гос. публ. библиотеки России. 2007.

Бажанов В., Учайкин В. Где Бог, а где порог? // Поиск, 2001, 2 марта.

Воронцова Л.М., Филатов С.Б., Фурман Д.Е. Религия в современном массовом сознании // Социол. исслед. 1995. № 11.

Гараджа В.И. Выступление на круглом столе «Философия, культура и образование» // Вопросы философии. 1999. № 3.

Журавский А. Религиозная традиция в условиях кризиса секуляризма // Континент. 2004. №120.

Иванов П. О добрых намерениях //Свободная мысль. 2009. № 9.

Инструктивное письмо всем епархиальным преосвященным №5952 / Разум или вера (Электронный ресурс) – Режим доступа: <http://athtismru.narod.ru/athecism/tpc/direct.htm>

Комаров Е. Клерикалы пошли в атаку на светскую школу / Новые известия, 2002, 10 декабря.

Лебедев С.Д. Две культуры: религия в российском светском образовании на рубеже XX–XXI веков. Белгород, БГУ, 2005.

Левашов В.К. Социополитическая динамика российского общества (2000-2006), М., 2007.

Логинов А.В. Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности. М., 2005.

Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. Реакционный проект для России //Свободная мысль. 2009. № 9. С. 177.

Митрохин Л.Н. Религия и культура. М.: 2000.

Митрохин Н. Клерикализация образования и реакция современного российского общества // Пределы светскости: общественная дискуссия о принципе светскости государства и путях реализации свободы совести /сост.: А. Верховский. М., Центр «Сова», 2003.

Митрохин Н.А. Клерикализация образования в России. М.: ИИФ «СПРОС». 2005.

Мчедлов М.П. Религиоведческие очерки. М., 2005.

Открытое письмо президенту Российской Федерации В.В. Путину // Скепсис, 2007, 23 июля. Электронный ресурс: Режим доступа: http://scepsis.ru/id_1346.html.

Подберезский И.В. (Вне)очередной закат Запада? Будущее религий, будущее цивилизаций // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2.

Проект Россия. М., 2007.

Проект Россия. Кн. 2. Выбор пути М., 2007.

Путями несвободы. Сб. статей. М., 2005.

Религия для школы без оценок и догм // Новые новости, 2010, 1 февраля
Электронный ресурс. Режим доступа: http://inbox.ru/futhority/state/2010/01/29/gyeligiya_v_shkolye.phtml

Синельников С.П. Марксизм и антирелигиозное воспитание в школе // Свободная мысль, 2010, № 4.

Смирнов М.А. Религиозное образование в светской школе //Свободная мысль. 2009. № 8.

Справка о преподавании «Основ православной культуры» в регионах Российской Федерации (Подготовлена научно-методическим центром «Гуманист» и Институтом свободы совести) //Здравый смысл. Осень 2006. № 4.

Тощенко Ж.Т. Теократия: фантом или реальность. М.: Academia, 2007.

Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность М.: РОСПЭЭН. 2003.

Третье тысячелетие. М., 2009.

Юрьев М. Третья империя. Россия, которая должна быть. СПб., 2007.

СЕКЦИИ

СОЦИОЛОГИЯ

ПРОБЛЕМА АГРЕССИИ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) AGGRESSION IN SOCIAL AND HUMANITIES (THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT)

П.В. Агапов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

P.V. Agapov

Lomonosov Moscow State University

Обсуждаются методологические проблемы исследования человеческой агрессии в социально-гуманитарном знании, выделяются основные научные подходы и парадигмы.

In article are discussed the methodological problems in the study of human aggression in social and humanities, scientific approaches and paradigms

Ключевые слова: психоаналитическая традиция, теории агрессии, категория, понятие, концептуализация, научный подход

Keywords: psychoanalytic tradition, theories of aggression, category, concept, conceptualization

Проблема агрессии в истории социологии имеет огромное теоретико-методологическое значение. Современный этап развития человечества требует синтеза старых и разработки новых теоретико-методологических и концептуальных основ исследования агрессии.

Среди причин, которые заставляют современных исследователей-социологов искать новые методологические решения, процесс дальнейшего развития и постоянного приращения конкретно-научных знаний. В последнее время накоплен такой огромный фактический материала в области биологии, этологии, психологии, социологии, антропологии, этнографии, который не умещается в старые теоретико-методологические схемы. Существует объективная необходимость в выработке системного подхода к проблеме агрессии, агрессивности и деструктивности.

История науки существует не только для экспликации идей, но для теоретико-методологического анализа подходов к различным проблемам. Методологические идеи и принципы имеют самое непосредственное отношение к пониманию содержания проблемы и влияют на интерпретацию конечных результатов исследования. Методологические проблемы теории агрессии не получили должного решения, и актуальность их сохраняется и в настоящее время.

В истории исследования проблемы агрессии можно зафиксировать ряд ключевых точек роста (психоаналитическая традиция, социально-психологические теории агрессии, этологии и др.). Творчество З. Фрейда и К. Лоренца инициировали постановку и возможные интерпретации проблемы агрессии в ее современной форме, составило методологическую и концептуальную основу всех последующих разнообразных теорий агрессии. Среди главных недостатков начальных и последующих этапов методологического осмысления и концептуализации агрессии – избыточное внимание какому-либо одному основополагающему фактору (инстинкты, фрустрация, оперантное поведение и т.п.), несущественной конкретике и искусственно заданным ситуациям. В процессе многочисленных исследований формулируется ряд основополагающих теоретических представлений об агрессии, соответствующий категориально-понятийный аппарат. Создание новых методов и формирование категориально-понятийного аппарата позволило приблизить уровень изучения проблемы к требованиям современного научного знания. Большой вклад в исследование агрессии внесли такие зарубежные ученые, как А. Бандура, А. Басс, Л. Берковитц, Р. Джин, Э. Доннерштейн, К. Мойер, Дж.П. Скотт, А. Сторр, С. Фешбек и др.

Наряду с определенными достижениями в изучении проблемы выявился и ряд трудностей методологического характера. Некоторые из этих трудностей были детерминированы спецификой самого предмета познания (человеческой агрессии), имеющего “ценностно-смысловое измерение”. Доминирующие методы традиционного естествознания (наблюдение и эксперимент) не позволяли воссоздавать реальные жизненные ситуации агрессивного поведения. В силу этого исследования, осуществляемые в рамках классической естественнонаучной парадигмы, оказываются не всегда адекватны описываемым актам человеческого агрессивного поведения. Имеются достаточно веские основания полагать, что точность исследований такого рода значительно повышается при учете всего содержания внут-

ренного мира человека: сознательное и бессознательное, смыслы, идеалы и ценности, эмоциональные переживания, внутренние мотивы агрессивных актов, их осмысления и оценки. Естественнонаучная методология должны быть взята в симбиозе с герменевтическими ресурсами познания (методы понимания, интерпретации и др.). Современный этап развития теоретических представлений об агрессии требует от социологии выработки новых теоретико-методологических основ, учитывающих не только социобиологические, этологические, психологические, но и социокультурные факторы. Все это предполагает переосмысление сложившихся ранее социальных и психологических теорий, критику старых доктрин, не способных отвечать методологическим требованиям.

Любые формы социальной агрессии в больших или малых размерах (война, международный терроризм, революция и т.д.) – это сложнейшая совокупность явлений, феномен многоаспектности. Эти явления трудно изучить, понять. Тем более это сложно сделать, когда знания о них даны в идеологических формах, полны различных интерпретаций. Самым насущным при изучении социальной агрессии является вопрос методологии. Без методологии нет науки, нет научного подхода. Методология показывает нам, на каких путях можно обрести истину.

Под современной методологией (от греч. *methodos* – способ познания и *logos* – учение) понимают систему общих принципов науки, а также совокупность методологий, исследовательских приемов. Полипарадигмальный характер социологического знания предполагает использование разных научных принципов, методологий и приемов исследования агрессии в обществе, использование различных парадигм.

Чтобы объяснить и понять структуру агрессии человека, социальной агрессии, агрессивной социальной и политической деятельности, поведение агрессивных систем, нужен целый набор подходов (системный, информационно-кибернетический, синергетический, герменевтический), система понятий, позволяющих сориентироваться в сложном агрессивном мире.

На наш взгляд, в исследовании агрессии человека, социальной агрессии важна герменевтическая методология или герменевтическая методологическая парадигма. В полном объеме проблематика понимания находится в философской герменевтике (М.Хайдеггер, Г. Гадамер, П. Рикёр, Ю. Хабермас и др.). Герменевтика (от греч. *hermeneutikos* – разъясняющий, истолковывающий) – это собирательное имя для обозначения различных подходов, ориентированных

на понимание языка, текстов, символов, социальных, культурных и духовно-психических явлений. Обычно герменевтикой называют искусство и теорию истолкования текстов. Но ее значение значительно шире. Современная герменевтика представляет “опыт осмысления человеческого понимания”. Она – обобщение путей, подступов к пониманию любых “смыслонагруженных” материальных и идеальных структур в отличие от их генетического или причинного объяснения. Человеческий мир изначально “предистолкован”, “герменевтичен”, нуждается в дальнейшем осмыслении, интерпретации, понимании. Политическая реальность, в отличие от физического универсума, не есть нечто независимое от действующего субъекта, человека, от его понимания. Она постоянно создается и воссоздается в социальных и политических действиях, “творится” в языкотворческом процессе, в актах понимания. Если человек что-то не понимает, он выпадает из связей с миром, овеществляется, а неосмысленные им тексты превращаются в мертвые текстуры. Понять что-то – значит осмысленно воспринять это, увидеть человеческий смысл в текстах, в человеческих действиях. Герменевтическая методология, методология понимания весьма важна и необходима для понимания смысла агрессивных действий, агрессивных идеологий, всех аспектов агрессивной деятельности человека.

Литература

1. Берковитц Л. Агрессия: причины, последствия, контроль. – СПб., 2001.
2. Бэрон Р., Рчардсон Д. Агрессия. – СПб., 1997.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Пер с нем. – М., 1988.
4. Герменевтика: история и современность (критические очерки). – М., 1985.
5. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. – М., 1998.
6. Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности. – СПб., 1996.
7. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М., 1994.
8. Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. – СПб., 2002.
9. Aggression: Theoretical and Empirical Reviews. V. 1–2. Theoretical and Methodological Issues /Ed. by R.G. Green & E.I. Donnerstein. Academic Press, 1983.

**БЮРОКРАТИЯ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В XXI ВЕКЕ:
ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СОЦИОЛОГА**
**BUREAUCRACY AND INTELLECTUALS IN THE XXI CENTURY:
VIEWPOINT OF SOCIOLOGIST**

В.П. Бабинцев
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*
V.P. Babintsev
Belgorod State National Research University

Рассматривается перспектива развития субкультурного конфликта бюрократии и интеллигенции как возможная перспектива XXI века. Определяется, какова должна быть позиция социолога в интерпретации и разрешении конфликта.

The article discusses the prospect of subcultural conflict bureaucracy and intelligentsia, as a possible prospect of XXI century. The position of the sociologist in the interpretation and resolution of conflict have been determinate.

Ключевые слова: бюрократия, интеллигенция, конфликт, субкультура.
Keywords: bureaucracy, the intelligentsia, the conflict subculture.

Российская бюрократия в настоящее превратилась в специфическое субкультурное образование, претендующее на превращение в культурный мейнстрим. Не только в рамках государства, но и за его пределами она наиболее полно и последовательно раскрылась как особый ценностно-смысловой комплекс, для которого административные практики являются лишь внешней формой мировоззренческих установок и ориентаций. Очевидно, что в настоящее время государство является всего лишь одним и, безусловно, не единственным из механизмов реализации бюрократической идентичности. Бюрократия и ее субкультура проникают во все «институты» общества.

Субкультура современной российской бюрократии представляет собой ценностный локальный мир чиновников, отличающийся от базовой – «большой», «материнской» – культуры и находящий свое выражение в индивидуальных и коллективных стереотипах поведения и их деятельности, воплощенных в специфических знаково-символических манифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности; подсистемах стилей и стилового поведения; групповых формах культурных стандартов и специфических продуктов духовного производства. При этом субкультурные особенности в гораздо большей

степени, чем социально-статусные факторы, выделяют бюрократию из общей массы населения как надгосударственную корпорацию, своего рода орден.

Субкультурная интенция бюрократии становится откровенно контркультурной по отношению к большей части общества, и в этом чиновники чаще всего не только не видят проблемы, но готовы рассматривать свою контркультурность как естественное состояние, безусловное право и важнейшее профессиональное качество.

В содержательном отношении процесс диффузии бюрократической субкультуры характеризуется распространением комплекса мыслеформ в качестве всеобщих культурных образцов. К ним относятся:

- установка на упрощение (примитивизацию) социальных явлений и процессов. В самой бюрократической среде она имеет существенное оправдание, поскольку эта система управления базируется на комплексе унифицированных практик, а компетентным менеджером становится чаще всего тот, кто лучше других умеет применять такие практики в стандартных ситуациях. Однако за пределами государственного и муниципального управления эффективность унификации и упрощения неоднозначна, а иногда и вредна;

- деформированный корпоративизм. В самой идее корпоративизма (и даже чиновничьего корпоративизма) нет однозначно негативного содержания, поскольку групповая солидарность является одним из условий достижения коллективных целей, защиты профессиональных интересов и самореализации личности. Проблемы возникают тогда, когда: а) корпоративные интересы гипертрофируются; б) их достижение связывается с неправовыми и аморальными способами; в) другие формы корпоративизма рассматриваются в качестве недостаточно легитимных и потенциально опасных. Именно такие представления все более распространяются в чиновничьей среде и транслируются за ее пределы;

- имитационный характер социальных практик. Имитации, как правило, проявляются в искажении социальной определенности, то есть в результате их происходит подмена предметно-смысловой реальности путем конструирования реальности символической, создания видимости, «кажимости». При непосредственном и активном участии бюрократии в настоящее время в обществе складывается своеобразный имитационный консенсус, в рамках которого субъекты управления формируют благоприятный идеологический фон для своих действий, а общественность старается не замечать элиминации смыслов из управленческого процесса.

Поскольку в свое время бюрократии удалось перехватить у российской интеллигенции, во многом по причине слабости последней, инициативу в продуцировании этих мыслеформ, она, фактически, стала монополистом процесса модификации массового сознания. Более того, бюрократия смогла инкорпорировать интеллигенцию в созданную ею «индустрию ложных социальных смыслов». Это стало возможным в результате комбинации ряда факторов.

Во-первых, повсеместное распространение новых информационно-коммуникационных технологий резко снизило возможности распространения корпоративных бюрократических культурных образцов. Во-вторых, на периферии бюрократии сформировалась огромная маргинальная группа «полу-чиновников», которые, с одной стороны, получили, хотя и ограниченный, но доступ к бюрократическим ценностям и смыслам, примерили их на себя. С другой стороны, во многих отношениях сохранили культурные стереотипы небюрократической среды. В эту периферийную группу входят работники государственных учреждений и предприятий, учреждений бюджетной сферы. В социокультурном отношении они представляют своеобразный «гибрид» бюрократии и интеллигенции, нередко заимствующий от обоих слоев далеко не лучшие качества. Наконец, в-третьих, общий идеологический фон в стране в настоящее время, очевидно, стал настолько комплиментарным к бюрократической субкультуре, что ее носители уже более не считают нужным скрывать свои жизненные установки, склонны предлагать их как эталонные.

Таким образом, в субкультурном отношении российская бюрократия: а) однородна, вне зависимости от места приложения своих усилий; б) агрессивна; в) ориентирована на универсализацию собственных ценностей и смыслов.

Бюрократическая элита довольно эффективно использует интеллигенцию для обоснования своей позиции, формулировки прагматических смыслов, особенно в тех случаях, когда ограниченный интеллектуальный потенциал чиновников делает их неспособными оценить новые реалии и продуцировать перспективные идеи. Такая стратегия активно применяется в отношении социологического сообщества, часть представителей которого включена в околбюрократическую периферию и сервильна по своим установкам. Сервильность особенно типична для социологов в регионах, где ограничен спрос на исследования, а органы государственной и – частично – муниципальной власти могут выступать как надежный заказчик, гарантирующий более или менее достойную оплату труда ученых. К тому

же на региональном уровне сохраняются эффективно действующие рычаги косвенного влияния власти на исследователей. Применяя их, органы регионального управления способны довольно легко обеспечить появление и публикацию комплиментарного социологического материала, чаще всего необходимого им для организации избирательных кампаний и создания собственного позитивного имиджа.

Очевидно, в перспективе сложившаяся асимметричная система взаимоотношений бюрократии и интеллигенции сохранится. Бюрократическая субкультура останется доминирующей, особенно в провинциальных субъектах РФ. Однако это не значит, что следует отказаться от оппонирования бюрократическим ценностям и смыслам. Напротив, их критика будет все более востребована, поскольку процесс «гражданского взросления» страны объективно обусловлен задачей ее сохранения, обеспечения безопасности и развития. Социологи могут занять в дискурсе двух субкультур три позиции:

- обслуживание корпоративных интересов бюрократии в расчете на покровительство и эпизодическую поддержку с ее стороны;
- конструктивная критика бюрократической системы в процессе профессионального анализа социальных тенденций;
- выжидательный нейтралитет на основе отказа от обсуждения наиболее острых проблем, ориентация на академическую науку.

Нежелание или неспособность признать необходимость такого выбора, оправдываемые ссылками на общественную неангажированность науки, означают лишь стремление сохраниться в границах бюрократической периферии и стимулируют тенденцию к падению авторитета социологии в обществе.

ФИТНЕС КАК БИЗНЕС И ОБРАЗ ЖИЗНИ **FITNESS AS A BUSINESS AND LIFESTYLE**

Н.Е. Бартенева

Ивановский государственный энергетический университет

N.E. Barteneva

Ivanovo State Power University

Обсуждаются тенденции развития рынка фитнес-услуг с точки зрения его влияния на образ жизни общества.

The article discusses the development trends of fitness services from the point of view of its impact on the life of society.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, фитнес-услуги, физическая активность нации, проникновение фитнес-услуг, межстрановые сравнения.

Keywords: healthy lifestyle, fitness services, physical activity of the nation, the penetration of fitness services, cross-country comparisons.

Развитие современного общества значительно изменяет образ жизни современного человека, а постоянное интенсивное ускорение темпов развития оказывает все большее негативное влияние на сознание и физическое состояние личности. С целью получения заряда жизненной энергии, приумножения здоровья все большее число людей в мире ежегодно приходит в фитнес-клубы. Сегодня фитнес стал образом жизни для успешных и целеустремленных людей, которые стремятся провести свой досуг наиболее плодотворным и полезным образом.

В XX веке понятие «фитнес» сформировалось в США как реакция на рост хронических заболеваний населения [1, р. 120]. Но за последние 10 лет общество значительно расширило основные функциональные возможности фитнеса. Люди смогли объединить такие понятия, как успех, здоровье, красота и фитнес, а также охарактеризовать современного успешного человека как личность, обладающую яркой привлекательной внешностью, хорошим здоровьем, а уже потом отличным образованием и престижной работой [2].

Таким образом, можно утверждать, что фитнес стал образом жизни современного человека, способом его общения с окружающим миром. Занятия фитнесом можно оценить как особый атрибут активного отношения к жизни и финансовой успешности.

Данные статистики, результаты последних социологических и маркетинговых исследований показывают, что фитнес-индустрия стала одной из наиболее динамично развивающихся отраслей бизнеса в сфере услуг. По темпам развития она занимает второе место в мире (после высоких технологий). Вложения в здоровье и красоту являются сегодня самыми серьезными и окупаемыми. Мировой финансовый оборот в этой сфере достигает сотен миллиардов долларов, а число приверженцев здорового образа жизни насчитывает около 100 млн человек [3].

Фитнес-индустрия вносит огромный вклад в мировую экономику с точки зрения получения доходов, решения проблем занятости и увеличения физической активности нации [1, р. 120–121]. Так, например, результаты исследований, опубликованные Дж. Алама и А. Хусейном, подтверждают рост данных показателей в таких странах, как Индия, Великобритания, Австралия, США, Греция [1, р. 121].

Несмотря на отмечаемый рост фитнес-индустрии на Западе, фитнесом занимаются в нашей стране еще очень малое количество людей. Если сравнивать цифры занимающихся в России и США, то станет ясно, что мы значительно уступаем в процентном отношении не только лидерам – американцам, но и менее продвинутым в этом вопросе европейцам.

В России фитнесом регулярно занимаются лишь 3% населения, в то время как в крупных европейских странах степень проникновения фитнес-услуг значительно выше: в Великобритании она составляет 6%, в Германии – 8,5%, в Голландии 15,5%, в США – 18% [3].

В России первые спортивные центры, созданные по западным аналогам, открылись в Москве только в 1990-е гг., а до регионов массовый фитнес дошел лишь в 2000-х. Бурному развитию рынка фитнес услуг в России способствовали мода на здоровье и здоровый образ жизни. Сегодня день в стране работают примерно 2 тыс. фитнес-клубов, но около 30% из них находятся в Москве [4].

В то же время в России существуют сравнительно свободные ниши фитнес-услуг и, прежде всего, в регионах. Фитнес-услуги развиваются в большей степени в городах с численностью около 1 млн человек и более, в то время как в малых городах фитнес-клубы практически отсутствуют [3].

Эти факторы наглядно доказывают, что резервы у российского фитнес-рынка очень велики. Россия сегодня является одним из мировых лидеров по динамике развития этой отрасли. Так, последние три-четыре года фитнес-индустрия в России стабильно растет в среднем на 20% в год [4].

Таким образом, вовлекая в свои ряды все новых участников, фитнес создает положительные эффекты для всех заинтересованных сторон – государства, организаторов бизнеса, самих занимающихся. Каждая сторона получает свою долю социальных эффектов. Государство обретает здоровую нацию, снижение заболеваемости и повышение производительности труда; бизнес на красоте и здоровье получает доходы от своей деятельности; население – здоровый образ жизни, полезный досуг, здоровье и долголетие.

Литература

1. Alam J., Hossain A. Motivations behind attending fitness clubs in Bangladesh: A survey study on clubs' members in Sylhet // European Journal of Business

and Management. 2012. No. 2. Vol. 4. P. 120. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.iiste.org/Journals/index.php/EJBM/article/view/1041/961>.

2. Задачи психологии фитнеса [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://primefc.ru/categories/psychology__fitnes/70-zadachi-psixologii-fitnesa.html.

3. Российский рынок фитнес услуг: итоги 2011 г., прогноз 2012-2013 гг [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://marketing.rbc.ru/research/562949985070253.shtml>.

4. Фитнес-бум в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vladmedicina.ru/articles/popular/2010-07-07-fitness-bum-v-rossii.htm>.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СТАТУСА И ИМИДЖА ФИННО-УГОРСКИХ РЕСПУБЛИК ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

CONSTRUCTING THE SOCIAL STATUS AND PUBLIC IMAGE OF THE FINNO-UGRIC REPUBLICS IN VOLGA FEDERAL DISTRICT

О.А. Богатова

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

О.А. Bogatova

Ogaryov Mordovia State University

Проблемную область исследования составляет исследование социальных механизмов формирования статуса и публичного образа региональных социумов финно-угорских республик Приволжского федерального округа.

In the research the policies in constructing the social status and public image of the Finno-Ugric republics in Volga Federal District are examined.

Ключевые слова: социальный статус, имидж, социально-территориальное неравенства, центр и периферия.

Keywords: social status, image, social and territorial inequalities, the center and the periphery.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант №13-13-13006 а(р)).

К числу актуальных социальных проблем в современной России относится взаимосвязь формирования этнокультурных образов регионов и, в частности, республик, и их статусной самоидентификации в российском социальном пространстве в контексте социально-территориальной стратификации. Объектом исследования являются региональные социумы, сложившиеся на территории республик в составе

Российской Федерации, рассматриваемые как устойчивые социальные общности, характеризующиеся единством условий жизнедеятельности, общего места проживания, системы территориального управления и общей региональной идентичности, которая, в частности, находит своё выражение в имидже территории – публичном образе региона, сознательно формируемом в целях его социальной самопрезентации, а предметом – изучение социальных условий и факторов, обуславливающих статусную самоидентификацию региональных социумов «финно-угорских» республик Приволжского федерального округа в социально-пространстве современной России в условиях социально-территориальной асимметрии. Под статусом регионального социума понимается место, занимаемое им в системе социально-территориальной стратификации – иерархически упорядоченного административных регионов в составе РФ по показателям экономического благосостояния и человеческого развития, а также возможностям дальнейшего развития.

В соответствии с моделью «центра и периферии» региональные социумы могут быть сгруппированы по статусным категориям «центра» («очаги модернизации», «локомотивы развития», «центры сервисной экономики» и т.п.), «периферии» (технологически отсталые и депрессивные аграрно-индустриальные и аграрно-сырьевые регионы) и «полупериферии» (индустриальные и аграрно-индустриальные регионы, имеющие конкурентные преимущества в какой-либо области регионального разделения труда). Территориальное измерение социальной стратификации является одним из существенных аспектов проблемы социального неравенства в современном российском обществе. Регионы, являющиеся субъектами Российской Федерации, характеризуются не только географическим и культурным разнообразием, но и исходным неравенством ресурсной обеспеченности, включая площадь территории, численность населения, наличие природных ресурсов, пригодных для использования в современном промышленном производстве, географическое положение относительно крупных городов и транспортных магистралей, что, в свою очередь, влечет за собой пространственную поляризацию в развитии экономики и социальной инфраструктуры, значительный разрыв в доходах и конечном потреблении населения, образование «внутренней периферии» с отсталой структурой занятости, с худшими условиями труда и жизни.

С нашей точки зрения, при изучении проблем региональной самоидентификации республик в российском социальном пространстве основное внимание уделяется не определению места регионов в общерос-

сийском рейтинге, а самому процессу формирования статуса регионов, который рассматривается не только как следствие объективных условий предшествующего развития, но и как результат сознательного конструирования различных социальных субъектов, действующих в условиях ограниченных возможностей выбора. Под конструированием социального статуса регионального социума понимается деятельность по определению социального положения территорий и населения регионов в системе отношений «центр-периферия». Эта деятельность включает, с одной стороны, сознательный выбор стратегии развития субъекта РФ на основе консенсуса региональных и федеральной правящих элит, и преобладающих среди населения индивидуальных стратегий социальной адаптации, которые могут соответствовать или не соответствовать стратегическому выбору элит. Результатом взаимодействия этих социальных субъектов может явиться либо устойчивое развитие регионального социума в избранной статусной категории, либо проблематизация возможности его дальнейшего развития в качестве административного региона вследствие депопуляции или крайне поляризованного развития, в результате которого региональные центры уже не могут выполнять свою функцию «локомотивов модернизации» из-за истощения людских ресурсов и деградации инфраструктуры на остальной территории.

Для республик Марий Эл, Мордовии и Удмуртии характерна как общая этнокультурная специфика (принадлежность титульных этносов республик к «финно-угорскому миру»), так и концентрация социальных проблем, связанных с социально-территориальным неравенством и использованием этнокультурных имиджевых стратегий в качестве ресурса развития: противоречий между относительно низким экономическим потенциалом и официальной установкой на конкурентоспособность и экономическую самодостаточность, между статусом административного региона, формально равным статусу других субъектов РФ, и ориентацией на зависимое развитие в качестве экономической периферии или полупериферии, между этнизацией политического дискурса, с одной стороны, слабо выраженной этнодемографической и культурной спецификой и этнически нейтральным конституционно-правовым статусом – с другой.

В финно-угорских республиках ПФО конструирование социально-территориального статуса имеет общие характеристики, связанные с их институционализацией в прошлом в качестве форм «этнической государственности». Не обладая особым политико-правовым статусом и не будучи этническими национально-государственными образованиями

согласно законодательству и Конституции РФ, они воспринимаются в качестве таковых на уровне политического дискурса и обыденного сознания, в частности, вследствие того, что их этническая специфика рассматривается как единственное основание для их административно-территориального выделения. Этничность выполняет в республиках задачу социально-территориальной организации общественных отношений, обеспечивая контроль над территорией и населением республик в отношениях между федеральным Центром и регионами.

Влияние этнического фактора на современный социально-территориальный статус республик в составе РФ (за исключением немногих «сырьевых регионов») является опосредованным и проявляется в основном в зависимости от предшествующего развития – *path dependence*, обусловленного самим фактом выделения по политическим мотивам в относительно крупные административно-территориальные единицы, как правило, низкоресурсных территорий с наиболее высокой долей будущих титульных этносов республики (при наличии положительной корреляции между уровнем модернизации этнической и степенью ассимиляции этнических меньшинств в период принятия решения об образовании республики). Кроме того, наряду с этносоциальными проблемами, связанными с иностранной трудовой миграцией, к вероятным последствиям кризисов экономического развития республик относятся наложение этносоциальной стратификации на социально-территориальную (в масштабе РФ) и усиление этнической конкуренции внутри республик.

В настоящее время республики (во многих из которых титульная национальность составляет менее половины населения) интегрированы в общее культурное пространство России, и большинство из них не имеет радикальных культурных или демографических отличий от других регионов. В то же время образ республик как «этнических территорий» фактически составляет одну из основ формирования имиджа этих регионов – регионального брендинга, призванного повысить их привлекательность для бизнеса и проживания. Идея уникальности этнокультурной специфики республик служит для обоснования самоочевидности их выделения в качестве объектов территориального управления, но она также может использоваться в целях повышения инвестиционной привлекательности и обоснования их места в региональном разделении труда, если их население в этнокультурном брендинге позиционируется в качестве носителей особого трудового этоса.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФОБИИ БЕЛОРУСОВ SOCIAL PHOBIAS OF BYELORUSSIANS

Ю.М. Бубнов

Могилёвский государственный университет продовольствия

Yu.M. Bubnau

Mogilev State Foodstuffs University

Представлены результаты социологического исследования социальных фобий в общественном сознании жителей Беларуси.

In article are done results of sociological issues social phobias of Byelorussians.

Ключевые слова: социальные фобии, общественная безопасность, зона рисков.

Keywords: social phobias, public security, risqué zone.

Чего бояться наши сограждане? Вопрос не праздный. Ответ на него даст возможность увидеть социальные фобии, устранение или минимизация которых имеет как социально-психологическое, так и политическое значение. Знание о том, чего хочет и чего боится народ, во все времена представляло собой «золотой ключик» к власти. В современном демократическом обществе понимание природы общественных фобий является неотъемлемым условием эффективного социального управления регионом и страной. Помятуя об этом, руководство Могилёвской области заказало социологам Могилёвского института региональных социально-политических исследований (МИРСПИ) работу, в ходе которой, в частности, надлежало выяснить предмет социальных фобий и зоны общественных рисков. В 2012 году такая работа была проведена с применением выборочного анкетного опроса 794 взрослых жителей, представляющих все основные демографические и профессиональные группы населения области. Вопрос, послуживший социологическим индикатором социальных страхов, был сформулирован следующим образом: «Чего Вы опасаетесь больше всего?». Ответ на этот вопрос можно увидеть в таблице 1, где социальные фобии даны в ранжированном порядке. Учитывая естественную разницу мужского и женского взгляда на мир, мы дополнили общие оценки гендерными проекциями социальных фобий.

Таблица 1

Ранжированный список социальных страхов*

Фобии	Ответы всех респондентов	Ответы мужчин	Ответы женщин
Война	43,7	33,1	52,4
Болезнь	30,2	22,8	36,3
Пожары	25,1	18,0	30,9
Террористические акты	22,1	20,2	23,6
Бедность	18,4	20,5	16,6
Смерть	11,7	9,0	13,9
Хулиганские нападения, оскорбления	11,4	9,0	13,4
Диктатура	10,1	15,7	5,5
Коррупция чиновников	10,0	14,0	6,7
Загрязнение окружающей среды	9,5	10,1	9,0
Голод	9,1	7,3	10,6
Кража имущества	9,0	9,3	8,8
Одиночество	9,0	7,0	10,6
Измена со стороны близких	7,9	7,3	8,3
Бунты и революции	6,1	5,6	6,5
Вырождение нации	4,8	6,5	3,5
Анархия	4,8	8,1	2,1
Истощение источников энергии	2,4	2,2	2,5
Всего опасаются	6,7	7,0	6,5
Ничего не опасаются	5,4	8,1	3,2

*Примечание: Респонденты могли отметить несколько вариантов ответа, поэтому их сумма по столбцам превышает 100%.

Оказывается, война по-прежнему остается в общественном подсознании белорусов фобией № 1. Её боится каждый третий (33,1%) мужчина и каждая вторая женщина (52,4%) в нашей стране. Социальная ипохондрия (страх заболеть) обуревает почти четверть (22,8%) мужчин и треть женщин (36,3%). Замыкает тройку самых распространённых фобий опасение перед пожарами каждого пятого (18,0%) мужчины и почти трети (30,9%) женщин. По всем этим позициям страхи женщин почти вдвое превышают опасения мужчин. На четвёртом месте в рейтинге социальных опасений оказались страхи перед террористическими

актами (22,1% от всех участников опроса). После взрыва в минском метро 11 апреля 2011 года это уже не представляется аномалией. В до-селе тихой Беларуси террористических актов нынче боятся даже больше, чем бедности (заметим, что опрос пришёлся на лето 2012 года, когда экономический кризис больно ударил по благосостоянию большинства наших сограждан, сократив их доходы более чем вдвое). Кстати, по поводу бедности больше беспокоятся мужчины (20,5%), чем женщины (16,6%). Фобии мужчин превышают женские страхи ещё по ряду позиций (опасение диктатуры в 3 раза, коррупции – в 2 раза, вырождения нации – почти в 2 раза, анархии – в 4 раза). Заметим, между прочим, что все эти фобии имеют общественное значение, по сравнению, например, со страхом смерти или одиночества, которые ограничиваются интересами индивидов.

Что больше всего вызывает опасение у наших соотечественников, мы уже знаем. Теперь надо выяснить наиболее опасные зоны общественного взаимодействия белорусов. С этой целью мы задали участникам опроса следующий вопрос, «Опасаетесь ли Вы за свою безопасность в собственном жилище, общественном транспорте, в общественных местах, на улице, на работе или по месту учёбы?». Ответы участников опроса в ранжированном виде мы представим читателю на рисунке 1.

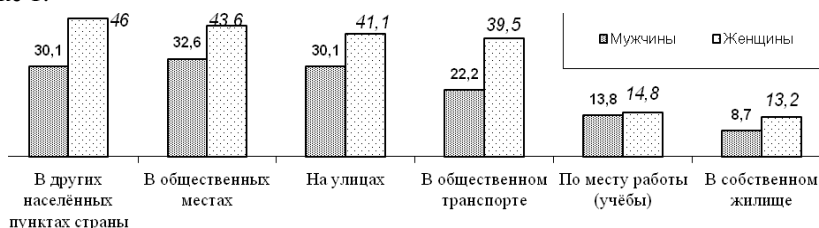

Рис. 1. Процентные доли мужчин и женщин, испытывающих опасение за свою безопасность в различных общественных местах

Как видите, среди наших сограждан немало тех, кто боится за свою безопасность, находясь в других населённых пунктах (38,8%), в общественных местах (38,7%), на улицах городов и сёл (36,1%), в общественном транспорте (31,7%), а также по месту работы или учёбы (14,3%) и даже в собственном жилище (11,2%). Таковы средние значения по всей группе опрошенных жителей области. Однако уровень страхов довольно сильно варьирует в зависимости от различных демо-

графических, образовательных и социально-статусных характеристик участников опроса. Легко можно убедиться в том, что женщины испытывают значительно больше опасений за свою безопасность по сравнению с мужчинами. Объяснений этого может быть два. Или во всех сферах социальных контактов «слабый пол» подстерегает больше опасностей, чем так называемый «сильный». Или женщины попросту более опасливы, чем мужчины. Вероятно, имеет место и то, и другое. Во-первых, представители так называемого «сильного пола», как правило, чувствуют себя более защищёнными от всяческих опасностей. Женщины же, будучи физически слабее мужчин, и на самом деле более уязвимы к реальным рискам. Однако следует учитывать и психологические особенности полов. Женщины склонны переоценивать опасности, а мужчины чаще бравадируют своей смелостью, фактически недооценивая их.

Страх от пребывания в общественных местах испытывают все активные возрастные группы населения. Уровень опасений предсказуемо снижается в старших возрастных группах предпенсионного и пенсионного статуса. Заметное влияние на социальные фобии оказывает семейно-брачный статус респондентов. Чаще всего испытывают страхи от пребывания в общественных местах разведённые женщины в возрасте (по их словам) от 30 до 39 лет (в 80 случаях из 100), а также разведённые мужчины того же возрастного диапазона (трое из каждых четверых опрошенных). Молодые незамужние женщины в возрасте от 20 до 30 лет также боятся бывать в общественных местах в 58 случаях из 100. Объяснить это просто. Именно эти группы населения наиболее активны в этих самых пресловутых общественных местах. Они чаще других там бывают и, соответственно, больше рискуют от опасностей совместного пребывания большого количества незнакомых людей.

Собственное жильё граждан как-то не принято считать зоной риска. Однако на соответствующий вопрос анонимной анкеты каждый десятый (11,2%) участник опроса всё-таки ответил, что испытывает опасение за свою безопасность в собственном жилище. Мы постараемся выяснить, в чём причина такого парадокса. Для начала определим половозрастную зависимость «домашних» страхов наших земляков. На мужском и женском графиках проявилось несколько пиков домашних фобий. Два женских пика домашних страхов приходятся на ранний молодёжный возраст (до 18 лет) и на преклонные лета. Здесь природа страхов уже иная, психологическая. Девушки-подростки готовятся вылететь из родительского гнезда и переживают стресс отторжения родительского влияния.

А старушки, отличающиеся относительным долголетием по сравнению с их супругами, часто переживают стресс вдовьего одиночества.

Работа для современного человека давно уже стала столь же важной сферой, как и дом. Поэтому проблема рисков на рабочих или учебных местах является важной. Об этом свидетельствует и тот факт, что 14,3% наших земляков испытывают опасения за свою безопасность на работе или во время учёбы. Картина с производственной безопасностью ещё более усугубится, если мы учтём возрастные особенности респондентов. Оказалось, что в возрастном диапазоне от 30 до 40 лет, т.е. в самом востребованном производством возрасте, уровень социальных опасений удваивается, возрастая до 27%. Ровно столько наших земляков этой возрастной когорты испытывают опасения за свою безопасность на рабочих местах. Какие социально-профессиональные группы населения испытывают наибольшие опасения на своей работе? Самой опасной профессией предсказуемо стала военная и правоохранительная служба. Каждый третий опрошенный нами представитель МВД, армии и МЧС испытывает опасение за свою безопасность, находясь на службе. По поводу первой строки в рейтинге самых опасных профессий вряд ли кто-то стал бы спорить. Зато второе место стало сюрпризом и для социологов. Его заняли предприниматели, среди которых 29% хорошо представляют себе все риски, связанные с ведением бизнеса. На третьем месте оказались рабочие профессии с показателем социальных опасений 22%. Даже учёба для 5% студентов и учащихся, из числа опрошенных нами, представляет опасность. Правда, мы не уточнили, какого рода риски имели в виду студенты.

Помимо половых различий, отражающих, скорее, психологические особенности мужчин и женщин, социальные оценки общественной безопасности зависят и от степени урбанизации региона. Улицы и общественные места вызывают у жителей крупных городов гораздо больше тревоги, чем у жителей небольших поселений. Влияние этого фактора наблюдается почти по всем зонам общественных рисков, за исключением рабочих мест и жилищ граждан. Действие фактора урбанизации проявляется в том, что он разрушает традиционные социальные связи населения. Неформальные (точнее, неофициальные) отношения родства, соседства, общинности уступают место официальным производственным отношениям. Это порождает у жителей урбанизированных поселений чувство оторванности от семьи, этноса, общины, что может стать основанием для комплекса одиночества. Социологам и писателям хорошо известен такой парадокс: чем крупнее город, тем более одиночим

чувствует себя человек. А одиночество, в свою очередь, способно породить у некоторых индивидов агрессию и тревогу. Легко понять, что и то, и другое имеет прямое отношение к проблеме общественной безопасности. Влияние фактора урбанизации хорошо известно в криминологии. Правда, это знание далеко не всегда применяется на практике. Или применяется не должным образом. Всё дело в том, что причиной повышения общественных рисков в крупных городах является не сама урбанизация, а вызываемый ею разрыв социальных связей гражданского общества. Следовательно, государству в лице местных властей необходимо прилагать усилия по укреплению структур гражданского общества, таких как соседские общины, молодёжные, спортивные, женские и прочие общественные объединения. Человек, находящийся среди позитивно настроенных единомышленников, будет реже испытывать фобии и позывы к агрессии. А это, в конце концов, положительно скажется на состоянии общественной безопасности.

Остаётся открытым вопрос о том, как же нужно интерпретировать полученные в ходе социологического опроса данные. Конечно, в ряде случаев комментарии излишни. Например, тот факт, что каждый третий житель Беларуси боится бывать на улицах (а в крупных городах – почти половина жителей), уже сам по себе демонстрирует уровень общественной безопасности. Однако, как говорится, всё познаётся в сравнении. Поэтому всегда полезно сравнить нынешний уровень общественных страхов с тем, что было ещё хотя бы несколько лет назад. У нас есть возможность показать, как соотносятся полученные в 2012 году данные с результатами предыдущих аналогичных опросов, проведённых МИРСПИ в 2006 и 2009 гг. На рисунке 2 такой сравнительный анализ можно увидеть воочию.

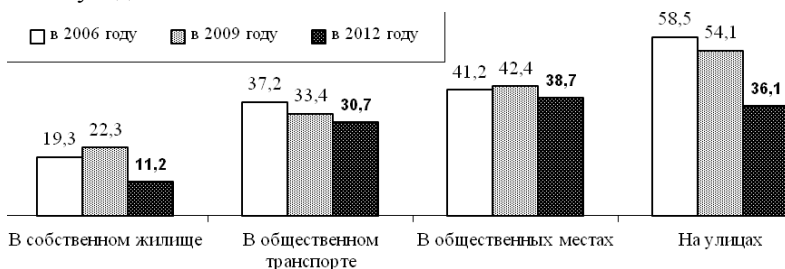

Рис. 2. Распределение жителей Беларуси, испытывавших опасение за свою безопасность в 2006, 2009 и 2012 гг., в %

Оказалось, что, если сравнивать нынешнюю ситуацию с предыдущими годами, то есть повод для оптимистических выводов. Да, сегодня уровень общественных страхов высок. Но раньше было ещё хуже. Поэтому на фоне предыдущих лет сегодня стало лучше. Самое главное состоит в том, что тенденция-то позитивная! По всем сравниваемым позициям (безопасность на улицах, в общественных местах, в общественном транспорте и в жилище граждан) наблюдается довольно значительный прогресс. Люди в Беларуси постепенно освобождаются от страхов в этих сферах своей жизнедеятельности. В этом и заключается тот оптимистический вывод, которым и стоит завершить эту статью.

ИНЖЕНЕРНЫЙ ПОДХОД И ГУМАНИТАРИИ В 21-м ВЕКЕ **AN ENGINEERING APPROACH AND HUMANITARIANS** **IN 21ST CENTURY**

Е.Н. Волков

Нижегородский госуниверситет

им. Н.И. Лобачевского

E.N. Volkov

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (UNN)

Излагается концепция инженерного подхода как универсальной модели продуктивной научной и социально-реформаторской деятельности. Инженерный подход рассматривается как необходимейшее условие дальнейшего развития социально-гуманитарных наук и конструктивного применения их разработок в рамках пошаговой социальной инженерии. Выдвигаются предположения о причинах и факторах неприменения и нераспространения инженерного подхода среди гуманитариев и формулируются предложения по преодолению «антиинженерной» традиции.

The paper presents the concept of the engineering approach as a universal model of productive scientific and social reform activities. Engineering approach is seen as a necessary condition for the further development of the social sciences and humanities, and the constructive using of their elaborations within the piecemeal social engineering. The conjectures about the causes and factors of non-use and non-propagation of engineering approach by the humanities and suggestions on overcoming the «anti-engineering» tradition are proposing.

Ключевые слова: инженерия, социальная инженерия, антиинженерные стереотипы, наука, онтография, гуманитарии, решение проблем.

Keywords: engineering, social engineering, anti-engineering stereotypes, science, ontography, humanities, problem-solving.

Тезис 1. Инженерия как определённый вид целесообразной и продуктивной деятельности является универсальной моделью не только в области развития техники и материального производства, но и научной, и социально-реформаторской деятельности. В более общем виде человеку доступен единственный способ познания и искусственного преобразования мира – метод слепых проб и устранения ошибок на основе опять же слепых произвольных предположений, выстраиваемых исключительно дедуктивным развёртыванием реперных верований. Инженерия в узком смысле представляет из себя исторически сложившуюся реализацию указанного метода применительно к решению материальных проблем и к вещному воплощению в основном знаний о мире 1 в смысле, предложенном К. Поппером. Нет никаких, однако, объективных причин нераспространения осознанного и организованного инженерного подхода на мир 2 и мир 3, а в последнем – на сферу социальных и гуманитарных знаний, а также на сферы практической социально-гуманитарной деятельности.

Тезис 2. Фактически инженерия неизбежно лежит в основе любых достижений гуманитарного знания – в силу фундаментальной единственности метода слепых проб и устранения ошибок как метода освоения мира живыми организмами, в том числе и гуманитариями. Инженерия – это специфическое технологическое оформление метода проб и ошибок, позволяющее максимально эффективно решать проблемы несовершенному и крайне ограниченному человеческому существу. В случаях недостаточно последовательной осознанности и операционализации базального метода слепых проб и устранения ошибок и неоформленности его в продуманную и выстроенную инженерию неизбежно воцаряется просто плохая инженерия – со всеми вытекающими негативными последствиями. Главная слабость гуманитариев – недоинженерность.

Тезис 3. Инженерия не отменяет и не заменяет любые другие формы взаимодействия индивида и социума с миром и с самими собой, но по роли в истории и в достижении высот современной цивилизации возвышается как Эверест среди степей. Очевидная гигантская диспропорция между материально-техническим и социально-политическим, гуманитарным уровнями бытия современного общества – прямое следствие нераспространения инженерии на гуманитарную сферу. Пока этот барьер не будет снесён, пока инженерия не будет прямо обращена на человека и всё человеческое (гуманитарное), человечество в целом будет продолжать представлять из себя дикаря с Интернетом и водородной бомбой, более способного к преждевременному самоуничтожению, чем к

разумному развитию. Иными словами, пока гуманитарии, психологи, социальные работники, социологи, политики и чиновники не начнут последовательно организовывать и объективировать свои знания и практические процедуры (технологии) по лекалам, выкованным технической инженерией, наука и целесообразная человеческая деятельность будут представлять из себя нелепую фигуру, у которой одна нога сильнее и выше другой во много раз – и походка соответствующая.

Тезис 4. Недоинженерность, или плохая и бедная инженерооружённость, гуманитариев – следствие не объективных различий между различными типами знаний и деятельности внутри человеческого рода, а субъективный результат столкновений людей с различиями в объектах приложений знаний и усилий. Человек не может хаотично, неорганизованно и бесконечно играть в детские игры с предметами неодушевлённого мира, если хочет извлечь из них что-то большее, чем примитивные инструментальные свойства, доступные и крошечноголовым птичкам. В итоге он вынужден создать адекватный подход в виде технической инженерии. Во взаимодействии же с самим собой и с себе подобными он обнаруживает бездонную возможность нескончаемого манипулирования и самообмана и притягательную иллюзию «ловли рыбы в мутной воде». Частью этого (само)манипулятивного и аутоиллюзорного комплекса становится миф о неприменимости инженерных методов и инструментов в гуманитарной сфере. На практике приходится встречаться буквально с фобией гуманитариев по отношению даже к слабым намёкам на необходимость инженерного довооружения, что можно пометить ярлыком «инженерофобия». Такой страх понятен, поскольку для многих инженеризация гуманитарного знания грозит обнаружением их «королевской» наготы и пустоты.

Тезис 5. Грандиозное фиаско недоинженернутых гуманитариев становится всё более и более явным, и скоро сей печальный факт будет очевидным и для наивных детей. Измениться или умереть – вот непреклонный эволюционный вызов гуманитариям как подвиду научного и прикладного сообществ. Для себя задачу изменения я решаю через разработку методологического и инструментально-технологического комплекса – КОРНИ – Критика-Основания/Онтолог-ия/Онтография-Рациональность-Наука-Инженерия. Ключевые роли в этом комплексе играют онтография (инженерные чертежи знаний о реальности), критическое мышление и инженеризация гуманитарной научной и социальной реформаторской деятельности.

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ РОССИЯН:
САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
SOCIO-PSYCHOLOGICAL TYPES OF RUSSIANS:
SELF-IDENTITY IN THE SOCIAL SPACE**

Г.Л. Воронин

*Нижегородского института управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

G.L. Voronin

*Nizhny Novgorod Institute of Management
of The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*

Обсуждаются изменения социально-психологических типов россиян, произошедшие в стране в период с 2002 по 2011 гг.

The article discusses the changes in the socio-psychological types of Russians, occurred in the country between 2002 and 2011.

Ключевые слова: типология, социальное взаимодействие, сотрудничество, конфронтация, социально-демографические группы.

Keywords: typology, social interaction, cooperation and confrontation, socio-demographic groups

«За последнее время появился целый ряд описаний страшной катастрофы, постигшей Республику Южного Креста». Так начинается рассказ Валерия Яковлевича Брюсова «Республика Южного Креста». Это произведение, написанное в 1904–1905 гг. и прочитанное мной в 70-е годы XX века, еще в советское время, воспринималось как бурная, ни чем не обоснованная фантазия автора. Массовый психоз, поразивший жителей «Республики Южного Креста», привел к катастрофе эту, некогда наиболее развитую страну. Трагедия возникла не на пустом месте, симптомы социальной болезни давали о себе знать вспышками насилия, которые до поры до времени носили локальный характер. Но все началось с «противоречивости» и закончилось «пустотой». Сейчас в постсоветской России эта выдуманная человеческим гением ситуация воспринимается как объективная реальность сегодняшнего дня, не считаться с которой нельзя.

И, тем не менее, проблема «пустоты» человек, его духовного мира, о которой с болью писал Ф.М. Достоевский в середине XIX века, в начале XXI века многократно возросла. Культ денег в ситуации духовной опустошенности (да он, собственно, и мог возникнуть только в ситуации духовной опустошенности) привели к потере смысла жизни одних, и к безумному наслаждениями материальными благами других. И первые, и вторые, по выражению Достоевского, «убивают себя». Собственно говоря, на смену политическим и экономическим репрессиям 90-х пришли репрессии «духовной пустоты». И тут мы вправе говорить о ее жертвах. Здесь речь может идти о сотнях миллионов жизней (и не только в России). Вполне правомерно ставить вопрос об установке памятника жертвам «пустоты», где будет изображен человек, уверенный в том, «...что в сегодняшней жизни осталась только одна неразрешимая загадка – где взять денег...» (В.О. Пелевин «Бетман Аполло»). Этот вопрос читается в глазах представителей всех слоев российского общества, вне зависимости от уровня дохода. Бедность – не порок (А.Н. Островский). Но нищета – это порок (Ф.М. Достоевский), особенно если речь идет о духовной нищете. Что или кто виноват в данной ситуации: общество или человек, социальная система или человеческая природа?

Тема свободы в условиях духовной нищеты, страха перед будущим характерна для современных западных социологов. В частности, З. Бауман в своей работе «Свобода» очень точно указывает на следующую ее особенность, которую не замечают современные российские социологи, но которую предчувствовал Достоевский. Прежде всего, отмечается Бауманом, мотивы и целеполагание и, как результат, – действия в условиях свободы обусловлены не только, и даже не столько самим актором, но прежде всего обществом как целым, и поэтому «...человеческое действие, будучи по допущению произвольным (voluntary), очевидно не является случайным (random)...» [1, С. 15]. Что или кто обуславливает эту неслучайность?

Эту «неслучайность» обуславливают социально-экономические условия, сложившиеся в постсоветской России, более того эти условия не только обуславливают, но и требуют именно такого положения дел.

Рассмотрим пример обусловленности поведения человека социально-экономическими условиями на примере употребления алкогольных напитков. По данным RLMS-HSE¹, в период с 1994 по 2011 год доля

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» – негосударственное лонгитюдное обследование домохозяйств. Он 84

лиц «употребляющих алкогольные напитки последние 30 дней» среди экономически активного населения (15–72 года) России увеличилось с 59 до 74%. При этом доля выпивающих мужчин за указанный период увеличилась на 9%, а доля выпивающих женщин увеличилась на 20%. Таким образом, в 2011 году из каждых 100 мужчин в возрасте от 15 до 72 лет 80 человек употребляли спиртные напитки в течение последних 30 дней, а для женщин этот показатель составил 67 человек из каждых 100. Надо понимать, что так называемые вредные привычки (алкоголь, табакокурение, наркотики), по сути, помогают человеку сужать каналы поступления информации из внешнего мира. То, что употребление алкогольных напитков возросло, имеет как социальную, так и экономическую составляющие. По данным Федеральной службы государственной статистики, индекс физического объема оборота розничной торговли алкогольных напитков и пива в 2011 году составил 298,6 (1990=100) [2]. Надо полагать, что здесь не учтено свободное производство самогона, санкционируемое государством в 90-е годы и запрещенное в нулевые.

Другой важной составляющей «неслучайности» поступков человека является его социально-психологическое состояние. «Кто как дышит, так и пишет», – сказал в своих песнях бард. В социологической интерпретации это звучит следующим образом: «Если ситуация воспринимается как реальная, она реальна по своим последствиям» (У. Томас).

В современной России правомерно говорить о четырех типах самоидентификации человека в социуме. Отметим, что блок вопросов, на основе которых была осуществлена типологизация, заполнялся респондентом самостоятельно в ходе проведения интервью и включал 17 вопросов. Вопросы носили оценочный характер и относились к самооощущению респондентом себя в социальном пространстве и своего соб-

представляет собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки, разработанной при участии ведущих мировых экспертов в этой области. Это международный исследовательский проект, осуществляемый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения университета Северной Каролины в Чапел Хилле (США) и Института социологии РАН. Начиная с 2010 года, проект получил новое имя «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (RLMS-HSE) и его данные стали общедоступными для исследователей в России и за рубежом.

ственного «Я»². Для интерпретации социально-психологических типов респондентов воспользуемся литературной метафорой, идентифицируя современных россиян с героями Ф.М. Достоевского: «Федор Павлович Карамазов», «Дмитрий Карамазов», «Иван Карамазов» и «Алеша Карамазов».

Таблица 1

Динамика изменения социально-психологических типов россиян в период с 2002 по 2011 гг., в проц.

Год	Социально-психологические типы россиян			
	Алеша Карамазов	Федор Павлович Карамазов	Дмитрий Карамазов	Иван Карамазов
2002	19,3	17,2	32,5	31,0
2003	20,8	19,4	29,8	29,9
2004	17,2	19,9	33,5	29,4
2005	17,5	20,8	33,3	28,5
2011	19,4	28,2	28,6	23,7

«Алеша Карамазов». К этому типу социальной самоидентификации относятся, примерно, 20% взрослого населения России, и его численность достаточно стабильна на протяжении всех лет исследования. Эти люди видят проблемы жизни, и у них есть уверенность, что они смогут с ними справиться. Их не покидает уверенность в своих силах, и они хотели бы быть еще более настойчивыми в решении своих, и не только своих, проблем.

«Федор Павлович Карамазов». С 2002 по 2011 год доля этих людей в населении России увеличилась на 11% и составила в 2011 году 28,2%. Эти люди убеждены, что жизнь к ним несправедлива, и они чувствуют себя обделенными. Они плохо относятся к себе и не удовлетворены собой. Эта ситуация толкает людей к усилению агрессии по отношению к миру и себе. При этом полагаем уместным отметить, что средний уровень ежемесячного дохода этой группы составил в 2011 году более 16 тыс. рублей, что выше, чем в других выделенных типах.

«Дмитрий Карамазов». К этому типу социальной самоидентификации относятся, примерно, 30% взрослого населения. Особенностью это-

² Допустимые объемы для тезисов не позволяют подробно описать алгоритм выделения социально-психологических групп населения. По этой причине в тезисах представлены основные результаты анализа.

го типа является восприятие и/или демонстрация себя как человека, у которого много хороших качеств. Они убеждены, что будущее зависит от них. Но, при этом, они чувствуют свою беспомощность перед своими жизненными проблемами. Уверенны, что жизнь к ним не справедлива, им нечем гордиться, и нередко они воспринимают себя как неудачников. Доля лиц, употребляющих алкогольные напитки в этой группе, составила в 2011 году 76%, что выше, чем в других группах.

Рис. 1. Типология социального пространства социально-демографических групп населения России в 2002 и 2011 года

«Иван Карамазов». Эта группа составляет около 25% россиян и за анализируемый период несколько сократилась. Основным лейтмотивом их социального самочувствия является убежденность в том, что они могут справиться со своими проблемами, способны влияют на то, что с ними происходит. Они в состоянии совершить поступок, который изме-

нит их жизнь. При этом они в какой-то мере убеждены, что у них мало хороших качеств и, в целом, они хуже других людей, и отсюда сильная неудовлетворенность собой.

На рисунке 1 видим, что за девять лет, прошедшие с момента первого замера (2002 г.), произошла существенная миграция социально-демографических характеристик респондентов в смоделированном едином социального-психологическом пространстве. Это движение характеризуется направленностью от «Алеши Карамазова» в сторону «Ф.П. Карамазова», или от сотрудничества к конфронтации. Так, например, если в 2002 году лица с высшим образованием (Высш) находились в квадранте «Иван Карамазов», то в 2011 году эта группа мигрировала в квадрант «Ф.П. Карамазов», соответственно, у лиц, принадлежавших к этой группе, изменился характер восприятия себя и мира с латентного конфликтного взаимодействия на открытую конфронтацию.

Необходимо отметить, что за прошедшие с первого исследования время изменения социально-психологического типа не коснулись таких групп населения, как пенсионеры (Пен), жителей села (Село), лиц с незаконченным средним образованием (Н/Ср), лиц с доходом от 3750 до 7115 рублей в месяц.

Конфликтный тип социального взаимодействия («Ф.П. Карамазов») к 2011 году стал доминирующим в группах лиц с высшим образованием (Высш), у лиц с доходом более 13340 рублей в месяц (13340+), у жителей областных центров (Обл_ц), у работающих людей (Раб), у лиц не состоявших в браке (Не/Бр), у мужчин (Муж).

Таким образом, ситуация, придуманная (увиденная) человеческим гением в начале XX века и воплощенная в литературном произведении, в современной России не просто интуитивно начинает ощущаться, в той или иной мере, людьми на индивидуальном уровне, но и получает свое социологическое подтверждение в виде реальных социальных индикаторов.

Литература

1. Бауман З. Свобода / Пер. с англ. Г.М. Дашевского, предисловие Ю.Г. Левады. – М.: Новое издательство, 2006. – 132.
2. Российский статистический ежегодник. 2012: Стат.сб. / Росстат., 2012. – С. 527.

**СОВРЕМЕННЫЙ ГУМАНИТАРИЙ КАК АКТОР,
ИНТЕРПРЕТАТОР И МИФОСОЗИДАТЕЛЬ
ИЗМЕНЯЮЩЕГОСЯ СОЦИУМА**
**THE MODERN SCHOLAR AS AN ACTOR, AN INTERPRETER,
AND MIFOSOZIDATEL' A CHANGING SOCIETY**

В.И. Добрынина
РАНХ и ГС при Президенте РФ
В.В. Добрынин
Филиал РГСУ в городе Ивантеевке

Современная высшая школа РФ более двух десятков лет читает курс культурологии практически для всех будущих высококвалифицированных специалистов. Это – единственный курс среди всех социально-гуманитарных дисциплин, где студенты могут услышать о специфике гуманитарного знания как знания о различных областях культуры и интеллектуальной деятельности человечества, а также о принципах гуманизма, на базе которых в европейской культуре формируется интерес к познанию внутреннего мира человека и всех многогранных человеческих отношений, в процессе реализации которых утверждаются принципы достоинства человека, его неотъемлемых прав на свободу и всестороннее развитие своих способностей.

В современную эпоху, когда возрастают социальные риски во всех сферах социальной практики человечества, гуманность или человечность имеет не одно, а множество истолкований, но всегда предполагает гармоническое развитие свойственных человеку интеллектуальных и ценностных способностей, чувств и разума. Такой подход был характерен уже для философии И.Канта, считавшего, что гуманность представляет собой ощущение чувства блага в общении с другими, а также есть проявление своеобразного участия, т.е. возможности внутренне и всеобщим образом сообщаться с другими.

Исследователи-гуманитарии знают, что любой человек стремится к свободе, но она может быть достигнута человеком только в процессе освоения норм и ценностей культуры, которые делают каждого морально состоятельным, а потому и свободным при формировании, а затем и достижении свой цели. Именно поэтому каждый гуманитарий – не просто знаток гуманитарных норм, ценностей и идеалов, но, в первую очередь, практический деятель, актер, который реализует в своей жизнедеятельности высокие идеалы гуманизма.

Такая внешне не всегда заметная практическая деятельность человека-актора началась еще в эпоху античности, затем она была существенно углублена и расширена в период Ренессанса, а много позже, в середине прошлого века, она была глубоко проанализирована классиком французского экзистенциализма Ж.-П. Сартром в его работе «Экзистенциализм – это гуманизм». По мнению Сартра и его сторонников, гуманизм и все его этические ценности и блага существуют только в рамках человеческой деятельности и не могут существовать без нее, причем они всегда имеют относительный, а не абсолютный характер.

Другими словами, каждого гуманитария характеризует его активная деятельность, ориентированная на практическую реализацию определенных, достаточно утилитарных и прагматических задач, делающих жизнедеятельность людей более отвечающей высоким идеалам гуманизма

Вторым имеющим большое значение параметром, который характеризует современного гуманитария, является его умение изучать, анализировать, теоретически осмысливать и интерпретировать многообразные этносоциокультурные процессы современности, специфические особенности деятельности социальных институтов, учреждений и организаций, формы и типы социальных отношений, а также множество всех современных социальных структур.

В современном мультикультурном мире непрерывно происходят бесчисленные разнообразные, зачастую взаимовлияющие глобальные и локальные взаимодействия, традиционные и инновационные культурные процессы, наблюдаются все более высокие темпы внутренней и внешней миграции, которые усиливают маргинализацию населения, радикально меняются модели расселения, потому что в современном мире уже половина всего населения Земли живет в крупных городах и мегаполисах.

В условиях современного демографического перехода специфически меняются не только межпоколенные коммуникации, но и гендерные отношения, радиально преобразуется деятельность традиционных социальных институтов общества, связанная с социокультурным воспроизводством человека, его трудовой, общественно-политической и духовно-культурной деятельностью.

Именно в современном мире приоритетное значение приобретает умение гуманитариев четко, лаконично и в короткие сроки осуществлять теоретическое осмысление и интерпретацию быстро меняющейся социальной реальности, вырастающей не столько на традиционных классических детерминациях, сколько на всех многообразных, вероятностных и случайностных изменениях быстроменяющегося мира.

Роль и значение современных исследователей социума была всесторонне рассмотрена в ряде работ З. Баумана. В одной из своих первых работ, посвященных эпохе постмодерна, З. Бауман так охарактеризовал главные новые параметры социума: плюрализм культур; постоянно происходящие изменения; отсутствие каких-либо властных универсалий; доминирующее воздействие СМИ и возрастающее влияние на жизнедеятельность людей виртуальной реальности и новейших культурных символов – симулякров общества потребления (1. Бауман З. Мыслить социологически. М.: 1996)

Такой, по существу принципиально новый подход к пониманию и истолкованию современной социальной реальности позволил сформулировать не только новые формы и способы анализа современного бытия социума, но и по-другому классифицировать периоды становления социологического знания.

Известный польский исследователь Петр Штомпка считает, что исторически первым периодом развития социологии было создание представлений об обществе как об организмах и системах, затем развивается второй достаточно плодотворный период социологического знания, выросшего на основе многообразных эмпирических исследований, социологии поведения и социальных действий. Не только П. Штомпка, но и многие другие его последователи считают, что новейшая, т.е. современная социология представляет собой уже третий, новый фундаментальный подход, ориентированный на обыденное социальное существование или экзистенцию человека. Этот подход проявляется во множестве фактов и событий, на первый взгляд имеющих самый тривиальный характер, но их глубинная интерпретация позволяет более адекватно понять загадки и современного человек, и всего современного человеческого общества (2. Штомпка П. В фокусе понимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // СОЦИС.2009, № 8. С. 3–11).

Однако существует и множество нерешенных проблем внутри самого социологического знания, особенно в его теоретико-методологических, фундаментальных основаниях. К числу таких фундаментальных проблем, несомненно, относится и та, которую составляет предмет анализа нашей конференции – отыскание и теоретический анализ самых главных методологических оснований понятия гуманитарий, понимание его онтологического статуса, гносеологической заданности, социо-антропологической природы и аксиологической атрибуции.

Онтологический статус гуманитария достаточно четко может быть обоснован на таких альтернативных началах, которые были созданы

классической социологией предшествующих периодов. Во-первых, Эмилем Дюркгеймом, считавшим общество, а не индивида высшей реальностью, а, во-вторых, Максом Вебером, утверждавшим, что единственной реальностью общества является индивид. Эти альтернативные подходы определяют и дальнейшие характеристики человека-гуманитария: с одной точки зрения – человек выступает как «ансамбль общественных отношений», с другой – он – интеллектуальная элита, противостоящая «человеку-массе». В одном случае он отражает реально существующее, в другом – он преимущественно конструирует действительность. Избранный исследователями первоначальный фундаментально-базисный подход и позволяет достаточно четко характеризовать все другие мировоззренческие и аксиологические составляющие человека-гуманитария.

Вместе с тем, оба эти альтернативных подхода в рамках познавательных принципов философии постмодерна (холизм, плюрализм, толерантность и др.) способствуют формированию нового типа мышления, знаменующего, по мысли З. Баумана, переход от ментальности мышления законодателей к мышлению интерпретаторов. В работе «Глобализация. Последствия для человека и общества» З. Баумана, изданной в Москве в 2004 году, рассматривается исходное определение понятия интерпретаторы. Автор считает, что это – новые интеллектуалы, обладающие постмодернистским мышлением.

Главная задача таких интеллектуалов заключается в том, чтобы сделать доступными идеи и нормы одного сообщества, перевести их в сферу восприятия другого сообщества. По мысли З. Баумана, именно интерпретаторы реализуют в качестве своей деятельности главную цель современного человечества, т.к. обеспечивают эффективную коммуникацию между множеством автономных сообществ (стран, народов, поколений и пр.). Только интерпретаторам, добившимся глубокого понимания проблемы, становится очевидным, что процессы социокультурной адаптации являются наиболее значимыми в обеспечении адекватного понимания норм и принципов другой культуры, что обеспечивает взаимопонимание народов, населяющих планету. З. Бауман подчеркивает, что именно интерпретаторы способны и действительно могут заранее предотвратить возможные искажения в процессе коммуникации на любом – этническом, гендерном, межпоколенном и др. – уровнях взаимодействия современных людей.

В современном хаотически и случайно изменяющемся мире, где постоянно возникают и усиливаются разнообразные социальные риски

и конфликты, именно искусство интерпретации обеспечивает понимание между любыми коммуникаторами – странами, народами, коллективами или индивидами. Именно искусство интерпретации помогает людям становится более жизнестойкими и способным к выживанию на основе взаиморазрешения глобальных и локальных этносоциокультурных проблем.

На место жестких форм и правил теоретических и мировоззренческих доктрин в сфере гуманитарного знания, которые были характерны для тоталитарных обществ, в современных, основанных на принципах либеральной идеологии и философии постмодерна концепциях гуманитарного знания, преобладают творческие, интуитивные и изобретательные начала, для них характерны интерпретация и проверка многих гипотез, создание идеальных моделей и другие методы и способы познания общества, основанные не на традициях теории отражения, а на герменевтических концепциях понимания и феноменологических принципах истолкования.

Третья составляющая современного гуманитария – его необходимые и неизбежные мифосозидательные традиции и способности, которые всегда были атрибутивным признаком гуманитариев в любом сообществе и в каждую историческую эпоху. Во все времена гуманитария отличало умение переосмысливать и создавать, т.е. производить новые социокультурные ценности, а также наделять их определенным значением, превращая в такие мифологемы, которые составляют существенный элемент массового сознания, воздействуют на все эмоционально-чувственные процессы и имеют преимущественно иллюзорный характер.

Миф как наиболее простая форма объяснения всего сущего в мире исходит из мира чувств, он ориентирован на целостное, преимущественно эмоциональное и аксиологическое, или ценностное восприятие действительности, а потому любой миф существенно воздействует на массовое обыденное сознание людей.

На основе творческого труда гуманитариев создаются такие новые системы ценностей, которые формируют не только обыденное сознание людей, но и воздействуют на становление общественного мнения, которое по преимуществу зависит от степени неопределенности понимания людьми реальности.

В настоящее время в связи с возрастанием влияния СМИ на массовое сознание существенно увеличивается общая заидеологизированность массовых социально-психологических процессов, а также всех

социальных представлений, норм и ценностей, влияющих на практическую жизнедеятельность каждого члена общества.

Следует подчеркнуть, что создаваемые творческим трудом гуманитариев новые культурные нормы, ценности и идеалы не могут существовать без их освоения и практического использования хотя бы частью общества, которая признает их культурную, в первую очередь, гуманитарную ценность.

Гуманитарная культура, во-первых, всегда отражает действительность, во-вторых, она всегда оценивает происходящее, создавая нормы и ценности, а потому несет большой воспитательный потенциал, и, наконец, любая часть или область гуманитарной культуры формирует определенные идеалы, своего рода модели, которые носят достаточно иллюзорный или мифосозидательный характер, осуществляя тем самым проектирование будущего как всего общества, так и каждого субъекта.

Авторам представляется, что для современной России в сфере объективно необходимого развития гуманитарного знания и практической реализации всех базисных принципов гуманизма необходимо не дополнительное государственное финансирование, а в первую очередь и главным образом непосредственная активная практическая деятельность каждого члена общества по достижению практического единства между провозглашаемыми социальными идеалами и реализуемыми ими в индивидуально-личностной жизнедеятельности нормами и стандартами обыденного поведения. Не меньшее значение для возрастания гуманистического потенциала страны имеет также растущая тенденция утверждения достоинства человека как фундаментального основания современной культуры. Следует подчеркнуть, что достоинство человека понимается авторами не только как нравственно-правовая, но также и как онтологическая и социо-антропологическая характеристика.

Авторы считают всемерную гуманизацию социальных отношений ведущим направлением развития культуры современного российского общества. Новейшее обоснование, понимание, интерпретацию и практическую реализацию принципов гуманизма необходимо теоретически осмысливать в рамках познавательного потенциала интегративного подхода и принципов синергизма, что позволит обеспечить целенаправленное развитие всего современного социально-гуманитарного знания. Процессы гуманизации и гуманитаризации всего российского общества определяются ролью и значением многообразных социокультурных практик, обеспечивающих не только углубленное понимание и теоретическое осмысление современного

социально-гуманитарного знания, но и оптимизацию практических процессов воспитания, образования и обучения или, другими словами, эффективную социокультурную адаптацию подрастающих поколений населения современной России.

**РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
ГЛАЗАМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «НОВОГО КЛАССА»
ROLE OF INTELLECTUALS IN MODERN SOCIETY BY EYES
OF REPRESENTATIVES OF A «NEW CLASS»**

А.В. Ермилова

Ивановский государственный университет

A.V. Ermilova

Ivanovo State University

Рассматриваются отличительные черты представителей российской интеллигенции, характерные для представителей «нового американского класса».

In article perceives significant lines of Russian intellectuals is considered as lines characteristic of representatives of a «new American class».

Ключевые слова: интеллигенция, идентификация, роль, структура общества, квалификация, речевая коммуникация.

Key words: intellectuals, identification, role, structure of society, qualities, speech community.

Исследуя западное общество, американский социолог Алвин Гоулднер свой исследовательский интерес направил на изучение так называемого нового класса, который он подразделяет на две страты: 1) интеллигенцию (научно-технические работники и специалисты); 2) интеллектуалы (гуманитарную интеллигенцию). По его мнению, новый класс обладает двумя характерными чертами: культурным капиталом (знания и квалификация) и особой речевой общностью, что позволяет представителям интеллигенции представлять собой составную часть правящего класса. А хватит ли культурного капитала и речевой общности для того, чтобы быть представителями, так называемого правящего класса в нашей стране, или, скорее всего, речь идет о возможном сохранении слоя интеллигенции в современном российском обществе?

В соответствии с теоретическими разработками А. Гоулднера, было проведено социологическое исследование кафедрой социальной работы и прикладной социологии ИвГУ: опрос инженерно-технической интел-

лигенции, работающей на текстильных предприятиях (объем выборочной совокупности составил 150 человек); опрос представителей вузовской интеллигенции. Объем выборочной совокупности составил 200 человек. Роль интеллигенции в обществе объясняется теми функциями, которые данная группа реализует (см. табл.1).

Таблица 1

Оценка респондентами роли интеллигенции в обществе в зависимости от их возраста, в % (N1=150 чел.; N2=200 чел).

Оценка роли интеллигенции Возраст	Сохранение и передача опыта		Приумножение культурно-исторического опыта		Создание культурных новаций		Трансляция нравственных ценностей	
	инженерно-техническая интеллигенция	вузовская интеллигенция	инженерно-техническая интеллигенция	вузовская интеллигенция	инженерно-техническая интеллигенция	вузовская интеллигенция	инженерно-техническая интеллигенция	вузовская интеллигенция
До 30 лет	20,0	29,6	8,0	37,0	32,0	25,9	40,0	7,5
31–40 лет	38,1	23,4	14,3	53,3	4,8	10,0	42,9	13,3
41–50 лет	44,4	29,4	16,7	52,9	5,6	5,9	33,3	11,8
51–60 лет	40,0	26,7	26,7	53,3	3,3	6,7	30,0	13,3
Старше 60 лет	12,5	18,1	25,0	45,4	25,0	9,1	37,5	27,3

Таблица 2

Оценка личного ежемесячного дохода инженерно-технической и вузовской интеллигенции в зависимости от их социально-демографических характеристик, в % (N1=150 чел.; N2=200 чел)

Доход, тыс. руб.		До 5		От 5 до 10		От 10 до 20		20 и более	
		инженерно-техническая интеллигенция	вузовская интеллигенция	инженерно-техническая интеллигенция	вузовская интеллигенция	инженерно-техническая интеллигенция	вузовская интеллигенция	инженерно-техническая интеллигенция	вузовская интеллигенция
Социально-демографические характеристики									
		Пол	Мужской	3,7	3,0	11,1	21,2	63,3	60,6
	Женский	15,2	6,0	33,3	35,8	41,0	44,7	10,5	13,5
Возраст	До 30 лет	0,0	14,8	28,0	29,7	58,0	51,8	14,0	3,7
	31–40 лет	4,8	3,3	19,0	36,8	52,6	43,3	20,0	16,6
	41–50 лет	16,7	0,0	25,0	35,5	48,3	29,4	10,0	29,5
	51–60 лет	13,3	0,0	26,7	20,0	50,0	60,0	10,0	13,0
	Старше 60	12,5	0,0	0,0	27,3	70,5	63,6	17,0	9,1
Стаж работы	До 5 лет	2,8	14,3	33,3	28,5	51,1	57,2	12,8	11,1
	5–до 10 лет	18,2	5,6	9,1	33,3	62,7	50,0	10,0	11,1
	10–до 15 лет	0,0	4,8	27,8	42,8	62,2	23,8	10,0	28,6
	15–до 20 лет	18,8	0,0	12,4	40,0	58,0	50,0	10,8	10,0
	20 и более	15,4	0,0	20,5	20,0	44,1	63,4	20,0	16,6

Анализ показывает, что взгляды инженерно-технической и вузовской интеллигенции о ролевом предназначении «нового класса» не сов-

падают. Для преподавателей вузов особое значение имеют две ролевые позиции, которые связаны со спецификой их трудовой деятельности – это приумножение культурно-исторического опыта и сохранение и передача опыта другому поколению. Тогда как инженерно-технические работники особую роль интеллигентского слоя видят в первую очередь в трансляции нравственных ценностей, под которыми следует понимать те ценности и нормы, которые либо востребованы большинством общества, либо наиболее адекватно отражают потребности его дальнейшего развития (вузовская интеллигенция демонстрирует более сдержанную позицию относительно данного ролевого предназначения); во вторую, – в сохранении уже имеющихся знаний и навыков и передачи опыта от поколения к поколению (в основном это респонденты возрастных групп с 31 до 60 лет). Волнение и тревога инженерно-технической интеллигенции по поводу передачи опыта другому поколению вполне объяснима, так как на промышленные производства молодежь работать в настоящее время не идет и, соответственно, опыта передать некому, да и производственно-технических баз, где можно было бы обучить молодежь, в настоящее время практически не осталось.

Несмотря на то, что степень образованности «нового класса» находится на высоком уровне, это не свидетельствует о высоком уровне его материального состояния.

Сравнительная характеристика материального положения инженерно-технической и вузовской интеллигенции указывает на то, что данная категория населения имеет недостаточно высокий уровень доходов, хотя большинство участников опроса – это высокообразованные люди, имеющие продолжительный трудовой стаж (см.табл.2). В наиболее тяжелом материальном положении оказались женщины и особенно те, кто работает на производстве, их доход ниже прожиточного минимума (менее 5 тыс. руб.–15,2%). Причем такая заработная плата характерна даже для инженерно-технической интеллигенции, которая имеет продолжительный трудовой стаж и старше в основном 40 лет.

На наш взгляд, невысокий уровень дохода технической интеллигенции обусловлен кризисом российской экономики (особенно в ивановском регионе), когда предприятия задерживают заработную плату работникам, выплачивая ее частями. В аналогичном положении находятся и представители вузовской интеллигенции, но это, как правило, молодые преподаватели, которые только что пришли работать в вуз либо имеющие непродолжительный трудовой стаж. Самый же высокий уровень дохода в большей степени свойственен мужской части интелли-

генции, работающей в промышленной сфере достаточно долгое время. Тем не менее, если же вернуться к оценке личного дохода в целом по выборке, то мы увидим, что основная масса интеллигенции осуществляет трудовую деятельность за весьма скромную заработную плату, равную 10-15 тыс. руб. (инженерно-техническая интеллигенция – 63,3%; вузовская интеллигенция – 65,0%).

Важно уточнить, что 87,9% представителей инженерно-технической интеллигенции отметили, что за последний год их материальное положение ухудшилось, что еще раз подчеркивает наиболее тяжелое положение в производственной сфере, а именно развал ивановских текстильных фабрик. В аналогичной ситуации оказалось и 30% преподавателей.

Как показывает исследование, значительная часть интеллигенции не адаптирована к самостоятельной и независимой жизни, особенно женщины, и не может либо с большим трудом встраивается в общественные условия в силу отсутствия необходимых ресурсов, а также вследствие личностных особенностей (например, возраста). В таких условиях представители интеллигенции рекрутируются в другие профессии, более низкие по своему социальному статусу, не требующие высокого уровня образования и квалификации, но с более высоким и стабильным уровнем оплаты труда. Особенно ярко выражена данная тенденция у представителей инженерно-технической интеллигенции. Такая ситуация, когда интеллектуальный капитал страны обесценивается вследствие низкого уровня оплаты труда, скорее всего, может привести к размыванию так называемого «нового класса». Представители инженерно-технической и вузовской интеллигенции представляют собой образованный и культурный слой общества. Однако вряд ли в сложившихся условиях они смогут пополнить ряды правящего класса в силу своей неспособности оказать реальное воздействие на политический процесс, так как основные усилия они сосредоточили на решении социально-экономических проблем своих собственных семей. В итоге может появиться действительно новый класс, но с иными качествами, чертами и иным ролевым предназначением, сильно отличающимися от характеристик представителей «нового американского класса».

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**
PUBLIC COMPONENT OF THE NATIONAL SECURITY SYSTEM

М.И. Зацепин

*Министерство Российской Федерации по делам гражданской
обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий
стихийных бедствий*

М.И. Zacepin

*Ministry Of The Russian Federation on civil defense emergencies and
elimination of of consequences of natural disasters*

Рассматривается система обеспечения национальной безопасности и ее общественный компонент.

In the present article it is considered a system of ensuring national security and it's public component.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, система обеспечения национальной безопасности.

Keywords: security, national security, a system of ensuring national security.

Современный человек во все большей и большей степени вынуждено-сталкивается с наличием потенциального и реального влияния на свою повседневную, рутинную жизнь широкого круга угроз, рисков, опасностей различной природы. Существование и усиление подобной тенденции объективно детерминируется как изменяющимися характеристиками личности индивидов, так и совокупностью внешних факторов.

В связи с этим год от года становится актуальной проблема обеспечения национальной безопасности. Это понятие интегрирует в себе различные аспекты безопасности, многоуровневость и широкую направленность деятельности субъектов данной деятельности.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года утверждена Указом Президента России от 21 мая 2009 г. № 537. В данном нормативно-правовом акте национальная безопасность рассматривается как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

Данная трактовка как приоритет национальной безопасности выдвигает на первое место личность гражданина, соблюдение его прав и свобод, создание комплекса необходимых для его успешного существования условий со стороны государства и общества. В то же время совершенно очевидно, что реализация этого приоритета даже гипотетически невозможна без обеспечения надлежащего уровня безопасности государства и общества в целом. Фактически безопасность личности, общества, государства являются рядоположенными и взаимозависимыми явлениями. Например, обороноспособность страны непосредственно зависит, помимо иных факторов, как от степени удовлетворенности потребностей армии и флота кадровыми ресурсами, так и от их качества (физические, морально-личностные, профессиональные характеристики).

На состояние экономической безопасности государства помимо прочего, влияют установки граждан на реализацию тех или иных форм трудового поведения (осуществление предпринимательской деятельности или работа по найму), готовность руководителей юридических лиц, индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица и граждан к надлежащему исполнению обязанностей по уплате различных налогов, установленных действующим законодательством.

благополучие граждан, нормальное функционирование государственных институтов предопределяет безопасное и устойчивое развитие общества как социальной системы.

С позиций системного подхода национальная безопасность возникает в результате деятельности органов и сил профильной системы, подкрепленной соответствующими средствами и ресурсами. Однако анализ складывающейся в Российской Федерации системы обеспечения национальной безопасности, демонстрирует, что она образована не только государственными и муниципальными органами, воинскими и специальными частями, организациями и учреждениями, но и также представлена гражданским или общественным компонентом. Его образуют как сами граждане, так и их объединения, целями которых, например, является:

- участие в деятельности по поддержанию общественного порядка;
- военно-патриотическое воспитание молодежи, подготовка молодых людей к службе в рядах Вооруженных сил страны;
- противодействие распространению наркотиков, ведение контрпропаганды, нацеленной на снижение употребления гражданами психоактивных веществ, алкоголя;
- формирование и содействие практической реализации гражданами установок на ведение здорового образа жизни;

- оказание помощи детям и подросткам, молодежи, находящейся в трудной жизненной ситуации;
- содействие в деятельности армии, флота, военно-воздушных сил;
- оказание посильной помощи или непосредственное участие в спасении людей, являющихся жертвами различных катастроф;

Даже этот краткий обзор показывает, что граждане, находясь в составе профильных общественных объединений, способны оказывать заметное содействие органам власти, их учреждениям в осуществлении функций по обеспечению национальной безопасности.

В то же время наличие институализированных общественных объединений, имеющих своей целью оказание помощи ведущим субъектам безопасности, не отрицает возможности наличия у граждан признаков субъектности в данной сфере, возникающих при определенных обстоятельствах: наступление чрезвычайной ситуации, противодействие преступным посягательствам на имущество, жизнь и здоровье граждан и т.д. Конкретным примером в данном случае могут служить события, произошедшие в г.Крымске Краснодарского края летом 2012 г., когда гражданские волонтеры оказали ощутимую помощь жителям города, подразделениям Министерства по чрезвычайным ситуациям и делам гражданской обороны Российской Федерации, армейским частям, органам местного самоуправления в ликвидации последствий стихийного бедствия.

Этот конкретный случай объективирует необходимость создания основ для правового регулирования как деятельности гражданских объединений и отдельных граждан-волонтеров, так и их взаимодействия в этой сфере с властными институтами.

Несмотря на неспоставимость возможностей, масштабов и ресурсной базы государства и субъектов гражданского общества, роль последних в обеспечении системы национальной безопасности не только заметна, но и требует своего усиления и поддержки со стороны органов власти. Пожарная безопасность, спасение людей на воде, профилактика аддитивного поведения в молодежной среде, превенция делинквентности, выдвижение в число приоритетных общественных ценностей любви к Родине, формирование готовности граждан к ее защите и т.д.

Эти и другие задачи доступны для успешной реализации гражданскими структурами при условии сотрудничества и при поддержке государства. В свою очередь государство обретает в их лице сетевого партнера, образованного гражданскими организациями и индивидуумами. Часть из них обладает высокой степенью мобилизационной готовности,

необходимым уровнем профессионализма и, самое главное, позитивной мотивацией на осуществление деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ И ПРАКТИКИ
ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ МУЖЧИН
НА ПРИМЕРЕ ОТНОШЕНИЯ К ПРОЯВЛЕНИЮ СЛЕЗ
SOCIAL EXPECTATIONS AND PRACTICIANS OF EMOTIONAL
BEHAVIOUR OF MEN (RELATION TO DISPLAY OF TEARS)**

Л.В. Игнатушко

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

L.V. Ignatushko

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Исследуется один из самых распространенных стереотипов о мужских слезах. Эмоциональное поведение, на примере проявления слез, является одним из индикаторов кризиса маскулинности. Работа опирается на эмпирическое исследование, проведенное в форме интернет-опроса.

This work is devoted to the one of the most popular stereotypes about man's tears. The emotional behavior on the example of display of tears is one of the indicators of crisis of masculinity. This work based on the empirical research which has been realized in the form of Internet poll.

Ключевые слова: социология маскулинности, социология эмоций, социальный стереотип, социальные ожидания.

Keywords: sociology of masculinity, sociology of emotion, social stereotype, social expectation.

Сегодня в российском обществе существует множество стереотипов, в том числе и гендерных, в основе которых лежат давно устоявшиеся патриархальные представления о ролевых функциях мужчины и женщины. Например, всем известный стереотип о том, что мужчины не плачут.

Социология эмоций является активно развивающейся отраслью современного социологического знания, в фокусе социальных исследований которой оказываются конкретные эмоции: страх, зависть, стыд, гордость. Рассматривается вклад эмоций в развитие социальных отношений, социальных структур и институтов. Большое внимание уделяется гендерному аспекту данной проблемы.

В современной науке существуют четыре главные парадигмы изучения маскулинности: биодетерминистская, психоаналитическая, социально-психологическая и постмодернистская. Первые две парадигмы – эссенциалистские, основаны на важнейших биологических свойствах, отличающих мужчин от женщин, которые являются объективной данностью, и культура только оформляет и регулирует их проявления. Вторые две парадигмы – конструктивистские, они считают маскулинность продуктом культуры и общественных отношений, которые навязывают индивидам соответствующие представления и образы [1].

Согласно поло-ролевому подходу Т. Парсонса и Р. Бейлса, женщина выполняет экспрессивную роль в социальной системе, мужчина – инструментальную. Экспрессивная роль означает осуществление заботы, эмоциональной работы, поддержание психологического баланса семьи. Инструментальная роль мужчины заключается в регуляции отношений между семьей и другими социальными системами, это роль добытчика и защитника. Типы ролевого поведения определяются социальным положением, ролевые стереотипы усваиваются в процессе социализации и ролевых ожиданий. Правильное исполнение роли обеспечивается системой поощрений и наказаний (санкций), положительных и отрицательных подкреплений [2; с. 175].

Бурный всплеск исследований эмоций в гендерном аспекте происходит на вторую половину XX века. Это своеобразная теория виктимизации мужчин, согласно которой мужчины рассматривались как пассивные жертвы собственной биологической природы или структурно-культурных обстоятельств [2; с. 177]. Так, в 1981 году М. Джэкман и М. Сентер в ходе эмпирического исследования пришли к выводу, что гендерные стереотипы намного сильнее расовых: только 22 % мужчин считали, что мужчины и женщины одинаково эмоциональны, среди остальных оказалось в 15 раз больше тех, кто приписывал женщинам большую эмоциональность, чем мужчинам; при этом сами женщины почти полностью были согласны с такой оценкой [3; с. 395].

В отечественной социологии социология эмоций является малоисследованной отраслью, поэтому исследования, посвященные данной проблематике, практически отсутствуют.

Весной 2012 года мною было проведено исследование «Социальные ожидания и практики эмоционального поведения мужчин на примере отношения к проявлению слез». Методом сбора информации был интернет-опрос. В опросе приняли участие 250 респондентов, среди которых

83 мужчины и 167 женщин разных возрастов, семейного положения, уровня образования, материального положения и сферы деятельности.

Анкета включала две таблицы: первая – посвящена допустимости проявления слез в предложенных ситуациях, а вторая – реальному эмоциональному поведению респондентов. Это дает возможность сравнить представления респондентов о допустимости проявления слез с самооценкой реального поведения.

Согласно результатам проведенного исследования, в рамках нашей культуры плач со слезами является принятым и допустимым для всех людей, независимо от пола и возраста в определенных ситуациях, которые маркируются как экстремальные (слезы от утраты близкого человека, или когда слезы выражают позитивные эмоции – слезы радости). В других ситуациях предполагается различие в степени выражения слез, которое варьируется в зависимости от социально-культурных характеристик человека [4; с. 114].

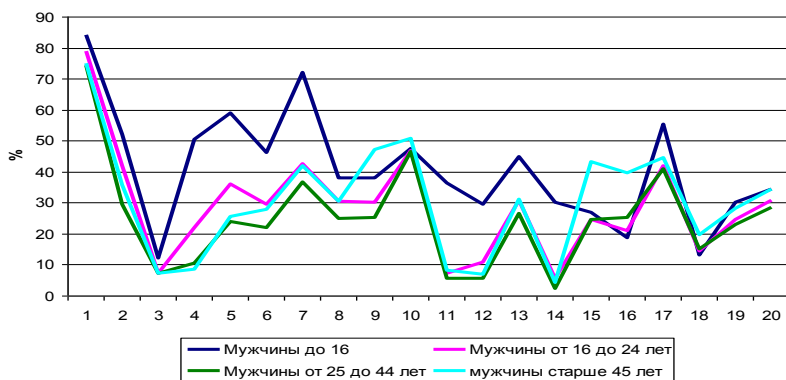
Во многих культурах, как современных, так и древних, плач жестко регламентируется возрастными (рыдающему или хнычущему ребенку внушают: «Не плачь, ты уже взрослый/ая!») и гендерными ролями (над мальчиком или мужчиной насмеются: «Что ты плачешь как девчонка/женщина/баба!») [5; с. 44]. Так, в ряде ситуаций слезы больше допустимы для подростков, чем для взрослых мужчин, для которых слезы в этих ситуациях считаются скорее вовсе недопустимыми (слезы из-за проигрыша и неудач и из-за проблем в семье больше допустимы для подростков, при прощании с человеком, который надолго уезжает, слезы раскаяния, от физической боли) (рисунок 1).

Согласно привычным для россиян стереотипам [5], мужчина должен быть выдержанным, уравновешенным, беспристрастным; в отличие от женщины, он не может позволить себе покапризничать или поплакать. Развитие эмоциональных реакций, не соответствующих данным установкам, активно подавляется в процессе социализации. В связи с этим в некоторых ситуациях слезы для подростков не приветствуются, а для взрослых мужчин такое поведение вообще является недопустимым (от страха перед опасностью, от безысходности и для привлечения внимания) (рисунок 1). В целом предполагается более свободное выражение слез для подростков, а больший контроль над своими эмоциями должны осуществлять мужчины от 25 до 44 лет.

В целом, социальные ожидания мужчин и женщин по отношению к проявлению мужских слез практически совпадают. Но, тем не менее, в некоторых ситуациях мужчины предполагают больший контроль эмо-

ций, особенно в публичном пространстве, из-за проблем в семье, от физической боли, от плохих новостей от врача, от жалости и от безысходности. С другой стороны, контроль эмоций в приватной сфере более амбивалентен, таким образом, слезы при прослушивании музыки и при просмотре художественного фильма предполагают меньший контроль эмоций со стороны мужчин, чем ожидают женщины (рисунок 2).

Интересно, что ожидания мужчин по поводу проявления слез в некоторых ситуациях достаточно сильно различаются с реальным поведением мужчин. Они чаще плачут от утраты близкого человека (83,9%), из-за ухода близкого человека (54,5%), от жалости и сострадания (53,5%), при воспоминаниях (49,5%), от гордости за близкого человека (45,5%).

1) Слезы горечи от утраты близкого человека	11) Слезы из-за поломки ценной вещи
2) Слезы из-за ухода любимого человека	12) Слезы от страха перед опасностью, принятием важного решения
3) Слезы из-за неприятностей на работе	13) Слезы от безысходности
4) Слезы из-за проигрыша, неудач (от обиды)	14) Слезы для привлечения внимания
5) Слезы из-за проблем в семье	15) Слезы при воспоминаниях
6) Слезы при прощании с человеком, который надолго уезжает	16) Слезы гордости за близкого человека
7) Слезы от физической боли	17) Слезы от содеянного, слезы раскаяния
8) Слезы из-за плохих новостей (от врача)	18) Слезы при созерцании произведений искусства
9) Слезы жалости, сострадания, сочувствия (при виде чужого горя)	19) Слезы при прослушивании музыки
10) Слезы радости	20) Слезы при просмотре фильма

Рис. 1. Социальные ожидания россиян по отношению к проявлению слез мужчинами разных возрастных групп

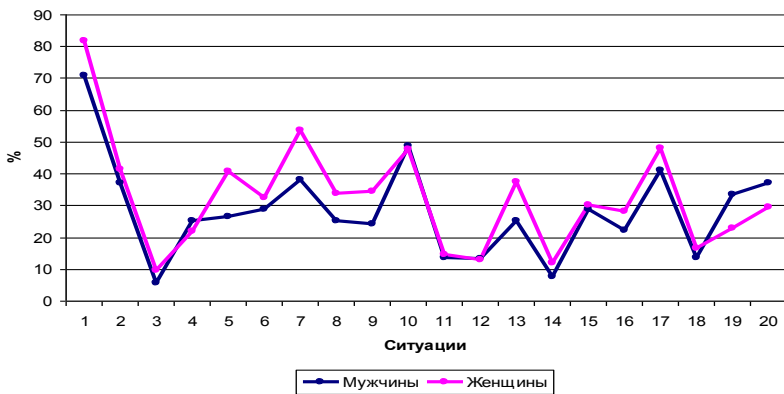

Рис. 2. Социальные ожидания мужчин и женщин по отношению к проявлению слез мужчинами, % (Ситуации см. на рис. 1)

Это может быть связано с тем, что социальные ожидания основываются на господствующем каноне маскулинности и полоролевых стереотипах, которые предполагают, что взрослый мужчина должен быть выдержанным, уравновешенным, беспристрастным, и в отличие от женщины или ребенка он не может позволить себе покапризничать или поплакать. Традиционная маскулинная идеология и основанная на ней эмоциональная социализация поощряют и культивируют у мальчиков сильные эмоции, связанные с отношениями господства и власти (гнев, любовь к острым ощущениям) и блокируют проявление эмоций, связанных со слабостью, будь то страх, нежность и т.д. В современном обществе от мужчин ожидается поведение, которое практически исключает проявление «слабых» эмоций [6].

В ряде ситуаций социальные ожидания мужчин и женщин по поводу проявления мужских слез совпадали (слезы из-за неприятностей на работе и из-за проигрыша, неудач недопустимы). В этих случаях, в рамках нашей культуры слезы и не приемлемы, и не характерны для мужчин (Рисунок 2).

Практики эмоционального поведения мужчин, связанные с проявлением слез, различаются в зависимости от возраста. Так, слезы горечи от утраты близкого человека и слезы по поводу ухода любимого человека более характерны для мужчин от 16 до 24 лет и для мужчин старше 45 лет; слезы жалости и сострадания более свойственны для мужчин старше 45 лет; слезы при воспоминаниях, нехарактерные для подростков,

для мужчин старше 16 лет встречаются в среднем у каждого второго; слезы гордости за близкого человека случаются у половины мальчиков подростков и у большинства мужчин старше 45 лет, но они не характерны для мужчин от 16 до 45 лет; более эмоционально воспринимают искусство мужчины старше 45 лет, хотя слезы при просмотре фильма также возникают у половины мужчин младших возрастов (*младше 45*) (Таблица 1).

Таблица 1

**Практики эмоционального поведения мужчин,
связанные с проявлением слез, %**

Ситуации	До 16 лет	От 16 до 24 лет	От 25 до 44 лет	Старше 45 лет	Среднее:
Слезы горечи от утраты близкого человека	68,2	87,5	80,0	100,0	83,9
Слезы из-за ухода любимого человека	40,9	59,4	40,0	77,8	54,5
Слезы жалости, сострадания, сочувствия (при виде чужого горя)	31,8	53,1	40,0	88,9	53,5
Слезы при воспоминаниях	36,4	50,0	45,0	66,7	49,5
Слезы гордости за близкого человека	50,0	28,1	15,0	88,9	45,5
Слезы при прослушивании музыки	18,2	46,9	40,0	77,8	45,7
Слезы при просмотре фильма	31,8	53,1	55,0	77,8	54,4

Эмоциональное поведение мужчин зависит от семейного статуса. Согласно результатам проведенного исследования, практика проявления слез холостыми и женатыми мужчинами различается. Слезы от физической боли характерны для половины женатых мужчин, и встречаются только у 30% холостых мужчин. Слезы жалости и сострадания характерны для многих женатых мужчин, но только для половины холостых. Несмотря на то, что слезы безысходности в целом не свойственны мужчинам, тем не менее, у женатых они встречаются чаще. Слезы гордости за близкого человека характерны для каждого второго женатого мужчины, и меньше характерны для холостых мужчин. Подобное поведение мужчин можно связать с тем, что проявление эмоций в семье носит более свободный характер, т.е. подвергается меньшему

контролю. Эмоциональное поведение мужчин соотносится с семейным статусом, поэтому холостые мужчины подвергают эмоции большему контролю, чем женатые.

Степень проявления слез зависит и от занимаемой должности. Слезы горечи от утраты близкого человека характерны для представителей всех профессий и должностей, в то время как слезы от ухода любимого человека меньше всего характерны для руководителей. Слезы при воспоминаниях, от гордости за близкого человека больше свойственны для непроизводственной интеллигенции (врачи, учителя). Таким образом, практики эмоционального поведения мужчин, допускающие проявления слез, зависят от степени ответственности, в связи с занимаемой должностью. Например, чем выше должность, тем большему контролю подвергаются эмоции на уровне поведения, в частности, проявление слез. Но мужчины непроизводственной интеллигенции меньше подвергают эмоции контролю.

Проявления слез зависит от материального положения. Мужчины с низким материальным положением чаще плачут из-за недостатка и возможности что-то потерять (из-за проигрыша и неудач 37,5%, из-за плохих новостей 50%, из-за поломки ценной вещи 37,5%, от страха перед опасностью 37,5%) и практически не плачут в ситуациях, предполагающих эмпатию (от гордости за близкого человека 12,5%) и при воспоминаниях о прошлом 12,5%, в то время как около половины опрошенных мужчин, материальное положение которых ниже среднего (недостаточно денег для покупки товаров длительного пользования) и среднее (недостаточно для покупки квартиры или машины), проявляют слезы жалости и сострадания по отношению к другим людям, при воспоминаниях и от гордости за близкого человека. Мужчины, которые могут позволить себе купить практически все, что захотят, реже плачут из-за ухода любимого человека, из-за проигрыша и неудач.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что практика проявления мужских слез зависит не только от возраста, но и от семейного и социального статусов, сферы деятельности и материального положения.

Социальные ожидания мужчин и женщин по отношению к проявлению мужских слез и реальное эмоциональное поведение мужчин в основном совпадают, но на практике мужчины плачут чаще. Степень эмоционального самоконтроля зависит, в частности, от того, насколько то или иное чувство или переживание гендерно приемлемо [6]. Поэтому в некоторых ситуациях мужчины открыто проявляют слезы. В процессе социализации мальчики учатся подавлять или утаивать часть своих, не

соответствующих канону маскулинности, чувств и переживаний, о которых женщины говорят открыто. С другой стороны, слезы – очень личный аспект жизни человека, который не всегда находится в поле зрения окружающих, поэтому существует разница выражения эмоций в публичной и частной сфере.

Литература

1. Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / И.С. Кон. [Обращение к документу 15 апреля 2012]. Доступ через <<http://sexology.narod.ru/publ018.html>>.
2. Здравомыслова Е. Социальное конструирование гендера / Е. Здравомыслова, А. Темкина // Социологический журнал. – 1998. – № 3/4. – С. 171 – 182.
3. Майерс Д. Социальная психология / Д. Майерс. – 7-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 749 с.
4. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире / И.С. Кон. – М.: Время, 2009. – 496 с.
5. Морозов И.А. «Мужские слезы» и эмоции пограничных состояний / И.А. Морозов // Мужской сборник. Вып.3. Мужчина в экстремальной ситуации. СПб: Индрик, 2007. С. 43–61.
6. Кон И.С. Мальчик – отец мужчины / И.С. Кон. – М.: Время, 2009. – 437 с.

ТИПОЛОГИЯ ОДИНОЧЕСТВА TYPOLOGY OF SOLITUDE

Л. В. Интчама

Ивановский государственный энергетический университет

L.V. Intchama

Ivanovo State Power University

Исследуется проблема одиночества, предлагается его типология.

This article is devoted to the problem of types of solitude.

Ключевые слова: одиночество, типология, социальная изоляция, форма.

Keywords: solitude, typology, social isolation, form.

Одной из отличительных черт понятия «одиночество» в современной социологии и психологии является разнообразие его типологии.

Во многом подобная ситуация обуславливается различием воззрений исследователей на природу дефицита социальных отношений, а соответственно и на характеристики социального положения личности, обуславливающие ее одиночество.

Так, согласно точке зрения Р. Вейса, одиночество возникает в результате нехватки социального взаимодействия, которое удовлетворяло бы основные запросы личности. Исследователь предложил рассматривать две составляющие чувства одиночества – эмоциональную и социальную.

Социальное одиночество, по Р. Вейсу, выражается в глубоком переживании человеком отсутствия доступного круга общения и удовлетворяющих его социальных связей. То есть, причиной возникновения данного вида одиночества является нехватка воспринимаемой принадлежности к общей социальной группе.

Эмоциональное одиночество Р. Вейс рассматривает как переживание отсутствия тесной эмоциональной привязанности, неспособности найти душевный отклик, встретить понимание со стороны других людей. Другими словами, эмоциональное одиночество является результатом недостатка психологической привязанности индивида к близким людям, таким как родители, супруг или супруга, дети, братья, сестры другие родственники, отсутствие друзей [3, с. 100, 100].

Дж. Джонг-Гирвельд рассматривает понятие одиночества как связанное с переживанием индивидом ситуаций, воспринимаемых как нежелательный и неприемлемый дефицит определенных отношений в их количественном и качественном измерении. При этом исследователь подчеркивал существование значительных отличий между субъективным чувством одиночества и объективной социальной изоляцией индивида. Если первое соотносится преимущественно с манерой восприятия, переживания и оценки конкретным индивидом своей изолированности, то второе связано непосредственно с дефицитом общения индивида с другими людьми [2, с. 305].

И. Янг и его последователи, акцентирующие внимание на временном критерии, различают три типа одиночества. *Хроническое одиночество* развивается, когда в течение длительного времени индивид не может установить удовлетворяющие его социальные связи. *Ситуативное одиночество* зачастую наступает в результате значительных стрессовых событий в жизни, таких как смерть супруга или разрыв брачных отношений. Ситуативно одинокий индивид после короткого периода дистресса обычно смиряется со своей потерей и преодолевает одиночество. *Преходящее одиночество* – наиболее распространенная форма этого состояния, относящаяся к кратковременным приступам чувства одиночества [2, с. 215].

Дж. Джонг-Гирвельд и Д. Раадшелдерс предприняли попытку интегрировать описанные выше типологии одиночества. В итоге ими были выделены три измерения одиночества:

1. Эмоциональные характеристики одиночества, выявляющие отсутствие позитивных эмоций, таких как счастье, привязанность, и наличие негативных эмоций, таких как страх и неуверенность.

2. Тип ущербности, определяющий природу недостающих отношений. Здесь решающим является сбор информации о значимых для индивида отношениях. Этот показатель, видимо, значительно варьируется в зависимости от категории исследуемых индивидов

3. Временная перспектива, в рамках которой было выделено три компонента:

- степень, до которой одиночество переживается как неизменное;
- степень, до которой одиночество переживается как временное;
- степень, до которой индивид примиряется с одиночеством, усматривая причину одиночества в других (своем окружении) [1, с. 317].

Результат научного творчества был проверен эмпирически при помощи контент-анализ биографий 114 одиноких мужчин и женщин. Анализируя полученные данные, исследователи выявили четыре различные группы одиноких людей. Самую большую группу (тип IV, 59% выборки) составили неодинокие или в незначительной степени одинокие люди. Три другие группы представляют различные типы одиночества. Респонденты всех трех групп ощущали дефицит интимных отношений (например, супружеских), но различались по своим отношениям с друзьями и сотрудниками, а также по чувству ущербности.

Приведем краткие результаты исследования и характеристики каждой из этих четырех групп.

Тип I (безнадежно одинокие, полностью не удовлетворенные своими отношениями люди) представляли 14% респондентов. Как и в каждом другом из типов одиночества, большинство респондентов не имели партнера по интимной связи или супруга. Они также редко устанавливают близкие отношения с кем-либо, например, с соседями. Отличительная черта респондентов, представлявших этот тип – сильное чувство неудовлетворенности своими взаимоотношениями со сверстниками. Респонденты в большей мере, чем представители других групп, склонны обвинять окружающих в своем одиночестве. Они получают высокий балл по шкале «обеспокоенность, печаль». Преобладающее настроение респондентов, отнесенных к типу I – недостаток в близкой привязанности, чувство социальной ущербности, безнадежность в отношении будущего.

Тип II был определен как периодически и временно одинокие люди. Хотя респонденты из этой группы и испытывали недостаток в близкой привязанности или не состояли в браке, они все же в достаточной мере были связаны близкими отношениями со своими друзьями и знакомыми. По сравнению с респондентами, представляющими тип I, они чаще вступают в социальные контакты: на работе, в различных организациях, клубах. Представителей данной группы отличает наибольшая социальная «активность» по сравнению с представителями всех других групп одиноких. Этот тип, составляющий 15% всей выборки, объединил большую часть никогда не состоявших в браке мужчин и женщин, нежели другие типы. Наиболее четкое различие типа II от типа I дает оценка временной перспективы одиночества: респонденты, включенные в тип II, считают, что их одиночество преходяще, и реже чувствуют себя покинутыми.

Респонденты, представляющие тип III, – пассивно и устойчиво одинокие люди, испытывают недостаток в партнере по интимной связи, им не хватает тесных межличностных отношений, однако они не выражают такой неудовлетворенности по этому поводу, как представители I и II типов. Респонденты типа III просто смирились со своим положением. Большинство из них – это вдовцы и вдовы, средний возраст за 55 лет, многие не имеют работы. Люди подобного типа принимают свои социальные лишения как неизбежность. Чувствуя себя глубоко одинокими, респонденты типа III не считают себя покинутыми и не винят других в своем положении. Тип III составляет 12% от всей выборки [1, с. 317].

Таким образом, большинство ныне существующих типологий одиночества основано на выделении различных критериев данного состояния. Однако при этом их объединяет акцент на субъективном, личностном переживании состояния социальной изоляции, в то время как объективным факторам, способствующим возникновению дефицита коммуникации в обществе, уделяется второстепенное внимание. Подобная ситуация во многом объясняется тем, что изучение феномена одиночества протекает в междисциплинарном ключе, на базе теоретических и практических работ специалистов-психологов.

Литература

1. Тайгулова Т.С. Типология феномена одиночества в современной психологии личности // Социально-культурные проблемы современного человека: материалы IV Международной научно-практической конференции. Часть 1. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. С. 15–17.

2. Джонг-Гирвельд Дж., Раадшелдерс Д. Типы одиночества // Лабиринты одиночества. М., 1989. С. 301–318.

3. Цой Н.А. Феномены интернет-зависимости и одиночество // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 98–107.

ЧТЕНИЕ В СТРУКТУРЕ СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ РОССИЯН READING AS A LEISURELY ACTIVITY OF THE RUSSIANS

Т.З. Козлова

Институт социологии РАН

T.Z. Kozlova

Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences

Обсуждается тенденция сокращения времени на чтение в структуре свободного времени россиян. По данным социологов, такое изменение в образе жизни граждан России произошло в 90-е годы в связи с изменением уклада страны. Уменьшился и продолжает уменьшаться библиотечный фонд страны, а вместе с ним и численность зарегистрированных читателей.

The article discusses the tendency of shrinking time devoted to reading among other leisurely activities of Russian people. According to sociological data, this change in Russian lifestyle occurred in the 90s because of the structural changes in the country. The assets of the libraries in the country have diminished and continue to shrink, along with numbers of registered library patrons.

Ключевые слова: чтение, структура свободного времени, цивилизационная революция, интернет.

Keywords: reading, structure of leisure time, civilized revolution, internet.

В 90-х годах XX изменился уклад России. Вместе с изменением социально-экономического строя, по выражению Аллы Демидовой, произошла «цивилизационная революция»¹.

Одной из значимых издержек цивилизационной революции, наряду с изменением в стране морально-психологического климата, деформацией ценностных ориентаций, разрыва межпоколенных отношений (отсюда кризис семьи) и пр., поменялся образ жизни российского человека.

В образе жизни, а более конкретно, в проведении свободного времени россиян стало меньше времени отводиться такому занятию, как чте-

¹ Демидова А. «Судьба ташила Высоцкого к финалу» // Культура. 25–31 января 2013.

ние. В 2001 году известным учёным В.Д. Патрушевым была опубликована статья «Общая картина изменений использования бюджета времени горожан с 1965 по 1997/98 годы». Статья стала своего рода итогом лонгитюдного исследования, проводимого коллективом учёных Института социологии РАН в городе Пскове, который учёные считают типичным российским городом. Вот некоторые выводы исследования о произошедших изменениях в структуре свободного времени: а) Затраты времени на повышение уровня образования имеют устойчивую тенденцию к снижению. Так, если у мужчин в 1965 г. они составляли 5,0 часов в неделю, то в 1997 г. – 1,0 час; б) Снизились затраты времени и на удовлетворение других культурных потребностей. Если в 1965 г. мужчины на чтение книг расходовали 4,1 часа в неделю, то в 1997 г. – 1,9 часа, женщины соответственно – 2,5 и 2,0. Уменьшились и средние затраты времени на чтение газет; в) Произошло увеличение затрат времени на пассивный отдых (просмотр телепередач)².

Учёные Института социологии РАН в 2012 г. провели общероссийское социологическое исследование, анализирующее, наряду с другими сторонами жизни граждан России, структуру свободного времени. В выборке исследования примерно треть – гуманитарии. Анализ исследования показал, что для россиян характерен пассивный вид отдыха (более половины опрошенных смотрят телевизор, встречаются с друзьями, занимаются домашними делами и др.). Меньше трети респондентов читают книги, слушают музыку. Учёные отметили также значительный рост проведения свободного времени за компьютером: «в России сейчас происходит виртуализация досуга: общение с друзьями заменяется общением в социальных сетях, телевидение и газеты как источники информации заменяются Интернетом и т.д. Доля тех, кто практикует такой вид досуга, возросла за последние 10 лет более чем в два раза, и сейчас такое проведение своего свободного времени характерно более чем для трети россиян (36%)»³.

² Патрушев В.Д. Общая картина изменений использования бюджета времени горожан с 1965 по 1997/98 годы // Бюджет времени и жизнедеятельности городских жителей в 1965–1998 годах. / Отв. ред. Караханова Т.М. М.: Институт социологии РАН, 2001.

³ Досуговые практики и свободное время россиян в мечтах и реальности // О чём мечтают россияне. Идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Изд-во «Весь мир», 2013. С. 215–239.

Изменение структуры образа жизни россиян является одним из предметов изучения учёных Левада-Центра. Сотрудники Центра провели исследование места чтения в структуре свободного времени россиян и проанализировали полученные данные. Борис Дубин и Наталия Зоркая на основании этих данных опубликовали ряд статей в «Вестнике общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии» (2005, 2006, 2008 годы). Эти учёные обозначили основные социокультурные обстоятельства, повлиявшие на «изменение картины массового чтения: распад советской интеллигенции и её просветительской идеологии, потеря ведущей культурной роли государственной массовой библиотеки – главного организатора в советскую эпоху, разгосударствление и коммерциализация издательской деятельности, развал прежней системы централизованного книгораспространения, соответственно- углубляющийся разрыв между «центрами» и периферией общества»⁴.

На основании статистических данных Росстата мы провели анализ динамики изменения состояния библиотек в России и числа пользователей в этих библиотеках за 30 лет.

Ниже помещена таблица № 1, демонстрирующая изменения состояния общедоступных библиотек России².

Таблица 1

Общедоступные библиотеки России

Годы	Число библиотек (тысяч)	Библиотечный фонд млн. экз.	Число экземпляров на 1000 чел. населения
1980	62,1	980	8671
1990	62,6	1155	10825
1995	54,4	1105	9785
2000	51,2	1027	9306
2010	46,1	923	8676

Из таблицы № 1 следует, что число библиотек в России сократилось в 90-е годы. Если в 1980 году их насчитывалось свыше 60 тыс. экземпляров, то в 1993 году стало 54,4 тыс. экземпляров. В последующие годы их численность также сокращалась. По последним дан-

⁴ Дубин Б., Зоркая Н. Чтение и общество в России 2000-х годов // Вестнике общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 6. С. 30.

Таблица 2

Показатели работы общедоступных библиотек

Годы	Библиотечный фонд млн.экз	Всего зарегистр. пользователей млн.	Выдано экз. в млн. экземпляров	Число экз. в среднем на 1 библиотеку	Число экз. в среднем на 1 пользователя	Число выдан. экз. в среднем на 1 пользователя
1980	980	78,1	1654	43,8	12,6	21,2
1990	1155	71,9	1506	18,5	16,1	20,9
1995	1105	60,2	1325	20,3	18,3	22,0
2000	1027	59,6	1340	20,0	17,2	22,5
2010	923	56,0	1231	20,0	16,5	22,2

ным Росстата, в 2010 году число библиотек составила 46,1 тысяч. Аналогичная динамика и библиотечного фонда. Если в 1990 году библиотечный фонд составлял 1155 млн. экземпляров, то в 2010 – 923 млн. экземпляров.

Таблица № 2 демонстрирует показатели работы общедоступных библиотек⁵. Ситуация с использованием библиотек изменилась в 90-е годы. В библиотеках стало меньше зарегистрированных читателей. Если в 1980 году было 78,1 млн читателей, то в 90-е годы эта численность уменьшилась до 60,2 млн. читателей, а по последним данным Росстата в 2010 году численность зарегистрированных читателей составила уже 56 млн. человек. Уменьшилось также число книг, выдаваемых библиотеками. Эта статистика подтверждает выше приведённые данные социологических исследований, а именно, граждане России стали меньше читать. Таким образом, в структуре свободного времени россиян меньше уделяется времени познавательной деятельности.

⁵ Российский статистический ежегодник. 2011: Стат.сб. / Росстат. М., 2011. С. 284.

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
**PECULIARITIES OF FORMATION OF HUMAN POTENTIAL
IN MODERN RUSSIA**

А.А. Колодина

*Московский государственный технологический
университет «МАТИ» им. К.Э. Циолковского*

A.A. Kolodina

*Moscow state technological
University MATI them. KE Tsiolkovsky*

В современном социально-гуманитарном знании одной из наиболее широко обсуждаемых и актуальных проблем является проблематика, связанная с анализом таких базовых понятий, как человеческий потенциал и человеческий капитал, значимость которых постоянно возрастает.

П. Бурдье в своей работе «Социальное пространство и символическая власть» показывает, что процесс становления современного человека может быть рассмотрен как итоговая сумма формирования его четырех основных капиталов. Его составляющие: экономический капитал, т.е. его ресурсы, деньги, товары; культурный капитал, который включает не только уровень образования человека, но и авторитетность его дипломов и аттестатов; социальный капитал, т.к. любой человек принадлежит какому-то классу, социальной группе, имеет определенные властные и жизненные шансы; символический капитал, основу которого составляют престиж и репутация человека, его авторитет и популярность в обществе [1].

Рассмотрим эти позиции применительно к современным российским детям, которые осуществляют процесс первичной социализации в стране, где все традиционные социальные институты первичной социализации – семья, система народного образования и даже среда ближайшего социального окружения, в которой происходит процесс овладения социальными ролями и достижимыми статусами, а вместе с тем и становление личности ребенка, его самоидентификация, находятся в неустойчивом и транзитивном состоянии.

Следует сразу же подчеркнуть, что неустойчивость вступает как характерная особенность не только России, но и всего современного человечества, живущего в обществе риска. Отличительными особенностями этого общества, как это отметил У. Бек, является то, что все происходящие в нем социокультурные процессы осуществляются хаотически,

имеют явно выраженный нелинейный и вероятностный характер, а быстрые темпы изменений в социальных институтах и учреждениях общества, равно как изменения самой социальной структуры общества и, в особенности, разнонаправленность происходящих в нем массовых процессов, делают процесс формирования каждого человека достаточно длительным и непредсказуемым [2].

За последнее десятилетие в России существенно сократилось общее число детей (в возрасте от 1 до 14 лет), сейчас их в стране, по данным переписи 2010 г. 27,6 млн. Это на 10 млн. меньше когорты детей в предыдущие периоды, имеется в виду начало перестройки в РФ, уже после распада СССР.

По данным Всероссийской переписи 2010 г., примерно 80% всего населения нашей страны живет в городах и в полной мере ощущают все достоинства и недостатки процессов российской урбанизации.

Социологами давно установлен тот непреложный факт, что неконтролируемый рост численности населения городов за счет внутренних и внешних мигрантов, особенно в условиях кризисного состояния общества, порождает целый ряд негативных социокультурных процессов. К ним относятся: маргинализация населения, нестабильность семьи, усиление девиантного и делинквентного поведения детей и подростков, существенная алкоголизация и наркотизация населения, вспышки социальных болезней (туберкулез, гепатит), а также возрастающая склонность к агрессивному поведению многих горожан, что особенно характерно в условиях низкого достатка и хронической безработицы.

За последние двадцать лет существенно изменилась сама социальная структура российского общества. В ходе радикальных изменений экономики и под влиянием господства принципов либеральной идеологии в стране был создан институт частной собственности, сформировались определенные рыночные отношения, реализуются принципы демократии во многих сферах социальной практики, формируются основы гражданского общества. Все это не могло не отразиться на населении огромной страны, в которой самая молодая и активная часть почувствовала наличие существенных деприваций, коренным образом влияющих на их собственный, неотчуждаемый человеческий капитал.

Экономический капитал каждого современного российского ребенка весьма незначителен, хотя бы потому, что институт частной собственности в стране складывался не из традиционного наследственного капитала, в основе которого лежала жизнь и накопительская деятельность 2-3 поколений, а за счет процессов приватизации экономических богатств

страны, в первую очередь, монополизации природных богатств и последующей ваучеризации страны, принесшей богатства только бывшей и новейшей номенклатуре. Подавляющее большинство населения, равно как и их дети, не являются владельцами каких бы то ни было значимых ресурсов, товаров или денежных капиталов.

Рождение ребенка в современной России рассматривается федеральными и местными законами, согласно которым родители одновременно получают определенную законом сумму денежного вознаграждения, а затем и постоянную (в течение определенного срока) социальную помощь. Особо следует подчеркнуть значение современного, определяемого федеральным законом «Материнского капитала», который, по мысли создателей этого закона, может лечь или в основу первоначального взноса будущей ипотеки ребенка (что весьма сомнительно при существующих ценах на жилье) или быть основанием для оплаты его будущего высшего образования, что также не менее проблематично, как и употребление этого «материнского капитала» на будущую пенсию матери.

Однако, материнский капитал является определенным денежным символом, подчеркивающим, что современному российскому государству небезразличен в семье каждый второй новорожденный.

Культурный капитал П. Бурдьё называет вторым по значимости капиталом. Он считает, что его составляют, уровень и степень образованности самого человека, а также, авторитет имеющихся у человека разнообразных дипломов, аттестатов и других аналогичных сертификаций, удостоверяющих именно степень образованности человека. Ряд западных авторов, анализируя жизнедеятельность людей в современном западном обществе потребления, подчеркивают, что человека в мире потребления интересуют не сами вещи, предметы или процессы, а их определенные символы или симулякры, с помощью которых человек демонстрирует свою принадлежность к обществу потребления, в котором обладание дипломом престижного учебного заведения выступает таким значимым символом или знаком. Это – симулякр, который в обществе потребления вполне может заменить реальные знания [3].

Термин культурный капитал подчеркивает объективно-неизбежный процесс адаптации каждого человека в культуру, в тот способ упорядочения мира, его ценностей и норм, формирования человеческих отношений, которые не передаются по наследству, а воспитываются старшими поколениями у младших. Нормами культуры и стандартами поведения ребенок овладевает уже в процессе первичной социализации, сначала в семье, а затем в среде ближайшего социального окружения. В

современном быстро изменяющемся мире нормами культуры определенного типа ребенок овладевает и с помощью массовых коммуникаций, в первую очередь ТВ. Вместе с тем культурологи, изучающие специфику культурных процессов, предупреждают, что при нарушении процесса преемственности культуры, культурные традиции этноса могут быть утрачены за жизнь всего 2–3 поколений.

Культурный капитал российского ребенка формируется в учреждениях системы народного образования, и это приобщение к знаниям может существенно повысить человеческий капитал и трудовой потенциал молодежи, впервые приходящей на рынок труда.

В трудах современных философов постмодерна, в частности у З. Баумана [4], утверждается, что знание является той современной базисной основой, на которой вырастает не только свобода доступа к жизненным ресурсам, но и сама возможность этого выбора. Именно знание, в отличие от денег, власти и влияния (жизненных ориентиров эпохи модерна), становится одним из основных источников и реального богатства, и не менее реальных конфликтов, которые возникают между членами общества так же часто, как и между этносами и государствами. Формирование потребности в получении нового знания и устойчивого желания в актуализации своего творческого потенциала – одна из наиболее важных задач, стоящих перед системой образования всех современных развитых стран.

В современной России у старших поколений сохранилась высокая оценка знания, поэтому они из года в год увеличивают средства, выделяемые из доходов семьи на после среднее, преимущественно высшее образование подрастающих поколений. В настоящее время численность студентов в РФ составляет более 7 млн. человек. Это высокая цифра, и ею можно было бы гордиться, если бы коммерциализация образования и превращение большинства вузов в сервисные учреждения, которые «обслуживают» своих клиентов, не породила бы такие негативные «социальные технологии» современного обучения, которые зачастую предполагают грубую фальсификацию образования, погоню за престижными или модными дипломами – симулякрами, а не формирование стремлений студентов к вершинам современного знания.

Третьим капиталом каждого человека П. Бурдьё называет социальный капитал, который складывается из его принадлежности к определенному классу, какой-то группе, что во многом определяет властные и жизненные шансы каждого человека. Исследователь считает социальный капитал атрибутивным признаком человека, той стартовой площадкой, с которой начинается жизненный путь каждого.

В условиях современной России, которую считают как обществом с высокими социальными рисками, так и переходным, или транзитивным типом общества, социальный капитал человека значит существенно больше, чем в странах развитой либеральной демократии. Он зависит от социальной, этнической, региональной и даже конфессиональной принадлежности каждого человека, а также от типа и формы семьи, в которой осуществляется первичная социализация ребенка.

Специалисты по фамилистике считают, что для российской семьи в последние три десятилетия характерны ее нестабильность, малодетность, сравнительно низкий достаток и высокая трудовая занятость старших поколений. Практически все семьи в современной России нездоровы, проблемная, кризисная, асоциальная, аморальная, антисоциальная или криминальная), нуждаются в длительном сопровождении и поддержке со стороны самых разных ведомств и организаций, призванных бороться с социальным сиротством. Главный вывод: единственно значимой и естественной средой для полноценного воспитания ребенка биологическая родная семья и семейное окружение. Поэтому главная забота государства, гражданского общества и организаций защиты материнства, отцовства и детства – сохранение родной семьи для ребенка. Эта повседневная и зачастую низкоэффективная, но не «кампанейская» работа должна быть направлена на укрепление и стимулирование социально благополучной семьи, а не на репрессивные меры, нередко принимаемые не в меру ретивыми чиновниками, которые в погоне за «хорошими показателями» бездумно разрушают нестабильные семьи, хотя именно они и составляют большинство семей в современной России [5].

Воспитание современных детей осложняется еще и потому, что в условиях крупных городов семья особенно нестабильна, и не меньше половины городских детей воспитывается в неполных семьях. Именно большие города и мегаполисы дают наибольший процент девиантного и делинквентного поведения, в них вырастают малолетние алкоголики и наркоманы, попрошайки и жулики, – все те, кто, не успев вырасти, уже опускается на социальное дно.

В стране сейчас официально насчитывается более трех миллионов наркоманов, 70% из которых – дети и молодежь. По данным экспертов, если раньше наркотики пробовали в первый раз подростки в возрасте 17 лет, то сейчас наркоманами становятся уже двенадцатилетние дети. Не лучше и показатели алкогольной зависимости. В стране зарегистрировано 66 тысяч детей-алкоголиков, и это только по данным официальной статистики [6].

Современная неподготовленная к будущему материнству девушка, зачастую родив ребенка, легко расстается с ним, и число «отказных детей», особенно в больших городах, практически не снижается, свидетельствуя о том, что в обществе разрастаются невиданные ранее «ценности» – антиматеринство и детофобия.

Очевидная либеризация стандартов поведения и господство анонии в современной городской среде при непрекращающейся зомбирующей массовое неокрепшее сознание малолеток рекламе и восхвалении прелестей общества потребления не могло не сформировать новый социокультурный тип, мало чем напоминающий менталитет традиционного русского человека, представителя того державообразующего этноса, который всегда умел и трудиться, и жить в тесном контакте с другими народами, населяющими огромный континент, имя которому Россия.

Литература

1. Бурдьё П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. 2000.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или конец социального. Екатеринбург. 2000.
4. Бауман З. Мыслить социологически. М. Аспект-Пресс. 1996.
5. Осипова И.И. Социальное сиротство: теоретический анализ и практика преодоления. Н.Новгород. 2009.
6. Ржаницына Л. Как изменилась наша жизнь за 10 лет? // Российская газета 23 декабря, 2011. № 289. С. 22.

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В ПОСТ-ИНДУСТРИАЛЬНУЮ ЭПОХУ: СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СТАТУСНЫХ ПОЗИЦИЙ **ETHNOSOCIAL STRATIFICATION IN POSTINDUSTRIAL EPOCH: STRUCTURAL FEATURES AND VECTORS OF TRANSFORMATION OF STATUS POSITION**

Т. А. Криворотова

Московский университет имени С.Ю. Витте

T.A. Krivorotova

Moscow Vitte University

Исследуются проблемы становления и развития этностратификационной системы как одной из социальных реалий современной поликультурной среды. На основе теоретического анализа автор обращает внимание на факторы, определяющие структуру этносоциальной стратификации, а также выделяет текущие

параметры структурных изменений, обусловленных постиндустриальной эпохой.

This article is devoted to the problems of formation and development of ethnostratification system as one of social realities of modern polycultural environment. On the basis of theoretical analysis the author focuses on the factors which determinate ethnosocial stratification structure, and also singles out current parameters of structural changes caused by postindustrial epoch.

Ключевые слова: этносоциальная стратификация, этнический статус, системообразующие факторы.

Keywords: ethnosocial stratification, ethnic status, system forming factors.

Одной из характерных особенностей современного мира является активное проявление его этнической составляющей. Подобная ситуация обусловлена объективной реальностью постиндустриальной эпохи, результатом динамичного развития которой выступает многокультурная, поликонфессиональная и полиэтничная среда обществ и государств с высокой степенью концентрации разнонаправленных культур. Культура этносов и ее многообразие определяет специфические условия существования этнических сообществ в пределах взятой территории. Однако совместное проживание представителей различных этнических групп на одной территории в условиях обретения нового качества социальных подсистем общества сопряжено с большим количеством вопросов относительно статусно-ролевого положение индивидов и групп.

Анализ современной социальной ситуации указывает на ряд проблем, связанных с обретением равных социальных статусов представителями различных этнических групп. Это проявляется в различных социальных аспектах этнического и расового неравенства. Процесс регуляции сопряжен с введением в научно-практический обиход понятия *этносоциальной стратификации*, содержание, направленность и, собственно, правомерность которого весьма неоднозначно принимается и понимается представителями научного сообщества.

Основой изучения этносоциальной стратификации в трудах западных исследователей стали идеи «структурированного неравенства» Э. Гидденса и Э. Аспа, процессуальная концепция Н. Смелзера и ключевые позиции социальной аксиологии Т. Парсонса [1]. Опираясь на классиков социологической мысли, Р. Майлсон, Дж. Уэстергард, Г. Реслер, С. Кастлз, Г. Козак, Л. Хагендорн в своих исследованиях отмечали, что под влиянием процессов глобализации, сопровождающихся массовыми миграциями населения, произошло превращение этничности

в международном масштабе из культурного и расового показателя в фактор, генерирующий экономическую, профессиональную, политическую подструктуры общества[2], а значит, исключение этнического компонента из стратификационной структуры общества искажает полноту восприятия современных социальных трансформаций.

Изучение позиций отечественных исследователей выявляет наличие весьма полярных суждений относительно этносоциальной стратификации и ее места в системе социально-гуманитарных наук. Проведенный сравнительный анализ позволил выделить ряд подходов (таблица 1), которые могут быть рассмотрены в качестве оснований для определения структурных особенностей этностратификации.

Таблица 1

Характеристика основных подходов отечественных исследователей к проблематике этнической стратификации

№№	Наименование подхода	Последователи	Основное содержание
1.	Функционально-исключающий	Г.В. Осипов, А.И. Кравченко, Л.Г. Лисина	Система социальной стратификации не ориентирована на выделение этнической составляющей как значимого аспекта
2.	Функционально-латентный	С.Э. Крапивенский, О.В. Борисова, Е.Ф. Молевич, Л. М.	Этнический фактор признается как элемент совокупной стратификационной структуры лишь с т. зрения констатирующего признака
3.	Системный	З.В. Сикевич, Н.А. Аитов, Н.Е. Яценко, М.Ю. Дробижеева, Ю.В. Арутюнян	Позволяет выделить этносоциальную стратификацию как структурный компонент стратификации социальной
4.	Феноменологический	В.И. Ильин, А.О. Бороноев, А.А. Паразаускас, Л.Ф. Зайнетдинова	Этносоциальная стратификация – феномен общественного развития

В традиционной трактовке понятие «*этносоциальная стратификация*» связывают с социально-этническим неравенством различных этносов, основными признаками которого выступают классические критерии социальной стратификации: статус, доход, престиж, объем власти, уровень жизни, перспективы социальной мобильности и пр. Специфика этностратификации характеризует различное социально-экономическое, политическое и культурное развитие этносов, следствием чего выступает их разнонаправленности в системе социальной иерархии. Таким образом, *этностратификация* представляет собой социальный процесс на основе структурированного и иерархизированного неравенства этнических групп, способах передачи этого неравенства от одного поколения к другому и его социальной оценки индивидом и обществом в целом [3].

Формирование стратификационной системы по этническому основанию определяет условия социальной мобильности, процесс протекания которой происходит по двум направлениям: либо ассимиляция, растворение в доминирующей группе, либо переструктурирование социума и его архаизация за счет доминирования цивилизационно отстающей группы. Стратификационными критериями в данном случае будут выступать показатели этнического статуса. *Этнический статус* имеет сложную структуру и указывает на принадлежность к этнической группе или этносу. Он обусловлен как объективными факторами (включенность представителей того или иного этноса в систему управления, уровень их доходов, образование и т.п.), так и феноменами группового сознания самооценки этноса в целом, различных групп и слоев внутри этноса, а также отзывы со стороны контактирующих общностей по целому ряду критериев, например, показателей внутренней сплоченности и солидарности.

Развитие этностратификационной системы общества определяется совокупностью *системообразующих факторов* исходного и текущего характера. *Факторы исходного характера*, на которые ориентируется в своем исследовании Л.Ф. Зайнетдинова [1], выступают детерминирующей основой будущей системы, указывая на её уникальность в контексте:

1. социоприродных условий (ландшафт, климат, социоприродная адаптация этнических групп);
2. объективно-цивилизационных условий (характер индустриализации, направленность постиндустриализации, глобализация и пр.);

3. уровня регуляции социокультурных процессов (роль местных органов власти в решении межэтнических проблем, характер участия в местном самоуправлении представителей этнических сообществ и пр.)

4. национально-культурной эволюции этнических общностей.

Под *факторами текущего характера* следует понимать совокупность изменяемых величин, которые могут быть рассмотрены как векторы структурных изменений системы статусных позиций этнических групп. Среди них выделяются:

1. *доминанты иерархического неравенства этнических статусов*, которые могут выступать следствием социальных изменений многонациональной среды либо проявляться как результат административного структурирования этнического пространства;

2. *специфика этнокультурной адаптации*, понимаемая как приспособление к новым условиям существования культурной среды с учетом пространственно-временного и полиаксиологического контекста;

3. *языковая политика региона*, ориентированная на определение статуса языковых позиций поликультурного региона за счет демографических и административно-политических факторов.

Этносоциальная стратификация являет собой динамичное развивающееся образование, актуализация которого была продиктована новыми тенденциями постиндустриальной эпохи. Представляя собой живой социальный конструкт, она требует детального изучения и осмысления значимости в контексте социально-гуманитарного знания и ключевых позиций дальнейшего развития современного общества.

Литература

1. Зайнетдинова Л.Ф. Этносоциальная стратификация российского общества в условиях реформ (Региональный аспект; на примере Республики Башкортостан) Дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 : Пермь, 2003 178 с. [Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/etnosotsialnaya-stratifikatsiya-rossiiskogo-obshchestva-v-usloviakh-reform-regionalnyi-aspe>, свободный. – Загл. с экрана.- Дата обращения: 10.03.2013.

2. Переверзев А. Е. Русские на Северном Кавказе: социокультурная роль и статусные позиции. Автореф. дисс...канд соц.н [Текст]. Ростов-на-Дону, 2001. 27 с.

3. Ибрашева, Л.Р. Социология межэтнических отношений: учебное пособие / Л.Р. Ибрашева, Ю.А. Шогина [Текст]. – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2007. С. 58.

**ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДИ
СТУДЕНТОВ АМЕРИКАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
STUDENT OUTCOMES ASSESSMENT AT AN AMERICAN
UNIVERSITY**

**Джэк Крокстон и Джудит Эльвингер
Государственный университет Нью-Йорка
Колледж Фридонии**

**Jack Croxton and Judith Elwinger
State University of New York
College at Fredonia**

Государственный университет Фридонии, расположенный в западной части Нью-Йорка, предлагает целый ряд образовательных программ по основным дисциплинам, ведущим к получению степени бакалавра, магистра, а также последиplomные программы. Университет знаменит по целому ряду показателей, в частности, по качеству предлагаемых образовательных программ в области естественных, социальных наук, а также изобразительного искусства и гуманитарных наук. Несмотря на уже имеющиеся успехи, университет стремится к повышению качества образования, в связи с чем было проведено исследование с целью выявить мнение о существующем положении дел и пожеланиях студенческого и профессорско-преподавательского состава. В результате проведенного опроса была выявлена необходимость улучшения атмосферы в студенческой среде, усиления помощи студентам первого года обучения со стороны преподавательского состава, пересмотра в ряде случаев образовательных подходов в сторону интерактивности, а также проведения подобных опросов на регулярной основе.

Ключевые слова: атмосфера в студенческой среде, процесс оценки, национальное исследование, преподавательская работа, внеклассное обучение, многозадачность, самосовершенствование.

The State University of New York at Fredonia, located in Western New York approximately one hour from Buffalo, New York, offers programs in a wide range of major disciplines, as well as student-designed majors, leading to bachelor's and master's degrees, and advanced certificates. Approximately 5000 undergraduates and 350 graduate students are currently enrolled at the university. We have 80 undergraduate degree programs and approximately 30 graduate programs. There are 245 full-time teaching faculty and 200 faculty teach part time. The University is known nationwide for its School of Music. Other large programs include the College of Education, the School of Busi-

ness, and the Department of Communication. We have many outstanding majors in the Natural and Social Sciences, and the Arts and the Humanities as well.

Judy and I met with various groups on campus to explain the assessment process, the type of self-study being proposed, and to ask for their assistance in identifying useful existing data. We generated many questions that could be addressed about teaching and learning in and out of the classroom.

One task of our self-study was to assess the extent to which Fredonia students are being intellectually challenged and the extent to which we affect their intellectual values. To determine this we relied primarily upon findings from the following sources:

The *College Student Experiences Questionnaire* (CSEQ) was given to 474 freshmen, sophomore, junior and senior students. This is a national survey that asks students to indicate how they use their time in college. Included are questions about library use; course learning; writing experiences; experiences with faculty; the students' involvement with art, music and theater; the nature of their interactions with other students; the types of conversations they hold with others; their reading, etc. Respondents are asked to comment on the college environment and to provide an estimate of the gains in learning they believe they have made while at college. Fredonia prepared twenty additional questions for the CSEQ to provide the college with information specific to our interests.

The *Middle States Student Survey* was administered to 199 students at all class levels. This survey was designed to provide information on the range of learning experiences open to our

students, the value they attach to these experiences, and the extent to which the college is a supportive learning and social environment for individuals from differing ethnic, racial and cultural groups.

The *Middle States Faculty Survey* was completed by 122 faculty members. This survey was designed in part to provide us with faculty responses to a variety of questions asked of students on the CSEQ or the Middle States Student Survey.

The results provide considerable insight into the development of our students.

Fredonia students report being challenged by their courses. Students in their third or fourth year indicate that their courses are slightly more challenging than lower division students report.

Almost half of the faculty said that their first and second courses challenge their students a great deal; and more than half said that their third and fourth year courses challenge students a great deal.

About half of our students spend 10 hours a week or less on out-of-class academic work. In contrast, more than a quarter of our students devote 40 or more hours to their studies (including class time).

Students who spend more time on their academic work view their classes as more challenging. They participate more in courses and complete course reading assignments more often. They report putting more time and preparation into writing assignments, having more interactions with faculty and more interest and participation in science and math.

Before their arrival, entering freshmen expect to work harder than they actually are four months after arrival.

A large percentage of students either are not employed during the academic year or report that their employment does not impair the quality of their academic work.

One quarter of the students report only occasionally completing the assigned readings for class; even more report having read no unassigned books during the semester.

Two-thirds of the students consider information from class lectures very valuable to their learning. Slightly fewer say that class attendance is very valuable. One-third think information from texts is very valuable.

When asked to comment on changes that would improve learning at Fredonia, faculty ranked higher academic standards first, while students ranked this change last.

When asked to estimate the gains they have made since arriving at Fredonia, students appear to feel strongest about personal gains, weakest about intellectual gains. All items ranked in the lowest third are intellectual gain items. Estimates of gain uniformly go up between the freshman and senior year.

A substantial number of students report gains in a variety of areas. However, some students report minimal gains.

The vast majority of the faculty report that they spend three or more hours each week with students outside the classroom, and most of them say this time with students contributes to learning quite a bit or very much.

On all but two quality of effort scales from the CSEQ Fredonia students scored higher than those among comparable institutions. The exceptions were on the scale for involvement with campus organizations and the scale of interactions with student acquaintances.

On many gain questions Fredonia's mean responses are higher than mean scores of schools in all categories, including research universities and selective liberal arts colleges. On growth in historical knowledge, quantitative problem solving, knowledge of the world and knowledge of science, Fredonia students estimate their gains to be lower on average than those reported at other institutions.

Overall, the majority of the students who graduate from the College at Fredonia do so with the assurance that their degrees reflect a genuine challenge, a challenge they work hard to meet. These students estimate most of their academic gains as significantly larger than do students at comparable and even more selective colleges and universities. However, too many students simply are not working hard enough. They study too little, despite their perception that our college emphasizes intellectual development. Based on the above findings we have made a number of recommendations.

We should take steps to raise academic expectations and demands.

We should find ways to enhance the campus climate for learning by celebrating academic engagement and performance, even though students already recognize our intellectual emphasis. We should consider tightening certain academic regulations or policies. We should improve the academic support we offer all students, but especially first semester freshmen and transfer students. It is important that existing resources reach students earlier. We should continue to investigate the variables that influence the intellectual development of our students and assess our progress in this area on a regular basis.

In addition to studying the development of our students we made an effort to assess the overall campus climate. First we asked questions pertaining to student-faculty interaction, both in and out of the classroom, and in connection with the scholarly and creative activities of faculty members. Second, we looked at overall student involvement in their learning experiences. Third, we examined the relevant interactions, involvements, and perceptions of our majority and minority populations. Finally, we looked at the impact of class size, student-faculty advising ratios, and computer technology. Various surveys were given to both faculty and students in order to address these issues.

Fredonia's faculty is available and approachable, and students routinely take advantage of opportunities for out-of-class interaction. For the most part, they do so frequently and on a variety of matters. Interaction is understandably less frequent with newer students, but it increases with class level, as students mature, choose majors, become better acquainted with individual faculty, and focus more seriously on career issues. Presumably, the relationship is reciprocal: students are more motivated to interact as they progress in their

academic programs, and faculty are more likely to seek out interactions with students as they demonstrate greater interest and motivation.

Analysis of the data shows a clear relationship between out of class interaction with faculty and indicators of student learning. But positive correlations among all CSEQ scales, also suggests that the students who interact most with faculty, or who motivate faculty members to interact with them, are also those who engage in more learning experiences and activities in general.

Frequent and extensive interaction with faculty surely promotes student learning, but it is also the case that those students who engage in such interaction are aggressive learners and doers in many other aspects of college life. What is most important, though, is not a precise determination of cause and effect, but the clear evidence that Fredonia students and faculty are available to each other outside of the classroom for interactions that are frequent, varied, and an established element of the overall learning climate at Fredonia.

In-class interaction is varied and valued by both students and faculty at Fredonia. Faculty offer and students experience a wide range of opportunities for interaction in typical classes, and in large numbers, both groups believe that these interactions have a positive impact on student learning.

Moreover, this faculty is attentive to differences in student learning styles, and a willingness to take them seriously seems to be well established. Almost two thirds of faculty respondents, for example, noted that they have modified their teaching styles over time to accommodate such differences in learning style. Different teaching strategies are used in different classes quite a bit or very often by at least 70% of the faculty, presumably for a variety of reasons (e.g., class level course content, etc.). Faculty members report making changes in their courses and how they teach on the basis of student course evaluations. Students agree. Over half of student respondents feel that faculty members do change how they teach as a function of course evaluations.

It may seem at first that a relatively small number of students are involved in faculty research. Yet 15% of our undergraduate student body amounts to almost 690 students, and the majority participating in research would likely be juniors and seniors. Considering also that 63% of all faculty involve one or more students in their scholarly and creative activity in a typical semester, and that 31% of all faculty spend three or more hours per week with these students, the opportunities provided to students to interact with faculty in connection with scholarly research may seem more reasonable.

Fredonia does not promote itself as a research institution, nor does it have the resources of one. It follows then that student participation in faculty re-

search is more limited than at other types of institutions. Nevertheless, almost two thirds of our faculty involve students directly in their research, and spend a great deal of time doing so. But at the same time they express a lack of support from the college for this type of activity.

The majority of our students are involved in a range of important and productive activities. To some extent, it is our most involved students who are our best students academically. The data suggest that the majority of students are working hard at a variety of things and learning from many of them. But it seems that for many students the balance between course work and other forms of learning has been lost. They are not meeting the academic standards they can and should meet. The learning value of certain extracurricular activities is not in question; the issue is how to balance them with acceptable academic standards.

For students, there seems to be little connection between class size and their view of their own learning. Over 60% do not believe smaller classes would make much or very much of a difference in the climate for learning, and 70% are satisfied or very satisfied with the class sizes they have experienced. What they have now seems to them to be about right. This sense of satisfaction with class size is related to a number of positive classroom experiences, and thus to student learning. For faculty, on the other hand, class size has to do with workload, but it also has to do with how they teach, and in particular whether certain teaching strategies can be used or with what frequency. Consequently, most faculty believe that smaller classes would improve the climate for learning, and overall they rate smaller classes very high among the changes that would improve the climate for learning. Support for smaller classes is related to student learning via the extent to which faculty who favor smaller classes employ a variety of interactive teaching techniques.

Overall, Fredonia students almost universally have the ability to use and have access to computer technology. Students are somewhat more positive than faculty about the extent to which they learn more in classes that make significant use of computer technology, and also about the extent to which its increased use would improve the campus climate for learning. Use of computer technology by students is associated with a wide range of indicators of learning. The faculty is cautious concerning the learning value that should be attributed to instructional technology in the classroom, even though its use in classes is widespread.

We conclude that faculty-student interactions outside and inside of classes are frequent, varied, and valued by both faculty and students. Moreover, these

interactions are associated with student learning in the perceptions of students and faculty, and also in relation to numerous independent measures of student learning. Interactions in connection with direct student involvement in faculty scholarly or creative activities are more limited. Given the positive effect of this type of experience, efforts to involve students in the scholarly and creative activity of faculty should be pursued.

On the whole, our students spend a great deal of time engaged in a variety of activities and responding to multiple demands. Time spent in and on classes, employment, involvement in clubs and organizations, exercising, and just talking are among the necessary and productive activities that make our students, in general, very active people. At the same time, however, there is an imbalance between the extent of involvement in these activities and the amount of time students spend in course related work. Students need more guidance with regard to the types of activities they commit themselves to. Faculty and professional staff need to be more direct and explicit with students about the choices they are making with regard to how much involvement and of what kinds are appropriate to maintain a balance between out-of-class learning and course work. Despite these critical issues concerning balance, students and faculty are generally in agreement about the learning value of various types of student activities and involvement.

Our institutional self-study was truly a learning experience for the entire campus. We learned a great deal about our students and about ourselves. Now our job is to take this knowledge and use it for the purpose of self-improvement. The following recommendations have been generated:

We should take steps to increase our intellectual challenge to students, while taking account of the other important forms of learning in which students engage. Note that as academic requirements are raised, students must be provided with additional resources and motivation to meet them.

We should improve the academic support we offer all students, but especially first semester freshmen and transfer students.

Improvement of the campus climate for diversity must be addressed more aggressively.

Positive student/faculty/staff interaction should continue and be strengthened.

Assessment should become a regular and supported campus activity.

The considerable agenda outlined in these recommendations will impose additional burdens on faculty and staff. The university must provide the nec-

essary resources to achieve the above goals and make a firm commitment to put these recommendations into action.

СОЦИАЛЬНАЯ ДЕСТРУКЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ SOCIAL DESTRUCTION IN POST-SOVIET RUSSIA

П.И. Куконков

Приволжский филиал ИС РАН

P.I. Kukonkov

IS Russian Academy of Sciences Volga branch

Анализируется природа социальной деструкции, особенности ее проявления в постсоветской России, рассматриваются основные направления ее диагностики и предупреждения.

Summary: in article the nature of social destruction, feature of its manifestation in Post-Soviet Russia is analyzed, the main directions of its diagnostics and the prevention are considered.

Ключевые слова: социальная напряженность, социальная деструкция, деструктивная деятельность, деструктивная активность, деструктивный конфликт.

Keywords: social tension, social destruction, destructive activity, destructive activity, destructive conflict.

Преобразования в постсоветской России описываются при помощи различных теорий: модернизации, кризиса, транзита. На наш взгляд, природу и характер этих процессов наиболее адекватно описывает, теория «травмы»¹. Длительное сохранение травмы порождает многочисленные риски и вызовы для российского общества и государства. Вероятным ответом на этот вызов может выступить социальная деструкция, характерная для известных в истории России периодов «смутного времени».

Следствием травмы в России стала аномия, описанная Э. Дюркгеймом как состояние накануне самоубийства². Именно этот диагноз поставил посткоммунистическим обществам Р.Дарендорф: аномия отсутствие норм или их рассогласование вместо прежней гиперномии, сверх-

¹ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М. Логос. 2005. С. 472–492.

² Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: «Мысль». 1994. С. 248–251. www.koob.ru

нормированности³. В результате этих перемен социально признанные смыслы, значения рассредоточились по разным слоям общества, формируя противостоящие друг другу реальности, между которыми неизбежно аккумулируются напряжения и, как их следствие, потенциал разрушения.

Исследование социальной деструкции, направленное на поиск возможностей ее диагностики и предупреждения, в настоящее время приобретает важное теоретическое и практическое значение. Глубокие социальные изменения требуют нового подхода к понятиям, отражающим феномены социального пространства, аккумулирующие разрушительный потенциал. В связи с этим необходимо подчеркнуть важность изучения взаимосвязи и соотношенности социальных напряжений и социальной деструкции в социальном пространстве.

Традиционный конфликтологический подход к описанию процессов и явлений в этом сегменте социального пространства, на наш взгляд, недостаточно избирателен, поскольку социальные напряжения и социальные конфликты могут иметь как позитивные, конструктивные, так и разрушительные, деструктивные последствия. Все более насильственный характер проявлений социальной деструкции актуализирует проблему поиска путей раннего выявления их потенциала с целью предупреждения, а при необходимости, локализации и блокирования. Мы предполагаем, что поиск таких возможностей наиболее продуктивен в пространстве трансформации социальных напряжений и проявления социальной деструкции.

Рассматривая социальную напряженность как проявление неудовлетворенности, необходимо иметь в виду, что ею далеко не всегда исчерпывается сущность последней. Феномен социальной напряженности, при определенных условиях, может исказить реальную картину неудовлетворенности конкретных социальных общностей различными сторонами своей жизнедеятельности. Опасность такого искажения возрастает, когда неудовлетворенность приобретает многослойный, многомерный характер, создавая условия для сознательной или бессознательной подмены объекта неудовлетворенности, а также для деформации процесса ее персонализации и выбора неадекватных, разрушительных социальных практик.

Неспособность социального субъекта адекватно интерпретировать сущность зарождающихся отношений по поводу объекта потенциально-

³ Дарендорф Р. Тропы из утопии. М., Праксис, 2002.

го конфликта неизбежно накладывает отпечаток на характер принимаемых стратегий их становления и развития, обуславливающих жесткость, безадресность становящегося потенциала напряженности и предопределяющих возникновение субъекта социальной деструкции.

Мы солидарны с тем, что социальная деструкция может предшествовать социальному конфликту, присутствовать в конфликте и быть следствием конфликта⁴. Социальные напряжения также присутствуют на всех этапах возникновения, урегулирования и разрешения социальных конфликтов. Одновременное присутствие этих явлений на всех или некоторых этапах становления социального конфликта не только позволяет прогнозировать деструктивный конфликт, но и сформулировать гипотезу: понятие «Социальная напряженность» содержит значительный эвристический потенциал изучения природы, характера, динамики как социального конфликта, так и социальной деструкции.

Феномен социальной деструкции практически не исследован в науке. Даже сами понятия «деструкция», «социальная деструкция» отсутствуют в большинстве словарей или представлены в виде простого перевода. Так, например, деструкция трактуется как «нарушение, разрушение нормальной структуры чего-либо»⁵. Вместе с тем, наличие в природе человека разрушительного начала констатировалось многими исследователями.

Э.Фромм к основным причинам деструктивности относит отсутствие возможностей для творческой самореализации, нарциссизм, ощущение изолированности и «никчемности»⁶. Деструктивность, по Э.Фромму, является одним из способов «бегства от свободы». З.Фрейд, объясняя наличие разрушительного начала в природе человека, указывал, что деструктивные тенденции имеют место у всех людей, и «...у большого числа лиц они достаточно сильны, чтобы определить собою их поведение в человеческом обществе»⁷.

Социально-философское осмысление деструктивных тенденций и явлений в жизни социума представляют собой теория аномии Э.Дюркгейма, концепция "восстания массового человека" Х.Ортеги-и-

⁴ Ним Е.Г. Специфика проявления конфликтности и деструкции в религиозной жизни общества. Автореф.дисс.к.с.н., Барнаул. 1999.
<http://dissertation1.narod.ru/avtoreferats>

⁵ Советский энциклопедический словарь. М., 1989. С.383.

⁶ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 316.

⁷ Фрейд З. Будущность одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989. С. 96.

Гассета, идея неэквивалентного обмена З.Баумана⁸. В ряде работ деструктивность рассматривается как компонент агрессии, вид девиантного поведения, составной элемент творчества или тип преобразования⁹. В рамках синергетического подхода социальная деструкция, органически присущая сложноорганизованной социальной системе, может быть понята и как одна из форм реакции на попытки навязывать ей направления развития¹⁰.

Мы понимаем под социальной деструкцией социальную форму активного отношения к миру, включающую деструктивную деятельность и деструктивную активность, основное содержание которых составляет разрушение существующих объектов и систем.

Деструктивная деятельность возникает в процессе усиления социальных напряжений тогда, когда в состоянии фрустрации начинается процесс утраты жизненных ориентиров и смыслов. Она реализуется в таких формах, как участие в акциях, направленных на разрушение институтов общества и государства, несанкционированных государством проявлениях насилия, нигилизм, вандализм. Деструктивная деятельность, может быть направлена как вовне, на других людей, социальные группы или на общество в целом, на природную среду, различные предметы, так и обращена на сам субъект деятельности.

Деструктивную социальную активность мы рассматриваем как самодетельность, разрушающую социальную среду, социальную систему. Смысл понятия "деструктивная активность" дает, на наш взгляд, выход потенциала социальной напряженности за границу обеспечения существенных интересов социального субъекта, включение в ее ареал "случайных" объектов. Такая "неизбирательность" ведет к постепенной утрате социальным субъектом способности приспосабливаться к изме-

⁸ См. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991; Дюркгейм Э. Самоубийство. – М.: Мысль, 1994; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. – С. 309–349; Бауман З. Мыслить социологически. – М.: Аспект-Пресс, 1996.

⁹ Антонян Ю.М. Психология убийства. М., 1997. С. 9; Дружинин В.Н. Психодиагностика общих способностей. М., 1996. С. 139; Карлоф Б. Деловая стратегия (концепция, содержание, символы). М., 1991; Козелецкий Ю. Человек многомерный (Психологические эссе). Киев, 1991. С. 31–34; Осипова О.С. Девиантное поведение: благо или зло?// СоцИс. 1998. № 9. С. 107–108.

¹⁰ Шалаев В.П. Социальная синергетика и актуальная наука. Йошкар-Ола. 2008. С.6.

няющимися условиям, превращая деструктивную деятельность в способ его существования.

Выявление и раннее предупреждение проявлений социальной деструкции ограничено жесткими временными рамками процесса усиления до определенного предела уровня социальной напряженности, обретения ею черт социальной деструкции. Основными направлениями диагностики и предупреждения социальной деструкции выступает поиск «узловых точек конструктивного напряжения»¹¹ в социальном пространстве, а также выявление и анализ предрасположенности к трансформации социальной напряженности в проявления социальной деструкции.

**СЕТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
КАК СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ
ДОМОХОЗЯЙСТВ
SOCIAL INTERACTIONS NETWORK
AS SURVIVAL STRATEGY HOUSEHOLDS**

А.В. Куликова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

A.V. Kulikova

Nizhny Novgorod State University

Обсуждаются вопросы, связанные с формированием системы межсемейных обменов. Социальные сети рассматриваются как один из ресурсов социальной поддержки. В переходных экономиках значение социальных сетей усиливается, т.к. они могут стать одной из стратегий выживания домохозяйства.

The article discusses issues related to the appearance of interfamily exchanges. Social networks are considered as one of the resources of social support. In transition economies, the importance of social networks increases, as they can become one of the survival strategies of households.

Ключевые слова: сети социальной поддержки, социальное взаимодействие, межсемейный обмен, домохозяйство.

Keywords: social support networks, interfamily exchange, social interaction, household.

¹¹ А.С.Ахизер. Об особенностях современного философствования. // Вопросы философии. 1995. № 12. С. 15.

Система межсемейных обменов, укоренение практик взаимопомощи служит серьезным основанием для преодоления трудных жизненных ситуаций. Это область особой экономической деятельности, которую К. Полаanyi назвал субстантивной экономикой, связанной с жизнеобеспечением человека, стратегиями выживания [1, 2]. Особое значение социальные сети приобретают в переходных экономиках, отличающихся высокой степенью неопределенности. По сетям происходит перемещение как материальных ресурсов: вещи, продукты, деньги, так и нематериальных – информация, совет, доверие, лояльность, – что является неким амортизатором жестких условий рынка.

Если в сообществе имеется устойчивая сеть контактов между субъектами (связь между поколениями, родственниками, дружеское участие, соседские контакты), это служит мощным фактором, влияющим на благополучие и социальное самочувствие семьи. Люди могут налаживать связи друг с другом в соответствии с принципом дарообмена (реципрокности). Сегодня реципрокность понимается как взаимообмен дарами на нерыночной основе между членами социальной горизонтальной сети [3, С. 7].

Анализируя результаты интервью, полученные в ходе очередного этапа исследования в рамках международного проекта «Партисипаторный подход к снижению бедности: механизм общественного участия», (ННГУ, Университет Глазго, Университет Упсала), нами были выявлены следующие разновидности сетей социальной поддержки: «Родители – Дети», «Соседи», «Друзья», «Родственники», где в течение длительного времени присутствуют все разновидности дарообмена (перемещаются и материальные, и нематериальные ресурсы). Анонимные сети поддержки образуются чаще всего для решения какой-то одной проблемы: сбор вещей для погорельцев, помощь конкретным детям из малообеспеченных семей, сбор игрушек для детей-инвалидов, денежная помощь и т.д. Подобные сети не устойчивы, но их наличие говорит о том, что формируется определенная стратегия поведения, направленная на повышение социального благополучия. Это приобретает особое значение с пониманием того, что такие группы поддержки возникают исключительно по собственной инициативе, без какого-либо толчка извне.

Для нас большой интерес приобретают спонтанные самоорганизующиеся сети. Основа такого взаимодействия – общий интерес в решении каких-либо проблем или трудностей. В нашем случае – это воспитание детей примерно одного возраста. Это именно тот тип организации дарообмена, который объединяет ранее незнакомых людей, находящихся в

схожей жизненной ситуации, и способный повысить уровень социальной поддержки и защищенности.

В целом эксперты отмечают невысокий уровень активности населения. Люди, попавшие в трудные жизненные ситуации, разделяются на две группы: те, кто хотят что-то изменить и сделать, ведь даже добиться положенного бывает не просто и требует усилий. Но по оценкам экспертов значительно больше тех, кто занимает пассивную позицию в ожидании помощи со стороны. Причем здесь речь не идет об исключительно неблагополучных семьях. Экспертами неоднократно подчеркивается пассивность населения, невозможность решения проблем сообщества. Однако отказ от традиционной патерналистской схемы взаимоотношений населения и государства, активная жизненная позиция – залог успеха. Причем речь идет не столько о том, чтобы освоить, например, новые типы трудового поведения, сколько о приобретении социальных установок, связанных с инициативой и предприимчивостью.

И ростки такой инициативности мы можем наблюдать. Встречаются люди, сами находящиеся в непростых материальных условиях, но активно помогающие другим. Активность людей проявляется в готовности участвовать в различных волонтерских объединениях, причем не просто принимать участие, но и быть организатором. Одна из идей такой организации возникла при интервьюировании – прогулочная группа для ровесников сына. Это говорит о востребованности и дальнейшем развитии сетей взаимопомощи, которые мы выше назвали спонтанными, самоорганизующимися.

Важно отметить, что в средних и малых городах Нижегородской области есть перспективы создания и развития такого элемента партисипаторного механизма, как вовлечение тех, кто преодолел бедность, в работу по социальной поддержке. Также были попытки организации социальных сетей между людьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации.

Итак, точки проявления активности населения обозначены. При этом активность должна кем-то направляться, т.е. необходим какой-то толчок. Важную роль здесь играет инициатива лидера и его социальные ресурсы. Чаще всего проявление инициативы и создание сетей взаимопомощи происходит на базе какой-либо организации: родительский совет при школе, группа прихожан храма, НКО, и лидер имеет некий формальный статус. Есть случаи, когда объединение начинает самостоятельно функционировать и без контроля со стороны его создателя. Есть и такие ситуации, когда социальное объединение распадается с

уходом лидера, поскольку основывалось исключительно на его личном авторитете и социальных связях.

Интересен опыт г. Павлова Нижегородской области, в котором информационная поддержка оказывается местными СМИ: речь, прежде всего, идет о газетных изданиях, где публикуются официальные постановления и разъяснения к ним. Была традиция на первой полосе рассказывать о положительном семейном опыте открытия собственного дела, строительства дома и т.д. Однако не было примеров семей, которые, попав в трудную ситуацию, потом успешно из нее вышли. Подобный информационный ресурс использован не до конца, хотя знание о позитивном опыте других способно повысить активность. Зарубежными исследователями в целом подчеркивается особая роль вовлечения людей, преодолевших бедность, в работу по оказанию помощи.

В целом, для России характерен скорее ситуативный подход включения граждан в решение проблем бедности. Население привлекается для решения задач в рамках конкретных проектов, которые затем могут перерасти в регулярное взаимодействие. Ресурсную базу для подобной деятельности составляет социально ответственный бизнес, некоммерческие организации, СМИ, существующие сети социальной поддержки. Наибольшим же потенциалом обладают общественные организации. Основная проблема их деятельности заключается в том, что успешное функционирование часто держится за счет личности и лидерских качеств организатора, эффективно использующего свой личный социальный капитал.

Литература

1. Polanyi K. *The Livelihood of Man* (ed. by H.W. Pearson). N.Y., Academic Press, 1977. P. 19–34.
2. Радаев В.В. Экономико-социологическая альтернатива Карла Поланьи / В.В. Радаев // Материалы интернет-конференции «60-летие выхода в свет "Великой трансформации" Карла Поланьи: уроки для России», 1.10.04 – 30.11.04. [Электронный ресурс] Доступ: http://ecsocman.hse.ru/text/16212354/#_ftnref14, свободный
3. Барсукова С.Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности / С.Ю. Барсукова – М: Изд. дом ГУ – ВШЭ, 2004.

**«ГЕНДЕРНЫЙ» СЛЕД
В КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ
«GENDER» TRACE IN CLASSICAL SOCIOLOGY**

А.В. Курамшев
Нижегородский государственный университет
A.V. Kuramshev
Nizhny Novgorod State University

Рассматривается проблема соотношения мужского и женского в работах социологов конца XIX – начала XX вв.

The article deals with the problem of male and female ratio in the proceedings of the late XIX – early XX centuries sociologists.

Ключевые слова: мужское, женское, бинарная оппозиция, фаллоцентризм, Ф. Тённис, Г. Зиммель.

Keywords: male, female, binary opposition, phallogocentrism, F. Tonnies, G. Zimmel.

В рамках европейской философии XIX в. разделение человеческого рода по половому признаку представлялось лишь одним из частных случаев проявления всеобъемлющего принципа дихотомии. Бинарная оппозиция – один из наиболее ранних концептов философской мысли. Философия долгое время развивалась в русле дихотомического мышления, где "женское" и "мужское" мыслились как метафоры контраста, противоположности и взаимодополнения. При этом "женское" ассоциировалось с природным, низким, слабым, порочным; "мужское" же, напротив, полагалось как социальное, высокое, сильное, нравственное и т.п. Во многих философских системах и поныне важную роль играют такие полярные категории, как природа ↔ культура, активность ↔ пассивность, рациональность ↔ иррациональность, логика ↔ эмоции, дух ↔ материя, власть ↔ подчинение. Левый член каждой из представленных выше оппозиций связывается с мужественностью, а правый – женственностью. При этом каждая пара признаков составляет самостоятельную оппозицию, не имеющую причинно-следственной связи с принадлежностью людей к тому или иному полу; каждому из полов (а их в данной системе больше двух быть не может по определению!) приписывается набор определенных, специфических качеств, играющих важную роль в создании прототипа мужского и женского в общественном и индивидуальном сознании.

Парные понятия заставляют нас смотреть на социальный мир с точки зрения дихотомий. Пользуясь данной системой упорядочения информации, разграничение полов на мужской и женский представляется лишь одним из частных случаев чередующихся и дополняющих друг друга начал. Подобное противопоставление полов не требовало доказательств, оно вытекало из опыта повседневности, наглядности полового диморфизма.

К тому же внимание философов (а это, как правило, были мужчины) сосредоточено на изучении параметров мужского социального опыта с последующей экстраполяцией выводов на весь человеческий род. Логика бинарных оппозиций, в которых мужское рассматривается как субъект, а женское – объект, является концептуальной основой патриархатной метафизики. В современной философии такой подход получил название фаллоцентризм – патриархатный символический порядок, в котором фаллос позиционируется как знак привилегированной маскулинности (в отличие от исключенной из символического порядка феминности). Термин, введенный в научный оборот французским ученым Ж. Лаканом, в феминистских работах употребляется как более жесткий синоним андроцентризма.

Мыслители разных исторических эпох, размышляя о мужчинах и женщинах, старались определить, что же их отличает друг от друга. Но, пожалуй, общим лейтмотивом этих поисков являлось признание их различной природы, и следовавшего за этим признания неравенства мужчин и женщин. Эти идеи были, в частности, зафиксированы в философских и научных произведениях, религиозной литературе.

Социологи XIX в., сравнивая мужчин и женщин, исходили из тех же базовых принципов бинарных оппозиций и фаллоцентризма, что и их предшественники.

В качестве иллюстрации приведем небольшой фрагмент из работы "Психология народов" французского исследователя Гюстава Лебона:

"...дифференциация между индивидами, произведенная развитием цивилизации, проявляется также и между полами. У низших народов или у низших слоев высших народов мужчина и женщина в умственном отношении весьма близки друг к другу. Но по мере того как народы цивилизуются, помы стремятся к тому, чтобы все больше и больше различаться между собой.

Объем черепа мужчины и женщины, даже когда сравниваем только субъектов одинакового возраста, одинакового роста и равного веса, представляет очень быстро возрастающие различия с ростом цивилиза-

ции. Очень слабые в низших расах, эти различия становятся громадными в высших. У высших рас женские черепа часто лишь немногим более развиты, чем черепа женщин низших рас. Между тем как средний объем черепа парижанина ставит его между самыми большими известными черепами, средний объем черепа парижанки ничем не различается от объема самых маленьких черепов и достигает чуть ли не объема черепа китайнок или даже черепа женщин Новой Каледонии"[1, С.40].

Бинарные оппозиции широко использовались социологами девятнадцатого века. Одним из классических примеров такого анализа представляется работа "Общность и общество. Основные понятия чистой социологии" немецкого социолога Фердинанда Тённиса. В этой работе можно найти многочисленные противопоставления мужского и женского. В качестве примера приведем несколько выдержек из этой работы. "Если ... один поэт и провидец назвал борьбу между верой и неверием собственной *темой мировой истории*, то содержащаяся в этой мысли истина составляет также элемент между народом и образованными слоями. Такое же значение имеет и противоположность женского и мужского полов. Ведь женщины склонны к вере, а мужчины – к неверию... Мудрость отличает старика от юноши, мужчину – от женщины..." [2. С. 240].

Для Ф. Тённиса было очевидно разделение социального пространства на зоны мужского и женского доминирования, так, в частности, он отмечает, что "сфера общественной жизни и трудов преимущественно, и даже с необходимостью, принадлежит *женщинам*. Естественным местом их деятельности является дом, а не рынок, собственные покои или жилища друзей, а не улица" [2, С. 241]. "Вся деятельность женщин направлена скорее внутрь, а не вовне. Цель ее – в ней самой, а не в ее завершении. Поэтому предназначение женщины и состоит, по всей видимости, в оказании личных услуг, каковые полностью завершены в своем вот-бытии и даже не нуждаются в том, чтобы быть воплощенными в какой-либо вещи как в своем результате"[2, С. 241–242].

Другой немецкий социолог рубежа XIX–XX вв. Георг Зиммель, исходя из принципа асимметрии полов, точнее мужского и женского типа переживания пола, дает более глубокий анализ такого положения дел. Он показывает, что это различие прослеживается уже на уровне степени включенности мужчины и женщины в жизнь пола. "Нельзя не признать, – пишет он, – что женщина гораздо интенсивней осознает свою женственность, чем мужчина свою мужественность. Сознание мужчины содержит очень много чисто функционального – того, что можно было

бы назвать "делом", где сознание своего пола не занимает ровно никакого места, напротив, женщину никогда не оставит отчетливое и в то же время неясное чувство, что она – женщина. И это чувство создает основу, на которой разворачивается содержание всей ее жизни"[3]. Г. Зиммель отмечает, что "для женщины ее женская суть гораздо важнее, чем для мужчины мужская. Для него пол – это деятельность, для нее – бытие", то есть, в отличие от внутренней самотождественности женщины мужчина несамодостаточен в половом отношении, и поэтому он вынужден утверждаться другим путем. Мужчина всегда стремится за пределы самого себя и в результате расщепляет исходное единство жизни в дихотомические формы субъекта/объекта, цели/средства, процесса/результата и т.п. Результатом разрешения подобного жизненного дискомфорта мужчин, по мнению Г. Зиммеля, является культура. Это не означает неполноценности женщины, но именно "мужской пол не просто превосходит женский, а представляет собой по сути то общечеловеческое начало, которое определяет все нормы как женского, так и мужского... Мы оцениваем все социальные достижения, все свойства человеческого характера, все качества мужественности и женственности по определенным нормам, однако, нормы эти не нейтральны в отношении пола – они имеют мужское основание" [3, С. 20].

Г. Зиммель, определяя западную цивилизацию как маскулинную, утверждал: "для нас характерно мужские проявления понимать именно как надспецифические, нейтральные и объективные" [3]. Немецкий социолог выделяет две основные причины такого положения:

- 1) главенствующая позиция мужчины в духовно-социальной сфере;
- 2) "другая причина отождествления мужского с объективным также коренится в мужском господстве. Дело в том, что ... всякой власти свойственно стремление к обоснованию себя как объективной данности, преобразованию силы в право" [3, С. 20–21].

Традиционное разделение между полами приоритетных сфер бытия мужчина – культура, женщина – природа в творчестве Г. Зиммеля, таким образом, получает новое теоретическое подкрепление.

Литература

1. Лебон Г. Психология народов / Г. Лебон // Лебон, Г. Психология масс. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2000. – С. 40.
2. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис. – Пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: "Владимир Даль", 2002.

3. Брандт Г. Философия пола Георга Зиммеля / Г. Брандт // Преображение. – 1998. – № 6. – С. 19.

**ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ**
**PECULIARITIES OF PROFESSIONAL AND ETHNIC
IDENTITY OF MIGRANTS**

Е.Е. Кутявина, Л.С. Курносова
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
E.E. Kutyavina, L.S. Kurnosova
The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Анализируются социальные факторы, влияющие на этническую и профессиональную идентичность мигрантов.

This article is about the social factors influencing the ethnic and professional identity of immigrants.

Ключевые слова: мигранты, идентичность, маргинальные группы, этнические отношения.

Keywords: immigrants, identity, marginal groups, ethnic relations.

Этнические меньшинства являются классическим примером маргинальной группы. Маргинально их положение и с точки зрения их этнической идентичности. С одной стороны, мигранты отличаются по этнической принадлежности от большинства, что способствует сохранению изначальной идентичности, с другой стороны, стремление к адаптации к новым условиям сопровождается культурной и языковой ассимиляцией.

Процесс этнической ассимиляции чаще всего считается односторонним и необратимым. Отмечается также связь адаптации мигрантов к принимающему сообществу и культурной ассимиляции. В работе "Reversing language shift" [1] Дж. Фишмен анализирует возможности небольших языковых коллективов сохранить или возродить свой язык в условиях взаимодействия с иноязычным большинством и приходит к выводу, что такие случаи возможны, но условия для них складываются крайне редко. В то же время многочисленные факты длительного – на протяжении жизни нескольких поколений – сохранения, если не этнической культуры и языка, то этнической идентичности, заставляют исследователей говорить об *этническом парадоксе современности*. Понимание этнических различий исключительно как следствия культурных различий не дает возмож-

ности объяснить, как возможны случаи, когда второе поколение мигрантов считает себя «местными», а третье «вспоминает» о своей этнической идентичности. Довольно часто мигранты или местные этнические меньшинства, не использующие язык своей этнической группы, продолжают считать его родным языком. Даже когда большая часть группы уже не владеет национальным языком, она продолжает использовать как символ групповой принадлежности отдельные слова, выражения (например, приветствия), имена и другие реликты этого языка.

Понятие «граница» является центральным в теории формирования этнических групп Ф. Барта. Этническую идентичность он рассматривает не как выражение определенного культурного комплекса черт, характерных или традиционных (по мнению специалистов) для той или иной общности, а как форму социальной организации. Членство в этнической группе зависит от предписания и самопредписания и является вопросом сознания. «Только после того, как индивиды разделяют общие представления о том, что есть этническая группа, или же они заключены в рамки этих представлений внешними обстоятельствами, они действуют на основании этих представлений, а этничность обретает организационные и институционные различия» [2]. В силу избытка заимствований или по другим причинам часто имеет место дефицит культурной отличительности. Тогда начинается поиск особых групповых черт и символов, чтобы доказать, что члены групп отличаются не одной какой-то чертой (например, диалектом), а многими чертами. Самые незначительные различия становятся важными. В периоды конфликта или конкуренции малые различия между соприкасающимися группами приобретают особую важность, любое различие становится критическим. В.Волкан назвал это явление «нарциссизмом малых различий» [3]. Глубоко разошедшиеся китайские диалекты не мешают китайцам осознавать свое этническое единство и выражать его через сохранение единой иероглифической письменности, тогда как в других случаях этносы, говорящие на тождественных или очень близких языках, именно разную письменность избирают как различительный признак [4]. Таким образом, центральным моментом порождения этничности и формирования этнической группы является категория границы. Ф.Барт говорит, главным образом, о роли этнической элиты, групповых лидеров в поиске различий и конструировании границы [2, 5], но различия могут быть навязаны группе извне и могут стать инструментом исключения ее из более комфортного социального пространства.

Мигрантские сообщества обычно состоят в конкурентных отношениях с этническим большинством и стремятся к адаптации, к усвоению культуры и языка большинства.

Важную роль для становления диаспоры играют особенности расселения мигрантов. Компактное расселение способствует созданию «критической массы», необходимой для создания собственных организаций и интеграции социального пространства. Малочисленная группа мигрантов обычно не может образовать общину и создать институты для своего воспроизводства. Чем теснее и интенсивнее связи, тем более выпукло проявляются характерные черты диаспоры, тем больше социокультурная дистанция между мигрантами и автохтонами, больше инерционность диаспоры, сильнее влияние формирующего ядра общины на мигранта, ее устойчивость по отношению к внешним воздействиям.

Чем крупнее диаспора и компактнее иммигрантские поселения, тем сильнее поле притяжения общины для «своих», слабее влияние на иммигранта и его детей социальной среды и медленнее темпы их интеграции в социокультурную среду принимающего общества. Даже для молодежи. Чем малочисленнее и распыленнее диаспора, тем быстрее утрачивает она этническую специфику.

Дисперсное расселение мигрантов возрастает по мере того, как растет численность нуклеарных семей, она тем больше, чем выше образовательный уровень мигрантов, их социальная мобильность и включенность в городскую жизнь.

Показательно, что чем теснее общение иммигранта с коренным населением, тем чаще он сталкивается с проявлениями дискриминации, этнорасовых предубеждений, нередко открытого расизма, которые существуют даже в самом благополучном демократическом обществе, особенно по отношению к цветным среди белого населения. Один из исследователей жизни корейских иммигрантов в Лос-Анджелесе приходит к следующему заключению: новые иммигранты, не знающие местного языка, остающиеся полностью в кругу корейской диаспоры, удовлетворяющие свои потребности, общаясь только с соотечественниками, дискриминации не испытывают. Однако более 70% тех, кто прожил в городе менее 5 лет, считают, что они подвергаются некоторой дискриминации, свыше 29% сталкивались с ее жесткими проявлениями. Среди иммигрантов с десятилетним и более сроком проживания в стране число тех, кто испытывал, по их словам, сильную дискриминацию, возрастает до 71%, и соответственно сталкивающихся лишь с от-

дельными проявлениями дискриминации составляет менее 29% [6]. Таким образом, община защищает мигранта и от проявлений дискриминации со стороны принимающего сообщества.

Закрытость общины препятствует растворению мигрантов среди принимающего населения, замедлению языковой ассимиляции.

В проведенном в 2003-2004 гг. исследовании адаптации этнических мигрантов в Иваново и Ярославле [7] были выявлены тенденции, позволяющие по-новому взглянуть на «этнический парадокс».

Один из выводов исследования относится к роли национальной культуры в условиях адаптации к принимающему сообществу: мигранты отказываются от некоторых стереотипов поведения (в частности, гендерных), размывается связь культурных ценностей и поведения, адаптивные возможности мигрантов при этом увеличиваются. Но мигранты не спешат демонстрировать это поведение окружающим, особенно землякам. Происходит своего рода отбор ценностей, способствующих адаптации. Мигранты не отказываются от этнической культуры, а как бы «откладывают» ее. В исследовании также обнаруживается связь между образовательным и имущественным статусом и членством в национальной общине: чем выше уровень образования и уровень доходов, тем более привержен человек национальной общине, тем более важными считает ценности общины. Эта связь хорошо осознается самими мигрантами: они считают, что соблюдают национальные обычаи тот, кто может это себе позволить (например, соблюдает пищевые запреты, посты и другие религиозные обычаи). Это хорошо согласуется с выводом автора исследования о том, что членство в национальной общине не является фактором успешной адаптации: общине скорее демонстрируют успехи, чем ищут там помощи. Вышеизложенные выводы позволяют по-новому взглянуть и на проблему этнического предпринимательства: получается, что мигранты выбирают род занятий не под влиянием этнической культуры, а вопреки ей. Воспроизведению мигрантами исходной, родной этнической культуры способствует постоянный приток мигрантов той же этнической принадлежности, относительно большой размер этнической общины и стремление мигрантов к эндогамии.

С другой стороны, характерная особенность мигрантских этнических общин европейской части России – их экстерриториальность, не позволяющая им замкнуться на самих себе. Проживая дисперсно, мигранты волей-неволей знакомятся с культурой окружающего большинства, вы-

нуждены во многих случаях усваивать и соблюдать чужие обычаи, традиции.

Образуются две противоположные тенденции: стремление к адаптации, к материальному успеху заставляют мигрантов усваивать местную культуру. Соображения престижа, перспективы поддержки со стороны общины способствуют сохранению своей культуры. В зависимости от различных факторов (уровень материального благосостояния, размер общины, интенсивность потока миграции, религиозные различия с местным населением и т.д.) может перевесить та или иная тенденция. Граница, очерчивающая этническую группу, формируется и усилиями членов этнической общины, и этническим большинством, при этом и те, и другие могут «двигать» границу в разных направлениях. Этническая идентичность, таким образом, становится подвижной, ситуативной.

Особенности профессиональной и этнической идентичности групп мигрантов в принимающих странах будут формировать следующие факторы: демографические характеристики потока мигрантов, их расовая принадлежность и антропологический облик, расселение мигрантов в принимающем обществе, социальное происхождение мигрантов, их экономические и социальные предпочтения, религиозная принадлежность, развитость мезоструктур, маргинальный статус, ожидания и возможности принимающей стороны и государственная политика в сфере миграционных процессов.

Литература

1. Fishman J. Reversing language shift: Theoretical and empirical foundation of assistance to threatend languages. Clevedon: Multilingual matters, 1991.
2. Barth F. (ed.) Ethnic Group and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference. Bergen-Oslo, 1969.
3. Волкан В., Облонский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика // ОНС №6 1992. С. 37.
4. Арутюнов С.А. Этнические процессы и язык // Расы и народы. Ежегодник. – М.: Наука, 1985. С.5 1.
5. Тишков В.А. О феномене этничности. // Этнографическое обозрение. №3 1997. С. 6–20.
6. Левин, З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ) / З.И. Левин. – М.: Институт Востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2001. – 176 с. С. 37-38.
7. Мутаев У.К. Профессиональная адаптация представителей северокавказских национальных общин в средних городах России \ У.К. Мутаев. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Нижний Новгород, 2006.

ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНТЕРНЕТА HUMANITARIAN COMPONENT OF INTERNET

Т.Н. Кухтевич

Московский госуниверситет имени М.В. Ломоносова

И.В. Васенина

Московский госуниверситет имени М.В. Ломоносова

T.N. Kuchtevich

Lomonosov Moscow State University

I.V. Vasenina

Lomonosov Moscow State University

Обсуждаются вопросы насилия и агрессии в интернете.

In article are discussed the problems of violence and aggression in the Internet.

Ключевые слова: насилие, информационная агрессия, социальные сети.

Keywords: violence and aggression in the Internet, informational aggression, social media sites.

Сегодня Интернет – это примерно один миллиард пользователей по всему миру, которые имеют доступ практически к 75 миллионам веб-сайтов. Виртуальное пространство Интернета – это огромное поле информации.

Привлекает Интернет возможностью получить многообразную информацию официального, делового, личностного характера, которая все более широко используется в политике, в управлении, в сфере науки, образования и культуры. Однако, в социальных сетях и сетевых сообществах в открытом доступе можно встретиться с информацией агрессивного, насильственного и экстремистского характера.

В научной литературе приводятся различные классификации социальных сетей и сетевых сообществ на основе наличия в них насильственной, экстремистской и агрессивной информации. Одна из них различает толерантные и интолерантные виртуальные сетевые сообщества [1].

Толерантные сетевые сообщества создаются для предоставления информации и интерактивных услуг, но при этом участвующие в их деятельности акторы не ставят перед собой задачи сбора и распространения информации, направленной против кого-либо. При создании интоле-

рантных сообществ изначально закладывается идея противостояния с каким-либо актором, в качестве которого может выступать индивид, группа и т.д.

К числу интолерантных сетевых сообществ относятся сообщества, формирующиеся вокруг сайтов:

- на которых осуществляется сбор и размещение компрометирующей кого-либо информации политического, экономического и иного характера:

- на которых осуществляется распространение националистической информации, направленной против других национальностей или пропагандирующей превосходство одной нации над другими;

- направленность которых – это пропаганда экстремистских идей и освещение деятельности экстремистских организаций.

В последнем случае речь может идти о сайтах и сетевых сообществах, где размещаются материалы клеветнического, лживого или враждебного характера по отношению к другим физическим лицам или группам, основанным на религиозных принципах, этической принадлежности, экстремистских политических взглядах или сексуальной ориентации.

В силу специфики инфраструктуры Интернета эта сеть наиболее подвержена рискам и уязвимости. Именно с Интернетом чаще всего у исследователей ассоциируется девиантное или агрессивное поведение пользователей. При этом уязвимость определяется как «недостаток, который человек может эксплуатировать для того, чтобы достигнуть чего-либо, к чему он не имеет полномочий доступа или что не предназначено для законного использования сети или системы в целом» [2].

Отметим, что проявления насилия и агрессии в интернете сегодня достаточно многообразны и представлены, следующими видами:

1. Электронная речевая агрессия, проявляющаяся по отношению к другим пользователям или группам пользователей в Интернете.

2. Компьютерные игры и он-лайн игры агрессивного и насильственного характера.

3. Агрессия и насилие экстремистского, в том числе террористического, религиозного, националистического толка.

В своем анализе мы ограничимся лишь первым видом, то есть электронной речевой агрессией.

Конкретное содержание понятия **речевая агрессия** неоднозначно трактуется в научной литературе. Многие авторы, рассматривая ее, де-

лают акцент на выражении неприязни к кому-либо или чему-либо, враждебной манеры речи, оскорбляющей достоинство личности.

Так, доктор философских наук Т.А. Воронцова агрессивный тип речевого поведения характеризует как выражение негативного отношения к кому-либо или чему-либо и как ориентация на антидиалог, т. е. на субъектно-объектный, некооперативный тип общения с адресатом (прагматический вектор) [3].

Российский психолог Ю.В. Щербинина выделяет акты, которые относятся к вербально-агрессивным, а именно: оскорбления, враждебные замечания, угрозы, грубые требования, грубые отказы, порицания (упреки), обвинения, ирония. Авторы, придерживающиеся такой точки зрения, к речевой агрессии относят наклеивание ярлыков, обыгрывание имени объекта агрессии, нагнетание негативных ассоциаций, акцентирование неприятных или обидных для объекта деталей, прямое оскорбление и т. д.

Вербальная агрессия на уровне негативных эмоций и чувств выступает как агрессивное речевое поведение – «мало осознанная активность, проявляющаяся в образцах и стереотипах действий, усвоенных человеком либо на основе подражания чужим образцам и стереотипам, либо на основе собственного опыта».

Такое агрессивное поведение на языке современных пользователей интернета получило название «**кибербуллинга**» или «**Интернет-троллинга**». Собственно сам термин «троллинг» не относится к сфере научного дискурса. Он возник и закрепился в сленге участников виртуальных сетевых сообществ. В современной научной литературе «троллинг» рассматривается как негативное явление, которое препятствует установлению и воспроизводству этических норм сетевого взаимодействия и конструктивной работе групп [4], выражающееся в том числе и в виде проявления различных форм агрессивного языкового поведения для нагнетания конфликтов [5].

Однако есть авторы, которые рассматривают речевую агрессию с позиции социокультурного подхода (И.В. Васенина, Т.Н. Кухтевич и др.). Язык – главная ценность любого этноса, любого народа. Он всегда является ядром национальной культуры, в нем отражены история страны, накопленные ценности, которые сохраняются и передаются новыми поколениями, он основа обогащения духовного мира личности. Определяя культурно-национальную идентичность россиян, русский язык является одним из условий консолидации российского общества, его цен-

ностной основы, ментальности, существующих в социуме национальных традиций, этики, национальной традиции.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что электронная речевая агрессия – это агрессия любого типа преследования, запугивания (высмеивание кого-то, грубые комментарии, распространение слухов, порочащих личность, унижающих ее достоинство) [6]. К сожалению, значительная часть СМИ, особенно адресованная молодым, редко обращается к ценностям русского языка, а некоторые вольно или невольно поддерживают те негативные явления, о которых говорилось выше. Модернизация системы образования в том виде, в котором она сегодня осуществляется в России, фактически ведущая к уменьшению значимости русского языка и литературы в школьной программе, не выразила четкой позиции по проблемам русского языка и общественного мнения.

В настоящее время за рубежом и в России проводятся исследования, показывающие распространенность речевой агрессии в социальных сетях и сетевых сообществах Интернета, но, к сожалению их не так много.

По данным американских исследований [6] обнаружено, что чаще всего жертвы сталкиваются с грубыми или неприятными комментариями, которые были частью электронной агрессии (32%), далее идет распространение слухов (13%), а затем угрожающие или агрессивные комментарии (14%). Поскольку особенностью общения в Интернете является анонимность, то от 13 до 46% молодых людей, ставшими жертвами электронной агрессии, не знали личности своих «домогателей». И, с другой стороны, 22% молодых людей, которые признали, что совершали электронную агрессию, не знают личности своих жертв.

Существует также мало информации о том, уменьшается или увеличивается электронная агрессия у молодых людей с возрастом, как она варьируется в зависимости от этнической, гендерной принадлежности, поэтому исследовательские данные имеют лишь общий характер.

Насколько часто различные виды языковой агрессии проявляются в молодежных сетевых сообществах интернета? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к данным исследования, проведенного коммуникационной группой «Византия», оказывающей услуги коммуникационного консалтинга. Исследование связано с использованием ненормативной лексики и проявления электронной речевой агрессии в Рунете, интернет–пространстве российского общества [7].

Анализируемая аудитория составила случайно выбранных 2000 пользователей социальных сетей и сетевых сообществ в возрасте от 16 до 60 лет. Результаты исследования показали, что больше всего ненор-

мативной лексики используется в социальной сети «ВКонтакте». Так, из 1000 слов в «ВКонтакте» пользователи в среднем употребляли 17,2% ненормативной лексики, в «Одноклассниках» показатель ругательных выражений составил 15,4%, в «Twitter» – 15,5%, в «Facebook» – 12,8%. Здесь же анализировались и показатели проявления агрессии. Самым высоким показателем проявления агрессии оказался у пользователей сети «Facebook». Второе место заняли пользователи сети «Twitter», третье – сеть «ВКонтакте». Наименьшее проявление агрессии наблюдается у пользователей сети «Одноклассники».

В Интернете существует большое количество сетевых сообществ, основной деятельностью которых является проявление и распространение агрессивности. Так, например, в социальной сети «ВКонтакте» существует несколько популярных таких сообществ. Приведем примеры некоторых из них.

Так, наиболее популярными среди пользователей сети «ВКонтакте» является сообщество «МДК», в которое входит около 337 тысяч подписчиков. Данную группу можно отнести к агрессивной, т.к. она переполнена грубостью, пошлостью и нецензурной лексикой. На странице данного сообщества можно увидеть огромное количество картинок, основным содержанием которых и является нецензурная лексика. При этом практически все картинки находят положительное одобрение и отклики пользователей данного сообщества.

Еще одним примером такого же типа сообщества служит группа «Орленок». Здесь количество пользователей меньше – чуть больше 84 тыс. подписчиков. Содержание данного сообщества аналогично предыдущему и содержит картинки и комментарии с нецензурной лексикой.

Сообщество «Aggression» («Агрессия») насчитывает около 84 тыс. человек. Размещенная информация в данной группе состоит из картинок с нецензурной лексикой, но все же преобладающим являются так называемые статусы (или цитаты) агрессивного характера. Например, *«Если на зачет прийти с автоматом, то зачет ставится автоматом»* или *«У меня есть мечта. Если случится конец света, я хочу умереть самым последним, чтобы видеть, как умирают все, кого я ненавижу. Тогда я умру счастливым»*. Цитаты такого рода могут набрать большое количество положительных откликов (лайков), и многие подписчики таких групп размещают их на своих страницах. Очевидно, что данная информация имеет шуточную направленность. Но как понять, где здесь юмор, а где реальный призыв к действию?

Самым ужасным является то, что молодое поколение нейтрально, а иногда и положительно относится к такого рода комментариям, выражениям и картинкам. Для них это повод лишний раз посмеяться над чем-то или кем-то.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что далеко не вся молодежь оказывается втянутой в языковую агрессию. Вот некоторые данные, которые были получены в исследовании «Виртуальная свобода и безопасность студентов в Интернете», проведенном кафедрой социологии МГИМО в декабре 2012 года [8]. Выборка составила 529 студентов МГИМО, 103 студента социологического факультета МГУ и 109 человек студентов представителей социального и гуманитарного знания РУДН. Отвечая на вопрос «Что чаще всего вызывает у студентов негативные эмоции при общении в Интернете?», были получены следующие ответы: непристойные выражения и непристойный контент (МГИМО – 52%; МГУ – 45%; РУДН – 54%); оскорбление и клевета в адрес других (МГИМО – 22%; МГУ – 19%; РУДН – 20%); оскорбление и клевета в собственный адрес (МГИМО – 17%; МГУ – 15%; РУДН – 28%). Молодежь все больше понимает, что свобода, открытость и духовная безопасность не должны противопоставляться друг другу.

В настоящее время в СМИ, в общественном мнении и даже научной литературе высказываются мнения, что интернет уже стал одним из ведущих агентов социализации молодежи. Однако воздействие интернета противоречиво. Он как способствует, так и препятствует позитивному развитию личности. При этом выбор всегда остается за личностью.

Литература

1. Бондаренко С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского госуниверситета, – 2004. 320 с.
2. Longstaff T.A., Ellis J.T., Hernan S.V., Lipson H.F., McMillan R.D., Pesante L.H., Simmel D. Security of the Internet. The Froehlich/Kent Encyclopedia of Telecommunications, vol. 15, – N.Y.: Marcel Dekker. 1997. P. 231–255.
3. Воронцова Т.А. Речевая агрессия в публичной коммуникации / II Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 428.
4. Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2012. В. 1. С. 48–51.
5. Понятие троллинг // <http://ru.wikipedia.org/wiki/Троллинг>

6. Electronic Media and Youth Violence: A CDC Issue Brief for Educators and Caregivers. US Department of Health and Human Services. Centers for Disease Control and Prevention. 2008

7. Проявление электронной агрессии в Интернете // bizzteams.ru

8. Что угрожает студентам в Интернете?//

www.mgirmo.ru/news/experts/document234651.phtml

СПОРТСМЕНЫ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГЕРОИ ИЛИ АНТИГЕРОИ? SPORTSMEN: THE NATIONAL HEROES OR ANTI-HEROES?

Н.В. Ларшина

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

N.V. Larshina

Nizhny Novgorod State University named Lobachevsky

На обсуждение выносятся проблема столкновения интересов государства и интересов спортсмена в условиях глобального мира.

The discussion brought the problem of collision of interests of the state and the interests of sportsman in the conditions of the global world.

Ключевые слова: государство, глобализация, профессионально-коммерческий спорт, профессионально-рекордный спорт.

Keywords: the state, globalization, professional-commercial sport, professional-record sport.

В контексте данного изложения понятия *национальное* и *государственное* рассматриваются как тождественные. Тема настоящих размышлений уходит своими корнями в 1960-е годы, именуемые в истории периодом «холодной войны», – время противостояния двух мировых держав: СССР и США.

Рассматривая спорт как социальный институт, предполагается проследить изменение специфической для него функции – идеологической, выразившейся в появлении двух типов организации спорта, в связи с чем появляется возможность сравнения и сопоставления фигуры спортсмена как национального героя или антигероя.

Основой для данных размышлений послужили идеи классика социологической науки А.Р. Радклифф-Брауна. В статье «О социальной структуре» А.Р. Радклифф-Браун критикует частое употребление термина «функция» в смысле обыденных слов, как «польза», «цель» и «значение» [1, С. 198]. Хотя более благоразумным, по его мнению, было

бы говорить «о пользе (или пользах) топора или палки-копалки» [1, С.198]. В следующей работе «О понятии функции в социальных науках» он пишет, что «...если в функционализме и имеется какой-то смысл, так это попытка увидеть социальную жизнь народа как целое, как функциональное единство» (выделено мной – Л.Н.) [2, С. 212].

В ходе исторического развития нашей страны, а точнее после победы в Великой Отечественной войне, в оборот было введено понятие «единый советский народ». Становившиеся все более частыми победы отечественных атлетов на международной арене спорта воспринимались как победы всего советского народа, которые свидетельствовали о преимуществах идеологии социализма перед идеологии капитализма. Поскольку так высоко ценились победы на международной арене, то, соответственно, спортсмены наделялись ореолом национального героя, способным защитить честь страны перед лицом всего мирового сообщества. В результате, он наделялся статусом представителя новой социальной общности – советского народа.

В идеологическом противоборстве мировых держав спортсмены выступали, образно говоря, на «передовой линии фронта», и даже второе место в соревнованиях расценивалось руководством СССР как проигрыш. Например, во время XV летней Олимпиады в Хельсинки (1952 г.) сборная СССР по футболу в финальном турнире потерпела поражение от Югославии. В результате этого проигрыша команда ЦДСА (Центральный дом Советской армии), составлявшая основу сборной, была обвинена в «провале» (так выступление сборной оценило руководство страны) и в тот же год расформирована. Только после смерти Сталина и ареста Берии армейскую команду восстановили и вновь включили в чемпионат СССР [3].

В сознании спортсменов эпохи СССР идеи патриотизма, преданности своей стране и понимание значимости одерживаемых побед во имя всего народа СССР не являлись идеологическими лозунгами. Показательной является история, произошедшая с Валерием Харламовым в 1972 году после победы сборной СССР над канадскими профессионалами со счётом 7:3 [4]. По завершению матча менеджеры НХЛ предложили В.Харламову 1 млн. долл. за переход в их лигу. На поступившее предложение он в шутку ответил: «Без Петрова и Михайлова согласиться на переход не могу». Канадцы приняли его слова за чистую монету, дав ответ после непродолжительного совещания: «О, мы все уладим. Они получат столько же». Но сделка, естественно, не состоялась.

К 1960-м годам в СССР была создана отлаженная система рекрутирования молодёжи в спортивные секции и поставлено на поток «производство» спортивных героев. Непосредственной «кузницей» спортивного резерва служили спортивные школы: ДЮСШ, ДЮСШОР, УОР, спортивные интернаты. Лучшие из лучших попадали в сборные команды СССР. В нашей стране объективно сложилась и продолжает действовать система государственного финансирования сферы спорта (функционируют федеральные спортивные базы; сборные команды России находятся на полном государственном обеспечении; пенсионное законодательство для Олимпийских чемпионов предусматривает выплаты надбавок к пенсии в соответствии с Федеральным законом «О дополнительном ежемесячном материальном обеспечении граждан РФ за выдающиеся достижения и особые заслуги перед РФ» от 04.03.2002 г. и др.).

В 1990-е годы в нашей стране произошли кардинальные экономические и политические перемены, и ранее доминировавшая идеологическая составляющая сама собой ушла на второй план. К этому времени качественные изменения произошли и в международном спорте. В олимпийском движении переломной точкой в трансформации статуса спортсмена-любителя стал 1974 г., когда на сессии МОК в Вене было изменено содержание «Правила 26» Олимпийской хартии, ранее предписывавшее строгое соблюдение статуса «любитель». «Правило 26» стало называться не «Положением о любительстве», а «Положением о допуске». В итоге, аристократизм эпохи Кубертена сменился демократизацией общественного развития, и принцип «любительства» потерял свою социально-экономическую основу для существования. С 1994 г. всем профессиональным спортсменам был открыт доступ к участию в Олимпийских играх. Тем самым спорт высших достижений, ранее существовавший исключительно как любительское (досуговое) занятие, постепенно приобрёл черты профессионального спорта (спорт за деньги). Таким образом, большой спорт стал профессиональным видом деятельности, и, соответственно, труд спортсмена превратился в товар.

В условиях глобализации перед спортсменами открылись практически все государственные границы. И многие спортсмены, в том числе и из России, стали «кочевать» по миру в поисках наиболее выгодных контрактов. Например, показательна ситуация 119-дневного (с 15.09.2012 г. по 12.01.2013 г.) локаута в сезоне 2012–2013 гг. в НХЛ. После локаута (аналог забастовки со стороны работодателя, а не работник) послужили выдвинутые требования НХЛ профсоюзу игроков по новому коллек-

тивному соглашению (сократить зарплаты хоккеистов к привязке к доходам лиги с 57% до 46%, отменить все подписные бонусы и др.), с которым профсоюз игроков не согласился. После начала локаута в НХЛ, многие российские хоккеисты, играющие в США и Канаде, приехали обратно в Россию и принимали участие в играх КХЛ. Но как только локаут в НХЛ завершился, наши соотечественники, среди которых П. Дацюк, Е. Малкин, С. Фёдоров, А. Овечкин, И. Ковальчук, вновь поспешили уехать работать за океан.

Нижегородский хоккеист М.М. Варнаков (1985 г.р.), сын знаменитого М.П. Варнакова (1957 г.р.), играл в составе нижегородской команды «Торпедо» в период 2003-2013 гг. Но когда ему был предложен более выгодный контракт, то он перешёл в Санкт-Петербургский клуб «СКА». В состав нижегородской хоккейной команды «Торпедо» в сезоне 2012/2013 гг. входили пять игроков-иностранцев и три финских тренера. И если нижегородец говорит: «Я «болею» за родную хоккейную команду – за нижегородское «Торпедо», то возникает вопрос: «Чем же она родная, если в сезоне 2012/2013 гг. более половины её составляли игроки-легионеры, как из российских, так и из зарубежных клубов (12 человек из 17-ти), а вовсе не ребята из Нижегородской области?»

Лучшим футболистом года в России в 2009 г. был признан Домингес – аргентинец, выступавший за клуб «Рубин», в 2010 г. – Данни – португальский игрок, подписавший контракт с клубом «Зенит», в 2011 г. – Думбия – футболист из африканской страны Кот-д'Ивуар, входивший в состав московского ЦСКА. И опять мы можем задаться вопросом: «Это ребята с нашего двора?!»

Чтобы нам не запутаться окончательно, нужно внести ясность в понимание тонкостей специфического мира профессионального спорта: существует принципиальная разница между *профессионально-коммерческим* спортом (например, спортивные клубы, которые могут находиться в частной собственности и где происходит легальная купля-продажа игроков, смена тренеров, собственников клубов) и *профессионально-рекордным* спортом (национальные сборные команды страны, олимпийское движение). Цель деятельности *профессионально-коммерческого* спорта заключается в получении экономической выгоды, а целью *профессионально-рекордного* спорта является не прибыль, а достижение спортивного результата.

Исходя из такой содержательной разницы в мире профессионального спорта, корректней было бы говорить не о лучшем футболисте года в

России, а о лучшем клубном игроке, поскольку к России, как к *государству*, многие из клубных футболистов не имеют никакого отношения.

Отсутствие дифференциации моделей профессионального спорта не только в материалах СМИ, но и в текстах авторов из академической среды, которые анализируют процессы развития и изменений в мире спорта, привносит путаницу в сознание людей, интересующихся спортом, но не разбирающихся в его тонкостях.

В XXI веке в мире спорта появился новый термин «натурализованный игрок». Данный термин означает, что спортсмен по своему усмотрению может выбрать ту страну, за которую он хотел бы выступать или, скорее всего, за которую ему экономически было бы выгоднее выступать. В этом случае он официально принимает гражданство выбранной им страны, но при этом может быть не связан с ней никакими традициями. Получается своего рода «брак по расчёту».

Таким образом, в вопросе, вынесенном в заголовок настоящих тезисов, обнаруживается столкновение государственных интересов и интересов спортсмена. Современное государство – это территориальное государство. Базовым понятиям национального государства, таким как нация, гражданство, чувство долга, защита чести страны, формирующим национальную идентификацию личности, соответствует *профессионально-рекордный спорт*. Российское государство, финансируя данный тип организации спорта, преследует цель сохранения и интеграции общества, возлагая на профессионально-рекордный спорт задачи по оказанию содействия в объединении и укреплении национально-территориального государства. Но спортсмен, достигая высокого уровня мастерства, зачастую покидает страну, стремясь выгодно устроить свою жизнь. Тем самым он своими действиями наносит идеологический (а также и материальный) ущерб государству и в контексте государственного (национального) мышления спортсмен рискует стать антигероем, так как выступает в другой стране или даже под её флагом.

Литература

1. Радклифф-Браун А.Р. О социальной структуре / А.Р. Радклифф-Браун // Культурология: Дайджест / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. научн.-информ. исслед. Отд. культурологи; Редкол.: Галинская И.Л. (гл. ред.), Левит С.Я., Николаев В.Г. (сост.) и др. М., 2000. № 1. С. 184–203.
2. Радклифф-Браун А.Р. О понятии функции в социальных науках / А.Р. Радклифф-Браун // Культурология: Дайджест / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. научн.-информ. исслед. Отд. культурологи; Редкол.: Галинская И.Л. (гл. ред.), Левит С.Я., Николаев В.Г. (сост.) и др. М., 2000. № 1. С. 204–215.

3. Денисов, А. Футбольная драма: 50 лет знаменитому матчу СССР – Югославия [online] / Алексей Денисов. [Обращение к документу: 05 апреля 2013]. Доступ через <http://www.rusteam.permian.ru/history/1952_03.html>.

4. Попов Д. Трус не играет в хоккей! 35 лет знаменитой серии [online] / Дмитрий Попов // «Европа-Экспресс». 2007. № 38. 17 Сентября. [Обращение к документу: 05 апреля 2013]. Доступ через <http://www.euexpress.de/archive/artikel_6274.html>.

**ДУХОВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА:
ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ И АКТУАЛИЗАЦИИ**
**MORAL POTENTIAL OF REGION POPULATION:
THE PROBLEM OF INTERPRETATION AND ACTUALIZATION**

Т.Н. Липатова
*Казанский национальный исследовательский
технологический университет*
T.N. Lipatova
Kazan National Research Technological University

Анализируется понятие духовного потенциала населения региона.
The article is devoted to the analyses of moral potential conception.

Ключевые слова: духовный потенциал населения, интерпретация, актуализация.

Keywords: moral potential of population, interpretation, actualization.

Обращение к теме духовного потенциала населения региона обусловлено необходимостью осмысления состояния феномена духовности в российском обществе. «Источник силы или бессилия общества – духовный уровень жизни», – справедливо писал А.И. Солженицын [1]. Духовный потенциал общества является важным фактором развития и функционирования социума, который невозможно осмыслить без его субъектов – отдельных индивидов. Человек, являясь носителем духовного потенциала, обладает жизненной энергией, интеллектом, знаниями, умениями, способностями, раскрывая которые добивается самоутверждения, удовлетворения потребностей.

В социальном плане общество не может нормально существовать без развитой духовности и функционирующей духовной жизни. Представить процесс эволюционного движения общества вне духовности, а человека без духовных качеств невозможно. Более того, значительные

перемены в обществе и его прогресс в целом возможны лишь при условии действительной духовности этого общества. Духовность задает смысл как индивидуальному существованию, так и коллективному, являясь показателем существования определенной иерархии ценностей, целей, смыслов. Именно духовность отражает проблемы, относящиеся к высшему уровню духовного освоения мира человеком, которые затем получают социальное воплощение.

Социологический анализ духовности предполагает выяснение ее места в системе общества, назначения и роли, позволяет рассматривать духовную жизнь как одну из общественных сфер. Духовная жизнь в социологическом плане не сводится к совокупности идеальных явлений, а характеризуется как более содержательное образование, которому присущи социальные институты, занятые духовным производством и распространением его продуктов, социальные носители духовного.

Исследование духовного потенциала как объекта социологического исследования требует эмпирической интерпретации данного понятия. Структура духовного потенциала жителя региона образована комплексом показателей, характеризующих требования к конечному результату учебной, трудовой, научной деятельности индивидов, выраженная в системе знаний, умений, навыков, сформированности личностных качеств, являющихся результатом обучения, самообразования, самовоспитания и самосовершенствования, то есть, естественного удовлетворения познавательных потребностей и реализации личных устремлений человека. Эти требования задаются обществом, зависят от уровня его развития и изменяются по мере развития науки, культуры, производства, общества.

На основе операционализации понятия «духовный потенциал» может быть представлена концептуальная модель духовного потенциала жителя региона, характеризующаяся комплексом следующих показателей:

- уровень образования индивида; владение иностранным языком, компьютером; потребность в самообразовании и повышении своего профессионального уровня; стремление к постоянному получению новой информации, в профессиональной деятельности к максимальному использованию опыта, знаний и сил;

- наличие или отсутствие у индивида ученой степени, занятие научно-исследовательской деятельностью, участие в научных конференциях различного уровня; занятие профессиональным творчеством, повышение профессионального уровня, склонность к непрерывному получению

информации, готовность к экспериментам, инновациям, изменениям; стремление к постоянному пополнению своих знаний, совершенствованию навыков и развитию имеющихся задатков;

- ориентация в мире культуры и искусства; знание выдающихся произведений искусства, художественных направлений, жанров, стилей; потребность в повышении своего культурного уровня, в постоянных контактах с искусством; интерес к участию в художественном творчестве;

- соблюдение национальных традиций и обычаев своего народа, интерес к национальному творчеству;

- соблюдение существующих в данном обществе правила общежития; наличие системы эстетических и нравственных ориентаций.

Наличие духовного потенциала еще не является гарантией его реализации, ее основой выступает актуализация как имеющихся, так и перспективных возможностей индивида или общности, способных реализоваться при создании определенных условий, осуществлении конкретных действий со стороны государства и общества в сферах духовной жизни региона. Актуализация представляет собой приведение в действие наличных и перспективных возможностей, сформированных в духовном потенциале региональной общности под воздействием объективных и субъективных факторов.

Для понимания феномена духовного потенциала важна не столько формально вычисленная неким образом его величина, сколько оценка качества социальной жизни и существующих условий для формирования и реализации потенций человека в духовной сфере жизнедеятельности. Если такие условия есть, то духовный потенциал может реализовываться, выступая источником духовно-нравственного совершенствования для своего носителя.

Носителем духовного потенциала может выступать индивид, группа, региональная общность как обладатель способностей и побудительных мотивов к определенному виду деятельности. На эмпирическом уровне духовный потенциал региональной общности раскрывается именно через возможности носителя духовного потенциала. Вместе с тем потенциал личности и потенциал населения различаются тем, что последний представляет собой качественно новое образование, способное за счет оптимальной структуры коллектива, социальных отношений обеспечить синергический эффект. Таким образом, духовный потенциал общества не есть лишь сумма потенциалов, присущих каждому члену общества. В процессе взаимодействия духовный потенциал коллектива, общества

приобретает новое качество: во-первых, существуют эмерджентные свойства у любой целостной системы, во-вторых, в процессе взаимодействия людей изменяются указанные личностные субпотенциалы, в-третьих, фактор времени также влияет на общий духовный потенциал: он приобретает новые качества. Субпотенциалы самих индивидов могут значительно изменяться из-за взаимодействия людей между собой. Потенциал духовной активности группы, коллектива или региона будет характеризоваться, кроме суммы духовных потенциалов его членов, распределением этих субпотенциалов между членами группы, коллектива или региона – тем, как распределены и организованы в группе, коллективе или регионе ценности, знания, навыки, таланты, способности.

Духовный потенциал общества можно обозначить как определенный уровень совокупных знаний и умений, способных создать такую систему социальных связей и отношений, которая дает возможность развития и реализации духовного потенциала личности. Таким образом, общество предоставляет духовному потенциалу личности как экономические, так и социальные предпосылки, создает благоприятные социокультурные условия и духовную атмосферу. Социально-групповая структура также оказывает влияние на общий потенциал, отражает неравенство распределения ресурсов между общественными слоями, группами, индивидами, тем самым дифференцируя возможности реализации их потенциала.

Исходя из вышесказанного, духовный потенциал региональной общности можно определить как характеристику накопленных, сформированных возможностей реализации жителями региона своих внутренних сил и способностей, скрытых или частично вовлеченных в процесс интеллектуальной, нравственной и культурной деятельности, а также комплекс обстоятельств, условий и факторов использования обществом этих способностей и талантов для социокультурного развития региона.

Прогрессивным и жизнеспособным можно считать то общество, в котором создаются условия и предпринимаются конкретные действия для реализации как личностного духовного потенциала, так и потенциала всего общества.

Литература

1. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения. – Л.: Сов. писатель, 1990. – С. 28.

**КРИТЕРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СЛОЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ**
CRITERIA FOR SOCIAL STRATUM: MODERN CONCEPTS

Н.С. Лукин
*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*
N.S. Lukin
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Что лежит в основе определения индивидом своего положения в структуре общества и отнесения себя к представителям того или иного социального слоя? Имеет ли значение исключительно уровень дохода и материальное положение или же за этим стоит что-то ещё? Представлен краткий обзор данной темы и попытка найти направление, в котором следует искать ответ.

How does an individual determines his position in the structure of society? How does he considers himself to a particular social group? What is the criterion? Financial situation? Prosperity? Or something else? In this article the author provides a brief overview of the topic and attempts to find a direction in which we should search for the answer.

Ключевые слова: социальный класс, социальный слой, социальное неравенство, социальная справедливость, субъективные представления.

Keywords: social class, social layer, social inequality, social fairness, subjective perceptions.

Последние несколько лет в современном российском обществе тема справедливости становится все более обсуждаемой. Данную тему обсуждает как интернет-пространство, так и высший руководящий аппарат. Прошедшая в начале апреля 2013г. в Краснодаре конференция Президента России Владимира Путина, посвященная данному вопросу, яркое тому подтверждение.

В современной гуманитарной науке понятие справедливости, в частности, социальной, имеет продолжительную историю изучения и является центральным для всех наук о человеке и обществе [1].

Понятие социальной справедливости непосредственно связано с понятием социального неравенства [2]. Существование социального неравенства и распределение его в обществе определяет представление людей о социальной справедливости и ее понимание. В структурно-функциональном смысле распределение неравенства выражается в рас-

слоении общества и разделении его на социально-экономические классы. В классической традиции принято разделять общество на три класса: высший, средний и низший, при этом каждый из них также можно разделять на три. Классическое же измерение принадлежности людей к классам основывается на субъективных оценках и восприятиях людей собственной социальной действительности, что также является субъективным восприятием социальной справедливости и места человека в иерархии социальных отношений.

Для современной России этот вопрос является, безусловно, актуальным, так как условия формирования социальной структуры российского общества способствуют и изменению субъективных представлений указанных выше категорий. Меняются признаки, по которым люди относят себя к тому или иному социальному слою, меняются критерии значимости тех или иных социальных показателей, формирующих социальный слой. Подобные изменения имеют особенно интенсивный характер именно в современном российском обществе.

В других странах изменение отношения к тем или иным критериям происходит в меньшей степени, но, в силу непрерывного характера данного процесса, имеет место быть.

По последним данным исследований, проведенных Институтом Социальных наук имени Лейбница, в Германии наблюдается явная тенденция к гуманизации подобных признаков.

В последнее время в Германии как средства массовой информации, так и научное сообщество все чаще говорят об уменьшении среднего слоя и увеличении низшего. В первую очередь это связывают с установками и отношением людей к возможности получения образования для граждан с различным этническим происхождением, различиями в получении школьного образования, формированию жилищных общин и ее отчужденность (образование анклавов и гетто), шансам на получение того или иного рабочего места и многие другие критерии, не затрагивающие и не связанные с доходами населения и доходами домохозяйств [3]. Проведенное исследование показало, что подобная тенденция действительно существует. Наибольший интерес вызвало то, что, применяя метод субъективного отнесения людьми самих себя к тому или иному классу и слою, люди из различных слоев при прочих равных социально-экономических показателях (учитывались в первую очередь доход и уровень образования) причисляют себя к различным социальным слоям. Исходя из этого можно сделать вывод, что происходит процесс трансформации представлений людей о социальной действительности, соци-

альной иерархии и, соответственно, социального неравенства и справедливости. Какую тенденцию имеет подобная трансформация: будет ли это процесс субъективации и оценки собственного социального положения на основе эмоциональных и духовных составляющих жизни более выражен; чем она вызвана и нужно ли пересматривать объективные критерии оценки социального неравенства и в какой степени, еще предстоит выяснить.

Для России в условиях более интенсивных изменений и трансформации социальной структуры исследования субъективных представлений людей о собственном социальном положении еще предстоит провести, и какие результаты, и соответственно, выводы это будет иметь, еще предстоит рассмотреть. Тем не менее, на современном этапе, исходя из политики, проводимой государством, сообщений СМИ и собственного жизненного опыта, можно говорить о том, что для России нельзя говорить о преобладании субъективных представлений о социальной иерархии или объективном материальном состоянии как критериях формирования социальной структуры. Следовательно, исследовательские работы должны проводиться в обоих направлениях, как в исследовании экономического положения граждан, так и социальной и духовной составляющей общества.

Литература

1. Шипунова Т.В. Социальная справедливость: понятие, виды, критерии оценки / Т.В. Шипунова // Проблемы теоретической социологии. Вып.5: Межвуз. сб. – 2005.
2. Кара-Мурза С.Г. Что такое справедливость в России сегодня? / С.Г. Кара-Мурза // Российская Федерация сегодня. – 2009. № 1.
3. Schichtzugehörigkeit nicht nur vom Einkommen bestimmt / Sozialberichterstattung Gesellschaftliche Trends Aktuelle Informationen. – 2011, № 45. S. 1.
4. Informationsdienst Soziale Indikatoren Schichtzugehörigkeit nicht nur vom Einkommen bestimmt / Sozialberichterstattung Gesellschaftliche Trends Aktuelle Informationen. – 2011. № 45. S. 1.
5. Саблина С.Г. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России / С.Г. Саблина // Социологический журнал. – 2000. – № 1/2. С. 100–111.

**ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ЭГОИСТИЧЕСКОГО
И ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИЯХ
СОЦИАЛЬНОЙ ДИЛЕММЫ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**
**THE ISSUE OF CHOICE OF EGOISTIC AND PROSOCIAL
BEHAVIOR IN SITUATION OF SOCIAL DILEMMAS:
A SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

Н.В. Люсина

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

N.V. Lyusina

Yaroslavl Demidov State University

Обсуждается выбор поведения людей в ситуации социальной дилеммы.

In article the choice behavior of people in a situation of social dilemmas is discussed.

Ключевые слова: социальные дилеммы, теория рационального выбора, теория обмена, эгоистическое поведение, просоциальное поведение, коллективное действие.

Keywords: social dilemmas, rational choice theory, the theory of exchange, egoistic behavior, prosocial behavior, collective action.

Социальные дилеммы возникают во всех сферах жизни: от принятия важных решений по вопросам войны и мира до принятия простых решений, касающихся нашей повседневной жизни [1]. Термин «социальная дилемма» относится к ситуациям, когда люди делают свой независимый выбор. Это ситуации, в которых члены группы сталкиваются с противоречием между максимальным удовлетворением своих личных интересов и максимальным повышением коллективного благополучия [2].

Исследование социальных дилемм – это изучение конфликта между частными эгоистичными интересами и коллективными интересами [3].

Человек, в целом, стремится быть рациональным и максимизировать прибыль, которую он рассчитывает получить, но в ситуации социального взаимодействия он может ориентироваться и на повышение общественного блага. Оновная задача исследования социальных дилемм состоит именно в том, чтобы понять, когда человек демонстрирует эгоистическое или просоциальное поведение [4; 5].

«Коллективная рациональность» предписывает сотрудничество, поскольку каждый индивид от этого выигрывает, по сравнению с тем, ко-

гда все уклоняются от кооперации. «Эгоистичная рациональность» предполагает некооперативное поведение, поскольку такая стратегия ведет к индивидуальным результатам, которые являются всегда выше, чем плоды коллективного взаимодействия. Однако вред, нанесенный эгоистичным поведением (т. е. несотрудничеством), оказывается, в конечном счете, существенно больше, чем непосредственная краткосрочная индивидуальная выгода.

Исходя из этого, можно сказать о стратегиях выбора поведения людей в различных ситуациях, которые позволяют составить представление о факторах, лежащих в основе этого выбора. Согласно исследованиям и экспериментам, проводящимся в этой области целым рядом ученых [4, 5, 6], выбор стратегий можно объяснить с позиций двух теорий: теории рационального выбора и теории обмена.

Для того чтобы рассмотреть человека с точки зрения удовлетворения им своих собственных краткосрочных интересов, в современной социологической науке была разработана теория рационального выбора, которая включает в себя модели эгоистического поведения. Они оказались очень успешными в предсказании маргинального поведения в ситуациях состязания, когда напряжение выбора выявляет тех, кто не может максимально точно определить внешние ценности [6].

В свою очередь, теория обмена, основываясь на общественных отношениях и действиях социальных факторов, предполагает, что поведение людей есть не что иное, как постоянный обмен ценностями, ориентированными на общественные интересы [7]. Таким образом, можно утверждать, что теория обмена направлена на достижение долгосрочных выгод [8].

Исследования, проведенные в разных сферах, показали, что люди чаще всего прибегают к коллективным действиям безо всякого принуждения в тех случаях, когда решаются вопросы, связанные с предоставлением общественных благ или управлением общественными ресурсами. В таких ситуациях у них включается долгосрочное мышление, так как надо создать и сохранить сотрудничество на более длительное время.

Группы имеют первостепенное значение в жизни общества и способны совершить многое из того, что не под силу одиночкам. Например, результаты работы групп анонимных алкоголиков, родителей-одиночек и желающих похудеть, а также прочих групп, действующих по принципу “помоги себе сам”, свидетельствуют о влиянии и успехах, которых они способны достигать [2]. Групповые дискуссии и нормы формируют

у их участников единое (групповое) мышление – процесс принятия решений в группах с чрезвычайно тесными связями, членов которых настолько волнует вопрос сохранения консенсуса, что это отрицательно сказывается на их способностях критически осмысливать ситуацию [2, 5]. С другой стороны, мнения людей начинают склоняться в сторону групповых стандартов. Когда индивиды попадают в полную зависимость от группы, они способны жертвовать собственной независимостью и ослаблять контроль над своим телом и поступками. Все это показывает, насколько важную роль играют в нашей жизни группы, особенно те, в которых проходит развитие нашей личности и в деятельности которых мы ежедневно принимаем участие.

Для подтверждения данных утверждений можно сослаться на результаты исследований Волкова Ю.Г. [2], Остром Э. [6, 9], Чалдини Р. [10, 8], Майерса Д. [11], Шерифа М., Эша С., Мэссика Д. [см.: 5], Яниса Э. [см.: 2].

Исследование социальных дилемм важно для создания правил поведения в ситуациях выбора, помогающих каждому человеку и обществу в целом получить более высокий продуктивный результат [8].

Литература

1. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ. 1995.
2. Волков Ю.Г. Социология: лекции и задачи. М.: Гардарики. 2003.
3. Муздыбаев К. Социальные дилеммы и способы их разрешения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007, Т. 10, № 2.
4. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: Издательский дом: «Территория будущего». 2009.
5. Kramer, R.M., Tenbrunsel A.E., Bazerman M.H, Social decision making. Social Dilemmas, Social Values, and Ethical Judgments. NY, Wis.: Psychology press. 2010.
6. Остром Э. Теория рационального выбора коллективного действия. Бихевиористский подход // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010, № 1.
7. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е издание. СПб.: Питер. 2002.
8. Чалдини Р. Психология влияния. 3-е международное издание. СПб.: Питер. 2000.
9. Плутник Д.А. Правила в общественном секторе в свете Нобелевской премии: вклад Элинора Остром в исследования коллективных действий // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010, № 1.

10. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК. 2002.
11. Майерс Д. Социальная психология/Перев. с англ. СПб.: Питер. 1999.

**ЗНАЧЕНИЕ РЕЛИГИИ ДЛЯ ТЕХ, КТО ФОРМИРУЕТ
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ
THE SIGNIFICANCE OF RELIGION FOR THOSE
WHO SHAPE PUBLIC OPINION**

**Ш. Ляйбольд
(Германия)**

Исследование в области социологии религии при университете г. Мюнстер (С. Гэртнер, К. Габриэль, Х.-Р. Ройтер). Цель исследования – анализ значения религии для тех, кто формирует общественное мнение. Проводилось среди журналистской элиты Германии (Визбаден 2011: VS-Verlag).

Research in the field of sociology of religion at the University, Munster (S. Gertner, K. Gabriel, H.-R. Royter). Objective – analyze the meaning of religion to those who shape public opinion. Was conducted among the journalistic elite of Germany (Wiesbaden 2011: VS Verlag).

Ключевые слова: социология религии, общественное мнение, секуляризация.
Keywords: sociology of religion, public opinion, secularization.

Исходные тезисы:

- Верен ли тезис о секуляризации?
- Религия возвращается (возрождается)? Почему она снова стала темой обсуждения общественностью? (ислам, дебаты относительно обрезания, фундаментализм).
- Дифференциация представителя американской социологии религии – Дж. Казанова: Разделение церкви и государства, но не эрозия и не приватизация. Западная и восточная Европа – мировое исключение.
- Респонденты: группа, которая активно втянута в дискуссии СМИ и может предоставить информацию о соотношении религии и общественности с точки зрения непосредственного участника – ведущие журналисты как представители общественности.
- Кто формирует общественное мнение: «та группа журналистов и журналисток, которые как главные или ведущие политические редакторы или журналисты-фельетонисты не просто рассказывают о событиях,

но и с помощью редакционных статей и комментариев высказывают свое мнение, отношение, интерпретируют и объясняют.

Методические подходы/основные цели и задачи:

- Качественные, нарративные биографические интервью, взятые у 18 представителей журналистской элиты (газеты, теле- и радиовещание).

Вопросы:

- Когда религия становится предметом внимания СМИ?
- Насколько важная религиозная тематика в СМИ?
- Что понимают журналисты под термином «религия»?
- Какую ценность представляет религия для них самих?
- Какие задачи, с их точки зрения, выполняет религия в обществе?
- Имеет ли религия значение для их профессиональной повседневности?

Результаты:

– Когда религия становится предметом внимания СМИ?

Как и любые другие новости: в связи с какой-либо проблемой привлекает внимание масс, отличается новизной, связано со значимыми личностями, конфликтами или скандалами.

Общество наблюдает и интерпретирует само себя (модель отражения системной теории систем) вместо того, чтобы участвовать в становлении демократического волеизъявления.

Три обстоятельства, которые способствуют увеличению внимания к религии:

- религиозно обоснованное насилие (знаменательное событие 11.09.2001) и политические конфликты – столкновение цивилизаций («clash of civilizations»), ислам в центре внимания

- растущая неуверенность и дезориентация германского общества: что нас объединяет? Может ли христианство гарантировать общественную мораль и способствовать интеграции?

- растущая потребность в красивых образах, больших событиях и инсценировках в СМИ (Иоанн Павел II как звезда СМИ, германский «Папа римский», всемирный день молодежи и т.д.

Насколько важна тема религии для СМИ?

- освещение религиозной тематики является следствием светских событий, а не современных религиозных мотивов и учений. Исключительно религиозные или внутренние церковные темы почти не представляют интереса для СМИ;

– решающим фактором является то, что до сих пор около 2/3 населения Германии являются прихожанами той или иной церкви. Церковь как учреждение общественного права имеет большое влияние на общественность. Численность мусульман растет;

– вечная рефлексия относительно церковных праздников // церковного годового цикла;

– религия и церковь важны, их влияние значимо и легитимно (только 1 атеист среди журналистов; даже после специальных поисков).

Что понимают журналисты под религией?

– единое представление отсутствует; нет четкого индивидуалистического определения, и религия не идентифицируется с церковью. Все подчеркивают 3 плоскости проявления религии: индивидуальный, организационно-институциональный и культурный.

Какое значение имеет религия для самих журналистов?

– 12 принадлежат христианской церкви, еще 5 чел. крещеных; в личной повседневной жизни большинства журналистов религия не является важной и значимой. Только одна журналистка из восточной Германии причисляет себя к атеистам;

– католики чаще противопоставляют религию институту церкви. Их чаще не устраивает иерархичность, а протестанты жалуются на качество службы и проповеди.

Какие задачи выполняет религия, с точки зрения журналистов в отношении общества?

– Для общества религия важна: как основа традиционности и ориентации в жизни. Прежде всего, как «защита собственной культуры» («cultural defense») сегодня: проверка собственной культурной идентичности на фоне религиозного плюрализма и распространения ислама. Германия гордится успешным союзом религии, просвещения и гуманизма. Во-вторых, церкви являются гарантами или защитниками социальной справедливости и всеобщего благополучия, а также этической совестью в вопросах, касающихся границ человеческой жизни (биомедицина, эвтаназия, обращение с престарелыми и инвалидами и т.д.).

– Для журналистов полемика с церковью как идеологией – это «тормоз прогресса», или суеверие, пережиток. Скептически относятся к новым религиозным и харизматическим духовным движениям.

– Имеет ли религия значения для профессиональной повседневности?

– Вера в «священность личности», в безусловную значимость человеческого достоинства как высшего принципа. Это однако не связано с религиозными убеждениями.

– Журналисты воспринимают ущемление своей независимости за счет их близости к политике, а не за счет церковных акторов.

Ценность религии в среде городской элиты (Нижний Новгород, Варшава, Эссен, Лейпциг)

Совместный проект

- Кафедра Общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

- Институт этики и прикладных наук Вестфальского Университета им. Вильгельма в г. Мюнстере.

- Польша, Варшава.

- Заявка в DFG; время проведения: 2014–2017 гг.

НОВЕЙШИЕ СОЦИОПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МОБИЛЬНОСТИ THE NEWEST SOCIAL SPACE NOBILITIES

А.А. Петренко-Лысак

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

A.A. Petrenko-Lysak

Kyiv National Taras Shevcheko University

Свобода перемещений в социальном и физическом пространстве в современном мире является ценностью и способом жизнедеятельности, критерием социальной стратификации и успешности современного субъекта. Современные проявления мобильностей – это не сугубо вертикальная подвижность в социальной структуре, но горизонтальная – определяющая право и возможность самостоятельно выбирать субъектом траектории своего перемещения, а также перемещения своих идей и предметов, имеющих социальную ценность.

Degree of social sphere mobility, as a display of freedom of choice of location, comes forward one of modern criteria of the modern subject's social stratification and success. Freedom of transferring to social and physical space in the modern world is a value and method of vital functions. Modern displays of mobility are not especially vertical mobility in a social structure, but horizontal – the subject has a right and possibility to independently determine of moving trajectory, and moving of the ideas and objects having social value also.

Ключевые слова: социопространственная мобильность, свобода перемещений, перемещение как ценность.

Keywords: social space mobility, freedom of moving, moving as value.

Что движет людьми в пространстве и каков социокультурный смысл этого движения? Различные факторы их определяют, различен и характер перемещения отдельного субъекта от групп субъектов. Древнейшими и значительнейшими были движения за ресурсами, а также за или от природных влияний (потепления, опустошения, засухи и т.п.). Со времен ранних перемещений людей – первобытных охотников за животным или другими источниками пропитания или масштабных перемещений людей ранних исторических эпох, вызванных мощнейшими климатическими изменениями, или же со времен появления ранних государственных образований и организованной силы для захвата добытых ресурсов, или средств их добычи (пленные и рабы) перемещения в пространстве и контроль над пространством стали более интенсивными и культурно осмысленными. Последующим качественным скачком изменений в характере пространственных перемещений глобального масштаба стало влияние рынка и торговли, появление золота и других всеобщих измерений ценности. Позже на смену пришло время религиозных и трудовых миграций. Современность связана с приватизацией человеком пространства и с признанием почти на уровне международной нормы того, что право на территорию путешествует вместе с человеком.

По определению З. Баумана, современный мир представлен «бродягами», вынужденными оставлять местности во имя поиска лучшей судьбы, в противовес «туристам», путешествующим во имя самоудовлетворения. Степень пространственной мобильности как свободы выбора местонахождения выступает сегодня одним из критериев социальной стратификации: «самым действенным и желанным фактором расслоения в мире стала мобильность: это та субстанция, с которой ежедневно строятся и перестраиваются новые, все более глобальные социальные, политические, экономические и культурные иерархии» [1, с. 12].

Современные пространственные перемещения приобрели дополнительные вариации, основанные на кибервиртуальных технологиях. Перемещение в пространстве избавилось от физического «диктата» в том смысле, что виртуальные путешествия стали заменять реальные физические перемещения в виду того, что владеют признаками и возможностями удовлетворять запросы путешествующего увидеть отдаленное (в отдельных случаях, даже, услышать).

Далеко не все в феномене пространственного перемещения обусловлено сугубо социальными факторами. Отдельными субъектами или

группами лиц в определенном ареале и эпохе могла овладеть страсть к раздвижению границ собственного пространства, к выходу в неизведанное (например, странствия первопроходцев). Только экономическим детерминантом или утилитарными мотивами этот феномен не объяснишь. Стремление к познанию неизведанного или ухода от обыденного и надоевшего вполне вхожи в число культурных факторов пространственных перемещений, в том числе и религиозно мотивированные перемещения в новые земли с целью или самоизгнания, или сохранения чистоты своей веры.

Ценность пространственных перемещений становится одним из значимых критериев оценки успешности современного субъекта. Движение в социальном пространстве приобрело критерий измерения степени свободы субъекта как ценности и способа современного образа жизни: наличие туристических возможностей, путешествий и странствий в противовес их отсутствию (миграция является здесь формой вынужденного перемещения). Распространяются тенденции среднего класса «убегать из городов» в загородные и пригородные зоны, что приводит к размыванию образов «традиционного города».

Современное социальное пространство заполнено, как развитием традиционных форм мобильности, так и формированием культуры новой мобильности. Традиционной для социологического анализа является вертикальная социальная мобильность, в то время как новейшие ее формы проявляют себя именно в горизонтальной мобильности. При этом традиционные формы мобильности приобретают существенные изменения на основе форм и техник новейших мобильностей. Мир становится мобильнее, перемещения становятся многочисленными и разнообразными. Старые формы мобильности дополняются новыми, связанными с использованием новых форм связи, перемещения информации и форм навигации. Новая мобильность трансформирует основные формы мировосприятия и практики, изменяя тем самым ощущение пространства и времени. Новые, гибридные формы мобильности постепенно приобретают характер обыденности, становятся культурой повседневности.

В связи с изменениями в пространстве мобильностей Дж. Урри предложил социологии манифест, требующий изучать все разнообразие мобильностей: мобильности людей, объектов, образов, информации и отходов, в том числе системы сложных взаимосвязей между ними и социальные последствия разнообразнейших типов современной мобильности [2, с. 9]. Актуализирующим аргументом его манифеста является

утверждение, что разнообразные типы мобильностей, мобильных практик преобразуют социальный мир, тем самым расширяя предметное поле социологических поисков. Новейшие мобильности Дж. Урри предлагает определять как социальную/социетальную мобильность, и считать ее как географическим, так и социальным феноменом, так как мобильность присуща не только людям, но и объектам, вещам, идеям. Социопространственными практиками мобильности являются как физическая мобильность, как-то прогулки, путешествия, переезды, перемещения и т.п.; мобильность объектов, как-то перемещение и изменение ими своей привычной локализации; мобильность воображаемая посредством СМИ; мобильность виртуальная посредством технологических симулятивных устройств, влияющих на телесные практики людей.

В современном мире мобильность приобретает трендовые особенности. Мобильными становится жилье, оседлый образ жизни приобретает качество социетальной пространственной мобильности. Опыт североамериканского общества представлен таким типом поселений людей как коттеджные, связанные между собой хайвеями. В таких поселениях не предусмотрены протяженные и функциональные пешие зоны, так как города/городка как такового, к которому привыкло европейское сознание (с магазинами, лавками, пешими улицами и т.д.), нет. Пешеход – понятие условное. Транспорт – не роскошь, но лишь средство для перемещений.

Зарождается тренд «мобильного» бизнеса (имевший своим прототипом путешествующих в древности мастеров), «бизнеса на колесах», приживающегося в традиционных районах оседлого поселения. То, что когда-то исходило из необходимости, становится модой, трендом. Трендом становится мода на мобильную жизнь, в том числе на «жизнь на колесах». Перемещения по странам, по континентам, по миру превращаются в способы или стили жизни.

Итак, степень современной мобильности есть степень свободы выбора субъектом своего места нахождения, типа своей занятости и практик перемещения. Объемы и количество социетальных перемещений в последнее время возрастают. Социетальная мобильность влияет на процессы идентификации. Вопрос пространственной идентичности приобретает новый характер, она реконструируется и переопределяется, становится игрой по правилам свободы выбора. В современном мире правила игры – способы и ценности социальной жизни неустанно меняются. Именно поэтому современный человек обязан формировать у себя навыки мобильности – и не только физической, но и идейной, смысло-

вой – от одного смысла к другому, стремительно приобретающего актуальность, но позже также стремительно исчезающего и теряющего значение. Социопространственные перемещения, мобильность как ценность, стиль или способ жизни современности постепенно становятся и условием, и следствием социальных изменений.

Литература

1. Бауман З. Глобалізація. Наслідки для людини і суспільства / Зигмунд Бауман; [пер. з англ. І. Андрущенко; за наук. ред. М. Винницького]. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 109 с.
2. Урри Дж. Соціологія за межами обществ: види мобільності для XXI століття / Джон Урри; [пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»]. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с. – (Социальная теория).

**МОДЕРНИЗАЦИЯ 2.0. ТУРИЗМ И НАРОДНЫЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ (НХП):
ПРОЕКТ ДЛЯ КОНВЕРГЕНЦИИ И ИННОВАЦИЙ.
НИЖЕГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ
MODERNIZATION. 2.0.
TOURISM AND FOLK CRAFTS OF ART (TFCA).
THE PROJECT FOR CONVERGENCE AND INNOVATION.
NIZHNY NOVGOROD REGION**

С.Б. Подкар
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
S.B. Podkar
Nizhniy Novgorod State University of N.I. Lobachevsky

Конвергенция (взаимопроникновение) могла бы стать ведущим трендом в модернизации отраслей туризма и предприятий народных художественных промыслов. Обращается внимание на маркетинговые механизмы реализации, способные дать экономический эффект и улучшить позиционирование бренда Нижегородского региона в конкурентной гонке территорий.

The article says that convergence (interpenetration) could become the leading trend in the modernization of the tourism branches and the enterprises of folk crafts of arts. The attention is given to the marketing implementation mechanisms able to bring the economic effect and improve the positioning of the brand of Nizhniy Novgorod region in the competition of places.

Ключевые слова: конвергенция, туризм, народные художественные промыслы, модернизация, идентичность, бренд территории, информационные ресурсы, экономика впечатлений.

Keywords: convergence, tourism, folk crafts of arts, modernization, identity, territory brand, information resources, experience economy.

Первым, кто предложил использование идеи конвергенции (взаимопроникновения, сближения) в общественном устройстве в нашей стране, как известно, был академик А.Д.Сахаров.

В своей знаменитой работе «Рассуждения о прогрессе, мирном существовании и интеллектуальной свободе» он высказывает идею возможности конвергенции социализма и коммунизма и делает попытку обосновать сближения разнородных систем.

В нашем случае, в условиях модернизации экономики Нижегородской области опыт взаимопроникновения различных отраслей мог бы дать хороший, прогнозируемый результат, поскольку доминирующая целевая аудитория потребления услуг туризма и потребителей продукции нижегородских художественных промыслов практически одна и та же, за некоторым исключением.

Однако, для такого непростого процесса взаимопроникновения нужны условия, в создании которых главенствующую роль как катализаторы процесса могли бы сыграть государственные институты власти: исполнительной и законодательной и университетские центры компетенций. Особую роль в таком процессе могло бы сыграть делегирование части таких функций инновационно-образовательным центрам, созданным специально под такой проект.

Нижегородская область обладает не только уникальным туристским содержанием (контентом), способным удовлетворить самого взыскательного туриста и путешественника, но еще имеет некую особенность, которая отличает ее от всех территорий России. Здесь –средоточие удивительного национального богатства России: треть, если не половина народных художественных промыслов страны, некоторые имеют мировую известность. А такой феномен, как Хохлома вообще сегодня идентифицируется с *русскостью* во всем мире, являя, в сущности, мощную доминанту национальной идентичности, которую с успехом используют в визуальных коммуникациях, например, в одежде национальной олимпийской сборной, в рекламе на транспорте.

Этот символический капитал, актив бренда территории, накопленный предыдущими поколениями, являет для нас ценность, способную

сыграть огромную роль в позиционировании бренда региона, в выделении нас на фоне иных территориальных субъектов. Феномен, которой мы пока не сумели эффективно использовать, ввиду отсутствия инновационных решений и соответствующих им дизайнов, технологий и нового понимания промыслов как важнейшего элемента туристского кластера, как хорошо-организованного бизнес-процесса посещения нашей территории.

Почему так слабо работают и плохо посещаются туристские сайты? Прежде всего, потому что при их «строительстве» игнорируются бизнес- процессы, процессы поиска и выбора, заказа и обслуживания.

Наша задача, в рамках реализации проекта Модернизация 2.0., инициированного министерством предпринимательства Правительства Нижегородской области, заключается в поиске таких решений и построении сети коммуникаций, которые способны монетизировать как туристский контент, так и процессы поиска и приобретения памятных знаков посещения: подарков, сувениров, комплектов и иных предметов, демонстрирующих погружение путешественников в среду и таинство появления произведений народных художественных промыслов.

Туризм надо «поженить на промыслах». Промыслы должны стать частью программы посещения, маршрута для любого путешественника, посещения, построенном на специальном сценарии такого «спектакля». Экономика впечатлений – модель такого конвергентного проекта. Даже в виртуальном сценарии, на сайте. Яркий пример реализации такого подхода- Город Мастеров в Городце. Но это скорее музейная интерпретация истории территории, в которую встроены мастер-классы. Сложнее построить посещение туристами реальных, действующих предприятий. Но и такие решения уже есть – «Чкаловская фабрика гипюра» (Нижегородская область).

Туристская отрасль должна стать генеральным заказчиком на сувениры, подарки и иные памятные знаки, несущие свойства, ощущения идентичности места (аутентичные знаки) и значимые для гостя, туриста при посещении территории.

Основная трудность конвергенции, однако, не в отсутствии желания собственников и менеджеров отрасли НХП, а скорее в недостатке необходимых компетенций, специалистов, способных актуализировать реалистичные сценарии (можно и музейно-исторические) посещения. Арт - менеджеров, аниматоров, умеющих вовлечь посетителей в действие, в народное шоу. Индустрия восторга как часть экономики, построенной на впечатлениях, требует и таланта, и инноваций.

Что возможно сделать уже сегодня?

1. Стоит активно распространять идеи конвергенции туристических услуг и промыслов среди менеджеров и лиц, принимающих решения в нижегородской индустрии НХП и туризма

2. Продолжить разработку и строительство новых *городков мастеров* в Нижнем Новгороде, в с. Семино Ковернинского района, например. Там, где есть и активно функционируют мастера НХП и подготовленные заранее аниматоры

3. Осваивать новые маркетинговые комплексы, направленные на создание малой индустрии национальных дорожных ресторанчиков (например на основе франшизы), с включением в оборот предметов и интерьеров, выполненных с использованием стиля и самих изделий НХП.

4. Открыть в Нижнем Новгороде «Первый национальный аукцион произведений НХП», что привлечет внимание коллекционеров, музеев, меценатов и представителей деловых кругов, ориентированных на индустрию подарков и сувениров.

5. Создать комплекс информационных ресурсов (сайты, социальные сети, печатные издания) с единой точкой входа для лиц, которые намерены посетить нашу территорию, и горожан, активно интересующихся историей края. Часть этих задач уже успешно решается (сайт nn-grad.ru, Большой каталог для туроператоров: «Родина народного единства», «Волга и Ока. Магия притяжения» и др.)

Ценность таких предложений в том, что они не требуют очень больших капиталовложений, снижают риски, как, например, в случае организации бизнеса с использованием национальной ресторанной франшизы.

Перечисленные и возможные решения, организационные активности и уже осуществленные практики при целенаправленной работе могут дать хорошие экономические и культурные результаты, оживить туристическую индустрию региона, монетизировать пока маловостребованные ресурсы местных производителей НХП, сельхозпереработчиков, рестораторов и других акторов малого бизнеса Нижегородского региона.

**СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ПОЖИЛЫХ
ЛЮДЕЙ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**
**SOCIAL WELL-BEING OF ELDERLY PEOPLE
OF THE IVANOV REGION**

В.Н. Пушина

Ивановский государственный университет

V.N. Pushina

Ivanovo State University

Мониторинговые исследования 1995–2002 гг. и 2011 г. показывают динамику изменений в материальном положении пенсионеров, их занятости и способах поддержания материального благополучия, во взаимоотношениях с ближайшим окружением, степени адаптации к рыночным отношениям.

Monitoring researches of 1995–2002 and 2011 show dynamics of changes in economic condition of pensioners, their employment and ways of maintenance of material welfare, in relationship with the immediate environment, extents of adaptation to the market relations.

Ключевые слова: оценка материального положения, занятость пенсионеров, мотивация занятости, взаимоотношения с детьми, социальное самочувствие.

Keywords: assessment of economic condition, employment of pensioners, motivation of employment, relationship with children, social well-being.

С 1995 г. по 2002 г. кафедрой социальной работы и прикладной социологии ИвГУ в рамках федеральной программы «Старшее поколение» проводились мониторинговые исследования социально-экономического положения и психологического состояния пенсионеров области с целью определения степени адаптированности их к условиям рыночной экономики.

Исследование 1995 г. являлось базовым. Общий объем выборки составил 1200 человек в возрастных категориях 55–80 и старше лет. Анализ материалов показал низкую степень адаптации: бедственное материальное положение 80% пенсионеров (пенсии выплачивались нерегулярно), невозможность более чем для половины из них предпринять что-либо для улучшения своего положения.

Результаты исследования 1997 г. оказались более оптимистичными: в 1,5 раза увеличилась доля постоянно работающих пенсионеров, в 3 раза возросла доля «подрабатывающих», активизировался процесс приобретения земельных участков и выращивания на них сельхозпродукции. Но отмечено снижение процента владельцев отдельных квартир со

всеми удобствами (с 78,4% до 53,1%), возросла миграция городских граждан в частный жилой сектор сельской местности (с 12,4% до 28,2%). На этом фоне возросло количество респондентов, отмечающих повышение материальной обеспеченности и позитивные изменения в социально-психологическом самочувствии.

В целом исследование 1997 г. показало, что политика государства, вынуждающая людей бороться за выживание, в определенной мере способствовала тому, что значительная часть пожилых людей мобилизовала для этого все свои возможности и проходила более быстрый путь адаптации к рыночным отношениям. Однако около 40% пенсионеров продолжали оставаться за чертой бедности.

Исследование, проведенное в марте 1999 г., то есть спустя шесть месяцев после финансово-экономического кризиса августа 1998 г., показало катастрофическое положение пожилых людей. По всем социально-экономическим показателям пенсионеры оказались ниже уровня жизни 1995 г. Естественно, что и их психологическое самочувствие ухудшилось.

Результаты анализа данных в 2001 г. вновь, как и в 1997 г., показали, что процесс выживания возобновился, хотя далеко не достиг «успешного» 1997 г. и был ближе к базовому. Материалы исследования 2002 г. констатировали определенные позитивные изменения и стабилизацию в материальном положении и социальном самочувствии пенсионеров.

Исследование 2011 г., проведенное десятилетие спустя (когда произошло чрезвычайное расслоение населения на богатых и бедных, составляющих абсолютное большинство, когда неизмеримо выросли цены на все товары и услуги, а в обществе назревает негативизм к государственной власти, не способной противостоять коррупции, стяжательству, преступности), позволило проследить изменения, произошедшие в социально-экономическом положении и социальном самочувствии пенсионеров в связи с последними изменениями в обществе.

По данным исследования, в оценке материального положения выделяются четыре категории пенсионеров:

категории, в %	1995 г.	1997 г.	1999 г.	2001 г.	2002 г.	2011 г.
обеспеченный	4,0	8,3	0,0	3,7	7,4	1,6
средний достаток	44,6	53,8	27,3	33,0	51,9	46,8
бедный	39,5	26,5	37,3	58,7	37,0	45,6
нищий	9,7	10,7	23,6	3,7	2,6	6,0

Анализ динамики показателей материальной обеспеченности пенсионеров приводит к неутешительному выводу: в течение десятилетия, прошедшего с последнего исследования, в 4,6 раза снизилась доля пенсионеров, относящих себя в обеспеченным; доля же бедных и нищих превышает половину респондентов (51,6%). Такое положение вполне объяснимо.

«С 1 января 2011 г. пенсии увеличили на 8,8%. За 2010 год средняя пенсия выросла на 32% (с учетом валоризации). Значит, индекс увеличения равен 1,44. Социальная инфляция (подорожание продуктовой корзины, лекарств, средств гигиены, ЖКХ, электроэнергии, телефона, газа, топлива, общественного транспорта) в 2010 г. составила 34%, а только за январь 2011 г. – уже 20%, а не 2,5%, как дает Росстат. Индекс инфляции на 01.02.2011 г. – 1,61. Следовательно, пенсионеры обеднели за 1 год и 1 месяц на 17%.

В целом же расчеты социальной, то есть реальной инфляции, с учетом реальных доходов населения, показывают, что за 10 лет цены выросли более чем на 300%! Это значит, что средняя пенсия сейчас должна составлять 22 тыс. рублей» [1].

Для сравнения: соотношение пенсии и зарплаты за рубежом в 1,5–2 раза лучше, чем в России, и составляет по системе социального страхования в странах ЕС – 61,6%, в России – 35%. По данным за 2010 г., размеры пенсий составили: в Италии – от 600 долларов, во Франции, Великобритании, Швеции – 700 – 800 долларов, в Германии – до 1200 долларов, в Финляндии – 1900 долларов, в Дании – 2800 долларов, в России – 285 долларов, то есть около 8500 рублей [2].

Таким образом, оценка своего материального положения респондентами отражает объективное положение дел.

Материальная обеспеченность зависит и от состава семьи пенсионеров. Те, кто проживает вдвоем с супругом, имеет более высокий достаток, и это согласуется с данными 2002 г. В 2002 г. худшее материальное положение фиксировалось у одиноких людей, в исследовании 2011 г. – у тех, кто живет с внуками (60% считают себя бедными и нищими) и с детьми (58,6%), что позволяет предположить очевидное: пенсионерам приходится помогать внукам и детям, у которых, в сравнении с 2002 г., возросли трудности с трудоустройством, т.к. в области практически отсутствует промышленное производство, дающее рабочие места и специалистам, и рабочим; кроме того, низкий уровень оплаты труда, характерный для области, вынуждает детей прибегать к помощи родителей-пенсионеров. Об этом же свидетельствует и занятость пенсионеров, ко-

торая, в сравнении с предыдущими годами исследований, повысилась и в среднем составляет 23,6% (чаще это неквалифицированные виды труда). При этом среди неработающих пенсионеров большинство составляют одинокие люди (79,4%); семейным же приходится поддерживать материальную обеспеченность не только собственной семьи (среди живущих вдвоем с супругом работают и подрабатывают 41,3%), но и, как уже отмечалось, поддерживать за счет своего труда детей и внуков: 40,7% работающих пенсионеров проживают с детьми, 46,4% с внуками. Это самые высокие показатели за все периоды мониторингового исследования, которые свидетельствуют о том, что изменившаяся мотивация к занятости трудом – помощь детям (прежде – это и «желание быть полезным обществу»), и «нежелание покидать трудовой коллектив» и др.) – заставляет пенсионеров активнее включаться в трудовую деятельность.

Однако эта активность имеет и другую сторону. Безусловно, что социальное самочувствие пожилых людей во многом определяется отношениями с окружающими и, прежде всего, с детьми.

Отмечают более благополучное развитие отношений с детьми работающие пенсионеры (хорошие отношения – 56,3%, плохие – 0,5%), а значит, физически более здоровые люди. С увеличением возраста пенсионеров нарастает процент осложненных отношений.

Наиболее значимая зависимость оценки отношений с детьми прослеживается от степени материальной обеспеченности пенсионеров: указывают на хорошие отношения с детьми среди обеспеченных респондентов 100%, среди имеющих средний достаток – 49,3%, среди бедных – 41%, среди нищих – 40,4%; плохие же, конфликтные отношения развиваются у обеспеченных – 0,0%, у имеющих средний достаток – 3,9%, у бедных – 7,0%, у нищих – 12,8%. Следовательно, выявляется вполне сложившаяся установка детей на помощь родителей, что, видимо, не может способствовать позитивному самочувствию пожилых людей.

Отвечая на вопрос о том, «вписались ли», «вжились ли» пенсионеры в рыночные отношения, респонденты указали: «да, достаточно легко» – 3,2%, «с большими трудностями, но деваться некуда» – 36,1%, «нет, не могу освоиться» – 32,8%, затруднились ответить – 27,9%. При этом в равной мере и мужчины, и женщины, и лица в возрастных категориях от 70 лет и выше констатируют трудности вхождения в рыночные отношения. Лишь мизерная доля пенсионеров 55–70 лет достаточно легко освоилась в них. Установить более четкую закономерность можно толь-

ко в зависимости от категории обеспеченности пенсионеров: среди обеспеченных легко вписались в рыночные условия 69,2%, среди имеющих средний достаток – 3,4%, среди бедных – 0,8%, среди нищих – 0%; совершенно не освоились в них среди обеспеченных – 0%, среди людей со средним достатком – 17,2%, среди бедных – 44,9%, среди нищих – 70%. Следовательно, материальная обеспеченность позволяет пенсионерам чувствовать себя в новых экономических условиях довольно комфортно. Но 51,6% респондентов выборки отнесли себя к бедным и нищим и не могут не чувствовать себя в этих условиях в состоянии напряженности.

В заключение следует отметить, что исследование выявило более 40% опрошенных (куда входят и только что вышедшие на пенсию 55–65-летние пенсионеры), нуждающихся в постороннем уходе, что само по себе говорит о социальном неблагополучии значительной части такой многочисленной категории населения, как пенсионеры.

Итак, в настоящих условиях образ жизни пенсионеров, общественная активность, взаимоотношения с близкими обуславливаются, главным образом, материальным положением и определяют социально-психологическое самочувствие пенсионеров, которое у большей их части нельзя назвать позитивным.

Литература

1. «Кто нам лжет?» // Газета «Аргументы и факты». № 21. 2011 г. С. 10.
2. Ржаницына Л.С. Как живут пенсионеры сегодня СОЦИС. № 4 2012. С. 104–105.

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: МЕЖПОКОЛЕН- ЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ И ФАКТОРЫ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ SOCIAL RESPONSIBILITY: DIFFERENCES BETWEEN THE GENERATIONS AND THE FACTORS OF THEIR FORMATION

Л.Ю. Пушина

Ивановская государственная текстильная академия

L.U. Pushina

Ivanovo State Textile Academy

Выявляются некоторые факторы, определяющие межпоколенческие различия в реализации социально ответственного поведения.

Are revealed some factors, which determine differences between the generations in the realization of socially critical behavior.

Ключевые слова: поколение, социальная ответственность, внутренняя ответственность, внешняя ответственность, система фреймов.

Keywords: generation, social responsibility, internal responsibility, external responsibility, the system of the frames.

Поколение, как его интерпретировал К. Мангейм, представляет собой социальную общность, составленную из нескольких близких возрастных когорт, формирование которых (в пору юности и ранней взрослости их представителей) осуществляется под влиянием одних и тех же социально значимых событий и изменений. В силу того, что социально-исторические условия формирования каждой генерации специфичны, любое поколение неповторимо и отличается от всех прочих уникальными характеристиками (в том числе уникальны «длина» и, следовательно, численность поколения: скорость формирования новых поколений обуславливается скоростью социальных изменений, и чем последняя выше, тем поколения «короче» и малочисленнее, и наоборот) [1].

С тем, чтобы выявить характеристики ныне живущих российских генераций, в 2011 г. мы провели опрос, в котором приняли участие жители г. Иваново. Объем выборки составил 369 человек, из которых 22 человека представляли военное поколение (лица 1921–1933 годов рождения), 38 человек – поколение «оттепели» (1934–1944 г. р.), 122 человека – поколение «застоя» (1945–1964 г. р.), 47 человек – поколение «перестройки» (1965–1971 г. р.), 65 человек – постсоветское поколение (1972–1980 г. р.), 75 человек – поколение «путинской стабилизации». (1981–1988 г. р.). Выборка репрезентативная [2].

В ходе исследования нас прежде всего интересовали особенности в реализации представителями разных генераций социально ответственного поведения: развитость у них чувства ответственности, характер атрибуции ответственности (возлагается она на субъект со стороны или добровольно принимается самим субъектом), преимущественная ориентация на внешнюю или внутреннюю инстанцию ответственности и др. Результатом исследования явился следующий вывод: *внутренняя* социальная ответственность сформирована только в трех старших генерациях, младшим российским поколениям присуща *внешняя* ответственность. *Внешняя* ответственность предполагает лишь формальное соблюдение субъектом норм и осуществление обязанностей, проявляется в *негативном* плане, т. е. выполняет функцию регулятора-ограничителя поведения субъекта; *внутренняя* реализуется в *позитивном* плане, является стимулятором поведения в соответствии с должным и социально

необходимым и предполагает сознательное и творческое осуществление субъектом его обязанностей [3]. Под *внешней* ответственностью поэтому понимают *меру несвободы* субъекта ответственности, т. к. его поведение строго регламентируется нравственным кодексом, законами, уставами различных организаций и т. д.; *внутренняя* представляет собой *меру свободы выбора* субъектом линии своего поведения и предполагает осознание им цели и возможных способов ее осуществления [4].

Наше исследование показало также, что старшие российские поколения руководствуются коллективистскими и «постматериалистическими» ценностями (в соответствии с терминологией Р. Инглегарта [5], «постматериализм» означает ориентацию на «качество жизни», т. е. стремление человека к самореализации, к возможности обладать свободой выбора, приобретать новый опыт и т. п.), тогда как более молодые поколения исповедуют ценности индивидуалистские и «материалистические» (предполагающие ориентацию на «уровень жизни», высокие стандарты потребления). В итоге наличие *внутренней* ответственности у одних поколений и ее отсутствие у других мы связали с различиями в их системах ценностей: коллективизм и «постматериализм» стимулируют формирование внутренней ответственности, индивидуализм и «материализм» этому не способствуют.

Как нам представляется сегодня, тот факт, что социальная ответственность присуща разным поколениям в различной степени, имеет и другие объяснения. В частности, существенные психологические и поведенческие различия между представителями разных поколений могут быть обусловлены их ориентацией на книжную или аудиовизуальную (экранную) культуру.

Дело в том, что при восприятии и осмыслении письменных знаков и экранных образов задействуются *различные системы фреймов*. Видный американский социолог И. Гофман фреймами называет «схемы интерпретации» событий и явлений. «Когда в нашем западном обществе, — пишет он, — человек распознает какое-либо конкретное событие, во всех случаях он вкладывает в свое восприятие одну или несколько систем фреймов или схем интерпретации, которые можно назвать первичными» [6, с. 81].

Исследователь выделяет два класса первичных систем фреймов: природные и социальные. Природные системы фреймов позволяют трактовать события как бесцельные, неуправляемые, которые, как принято считать, происходят благодаря «естественным» факторам. Социальные системы фреймов обеспечивают фоновое понимание событий, в

которых участвуют воля, целеполагание, разумность, то есть, то, воплощением чего является человек. В свою очередь, социальные системы фреймов включают в себя установленные людьми правила. Причем это правила разного рода: в одном случае правила предусматривают понимание основной цели события или действия, в другом они только предписывают ограничения, которые следует соблюдать, двигаясь к цели [6, с. 81-85]. Думается, правила первого рода можно было бы обозначить как «терминальные», правила второго рода – как «инструментальные». Соответственно, можно говорить о системах *терминальных* социальных фреймов и системах *инструментальных* социальных фреймов.

Мы предполагаем, что системы терминальных и инструментальных фреймов «востребованы» разными поколениями в различной мере.

Так, известно, что старшие поколения читают больше, чем молодые, для них более значим текст, печатное (написанное) слово, нежели экранный образ. Поскольку алфавит, – как пишет об этом М. Маклюэн, – состоит из элементов, у которых нет собственного семантического значения и которые в процессе чтения «должны быть нанизаны, подобно бусам, в одну линию в предписанном порядке» [7, с. 344], чтение стимулирует читающего «задействовать» инструментальные системы фреймов. Текст, как отмечают исследователи, является рациональным продуктом, он структурирован, обращен к абстрактному мышлению того, кто его осваивает, «результатом действия специфических особенностей текста служит формирование на его основе того, что М. Вебер называл “целерациональным действием”» [8, с. 31]. Такое действие основывается на выборе наиболее подходящих средств для достижения цели и, следовательно, опять-таки требует обращения к инструментальным системам фреймов. Таким образом, ориентация на книжную культуру и инструментальные фреймы развивают логику, стремление к упорядоченности и последовательности в осуществлении деятельности, поиск адекватных средств ее реализации и, кроме того, как нам думается, привычку следовать правилам и склонность соотносить свое поведение с общепринятыми нормами, с тем, что является должным и социально необходимым. Все это, как отмечалось выше, характерно для *внутренней* ответственности.

Молодые поколения ориентированы на экранную культуру, которая, по словам Маклюэна, «питает и поощряет процесс объединения и спутывания» [7, с. 341]. Экранный образ синкретичен, не структурирован, «сосредоточивая внимание на целях, образ игнорирует средства, поэтому полного, развернутого целерационального действия на его основе не

получается» [8, с. 31]; у приверженцев экранной культуры, следовательно, в большей степени должны быть «задействованы» системы терминальных социальных фреймов. Ориентация на экранную культуру и терминальные фреймы порождает у представителей молодых поколений неупорядоченность в мыслях и действиях, спонтанность, стремление достичь своей цели сразу, а не поэтапно, она не формирует внутренней потребности следовать правилам, нормам, поступать в соответствии с должным и, следовательно, не формирует внутренней ответственности.

Итак, старшие российские генерации демонстрируют наличие *внутренней ответственности*, тогда как молодым поколениям присуща *внешняя ответственность*. Это объясняется различиями в системах ценностей первых и вторых, а также тем, что старшие генерации ориентированы на книжную культуру и инструментальные системы фреймов, молодые – на экранную культуру и терминальные системы фреймов.

Как мы видим, имеет место серьезная модификация базовой системы российской культуры нынешними молодыми генерациями. Между тем, в целях формирования в гражданах страны подлинной социальной ответственности представляется целесообразным возврат к традиционным для русской культуры идеалам – коллективизму, стремлению не к материальному достатку, а к творческой самореализации и реализации высшего смысла бытия, любви к книге и чтению, уважению к книжной мудрости.

Литература

1. Мангейм К. Проблема поколений / К. Мангейм / пер. с англ. В.А. Плунгяна и А.Ю. Урманичевой // Новое литературное обозрение. 1998. №2 (30). С. 7–47.
2. Подробно об исследовании см.: Пушина, Л. Ю. Социальная ответственность поколений / Л.Ю. Пушина. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012.
3. Панов А.Т. Социальная ответственность личности в развитом социалистическом обществе / А. Т. Панов, В. А. Шабалин. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. С. 139.
4. Чуева И.П. Социальная ответственность личности в условиях перестройки / И.П. Чуева. Л.: Знание, 1990. С. 10–12.
5. Инглегарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе / Р. Инглегарт // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 249–260.
6. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман / пер. с англ. под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. – М.: Институт социологии РАН, 2003.

7. Маклюэн М. Средство само есть содержание / М. Маклюэн // Информационное общество: Сб. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 341–348.

8. Демидов А.И. От власти текста к власти образа / А.И. Демидов // Смысл жизни личности в эпоху посткнижной культуры: Межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. В.Б. Устьянцева. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. С. 29–33.

**СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ANTIAMЕРИКАНИЗМ:
ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА
CONTEMPORARY RUSSIAN ANTI-AMERICANISM:
GENDER ASPECT**

Т.Б. Рябова

Ивановский государственный университет

T.B. Riabova

Ivanovo State University

На данных авторских социологических исследований характеризуются гендерные аспекты современного российского антиамериканизма. Автор показывает, каким образом в процесс национальной идентификации россиян включаются образ США и американцев.

The paper based on author's sociological investigation examines gender aspects of contemporary Russian anti-Americanism. The author demonstrates the role of images of USA and Americans in Russian national identity.

Ключевые слова: Национальная идентичность России, антиамериканизм.

Keywords: Russian national identity, anti-Americanism .

Рост антиамериканских настроений в постсоветской России, особенно в 2000-е годы, обусловлен не только политикой США, но и внутрироссийскими причинами, потребностью поддержания национальной идентичности. Необходимым условием формирования и поддержания «Мы-образа» служит образ значимого Другого; обоснование преимущества Своих над значимыми Другими является важной неформальной практикой укрепления позитивной идентичности нации.

Границы между Своими и Чужими проводятся с помощью разных маркеров, в том числе с помощью гендерных стереотипов – устойчивых, упрощенных, разделяемых представлений о мужественности и женственности. По причине более высокой оценки в системе координат власти мужественности, чем женственности, маркировка акторов как женственных, мужественных или недостаточно мужественных или жен-

ственных влечет за собой атрибутирование им соответствующего места в иерархии.

Авторские социологические исследования (2007–2011) [1], показывают, что в процесс национальной идентификации в современной России включаются образ США и репрезентации американских мужчин и женщин.

Во-первых, противоестественным представляется сам гендерный порядок США. Америке вменяют в вину извращение должных отношений между полами, разрушение семейных связей и традиционных гендерных норм. США выступают источником повреждения нравов в других культурах, в том числе российской. Гендерный порядок Чужих выполняет функцию фона, на котором эталонность собственного гендерного порядка становится очевидной. Образ России приобретает маскулинные коннотации (независимость, индивидуализм, рациональность, силу) [2]. Маскулинизация образа России сопровождается демаскулинизацией США (путем сомнения в силе, стойкости, последовательности политики государства и т.д.) Другая, менее популярная тенденция репрезентации гендерного порядка США, связана с обвинениями в чрезмерной маскулинности «режима». Сила политики Америки расценивается как агрессивность, национальные интересы – как эгоизм и черствость по отношению к другим.

Во-вторых, девиантными представляются американская мужественность и женственность. Результаты интервью 2012 года (Рябова Т.Б., Романова А.А.) продемонстрировали, что российская и американская мужественность постоянно измеряется и ранжируется. Приоритет отдается россиянам. Им приписываются сила и мужество, экономическая состоятельность и финансовая независимость, позволяющая обеспечивать семью (то, что традиционно соотносилось прежде всего с западными мужчинами). Русские мужчины, по мнению информантов, обладают рядом специфических характеристик, составляющих отличительные черты национальной маскулинности (выносливость, терпение, чувство товарищества). Милосердию, доброте и сострадательности русских мужчин участники интервью противопоставляли черствость, эгоизм и бездушие представителей западных культур. Нормативная женственность (красота, доброта, теплота, заботливость, милосердие, забота о семейном очаге и т.д.) также закрепляется за Своими, российскими женщинами. Напротив, американская женственность в представлении россиян не соответствует эталону. Американки упрекаются либо в недостатке женственности, либо в ее чрезмерности. Одной из причин по-

добной девиантности американских женщин – их связь с феминизмом, который часто репрезентируется как явление, противоречащее универсальным ценностям русской культуры

Таким образом, представления о гендерной девиантности американского Другого подчеркивает «нормальность» Своих; гендерные идентификаторы, наряду с другими, являются механизмом поддержания ксенофобских настроений в российском обществе.

Литература

1. Рябова Т.Б., Романова А.А. Гендерное измерение российского антиамериканизма (К постановке проблемы) // Женщина в российском обществе. 2012. № 3.

2. Рябова Т.Б., Рябов О.В. Настоящий мужчина российской политики? (К вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // Полис. 2010. № 5. С.48–64.

КРИТЕРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ В 21 ВЕКЕ: ЭМАНСИПАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ

CRITERIA OF MODERNIZATION IN 21ST CENTURY: EMANCIPATIVE VALUES AND SOCIAL INCLUSION

Ю.Б. Савельев

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Y.B. Saveliyev

National Taras Shevchenko University of Kyiv

Обосновывается, что понимание модернизации как технологического переоснащения экономики и развития ее инновационных отраслей является ограниченным. С позиций «возможностного подхода» условиями возрастания выбора людей являются эмансипационные ценности и социальное включение, которые могут рассматриваться как терминальные критерии модернизации.

It is argued in the paper that perception of modernization as technological development and innovation is constrained. From the perspective of the Capability Approach essential conditions of expansion of human choice are emancipative values and social inclusion which can be considered to be terminal criteria of modernization.

Ключевые слова: модернизация, эмансипационные ценности, развитие, социальное включение.

Keywords: modernization, emancipative values, development, social inclusion.

Проблемная ситуация заключается в трудностях реализации оптимистического проекта модернизации постсоциалистических обществ Восточной Европы по образцу «западной модели». Молдова, Грузия, Армения и Украина являются самыми бедными странами Европы и имеют самый низкий индекс развития человеческого потенциала (РЧП, Human Development Index) на континенте. Россия и Беларусь, несмотря на рост ВВП, отстают от других восточноевропейских стран по показателю РЧП.

С другой стороны, инструментальное понимание процесса модернизации как сугубо технологического переоснащения экономики и развития ее инновационных отраслей, царящей среди политических элит России и Украины, делает общество обреченным на «догоняющей путь», поскольку не обеспечивает необратимых глубинных преобразований.

Несмотря на все многообразие интерпретаций модерна и модернизации в современной социальной теории, можно утверждать, что их сущность является эмансипационной (Хабермас, 2003). Именно в эпоху модерна формулируется специфическая идея свободы и прав человека, создаются и становятся доступными ресурсы для их обеспечения. Происходит глубокий ценностный сдвиг, который оказывает влияние на социальные институты (Inglehart, Welzel, 2010).

Однако исследования модернизации отдельных обществ демонстрируют особенности национальных культурных программ, в частности, ценностей, которые не изменяются под влиянием экономического развития и увеличения благосостояния населения (Магун, Руднев, 2010а, 2010б). В России, несмотря на стремительный рост доходов, в обществе «царит позднеэтарктическая нормативно-ценностная система» (Тихонова 2011, с. 61). В Украине при значительно более скромном экономическом росте отсутствуют существенные изменения в ценностных приоритетах, в частности, ценностях самореализации (Місютіна, 2011); по характеру ценностных ориентаций (методика Ш.Шварца) Украина отличается от большинства европейских стран (Магун, Руднев, 2007, с. 270–271), для нее характерна высокая оценка авторитаризма, которая имеет положительную динамику.

Таким образом, исследовательский вопрос состоит в том, возможны ли экономическая модернизация и достижения благосостояния без воплощения «западной модели» как внешней культурной программы?

Для ответа на эти вопросы перспективным является применение «возможностного подхода» (the Capability Approach). Это позволит адекватно измерить и сравнить уровень развития и модернизационный

потенциал различных обществ. Согласно этой концепции, которую поддерживает Программа развития ООН, ключевым индикатором развитости общества является возможность выбора человека (Foster, Sen 1997; Anand, Sen 1994; Сен 2004). Развитие понимается как «расширение свободы», которое является его целью и одновременно средством на пути преодоления ограниченности выбора (Сен 2004, 16).

Исходя из этого, *терминальным критерием* модернизации следует считать повышение способности людей в осуществлении ими выбора. В основе любой культурной программы находятся ценности. Ценности, которые удовлетворяют такому критерию, являются эмансипационными (Inglehart, Welzel 2010). Поскольку способность выбора – это универсальная человеческая характеристика, эмансипационные ценности не являются исключительно присущими «западной модели». Соответственно, различные формы участия социальных агентов, их привлечения к полноценной жизни в обществе (т.е. социального включения – social inclusion) являются неотъемлемыми условиями осуществления выбора и роста возможностей людей.

Литература

1. Anand S., Sen A. (1994) Human Development Index: Methodology and Measurement. – New York : Human Development Report Office, 1994.
2. Foster and Sen (1997) James Foster and Amartya Sen. On Economic Inequality. Oxford, 1997.
3. Inglehart R. Welzel C. (2010) Changing Mass Priorities. The Link between Modernization and Democracy / R.Inglehart, // Perspectives on Politics. – 2010. – Vol. 8. – No. 2. – P. 551–567.
4. Магун В.С., Руднев М.Г. (2010а) Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. – 2010. – № 4. С. 5–17.
5. Магун В.С., Руднев М.Г. (2010б) Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. – 2010. № 3. С. 5–22.
6. Магун В.С., Руднев М.Г. (2007) Жизненные ценности населения: сравнение Украины с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2007. № 3. – С. 21–34.
7. Місютіна В.І. (2011) Зміна ціннісних орієнтацій українців // Детермінанти соціально-економічної нерівності в сучасній Україні; НАН України ; Ін-т екон. та прогнозув. – К., 2011. – 592 с.
8. Сен А.(2004) Развитие как свобода / Амартья Сен / Перевод с англ. под ред. Р.М.Нуреева. – М.: Новое издательство, 2004.
9. Тихонова Н.Е. (2011) Особенности нормативно-ценностной системы российского общества через призму теории модернизации // TERRA ECONOMICUS. – 2011. – Т. 9. – № 2. – С. 60–85.

10. Хабермас Ю. (2003) Философский дискурс о модерне / Ю.Хабермас. – Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003.

**СТРАТЕГИИ СОВЛАДАНИЯ С БЕДНОСТЬЮ СРЕДИ
НАСЕЛЕНИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ
ОБЛАСТИ**
**STRATEGIES OF COPING WITH POVERTY AMONG
THE POPULATION OF SMALL TOWNS
OF NIZHNI NOVGOROD REGION**

А. Е. Солдаткин, А. А. Варызгина
Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского
A. Soldatkin, A. Varyzgina
N. I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Обсуждаются теоретические подходы к типологизации семейных стратегий совладания с бедностью и предлагается собственная типология, основанная на анализе данных эмпирического исследования.

The article discusses theoretic approaches to typologization of families' strategies of coping with poverty and suggests own typology based on empirical research data analysis.

Ключевые слова: бедность, семья, стратегии совладания с бедностью, адаптация, социальная мобильность.

Keywords: poverty, family, coping strategies, adaptation, social mobility.

Анализ проблем бедности и путей ее преодоления должен включать в себя рассмотрение не только мер государственной социальной политики, но и опыта совладания с бедностью самих бедных или находящихся в трудных жизненных обстоятельствах людей. Население является не только объектом социальной поддержки, но и субъектом, преодолевающим жизненные трудности за счет трансформации своей трудовой и потребительской активности, за счет активного взаимодействия с социальной сферой.

Бедные и находящиеся под угрозой бедности слои населения сегодня неспособны создавать масштабные социально-политические проекты, направленные на улучшение их положения. Вместе с тем, они, во-первых, активно используют инструменты, предлагаемые органами власти и общественными организациями, а во-вторых, формируют собственные микростратегии преодоления бедности. Эти повседневные

стратегии необходимо учитывать при формировании и проведении политики преодоления бедности.

Тема стратегий совладания с бедностью достаточно хорошо разработана в отечественной и зарубежной социологии. Анализируя поведение человека в условиях трудной жизненной ситуации, исследователи пользуются разным понятийным аппаратом. Часть исследователей используют понятие «адаптации», «адаптивного поведения» (Корель Л.В. [1,2], Готлиб А.С. [3,4], Бондаренко Н. [5], Пляскина Г.Е. [6] и др.). Другие исследователи (Беляева Л.А. [7], Поддубная Е.Н. [8], Тихонова Н.Е. [9,10], Барускова С.В. [11], Римашевская Н.М. [12], Теодорович М.Л. [13], Чуева Е.В. [14]) пользуются понятиями «стратегии выживания», «стратегии преодоления», «поведенческие стратегии», «тактики повседневного выживания». Анализ контекста употребления вышеперечисленных терминов показывает, что в исследованиях, несмотря на разницу в определениях, адаптация и стратегия часто являются почти синонимами («стратегии преодоления бедности», «стратегии выживания», «адаптационное поведение» «социально-экономическая адаптация бедных», «успешная адаптация», «активная адаптация»).

«Социология адаптации» как новая отрасль знания была выделена Корель Л.В. [1] в книге «Социология адаптаций: этюды апологии», где были описаны теоретико-методологические основы социологии адаптации, очерчен предмет исследования, понятийный аппарат. А. С. Готлиб [4], опираясь классификационную систему адаптаций Л. В. Корель, описала различные аспекты адаптации, а также ввела понятие «адаптивного поведения», под которым понималось «такая совокупность действий индивида, цель которых – достижение определенного равновесия во взаимодействии с меняющейся социальной средой, обеспечивающего его "выживание" в этой среде». По результатам исследования 1999-2000гг. А.С. Готлиб было выделено три группы факторов, определяющих успешность-неуспешность социально-экономической адаптации: социальный (образование, уровень познавательной активности как составляющая социального капитала, устойчивость социальных связей, социальный опыт, прошлый адаптивный опыт), личностный (ценностные ориентации, самостоятельность) и индивидуально-психологический (открытость новому, умение найти позитивное даже в негативном, решимость, умения постоять за себя). А.С. Готлиб предложила типологию социально-экономической адаптации российских семей, учитывающую два ключевых признака: наличие/отсутствие форм адаптационного поведения, результативность/нерезультативность адаптации [3].

Опираясь на нее, Н. Бондаренко [5] проанализировала особенности социально-экономической адаптации бедных и состоятельных семей, основываясь на трех индикаторах: текущий способ адаптации, предпочтительная форма помощи, наиболее острые социально-экономические проблемы семьи. В статье Н.Бондаренко подробно описаны группы «богатых» и «бедных», а также отмечена выраженность в группе «бедных» патерналистских ожиданий по отношению к государству в решении их социально-экономических проблем (эту же тенденцию отмечала Н.Е.Тихонова [9], описывая причины существования бедности и стратегии выживания). Среди выделенных Н. Бондаренко стратегий адаптаций присутствуют: «работа», «подработка», «экономия на необходимых товарах и услугах», «экономия на развлечениях», «экономия на товарах длительного пользования».

Опираясь на исследования Н.Е. Тихоновой феномена городской бедности в России (2003), Е.В. Чуева [14] предлагает свою классификацию «повседневных тактик выживания»: «тактика человека экономического» (максимальное увеличение занятости, различные виды предпринимательской активности, бережливость, экономия, официальные заработки, двойная занятость, ведение ЛПХ, получение пенсии), «тактика человека потребляющего» (кредит (в том числе и на организацию собственного дела), заем, товарное и продуктивное неформальное кредитование) и «тактика человека традиционного» (собираительство, нищенство, сети социальной поддержки).

Л.А. Беляева [7] (в качестве теоретического основания, также опираясь на работы Корель Л.В. по адаптации [2])Ю, по результатам исследования, проведенного в июне 1998г., выделяет следующие стратегии выживания: активная (работа в нескольких местах, подработка, предпринимательство, повышение квалификации), пассивная (заем денег, получение помощи от близких и друзей, сдача в аренду жилья, гаража, получение процентов по вкладам, распродажа вещей) и нейтральная или традиционная (получение одного вида дохода: зарплаты, пенсии, стипендии или пособия). Кроме того, автор проводит сравнительный анализ групп населения, выделенных на основании их оценки изменений своей жизни в годы реформ («преуспевающие», «адаптированные» и «выживающие»), и применяемых ими стратегий выживания.

Отвечая на вопрос, «как выживает российское население», Н.М. Римащевская [12] выделяет 4 стратегии выживания семьи: индивидуальная трудовая деятельность членов семьи (часто вторичная занятость); семейная трудовая деятельность (семейное предпринимательство, ку-

старный промысел, подсобное хозяйство); кредитно-финансовые операции членов семьи (депозиты, акции, кредиты); лизинг, сдача в аренду имущества (жилые помещения, гараж, транспорт, инвентарь).

На наш взгляд, в упомянутых типологиях способов действий домохозяйств в условиях бедности недостает аспекта социальной мобильности, как вертикальной, так и горизонтальной. Значение вертикальной мобильности при анализе бедности достаточно очевидно – домохозяйства стремятся избежать нисходящей мобильности, пределом которой является социальное дно, и, напротив, повысить свой статус. Горизонтальная мобильность (переезд, смена работы или профессии) может использоваться как одно из средств совладания с трудными обстоятельствами.

В предлагаемой нами типологии стратегий совладания с бедностью учитываются источники привлекаемых ресурсов – внутренние (социальный статус, наличие работы, профессионализм, имеющаяся ответственность) и внешние (социальные связи, информация, помощь от друзей, родственников, государственных органов, общественных организаций). Ресурсы домохозяйств связаны с потребностями, и сокращение потребностей является едва ли не более частым способом действия для бедных семей, чем наращивание ресурсов.

Эмпирической базой для построения типологии послужили материалы опроса 1004 домохозяйств в городах Балахна и Павлово а Нижегородской области в 2011 г¹. Стратегии выделялись на основе анализа поведения домохозяйств за предшествовавшие опросу 5 лет. Были выделены четыре стратегии, которые в реальности, однако, применяются не изолированно, а комбинируются домохозяйствами.

Наиболее распространенная из четырех выделенных нами стратегий состоит в сокращении потребностей и экономии на одежде, продуктах питания, развлечениях и отдыхе. Такую стратегию в той или иной мере используют 59% домохозяйств в малых городах. В своем чистом виде – это стратегия сохранения статус-кво с опорой на собственные ресурсы, стратегия не-мобильности.

¹ Исследование проходило в рамках совместного проекта кафедры экономической социологии Нижегородского государственного университета, НИЦ ЭОН, коллектива ИСЭПН РАН под руководством академика РАН Н.М. Римашевской, проф. Р. Кей (университет Глазго, Великобритания), А.-М. Сэтре (университет Упсалы, Швеция).

Вторая по распространенности стратегия (33% домохозяйств) состоит в поисках лучшего применения имеющихся внутренних ресурсов с помощью горизонтальной мобильности. Эта стратегия предусматривает смену места работы, профессии, выход на рынок труда ранее не работавших членов домохозяйства, а также изменение режима эксплуатации собственности, когда имеющаяся собственность начинает сдаваться в аренду.

Третью по распространенности стратегию можно назвать стратегией ре-социализации в трудных жизненных обстоятельствах. Она строится на основе привлечения внешних ресурсов и контролируемой перестройке потребностей семьи. Такую стратегию можно также назвать стратегией контролируемой нисходящей мобильности. В ее рамках семья меняет способы удовлетворения базовых потребностей на менее престижные и комфортные – жилье меняется на более дешевое, или родственники съезжаются, чтобы жить вместе, большую долю в питании начинают составлять продукты с приусадебного участка. При этом семьи активно ищут поддержку извне – обращаются за помощью в органы соцзащиты, к родственникам и друзьям, в общественные организации. Происходит успешная социализация семьи в новой роли – получателей помощи.

Наконец, наименее часто встречается (28% домохозяйств) наиболее активная стратегия, ориентированная на восходящую мобильность, наращивание ресурсов через внешние контакты. Такая стратегия предполагает получение важной информации, знакомства с полезными людьми, повышение образовательного и профессионального уровня, иногда открытие собственного бизнеса.

Предварительный анализ показателей благосостояния домохозяйств, использующих различные стратегии, позволяет выдвинуть гипотезу о связи благосостояния и активных внешних контактов домохозяйства. Опора исключительно или преимущественно на внутренние ресурсы снижает адаптационную успешность семьи, а активное включение в социальные связи, напротив, повышает шансы на успешную адаптацию.

Литература

1. Корель Л.В. Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН. 1997 // Отв.ред. Ф.М. Бородкин. 160 с.
2. Корель Л.В. Генезис и механизм адаптации в постсоветской России: теоретико-методологический подход // Социальная траектория реформируемой России. Новосибирск, 1999.

3. Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отдельно взятом исследовании // Социология 4м, 2000. № 12. С. 5–24.
4. Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности-неуспешности. 2001 г. ecsocman.hse.ru/data/657/662/1216/008/Gotlib.pdf
5. Бондаренко Н. Особенности адаптации бедных и состоятельных семей / Н. Бондаренко // Вестник общественного мнения. 2006. № 1 (81) Январь-февраль. С. 50-57.
6. Пляскина Г.Е. Социальная адаптация малообеспеченных семей в новых социально-экономических условиях. Автореферат соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности 22.00.04 «социальные структуры и процессы», Улан-Уде, 2007.
7. Беляева Л.А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социологические исследования, 2001. № 6. С. 44–53.
8. Поддубная Е.Н. Бедность как социальное явление: теоретико-методологические аспекты. Автореферат соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности 22.00.04 «социальные структуры и процессы», Москва, 2002.
9. Тихонова Н.Е. Бедные: образ жизни и стратегии выживания // Куда идет Россия?... / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Дело, 1998. С. 200–209.
10. Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в России где М.: Летний сад, 2003. 408 с.
11. Барсукова С.В. Самоидентификация «новых бедных» семей в процессе трансформации российского общества. Автореферат на соискание ученой степени кандидата социологических наук по специальности 22.00.04 «социальные структуры и процессы», Новочеркасск, 2005.
12. Римашевская Н.М. Человек и реформы: секреты выживания Москва ИСЭПН РАН, 2003, 392 с.
13. Теодорович М.Л. Бедность как социальная проблема: стратегический подход: Монография. – Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 2009. – 452 стр.
14. Чуева Е.В. Экономические тактики повседневного выживания в условиях бедности // Социологические исследования, 2012. № 4. С. 88–97.

**СЕМЬЯ С ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫМ РЕБЕНКОМ
В ОБРАЗАХ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ
FAMILY WITH A MENTALLY ILL CHILD IN THE LAY
CONCEPTIONS**

С.А. Судьин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

S.A. Sudyin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Представлены предварительные данные авторского исследования образов психически больных и их семей в массовом сознании с использованием сравнительного материала для кросс-культурного анализа.

In the article are presented the preliminary results of the author's research of the attitudes towards mentally ill persons and their families using the comparative data for the cross-cultural analysis.

Ключевые слова: психически больной, семья с психически больным ребенком, социальные установки.

Keywords: mentally ill, family with a mentally ill child, social attitudes.

Идея равенства возможностей становится в последнее время все более актуальной, находя свое выражение в вопросах экономики, гендерных отношений, паралимпийского движения и т.д. [1]. Наряду с изменениями законодательной базы формальным пусковым механизмом любых социальных трансформаций, необходимым условием их реализации является изменение общественного сознания; оно должно пройти определенную эволюцию от прежних стереотипов к новым моделям взаимодействия с привычными феноменами, на которые в силу обстоятельств необходимо сформировать новые поведенческие паттерны. В этом контексте особую важность приобретает практика измерения социальных установок как факторов формирования поведенческих реакций относительно определенных социальных групп.

В этом ряду особое место принадлежит изучению образа психически больного. Это связано, во-первых, с устойчивой массовостью явления и включенностью в него широкого круга лиц, в который входит и окружение больного, зачастую обремененное куда большими проблемами, нежели он сам. Во-вторых, образ психически больного и его динамика в массовом сознании является давним предметом социологического анализа в США и Западной Европе, на фоне чего российское отставание в

204

данном вопросе кажется особенно выраженным. В-третьих, исторический контекст развития психиатрии в СССР, ее уклон в репрессивные практики способствовал формированию и закреплению негативных установок относительно психически больных и врачей-психиатров не только со стороны обыденного сознания, но и профессионального сообщества, отличавшегося чрезвычайной закрытостью. Наконец, отношение к психически больным – это один из индикаторов уровня социальной зрелости общества, показатель его готовности принять необычные формы поведения и специфические жизненные сценарии.

Изменение сложившейся ситуации возможно при помощи отдельно из видов социально-психиатрической работы – психопросвещения, объектом которого должно стать общество в целом. Однако стратегия действий в рамках психопросвещения должна опираться на данные, характеризующие исходную информацию об имеющихся в обществе установках относительно пациентов психиатрических клиник и членов их семей.

Тот факт, что психическая болезнь и ее носители в массовом сознании наделены негативными чертами, доказывается целым рядом зарубежных исследований, проводившимися еще с начала 50-х годов XX века [2]. Их авторы отмечали, что психическая болезнь, в отличие от соматической, вызывает у опрошенных отвращение и нежелание помогать, а психически больные ассоциируются с преступным поведением, сексуальными отклонениями и прочими опасностями на фоне абсолютной социальной бесполезности. Также мрачно виделись респондентам и перспективы лечения психически больных и их интеграция в общество. Именно в контексте изучения данного предмета получил широкое распространение термин «стигматизация», ставший вскоре универсальной категорией для объяснения любых девиаций в рамках всего интерпретативистского подхода.

Отечественная наука от подобных споров была далека. Исследование, о котором пойдет речь далее, призвано частично восполнить образовавшийся пробел. Работа велась методом анкетного опроса с использованием цифровых систем сбора и ввода данных. Всего опрошено 550 респондентов. Исследовательский инструментарий включал в себя следующие блоки. Во-первых, представления обыденного сознания о психической болезни; второй блок был направлен на измерение установок относительно психически больных через оценку характеристик, которыми они могут быть наделены. Третья часть анкеты была посвящена исследованию представлений о семьях психически больных, что являет-

ся отдельным элементом научной новизны. Параметры первого блока представляли собой частично упорядоченные шкалы, во втором и третьем был применен семантический дифференциал. Последний блок вопросов касался социально-демографических характеристик респондентов, которые могли быть факторами формирования тех или иных установок: пол, возраст, уровень образования, наличие опыта общения с психиатрическими пациентами в семейном анамнезе или в близком окружении. Также этот блок содержал вопросы, касающиеся отдельных сторон функционирования семьи с психически больным родственником, такие, как установки, касающиеся их репродуктивных планов, динамики взаимодействия с окружающей средой.

Первичный анализ результатов показывает, что наши респонденты демонстрируют сравнительно высокий уровень толерантности к поведенческим и личностным особенностям психически больных, что не позволяет говорить о каких-то активных стигматизирующих проявлениях. Респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале степень согласия со следующими утверждениями:

- Психическое нарушение – это такая же болезнь, как и любая другая;
- Заболеть психическим расстройством может любой человек;
- Все или почти все психические болезни имеют наследственный характер;
- Психические болезни не лечатся;
- Мне кажется, что психическая инвалидность хуже, чем физическая;
- Расходы на психиатрические больницы – пустая трата средств;
- Психическая болезнь – это следствие неправильного образа жизни;
- Физические недуги вызывают желание помочь, психические – отталкивают.

Стоит отметить, что все респонденты признают непреходящую ценность психического здоровья для полноценного социального функционирования, средний балл по параметру «мне кажется, что психическая инвалидность хуже, чем физическая» составил, 3,42; респонденты верят в эффективность лечения, однако в старших возрастных группах относительно терапевтических перспектив замечен нарастающий пессимизм.

Однако большинство оценок в семантическом дифференциале, использованном при измерении установок относительно возможных лич-

ностных черт психически больных, были на нулевом уровне, что свидетельствовало либо о неготовности брать на себя ответственность за собственное мнение, либо о недостатке информированности о предмете исследования. Следует отметить, что наибольшую толерантность к психически больным, т.е. смещение оценок к нейтрально-положительной стороне спектра, продемонстрировали представители возрастной группы 24-29 лет.

Для оценки отношения к семьям с психически больным ребенком респондентам также было предложено оценить по пятибалльной шкале согласие со следующими утверждениями:

- Семьи с психически больным ребенком вызывают у меня сочувствие;
- От таких семей стоит держаться подальше;
- Семьи с психически больным ребенком вызывают у меня желание помочь;
- Если бы ребенок моих друзей заболел психическим расстройством, это не изменило бы моего отношения к ним;
- Я бы не стал общаться с семьей, узнав, что в ней воспитывается ребенок с психическим расстройством;
- Яблоко от яблони недалеко падает, а, значит, и с родителями психически больного ребенка что-то не так;
- Родители не виноваты в том, что в их семье родился психически больной ребенок;
- Общаться с такими семьями тягостно;
- Если бы в моей семье был психически больной ребенок, мне было бы очень стыдно признаться в этом окружающим;
- Мне бы не хотелось жить по соседству с такой семьей;
- Такие семьи были бы намного счастливее, если бы отказались от психически больного ребенка, отдали бы его в специальное учреждение.

Стоит отметить, что респонденты-мужчины оказались несколько более категоричны в оценках по всем пунктам шкалы. Очевидно, сказывается общая гуманистическая интенция, свойственная женщинам, и традиционное мужское нежелание связывать себя дополнительными обязательствами, неизменно сопровождающими появление в семье психически нездорового ребенка. Также категорично показали себя респонденты-мужчины при оценке возможных репродуктивных планов родителей психически больного ребенка: среди тех, кто уверен в том, что таким семьям больше не нужно иметь детей, женщин едва ли не втрое меньше,

чем мужчин. Последние также оказались жестче в выборе мер, необходимых для снижения рисков рождения больного ребенка: обязательная генетическая экспертиза или аборт плода видятся мужчинам более приемлемыми мерами, чем женщинам, которые в большей степени склоняются к врачебным консультациям и оценке факторов риска.

Полученные данные носят предварительный характер и будут дополняться в ходе дальнейших аналитических процедур. Однако стоит отметить, что наши респонденты оказались несколько более толерантными по сравнению с зарубежными респондентами; оценка реального положения вещей, готовности к взаимодействию – дело дальнейшей практики.

Литература

1. Павловский Г.О. Справедливость и равенство возможностей в экономике / Г.О. Павловский. Словарь текущей политики. Европа, 2006 г. Ресурс: <http://www.politike.ru/dictionary/785/word/spravedlivost-i-ravenstvo-vozmozhnostei-v-yeconomike>. Обращение к документу: 12.06.2013; Фрумин И.Д. Основные подходы к проблеме равенства образовательных возможностей / И.Д. Фрумин. Ресурс: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268032818/03fru.pdf>. Обращение к документу: 11.06.2013.

2. Nunally J. Popular Conceptions of Mental Illness: Their Development and Change / J. Nunally. – NY, Holt, Rinehart and Winston, 1961; Rossi, P.N., Nock, S. L. Measuring social judgments. The factorial survey approach / P.N. Rossi, S. L. Nock. – CA.: SAGE Publication, 1982; Star S.A. Popular thinking in the field of mental health / S. Star. – Chicago: NORC, 1952.

РЕЛЯТИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВРАЧА RELATIONAL APPROACH TO PHYSICIANS' SOCIAL IDENTITY ANALYSIS

Е.Н. Сухова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

E.N. Sukhova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматриваются основные положения релятивной концепции идентичности в приложении к феномену социальной идентификации врача. В рамках этой концепции обсуждается проблема ухода медицины от своей традиционной роли и основополагающих ценностей, а также риски, связанные с потерей врачами целостного представления о своем месте в обществе.

The article provides an outline on relative identity concept in application to the phenomenon of physician's social identity. Within this framework, the issue of medicine's traditional role and core values' loss is discussed and the risks of loss by physicians of their holistic view on positions they take in society are considered.

Ключевые слова: социальная идентичность, релятивная концепция идентичности, профессиональные ценности.

Keywords: social identity, relative concept of identity, professional values.

В недавнее время концепция «релятивной идентичности» стала одной из актуальных методологических разработок в анализе процессов самоопределения человека в современном обществе. Этот подход интересен тем, что разделяет уровни формальной («внешней») и внутренней (само)идентификации, иными словами, помогает выяснить, каковы условия, при которых представление человека о себе расходится с представлением других о его текущем статусе и роли. Таким образом, концепция «релятивной идентичности» отстаивает идею относительности знания человека о себе как представителе определенной социальной группы/общности, идею его «свободного» представления о себе и своей принадлежности к каким-либо устойчивым социальным «доменам».

В рамках концепции «релятивной идентичности» разводятся категории «идентичность в себе» и «проявленная идентичность». Важным методологическим инструментом данного подхода является различение процессов *проявления* идентичности (для которого нужен «чужой», носитель иной идентичности с иными ценностными основаниями) и *формирования* (изменения) идентичности, которое происходит во взаимодействии с носителями схожей идентичности – такой, которая, более-менее, по своему нормативно-ценностному основанию совпадает с идентичностью партнера по взаимодействию [1]. Иными словами, «идентичность в себе» – уровень самоопределения, который, как предполагается, не может быть измерен, так как описывается в категориях «миссия», «призвание» и связан с психологическими, экзистенциальными переменными личности. Это то, что можно назвать «аутентичным», внутренне присущим человеку и, в некотором роде, закрепленным на уровне подсознания. Это то, что привычно называют «самоидентичностью» [2].

«Проявленная идентичность» – это уровень идентификации, достичь которого можно лишь в процессе взаимодействия [3]. Данное утверждение отражает идею Дж. Г. Мида о двух подсистемах в структуре «Я» («Self») личности: «I» и «Me». Первая подсистема (“I”) олицетворяет

импульсивность, спонтанное начало личности, вторая (“Me”) служит упорядочению этих импульсов, преобразуя внутренние побуждения человека в социально одобряемые формы поведения. Это «обобщенный другой», контролирующий и управляющий спонтанностью «I». Идея баланса «должного» и «желаемого» в человеке позволяет говорить об идентичности как некоем комплексном явлении, в определенной (но не абсолютной) степени гармоничном [4]. В своем «интерактивном» понимании концепция «релятивной идентичности» связана с идеей Г. Мида о коммуникативной природе «самости» («Self»), согласно которой идентичность рождается во взаимодействии, имеет социальную природу и проявляется в способности человека видеть себя одновременно субъектом и объектом действия [5].

Идею о разграничении формального «социального характера» и «персональной идентичности» предложил Э. Фромм [6]. Автор понимает идентичность не только как результат социализации, но как результат процесса индивидуализации. Таким образом, отстаивается важность рефлексивного элемента социальной идентичности, который обеспечивает человеку представление о наборе присущих ему внутренних характеристик. Они воплощены в форме знаний, представлений, пониманий и отношений [7]. С одной стороны, эти знания носят объективированный характер, так как обновляются в процессе взаимодействия и повседневно-го контакта человека с миром социальных значений и их носителями. С другой стороны, осознание человеком своей причастности к различным группам референции запускает и поддерживает механизм интериоризации норм, ценностей, отношений, господствующих в данной группе.

Сегодня медицина и врачи, как представляется, работают в условиях ценностного конфликта, когда первично усвоенная профессиональная аксиология вступает в противоречие с актуальной аксиологией общества. Идентичность профессионалов медицины оказывается под угрозой воздействия таких масштабных процессов, как медиализация [8] и менеджериализация [9].

Поэтому в медицине нельзя говорить об «идентичности» как некоем абсолютном и устойчивом феномене. Идентификация врачей с профессиональными базовыми ценностями медицины как профессии (альтруизм, ориентация на результат, экспертное знание) и идентификация с условиями их реализации (как правило, некомфортными) носят разнонаправленный характер. В связи с этим можно говорить об «относительной» социальной идентификации врачей, которая выражается в раз-

ведении двух уровней идентификации – положительной (с медициной как «профессией», а точнее, ее морально-ценностным ядром) и отрицательной (с медициной как «социальным институтом», который подвержен влиянию иных социальных сил – властных структур, механизмов экономического влияния и СМИ). Наиболее опасным последствием такого «дробления» идентичностей может стать окончательная потеря врачом понимания собственного места в профессии и обществе.

Литература

1. Мерцалова Т.А. Социокультурная идентичность и социализация личности: культурологические основания педагогической практики. [онлайн-ресурс]. [Последнее обращение: 11 февраля 2013]. Доступ по ссылке: <http://isiksp.ru/library/mertsalova_ta/mertsalova-000002.html>.
2. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / Реф. Е.В. Якимовой// Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс. Реферативный сборник/ Под ред. Ю.А.Кимелева. Серия "Социология". М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 95–13.
3. Переслегин С.Б. О возможном подходе к понятию "идентичность". [онлайн-ресурс]. [Последнее обращение: 20 февраля 2013]. Доступ по ссылке: <http://www.igstab.ru/materials/Pereslegin/Per_Ident.htm>.
4. Ушаков Д.В. Проблема социального взаимодействия в концепции Д.Г. Мида. [онлайн-ресурс]. [Последнее обращение: 10 февраля 2013]. Доступ по ссылке: –http://www.portalus.ru/modules/philosophy/print.php?subaction=showfull&id=1108500143&archive=0211&start_from=&ucat=1&>.
5. Мид Дж. Г. Интернализированные другие и самость / Дж. Г. Мид // Американская социологическая мысль: Тексты/ Под ред. В. И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 121.
6. Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М.: Республика, 1993. – 415 с.
7. Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности /В.В. Нуркова// Мир психологии: научно-методический журнал. – 2004. – № 2 (38). С. 77–86. [Обращение к документу: 11 февраля 2013]. Доступ по ссылке: <http://lyutichee.narod.ru/reader_UP712_5.pdf>.
8. Zola I. K. "Medicine as an Institution of Social Control." *Sociological Review* 20 (November 1972): 487–504.; Conrad, Peter. *The Medicalization of Society: On the Transformation of Human Conditions into Treatable Disorders*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2007.
9. Искорцева Н.В. Менеджериализация социальных сервисов: основные принципы и проблемы / Н.В. Искорцева// Журнал исследований социальной политики. – 2005. – Т. 3. – № 4. – С. 479–496.

ИНВАЛИДЫ В МАЛОМ ГОРОДЕ DISABILITIES IN A SMALL TOWN

В.С. Ткаченко
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
V.S. Tkachenko
North-Caucasian Federal University

Показаны особенности жилой среды в малых городах России, которые оказывают воздействие на процессы интеграции инвалидов в сообществах этих населенных пунктов. Предлагается в программах социальной поддержки инвалидов в малых городах использовать подходы и приемы, адекватные проблемам этих населенных пунктов.

The features of the living environment in the small towns of Russia, which have an impact on the process of integration of disabled people in the communities in these settlements. Offered in social support programs for people with disabilities in small towns to use approaches and techniques, adequate problems of these communities.

Ключевые слова: инвалиды, интеграция, социальная поддержка, жилая среда.
Keywords: disabilities, integration, social support and housing environment.

При рассмотрении проблем, с которыми сталкиваются люди с ограничениями жизнедеятельности (инвалиды) в процессах интеграции, обращает на себя внимание, что рекомендации, направленные на преодоление препятствий в интеграции, носят весьма абстрактный характер и далеко не всегда учитывают физическую и социальную инфраструктуру населенных мест, в которых конкретные граждане осуществляют повседневную деятельность. Обычно модели, в соответствии с которыми предлагаются не только тактики социально-бытового поведения, но и тактики профессиональной карьеры, изменения брачного статуса, тактики социально-культурных коммуникаций инвалидов и т.д., базируются на природно-антропогенной среде городской местности. Однако в России почти половина инвалидов проживает в населенных пунктах, которые либо не являются городской местностью, либо могут быть отнесены к городской местности с большими допущениями и оговорками. К последним принадлежат так называемые малые города.

По итогам переписи 2010 года, из 1100 населенных пунктов в РФ, имеющих статус города, к малым относится 781 город. Современный малый город в России насчитывает до 50 тысяч жителей, он выполняет

организационно-управленческие функции (обычно это – районный центр областного, краевого или республиканского подчинения), имеет определённую степень развития производственной базы, для него характерны специфическая архитектурно-планировочная среда, наличие отдельных элементов инфраструктуры и благоустройства, есть территории с многоэтажной застройкой, домохозяйства в большинстве своем индивидуальные и соседствуют с земельными участками, на которых производится сельскохозяйственная продукция. Различают собственно малые города и малые города, переходные с сельским типом.

Малые города, переходные с сельским типом, насчитывают 15–20 тысяч жителей, специализируются, как правило, на одной отрасли экономики, характеризуются малоэтажной застройкой, отсутствием городского транспорта, незамощенными улицами, сельским образом жизни населения. Нередко называются деревнями, сёлами, станицами, аулами, хуторами и пр..

Собственно, малые города (20–50 тысяч жителей) имеют более развитую экономику, общественный транспорт, многоэтажную застройку, высокую степень развития ЖКХ, отдельные элементы рыночной инфраструктуры.

Специфика малых городов, отражающая жилую и социальную среду малого города, состоит в следующем:

- слабая инфраструктура;
- одноэтажная застройка и преобладание изолированных домохозяйств;
- низкие возможности местных бюджетов;
- слабая развитость сферы обслуживания;
- трудности с занятостью (отсутствие крупных предприятий или их односторонность);
- особый менталитет населения;
- необходимость для выживания собственного подсобного хозяйства;
- совмещение городского и сельского образа жизни;
- неразвитость сферы досуга.

Удалённость от столицы и крупных городов, уровень развития образовательных услуг и информационных коммуникаций, характер занятости, ограниченность каналов вертикальной мобильности могут рассматриваться в качестве важных детерминант формирования менталитета населения провинциальных городов, определяющих его специфичность.

В менталитете населения малого провинциального города более отчетливо проявляются традиционные черты русской культуры и ментальности (коллективизм, патернализм, религиозность, коммунитарность и др.), что определяет трудовую мотивацию и политические предпочтения, влияет на характер отношения населения к проводимым реформам. В то же время определённая социально-психологическая инерционность населения не позволяет людям достаточно быстро адаптироваться к новым социально-экономическим отношениям. Это порождает синдромы замкнутости на собственных трудностях, ощущения брошенности со стороны государства и, как ответная реакция, настроения о снятии с себя ответственности по государственным обязательствам, выраженным в законах, в том числе и по отношению к инвалидам и иным группам граждан, нуждающимся в защите.

Проблемы инвалидов малых городов формируются соответственно их специфике. Они обострены в тех частях и сферах жизнедеятельности городского общества, где предусмотрено или требуется использование формальных приемов социальной поддержки, и сглаживаются там, где наиболее эффективно действуют общинные формы помощи и неформальные подходы к взаимодействию граждан.

К первой части (или группе) могут быть отнесены сферы хозяйствования, обеспечивающие доступную среду и социальную помощь инвалидам. Как правило, в малых городах неудовлетворительно развита дорожная сеть, отсутствует нормальное покрытие улиц и тротуаров, недостаточное уличное освещение, слабо действует общественный транспорт, большие проблемы для оборудования доступности общественных зданий, включая магазины, аптеки и вокзалы. Объяснением этого служит бюджетный дефицит, а также неспособность или незаинтересованность администраций в привлечении на эти цели частного капитала. В малых городах меньше возможностей для обеспечения за счет местных средств материально-технической поддержки инвалидов.

К этой же группе можно причислить недостаточный уровень развития общественной активности инвалидов: их общественные объединения, хотя и существуют, но часто их деятельность только обозначена, очень сильно зависит от персоналий в составе управленческого штата и их связей с администрацией. Чаще всего существенного воздействия на жизнедеятельность инвалидов эти объединения не оказывают.

Во вторую часть входят вопросы трудовой деятельности, коммуникации, социально-психологической поддержки и др. В малых го-

родах образ жизни граждан имеет больше сельских черт, чем городских. Существенную роль играют подсобные хозяйства и семейные формы организации экономики. В этих условиях инвалиды имеют возможность реализовать свой трудовой потенциал внутри домохозяйств, не выходя на общественный рынок труда. Поддержкой в этом служат не учреждения профессиональной реабилитации, а внутриобщинные формы передачи трудовых навыков и трудового опыта. Трудовая деятельность в подсобных хозяйствах служит для инвалидов также поводом для коммуникативных отношений, которые осуществляются либо с соседями, либо с партнерами по производству и сбыту получаемой продукции.

Социально-экономическая оценка деятельности городских администраций малых городов показывает, что они безнадежно дотационны. В планах и программах развития таких населенных пунктов доминируют направления, нацеленные на достижение элементарных показателей цивилизованного жизнеобеспечения (развитие и поддержание функционирования школьной сети, сети медицинских учреждений и т.д.), которые необходимы большинству жителей. Инвалиды получают свою часть социальной поддержки лишь в тех сферах, где их проблемы пересекаются с проблемами других жителей. Специальные мероприятия в административных планах обычно отсутствуют.

Данный краткий анализ особенностей проживания инвалидов в малых городах показывает, что широко обсуждаемые в научной и публицистической литературе и совершенствующиеся приемы реабилитации и интеграции инвалидов, мероприятия по их социальной защите и поддержке, подходящие для городских условий большого и среднего города, далеко не всегда пригодны для условий малых городов. Требуется разработка особой модели (или моделей) продвижения интересов инвалидов в малом городе, в которой бы учитывались и их запросы и потребности других граждан.

**СТРУКТУРА И СУЩНОСТЬ ПОНЯТИЯ КУЛЬТУРА ЗДОРОВЬЯ:
ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА**
**STRUCTURE AND ENTITY OF THE «HEALTH CULTURE»
CONCEPT: THE SOCIOLOGIST'S VIEW**

И.Ю. Тюрина

*Российский химико-технологический
университет им. Д.И. Менделеева*

I.U. Tyurina

D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia

Представлена социологическая концептуализация понятия «культура здоровья».

The article presents a sociological understanding of the «health culture» concept.

Ключевые слова: здоровье, культура, культура здоровья

Keywords: health, culture, culture of health

Проблема сохранения и укрепления здоровья, формирования культуры здоровья личности является междисциплинарной и в настоящее время представляет особый интерес для специалистов различных отраслей знания.

В рамках социологического изучения данной тематики сущность и структура концепта культура здоровья могут быть раскрыты на основе междисциплинарного подхода посредством последовательного анализа и синтеза составляющих его понятий – «здоровье» и «культура».

Здоровье представляет собой целостную характеристику жизнеспособности человека. Система здоровья – это открытая система, «внешним» аспектом существования и функционирования которой является окружающая среда. Социологическое видение здоровья заключается в его понимании как результата взаимодействия человека с социально-экологической системой – комплексом внешних физических, географических, биологических, экологических, социальных, экономических, политических и культурных условий, в совокупности включенных в сферу общественных отношений.

В науке сложился ряд концептуальных теоретических подходов к пониманию здоровья (биомедицинский, биосоциальный, ценностно-социальный), основываясь на которых социология может рассматривать здоровье как самоценное динамическое состояние развития и сохране-

ния биофизиологических и психических функций организма, а также социальных и духовно-нравственных характеристик личности, которое позволяет человеку оптимально адаптироваться к условиям конкретной социально-экологической среды и оптимально выполнять свои социокультурные роли и функции, обеспечивает возможности для его самореализации.

Другим элементом культуры здоровья выступает понятие культура. Социологическое понимание культуры заключается в ее концептуализации: во-первых, как целенаправленной творческой гуманистически ориентированной деятельности человека, преобразующей и совершенствующей то, что дается ему в природной среде и обществе и в самом себе как в интегральном биосоциальном существе, т.е. человек – субъект культуры; во-вторых, как мировоззренческой системы, совокупности ценностей и норм, образцов поведения, которые воздействуют на поведение человека, поскольку они либо им разделяются, либо пассивно признаются; в-третьих, как характерного для человека и общества духовно-материального содержания жизни, которое передается из поколения в поколение в ходе общественно-исторического развития.

Необходимо помнить и о диалектическом единстве понятий культура и человек: с одной стороны, человек – создатель и носитель культуры, с другой – человек – ее продукт. В процессе социализации в человеке «культивируются» определенные навыки, способности, привычки, ценности и убеждения, позволяющие ему жить в обществе.

Человек как культурное существо является одновременно носителем и создателем различного рода культур, в том числе и культуры здоровья.

Культура здоровья в социологической науке может и должна рассматриваться как часть социокультурной действительности современного общества, его общей культуры, как элемент культуры социальных групп и как социально значимая составляющая в структуре личности современного человека.

Культура здоровья общества представляет собой компонент социокультурной системы, обеспечивающий условия и предпосылки (социальные, правовые, мировоззренческие и пр.) для формирования потребности личности в здоровье и возможности реализации данной потребности в существующей социальной структуре общества. Общественная культура здоровья – это традиции и опыт здоровьесотворчества, в которых воплощена система ценностных ориентаций социума в отношении здоровья.

Культура здоровья личности, в свою очередь, может быть определена как обусловленная культурой здоровья общества открытая система социально-психологических личностных качеств, включающая в себя знания о здоровье, здоровьесберегающие умения и навыки, систему духовно-нравственных ценностей и устойчивых здоровьесберегающих мотивов, обеспечивающих волевою деятельность индивида по развитию, сохранению и укреплению собственного здоровья и здоровья окружающих. Данное определение позволяет в качестве структурообразующих индивидуальной культуры здоровья выделить когнитивный, ценностно-мотивационный и поведенческий (эмоционально-деятельностный) компоненты, содержание которых изменяется в зависимости от возраста и детерминирует влияние на личность окружающей социокультурной среды, общественной культуры здоровья.

Таким образом, культуру здоровья необходимо изучать как дуальную реальность повседневной жизни: «объективную фактичность» – социетальную культуру здоровья, детерминирующую культуру здоровья личности – «субъективные смыслы», и, в свою очередь, создаваемую ими в процессе здоровьесформирующей деятельности человека.

**О СОСТОЯНИИ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
И ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ**
**ABOUT THE STATE OF MODERN RUSSIAN AND WESTERN
SOCIOLOGY**

В.В. Щербина

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

V.V. Scherbina

Higher School of Economics – National Research University

Содержание моего выступления связано с попыткой ответа на ряд вопросов: 1. Как трансформировались за последние 40–50 лет представления о предметной области социологии, ее функциях, содержании теоретических моделей? 2. Какие критерии могут быть положены в основание оценки изменений, происходящих в социологии? 3. Есть ли основания рассматривать изменения в социологии как процесс ее развития? 4. Можно ли считать, что социология 50–70-х гг. прошлого века и социология первых двух десятилетий XXI в. – одна и та же наука? 5. Является ли современная социология наукой, производящей полноценное

экспертное знание? 6. Какие факторы делают невозможным сохранение классических представлений о предмете социологии и функциях социологической теории?

Исходным точкой для формирования моей позиции является несогласие с рядом коллег по трем вопросам: а) излишне оптимистичной оценке реального состояния современной мировой социологии; б) использованию ее состояния в качестве ориентира для оценки состояния отечественной социологии; в) попытки доказать, что изменения в социологии за последние десятилетия были неизбежны.

Отправной точкой анализа стал вопрос о том, на каком основании рядом коллег дается достаточно позитивная оценка современного состояния мировой социологии? Ответ был связан с утверждением, что в ее основе лежали познавательные критерии, сформулированные учеными, работающими в сфере фундаментальной науки.

Более оправданным основанием для оценки состояния науки я считаю то, насколько широко и активно знания, наработанные в рамках конкретной науки, используются в «преобразующей или корректирующей» практике. Представляется, что позитивный ответ на этот вопрос сегодня невозможен и для социологии России и социологии стран Запада.

Во-первых, и на Западе и в России наблюдается падение интереса со стороны политиков, чиновников и бизнесменов к разработкам социологов (Э. Гидденс). Во-вторых, активность практикующих социологов и там и тут заметно снизилась. В-третьих, в последние 30 лет здесь просматривается отсутствие новых разработок в той сфере, которую принято именовать «социальной инженерией» и которая создает основу для развития той ветви социологии, которая способствовала разработке социальных технологий. Наконец, не просматривается тенденции к усложнению структуры науки, характерной для развития любой науки.

В качестве наиболее значимого фактора, повлиявшего на описанные выше процессы, я рассматриваю фактор поэтапного размывания предмета и функций социологии как специфической поведенческой науки. Традиционно в фокусе собственно социологической проблематики, практически с момента возникновения социологии, находился вопрос: как и за счет чего возможно обеспечение «социального порядка» в обществе. До середины 70-х гг. XX в. В качестве предмета этой науки обычно рассматривали совокупность средств социальной регуляции поведения людей или то, что было принято именовать социальной организацией. Речь шла о факторах, которые обеспечивали превращение

группы разноориентированных индивидов в разнотипные социальные общности (Т. Парсонс). Принятие такого предметного фокуса социологии делало центральной проблемой социологических исследований проблему формирования и условий обеспечения нормального режима функционирования, развития социальных институтов и организаций. Несмотря на различия исследовательских ориентаций, интерес социологов вращался вокруг одной проблемы: как обеспечить рассматриваемые в качестве желательных изменения в социуме не ценой его распада?

Будучи консервативной по постановке вопроса, такая социология вводила серьезные ограничения на выбор ориентиров, логику и темпы планируемых социальных изменений. Она задавала границы применения тех или иных стратегий развития социума и вносила коррективы в программы реформирования и модернизации социальных институтов и организаций, а также инновационных программ развития в управлении. Практически в этот период она выступала противовесом политическому и управленческому волонтаризму. Представляется, что по функциям, задачам и логике построения социология в этот период отвечала требованиям, предъявляемым к любой науке, производящей экспертное знание, которое ни с кем не пересекалось и безусловно востребованное политиками и практиками знание.

Процесс размывания предмета социологии шел поэтапно и осуществлялся представителями разных школ и подходов. Начиная с работ представителей Франкфуртской школы, идет процесс стирания границы между социальной философией и социологией, а также социологией и рядом других поведенческих наук. Вместо термина социологическая теория говорят о «социальной теории». Происходит фактический отказ от рассмотрения проблемы социального порядка в качестве центральной проблемы социологии и утрата интереса социологов к изучению социальных институтов. Институциональная проблематика перемещается из сферы исследований социологов в сферу экономики. В качестве предмета социологии начинают рассматривать: обеспечение эффективных социальных коммуникаций; логику социальных изменений; поиски скрытых структур разных социальных сред; проблемы символического обмена. Становится популярным тезисы, что ресурсы совершенствования социальных отношений за счет социального порядка в современном обществе исчерпаны. В некоторых версиях постструктуралистских и постмодернистских социальных теорий постановка вопроса о предметной специфике социологии вообще оказывается снятой в связи с тезисами: а) о необходимости рассмотрения социального мира в его много-

фокусности (М. Фуко); б) об отказе от методологии логоцентризма и представлений о «детерминизме структур» (Ж. Деррида) и т.д.

В качестве не менее важного фактора, радикально трансформировавшего социологию, я рассматриваю изменение представлений о том, что считать социологической теорией. Очевидно, что научная теория, по существу, является единственным завершенным продуктом любой полноценной науки, производящей экспертное знание. Только в этом виде собственно научное знание и может быть передано как представителям прикладной науки (разрабатывающими средствами практической деятельности – технологии) и практикующим специалистам.

В полноценных науках теоретические модели: 1) опираются на эмпирически или экспериментально проверенные подтвержденные результаты наблюдений; 2) фиксируют взаимосвязь ограниченного перечня взаимодействующих переменных; 3) представляют повторяемости наблюдаемых явлений; 4) фиксируют условия и ситуации, при которых наблюдаемые явления должны обязательно воспроизводиться; 5) дают объяснение им; 6) закладывают с учетом заданных ограничений предпосылки прогнозирования поведения объектов определенного класса. Именно и только это позволяет использовать теоретические модели в практической деятельности.

Но приведенный выше перечень признаков не имеет отношения к большинству теоретических моделей современной социологии. Когда в социальных науках употребляются термин *теоретическая модель* – то по факту говорят о логически непротиворечивой объяснительной схеме. При этом такие объяснительные схемы часто очень громоздки, а перечень используемых в них переменных часто столь велик, что изначально предполагает неоднозначность выводов и массу спекуляций. Такие модели не претендуют на универсальность и обязательную воспроизводимость в определенных условиях. Зафиксированная в них повторяемость явлений изначально не рассматривается как обязательная. Почти во всех таких моделях отсутствует то, что позволяет прогнозировать поведение социальных объектов. Отсюда, их применение в преобразующей и корректирующей практике изначально проблематично. В этой ситуации положения социологической теории не могут быть основой для создания технологий и других инструментальных средств регуляции поведения, а сама социология не может претендовать на звание полноценной науки, имеющей выходы в социальную практику.

СЕКЦИЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРОСТКОВ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ THE MULTICULTURAL ENVIRONMENT AS MEANS OF SOCIAL EDUCATION AT MODERN SCHOOL

Д.А. Азерли

Нижегородский государственный университет

D.A. Azerli

Nizhny Novgorod State University

Анализируется состояние поликультурного воспитания в рамках современной системы российского общего среднего образования.

In the article there are the condition of multicultural education within modern system of the Russia secondary school has been analyzed.

Ключевые слова: школа, поликультурное воспитание, система образования.

Keywords: school, multicultural education, education system.

В условиях проведения социально-экономических реформ в России перед школой поставлены принципиально новые задачи и открыты большие творческие возможности: получают широкое распространение многообразные эксперименты, создаются новые модели авторских школ, перестраиваются в духе демократизации и гуманизации содержание и технологии целостного педагогического процесса. Сегодня образовательные учреждения являются важнейшим фактором гуманизации общественных отношений и формирования новых жизненных установок личности. Стало очевидным, что только личность, социально адаптированная к экономической, политической, культурно-демографической ситуации, способна развиваться интеллектуально, духовно, физически, нравственно.

Демократическая система воспитания предполагает ориентацию на ряд важных педагогических условий: равенство членов общества независимо от социального положения, пола, национальной, религиозной, расовой принадлежности. Ей присуща такая организация учебного процесса, при которой формируется человек, способный свободно, творчески мыслить и работать.

В условиях современных цивилизаций возможны две взаимоисключающие судьбы отдельных народов. Первая предполагает, что ведущие этносы, подобно бульдозеру, раздавят самобытную культуру и образованность малых этносов. Вторая подразумевает конструктивный межэтнический диалог, в котором заметную роль играет воспитание и образование.

Оценивая состояние поликультурного воспитания в Российской Федерации, следует отметить, что оно не является приоритетом образования и педагогики. В политических декларациях и педагогических трудах содержатся верные призывы к воспитанию в духе поликультурности, однако не всегда и не везде они внедряются в практику. Ученые-педагоги, школьные учителя нередко замалчивают такие «неудобные вопросы», как межэтнические конфликты, культурные предрассудки, национализм. Между тем поликультурность человека отнюдь не генетического происхождения. Она социально детерминирована и должна быть воспитана.

Поликультурное воспитание осуществляется в определенном историческом и педагогическом контексте. В советский период этнический и национальный показатель нерусских школ, состоявший прежде всего в преподавании на родном языке, постепенно исчезал. К концу 1980-х гг. доминирующим типом нерусской школы оказалось учебное заведение с обучением на русском языке и преподаванием родного языка как одного из предметов. В результате несколько поколений нерусских народов получали воспитание вне родного языка и национальной культуры, на базе русского языка и редуцированной русской культуры.

Идеи поликультурного воспитания применительно к России позволяют по-новому взглянуть на культурно-педагогическую роль обучения на русском и других языках. Безусловно, русский язык остается универсальным средством культурного диалога всех народов России. Однако в контексте поликультурного воспитания очевидна перспективность, по крайней мере, билингвального обучения: на русском языке и языке другого этноса. Причем в условиях России полилингвальное обучение должно быть чрезвычайно вариативным по своим культурно-образовательным функциям. Так, на территориях областей и краев Российской Федерации русский язык выступает как язык доминирующий, тогда как на территориях этнических республик такую позицию он разделяет с языками местных этносов.

Поликультурное воспитание современных подростков должно учитывать объективное несовпадение культурных потребностей отдельных этносов и общероссийских государственных целей воспитания и образования. Для ребенка важно получать обучение не только по единым

федеральным стандартам, но и при введении в образовательный стандарт регионального компонента, основанного на полиэтничности каждого конкретного региона.

С 1 сентября 2012 года во всех общеобразовательных учреждениях России более миллиона учащихся 4-х классов начали изучать курс «Основы религиозных культур и светской этики».

В рамках данного учебного предмета по выбору обучающихся или по выбору их родителей (законных представителей) изучаются основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур, основы светской этики. Сам по себе курс может рассматриваться как шаг в развитии поликультурного образования и воспитания в школе, однако, выбор узкого модуля (основы одной конфессиональной культуры) позволяет изучить только один из культурных пластов современной многоконфессиональной и многонациональной Российской Федерации. Напротив, модули «Основы мировых религиозных культур», «Основы светской этики» являются культурологическими и направлены на развитие у младших школьников представлений об идеалах и ценностях, составляющих основу религиозных и светских традиций культуры России.

Федеральный государственный стандарт должен быть направлен на обеспечение единого образовательного пространства России, а национально-региональный – на придание образованию национально значимых черт, отражение в содержании и учебном процессе историко-социокультурных, природных, хозяйственных, экологических и иных специфических особенностей и проблем конкретного региона.

ПРОЕКТ «ВУЗ+ИНТАЛЕВ» В СФЕРЕ КОНСАЛТИНГА PROJECT UNIVERSITY-INTALEV IN CONSULTING

А.С. Архангельская

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

A.S. Arkhangelskaya

Nizhny Novgorod State University

Анализируются роль проектов по сотрудничеству с вузами в продвижении консалтинговых компаний, опыт участия в проекте «вуз+Инталев».

The article discusses the impact of partnerships with universities in marketing of management consulting firms, studies the example of University-Intalev project.

Ключевые слова: управленческий консалтинг, маркетинговые коммуникации, сотрудничество с вузами.

Keywords: management consulting, marketing communications, university partnership programs.

Продвижение консалтинговых услуг требует особого подхода. Обычно стратегия маркетинга предполагает создание образа профессионала, а традиционными маркетинговыми коммуникациями являются специальные мероприятия: семинары, конференции, круглые столы, мастер-классы. Важную роль играет профессиональный бренд руководителя компании и ключевых консультантов. Таким образом можно выйти на главную целевую аудиторию на этом рынке – руководителей и ведущих специалистов предприятий.

Однако целевые группы консалтинговых компаний включают и государственные органы, СМИ, а также будущих клиентов, какими являются студенты и магистранты вузов страны. Потому многие компании выбирают стратегию социально ответственного бизнеса, и среди продвижения часто фигурирует сотрудничество «бизнес-вуз». Такие программы в той или иной форме внедряются практически всеми крупными консалтинговыми компаниями, как международными, так и российскими.

Для консалтинговой компании, предлагающей услуги в сфере управления, работа с вузами выполняет несколько задач. Во-первых, совместные проекты приучают будущих специалистов к своему подходу и/или программному обеспечению, помогают сформировать будущего клиента. Во-вторых, повышают значимость бренда, положительно влияют на имидж компании. В-третьих, позволяют готовить кадры нужной квалификации через систему стажировок, кроме того, быстрее адаптировать начинающих консультантов к работе в реальном бизнесе.

Вузы также выигрывают от такого сотрудничества. С помощью консалтинговых компаний происходит более тесная взаимосвязь академической науки и практики. Особенно хотелось бы отметить важность совместных проектов для интеграции российской науки (экономики, менеджмента, коммерции) в мировой процесс, консультанты с багажом реальных проектов и отработанными технологиями позволяли повысить уровень подготовки студентов, которые получали первое образование или повышали свою квалификацию в вузах. Сегодня консультанты отмечают, что за последние десять лет уровень подготовки управленцев качественно вырос, изменились запросы.

Сотрудничество с вузами может приобретать самые разные форматы: чтение публичных лекций и участие консультантов в научной рабо-

те вузов, реализация совместных проектов, предоставление на безвозмездной основе или на льготных условиях специализированного программного обеспечения, программы по повышению квалификации преподавателей, выделение именных стипендий отдельным студентам, организация возможностей для стажировки и проч.

Крупные консалтинговые компании заключают договор о стратегическом партнерстве с определенным учебным заведением, в рамках которого развивают различные программы. Так, из компаний «большой четверки», имеющих офисы в России, «Deloitte & Touche» сотрудничает с Российским государственным университетом нефти и газа имени И. М. Губкина, «KPMG» и «Ernst & Young «PricewaterhouseCoopers» с Высшей школой экономики, «Ernst & Young» сотрудничает с РАНХиГС и т.д. Российские ведущие консалтинговые компании также выстраивают долгосрочные партнерские программы с вузами. Причем, чем плотнее и многостороннее выстроены связи, тем сложнее другим консультантам прийти в учебное заведение со своими проектами.

Компания «ИНТАЛЕВ», существующая на рынке с 1996 г., представлена офисами в Москве и нескольких федеральных округах России, а также в Украине и в Казахстане. В 2010 году она занимала 51 место в рейтинге консалтинговых компаний России РА «Эксперт» среди всех консалтинговых компаний[1] и четвертое среди компаний, предоставляющих услуги по финансовому консалтингу. Размеры и уровень компании позволяет выделить сотрудников из отдела продвижения для реализации программы работы с вузами, а также поставить работу с вузами в нагрузку отделов НИОКР и производства (консалтинга). Хотя трудно сравнить возможности и размеры с лидерами рынка, которые занимают позиции в первой десятке, согласно российским рейтингам. Достаточно сравнить численность штата: в «Инталев» в 2010 году насчитывалось 77 консультантов, а в KPMG, «PricewaterhouseCoopers» более 700.

В 2004 году компания запустила проект «ИНТАЛЕВ+вуз». На безвозмездной основе компания предоставляет учебным заведениям современные управленческие системы собственной разработки "ИНТАЛЕВ: Корпоративные финансы" и "ИНТАЛЕВ: Навигатор", а также проводила переподготовку преподавателей по темам бюджетное и стратегическое управление. В рамках программы сотрудничества преподаватели самостоятельно разрабатывали учебный курс, в нужном объеме часов и с необходимой детализацией. Компания исходила из посылки, что преподавателям для того, чтобы использовать продукт и методики в учебном процессе, необходимо пройти переподготовку. Для

этого были организованы курсы повышения квалификации, а также предлагались типовые учебные планы и другие методические материалы.

Программа действовала в течение пяти лет и была заморожена в 2009г. Причин приостановки проекта было несколько. Основной внешней причиной стал экономический кризис.

За пять лет действия программы задачи по ее реализации были распределены между различными отделами. Сотрудник отдела продвижения занимался привлечением новых вузов и или совмещал эти функции с другой работой, ведением договоров. Были попытки перепоручить программу отделу продаж, но в итоге функции по ведению проекта остались за отделом продвижения.

Сотрудничество с вузами носит стратегический характер. Оно не может принести мгновенного результата, в то время как перед менеджерами отдела продаж поставлены другие задачи.

Российские консалтинговые компании, представители малого и среднего бизнеса проигрывают транснациональным конкурентам.

Данная программа позволила компании позиционировать себя как социально ответственный бизнес, увеличить узнаваемость, в том числе благодаря росту как количества публикаций о компании в образовательных и деловых СМИ, так и посетителей сайта.

В программе следует отметить и существенные недостатки. В большинстве случаев обучение одного преподавателя не способствовало распространению новых технологий и методики в вузе. Как правило, только один обученный преподаватель мог вести курс на должном уровне, используя разработки «Инталева».

Для успешного обучения в вузах не хватало лицензионных версий 1С: многие работали с нелегальным ПО. Но главная проблема заключалась в том, что проект не влиял непосредственно на продажи, в то время как требовал значительных человеческих ресурсов и материальных затрат. Компания сочла, что время, отведенное на НИОКР, целесообразно тратить на вузы, лучше заниматься формированием персональных брендов руководства и самого «Инталева», публикуя профессиональные статьи и книги, совершенствовать программные продукты.

Практика показывает, что серьезное сотрудничество с вузами по силам только крупным игрокам на рынке консалтинга. Только объединившись в холдинги они могут реализовать проекты, которые не имеют краткосрочной отдачи.

Однако работа с вузами возможна в других форматах, которые позволят таким компаниям, как «Инталев» добиваться паблисити и зарабатывать репутацию за пределами бизнес-сообщества и, вместе с тем, не будут отнимать много сил и средств. Среди возможных видов такой работы – чтение публичных лекций ведущими консультантами, предоставление для обучения в вузе профессионального программного обеспечения компании на безвозмездной основе или на специальных льготных условиях, привлечение студентов выпускного курса к участию в проектах и приглашение их на практику, проведение профессиональных конкурсов и олимпиад среди преподавателей вузов и студентов.

Литература

1. Бюллетень Рынок консалтинговых групп по итогам 2010 года» 11 апреля 2011 г. [Электронный ресурс] // Рейтинговое агентство «Эксперт». URL: http://www.raexpert.ru/editions/bulletin/consulting_2010.pdf (дата обращения 01.02.2013)

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СТАРШЕКЛАСНИКОВ HUMANITARIAN ASPECTS OF THE PROCESS OF FORMATION OF PROFESSIONAL ORIENTATIONS OF THE HIGH SCHOOL STUDENTS

С.П. Бабочкина
*«МАТИ» – Российский государственный
технологический университет им. К.Э. Циолковского*
S.P. Babochkina
*«MATI» – Russian State Technological University
named after K.E. Tsiolkovsky*

Обсуждается формирование профессиональных ориентаций российских старшекласников в современном обществе.

In article are discussed the formation of professional orientation of the Russian high school students in modern conditions in the modern Russian society.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, профессиональное самоопределение, факторы выбора профессий, престиж профессий.

Keywords: professional orientation, professional self-determination, factors of the selection of the occupation, prestige of the professions.

Проблематика становления профессиональных ориентаций подрастающих поколений в отечественной социологии всегда была актуальна и имела высокий познавательный интерес у исследователей. Социологи, изучающие роль социальных институтов в социокультурном воспроизводстве населения страны, исследуют эти проблемы, анализируя не только деятельность социальных институтов, но и рассматривают их как специфический социальный механизм, воспроизводящий или трансформирующий социальную и профессиональную структуру общества.

Исследователи процесса становления систем ценностных ориентаций у современной молодежи отмечают, что подрастающие поколения молодежи России сохранили как базовую ценность высокий интерес к образованию, дополнив его ориентациями на высокий материальный достаток, комфортные условия трудовой деятельности и социальный престиж профессии [1, 2, 3, 4].

Анализ деятельности современных социальных институтов российского общества показывает, что они существенно влияют на становление позитивных мотиваций на труд и профессиональное самоопределение подрастающих поколений. Это требует особенно внимательного эмпирического исследования и теоретического анализа, потому что для новейшей модернизации экономики современной России необходимы все более образованные и высококвалифицированные специалисты.

В рамках современного отечественного социологического знания старшекласники общеобразовательных школ представляют собой младшую часть социально-демографической группы молодежи (15-18 лет), преимущественно занятую учебной деятельностью в учреждениях общего образования и проживающую в рамках родительской, преимущественно городской, нестабильной и малодетной семьи. В условиях демографического перехода и трансформации социально-экономических и общественно-политических обстоятельств российского общества и государства, ориентированных на реализацию концепции устойчивого развития, существенно возрастают требования к работнику, его потенциальному и актуальному человеческому капиталу. Ожидаемое сокращение возрастной группы экономически активного населения требует особого внимания уделять процессам формирования у юношества позитивных мотиваций на труд, профессиональные интересы и профессиональное самоопределение.

По данным исследований, проведенных с участием автора статьи¹, выбор профессии юношеством определяется (в порядке убывания) социальным престижем профессии (45,5% в 2010 г.), личным мнением респондента (11,0% в 2001 г. и 45,1% – в 2010 г.), советами родителей и родственников (40% респондентов в 2001 г. и 26,3% в 2010 г.). Сумма ответов на данный вопрос превышает 100%, так как респонденты могли отметить не более 3-х вариантов ответа. Исследование (2010 г.) выявило недостаточный уровень знаний респондентов как о реальном содержании профессиональной деятельности в выбранной ими сфере труда, так и слабые представления о региональном рынке труда и реальных потребностях региона в квалифицированных специалистах.

Разнонаправленность деятельности социальных институтов, ориентированных на либеральные ценности общества потребления и оказывающих существенное влияние на становление системы ценностных ориентаций современного юношества, с одной стороны, практически полное отсутствие в деятельности современной общеобразовательной школы целенаправленных комплексных программ, обеспечивающих формирование устойчивого интереса к профессиональной деятельности, с другой стороны, создают негативные предпосылки в становлении позитивных мотиваций юношества в сфере труда.

Сопоставительный анализ ценностных ориентаций и мотиваций на профессию у молодежи, опрошенной в 2001 г. и затем в 2010 г., выявил высокую устойчивость ценности «социальный престиж профессии» и ее доминирующее место в системе жизненных планов личности и показал, что базовые ценности российского общества, лежащие в основе ментальности, сохраняют свое важное значение и для современного юношества России.

Отечественная социология рассматривает систему образования как значимый социальный институт, в единстве её многообразных функций, обеспечивающих взаимосвязь культурных традиций и новаций, статусных и ролевых отношений, существующих в обществе, взаимодействий образовательных учреждений с внешней и внутренней средой, отвечающей своей деятельностью на потребности государства, общества и человека. Эта система развивается на базе существовавшей системы советской школы в направлении трансформации современного образования, отвечающего интересам и потребностям становящегося цивилизованного рыночного общества в России, которое развивается на основе гуманистических принципов либеральной идеологии.

Динамика развития современной российской системы образования определяется возрастными и этносоциокультурными особенностями молодежи, финансово-экономическими условиями социального бытия населения регионов, культурными традициями семьи и реальным спросом рынка труда на специалистов определенного профиля. В такой же степени деятельность учреждений образования зависит от индивидуально-личностных потребностей и интересов современной молодежи, осуществляющей свой выбор.

В целом можно отметить, что в процессе профессионального самоопределения учащихся старших классов общеобразовательных школ, согласно результатам проведенных социологических исследований, гуманитаристическая составляющая в выборе сферы профессиональной деятельности играет определенную значимую роль, и это следует учитывать руководству системы общего образования на всех его уровнях.

Литература

1. Туманов С.В. Современная Россия: массовое сознание и массовое поведение: Опыт интегративного анализа. – М.: МГУ, 2000.
2. Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации. – М.: МГУ, 2000.
3. Добренков В.И., Нечаев В.Я. Общество и образование. – М.: ИНФРА-М, 2003.
4. Васенина И.В., Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Студенты МГУ о своей жизни и учебе. – М.: МГУ, 2005.

Примечание

1. Московская гуманитарно-социальная академия. Социологическое исследование «Социально-профессиональные ориентации учащихся и факторы выбора профессии (региональный аспект)». Время проведения март-апрель 2001 г. В выборочную совокупность исследования вошли учащиеся 9-х, 10-х и 11-х классов общеобразовательных школ Москвы и Орла. Объем выборки составил 3200 чел. Выборка целевая, квотная, на последнем этапе отбора опрашивалась учебная группа (класс). Метод сбора данных – раздаточное анкетирование. Институт молодежной политики и социальных технологий «МАТИ» – РГТУ им. К.Э. Циолковского. Социологическое исследование «Анализ положения молодежи и реализация молодежной политики в Российской Федерации». Время проведения исследования 2010 г. В выборку исследования вошли три категории респондентов: студенты, работающая молодежь и учащиеся общеобразовательных школ и колледжей. Возрастной разброс респондентов составил от 15 до 28 лет. Исследование проводилось во всех федеральных округах Российской Федерации. Общий объем выборки составил 2100 человек. В работе используются

данные по категории респондентов – учащиеся общеобразовательных школ и колледжей.

**ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ КОНТЕКСТ
СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**
**INTEGRATED OF MEANING CONTEXT OF MODERN
EDUCATION**

Р.З. Богоудинова

*Казанский национальный исследовательский
технологический университет*

R.Z. Bogoudinova

Kazan national research technological university

Анализируются проблемы российской образовательной системы, потенциал профессионального образования в формировании гуманитарной культуры студентов. Социально-гуманитарная направленность современного образования рассматривается как основной фактор гуманитаризации общества.

The article gives brief analysis of problems of Russian educational system and potential's exposure of professional education of liberal students' culture. Socio-liberal focus of modern education is considered as a basic factor of liberalization of the society.

Ключевые слова: гуманизация, гуманитарная культура личности, система российского образования, реформирование образования, система культуры.

Keywords: humanization, humanitarian culture of the person, Russian education system, education reforms, culture system.

В современных условиях развития отдельных стран и мирового сообщества в целом система высшего образования приобретает особое значение. Однако проблематика развития этой системы отличается неоднозначностью, проявляясь в сложных и противоречивых отношениях с обществом. Все дело в том, что сложившаяся в современном образовании ситуация характеризуется утратой ценностей, идеалов, ориентиров, которые всегда давала человеку культура.

Надо сказать, особый интерес к вопросам образования обусловлен и тем, что сейчас многие образовательные системы переживают период серьезных реформ, от которых напрямую зависит будущее современного гуманитарного прогресса. Различные философы и философские школы, начиная с древности, пытались выявить комплекс идей, которые позволили бы глубже понять и успешнее поддерживать формирование

индивидуальной и общественной культуры, разрабатывали системы образования и воспитания для своих учеников и общества в целом. Некоторые их идеи используются в образовании до сегодняшнего времени.

Значение, в котором понятие «образование» употребляется в настоящее время, вошло в оборот в конце XVIII века под влиянием Гете, Песталотии и неогуманистов, которые, в противоположность воспитательной технике просветителей, под образованием понимали общий духовный процесс формирования личности.

Мы понимаем образование как социальный институт, выполняющий цивилизационную (экономическую, социальную, гуманитарную и культурную) функцию в обществе, и как процесс усвоения накопленного человечеством научного знания, приобретения определенных навыков и умений для последующего выполнения социально значимых функций.

Социальная и экономическая функции образования как социального института состоят в формировании социально-статусной и социально-профессиональной структуры общества. От успеха реализации этих функций зависят наличие или отсутствие в обществе социальной напряженности и его экономическое благосостояние. Государству в современных условиях необходим работник, владеющий не только профессиональными знаниями, навыками, умениями, легко адаптирующийся в меняющемся мире, но способный к решению эвристических задач в новых ситуациях, всегда готов к реализации новых общественных потребностей, содержание которых можно только предсказать.

Традиционное нормативное образование может выпустить первоклассного специалиста в определенной области, но имеющего весьма расплывчатые представления о мироустройстве, общих законах функционирования и развития социума, человеческой цивилизации и ее будущих перспектив развития и т.д. Классическая педагогика полагает, что приобретая готовые знания и навыки таким образом, обучаемые постигают внутреннюю логичность ситуаций и будут ею руководствоваться на практике. Однако, учитывая, что им придется жить в мире ускоряющихся изменений, знания простых ситуаций, где достаточно механического осуществления отдельных операций с одним объектом, недостаточно. Задача современной системы образования – перевести научное общественное знание в личностное знание обучаемого для его дальнейшей практической деятельности.

Новая сетка идеалов и норм, предложенная наукой, обеспечила расширение поля исследуемых объектов, открывая пути к освоению сложных систем и процессов. Современная научная картина мира – не толь-

ко пространственно-подобное представление, но и временное, дающего образ мира в его развитии из прошлого в будущее. Однако чем дальше развивается, постоянно расширяясь, процесс научного познания мира, тем недоступнее для понимания широких слоев становится язык той или иной отрасли знаний. К тому же изучение каждой из них в полном объеме для личности становится фактически невозможным, т.к. этот объем знаний с каждым годом стремительно растет и далее будет расти.

Эти научные выводы дают возможность констатировать, что определяющей тенденцией современного образовательного процесса должна стать интеграция, а не дальнейшая дифференциация различных способов цивилизационного освоения мира. Основой целостного восприятия и осознания окружающей действительности могут стать идеи и принципы синергетики.

В третьем тысячелетии, когда сам по себе характер научно-технического и социального прогресса поставил человеческую цивилизацию на грань выживания, эта направленность приобретает особое жизненно важное значение: панацеей от всех бед является не объем знаний, а соединение их с личными качествами человека, его умение самостоятельно и рационально распорядиться ими: мерой знания становится его ценностно-гуманистическая характеристика.

Дать свободу мышлению может не только реформирование блока общемировоззренческих гуманитарных дисциплин инновационными методами, но и предоставление возможности личности для самообразования и образовательной самореализации посредством образования на протяжении всей жизни.

Образование в этих условиях следует рассматривать как процесс действительно преимущественного самообразования личности, формирующего способность к созданию внутренней творческой системы средств деятельности. При такой установке эпицентром педагогических усилий является создание условий, способствующих формированию творческого стиля мышления личности. Это становится возможным, только при условии отказа от эмпирических взглядов на образование, осознанной ориентации на теорию предметной человеческой деятельности только с позиций материалистической диалектики.

В качестве основных исходных методологических идей социально-гуманитарного образования назовем следующие:

идея деятельности, в соответствии с которой образование не может быть сведено к какому-либо частному виду образовательного процесса, а понимания образования в контексте целостного включения личности в

социальную деятельность: общественную практику, науку, обучение и т.д.;

идея системности, в соответствии с которой теоретическая модель образования рассматривает целостное включение индивида в систему жизнедеятельности;

идея отражения как всеобщего свойства материи, где обосновывается возможность всех форм информирования, на базе которых и происходит формирование творческой личности человека.

В эпоху вступления человечества в информационную стадию развития идея обеспечения свободы образовательного процесса в ее философском контексте является основополагающей для системы образования. Эта идея основана на уникальном пути, посредством которого человек находит себя в этом мире и несет ответственность за свою собственную судьбу. Человек – не объект управления, а сознательный субъект, выбирающий свое отношение к себе и миру.

Задача преподавателя увидеть в учащихся отдельные личности и рассматривать учебные группы как среду, в которой проходит свой уникальный путь каждая конкретная личность, в которой каждый осознанно принимает решение относительно собственной свободы. То, что изучается, должно иметь определенный смысл в жизни обучающего, который должен не просто получить представления об определенных знаниях, а сделать их личностными. Для этого он должен получить возможность свободного исследования в образовательной среде, где есть необходимые инструменты и материалы, и главное есть педагог. При этом учащийся должен осознать, что он имеет свободу выбора и за свой выбор несет ответственность. Образование в своей гуманистической направленности обеспечивает важнейшую разновидность индивидуальной свободы – свободу мысли.

Система образования должна максимально способствовать решению главной задачи – расширенному воспроизводству социокультурного бытия, посредством которого осуществляется передача культурного наследия (материальных и культурных ценностей, знаний, умений) от одного поколения к другому. Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые, основываясь на антропоцентрических идеях, рассматривают институт образования, прежде всего, как феномен культуры, позволяющий человеку в процессе социализации, инкультурации не только реализовывать свои природные задатки и возможности, но и, подключаясь к новым массивам информации, адекватно адаптироваться к противоречивым условиям бытия. Тесное взаимодействие культуры и

образования в процессе развития человека есть одно из важнейших условий его целостности, гуманитаризации.

В гуманистической направленности образования целевая установка состоит в том, чтобы не сформировать, а найти, поддержать и развить человека в человеке и заложить в нем механизмы самореализации, саморазвития, саморегуляции, необходимые для его свободной гражданской и профессиональной ориентации и способности развернуть свой внутренний духовный потенциал.

Литература

1. Амоношвили Ш.А. Личностно-гуманистическая основа педагогического процесса. – Минск: Изд-во Минск. ун-та, 1990. 560 с.
2. Принцип гуманизма – основа народной педагогики в 2-х ч. Казань: Изд-во КГПУ, 1996. Ч. 1. 187 с. Ч. 2. 155 с.
3. Волович Л.А. Гуманизация профессиональной подготовки специалиста нового поколения. Профессиональное образование. Казань. 1995. № 1.
4. Зайцев С.Б. Ценности и ценностные ориентиры российского студенчества в условиях трансформации общественных отношений. В кн.: Актуальные проблемы образования. Под. Ред. Харчевой В.Г. М.: Academia, 2009.
5. Крылова Н.Б. Социокультурный контекст образования. В кн.: Новые ценности образования. М., 1995. С. 69.

ИННОВАТОР – ЦЕЛЕВАЯ МОДЕЛЬ ВЫПУСКНИКА ВЕДУЩЕГО УНИВЕРСИТЕТА INNOVATOR – TARGET MODEL OF THE GRADUATE OF A LEADING UNIVERSITY

А.О. Грудзинский, А.Б. Бедный
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
A.O. Grudzinsky, A.B. Bedny
Nizhny Novgorod state University to them. N.I. Lobachevsky

Сформулирована целевая компетентностная модель выпускника ведущего университета, отвечающая потребностям современного общества знаний. Вводится понятие «инноватора» как специалиста-творца, обладающего качествами предпринимателя. Утверждается, что цель высшего образования на современном этапе – дать студенту в дополнение к освоению знаний возможность развить в себе творческие способности и предпринимательские качества.

The target competence-based model of a graduate of leading university reflecting the needs of the modern knowledge society is suggested. The concept of Innovator as a creative specialist with entrepreneurial skills is introduced. The important role of

Higher Education at the current stage of global economy development is seen in providing students with an opportunity to develop creative and entrepreneurial competences and skills.

Ключевые слова: глобальная экономика знаний, конкурентоспособность, компетентностная модель выпускника, треугольник знаний, инноватор, тетраэдр знаний.

Keywords: global knowledge economy, competitiveness, competence-based model of a graduate, knowledge triangle, innovator, knowledge tetrahedron.

Новый этап мирового социально-экономического развития, сформировавшийся на рубеже XX и XXI веков, связан с развитием глобальной экономики знаний и характеризуется постоянным возрастанием значения глобальных процессов и международной конкурентоспособности. Способность производить и использовать знания становится важнейшим фактором развития, ключевым конкурентным преимуществом как отдельных организаций, так и целых государств. Экономика, основанная на знаниях, опирается в большей степени на использование идей, чем физических ресурсов, и на внедрение высоких технологий, а не на обработку сырья и эксплуатацию дешевой рабочей силы. Знания производятся и используются обществом по-новому.

Формирование новой глобальной социально-экономической парадигмы толкает высшие учебные заведения по всему миру к поиску возможностей соответствовать новому типу экономики, в которой знания превращаются в важнейший источник развития. Правительства ведущих государств активно подталкивают их к этому. В Инновационной повестке Европейского Союза знания рассматриваются в качестве нового стратегического фактора производства [1]. Производству, трансферу и практическому приложению знаний ведущими университетами отводится первостепенная роль в процессах экономической переориентации и дальнейшего социального и экономического развития. В США исследовательские университеты также рассматриваются в качестве национальных лидеров на пути выхода из экономического кризиса. Те, кто их финансирует, так же, как и общество в целом, ожидают от них эффективного лидерства в инновационном развитии [2]. В Государственной программе Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013-2020 годы в качестве государственного приоритета обозначено: «Формирование конкурентоспособной в глобальном масштабе национальной инновационной системы, включающей в себя в качестве одного из основных элементов интегрированную с высшим образованием си-

стему научных исследований и разработок, гибко реагирующую на запросы со стороны экономики, а также инжиниринговый бизнес, инновационную инфраструктуру, институты рынка интеллектуальной собственности, механизмы стимулирования инноваций и др.» [3].

Глобальная экономика знаний изменяет потребности международного рынка труда. Она предъявляет новые требования к гражданам, включающие новые знания и компетенции для их повседневной жизни в обществе знаний. Что же могут предложить университеты для развития экономики знаний? Каково то уникальное конкурентное преимущество вузов, которое позволит им сохранить за собой роль двигателей социально-экономического развития в новом глобальном контексте? На наш взгляд, это преимущество состоит в реализации исторической функции университетов – производстве человеческого капитала, но человеческого капитала принципиально нового качества. Международная практика показывает, что крупные транснациональные компании рассматривают свое сотрудничество с ведущими университетами мира, в первую очередь, как средство подбора талантливых студентов и взращивания своих будущих сотрудников, которые должны являться высокообразованными эффективными профессионалами-инноваторами [4]. В последнее время запрос на наличие подготовки в области инновационного предпринимательства все чаще формулируются и российской промышленностью. Университеты должны дать экономике знаний главный ресурс её развития – высококвалифицированных специалистов-творцов, обученных инновационной предпринимательской деятельности, или, иными словами, инноваторов [5].

Важно отметить, что говоря об инноваторах, мы подразумеваем людей, глубоко разбирающихся в той или иной области знаний (являющихся их основной образовательной специализацией), но при этом обладающих набором предпринимательских навыков и компетенций, являющимися ключевыми для успеха специалиста на рынке труда глобальной экономики знаний.

Предпринимательство как категория социального поведения является основой развития инновационной экономики. Еще Йозеф Шумпетер определил предпринимателя как человека, пытающегося превратить новую идею или изобретение в инновацию. В своей работе [6] он отмечал: "Чтобы действовать уверенно за пределами привычных вех и преодолевать это сопротивление, необходимы особые способности, которые присущи лишь небольшой части населения, и именно эти способности определяют как предпринимательский тип, так и предприниматель-

скую функцию". Исторически предпринимательство рассматривалось как один из основных ресурсов экономики наряду с природными ресурсами, временем, знанием и др. Значение этого ресурса стало очевидным в настоящее время, когда наблюдается феноменально быстрый взлет компаний информационных технологий, для создания которых нужны только знания и предпринимательские навыки. При этом знание, очень часто, является общедоступным и не содержит know-how, а решающим фактором успешного развития компаний становятся предпринимательские качества их создателей (для примера можно назвать социальную сеть Facebook, владелец которой в 23 года стал самым молодым миллиардером планеты).

Создание влиятельной инновационной разработки требует наличия предпринимательского склада ума, который помогает видеть большие проблемы как большие возможности. Предпринимательский подход является необходимым ингредиентом инновационного процесса, особым механизмом решения проблем, а также эффективным дополнением к основным методам фундаментального гуманитарного и естественнонаучного знания. Предпринимательство не должно рассматриваться исключительно как чистая коммерциализация или менеджмент. Фундаментальное предпринимательское мышление и сопутствующие ему техники не зависят от того, в чем заключаются ваши интересы и мечты [7].

Традиционно в общественном сознании инновационное предпринимательство ассоциируется с естественными и техническими науками, в то время как гуманитарные и общественные науки считаются отдаленными от инновационного «мэйнстрима». Для дальнейшего эффективно-го развития как гуманитарного знания, так и инновационной деятельности, важно работать над преодолением этой, во многом психологически обоснованной дистанции.

Компетенции и навыки в области инновационного предпринимательства в условиях глобальной экономики знаний необходимы как представителям естественных и инженерных наук, так и гуманитариям и обществоведам. Эти компетенции и навыки становятся общепрофессиональными, необходимыми для большинства профессий, связанных с интеллектуальным трудом. Более того, само успешное развитие инновационного предпринимательства невозможно без участия гуманитарного и общественного знания. По сути, предпринимательство является экономической «ветвью» и практическим воплощением гуманитарного знания [8]. Последнее обеспечивает предпринимателя возможностями эффективного взаимодействия с социумом и выражения собственной

идентичности через воздействие на широкий социальный контекст. Предпринимательское знание, аналогично гуманитарному, включает изучение текущей ситуации и оценку возможностей ее совершенствования, влияя, таким образом, на будущее общества.

Можно ли научить предпринимательству? Ответ на этот вопрос (впрочем, как и на близкий, по существу, вопрос о том, можно ли научить лидерству) претерпел за последние десятилетия существенные изменения. Это был длинный путь от восприятия лидерских и предпринимательских качеств как «божьего дара» к пониманию того, что это вполне развиваемые свойства человеческого характера. Сегодня выпускники ведущих мировых вузов должны не только быть профессионалами в своей отрасли знаний, но также быть способными выявлять возможности, понимать действие рыночных сил, уметь осуществлять коммерциализацию новых продуктов, а также обладать лидерскими и коммуникационными навыками, столь необходимыми для эффективного отстаивания собственных идей. Наличие у специалистов предпринимательских знаний и навыков в условиях глобальной инновационной экономики стали важнейшими факторами успеха на рынке труда. В свою очередь, ведущими университетами уделяется все большее внимание массовой подготовке студентов в области инновационного предпринимательства, что обусловлено пониманием высокой значимости предпринимательского мышления в эффективном решении крупных социально-экономических задач. Сочетание глубины знаний по основной специализации с творческими навыками и предпринимательскими компетенциями формируют портрет инноватора – выпускника современного инновационного университета.

Литература

1. Van Vaught, F. (2009), The EU Innovation Agenda: Challenges for European Higher Education and Research, Higher Education Management and Policy, Vol. 21/2.
2. Thorp, H., Goldstein, B. (2010) Engines of Innovation: The Entrepreneurial University in the Twenty-First Century. The University of North Carolina Press. Chapel Hill.
3. Проект государственной Программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 годы
4. Global Companies Want Universities to Help Scoop Up Student Talent // The Chronicle of Higher Education. July 8, 2011. URL: <http://chronicle.com/blogs/worldwise/global-companies-want-universities-to-help-scoop-up-student-talent/28448>.

5. Грудзинский А.О., Бедный А.Б. Концепция конкурентоспособного университета: модель тетраэдра // Высшее образование в России, № 12, 2012.
6. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Пер. с англ. М., 2008.
7. Thorp H., Goldstein, B. (2010) Engines of Innovation: The Entrepreneurial University in the Twenty-First Century. The University of North Carolina Press. Chapel Hill. P. 6.
8. Edelstein D. (2009) How Is Innovation Taught? On the Humanities and the Knowledge Economy// Liberal Education, Vol. 96, No. 1.

**СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ
ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩЕГОСЯ ЧЕРЕЗ РЕАЛИЗАЦИЮ
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ**
**SOCIALIZATION AND INDIVIDUAL STUDENT CIVIL
FORMATION THROUGH IMPLEMENTATION
OF SOCIO-SOCIO- EDUCATIONAL PROJECTS**

А.В. Евсеева

МБОУ СОШ №15 г. Арзамаса

Е.А. Жесткова

Арзамасский филиал Нижегородского госуниверситета

A.V. Evsseyeva

Arzamas School № 15

E.A. Zhestkova

Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University

Представлены социально-педагогические проекты.
The article presents the social and educational projects.

Ключевые слова: социальные условия школы, образовательная практика, модель, образовательные потребности, проект

Keywords: social context of school, educational practice, model, educational needs, project

Проблема активного творческого поиска получения и восприятия знаний и умений их практического применения в жизни, мотивация на компетентность, самостоятельность выбора видов деятельности, эстетических, духовно-нравственных ориентиров требует введения новых моделей педагогического воздействия, в их основе лежит развитие познавательных интересов и навыков учащихся, выработка стремлений само-

стоятельно участвовать в множественности видов творческой деятельности.

В МБОУ СОШ №15 г. Арзамаса с 2012 года совместно с АГПИ им. А.П. Гайдара (ныне – Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского) реализуется программа инновационного развития «Модель педагогических условий социализации и самореализации обучающихся с разными образовательными возможностями на основе множественности видов деятельности» («Осознанный выбор»). Инновационные изменения, предусмотренные программой, направлены на социализацию учащихся через освоение «множественности видов деятельности, обеспечивающих интеллектуальное и творческое развитие личности», и требуют включенности в процесс образования (обучения и воспитания) всех субъектов социального заказа, на удовлетворение потребностей которого ориентирована школа. В основе программы реализация следующих проектов: «Школьный инспектор», «Я – арзамасец».

Цель проекта «Школьный инспектор»: подготовить учащихся к принятию ответственных, жизненно важных решений, профилактика асоциального поведения и формирование правовой грамотности учащихся, родителей и педагогов.

Задачи проекта:

1. Направить активность подростков и старших школьников на социально и общественно полезные дела и, как следствие, *снижение асоциальной активности*
2. Формировать у подростков и старших школьников представление о структуре современного общества и механизмов самореализации.
3. Научить сделать собственный осознанный выбор («Я учусь выбирать») нравственных ориентиров.
4. Создать систему оперативного информирования родителей и педагогического коллектива о случаях асоциального поведения, нарушения Устава школы.
5. Укрепить сознательную дисциплину, осознать учащимися нормы, принятые в школе и исполнить их.
6. Оборудовать правовой уголок, содержащий информацию о том, кому и как следует обратиться за помощью в сложной жизненной ситуации.

Направление деятельности: предупреждение правонарушений среди учащихся, асоциального поведения, конфликтных ситуаций в школе и семье; воспитание правовой грамотности учащихся, учителей, пропа-

ганда ЗОЖ; поддержка учащихся, переживающих трудную жизненную ситуацию.

Принципы взаимодействия школьного инспектора, учащихся, педагогов и родителей: сотрудничества, доверия; взаимопонимания, взаимоуважения; доброжелательности и тактичности; объективности, правдивости.

Формы и методы деятельности: не ограничивать свободу ребенка на общение со сверстниками, не навязывать своего мнения; не применять методов физического или психического насилия; признавать право учащихся на ошибку, тайну; способствовать реализации права учащихся на образование; формировать толерантность и терпимость в отношениях учащихся.

Из намеченных мероприятий:

= Разработка межведомственного Положения о школьном инспекторе;

= Оборудование кабинета школьного инспектора; = Проведение консультаций для учащихся, родителей, педагогов; = Участие в работе общего собрания, педагогического совета.

Ожидаемые результаты проекта:

1. Сформированность у каждого учащегося равных, но разнообразных возможностей для обеспечения правовой грамотности и компетентности.

2. Исключение антипедагогических конфликтных ситуаций, психологического давления на учащихся.

3. Укрепление дисциплины и порядка, изменение внешнего вида.

4. Развитие сотрудничества с родителями и социумом по правовым вопросам.

5. Снижение уровня тревожности учащихся, изменение стиля семейных взаимоотношений.

6. Снижение уровня правонарушений, исключение случаев стойкого уклонения от учебы.

7. Формирование и развитие организации навыков собственной деятельности.

8. Система взаимодействий с социумом и внутри школьного сообщества.

Данный проект долгосрочный, его дальнейшее развитие будет направлено на развитие сотрудничества школы с учреждениями дополнительного образования, укрепление внешних связей.

На следующем этапе развития проекта планируется уделить особое внимание формированию таких видов деятельности, которые помогут подросткам реализовать творческий потенциал. В перспективе проект «Школьный инспектор» сможет создать вокруг себя множество развивающихся подростковых пространств с разными направлениями.

Считаем, что эта работа поможет решить многие проблемы, связанные с подростковой преступностью, алкоголизмом и другими асоциальными явлениями.

Важнейшая задача современной школы – помочь ребенку почувствовать себя жителем города, причастным к его духовной культуре и ее сохранению и развитию.

Взаимодействие ребенка с родным городом должно быть организовано так, чтобы оно определяло его представление о мире, характер мышления и стиле поведения цивилизованного человека. Знания о родном городе помогут сформировать у подростков духовно-нравственные качества, определить собственный выбор.

Цель проекта «Я-арзамасец»: воспитание любви к родному городу, уважение к его историческому прошлому, настоящему и будущему, формирование чувства сопричастности ко всему, что происходит в родном городе.

Для достижения поставленной цели в ходе реализации проекта открыт школьный краеведческий музей народного быта, в сборе экспозиций которых активно участвовали дети.

Задачи проекта:

1. Формировать патриотические чувства, любовь к малой родине, гордости за ее славную историю.
2. Обогащать эмоциональный мир учащихся.
3. Оборудовать музей народного быта.
4. Развить творческие способности учащихся.
5. Воспитать чувство ответственности за будущее родного города.

Из плана мероприятий:

= Путешествие по карте Арзамаса; = Пешеходные экскурсии «Первые шаги по городу»; = Арзамас в легендах и сказаниях; = Сочинение «Каким я вижу свой город»; = Творческий диалог «История семьи в истории города» (генеалогическое дерево); = Этническое исследование «Арзамасцы – кто они?»; = Архитектура храмов Арзамаса; = История улиц Арзамаса; = Выпуск иллюстрированного журнала «Улицы и площади Арзамаса»; = Конкурс сочинений-исследований «Жизнь замечательных людей в нашем городе»; = Издание сборника стихов юных по-

этов «Мой Арзамас» с иллюстрациями учащихся; = Вузы Арзамаса. Традиции учебных заведений Арзамаса; = «Содружество школы и науки». Участие в заседании школьного научного общества.

Ожидаемые результаты: формирование активной жизненной позиции человека-гражданина своего отечества, формирование чувства сопричастности с историческим прошлым края, Родины, культурным наследием народа; формирование культуры общения и коммуникативных навыков детей; развитие активности и самостоятельности, потребности в приобщении к интеллектуальной деятельности, творчеству.

На следующем этапе развития проекта планируется уделить особое внимание гармоничной взаимосвязи между учебной и внеучебной деятельностью. Работа будет направлена на совершенствование деятельности творческих мастерских, объединений, на сплочение детского и родительского коллективов, что особенно важно в ситуации дефицита семейного общения.

**МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ
И САМОРЕАЛИЗАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ С РАЗНЫМИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ**
**MODEL OF PEDAGOGICAL CONDITIONS OF SOCIALIZATION
AND SELF-LEARNERS WITH DIFFERENT EDUCATIONAL
OPPORTUNITIES**

Е.А. Жесткова
Арзамасский филиал Нижегородского госуниверситета
E.A. Zhestkova
Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University

Представлена модель педагогических условий социализации и самореализации обучающихся с разными образовательными возможностями.

The article presents a model of pedagogical conditions of socialization and self-learners with different educational opportunities.

Ключевые слова: социальные условия школы, образовательная практика, модель, образовательные потребности, качество образования.

Keywords: social context of school, educational practice, model, educational needs, the quality of education.

В стремительно изменившихся социальных условиях, чтобы школа была востребована и могла предложить детям и родителям простран-

ство благополучия и успеха, необходимо создать условия для более осознанного и качественного самоопределения обучающихся, адаптировать систему образования к рынку труда, формировать у ребят способность нести личную ответственность за собственное благополучие и благополучие общества, социальную мобильность. Определилась потребность изменить традиционную образовательную практику, направить ее на защиту детей от социально неблагополучных обстоятельств, помочь им обрести качества личности, необходимые для дальнейшего самоопределения. Отсюда следует необходимость создания модели педагогических условий интеллектуального и творческого развития обучающихся с разными образовательными потребностями, развивать доступную среду для детей-инвалидов и обучающихся с ограниченными возможностями здоровья.

В МБОУ СОШ №15 г. Арзамаса с 2012 года совместно с АГПИ им. А.П. Гайдара (ныне – Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского) реализуется программа инновационного развития «Модель педагогических условий социализации и самореализации обучающихся с разными образовательными возможностями на основе множественности видов деятельности» («Осознанный выбор»). В ее основе идеалы демократической педагогики, идеи «развивающего школьного обучения», которое невозможно без «обращения к запросам жизни» И.Г. Песталотци, «первого народного учителя» (К.Д. Ушинский), считавшего исходной основой для формирования нравственных отношений ребенка с другими людьми и обществом (социумом) любовь к матери, семейное воспитание.

«Завтрашняя радость» (по А.С. Макаренко) не рождается сама по себе, а является результатом системного компетентного подхода (П.Ф. Каптерев) и охватывает все школьное сообщество: обучающихся, родителей, педагогический коллектив, администрацию школы.

Инновационные изменения, предусмотренные программой, направлены на социализацию учащихся через освоение «множественности видов деятельности, обеспечивающих интеллектуальное и творческое развитие личности» и требуют включенности в процесс образования (обучения и воспитания) всех субъектов социального заказа, на удовлетворение потребностей которого ориентирована школа. В основе программы – реализация следующих проектов: «Школьный инспектор» (цель: подготовить обучающихся к принятию ответственных жизненно важных решений, профилактика асоциального поведения, формирование устойчивости нравственной позиции, правовой компетентности обучающихся и родителей; научить объективно

оценивать себя в развивающемся мире); «Я – арзамасец» (цель: помочь обучающемуся почувствовать себя жителем города, причастным к его духовной культуре, к ее сохранению и развитию, содействие социальной адаптации и формированию образа малой родины); «Все лето вместе» (цель: объединить усилия учителей, родителей и обучающихся с разными образовательными потребностями на основе коллективных творческих дел, укрепить физическое здоровье, сформировать эмоционально-психологическую устойчивость).

Данные проекты определяют методологические, организационные основы деятельности педагогического коллектива МБОУ СОШ № 15 по реализации развития условий для интеллектуального и творческого роста обучающихся с разными образовательными потребностями: развитие личностной компетентности обучающихся, их готовности к непрерывному самосовершенствованию; воспитание терпимости к чужому мнению, умение находить оптимальные компромиссы; расширение на основе множественности видов деятельности системы дополнительного образования; создание системы оперативного информирования родителей о результатах образовательной деятельности с учетом возможностей информационной среды.

К числу условий достижения указанных целей следует отнести: разгрузку учебного материала, соответствие учебного плана возрастным психолого-педагогическим особенностям обучающихся; вариативность и личностную направленность программ, возможность профильного обучения в средней школе; развивающую направленность учебного материала, формирование умений действовать по образцу и в нестандартных ситуациях; нормативную возможность предоставить для развития «природных сил» множественность видов деятельности.

Инновационный процесс способствует демократизации школьной жизни, развитию форм ученического самоуправления, активизации работы Совета школы, расширению доступа к источникам учебной информации через Интернет.

В качестве главного результата программы мы рассматриваем готовность и способность выпускников нести личную ответственность как за собственную успешную жизнедеятельность, так и за благополучие, устойчивое развитие общества.

Выполнение программы – серьезный толчок к новым поискам, обобщениям, находкам педагогического коллектива. Ведущие подходы к проектированию образовательной деятельности: инновационный; деятельностный; дифференцированный; индивидуальный; компетентностный.

Развитию индивидуальности обучающихся, стимулированию творческой активности способствуют формы обучения, в которых учащиеся имеют возможность выбора содержания, видов деятельности и форм отчетности: технология «учебных циклов»; технология внутриклассной дифференциации; модульная интегральная технология; новые речевые технологии (лингвопоэтика, синектика); технология критического мышления; технология интенсификации обучения на основе схемных и знаковых моделей; учебно-исследовательская деятельность обучающегося; коррекционно-консультативная работа с обучающимися с ограниченными возможностями здоровья VII вида с ЗПР; игровые формы обучения; проектный метод; технология КДГ; технология педагогической поддержки; технология педагогики успеха; технология саморазвития личности ребенка. С 2011 года реализуется программа дистанционного обучения. Для этого созданы необходимые кадровые, методические и ИКТ-ресурсы.

Программа направлена на то, чтобы обеспечить обучающимся педагогические условия для формирования самостоятельности, активности, мобильности, оперативности знаний; помочь каждому ребенку сделать осознанный выбор, реализовать идею «завтрашней радости». Для этого необходимо изменить традиционную образовательную практику, направить ее на развитие с учетом культуры родного города; отработать модель педагогических условий развития интеллектуальных и творческих способностей обучающихся на основе «развивающего школьного обучения» (И.Г. Песталоцци); сформировать у обучающегося конструктивные способы познания мира, мотивировать каждого на получение конкурентноспособного образования на основе «осознанного выбора»; обеспечить качественное улучшение, поведение обучающихся, профилактику правонарушений, развитие правовой грамотности обучающихся и родителей; продолжить эффективную организацию спортивно-массовой работы, добиваться новых успехов по мини-футболу среди девочек на региональных, республиканских, международных соревнованиях; разработать положение о моральном и материальном поощрении педагогов, обучающихся, родителей и представителей социума.

На наш взгляд, обучающиеся в «Школе осознанного выбора» должны не просто учиться и воспитываться, а жить полной, эмоционально насыщенной жизнью, в которой они могут реализовать свои природные, социальные и духовные потребности и подготовить себя к самостоятельной жизни, гражданскому и человеческому выбору своего места в жизни, приносящему счастье себе, добро и пользу семье и обществу в целом.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕМЬИ И ДОШКОЛЬНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КАК ФАКТОР
УСПЕШНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА**
INTERACTION OF FAMILY AND PRESCHOOL EDUCATIONAL
INSTITUTIONS AS A FACTOR OF SUCCESSFUL SOCIALIZATION
OF THE CHILDS PERSONALITY

Е.А. Жесткова
Арзамасский филиал Нижегородского госуниверситета
С.А. Чиковкина
МБДОУ Детский сад № 30 г. Арзамаса
Е.А. Zhestkova
Arzamas Branch of Nizhny Novgorod State University
S.A. Chikovkina
Arzamas Kindergarten 30

Рассмотрен вопрос взаимодействия семьи и дошкольного образовательного учреждения в целях социализации личности ребенка.

The article deals with the interaction of family and preschool educational institution for the socialization of the child.

Ключевые слова: социальные условия, социокультурные связи, формирование личности, качество образования.

Keywords: social context, socio-cultural context, personality development, the quality of education.

Ключевой вопрос модернизации образования – повышение его качества. В документах, определяющих развитие системы образования в Российской Федерации, отмечается потребность усиления внимания государства и общества к такой важной подсистеме, как дошкольное образование.

В настоящее время основой обеспечения качества дошкольного образования могут служить: взаимодействие участников образовательного процесса, которое выступает основным компонентом внутренней среды дошкольного образовательного учреждения, социальное партнерство в форме разноплановых социокультурных связей ДОУ.

Характер взаимодействия зависит от личностных и профессиональных качеств педагогических работников, индивидуальных и возрастных особенностей детей, педагогической культуры родителей.

Семья – это среда жизни и развития ребенка, качество которой определяется несколькими параметрами. Влияние семьи на формирование личности ребенка зависит от следующих факторов: социально-культурного, который определяется образовательным уровнем родителей и их ценностными установками; социально-экономического, определяющегося имущественными характеристиками семьи; бытового, определяющегося условиями проживания, особенностями образа жизни семьи.

В любой семье человек проходит своеобразную социализацию, характер и результаты которой определяются ее объективными характеристиками (составом, уровнем образования, социальным статусом, материальными условиями и пр.), ценностными установками (просоциальными, асоциальными, антисоциальными), стилем жизни и взаимоотношений членов семьи.

В МБДОУ Детский сад № 30 г. Арзамаса Нижегородской области особую проблему составляет создание модели благополучной молодой семьи, поскольку большинство семей наших воспитанников – это именно молодые семьи. Под благополучной молодой семьей понимается семья, которая осуществляет свою жизнедеятельность в зарегистрированном браке; ориентирована на рождение двух или более детей или имеет их; занимается воспитанием и развитием своих детей на основе взаимодействия пространств семейного и общественного образования; в состоянии самостоятельно решать свои проблемы и в полной мере выполняет социальные функции на основе реализации своего внутреннего потенциала с использованием мер государственной поддержки; обладает способностью к самореализации, саморазвитию.

В ДОУ особое место в системе развития семейного воспитания уделяется пропаганде семейных ценностей, формированию основ педагогической культуры, обеспечению преемственности поколений в семье; развитию форм общественного объединения молодых семей и повышению их социальной активности, развитию самопомощи и взаимопомощи в решении проблем молодой семьи.

Задача дошкольного образовательного учреждения – помочь воспитаннику определить свое поведение в семье. При этом детский сад не может вторгаться в семейные дела своих воспитанников, он выступает в качестве партнёра, обладающего определенными возможностями для поддержки семей.

Основными направлениями взаимодействия ДОУ в работе с семьей могут стать индивидуализация образовательно-воспитательного процесса с учетом потребностей семьи; адаптационная поддержка семьи при поступ-

лении ребёнка в детский сад; включение в образовательные программы тем, затрагивающих семейные отношения; диагностика психологических и физиологических особенностей ребёнка и информирование о них родителей; психологическая поддержка ребёнка в сложных семейных ситуациях; профилактика тревожных состояний ребёнка, стрессов и кризисов возрастного развития; просвещение родителей по вопросам физического и психологического развития дошкольников; обмен опытом по использованию эффективных методов воспитания ребенка в семье.

В качестве критериев организации оптимальной стратегии взаимодействия педагогов с семьёй мы выделили следующие: учет социального запроса (интересов, нужд, потребностей) родителей по различным проблемам; взаимодействие с родителями, осуществляемое на позициях сотрудничества и диалога; использование форм работы с семьёй, повышающих активность родителей; выявление, обобщение, распространение передового педагогического опыта взаимодействия с семьёй, передового опыта семейного воспитания.

Знания, полученные родителями, востребованы в реальных педагогических ситуациях и открывают им возможность активного, квалифицированного, ответственного, свободного участия в воспитательных программах и мероприятиях.

Родители воспитанников ДОУ стали активными участниками социально-педагогического проекта «Моя родословная», позволившего каждому ребенку узнать историю своей семьи, определить роль семьи в истории страны и родного города, всмотреться в глубину собственной души, чтобы найти в ней нравственные качества, характерные для их рода.

В системе повышения педагогической культуры родителей используются различные формы работы: родительское собрание, родительская конференция, организационно-деятельностные и психологические игры-тренинги, собрание-диспут, родительский лекторий, семейная гостиная, встреча за круглым столом, вечер вопросов и ответов. В фойе ДОУ оформлен информационный стенд для родителей, материалы которого также направлены на повышение педагогической культуры родителей и организацию взаимного сотрудничества с образовательным учреждением.

Таким образом, устанавливая взаимоотношения с семьёй, дошкольное образовательное учреждение создает условия для полноценного процесса социализации дошкольника.

**ТЕХНОЛОГИЯ УЧЕТА И РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО
СТИЛЯ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНИКА КАК
СРЕДСТВО ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ
TECHNOLOGY OF THE ACCOUNT AND DEVELOPMENT
OF INDIVIDUAL STYLE OF EDUCATIONAL ACTIVITY
OF THE PUPIL AS MEANS OF THE INDIVIDUALIZATION
OF PROCESS OF TRAINING**

Е.С. Иванцова, Т.В. Наумова

*Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского,
Арзамасский филиал*

*E.S. Ivantsova, T.V. Naumova
The Nizhny Novgorod state university of a name
of N.I. Lobachevsky, Arzamas branch*

Раскрываются особенности Технологии учета и развития индивидуального стиля учебной деятельности ученика, предлагается алгоритм деятельности учителя по планированию и организации индивидуальных программ развития ученика средствами учебного предмета.

In article features of Technology of the account and development of individual style of educational activity of the pupil reveal, the algorithm of activity of the teacher of planning and the organization of individual programs of development of the pupil is offered by means of a subject.

Ключевые слова: Технологии учета и развития индивидуального стиля учебной деятельности, индивидуализация процесса обучения.

Keywords: Technologies of the account and development of individual style of educational activity, individualization of process of training.

Индивидуализация процесса обучения – важнейшее условие повышения качества образования, обозначенное в Национальной доктрине образования РФ. Существует целый ряд способов индивидуализации процесса обучения, один из эффективных и перспективных, созвучный идеям национальной образовательной инициативы «Наша новая школа», – индивидуализация процесса обучения на основе Технологии учета и развития индивидуального стиля учебной деятельности ученика (ИСУД).

Автор технологии – Галеева Н.Л., к.биол.н., доцент кафедры управления образовательными системами МПГУ. Апробация технологии проходила в 1998-2002 г.г. в ГОУ СОШ № 196 г. Москвы. В 2001–

2006 г. в ГОУ СОШ №№ 1178, 1272, 1054 г. Москвы, участвовавших в деятельности Государственной экспериментальной площадки (ГЭП) «Методологическая и управленческая культура учителя как фактор повышения качества образовательного процесса», технология ИСУД была доработана с позиций компетентностного подхода.

В данной технологии «структура учебного успеха ученика» раскрывается через проектирование матрицы параметров индивидуального стиля учебной деятельности (ИСУД) учащегося, состоящей из 10 параметров (таблица 1):

Таблица 1

Ресурсы учебного успеха ученика

Ресурс учебного успеха	Параметры ИСУД	Единица или система измерения
«знаю» объем и качество знаний	обученность	оценка по предмету
«умею» предметные и общеучебные навыки	организационные навыки коммуникативные навыки информационные навыки мыслительные навыки	0 (недопустимый уровень) 1 (недостаточный уровень) 2 (оптимальный уровень)
«могу» психофизиологические механизмы, поддерживающие познавательные процессы	внимание	0 (недопустимый уровень) 1 (недостаточный уровень) 2 (оптимальный уровень)
	память	
	модальность	А (ауд.), В (виз.), К (кин.)
	доминирование полушарий мозга	Л (лев.), П (прав.), Р (равн.)
«хочу»	уровень развития мотивационно-потребностной и эмоционально-волевой сферы	Социально-духовный Социальный Познавательный Базовый, эмоциональный

Практический опыт учителей, апробирующих технологию ИСУД, показал, что проектируя матрицу учебного успеха для ученика доста-

точно оценивать внимание по четырем параметрам: объему, распределению, концентрации и устойчивости. Эти свойства необходимо и достаточно характеризуют внимание ученика для целенаправленной деятельности учителя, и именно эти свойства внимания чаще всего нарушаются при дефиците внимания и гиперактивности, а также как следствие при стрессовых состояниях или при переутомлении учащихся. При диагностике свойств памяти необходимо выделить словесно-логическую, наглядно-образную и эмоциональную память. Эти свойства памяти во многом определяют для ученика комфортные способы запоминания учебного материала, а для учителя – еще одно основание для отбора учебных приемов для работы конкретного ученика или группы учеников. Такую же дидактическую роль – основы для выбора тех или иных форм учебной работы для индивидуализации или дифференциации учебного процесса – играют еще два параметра ИСУД: модальность и доминирование полушарий головного мозга. Под модальностью понимается преимущественное использование одного из каналов приёма и переработки информации. В первом приближении, говоря о модальности мы будем иметь в виду именно предпочитаемый учеником канал приёма информации: визуальный, аудиальный или кинестетический. Учителю необходимо знать и такую психофизиологическую характеристику своего ученика, как наличие выраженной функциональной асимметрии полушарий мозга.

Несмотря на то, что определение особенностей индивидуального стиля учебной деятельности ученика, несомненно, важная составляющая арсенала средств учителя, однако, одна эта информация, не подкрепленная достаточным количеством разнообразного дидактического материала, не способна обеспечить развивающий потенциал образовательной среды и оптимальный уровень дифференциации и индивидуализации учебного процесса. Даже если учитель знает, на какие параметры ИСУД у данного ученика он может опираться и какие из них надо развивать, это еще не будет ответом на вопрос: «Как и с помощью каких учебных приёмов это делать?» Для того, чтобы научиться целенаправленно выбирать или проектировать приемы, необходимые для учебного успеха и развития конкретного ученика, охарактеризованного по матрице ИСУД, необходимо научиться выявлять и зримо представлять «дидактический потенциал» каждого задания по тем же параметрам, по которым мы характеризуем ученика. Если учитель-предметник, характеризуя по параметрам матрицы ИСУД тот или иной учебный прием или задание, отметит те параметры ИСУД, которые должны быть

хорошо развиты у ученика, чтобы успешно его выполнить, он получит картотеку заданий, систематизированных по тем же основаниям, что и учебный успех ученика. Сопоставляя «профиль» индивидуального стиля учебной деятельности ученика с набором заданий, охарактеризованных по тем же основаниям, что и ученик, мы получаем алгоритм подбора учебных приемов для каждого ученика как для осуществления ситуаций учебного успеха («как удобно ученику»), так и для целенаправленного создания ситуаций учебных затруднений (для развития «западающих» параметров ИСУД ученика): определить параметры ИСУД данного ученика, заполнить его матрицу учебного успеха, выделить те параметры, которые характеризуются достаточным и оптимальным уровнем развития, опираясь на них, проектировать формы объяснения нового материала и итоговых опросов для данного ученика (создаём ситуацию успеха), выделить те параметры ИСУД ученика, которые обуславливают недостатки в его учебной деятельности, подобрать формы заданий, требующие высокого уровня развития этих параметров, в такой форме давать задания на отработку новых знаний, домашние задания.

Алгоритм деятельности учителя по планированию и организации индивидуальных программ развития ученика средствами учебного предмета: I шаг: в начале учебного года учитель организует проведение контрольно-методических срезов (КМС) для определения актуального уровня обученности, уровня обучаемости на материале своего предмета; II шаг: по результатам анализа КМС педагог выделяет группу учащихся с низким уровнем обучаемости и начинает целенаправленно проводить педагогическую диагностику уровня развития внутренних ресурсов учебного успеха этих ребят (внимания, памяти, общеучебных навыков, мотивации); III шаг: заполненная матрица учебного успеха каждого ученика является основой выбора форм и видов заданий, комфортных для ребенка (в процессе диагностики предметных знаний) и развивающих форм заданий (в процессе этапа отработки и обобщения ЗУН); IV шаг: в феврале-марте учитель снова проводит КМС на определение уровня обучаемости, уровня сформированности мыслительных общеучебных навыков и др., оценивает динамику изменений параметров ИСУД.

Таким образом, технология ИСУД может быть использована в качестве ресурса решения целого ряда педагогических задач, реализуя не только дидактический, но и управленческий потенциал.

**ИМИТАЦИЯ КАЧЕСТВА ЗНАНИЙ У СОВРЕМЕННЫХ
СТУДЕНТОВ: ОТ СПИСЫВАНИЯ К ПЛАГИАТУ**
**PRESENT STUDENTS' SIMULATION OF THE QUALITY
OF KNOWLEDGE: FROM CHEATING TO PLAGIARISM**

И.С. Иванычев

*Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики – Нижний Новгород*

*I.S. Ivanychev
National research university Higher school
of economics – Nizhny Novgorod*

Обсуждается развитие имитации качества образовательных результатов.

In the article is discussed the development of simulation of the educational results' quality.

Ключевые слова: списывание, плагиат, изменение шпаргалок, «Антиплагиат».

Keywords: cheating, plagiarism, change of cribs, «Antiplagiat».

Социологические исследования студенчества затрагивают такие проблемы, как культура здоровья в студенческой среде (Данилина Е.С.), страх в нравственном сознании студентов педвуза (Логонова Е.Г.), одиночество в молодежной студенческой среде (Пьянкова Л.А.), ценностные ориентации студентов, жизненные стратегии современного российского студенчества (Липатова М.Е.), студенчество как особая социальная группа (Лисовский В.Т., Дмитриев А. В.), стиль жизни студенчества (Воробьев Г.Г.) и т.д. Однако новые проблемы – такие как, например, имитация качества знаний у современных студентов – исследованы недостаточно.

Цель данного исследования – описать и проанализировать формы мошеннических стратегий и формы имитации качества образовательных результатов в студенческой среде (шпаргалки и «студенческий плагиат»).

Основные формы имитации качества образовательных результатов для письменных/устных экзаменов, контрольных работ описаны в контексте носителей: предметных (на бумаге, на теле и т.п.) и электронных. Наиболее популярные формы шпаргалок, отношение к списыванию и способы борьбы со «студенческим плагиатом» были изучены нами на

основе 29 слабоструктурированных фокусированных интервью студентов, выпускников и преподавателей вузов.

В процессе исследования было выявлено неоднозначное отношение выпускников к списыванию, которое разделилось на позитивное и негативное. Так, большинство выпускников признались, что списывание – обязательная составляющая студенческой жизни. Мысль о том, что списывание необходимо во время сдачи экзаменов каждому студенту, встречалась в словах каждого третьего интервьюируемого.

«Во время сессии была депрессия (смеётся). Много занимался, забыл про отдых. Писал шпоры, но большие надеялся на себя» (Сергей, факультет экономики).

Основные причины, названные студентами, оказались разнообразными. Среди них лень самих студентов, халатное отношение к учебе, отсутствие времени на подготовку, легкий способ сдачи сложных предметов, сдача экзаменов для «галочки», а не ради получения знаний и т.д.

«Ну, если заканчиваешь универ только ради диплома, – списывай. Хм-мм... Ну, бывают ещё уважительные причины. Болела, например, и выучить не успела» (Аня, факультет менеджмента).

На вопросы о личном опыте списывания студенты и выпускники отвечали с легкостью, без какого-либо чувства вины: подобное встретилося более чем в половине всех ответов.

«Легче всё выучить и не волноваться о том, что не сможешь достать шпаргалку, или тебя заметят с ней. Хотя иногда пишу несколько штук, на всякий случай» (Настя, факультет бизнес-информатики).

«Я скажу свою форму – писать всё на руках: ну, руки уж не отрубят. Так что это – самое эффективное и менее заметное (смеётся)» (Аня, факультет менеджмента).

Относительно вопроса о студенческих шпаргалках, многие ответили, что знают о существовании различных видов их существования: от книжных до электронных.

«Сейчас всё чаще и чаще студенты используют телефон, интернет, которые выступают в роли шпаргалки» (Наташа, факультет менеджмента).

Некоторые выпускники не только описали шпаргалки, но и описали стратегии использования шпаргалок на экзаменах.

«...списывали, иногда было очень сложно, делили задачи, решали каждый свою, потом обменивались листами с решением» (Алексей, факультет бизнес-информатики).

На вопросы о том, влияет ли нарушение авторских прав на успех в учебе и дальнейшую судьбу студентов, многие ответили отрицательно, так как списывание помогает лишь сдать экзамены, а также написать письменные работы – не более.

«Наверное, пренебрежение авторскими правами не оказывает существенного влияния на учебную деятельность, а тем более на дальнейшую судьбу» (Наташа, факультет менеджмента).

Таким образом, с помощью интервьюирования студентов и выпускников прошлых лет выявлено, что списывание существовало, существует и, вероятно, будет существовать в студенческой жизни, что обусловлено устойчивой установкой на «безопасность» и локальную пользу списывания.

Что касается плагиата во время написания курсовой или дипломной работы, более половины опрошенных заявляют, что копирование чужих мыслей является неотъемлемой частью работы.

«Эм-м... Я надеюсь, что нет (смеётся). В принципе, если копировать по частям, то – ничё страшного, развиваешь навыки анализа. А полностью, конечно, не стоит копировать, надо же чему-то в институте вообще учиться. Вообще, самому надо писать, книжки читать (смеётся)» (Сергей, факультет экономики).

Благодаря интервьюированию преподавателей было выяснено, что все преподаватели сталкиваются с плагиатом и списыванием в студенческой среде.

«... попался мне тут один, пришёл на экзамен с наушником... Ну вы знаете, не с обычным, а... (...) микронаушником, куда какой-нибудь человек за стенкой диктовать может что-то. Но что самое интересное, что у меня никак в голове не укладывается: ну списал ты на математике, сдаёшь ты листок с нарезанным, но преподаватель-то не дурак! Задать вопрос "откуда?" И всё ясно станет» (Е.М., преподаватель математики и математического анализа).

Преподаватели убеждены, что шпаргалки значительно изменились, перешли из письменной в электронную форму, что не сыграло положительной роли: считается, что обычная «бумажная» шпаргалка предполагает некоторую подготовку студента к экзамену (возможное запоминание при подготовке шпаргалки), а электронные шпаргалки, подготовленные благодаря механическому копированию не включают память и мышление в подготовку к экзаменам. Однако преподаватели также считают, что и старые образцы шпаргалок ещё не изжили себя.

«Вы знаете, раньше студенты прибегали к таким шпаргалкам-бомбам, это когда у тебя написан весь ответ на вопрос на листке бумаги, и в тот момент, когда преподаватель отвернулся, ты быстро выкладываешь этот лист на стол и выдаешь его за твой ответ. Сейчас же я видела, что студенты прибегали к шпаргалкам на кальке» (Р.А., преподаватель экономической истории).

О системе «Антиплагиат» преподаватели отзываются положительно и с энтузиазмом, хотя не многие видели её в действии либо применяли сами. Они считают, что эта система поможет бороться с мошенничеством студентов при написании важных работ, поможет искоренить плагиат.

«Система хорошая, но несовершенная. Если списан абзац, в котором переставлены слова, то система плагиата не обнаруживает, хотя ясно видно, что человек воспользовался чужой мыслью» (В.Г. преподаватель немецкого языка).

Итак, согласно данному, а также другим аналогичным исследованиям, проведенным в других вузах, с каждым годом увеличиваются возможности списать на экзаменах: появляются новые гаджеты, например, микронаушники и часы-шпаргалки, чем все чаще пользуются современные студенты. Но при этом традиционная шпаргалка по-прежнему пользуется популярностью. Таким образом, плагиат в студенческих работах – явление обычное и распространенное, а процесс обучения в вузе становится также и процессом обучения различным стратегиям имитации качественных знаний.

**ОБРАЗОВАНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ:
ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ**
EDUCATION AND IDEOLOGY: FROM PAST TO FUTURE

А.А. Касьян
*Нижегородский государственный педагогический
университет им. Козьмы Минина*
А.А. Касьян
*Nizhny Novgorod state pedagogical
University. Kozma Minin*

Известный специалист по истории российской и советской науки, автор монографии «Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе», американский ученый Лорен Грэхэм

отмечает: «Взаимоотношения между идеологией и наукой непростые. И их нужно изучать и исследовать очень тщательно» [1]. Иными словами, отношение идеологии и науки – это научная проблема, требующая теоретического рассмотрения и решения. Она имеет много аспектов – общетеоретических и общеисторических, а также исторически-определенных и дисциплинарно-определенных.

Наука – объект развития и функционирования, поэтому один из аспектов данной проблемы – место и роль идеологии в образовательном процессе российского государства. Периоды – дореволюционный (до 1917 года), послереволюционный (1917–1991 годы), современный (после 1991 года). Острота этой проблемы в настоящем обусловлена ее постановкой и решением в прошлом – дореволюционном и постреволюционном.

Основные принципы образования в дореволюционной России сформулировал один из руководящих деятелей российской системы образования первых десятилетий XIX века С.С.Уваров (последовательно: попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, товарищ министра и министр народного просвещения). Эти принципы С.С.Уваров справедливо полагал зависимыми от основополагающих идеологических принципов российской государственности. Таковые он впервые (будучи товарищем министра народного просвещения) сформулировал в «Отчете по обозрению Московского университета», составленном 4 декабря 1832 года: «истинно русские христианские начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества» [2].

С.С.Уваров развертывает содержание этих фундаментальных принципов, имеющих основополагающее значение для общества и государства, в своем докладе императору 19 ноября 1833 года при вступлении в должность министра народного просвещения. Основные идеи этого доклада вошли в Записку «Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843», представленную императору в 1843 году. Речь идет об «основаниях», «началах», которые составляют «отличительный характер России» и, соответственно, имеют определяющее значение для деятельности системы образования.

«Искренно и глубоко привязанный к церкви отцов своих, русский искони взирал на нее как на залог счастья общественного и семейственного. Без любви и веры предков народ как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, ... мало согласится на утрату одного из догматов нашего *православия* *Самодержавие* составляет

главное условие политического существования России. Русский колосс опирается на нем как на краеугольном камне своего величия... Наряду с этими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: *народность*» [3].

Воплощение в жизнь этих принципов осуществлялось по всем направлениям деятельности образовательных учреждений, в том числе в Нижегородском регионе. Педагогический совет Нижегородского учительского института, учрежденного в 1911 году, на своем заседании 3 сентября 1912 года рассмотрел и принял проект Инструкции для воспитанников института. Этот документ был направлен Попечителю Московского учебного округа, утвержден им и тем самым приобрел директивный характер. В Инструкции говорилось: «Воспитанники должны стараться развивать и укреплять в себе христианское настроение строгим исполнением установлений Православной церкви. Они должны: а) в воскресные и праздничные дни посещать церковное богослужение; б) ежегодно исполнять христианский долг исповеди и Св. Причастия; в) присутствовать на общей молитве, совершаемой в учебные дни перед началом классных уроков, а также на всех назначаемых в определенные дни богослужениях в Институте.

Примечание. Об исполнении долга исповеди и Св. Причастия воспитанники обязаны доставлять директору Института установленные удостоверения» [4].

Религиозное начало пронизывало все сферы деятельности системы образования. Так, при распределении учебных предметов по классам Нижегородской гимназии на первом месте стоит «Закон божий православного исповедания» (1 или 2 урока в неделю) [5]. Закон божий был предметом, испытание по которому должен был пройти каждый, поступающий в Учительский институт; эта дисциплина изучалась во все годы учебы в гимназии. Этот предмет выступал аналогом таких дисциплин, как история КПСС или теория научного коммунизма, призванных играть в советское время особую роль в идейно-политическом воспитании юношества.

Религиозная принадлежность выступала необходимой характеристикой отчисленного из гимназии (той или иной) ученика, совершившего какой-либо дисциплинарный проступок: оскорбление действием преподавателя, выстрел в директора гимназии, принадлежность к организации социалистов-революционеров, кража денег, антипатриотичное поведение, неблагопристойное высказывание об особе государя императора и т.д. В соответствующем информационном циркуляре, рассылаемом

попечителем учебного округа, обязательно указывалось вероисповедание соответствующей персоны (римско-католическое, иудейское, православное и т.д.) [6].

Нечто подобное относилось и к деятельности преподавателей. Так, Нижегородский губернатор обращается 24 июля 1873 года к директору Нижегородской гимназии со специальным письмом: «22 сего июля, в день тезоименитства ее императорского величества государыни императрицы, при Божественной литургии и молебствии, совершенных Архирейским служением в Кафедральном Спасо-Преображенском Соборе, замечено мною отсутствие многих из гг. служащих по гражданскому и военному ведомствам, а также по городским и земским учреждениям... Я обращаюсь к В.П. с просьбой сделать безотлагательное распоряжение, чтобы во все торжественные дни ... именно: дни рождения и тезоименитства государя императора и государыни императрицы, день тезоименитства государя наследника, день восшествия на престол и день коронации их императорских величеств ... чиновники, занимающие классные должности во вверенной Вашему превосходительству гимназии, обязательно присутствовали в полной парадной форме при Божественной литургии и молебствии в Кафедральном Соборе» [7]. Письмо напечатано типографским способом; видимо, рассылалось повсеместно, во все учреждения. Только несколько слов, адресованных непосредственно Директору, непосредственно касающихся гимназии, вписаны «от руки». Видимо, явка была недостаточна и характерна для сотрудников многих учреждений.

Особенно ярко единение государственной власти и церкви, в частности, в сфере образования проявилось в связи с событием, которое имело общероссийское значение. Попечитель Московского учебного округа в своем циркуляре начальникам высших, средних мужских и женских учебных заведений, директорам народных училищ указывал: «В предстоящем 1913 году наступает одно из самых знаменательных событий в жизни Российской Империи – трехсотлетие царствования Дома Романовых; неисчислимы заботы и безмерные труды, кои наши венценосцы самоотверженно несли во имя истинного блага своих верноподданных, возлагают на нас, Промыслом Божиим осчастливленных стать свидетелями и переживать означенное событие, священный долг особо внимательно подготовиться к этому событию соответственно его великому значению для нашего Государства» [8]. И далее: «Ведомство МНП ... должно развить и укрепить безграничную, способную на великие дела и подвиги любовь к своим Верховным Повелителям» [9]. После чего в

письме (циркуляре) детально прописывалось, каким должен быть порядок празднования (богослужение, заседания, беседы, сочинения и т.д.). Обо всем том, как проходило празднование, доложено было в соответствующую властную инстанцию.

Политические взгляды и убеждения преподавателя далеко не безразличны властям предрежащим. В Правительственном сообщении от 13 января 1906 года говорится: «Среди явлений, сопровождающих настоящую смуту, Совет министров не мог не обратить внимания на образ действия некоторых лиц, состоящих на государственной службе и на отношения их к происходящим событиям, нарушающие основные начала служебной дисциплины... Правительство не потерпит более на службе чиновников, оказывающих противодействие его видам и не повинующихся законной власти. Подобные лица должны оставить свои должности и уступить их другим, желающим посвятить силы свои служению государству» [10].

Приведенные свидетельства показывают, каким было воплощение в образовании принципов православия и самодержавия.

Особую роль в педагогическом процессе играет учебная, научная, художественная литература, которая выступает посредником между, с одной стороны, миром науки и искусства и, с другой стороны, духовным миром гимназиста, студента (субъекта учения). Структуры, руководящие образовательным процессом, особое значение придавали печатной продукции, которая могла войти в круг чтения гимназистов, студентов и т.д.

Еще в 1851 году попечитель Казанского учебного округа указывал директору училищ Нижегородской губернии: «Для чтения следует избирать преимущественно такие отрывки, которые бы по самому внутреннему содержанию своему были назидательны для юношества, т.е. служили бы к утверждению в нем благоговейных мыслей к Провидению, верноподданнических чувств к Престолу и неизменной любви к отечеству и всему для Русских родному» [11].

Эта общая позиция неоднократно конкретизировалась путем указания на те или иные сочинения тех или иных авторов, чьи идеи вызывали отрицательное к себе отношение у руководителей процесса воспитания юношества. Например, попечитель Казанского учебного округа в 1866 году в циркуляре указывает: «В библиотеке некоторых из гимназий Казанского учебного округа, как известно мне, имеется сочинение Циммермана “Электричество и магнетизм”. Находя чтение этого сочинения вредным для учащихся, я прошу ... чтобы ... вышеупомянутая книга не

была даваема в руки учеников» [12]. Еще свидетельство – распоряжения попечителя Казанского учебного округа об изъятии из употребления книг «недопустимого содержания» [13]. Документ датирован 1867 годом: «В Москве отпечатана и выпущена в свет, без предварительной цензуры, книга под названием “Жизнь всего мира, или рассказ о веществах, силах и явлениях природы”, – сочинение Октавия Мильчевского. Автор названной книги ... объясняет творение мира и человека взаимодействием веществ и сил, – способом, исключаящим достоверность сказаний о сем Священного Писания, ... выделяет умственные и нравственные способности человека за продукт чисто физико-химических сил ... Совет Главного управления по делам печати находит, что сочинение Мильчевского может иметь пагубное влияние на молодых людей и вообще лиц малообразованных, а потому полагает необходимым сообщить о неудобствах употребления упомянутой книги в среде учащихся, тем более, что книга написана легким и удобопонятным языком и объясняет явления природы весьма популярно и с большою наглядностью... Прошу сделать распоряжение, чтобы сочинение Мильчевского не было приобретаемо во вверенные Вам учебные заведения». Реакция на «местах» была незамедлительной – «принять к надлежащему исполнению».

В 1873 году новый циркуляр директору училищ Нижегородской губернии: «При обозрении мною одной из гимназий я заключил, что ученикам выдаваемы были для чтения на дому такие сочинения, которые направлением своим скорее могут принести вред, чем пользу, таковы – сочинения Писарева, Добролюбова и др.; и такие, которые еще рановременно читать юношам, не настолько развитым, чтобы отличить ложные выводы и неправильные философские положения, таковы – сочинения Циммермана, Дарвина, Фогта, Бокля и другие. ... Юноши, читавшись разных ученых книг и наполовину не понявшие прочитанного, или, что еще хуже, понявшие превратно, вообразят себя учеными людьми... Покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, сделать распоряжение как о тщательном пересмотре педагогическим советом гимназии состава ученической библиотеки, и об исключении из нее всего того, что не может иметь образовательного влияния на учеников, и что еще не понять умственным силам... Ученические библиотеки должны бы заключать следующие отделы: книги религиозно-нравственного содержания..., романов как можно меньше...» [14]. А «из сочинений по естественной истории допускаются только такие, которые в популярном изложении без претензий на новые научные взгляды, излагают основ-

ные сведения из естественной истории, знакомят с жизнью и бытом животных, полезными и вредными растениями и минералами» [15].

Только 28 февраля 1906 года распоряжение о том, что ученические библиотеки средних учебных заведений должны быть пополняемы лишь книгами, одобренными Министерством народного просвещения и Духовным ведомством, было отменено, и педагогическим советам было предоставлено право при выборе книг руководствоваться собственным усмотрением [16].

Но тем не менее жесткий контроль за литературой сохранялся. Так, в 1912 году попечитель Московского учебного округа отмечает, что «до Министерства народного просвещения дошли сведения о самовольной рассылке в некоторые начальные школы и состоящие при них народные библиотеки издающихся в С.Петербурге членом т.н. Лиги образования Фальборном ежемесячного журнала “Русский учитель” и газеты “Школа и жизнь”. Принимая во внимание, что оба эти недавно возникшие издания отличаются совершенно определенным направлением, враждебным Правительству и Церкви в учебном деле, г. Товарищ Министра просит принять нужные меры к изъятию ныне же названных газеты и журнала из библиотек средних и низших учебных заведений Московского учебного округа с воспрещением выписки их на будущее время» [17].

Литература, утверждавшая научное мировоззрение, подрывала устои религиозного мировоззрения. Отсюда – настороженное отношение к ней. Поэтому естественные науки не пользовались благожелательным к себе отношением ревнителей духа православия и самодержавия в сфере образования. Позиция, широко представленная в общественном сознании того времени и выраженная, например, Д.И.Писаревым, так и осталась неосуществленной: «Я полагаю, что изучение математических и естественных наук должно быть положено в основание нашей гимназической программы» [18].

Очевидно, что не столько сами по себе идеи, выраженные в триаде С.С.Уварова, сколько их реализация, воплощение в деятельности дореволюционной системы образования, встречали негативное отношение в образовательном сообществе. Поэтому революционные события 1917 года вызвали надежды на изменение ситуации.

В постреволюционный период отечественной истории идеологией государства был марксизм-ленинизм, включавший в качестве одной из основных частей, марксистско-ленинскую философию. Тем самым проблема отношения идеологии науки приобретала вид (это одна из воз-

можных экспликаций) проблемы отношений марксистской философии и науки.

Идея подчинения образования идеологии была выражена В.И. Лениным: «В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства, должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры» [19].

Представление о влиянии новой идеологии на сферу образования дает история становления и развития регионального центра высшего образования – Нижегородского университета. Политическая идеология находила отражение прежде всего в практических решениях: намерение преобразовать в 1919 году просветительный факультет ННГУ в политико-экономический, а историко-филологический в факультет общественных наук (это общероссийское решение); проведение анализа (согласно декрету Совнаркома) качественного состава студентов (по факультетам и курсам с точки зрения их социального состава и партийности); составление отчетных документов (сведений) о партийной принадлежности работников университета, о постановке преподавания общественных наук; проведение торжеств по случаю десятилетия Октябрьской революции и т.д.

Характерен состав Совета университета. На протяжении по крайней мере двадцатых годов в нем уменьшается доля т.н. «рядовых» профессоров и преподавателей (не занимающих управленческие должности в вузе). В то же время увеличивалось представительство различных учреждений и организаций (Губисполком, Губоно, Губсовнархоз, Губздрав, Союз металлистов, Управление водных путей и т.д.), причем без представительства областных и городских партийных органов [20].

В дальнейшем партийные органы всех уровней постоянно держали в поле зрения деятельность и университета, и других высших учебных заведений. Представление об этом дают документы рассматриваемого периода. Один из них – «Схема отдела кадров Нижегородского крайкома ВКП(б) для проверки перестройки высших и средних учебных заведений края». Документ датирован 1933 годом [21]. Проверка предполагает ответы на 42 вопроса, они разбиты на группы: общие вопросы (тип учебного заведения, кого готовит, соответствие выпускников требованиям различных отраслей народного хозяйства, соответствие программ требованиям подготовки специалистов промышленности); построение программ; непрерывная производственная практика; методы препода-

вания; новый набор; подготовка научных кадров; управление вузом и его подразделениями; массовая работа; условия работы; руководство деятельностью вуза со стороны Наркомпроса. Из всех вопросов только несколько имеют явно выраженный политико-идеологический характер: «Что сделано партколлективами и профкомами в отношении перестройки работы учебных заведений?» (т.е. место и роль партийной организации, коммунистов в развитии общей системы деятельности высшего учебного заведения), «Как увязано переустройство работы высшей школы с плановым преподаванием марксистско-ленинской теории?» (т.е. место и роль марксистско-ленинской теории в учебном процессе и научной работе вуза). В чистом виде политико-идеологическая работа в этом документе почти не присутствует. Предполагается, что она представлена во всем многообразии деятельности учебного заведения.

Постоянно в поле зрения партийных органов находилось преподавание общественно-политических дисциплин, которые полагались важнейшим направлением идейно-политического воспитания студенчества. Свидетельство этого – многие документы. Некоторые из них напоминают сводку с театра военных действий. Например, «Выводы бригады Нижегородского крайкома ВКП(б) о состоянии преподавания общественно-политических дисциплин в вузах» (1932 год). В документе, в частности, говорится: «Дать бой реакционной, классово-враждебной части профессуры, вскрыть попытки протаскивания идеализма в преподавании. Вооружить и мобилизовать студентов на активную борьбу с этими попытками. ... Оторвать окончательно от классово-враждебной части профессуры колеблющиеся слои профессорско-преподавательского состава, оказать активную поддержку и помощь в деле овладения марксистско-ленинского метода. В этих целях создать специально методологические семинары»[22]. Здесь главное внимание уделено работе с преподавателями. Характерна терминология: «бой», «вооружение», «мобилизация» и т.д. Это и понятно, гражданская война имеет свои долгие и разнообразные последствия и отзвуки.

Другой документ – «Справка отдела школ и науки Горьковского обкома ВКП(б) о преподавании общественно-политических дисциплин в вузах города». Этот документ имеет свое название. А именно: «Покончить с политической беспечностью на важнейшем участке работы вуза». 1937 год! В Справке говорится: «Преподавание социально-экономических дисциплин в вузах представляет собой дело первостепенной важности. Такие дисциплины, как политическая экономия, диалектический материализм и другие, формируют мировоззрение наших студен-

тов, они являются основой их политического воспитания. ... Казалось бы, что этот важнейший участок работы должен быть в центре внимания руководства и всей общественности вузов. На самом же деле преподавание социально-экономических дисциплин в наших вузах до сих пор поставлено неудовлетворительно. ... В отдельных случаях к руководству кафедрами и преподаванию социально-экономических дисциплин пролезли враги народа, троцкистско-бухаринские агенты французских разведок (Васяев, Маньковский, Фадеев, Марголин и другие)... Причины неудовлетворительной постановки преподавания социально-экономических дисциплин, прежде всего, лежат в неудовлетворительном состоянии преподавательских кадров. ... Из всех 36 преподавателей ученую степень имеют только 3 и ученое звание – 6. ... Вот почему качество преподавания этих важнейших дисциплин в вузах все еще низкое, а уровень знаний студентов явно неудовлетворительный» [23]. После примеров, подтверждающих негативные оценки, следует вопрос: «Что необходимо сделать?» Ответы: во-первых: надо укрепить кадры преподавателей; во-вторых: надо повысить удельный вес социально-экономических дисциплин в учебном плане вузов, значительно увеличив учебное время на них; в-третьих: изменить коренным образом отношение дирекции вузов к преподаванию социально-экономических дисциплин, ликвидировать существующую недооценку их и со стороны студенчества.

В послевоенный период ситуация кардинально не меняется. Пример этого «Справка отдела науки и вузов Горьковского обкома ВКП(б) о работе высших и средних специальных учебных заведений области с июня 1951 по февраль 1952 года» [24]. В ней дается общая характеристика деятельности вузов и техникумов, кадровый состав, численность преподавателей и студентов, основные направления научных исследований и т.д. Значительное внимание уделяется повышению идейно-теоретического уровня преподавателей. Основой этого процесса полагаются труды И.В.Сталина по вопросам языкознания, материалы сессии ВАСХНИЛ (1948 год), сессий «двух Академий» (АН СССР, АМН СССР, 1950 год). В то же время отмечаются недостатки в идейно-политической работе: формализм, пассивность слушателей, участников, низкий идейно-теоретический уровень лекций и семинаров по марксистско-ленинской теории, недостаточное внимание к патриотической направленности проводимых занятий, недостаточная активность ученых в популяризации научных знаний. В партийных документах пятидесятых годов тон становился более мягким, но вербальные конструкции во

268

многим оставались прежними. В них сквозила некоторая безнадежность («усилить», «улучшить»...). Ведь инварианты духовного мира человека в его сущностных характеристиках более константны, чем его социальное бытие.

Для дальнейшего времени (после 50-х гг. XX века) характерно снижение остроты идеологического присутствия в образовании, уменьшение прямолинейного влияния идеологии, определенное затухание давления идеологического «пресса» на сферу образования. Хотя о преодолении декларативного и реального воздействия идеологии на науку и образование говорить не приходится.

Программа КПСС (1961 год) предполагала, в частности, решение следующих задач в области образования: формирование научного мировоззрения, утверждение коммунистической морали, преодоление пережитков капитализма в сознании и поведении людей, разоблачение буржуазной идеологии [25]. А Постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической политико-воспитательной работы» (1979) ставило, в частности, задачу формирования у учащихся научного мировоззрения, высоких морально-политических качеств [26]. Какие качества предполагались, очевидно, не требует пояснения.

Партийные органы (в той ситуации, когда существовала только одна партия, она же была безальтернативно-правящей партией, когда партия и государство существовали в виде системного объекта «партия-государство») осуществляли свою руководящую роль по отношению к высшим учебным заведениям во всех сферах их деятельности. Тем более, что «на местах», в регионах не было каких-либо органов местной власти, которым бы подчинялись вузы. Только РК, ГК и ОК партии (каждый в пределах своей компетентности) были региональной управляющей структурой по отношению к вузам. По отношению к центру у вузов имела место ведомственная подчиненность и подчиненность по партийной линии. Административно-управленческие решения внутривузовские партийные структуры принимать не могли. Но их рекомендательно-требовательные решения выступали основанием для деятельности ректората и других управленческих структур вуза.

Основное направление деятельности внутривузовских партийных структур – это идейно-политическая работа, политико-воспитательная деятельность, которая нередко завершалась организационными выводами. Взыскания по партийно-комсомольской линии в форме исключения из партии или комсомола с необходимостью приводили к увольнению с работы из вуза, отчислению из состава студентов. А за этим в опреде-

ленный период нашей истории могли последовать и репрессивные меры со стороны карательных органов. Правда не всегда решения внутривузовских партийных структур были самостоятельными, а являлись ответом на тот или иной сигнал, идущий «сверху» (партийные органы), или на сигнал, идущий «сбоку» (силовые структуры).

Для анализа и характеристики деятельности партийных структур вуза уместно применить категории сущего и должного. Партийные решения, если они имели общий характер, относились к общим вопросам («усилить», «рекомендовать», «добиться», «направить все силы», «взять под контроль», «содействовать», «включиться» и т.п.) чаще всего выступали в модусе долженствования. Не всегда импульс, вербализованный в постановляющих частях партийных решений, выходил на уровень должного, т.е. воплощался в реальной деятельности коллектива института, его подразделений, даже работников-коммунистов. Существовали две реальности, которые, конечно, не были параллельными мирами, но и не всегда пересекались, не функционировали синхронно. Сопоставительный анализ документов, отражающих деятельность партийной организации вуза, и зафиксированной в документах деятельности ректората, факультетов, кафедр, свидетельствуют об этом.

Иное дело – решения партийных структур, относящиеся к отдельным людям, касающиеся того или иного работника вуза, студента. Если таковой становился предметом критического внимания руководящих партийных структур вуза, то решения, к нему непосредственно относившиеся, могли стать для человека негативными, драматическими, даже трагическими. Правда, неясен вопрос, насколько были самостоятельными и свободными низовые партийные структуры (партячейки, партколлективы вуза) в инициировании тех или иных кадровых решений (партийное взыскание того или иного рода, влекущее административное продолжение, кадровое решение), радикально затрагивающих судьбы отдельных людей. Такие решения могли приниматься не по инициативе самих партийных структур низового уровня, а имели своего рода «догоняющий» характер, с целью расстановки всех точек над “i” в тех или иных персональных делах. Ведь мотив упреков в недосмотре, требования самокритики, покаяния и т.п. был очень мощным в официально провозглашенном, а на самом деле кажущемся единогласии того времени.

И в ситуации дореволюционной, и в ситуации постреволюционной России отношение философии и науки – это не чисто теоретическая, а научно-практическая проблема. Ведь идеология вообще и ее конкретная

экспликация в виде философии, конкретное выражение в философии – это не система чистых идей (пусть и представленных в тексте), разделяемая представителями той или иной социальной группы, но система идей, принятая государством в качестве основы своей практической деятельности во всех направлениях ее реализации.

Положение марксизма-ленинизма в целом, марксистской философии, в частности, до и после Октябрьской революции в корне противоположно: от полулегальной системы идей, спектр негативных отношений государства к которой очень широк (осуждение, неприятие, прямое полицейское преследование ее носителей) до признания ее официально принятой государством, выступающей в качестве теоретического базиса его практической деятельности. Система идей, отнюдь не только оправдывающая эту деятельность (как иногда отмечается в литературе), но и направляющая эту деятельность (иногда декларативно, иногда реально). Отсюда двойственность бытия философии в СССР – философия это и составляющая (элемент, составная часть) государственной идеологии, философия, вместе с тем, наука (отвлекаясь в данном случае от бурных дискуссий по проблеме, выраженной, например, в названии недавней статьи Я.В.Шрамко «Философия: наука или мировоззрение?» // «Язык – знание – реальность». М., 2011).

Данное обстоятельство определяло ту или иную линию поведения ее носителей: акцент на идеологической функции философии или акцент на ее научном статусе. Такой акцент должны были сделать люди, должен был сделать человек, носитель философских идей, научная, образовательная, научно-образовательная структура, любая социальная структура, имеющая отношение в своей деятельности к процессу развития и функционирования философии, связанная в своей деятельности с развитием и функционированием философского знания. Носитель философских идей мог занимать различное место, функционировать на различном уровне в иерархии работников подобного типа: от сотрудника центральных партийных и советских органов, сотрудника соответствующих академических научных учреждений до вузовского руководителя того или иного уровня, преподавателя философской кафедры, учителя обществоведения в школе, и т.д. При этом пространственный контекст бытия философии в той или иной форме ее воплощения простирался «от Москвы до самых до окраин». Структура, генерирующая философские идеи (в заданных, четко определенных границах), обеспечивающая их функционирование в обществе, могла быть различной: от руководящих всесоюзных и региональных партийных органов, академических струк-

тур до региональных вузовских структур (университеты, институты, кафедры), школы и т.д.

Какой характер имеет та или иная структура, обеспечивающая трансляцию первичного импульса, идущего от «центра»? Она могла быть своего рода усилителем сигнала. Она могла быть не то чтобы глушителем, но сигнал, ретранслируемый ею, на «выходе» мог быть приглушен, мог быть не столь сильным по звучанию, по своей силе, чем на «входе». Она могла быть нейтральной, т.е. просто дублирующей сигнал.

Эта структура каждый раз была «населена», и характер прохождения импульса зависел от людей в ней представленных. Многое зависело от деятельности отдельных людей, работников соответствующих научно-идеологических структур. Они могли быть своего рода «амортизаторами» импульса, генерируемого идеологическим центром, но также и своего рода «катализаторами» действия этого импульса. Все зависело от человека, облеченного теми или иными властными полномочиями (если власть понимать в широком смысле слова, включающем, например, отношения по линии учитель – ученик). В конечном счете в любой точке пространства и времени (пространственно-временного континуума) каждый человек, субъект деятельности в области генерирования и функционирования философского знания определял свою позицию по реализации идеологической функции философии. В этом отношении интересна и вся история взаимоотношений философии и науки в СССР, и ее отдельные, «точечные» выражения.

Сигнал, идущий от властных структур, затухал, но никогда не исчезал, не мог погаснуть. И для будущего урок, извлеченный из прошлого, состоит в том, чтобы идеология (любая), любое мировоззрение, не могли быть директивно, насильственно влиянием государства на науку, навязаны ей в качестве обязательной методологической основы ее развития и функционирования (в частности, в сфере образования).

Но было бы ошибочным считать, что те идеологические принципы, которые были обязательными, которые директивным, даже насильственным путем внедрялись в науку и образование, подлежат абсолютному изъятию из сферы развития и функционирования последних. За субъектом научной и образовательной деятельности остается право выбора тех мировоззренческих оснований и той методологической установки, которые адекватны той или иной научной дисциплине, ее проблематике в определенном историческом, социальном, культурном контексте. Плодотворность, эффективность тех или иных мировоззренче-

ских оснований, методологической позиции зависит от степени их адекватности научной и образовательной деятельности.

Специального рассмотрения заслуживает вопрос о том, может ли философия быть абсолютно свободной от своего идеологического «наполнения», от присутствия в ней идеологической (а значит и социальной) направленности. Видимо, нет, ибо философия разворачивает свое содержание не в вакууме, не в безвоздушном пространстве, влияние которого в той или иной степени имеет место по отношению к субъекту философского творчества. И резонный вопрос – всегда ли негативно такого рода влияние, всегда ли разрушительно по своему характеру воздействие идеологии на науку. Влияние философии как науки, как мировоззрения на ее подразделения, отдельные дисциплины, вообще говоря, общепризнано. Но влияние философии как идеологии всегда ли является деструктивным?

Заключая, следует отметить, что идеологическая направленность в деятельности российской системы образования имела место и в дореволюционный, и в советский периоды отечественной истории. Идеологические «векторы» были различными («православие-самодержавие-народность»; «коммунистическая идея»), но политико-идеологический «вакуум» никогда не имел места. Совершенно справедлива позиция С.С.Уварова, высказанная в «Отчете по обозрению Московского университета» (4 декабря 1832 года): «Университетское преподавание имеет две разные стороны: одну – собственно ученую и учебную, другую – моральную и, так сказать, политическую» [27]. При этом «политическая сторона» в университетском преподавании имела свои особенности в зависимости от профиля подготовки специалистов, определялась спецификой наук, выступающих в качестве учебных дисциплин. «Моральная и политическая стороны» – это идеологическое присутствие в образовании. Оно неизбежно, речь может идти о характере ее функционирования, механизме реализации.

Литература

1. Эксперт. М.: 2011. № 49. С. 63.
2. Уваров С.С. Избранные труды. – М., 2010. С. 300.
3. Уваров С.С. Избранные труды. – М., 2010. С. 347–348.
4. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 527. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.
5. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 520. Оп. 478. Д. 201. Л. 37–38.

6. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Д. 32. ЛЛ. 13, 28, 30, 68; Д. 100. Л. 54.
7. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 520. Оп. 478. Д. 339. Л. 62.
8. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 527. Оп. 1. Д. 67. Л. 24.
9. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 527. Оп. 1. Д. 67. Л. 24.
10. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 520. Оп. 478. Д. 1164. Л. 4.
11. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Д. 209. Л. 5 об.
12. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 522. Оп. 459. Д. 87. Л. 20.
13. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Д. 106. ЛЛ. 40, 40 об, 41.
14. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 520. Оп. 478. Д. 339. Л. 41.
15. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 520. Оп. 478. Д. 339. Л. 41.
16. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Д. 1164. Л. 23.
17. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 527. Оп. 1. Д. 32. Л. 71.
18. Писарев Д.И. Наша университетская наука // Соч. Т. 2. – М., 1955. С. 227.
19. Ленин В.И. Соч. 4-е изд. Т. 31. С. 291–292.
20. ЦАНО. Ф. 377. Оп. 1. ДД. 155, 1233.
21. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980 гг. Т. 2. – М. – Нижний Новгород, 2005. С. 890–893.
22. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980 гг. Т. 2. – М. – Нижний Новгород, 2005. С. 890.
23. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980 гг. Т.2. – М. – Нижний Новгород, 2005. С. 902–904.
24. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980 гг. Т. 3. – М. – Нижний Новгород, 2005. С. 579–582.
25. Программа КПСС // Материалы XXII съезда КПСС. – М., 1962. С. 409–412.
26. Коммунист. 1979. № 7.
27. Уваров С.С. Указ. соч. С. 296.

**СОТРУДНИЧЕСТВО СЕМЬИ И ШКОЛЫ В ВОСПИТАНИИ
У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ УВАЖЕНИЯ
К СЕМЕЙНЫМ ЦЕННОСТЯМ КАК СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**
**THE COLLABORATION OF THE FAMILY AND THE SCHOOL
IN THE EDUCATION OF THE JUNIOR SCHOOLCHILDREN
RESPECT TO FAMILY VALUES
AS A SOCIO-PEDAGOGICAL PROBLEM**

Е.В. Ключева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

Арзамасский филиал

E.V. Klyueva

*Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod – National Research
University (Arzamas branch)*

Обсуждаются проблемы установления партнерских отношений школы и семьи как фактора воспитания уважения к семейным традициям.

In article discussed the problems of the establishment of partner relations of the school and the family as a factor of education of respect for family traditions.

Ключевые слова: гражданская идентичность, семейные традиции.

Key words: civil identity, family traditions.

В настоящее время проблема формирования гражданской идентичности подрастающего поколения приобрела особую остроту. Ее целенаправленное формирование признано важной предпосылкой становления гражданского общества и солидарности в российском обществе. Младший школьный возраст является важным этапом в формировании гражданской идентичности личности. По мнению А.Г. Асмолова, Г.В. Бурменской и других исследователей, в основе ее развития на этом возрастном этапе лежит самопознание и становление Я-концепции ребенка.

Авторы концепции развития универсальных учебных действий берут за основу понимание гражданской идентичности как сложного интегративного личностного образования, включающего следующие компоненты: когнитивный (знание о принадлежности к данной социальной общности); ценностно-смысловой (позитивное, негативное или амбивалентное отношение к принадлежности); эмоциональный (принятие или не-

принятие своей принадлежности); деятельностный – реализация гражданской позиции в общении и деятельности; гражданская активность, участие в социальной деятельности, имеющей общественную значимость.

Формирование этих компонентов и составляет содержание работы по формированию гражданской идентичности младших школьников. Причем в процессе гражданского воспитания происходит не только усвоение определённого содержания культуры, но и становление школьника как социального субъекта.

При планировании практических шагов в формировании гражданской идентичности обучающихся педагогический коллектив школы должен исходить из того, что осуществление самоопределения предполагает формирование ценностного сознания личности и развитие нормативной саморегуляции на основе присвоения и субъективации системы моральных, конвенциональных и личных норм. Поэтому взаимодействие учителя и обучающихся должно строиться с позиций ценностного подхода, реализация которого предполагает приобщение обучающихся к ценностям: через формирование представлений о понятиях морали, обладающих значением ценностей, о ценностях; через решение школьниками моральных проблем и оценивание поступков с позиций освоенных ценностей.

Семья – одна из величайших ценностей, созданных человечеством за всю историю своего существования. В связи с этим содержание одного из направлений работы учителей начальной школы с детьми должно включать в себя воспитание уважения к семье, к старшим по возрасту, выработку поведения в области семейных отношений с учетом нравственных норм, принятых в культуре.

Семья, как и другие социальные институты, существует, благодаря воспроизведению традиций, следуя определенным образцам деятельности. Семейные традиции выступают основным средством трансляции социально-культурных ценностей, норм семьи, обеспечивают установление ее связей с объектами, которые включены в сферу ее жизнедеятельности. Благодаря традициям в семье создается особый стиль жизнедеятельности, дети привыкают к определенному порядку, организованности. В работе по воспитанию уважительного отношения к семейным ценностям, формированию положительного образа семьи, важное место должно отводиться использованию педагогического потенциала традиций. А это возможно при условии сотрудничества школы и семьи. Од-

нако современное общество таково, что учителям зачастую нелегко выстраивать диалоговые формы общения с родителями школьников.

Одной из главных проблем, серьезно осложняющих развитие партнерства школы и семьи в области формирования гражданской идентичности младших школьников, мы считаем индифферентное отношение многих родителей к необходимости воспитания у детей любви к Родине, национальной культуре. Такой характер отношения современных родителей, по данным исследователей, стал следствием резкого изменения социально-экономической ситуации в России в 1990-х годах, приведшего к ценностно-нормативному кризису, нарушению социальной идентичности людей, которые сегодня сами стали родителями. Многие современные родители, воспитывающие детей младшего школьного возраста, к приоритетным качествам относят не патриотизм, не межэтническую толерантность, а такие качества, как успешность, уверенность в себе. Большинство из них считают, что современная школа должна, прежде всего, развивать у детей именно эти качества.

Вторая проблема состоит в том, что достаточно большое число взрослых людей, в том числе, и родителей младших школьников, заменяют реальное общение в виртуальном пространстве, вовлечены в сетевые сообщества. В связи с этим в информационно-технологическом пространстве получил развитие парадокс Г. Зиммеля, заключающийся в том, что житель большого города склонен к интеллектуализму и абстракции, его не интересует близкое, в том числе и семейные взаимоотношения, его привлекает пространственно удаленное. Поэтому взрослые члены современных семей достаточно много времени проводят у экрана монитора, уделяя мало внимания своим близким. Следствием этого, как показал опрос школьников, является не только отсутствие каких-либо традиций во многих семьях, но и отсутствие понимания важности их. У многих взрослых нет желания поддерживать семейные традиции, которые сближают ее членов, делают теплыми, доверительными отношения между ними.

Организация работы по формированию гражданской идентичности младших школьников требует от педагогов поиска путей развития продуктивного сотрудничества двух социальных институтов, а также решения проблем, сопряженных с этим процессом. Одной из эффективных форм установления тесного взаимодействия с семьей мы считаем привлечение родителей к проектной деятельности учащихся, предполагающую

шей изучение семейных традиций, способствующей объединению разных поколений в семье.

Литература

1. Загладина Х.Т. Формирование гражданской идентичности в рамках социального партнерства семьи и школы // Воспитание школьников. 2012. № 4. С. 10–14.
2. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе. От действия к мысли: пособие для учителя / А.Г. Асмолов, Г.В. Бурменская, И.А. Володарская и др.; под ред. А.Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2011.
3. Санина А.Г. Социальные основания гражданской идентичности в современном обществе: субстанциональный, пространственный и деятельностный аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Сер. 12. Вып. 4.
4. Филонов Г.Н. Воспитание: традиции и современность // Педагогика. 2003. № 7. С. 14–20.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА EDUCATIONAL PROJECT IN THE PEDAGOGICAL PROCESS OF THE UNIVERSITY

М.Н. Корешкова

*Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
Арзамасский филиал*

M.N. Koreshkova

Nizhegorodsky State University Arzamassky filiation

Рассматривается место образовательного проекта в системе профессиональной подготовке будущих педагогов.

In article are discussed place educational project in system professional preparation future teachers.

Ключевые слова: студенты, организация педагогического процесса, образовательный проект.

Keywords: students; the organization of pedagogical process, educational project.

Гуманизация системы образования в России требует повышения уровня подготовки и квалификации педагогических кадров, делает необходимым пересмотр доминирующих задач педагогической деятельности, их ориентацию на новые социальные отношения, формирующиеся в обществе.

Важнейшим направлением современной педагогической науки является поиск средств, обеспечивающих профессиональное становление личности педагога – носителя гуманистических ценностей, духовно-нравственных качеств и высокой педагогической культуры.

Потребность в новых средствах обуславливает появление современных образовательных технологий, которая определяется как система средств, форм и способов организации образовательного взаимодействия, обеспечивающих эффективное управление и реализацию образовательного процесса на основе содержания образования. Образовательная технология – это система, (процессная) совместная деятельность детей и взрослых по проектированию (планированию), организации, ориентированию и корректированию образовательного процесса с целью достижения конкретных результатов при обеспечении комфортных условий участникам (Шамаева О.Ю.)

Одной из наиболее популярных в педагогической деятельности образовательных технологий является проектная технология.

Метод проектов возник в 1920г в США. Он связывается с идеями гуманистического направления в философии и образовании, разработанного американским философом и педагогом Дж.Дьюи, а также его учеником В.Х. Килпатриком.

В России метод проектов привлёк внимание русских педагогов в начале XX века, когда в 1905 году под руководством С.Т. Шацкого была организована небольшая группа сотрудников, пытавшаяся активно использовать проектные методы в практике преподавания. Однако широкого распространения он не получил, а в 30-х гг. был запрещён. Вместе с тем, в зарубежной школе он активно и весьма успешно развивался и приобрёл большую популярность. В конце XX века метод проекта вновь заявил о себе и приобрёл популярность в работе педагогов образовательных учреждений разного уровня.

В.И. Слободчиков определяет проект как оформленный комплекс инновационных идей в образовании, в социально-педагогическом движении, в образовательных системах и институтах, в педагогических технологиях и областях.

Одним из вариантов решения задач профессиональной подготовки будущих педагогов в системе высшего образования на современном этапе является организация проектной деятельности.

Технология проектного обучения предполагает самостоятельную деятельность студента, которая осуществляется им в режиме активного

поиска и направлена на решение определённой, значимой для него задачи.

Проектная деятельность имеет определённую цель, выстраивается по определённому плану, предназначена для решения поисковых, исследовательских задач по какому-либо направлению содержания образования. В основе проектной деятельности лежит идея о направленности деятельности на результат, который предполагает совместную работу педагога и студента над определённой практической проблемой.

Роль педагога – создать благоприятные условия, которые будут способствовать возникновению у студентов потребности в приобретении новых знаний, использовании их на практике при решении познавательных задач; приобретению исследовательских и коммуникативных навыков, навыков работы с информационными системами.

Педагог может подсказать новые источники информации или направить мысль студентов в нужную сторону для самостоятельного поиска. Но в результате они должны самостоятельно найти решение проблемы, приложив необходимые знания подчас из разных предметных областей, получить реальный и значимый результат. Решение проблемы, таким образом, приобретает контуры проектной деятельности.

Результатами проектной деятельности студентов могут стать управленческие проекты образовательного учреждения; модели, проекты, программы по каким-либо направлениям развития образовательного учреждения.

Внедрение проектной технологии в образовательный процесс вуза позволяет:

- повысить профессиональный уровень будущих педагогов и степень их включённости в исследовательскую деятельность;
- развивать систему продуктивного взаимодействия между участниками образовательного процесса (студенты – преподаватели – внешние консультанты и даже родители, компетентные в данном вопросе);
- формировать у студентов проектировочные, исследовательские, коммуникативные навыки и умения, а также такие качества, как социализированность и активность;
- создавать продукты, которые можно использовать в педагогическом процессе вуза, а также образовательных учреждений разного уровня.

**ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЛИ ДВИЖЕНИЕ
К «ЗИЯЮЩИМ ВЫСОТАМ»**
**ARTS EDUCATION: NEW
PROSPECTS OR MOVEMENT TO «GAPING HEIGHTS»**

А.Б. Курлов
*Уфимский государственный авиационный
технический университет*
A.B. Kurlov
Ufa State Aviation Technical University

Рассматриваются актуальные проблемы и кризисные проявления современного гуманитарного образования и науки.

Actual problems and crisis displays of modern arts education and science are considered.

Ключевые слова: гуманитарное образование, «пролетарии знания», социальные функции университета, управление знаниями.

Keywords: arts education, «proletarians of knowledge», social functions of university, management of knowledge.

Широко известно положение о том, что статус университета предполагает высокий уровень образования и профессиональных знаний его выпускников. Но, гораздо менее известным является главный *идеологический посыл университетского образования*, благодаря которому создаются условия, необходимые и достаточные для реализации указанной презумпции – *активная научно-исследовательская деятельность вуза и использование ее результатов в учебном процессе*. Но, на деле такая ориентация не всегда осуществима, ибо в реальной вузовской практике очень часто приходится взаимодействовать с массой студентов, в чьи жизненные планы не входит получение инструментальных знаний. Столь парадоксальная ситуация обусловлена предпочтениями большей части абитуриентов, осуществляющих свой выбор по принципу – «где бы ни учиться, лишь бы не работать». Именно поэтому они отдают приоритет интеллектуально разгруженным специальностям, стремясь получить диплом путем наименьших собственных затрат. Подтверждением этого является традиционно высокий и продолжающий расти кон-

курс на такие группы специальностей, как, например, менеджмент и социальная работа.

Очевидно, что мы сталкиваемся с серьезной мировоззренческой и, одновременно, социальной проблемой, требующей скорейшего разрешения. Понятно и то, что последнее предполагает адекватную времени коррекцию номенклатуры вузовских специальностей и жесткий регламент численности приема на них, включая, безусловно, внебюджетную форму обучения.

Возвращаясь к университетам и означенной выше презумпции, следует подчеркнуть, что ее реализация будет продуктивной только тогда, когда направления университетского образования будут идентичны номенклатуре научных специальностей. В этом случае удастся избавиться от ряда направлений, дискредитирующих статус университетского образования, переведя их, при необходимости, на уровень специализации.

Особое беспокойство вызывает состояние социально-гуманитарного вузовского образования. Эта сфера научного знания сейчас, на мой взгляд, переживает масштабный кризис, выражающийся в существенном падении уровня научных разработок, снижении эвристической составляющей результатов исследований, недостаточной, а порой и крайне не корректной научной аргументацией выдвигаемых положений, эклектичностью посылов и т.д. Об этих тенденциях уже давно говорят многие ученые. Эта тема все чаще поднимается СМИ. Не случайно, что эти проблемы и обусловили реорганизационные процессы в академической сфере, включая ВАК. Но «воз пока и ныне там».

В чем причины этих явлений? Их достаточно много. Но трагизм ситуации состоит в том, что они (причины) тесно взаимосвязаны и в целом дают системную проблему. Попробую обозначить ее основные проявления.

1. Низкий уровень профессиональной квалификации (некоторых – в центре, и многих на периферии) доцентов и профессоров – научных руководителей, которые работают со студентами-старшекурсниками, магистрантами и соискателями ученых степеней.

Во многом это явление обусловлено наследием советского прошлого, когда эти науки были предельно идеологизированы и, по сути, не являлись таковыми. Поэтому до сих пор остаются открытыми некоторые вопросы о критериях научности в данной сфере, что порождает, в частности, широкие возможности для околонуучного функционирования, воспроизводя достаточно масштабную генерацию субъектов, не способных самоутвердиться на фоне научного Логоса, но, тем не менее,

активно участвующих в организации научных изысканий. Очевидно, что такое *status quo* способствует формированию в сознании молодежи гипертрофированных представлений о социальных функциях и статусе ученого.

2. Эти представления усугубляются и факторами отражения реальной ситуации, когда зарплата профессора эквивалентна зарплате водителя троллейбуса. Все это существенно влияет на изменение предпочтений даже талантливых молодых людей, убеждая их в том, что наука – это отнюдь не способ получения объективных инструментальных знаний, которые в перспективе могут способствовать гармонизации социальной реальности, а лишь средство получения абстрактного статуса, не подкрепленного какими-либо социальными гарантиями.

3. В силу указанных выше причин «на-гора» выбрасывается масса несостоятельных квалификационных работ, требующих патронажа в виде лоббирования их прохождения через ГЭК и ГАК, диссертационный совет, и даже ВАК. Причем, продвигаются не идеи данной работы. Это было бы вполне приемлемо и понятно; лоббируется сам процесс прохождения работы через аттестационную процедуру с использованием корпоративных (коррупционных) средств. Таким образом, воспроизводится масштабная когорта «пролетариев знаний», заполняющих сферу научного Логоса беспринципной эклектикой. В этих условиях гибнет не только научная истина, а сама возможность ее проявления.

Что делать в этой ситуации, как ее изменить? Некие движения уже осуществляются. Например, несколько ужесточаются регламенты аттестации и аккредитации вузовских специальностей, ВАК пытается повысить степень контроля за работой диссертационных советов и провести их селекцию. Но эти меры никак не способны определить уровень и порядки профессиональной компетентности субъектов образовательной и научной деятельности. Существующие же критерии во многом формальны и, поэтому, малоинформативны. По этим причинам проблемы означенные выше, не разрешаются, а продолжают усугубляться.

В силу этого, полагаю, что необходима разработка системы индикаторов, способных фиксировать не процесс, к которому причастен тот или иной актер, а результат его профессиональной деятельности в качественных абрисах. Такой подход позволит дифференцировать компетенции субъектов научной и преподавательской деятельности и дать основания для объективной оценки их достаточности.

Что касается организации самой научно-образовательной среды, то в ее рамках непременно должны быть реанимированы базовые функции, поддерживающие статус университета – *развивающая и формирующая*.

Первая функция исходит из установки на способность и право индивида реализовывать самоопределение в системах культуры и социальных связей. Ее основанием является сократовское «*scio me nescire*», постулирующее, в частности то, что «постижение мудрости» – бесконечный интеллектуальный процесс.

Вторая функция, в свою очередь, рассматривается через призму позиции Платона («Государство», «Законы», «Политик» и др.), которая предполагает неперенное воспроизводство в учащихся тех социально значимых качеств, которые оптимально соответствовали бы их будущим профессиональным ролям.

Интегративное единство этих двух функций в учебном процессе не только обеспечивает полноценную профессиональную социализацию будущего специалиста, но и способствует снятию мучительной неопределенности первых шагов в науке, а также конструктивному поиску ответов на известные кантовские вопросы, всегда возникающие в процессе различных интеллектуальных практик. Результативность последних во многом зависит от качества менеджмента знаний (*knowledge management*), обеспечивающего реализацию университетом присущих ему социальных функций по следующим направлениям:

- управление знаниями на уровне организации преемственности учебных программ преподаваемых дисциплин;
- формирование в структуре мировоззрения будущих специалистов ценностей инновационных знаний и идеологии перманентного познания метаморфозно изменяющихся объектов профессиональной деятельности;
- самоменеджмент знаний, субъектом которого является обучаемый, поставленный в условия необходимости постоянного поиска новой инструментальной информации, необходимой для решения академических, а затем и профессиональных задач.

Полагаю, что должным образом организованная система *knowledge management* способна не только обеспечить требуемый уровень профессиональной отдачи выпускников университетов, но и привнести свою лепту в формирование культуры научных исследований различных процессов, бурно развивающихся в современном мозаичном мире.

АДАПТАЦИЯ ПЕРВОКЛАССНИКОВ К ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ ADAPTING TO THE FIRST GRADE SCHOOL

Д. В. Лютова
Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского
D. V. Ljutova
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматривается процесс адаптации первоклассников к школе. Основным фактором, влияющим на адаптивные механизмы ребенка, выступает внутрисемейное и школьное насилие.

The article deals with the process of adaptation to the first grade school. The main factor influencing the adaptive mechanisms of the child, and the school acts intra-familial violence.

Ключевые слова: адаптация, социализация, насилие.

Keywords: adaptation, socialization, violence.

Адаптация – естественное состояние человека, проявляющееся в приспособлении к новым условиям жизни, новой деятельности, новым социальным контактам, новым социальным ролям. В рамках социологического подхода адаптация рассматривается как процесс и результат активного приспособления индивида к условиям новой среды.

Каждый человек в процессе своей жизнедеятельности вынужден приспосабливаться к тем или иным жизненным условиям. Наиболее болезненно процесс адаптации дается детям, поскольку адаптивные механизмы у них еще не достаточно сформированы.

Важным и ответственным шагом в жизни ребенка является вступление в сознательную жизнь – начало обучения в школе. Это связано, прежде всего, с тем, что на ребенка налагается определенного рода ответственность, необходимость принимать новые обязанности и усваивать нормы поведения в коллективе сверстников. Сам факт вступления в школьную среду откладывает на психике ребенка неизгладимый отпечаток, поэтому особенно важно, чтобы ребенок успешно адаптировался к новым школьным условиям.

Школьная жизнь ребенка протекает в сложно организованной разнообразной по формам и направленности среде. По своей природе эта среда социальная, так как представляет собой систему различных отношений ребенка со сверстниками и школьниками другого возраста, педагогами, родителями, другими взрослыми, участвующими в школьном процессе.

Некоторая часть первоклассников испытывает трудности, прежде всего, в налаживании взаимоотношений с учителем и одноклассниками, что нередко сопровождается низким уровнем овладения школьной программой.

Для устранения трудностей, возникающих у ребенка в процессе вхождения в новую, незнакомую школьную среду, важным фактором служит поддержка родителей и педагогическая помощь учителей. Для анализа данной проблематики автором в 2011–2012 годах было проведено исследование среди родителей и опекунов первоклассников, классных руководителей и учителей группы продленного дня, а также с помощью методики «разноцветные странички» проанализировано эмоциональное отношение первоклассников к обучению в школе.

В ходе исследования первоклассники были разделены на три группы в зависимости от состава семьи: дети из полных, неполных и опекунских семей. Проанализировав результаты, выявили заметную тенденцию к тому, что от степени успешности процесса адаптации зависит формирование ребенка как личности.

В этой связи бездействие или неосведомленность родителей о личностных проблемах ребенка затрудняет процесс адаптации и порождает ряд проблем. Как правило, ребенок, не способный быстро адаптироваться в школьной среде, становится более замкнутым, менее общительным, чаще остальных имеет проблемы с усвоением школьной программы. Дезадаптированные дети подвержены стрессам и депрессии, вследствие чего в большей степени подвержены неоднозначному влиянию окружающих. С этой точки зрения, адаптация является определенным барьером для воздействия на школьника: чем адаптация успешнее, тем влияние внешних факторов на него слабее, так как ребенок более независим и находится в комфортном положении.

В ходе исследования было выявлено, что дети из полных семей адаптируются успешнее, нежели дети из неполных и опекунских семей. Данный факт может быть объяснен тем, что дети в таких семьях остро переживают семейные трудности, следовательно, подвержены двойной психологической нагрузке. Данные группы детей можно отнести к потенциально насильственным, так как из-за собственных переживаний ребенок может стать агрессивным, обидчивым, замкнутым, что не способствует формированию положительных отношений со сверстниками и одноклассниками. Не зная как справиться со своими переживаниями, ребенок начинает выплескивать обиду на других ребят, или наоборот – замыкается в себе.

Ни для кого не секрет, что в неполных семьях родитель несет на себе огромную ответственность – он и родитель, и воспитатель, и кормилец.

Как правило, такие родители из-за собственной занятости просто не замечают проблем ребенка. В опекунских же семьях существует тенденция давать ребенку шанс самому разобраться в себе, что зачастую приводит к усугублению ситуации.

С другой стороны, трудность в адаптации детей к школе может зависеть от внутрисемейной ситуации. В современном обществе ярко проявляется тенденция к следующему: родители считают, что могут полностью распоряжаться своим ребенком, применяя для воспитания любые меры. Они забывают об уважении и чести по отношению к своим детям. Часто в таких семьях присутствует насилие. Насилие в семье становится трагедией для многих людей и разрушает фундамент безопасности общества. Ребенок, ставший объектом насилия, замкнут, унижен. Как правило, такие дети труднее всего адаптируются и социализируются в любых новых условиях.

Именно на таких семьях должно быть сконцентрировано внимание социальных педагогов и школьных учителей. Необходимо отметить, что классные руководители первоклассников, хотя и осведомлены о семейном статусе детей, практически не помогают детям адаптироваться к школе. Они закрывают глаза на многие нюансы касаясь учебного процесса и отношений в детском коллективе. Учителя группы продленного дня вообще не обладают сведениями о семейном составе детей, для них все ребята равны.

Работники школы и социальных учреждений обязаны перекрыть для первоклассника опасность насилия внутри семьи. Они должны защитить таких детей в ситуации, когда семья не способна это сделать.

ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: ВОПРОСЫ ДЛЯ ОБСУЖДЕНИЯ

SOCIAL WORK EDUCATION: DISCUSSION QUESTIONS

А.В. Мигунова

Нижегородский гоуниверситет им. Н.И. Лобачевского

A.V. Migunova

Nizhni Novgorod State University

В данной статье обсуждаются различные аспекты профессиональной подготовки социальных работников в России, включая возможные вариации в организации обучения.

This article is devoted to the consideration of different aspects of social work education in Russia, including possible variations in the organization of teaching process.

Ключевые слова: профессиональное образование, образование в области социальной работы, образовательные стандарты.

Key words: professional education, social work education, educational standards.

В российской системе профессиональной подготовки в области социальной работы в настоящее время предусмотрены начальное профессиональное образование, среднее профессиональное образование, включающее базовую и углубленную подготовку, и высшее профессиональное образование, охватывающее бакалавриат и магистратуру, а также сохраняющее еще выпуски в рамках специалитета. Осуществляется также повышение квалификации как практикующих специалистов, так и преподавателей по социальной работе.

В данной статье в центре внимания будет находиться, прежде всего, высшее профессиональное образование в указанной сфере подготовки.

Профессиональная подготовка будущих социальных работников осуществляется как на основе ГОС ВПО [1] (образовательный стандарт второго поколения), так и ФГОС НПО [2], ФГОС СПО [3] и ФГОС ВПО [4, 5] (образовательные стандарты третьего поколения). В образовательных стандартах третьего поколения преобразована структура основной образовательной программы (далее ООП), произошел переход от академических часов к зачетным единицам при расчете трудоемкости освоения ООП. При оценке результатов освоения ООП выпускниками по специальности «Социальная работа» применяется квалификационный подход, во всех других случаях – компетентностный подход. В системе высшего образования в области социальной работы выпускники специалитета получают специализацию, в бакалавриате и магистратуре обучение ведется по профилям подготовки.

Исходя из вышесказанного, возникают следующие вопросы для обсуждения:

Если сегодня в системе профессиональной подготовки в области социальной работы еще сохраняется массовый выпуск в рамках специалитета, то каковы возможные перспективы в будущем?

Каков должен быть подход в составлении учебных планов при переходе от преимущественной подготовки в рамках специалитета к бакалавриату и магистратуре, притом что существуют интересы разных сторон, участвующих в образовательном процессе?

ООП подготовки специалиста включает, среди прочих, дисциплины федерального компонента, которые являются общими для всех обучающихся по социальной работе, а ООП подготовки бакалавра и магистра состоят из базовой (обязательной) и вариативной частей. Изучение структуры и содержания основных образовательных программ рождает следующий возможный вопрос: необходимо наличие установленного множества сходных элементов в содержании программ подготовки или разнообразии программ?

Далее. Какой выбор сделать: обучать по профилям подготовки из числа рекомендованных УМО ВУЗов России по образованию в области социальной работы или создавать собственные, либо и то, и другое? Последняя из указанных стратегий действий допускается, т.к. сегодня у ряда учебных заведений появляется возможность самостоятельно разрабатывать и утверждать образовательные стандарты, а, следовательно, и профили подготовки.

Осмысление введения в системе российского профессионального образования исчисления трудоемкости тех или иных учебных дисциплин с помощью зачетных единиц касается и изучения европейского опыта применения кредитных единиц, обсуждения общего и различного.

В новых образовательных стандартах большое значение придается применению практикоориентированного подхода к обучению. Он может внедряться как путем увеличения зачетных единиц на практику студентов, так и повышением объема аудиторных практических занятий, предусматривающих, в том числе, использование активных и интерактивных форм проведения занятий. Вопрос для обсуждения: пересмотр учебных программ и учебно-методических пособий, а также арсенала методов преподавания. Это же касается и внеаудиторной работы студентов. Возрастание роли самостоятельной работы связано с вопросом о ее методическом обеспечении и стимулировании студентов к этому виду учебной деятельности.

Обсуждение инструментов оценки компетенций выпускников по направлению подготовки «Социальная работа», связано, в том числе, с проблемой создания адекватных процедур измерения компетентности. Так, на наш взгляд, оценить социально-технологические и организационно-управленческие компетенции сложнее, чем исследовательские и социально-проектные.

Наконец, помимо новых требований и возможностей как в области организации учебного процесса, так и в сфере преподавательской деятельности, можно обсуждать и новые возможности, появившиеся у сту-

дентов. В частности, у обучающихся есть возможность участия в формировании своей программы обучения, а также оценке содержания, организации и качества учебного процесса. Соответственно, встает вопрос о создании соответствующих практических механизмов, обеспечивающих реализацию этой возможности.

Литература

1. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 350500 – Социальная работа. Квалификация: специалист. Регистрационный № 83 мжд/сп (утв. Минобразованием РФ 10.03.2000).

2. Приказ Минобрнауки РФ от 10.11.2009 № 571 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального профессионального образования по профессии 040401.01 «Социальный работник» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 10.12.2009 № 15491).

3. Приказ Минобрнауки РФ от 28.10.2009 № 480 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 040401 «Социальная работа» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 17.12.2009 № 15689).

4. Приказ Минобрнауки РФ от 08.12.2009 № 709 (ред. от 31.05.2011). «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 040400 Социальная работа (квалификация (степень) «бакалавр»)» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 08.02.2010 № 16295).

5. Приказ Минобрнауки РФ от 07.02.2011 № 170 (ред. от 31.05.2011). «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 040400 Социальная работа (квалификация (степень) «магистр»)» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 22.03.2011 № 20231).

О БЮРОКРАТИИ В НАУКЕ **ABOUT BUREAUCRACY IN SCIENCE**

Ю.М. Резник
Институт философии РАН
Yu.M. Reznik
Institute of philosophy, RAN

1. Бюрократию я рассматриваю как особую социальную группу, эксплуатирующую в своих интересах материальные и интеллектуальные ресурсы нации (прежде всего, ученых), подменяющую собой этос среднего класса и размывающую границы гражданского общества.

Для начала уточню некоторые признаки бюрократии. Обычно называют такие признаки, как патримониальность, репрессивность и паразитарность. Еще Вебер называл восточную бюрократию патримониальной. *Патримониальность* означает нерасчлененность экономических и политических интересов, синкретичность власти и собственности. А с точки зрения А. Гулднера, она является *дисциплинарной* бюрократией, требующей слепого выполнения ею же установленных правил, и *репрессивной* бюрократией, использующей средства политического или экономического давления. Отечественная бюрократия является авторитарной по форме и имперской по сути. Она выражает неистребимое стремление к экспансии и контролю над сопредельными территориями и сегментами общественной жизни.

И, наконец, еще один признак бюрократии – *паразитарность*, которая выхолащивает суть любого дела, отдавая предпочтение формальных результатов содержанию деятельности. Поэтому бюрократия не способна создавать и поддерживать расширенный социальный порядок (вспомним Хайека). Она может только тратить то, что ей по праву не принадлежит. Именно с такой бюрократией нам и приходится сталкиваться в России.

Феномен паразитарной бюрократии трудно описать в терминах функционального или иного строгого социального анализа, поскольку внешне всё выглядит вполне благопристойно: активная деятельность по реформированию, демонстрация достижений, создание разных систем показателей эффективности (чего стоит один список неэффективных вузов).

К паразитарной бюрократии может быть применим, в частности, социоклинический подход. С этой точки зрения, паразитизм – это социальная болезнь, которую трудно купировать и лечить. Причем это инфекционная болезнь, которая распространяется посредством вирусов бюрократизации, коррупции, вседозволенности и пр. В терминах социоклинического анализа бюрократия есть, не просто власть занимаемого места и должности, а субъект, пораженный синдромами социопатии, алчности, болезненным самоощущением и имитирующий деятельность по управлению.

Вопрос заключается лишь в том, кто будет заниматься диагностикой и лечением этой болезни. Кто будет врачом и санитаром в одном лице? Обществу уже давно нужна не декоративная борьба с коррупцией, а скорая антибюрократическая помощь, что-то напоподобие отрядов быстрого реагирования. А поскольку опыт показывает, что бороться с бюрократией силами самой бюрократии бессмысленно, надо создавать независимые экспертные и контрольные структуры гражданского общества.

А с учетом нашего менталитета это может привести к новому витку бюрократизации. Получается замкнутый круг.

2. *Бюрократия в науке несет на себе печать иррационального отношения к делу, что лишает смысла любую деятельность.* Поскольку главный признак паразитарной бюрократии – имитация кипучей деятельности по управлению всем и вся, то в науке это становится особенно опасным. Ведь распознавать настоящее (подлинное) и отличать его от подделки (ненастоящего) она не может, а доверие к профессионалам в науке у нее нет. Вот и получается, что бюрократия вторгается в сферу научной деятельности, подменяя в лучшем случае ее содержание и результаты формальными показателями (критериями эффективности образовательных и научных учреждений, индексами цитируемости и пр.). Всё это делается как всегда наспех, без какого-либо обсуждения в кругах научной общественности и участия экспертов. В результате закрываются или объединяются вузы, которые имеют давние научно-образовательные традиции и школы. Под топор оптимизации попадают многие дееспособные организации.

Главное в бюрократических кампаниях – пройти точку невозврата, когда коллектив и руководители вузов (научных учреждений) теряют время и силы на выяснение причин, а маховик уже запущен. Достаточно снять руководителя, назначить своего ставленника и организовать кампанию в его поддержку. А дальше всё пойдет как по маслу.

Методы такого давления на науку и ученых известны издавна. Принцип «разделяй и властвуй» пока еще никто не отменял. Все это проводится под знаком оптимизации. Как считал Лоренс Питер: оптимизировать – это значит усложнять дело настолько, чтобы обеспечить максимальный уровень собственной (т.е. бюрократической) защищенности. Приемы оптимизации тоже не отличаются сложностью: запутать, сбить с толку и затем в этой неразберихе и мутной воде провести нужное решение (посадить своего человека, провести под разными предлогами ряд несущественных изменений и тем самым нейтрализовать волну протеста).

Мне как исследователю видится в происходящем не чей-то тайный заговор, а вполне сознательная и реальная (а не декларируемая) политика, направленная на разрушение профессионального и гуманитарного этоса нации. Стране, у которой фактически нет промышленной базы и преобладает сырьевая экономика, просто не нужно столько ученых, особенно гуманитариев. Парадокс ситуации заключается в том, что риторика модернизации и инновационного развития не снимается с повестки дня. Интересно, кто и какими силами будет их проводить?

Я не буду останавливаться подробно на анализе тактических приемов, используемых в ходе бюрократической реорганизации науки. Они описаны подробно в моих последних статьях. Это – дезорганизация, разобщение и деморализация научных коллективов. Перейду к следующему пункту своего выступления.

3. *Самое сложное в борьбе с бюрократией – то, что она проникает внутрь нас, заражая вирусом вседозволенности и подменяя настоящих лидеров приспособленцами.* На мой взгляд, наша наука, как впрочем, и другие институты российского общества, переживает сегодня невероятный по масштабу и глубине протекания альфа-кризис, т.е. кризис, связанный с нарастанием дефицита альфа-лидеров. Образно выражаясь, «настоящих буйных мало». Многие из них ушли во «внутреннюю» эмиграцию. А может их всегда и во все исторические времена было мало или это исключительный признак нашего, не очень веселого времени?

Типический пример альфа-лидера в науке – Сергей Павлович Королев, академик, один из главных основателей и пионеров отечественной космонавтики. С его именем связаны первые полеты человека (и не только) в космос. Его биография весьма созвучна сталинскому периоду жизни страны. Но, как известно, талант блестящего ученого и крупного организатора в одном лице рано или поздно пробивает себе дорогу в жизнь.

Я мог бы привести десятки имен, которые составляют честь и славу отечественной науки. Они выросли из-под оков сталинского режима, иногда вопреки ему. К ним стоит добавить тысячи и тысячи талантливых инженеров, строителей, руководителей и пр. Значит тогда, при всех деформациях бюрократической системы управления альфа-лидеры были востребованы во всех отраслях народного хозяйства, а сейчас нет? Что же с нами такое произошло за последние десятилетия, что мы потеряли не только веру в свою страну, но и в самих себя? Почему вместо первопроходцев так много развелось первопроходимцев? Неужели наша земля стала скудна талантами?

4. *Бюрократия породила в отечественной науке особые антропологические типы – людей, которые превращают занятия в науке и образовании в своего рода выгодный бизнес.* Я называю их имитаторами.

Общий признак внутринаучной группы бюрократии состоит в *имитации* и выхолащивании самой сути научного творчества, а также подмене его истинных установок формально-бюрократическими ритуалами и процедурами. Поэтому их отличает не творческая активность, приносящая реальные результаты и заслуженное признание коллег, а склонность «играть» в науку и научные занятия ради собственного возвыше-

ния и удовлетворения тщеславных планов на научном поприще. А для этого все средства хороши.

Еще одна черта имитаторов в науке – ярко выраженное желание казаться настоящим ученым, а не быть им на самом деле. О *кажимости* как феномене внешнего, эмпирического бытия человека я уже писал в ряде своих статей. Кажимость характеризует условную реальность, «как-бы-бытие» человека и выражается непосредственно в его персоне – особом способе презентации человека в мире других людей, при котором окружающим демонстрируются лишь определенные грани его личности, а ее самость всячески маскируется под разными масками.

Я квалифицирую такой стиль имитационного руководства как примитивно тоталитарный, которому свойственны не критичность, нерелексивность и репрессивность в процессах взаимодействия с людьми. Этот человек, будучи носителем данной роли, патологически не способен воспринимать критику со стороны равных ему или подчиненных людей.

Для внутринаучной бюрократии наука является не только игрой, лишь отдаленно напоминающей творчество, но и карьерной лестницей, взбираясь по которой можно получить определенные социальные блага (звания, должности, награды, привилегии и пр.). Конечно, имитационные типы бюрократа наносят огромный моральный урон науке и ученым. Они размывают ценностные ориентации, на которых базируется этос ученых, культивируя аморальные по сути установки (алчность, своекорыстие, стремление к личной выгоде, склонность к привилегиям, неприятие инакомыслия и любых не санкционированных свыше инициатив).

АБИТУРИЕНТ-2012: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ВУЗА
UNN ENTRANTS-2012: THE PROBLEM OF CHOICE
OF A UNIVERSITY

М.В. Рябоконт
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
M.V. Ryabokon
N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

В статье рассмотрены ценностные и профессиональные ориентации абитуриентов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в 2012 году, проведено сравнение с ориентациями абитуриентов университета в 2006 году. Представлены результаты анкетного опроса абитуриентов ННГУ 2012 года.

The article examines career and value orientation of UNN entrants in the 2012^{ve} year, compares it with orientation of UNN entrants in the 2006th year, presents. the results of the questionnaire survey of UNN entrants-2012.

Ключевые слова: абитуриенты, ценностные ориентации, профессиональные ориентации, выбор вуза

Keywords: entrants, value orientation, career orientation, choosing of university

В течение нескольких лет происходят серьезные изменения в порядке и организации приёма абитуриентов в высшие учебные заведения. За последние пять лет практически полностью изменились система вступительных испытаний, конкурсный отбор, порядок и процедура зачисления. В условиях ежегодно корректирующегося нового для российских вузов порядка приёма абитуриенты зачастую оказываются растерянными, не могут отследить все тонкости и нюансы организации конкурса и проведения зачисления в вуз. Это может быть обусловлено целым рядом разнородных причин: абитуриенты могут поверхностно и невнимательно относиться к нормативно-правовым актам, регламентирующим приём в вузы; опираясь на знания, полученные от друзей и знакомых; они могут быть дезинформированы самими сотрудниками вузов; и, разумеется, они испытывают сильные эмоциональные переживания, связанные с важностью самого момента поступления в вуз. При всем при этом нельзя не отметить, что в условиях продолжающихся реформ, когда еще не выработаны соответствующие практики, абитуриент оказывается один на один с достаточно сложной системой организации и проведения приема в вузы, и им должно быть принято решение о выборе конкретного вуза.

По сути, современная система не дает гарантий поступления ни одному из будущих студентов. Каждый абитуриент вынужден самостоятельно отслеживать ежеминутно меняющуюся конкурсную ситуацию в каждом вузе и на каждом факультете, куда им были поданы документы. Отдать оригиналы документов об образовании означает сделать окончательный шаг и не быть уверенным в собственном поступлении до момента опубликования приказа о зачислении.

В связи со всем вышесказанным очевидной становится необходимость изучать и анализировать процесс выбора абитуриентами того или иного поведения при поступлении. В последнее время множество российских социологов занимаются этой проблемой, однако анализируются обычно способ распределения студентов по факультетам и направлени-

ям [1], механизм организации конкурса среди абитуриентов [2], итоги введения новой системы приёма в вузы [3], а также наиболее популярной темой для исследований остается проблема мотивов получения высшего образования [4, 5]. При таком подробном изучении отношения будущих студентов к самому институту высшего образования практически без внимания исследователей осталась проблема мотивов выбора абитуриентом конкретного вуза, факультета и направления, что может быть полезно как для самих поступающих в вузы, так и высших учебных заведений при планировании рекламных кампаний и при организации самой процедуры приема документов, отбора и зачисления абитуриентов.

В апреле 2012 года нами был проведен опрос школьников, записавшихся на сдачу репетиционных ЕГЭ, проводимых факультетом довузовской подготовки и профориентации ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Выборку составили 128 человек.

Полученные данные показали, что большинство абитуриентов уже определились с выбором вузов, в которые они собираются поступать. При этом 59,4 % школьников ориентированы на подачу документов сразу в несколько вузов. Также почти более трети школьников намерены подавать документы только в один вуз (38,3%). Оставшиеся 2,3% школьников еще не определились с выбором вуза.

Почти половина школьников (45,3%) определились с выбором вуза около года назад. Четверть (25,8%) сделали выбор около полугода назад. Также имеется значительная группа выпускников, которые задумывались над этим вопросом еще 2-3 года назад и ранее.

Основным и наиболее значимым фактором при выборе вуза для абитуриентов являются советы родителей (55,5%). Также заметное влияние оказывают дни открытых дверей в вузах (31,3%), успешная карьера выпускников вуза (28,9%), разговоры со студентами вуза (28,1%), занятия с преподавателями вуза и рейтинги вузов в СМИ и Интернете (по 25%). Наименьшее значение для абитуриентов имеют проводимые вузами ярмарки вакансий (7%), печатная реклама вуза (3,9%) и теле- и радиореклама (0,8%).

Необходимую информацию о вузах города абитуриенты получают преимущественно из Интернета (75,8%). Приблизительно равными по значимости источниками информации о вузах являются беседы с родственниками (31%), друзьями и знакомыми (24,2%) и студентами вузов (22,2%). Наименее популярными источниками информации абитуриенты считают телевизионные и радиопередачи о вузах, телерекламу и вы-

ставки, проводимые вузами (по 2,3%), а также рекламу на улицах города (0,8%). Газетная реклама и реклама на радио вообще не используется абитуриентами.

Наиболее престижными вузами Нижнего Новгорода абитуриенты считают ННГУ им. Н.И. Лобачевского, НГМА, НГГУ им. Р.Е. Алексеева и НФГУ ВШЭ.

При выборе вуза для абитуриентов большое значение имеет наличие в вузе интересующей специальности (57%), надежность и хорошие отзывы о вузе (44,5%). Более трети абитуриентов отметили, что вуз должен быть государственным (37,5%) и престижным (36,7%).

Подавляющему большинству абитуриентов хотелось бы поступить на бюджетное место (88,3%), и только небольшая группа (10,9%) изначально ориентирована на платное обучение. При этом практически половина (48,4%) абитуриентов готова в случае, если не получится поступить на бюджет, учиться платно.

Что касается планов на будущее, то наиболее многочисленной является группа абитуриентов, планирующих в будущем иметь свой бизнес (38,3%). Интересно, что доля абитуриентов, стремящихся заниматься научной, конструкторской и инженерной деятельностью (29,7% и 18,8% соответственно), превышает долю желающих заниматься менеджментом и юридической деятельностью (15,6% и 13,3% соответственно). Наименее привлекательными для абитуриентов являются перспективы остаться в университете или в сфере высшего образования (7% и 6,3% соответственно), а также заниматься педагогической деятельностью (0,8%).

Литература

1. Симанчук И.В. Задача нахождения равновесного распределения абитуриентов по вузам на основе результатов ЕГЭ / И.В. Симанчук // Экономические науки. – 2010. – № 12(73). – С. 415–419.
2. Макарова М.Н. Псевдоконкурс как механизм трансформации системы отбора в региональный вуз в условиях демографического спада / М.Н. Макарова, И.А. Мерзлякова // Вопросы образования. – 2009. – № 2. – С. 223–235.
3. Добрякова М.С. Прием в российские государственные вузы в 2010 г.: увидеть, чтобы задуматься / М.С. Добрякова, Г.В. Андрущак // Вопросы образования. – 2010. – № 4. – С. 101–121.
4. Эфендиев А.Г. первые результаты ЕГЭ: анализ социальных последствий и тенденций // А.Г. Эфендиев, К.В. Решетникова // Вопросы образования. – 2004. – № 2. – С. 288–310.
5. Виштак О.В. Мотивационные предпочтения абитуриентов и студентов / А.В. Виштак // Социологические исследования. – 2003. – № 2. – С. 135–138.

6. Малинаукас Р.К. Мотивация студентов разных периодов обучения / Р.К. Малипаускас // Социологические исследования. – 2005. – № 2. – С. 134–138.

**ЦЕЛИ И ОЦЕНКИ СТЕПЕНИ ИХ ДОСТИЖЕНИЯ
В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ
OBJECTIVES AND ASSESSMENT OF THEIR ACHIEVEMENT
IN THE MANAGEMENT OF EDUCATIONAL SYSTEMS**

В.М. Соколов

Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского

V.M. Sokolov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Обсуждаются проблемы согласованности описания целей обучения и способов, содержания процедур оценки степени их достижения.

This article discusses the problem of consistency of descriptions of learning objectives, content, methods and procedures for the assessment of the degree of their attainment.

Ключевые слова: цели обучения, процедуры, содержания оценки достижения целей.

Keywords: descriptions of learning objectives, content, methods and procedures for the assessment of the objectives.

Проблемность образования в современном мире, актуальность отображения этих проблем в теории и практике образования не нуждаются в обосновании. Это позволяет сразу перейти к обсуждению только двух, но важнейших составляющих в управлении образовательными системами и процессами – к описанию целей обучения и адекватным им способам, методам оценки степени достижения заявленных целей.

Предназначение систем образования – эффективная трансляция социального опыта субъектам, потребителям этого опыта в объеме и содержании, определяемом потребностями общества и личности.

Основная цель образовательной системы, разумеется, дифференцированной по уровням образования, – приобретение ее выпускником совокупности свойств (компетенций), которая позволит ему успешно функционировать и развиваться в обществе, активно адаптируясь к его изменениям.

Еще более упрощая наше обсуждение, обратимся к целям обучения, оставляя за его пределами значительно более сложное описание целей воспитания. Воспользуемся при этом определением понятия «обучение», представленном в новом Законе РФ «Об образовании в Российской Федерации»:

(пункт 3 статьи 2. «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе») 1) «обучение – целенаправленный процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни».

Нормативно цели этого процесса определяются Федеральным государственным стандартом: (пункт 6 ст-и 2) «Федеральный государственный образовательный стандарт – совокупность обязательных требований к образованию определенного уровня и (или) к профессии, специальности и направлению подготовки, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования».

Дополним определение ФГОС выборочными ссылками из статьи 11 «Федеральные государственные образовательные стандарты и федеральные государственные требования».

1. Федеральные государственные образовательные стандарты и федеральные государственные требования обеспечивают:

- 1) единство образовательного пространства Российской Федерации;
- 2) преемственность основных образовательных программ;
- 3) вариативность содержания образовательных программ соответствующего уровня образования, возможность формирования образовательных программ различных уровней сложности и направленности с учетом образовательных потребностей и способностей обучающихся;
- 4) государственные гарантии уровня и качества образования на основе единства обязательных требований к условиям реализации основных образовательных программ и результатам их освоения.

2. Федеральные государственные образовательные стандарты, за исключением федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования, являются основой объективной оценки соответствия установленным требованиям образовательной деятельности и подготовки обучающихся, освоивших образовательные программы со-

ответствующего уровня и соответствующей направленности, независимо от формы получения образования и формы обучения.

3. Федеральные государственные образовательные стандарты включают в себя требования к:

1) структуре основных образовательных программ (в том числе соотношению обязательной части основной образовательной программы и части, формируемой участниками образовательных отношений) и их объему;

2) условиям реализации основных образовательных программ, в том числе кадровым, финансовым, материально-техническим и иным условиям;

3) результатам освоения основных образовательных программ.

Отметим теперь, что ФГОС отображают на обобщенном Федеральном уровне не только цели соответствующего образовательного процесса, включающие цели обучения, но и «являются основой объективной оценки соответствия установленным требованиям образовательной деятельности и подготовки обучающихся, освоивших образовательные программы соответствующего уровня и соответствующей направленности, независимо от формы получения образования и формы обучения» и «включают в себя требования к: ... результатам освоения основных образовательных программ». Не иначе как на основании этих процедур они (ФГОС) становятся государственными гарантиями «... уровня и качества образования на основе единства обязательных требований к условиям реализации основных образовательных программ и результатам их освоения».

Из сказанного выше следует, что часто обсуждаемый вопрос о нормативном качестве образования, образованности выпускников определяется уровнем соответствия степени их подготовленности требованиям ФГОС. Без чего, кстати, невозможна положительная аккредитация образовательного заведения по направлениям подготовки выпускников и выдача им государственных документов, подтверждающих их уровень образованности, квалификации.

Теперь о реалиях. Разумеется, сразу оговоримся, что цитируется Закон РФ № 273 «Об образовании в Российской Федерации», большая часть статей которого вступает в силу с сентября 2013 года, а стандарты, о которых пойдет речь, приняты в 2010–2012 годах. И все-таки, пример федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования, введенного приказом Минобрнауки России №413 от 17.05.2012 г. «Стандарт устанавливает требова-

ния к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы: личностным, ... (15 позиций) ; метапредметным, ... (9 позиций); предметным, включающим освоенные обучающимися в ходе изучения учебного предмета, например, «Математика: алгебра и начала математического анализа, геометрия» (базовый уровень) – требования к предметным результатам освоения базового курса математики должны отражать:

1) сформированность представлений о математике как части мировой культуры и о месте математики в современной цивилизации, о способах описания на математическом языке явлений реального мира;

2) сформированность представлений о математических понятиях как о важнейших математических моделях, позволяющих описывать и изучать разные процессы и явления; понимание возможности аксиоматического построения математических теорий;

3) владение методами доказательств и алгоритмов решения; умение их применять, проводить доказательные рассуждения в ходе решения задач;

4) владение стандартными приёмами решения рациональных и иррациональных, показательных, степенных, тригонометрических уравнений и неравенств, их систем; использование готовых компьютерных программ, в том числе для поиска пути решения и иллюстрации решения уравнений и неравенств;

5) сформированность представлений об основных понятиях, идеях и методах математического анализа;

6) владение основными понятиями о плоских и пространственных геометрических фигурах, их основных свойствах; сформированность умения распознавать на чертежах, моделях и в реальном мире геометрические фигуры; применение изученных свойств геометрических фигур и формул для решения геометрических задач и задач с практическим содержанием;

7) сформированность представлений о процессах и явлениях, имеющих вероятностный характер, о статистических закономерностях в реальном мире, об основных понятиях элементарной теории вероятностей; умений находить и оценивать вероятности наступления событий в простейших практических ситуациях и основные характеристики случайных величин;

8) владение навыками использования готовых компьютерных программ при решении задач».

Цитирование математики не случайно. Оно определяется тем, что математика является обязательным предметом единого государственного экзамена (ЕГЭ), роль которого подтверждается пунктом 13 статьи 59 «Итоговая аттестация» – «Государственная итоговая аттестация по образовательным программам среднего общего образования проводится в форме единого государственного экзамена ...». Не включаясь в обсуждение преимуществ и недостатков ЕГЭ, хочу подчеркнуть самое существенное: приведенные выше формулировки требований к предметным результатам освоения базового курса математики не определяют содержание и тем более простоту или сложность контрольных измерительных материалов, используемых в ЕГЭ, ни критериев оценивания экзаменационных работ, выполненных на основе этих контрольных измерительных материалов. Следовательно, все это, без оговорок, отдается во владение федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функции по контролю и надзору в сфере образования. Именно этот орган обязан трактовать и переводить на «язык» контрольных измерительных материалов такие термины создателей ФГОС как: «сформированность представлений», «владение ...».

Подчеркнем особо, требования, устанавливаемые ФГОС, к результатам освоения обучающимися основной образовательной программы: личностным, ... (15 позиций); метапредметным, ... (9 позиций); предметным, включающим освоенные обучающимися в ходе изучения учебного предмета, без соответствующих способов оценки степени их достижения, декларативны, в то время как ЕГЭ совершенно реально! Отсюда и результаты – весь процесс обучения, особенно на завершающем его этапе, правдами и неправдами, работает на успешность ЕГЭ. Таким образом, именно успешность выполнения ЕГЭ, а не требования ФГОС становятся реальными целями общего среднего образования.

С позиций оценки степени достижения заявленных в ФГОС целей обучения, требований к уровню усвоения основной образовательной программы по направлениям подготовки бакалавров и магистров, выпускников-специалистов высшего профессионального образования ситуация отличается от общего среднего образования только тем, что идея, высказанная бывшем министром образования и науки Андрей Фурсенко в сентябре 2011 года (от которой он, правда, в сентябре и отказался) о введении ЕГЭ для выпускников вузов, не была принята Минобрнауки России к реализации. Иначе, некая организация взяла бы на себя ответственность поставить в соответствие требованиям ФГОС, которые сформулированы не более четко и однозначно, чем в ФГОС общего

среднего образования, контрольные измерительные материалы ЕГЭ для бакалавров и др.

Есть альтернатива представленного выше подхода согласования целей обучения и способов оценки степени их достижения в более простой для описания сфере профессионального образования. Конспективно это может быть представлено следующими шагами, не нарушающими ФГОС:

Уточнением, конкретизацией модели профессиональной компетентности выпускника, т.е. определением, описанием совокупности наиболее значимых свойств (компетенций), которыми должен обладать выпускник, представленной на языке обобщенных видов его будущей профессиональной деятельности, включая аспекты подготовленности к успешной адаптации в меняющихся условиях.

Совокупность сугубо профессиональных компетенций, дополненная в значительной мере универсальными мировоззренческими и социальными компетенциями выпускника, – цель целостного процесса его подготовки. В этом процессе все содержание конкретных дисциплин, уровни усвоения этого содержания, методы и технологии, обеспечивающие усвоение этого содержания, включая оценки уровня усвоения – все максимально согласованно обеспечивает достижение конечной цели. При этом можно и нужно оценивать степень достижения дисциплинарных целей, определяемых их значимостью в достижении системного результата. Можно использовать для этого процедуры подобные ЕГЭ, понимая их ориентированность на оценку репродуктивной деятельности. Сложнее, но возможно (есть такой опыт), создавать комплексные квалификационные задания, имитирующие реальную деятельность профессионала.

**СТРУКТУРА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА:
СОЦИОЛОГО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
RESEARCH AND TEACHING STAFF STRUCTURE AT RESEARCH
UNIVERSITY: SOCIOLOGICAL AND STATISTICAL ANALYSIS**

И.М. Фадеева, Ю.В. Сарайкин
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва
I.M. Fadeyeva, Yu.V. Saraikin
Mordovian State University named after N.P. Ogarev

На основе социолого-статистического подхода рассматриваются результаты опроса преподавателей исследовательского университета. Выделяются основ-

ные кластеры преподавателей в зависимости от признаков их социальной комфортности и социально-профессионального капитала.

Sociological and statistical approach has been used to consider the results of research university teachers survey. Consequently, the main clusters of teachers have been defined based on their levels of social wellbeing and socio-professional background.

Ключевые слова: структура научно-педагогических кадров, социально-профессиональный капитал, социальная комфортность, исследовательский университет.

Keywords: research and teaching staff, socio-professional background, social wellbeing, research university.

В целях модернизации российского образования, науки и формирования наукоемкого сектора экономики были выделены на основе конкурсной процедуры 29 национальных исследовательских университетов. Известно, что именно порядок формирования структуры научно-педагогических кадров является ключевым элементом создания такого типа университета. Опыт зарубежных университетов, возглавляющих мировые академические рейтинги, свидетельствует, что одним из основных принципов управления научно-исследовательской деятельностью является принцип соблюдения высоких стандартов при отборе научно-педагогических кадров. Обсуждая практику академического найма, данную зависимость отмечают также отечественные ученые, в частности ректор НИУ Высшая школа экономики Я.И. Кузьминов.

Одной из актуальных проблем современного исследовательского университета является формирование оптимальной, эффективной кадровой структуры. Сложность и многогранность данного процесса требуют применения адекватных методов для его изучения. Для анализа структуры научно-педагогических кадров исследовательского университета был выбран социолого-статистический подход на основе методов множественного анализа соответствий и кластерного анализа, позволивших нелинейно интерпретировать результаты социологического опроса преподавателей Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (N=126), проведенного в 2011 году научно-образовательным центром «Социум-М».

В процессе анкетирования респонденты отвечали на блоки вопросов, связанные со здоровьем, социальной комфортностью, отношением к профессии, с карьерой и мобильностью. Для выделения кластеров преподавателей с точки зрения их отношения к вузу и профессиональной

деятельности были выбраны девять ключевых параметров, характеризующих их социально-демографическое положение, статус, ожидаемое финансовое положение, социальную комфортность. Полученное двумерное пространство, в котором главными осями стали социально-профессиональный капитал и комфортность, характеризуют четыре группы кластеров.

Кластер «А» представлен докторами наук в возрасте старше 60 лет. Это единственная группа респондентов, для которой относительно близко стоит позиция «денег достаточно». Это преподаватели социально и профессионально реализовавшие себя, утвердившие свой статус в вузе, уверенные в настоящем и будущем. Они составляют 5-10% от общей численности преподавателей.

Кластер «В» включает преподавателей предпенсионных возрастных групп (50-60 лет) и преимущественно ассоциирован с мужчинами. Особенностью данного кластера является то, что ответы респондентов практически не связаны с категорией «ученая степень» и демонстрируют значительную долю разочаровавшихся в выборе профессии. Данный кластер охватывает примерно 15-20% от общего числа преподавателей.

Кластер «С» оказался наиболее сложным для интерпретации, поскольку включал в себя преподавателей с ученой степенью кандидата наук возрастной группы 30-40 лет, составляющих кадровую основу вуза. Поскольку это наиболее многочисленная группа (50-60%), в нем были выделены три субкластера:

субкластер «С1» – группа положительно ориентированных на профессию преподавателей, не сомневающих в ее выборе, преимущественно имеющих семейный статус, отвечающих, что «денег им вполне достаточно для беспрепятственного приобретения товаров длительного пользования» (20-30%);

субкластер «С2» представлен преимущественно женщинами в возрасте 30-40 лет, нейтрально относящимися к происходящим изменениям в вузе и отвечающим, что «денег им достаточно преимущественно на товары первой необходимости», затруднившихся спрогнозировать уровень социальной комфортности в ближайшее время, тем не менее, уверенных в правильности выбранной профессии (20-25%);

субкластер «С3» включает группу 40-50-летних преподавателей, считающих неудачным выбор своей профессии (5-10%). Данный субкластер образует поколение, начавшее свою профессиональную деятельность в начале 90-х г. прошлого века, когда социально-экономическая трансформация российского общества вызвала мощный отток из

вузов наиболее активной части преподавателей, сформировав так называемый разрыв поколений. В настоящее время это проявляется как в возрастном «вакууме» 40–50 летних, так и неудовлетворенностью большинством выбором профессии.

Кластер «D» представлен группой молодых преподавателей без ученой степени не имеющих детей. Данная группа считает, что ее социальная комфортность в ближайшее время улучшится, однако в финансовом плане преподаватели затруднились охарактеризовать свое положение. Представителей данного кластера 10-15% от общей численности преподавателей.

В рамках анализа процесса изменений структуры научно-педагогических кадров исследовательского университета представляется важным проанализировать ответы преподавателей выделенных кластеров на вопрос анкеты: «Как вы планируете Вашу профессиональную деятельность в ближайшей и отдаленной перспективе?». Выявлено, что кластеры «А» и «В» не ассоциируют свою дальнейшую работу ни с одним из видов деятельности: с одной стороны, это доктора наук старших возрастных групп, достигшие статусного положения в вузе, с другой – это разочаровавшиеся в профессии преподаватели предпенсионных возрастных групп. Планируют связать свою дальнейшую судьбу с вузом преподаватели кластера «С», однако они могут планировать свою деятельность только на краткосрочную и среднесрочную перспективы. Вместе с тем, этот кластер отличают и некоторые особенности. Так, преподаватели субкластера «С1» в большей степени ориентированы на управленческую деятельность и планируют ей заняться в течение ближайших пяти лет; преподаватели субкластера «С2» ориентированы на научную карьеру, они планируют в среднесрочной перспективе начать работу над докторской диссертацией; преподаватели субкластера «С3» не планируют профессиональную деятельность в вузе.

Были выявлены и некоторые зависимости: кандидаты наук, которых в целом устраивает доход, в большей мере ориентированы на управленческую деятельность (субкластер «С1»); преподаватели, ответившие, что «денег хватает только на питание и одежду» в среднесрочной перспективе более ориентированы на научную деятельность (субкластер «С2»). Последняя группа готова прилагать значительные усилия для того, чтобы обеспечивать себе не столько карьерный рост, сколько рост доходов за счет повышения научной квалификации и появившихся за счет этого возможностей дополнительной занятости.

Негативным обстоятельством является то, что у группы молодых преподавателей без ученой степени (кластер «D») весьма далеко ассоциированы ответы о возможном сроке защиты кандидатской диссертации. Вероятнее всего данная ситуация связана с их низким статусом и неопределенными перспективами высшей школы как области их профессиональной деятельности.

Таким образом, использование социолого-статистического подхода для исследования структуры научно-педагогических кадров позволило идентифицировать достаточно неоднородную по своей качественной структуре преподавательскую среду исследовательского университета, дифференцированную как по уровню социально-профессионального капитала, социальной комфортности, так и готовности к дальнейшему профессиональному развитию. Результаты анализа позволяют определить ориентиры при принятии управленческих решений менеджментом вуза. Применение такого подхода возможно и в процессе мониторинга преподавательских кадров для комплексной оценки успешности реализации стратегических задач вуза, программ развития человеческого капитала и эффективности изменений в системе управления.

Следует отметить, что в НИУ Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева ведутся определенные разработки в этой области. В частности, имеется опыт проектирования информационной системы, направленной на оценку, мониторинг и прогноз кадрового потенциала университета.

ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ УЧИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

VALUE PREFERENCES OF TEACHERS IN MODERN RUSSIA

А.В. Шакурова
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
A.V. Shakurova
Nizhniy Novgorod State University im N.I. Lobachevsky

Анализируется проблема профессиональной идентичности современных учителей, содержатся результаты исследования профессиональной идентичности как процесса в той ее части, которая касается характеристики ценностно-смысловых структур педагогов из образовательных учреждений разного типа.

The article is devoted to the professional identity of modern teachers and contains findings professional identity as a processes in the part that concerns characteristics of value-semantic structure of teachers of the educational institutions of various types.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, ценностные предпочтения, образовательные учреждения разного типа.

Keywords: Professional identity, values, preferences, educational institution of various types.

Анализ ряда научных социологических и психолого-педагогических концепций свидетельствует о том, что эмоциональное принятие субъектом групповых ценностей и целей, освоение последним необходимых компетенций и ролей, качество трудового поведения субъекта тесно связано со спецификой его профессиональной идентичности, а именно, конкретными:

- представлениями человека о себе, собственной группе, членстве в ней на основе профессионально-дифференцирующих признаков;
- чувством принадлежности к группе;
- практиками исполнения отдельных членов коллектива и типом группового поведения.

Иными словами, профидентичность является не только когнитивно-аффективным конструктом, но и поведенческой категорией, а, следовательно, имеет строго упорядоченную структуру и содержит мотивационный, целевой и исполнительский компоненты. При этом ценностные предпочтения как источники мотивации (их содержание, иерархическое строение) определяют внешний аспект поведения человека, а значит, и поведенческую составляющую его профессиональной идентичности. В связи с особым и совершенно оправданным интересом государства к деятельности школьных организаций анализ конкретных поведенческих образцов, демонстрируемых педагогами, и типа организационного поведения (поведенческий элемент профидентичности учителей), а также идентификация образовательных учреждений со структурами, которые позволяют реализовать политику государства в среде образования, либо создают психологические барьеры, представляется весьма своевременным [1].

В рамках данной работы представлены результаты исследования профессиональной идентичности как процесса в той ее части, которая касается характеристики ценностно-смысловых структур педагогов из образовательных учреждений разного типа и, прежде всего, актуаль-

ных/предпочтительных организационных условий, предпочитаемых целей и принципов их достижения, индивидуальных предпочтений (таблицы 1–2).

Таблица 1

Характеристика ценностных предпочтений коллективных субъектов труда с различной профессиональной идентичностью

Тип профессиональной идентичности	Актуальная ОК	Желаемая ОК	ОК-предпочтения	Предпочитаемые цели	Принципы целедостижения	Индивидуальные ценностно-смысловые структуры
Коммуникативная/Моноидентичность (МОУСОШ)	Д-К-И	К	Усилить К Усилить А Ослабить Д, И	К	К	1. алгоритм; 2. отношения; 3. радость; 4. условия и режим труда; 5. результат
Коммуникативно-завершающая/Диада (ОУсУгИ-зОгПр)	К-Д-И	К	Усилить К	К	К	1. отношения; 2. алгоритм; 3. условия труда; 4. результат труда; 5. помощь администрации
Коммуникативно-реализационно-завершающая/Триада (лицей, гимназии)	Д	А с сильным Д-К-компонентом	А с сильным Д-К-компонентом	А-К с Д-компонентом	И-К	1. результат; 2. радость; 3. инициатива, творчество, отношения; 4. условия и режим труда 5. алгоритм

Условные обозначения:

К – клановые организационные условия; ориентация педагогов на поддержание хороших отношений в коллективе;

А – адхократические организационные условия; стремление учителей к свободе, гибкости и вариативности при выборе педагогических воздействий;

Д – деловые организационные условия; направленность педагогических работников на достижение результата;

И – клановые организационные условия; склонность работников следовать заведенному в школьной организации порядку вещей, правилам и пр.

Таблица 2

Оценки организационной культуры и организационно-культурные предпочтения участников образовательного процесса (средние показатели, статистическая значимость различий)

Респонденты	Организационно-культурные представления и предпочтения											
	К	К1	G	A	A1	G	Д	Д1	G	И	И1	G
МОУСОШ	26,5	33,2	p≤0,05	21	28	p≤0,05	24	20	p≤0,05	27,7	19,2	p≤0,05
ОУсУГИ-зОтПр	23	36,3	p≤0,05	21	24	p≤0,05	26	20	p≤0,05	29	19	p≤0,05
Элитные ОУ	18	28	p≤0,05	21	29	p≤0,05	32	24	p≤0,05	28	19	p≤0,05

Выводы:

1. Результаты анализа реальных организационных условий в ОУ показали, что МОУСОШ и ОУ с углубленным изучением отдельных предметов свойственна кланово-иерархически-деловая культура, в которой инновационный компонент оказывается наименее выраженным. В то же время доли таких ценностей, как «отношения» и «правило» в общем конструкте организационной культуры для двух выборок статистически достоверно различаются: если в средних общеобразовательных школах большей силой обладает первая, то в ОУ с углубленным изучением отдельных предметов (ОУсУГИзОтПр) – вторая. Что касается специфики организационной культуры в элитных ОУ, то, по мнению педагогов, реальные организационные условия являются более определенными в ценностном отношении по сравнению с культурами МОУСОШ и ОУсУГИзОтПр и воспринимаются как сугубо деловые (ценность «результат») с сильным адхократически-иерархическим компонентом. Ценности «консенсус» и «согласие», согласно оценкам респондентов, практически не регулируют жизнедеятельность лицеев и гимназий, хотя на уровне предпочтений, напротив, они обладает большей детерминирующей силой.

2. Абсолютно все учителя, независимо от статуса школы, в которой они работают, испытывают стойкое влечение к усилению клановых организационных характеристик и снижению акцента на деловом компоненте, хотя в итоге образ желательного места работы оказывается различным. Так, с точки зрения педагогических работников, желаемая школа – это социальная система с гибкой и динамичной структурой, но, по мнению персонала из обычных ОУ, она должна быть ориентирована

на решение внутренних проблем (выстраивание эффективных коммуникаций со всеми субъектами учебного процесса, улаживание конфликтов, взаимопомощь), а в понимании представителей элитных учебных заведений – на вызовы внешнего контекста (запросы общества в лице учеников и их родителей, работодателей и т.д.).

3. Результаты изучения ведущих ожиданий личного свойства показали, независимо от места работы респондентов, чаще всего последние упоминают *хорошие физические условия труда и режим рабочего дня; отношения с коллегами и помощь; позитивные эмоции от работы (чувство радости и удовлетворения собой); возможность видеть результаты своего труда*. Однако если гигиеническая составляющая профессиональной деятельности оценивается респондентами из МОУСОШ, ОУсУгИзОтПр, элитных школ практически одинаково по числу упоминаний в качестве важной (41,9%; 39,7%; 40,6% соответственно), то в отношении пункта *«результативность педагогической деятельности»* легко обнаружить разногласия во мнениях. Представители элитных учреждений выбирают данный параметр максимально часто (60,5%) и ставят на 1^{-ое}-2^{-ое} место в общем перечне ожиданий наряду с материальными предпочтениями (60,5%). Остальные участники исследования присваивают ему, как правило, 4^{-ый}-5^{-ый} ранги, но и в этом случае количество выборов не превышает 38% в МОУСОШ и 38,8% в ОУсУгИ-зОтПр.

4. Результаты сопоставления ценностных предпочтений учительства как выразителей определенных ОК-предпочтений и одновременно субъектов педагогического труда позволили обнаружить ряд противоречий в их (предпочтений) содержании. Например, полученные данные свидетельствуют о том, что лишь для 51% респондентов из элитных ОУ достаточно сильным побуждением к работе в школе является *«возможность проявить себя креативной, активной, инициативной личностью»* и пр. Менее трети данной выборки (23,5%) отождествляют свободу действий, самостоятельность, приобретаемую за счет *«полномочий, необходимых при выполнении функциональных обязанностей»*, с личностно важным инструментом решения организационных вопросов. Наконец, идеальные, с точки зрения педагогов, критерии, по которым можно определить качество работы лица/гимназии в целом и уровень личностной эффективности, в частности, имеют деструктивный иерархически-клановый характер и входят в ценностный конфликт с обобщенным образом предпочтительной организации. В МОУСОШ и ОУ повышенного статуса эти цифры еще ниже. Для большинства педагогов, кото-

рые, как известно, выступают за изменение вектора организационного развития в сторону усиления адхократической составляющей и отождествляют последнюю с культурной субдоминантой, а именно, для 80% и 77% из 100%, соответственно, «креативность» ни какой роли не играет, а нужда в самостоятельных действиях ощущается 5,5% и 7% участников. Также невысокий процент респондентов из указанных выборок (16,5% в МОУСОШ и 7,9% в ОУсУгИзОтПр) осознают необходимость «совершенствования педагогических умений», «профессионального саморазвития» как своего рода потребности, потенциально удовлетворяемой в труде учителя, чего нельзя утверждать относительно желаний педагогов «иметь четкое представление о правилах и алгоритме поведения в организации и собственных действий». Согласно результатам исследования, данная позиция (воспринимаемая как адекватная в иерархической среде, стойкое неприятие которой испытывают все три выборки) обладает наивысшей ценностью для 46,5% и 42,8% от общего числа сотрудников обычных школ и ОУсУгИзОтПр.

5. Анализ предпочитаемых индикаторов успеха свидетельствует, что в школах с углубленным изучением отдельных предметов (ОУсУгИзОтПр) они отличаются ярко выраженными клановыми чертами, а в обычных ОУ дополнительно включают психологическую готовность учителя к «творческому использованию в работе современных педагогических технологий» (адхократические индикаторы), с одной стороны, и «ведению учебного процесса в строгом соответствии с нормативно-правовой базой» (иерархические индикаторы), с другой. При этом в обеих образовательных системах респондентам хотелось бы больше внимания уделять оцениванию трудового процесса, чем его итогов, а третьей части испытуемых – рассчитывать на действенную поддержку своих коллег и представителей менеджмента (впрочем, так же, как и в элитных ОУ).

6. Итоги анализа представлений учительства о целях профессиональной деятельности показали, что в МОУСОШ, а также в ОУ повышенного статуса формулировки целей индивидуальной деятельности и желательного для учителей организационного пространства имеют клановую природу. В ряде случаев (10%) учителя дополнительно заявляют о своем стремлении «совершенствоваться как учитель». Учителя из элитных ОУ предпочитают цели более сложного кланово-адхократически-делового порядка. При этом акцент на деловой и адхократической составляющих целеполагания, по их словам, должен быть равносильным клановой характеристике данного процесса. Однако анализ

смыслов, которые педагоги вкладывают в понятия делового и адхократического компонентов, характера индивидуальных целей и сопоставление полученных данных с пожеланиями педагогов относительно стратегического направления и критериальной базы для оценки организационной эффективности ОУ свидетельствуют о несколько поверхностном (упрощенном) восприятии испытуемыми собственного предназначения и неполном соответствии индивидуальной профессиональной идентичности современным вызовам. Согласно ответам испытуемых, обучающая, воспитательная и методическая деятельность последних направлена на *«создание условий для комфортного существования ученика в классе», «обучение предмету»*. Меньшая по численности группа респондентов (13,15% из 100%) концентрируется на необходимости *«лучше адаптировать детей в жизни»*. Немногие участники исследования (9,8% из 100%) концентрируют внимание на себе как «своеобразном объекте трудовых усилий» и в качестве цели профессиональной деятельности называют *«профессиональное совершенствование в преподавании»*. Безусловно, отдавая должное гуманизму и «педагогичности» заявлений, особой актуальности, которую в рамках модернизации российского образования приобретают ответы 13,15% и 9,8% учителей, одновременно следует указать на отсутствие содержательных свидетельств личностно осмысленной переработки внешних, социально значимых вызовов в виде перечня конкретных межкультурных, универсальных знаний, умений, способностей. Например, коммуникативная компетентность респондентов ограничивается сферой межличностного бесконфликтного общения, а такие аспекты, как *«правильное пользование системой Интернет», «владение иностранными языками», «целевой имидж»* остаются за пределами педагогического сознания. Также никто из участников исследования не ставит перед собой задачу способствовать совершенствованию в себе и формированию в учениках *социальной ответственности и самостоятельности; умения сочетать личные интересы с общественными и групповыми; получать, хранить, перерабатывать информацию и создавать новые знания* и т.д. Таким образом, внешне близкий к перспективному ОК-тип образовательной системы (инновационная с сильным деловым компонентом школа) привлекает испытуемых своей процессуальной стороной (вариативностью, динамизмом, свободой действий), а не содержательными акцентами (результатами в соответствии с требованиями Госстандарта, Европейского Сообщества и т.д.).

Литература

1. Текст президентской инициативы «Наша новая школа»// <http://nashapovaya-shkola.ru/?q=node/4>. Дата обращения: 01.09.2012.
2. Морозова С.И. Компетентность современного профессионала: сущность и методы изучения / С.И. Морозова // Научное обозрение. – 2005. – № 6. – С. 188–191.

ЗАКОН ОБ ОБРАЗОВАНИИ И МЕСТО РЕЛИГИИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

THE LAW ON EDUCATION AND THE PLACE OF RELIGION IN THE EDUCATION PROCESS

Г.С. Широкалова

*Нижегородская государственная
сельскохозяйственная академия*

G.S. Shirokalova

Nizhny Novgorod State Academy of agriculture

В Конституции России провозглашается светский характер российского государства и равенство граждан вне зависимости от их отношения к религии. Государство, мифологизируя манипулятивные возможности конфессий, и прежде всего РПЦ, расширяет границы дозволенного религии как социальному институту, закладывая основы для будущих конфликтов.

Ключевые слова: клерикализм, образование, светское государство, религии
Keywords: clericalism, education, secular state, religions

В мире ярко выражены две тенденции: первая – секуляризация, т.е. вытеснение религии из общественной жизни. Тенденция снижения доли верующих на планете является преобладающей. В среднем за последние семь лет число считающих себя религиозными людьми сократилось на 9%. А в некоторых странах это снижение составило порядка 20%, например, во Франции, Швейцарии, ЮАР[1]. Вторая тенденция прямо противоположна – клерикализация, т.е. подчинение религии всех сфер общественной жизни. Самым наглядным проявлением её является создание «исламской дуги» в арабских государствах. Характерна она и для России.

Уже не раз подчеркивалось, что результаты опросов зависят от методики исследователя, но все они свидетельствуют, что идентифи-

кация себя с той или иной религией часто носит культурологический, а не конфессиональный характер. Сошлемся на данные социологического проекта под названием «Атлас религий и национальностей» («АРЕНА»). Согласились с утверждением «исповедую Православие и принадлежу к Русской Православной Церкви» 41%, что на десятки процентов ниже доли позиционирующих себя как православные. Верят в Бога (высшую силу), но не относят себя ни к какой конкретной конфессии – 25%. Атеистами себя считают 13% опрошенных. Ислам выбрали 6,5%. Не более 0,5% от числа участвовавших в опросе исповедуют иудаизм, буддизм, католичество или протестантизм[2]. На этом фоне становится понятно почему 71% опрошенных через социальную сеть Facebook Общественным движением "Россия для всех" (РДВ) заявили, что они хотели бы жить в России «светской, по закону – место Церкви в храмах» и 29% «в православной – оставьте Церковь в покое!»[3]. Несмотря на различие методик и конкретизацию отдельных показателей, вывод из социологических исследований один – ни церковь, ни религиозная вера не являются приоритетной потребностью россиян.

Следовательно, причина клерикализации государства – совпадение интересов государственной машины, как выразителя потребностей олигархического капитала и религиозных организаций, прежде всего РПЦ, становящейся таким же олигархом, в сохранении власти. Традиционные религии рассматриваются как один из механизмов решения этой проблемы. Когда религиозные организации почувствовали, что власть ищет у них поддержку, они начали завышать свои требования.

В последние годы шла дискуссия о том, должно ли государство оставаться светским или необходимо внести изменение в Конституцию РФ. На практике был выбран третий путь: тихая клерикализация при сохранении в Конституции положения о его светскости. Покажем это на примере закона «Об образовании в РФ», принятом 29 декабря 2012 г. Дискуссии о внедрении религии в образовательный процесс шли постоянно. В Госдуме к ним привлекались представители конфессий, сумевшие отстоять свои требования. Поддержал их и В. Путин, заявивший, что необходимо «всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение». Он призвал «не забывать об огромном значении качества преподавания русского языка, истории, литературы, основ светской этики и традиционных религий [4]».

В результате место религии в образовании Закон регламентирует шестью статьями. Пять из них содержат принципы, соответствующие Конституции. Статья 3 закона провозглашает «светский характер образования в государственных, муниципальных организациях, осуществляющих образовательную деятельность». Статья 27 запрещает «в государственных и муниципальных образовательных организациях создание и деятельность политических партий, религиозных организаций (объединений)». Статья 34 относит к основным правам обучающихся свободу совести, информации, свободное выражение собственных взглядов и убеждений.

Статья 48 запрещает педагогическим работникам «использовать образовательную деятельность для политической агитации, принуждения обучающихся к принятию политических, религиозных или иных убеждений либо отказу от них, для разжигания социальной, расовой, национальной или религиозной розни, для агитации, пропагандирующей исключительность, превосходство либо неполноценность граждан по признаку социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, их отношения к религии, в том числе посредством сообщения обучающимся недостоверных сведений об исторических, о национальных, религиозных и культурных традициях народов, а также для побуждения обучающихся к действиям, противоречащим Конституции Российской Федерации». Статья 92 подтверждает возможность государственной аккредитации образовательных организаций, учредителями которых являются религиозные организации.

Но все перечисленные положения, по сути, отменяются статьей 87 «Особенности изучения основ духовно-нравственной культуры народов РФ. Особенности получения теологического и религиозного образования». О том, насколько широки возможности трактовки трех её пунктов можно прочесть на сайтах [5]. Приведем их полностью.

1. В целях формирования и развития личности в соответствии с семейными и общественными духовно-нравственными и социокультурными ценностями в основные образовательные программы могут быть включены, в том числе на основании требований соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов, учебные предметы, курсы, дисциплины (модули), направленные на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых рели-

гий), или альтернативные им учебные предметы, курсы, дисциплины, (модули).

2. Выбор одного из учебных предметов, курсов, дисциплин, включенных в основные общеобразовательные программы, осуществляется родителями (законными представителями) обучающихся.

3. Примерные основные образовательные программы в части учебных предметов, направленных на получение обучающимися знаний об основах духовно-нравственной культуры народов Российской Федерации, о нравственных принципах, об исторических и культурных традициях мировой религии (мировых религий), проходят экспертизу в централизованной религиозной организации на предмет соответствия их содержания вероучению, историческим и культурным традициям этой организации в соответствии с ее внутренними установлениями».

Казалось бы, справедливо требование, чтобы специалисты обсуждали содержание учебников, по которым будут учиться школьники и студенты. Но современная практика такова, что веротерпимость не свойственна наиболее многочисленным религиозным организациям России. Не трудно представить, как будет скорректирована информация об оппонентах, как приукрашена собственная история. В связи с этим приведем пример. Настоятель католического храма, получивший теологическое образование за рубежом, признался, что об инквизиции узнал, приехав в Россию.

Справедлив вопрос ученых философского факультета МГУ: может ли быть вообще одобрен учебник, который будут рецензировать представители разных религиозных течений: христиане, иудеи, буддисты, мусульмане? И как быть с древними религиями? [6] При этом далеко не все современные конфессии допускаются к экспертизе. Напомним и о том, что в последние годы антикультулизм становится все более агрессивным [7].

Показательны комментарии к закону руководителя Юридической службы Московской Патриархии инокини Ксении (Чернега): при подготовке законопроекта ко второму чтению в ГД «некоторые депутаты всерьез утверждали, что в России государственная школа якобы «отделена от Церкви» и поэтому изучение в российских школах основ религиозной культуры недопустимо. Однако принцип отделения школы от Церкви давно и безвозвратно ушел в прошлое вместе с утратившим силу Декретом СНК от 23.01.18 и «верной» этому Декрету Конституцией СССР» [8].

Так со школьной скамьи закладываются основы межконфессиональных и этнических конфликтов. В своих границах Россия может сохраниться как светское государство. Но корпоративные интересы превыше всего.

Литература

1. Мир становится менее религиозным, считают социологи. <http://www.newsru.com/religy/31jul2012/religiositaet.html>. Дата обращения 31.07.2012.
2. «Церковные люди»: 41%. Служба «Среда» пересчитала верующих в России <http://sreda.org/opros/arena-reliz>. В 2012 г опрошено 56900 человек в 79 субъектах РФ. Дата обращения 10.01.2013.
3. Более 70% жителей России высказались за светское государство. Опрошено более 36 тыс. человек// <http://www.newsru.com/religy/17apr2012/weltlich.html>. Дата обращения 17.04.2012.
4. http://ruskline.ru/news_rl/2012/12/12/vladimir_putin_nasha_zadacha_sozdat_bogatuyu_i_blagopoluchnuyu_rossiyu
5. <http://www.gazeta.ru/social/2013/02/07/4956985.shtml>. Дата обращения – 10.02.2013.
6. <http://www.msunews.ru/forum/read/1/12845/>. Дата обращения 23.02.2013.
7. Иваненко С.И. обыкновенный антикультизм. – СПб: Изд-во «Древо жизни», 2012.
8. http://ruskline.ru/news_rl/2012/12/27/inokinya_kseniya_chernega_zakon_otkr_yvaet_novye_vozmozhnosti_dlya_religioznogo_obrazovaniya/. Дата обращения 10.01.2013

СЕКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ ПРИЧИНЕННЫХ УБЫТКОВ: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ВОПРОСА LEGAL BASIS FOR THE RESPONSIBILITY OF OFFICIALS AT THE WHO-PLACING CAUSED LOSSES TO THE HISTORY AND THEORY OF ISSUE

С.Б. Глушаченко

Российский педагогический госуниверситет им. А.И. Герцена

С.А. Горбик

Санкт-Петербургский университет управления и экономики

S.B. Glushachenko

The Russian pedagogical state University to them. A.I. Herzen

S.A. Gorbik

St. Petersburg University of management and Economics

Институт ответственности должностных лиц за причиненные убытки является важнейшим и в то же время спорным вопросом не только в юриспруденции, но и в других отраслях гуманитарных знаний: политологии, истории, социологии.

Развитие законодательства о возложении ответственности на должностных лиц в России имеет богатую историю, изучив которую, возможно урегулировать более четко данный аспект правоотношений сегодня.

В вопросе об имущественной ответственности должностных лиц за убытки, причиненные их неправомерными действиями, необходимо, прежде всего, установить, какой характер носят юридические основания ответственности, а именно, частью – правовой или публично – правовой.

В правовой доктрине Российской Империи XIX – начала XX в.в. этот вопрос рассматривался и с публично – правовой, и с частью – правовой позиций. Но все же более правильной и обоснованной считалась точка зрения, что неправомерные действия должностных лиц и последствия этих действий являются частями публичных правоотношений [1].

Именно поэтому считалось, что основания ответственности, установленные в гражданском праве, и условия этой ответственности не

могут быть прямо применены к ответственности должностных лиц, но основания их ответственности и ее условия должны быть выведены из сферы публичных отношений.

В немецкой правовой доктрине рассматриваемого периода было установлено, что основание ответственности должностных лиц усматривается в нарушении чиновником его служебного долга по отношению к обывателю. Такой точки зрения, например, придерживались Док, Клевиц и другие авторы [2].

Российские праведы считали эту конструкцию крайне неправильной. Чиновник, по их мнению, состоит на службе не у обывателя, а у государства, поэтому неправомерные действия чиновника могут рассматриваться как нарушение его долга именно по отношению к государству. Нарушение служебного долга могло служить основанием ответственности только перед государством.

Во французской судебно – административной практике и во французской правовой доктрине XIX – начала XX в.в. за основание ответственности должностного лица принимали его личные действия. Во Франции была разработана и обоснована теория, согласно которой личные действия должностного лица отождествлялись с его должностными ошибками.

Такое положение французского законодательства косвенно привело к разделению бремени имущественной ответственности между государством и должностными лицами, что совершенно не воспринималось представителями отечественной правовой науки.

Гражданский Кассационный Департамент Российского Сената усматривал основание ответственности должностных лиц в том, что «когда они являются представителями государственной власти, обязанными применять ее со строгим соблюдением закона, они лично отвечают за действия, совершенные ими во вред частным лицам»[3].

Возложение обязанности на должностное лицо покрыть причиненные убытки является крайне несправедливым по отношению к пострадавшей стороне. Размер убытков, которые были причинены в результате неправомерных действий чиновника, не могут зависеть от размера его личного имущества. И на деле право обывателя взыскивать убытки за счет личного имущества чиновника может привести к тому, что попросту не с кого будет их взыскать, не будет в наличии должной имущественной базы.

В связи с этим русская правовая доктрина исходила из того, что не было достаточных юридических оснований для возложения на долж-

ностных лиц имущественной ответственности перед гражданами, поскольку это является проявлением несправедливости как по отношению к обывателям, так и по отношению к чиновникам.

По всем юридическим основаниям и по всем требованиям о возмещении убытков, причиненных должностными лицами, должна отвечать казна, т.е. государство. Специфическая особенность данного вида ответственности сводится к тому, что убытки причиняются не частными лицами друг другу, а органом власти лицу, этой власти подчиненному.

Таким образом, дело сводится к установлению юридической природы отношений, существующих между государственной властью и ее представителем, с одной стороны, и обывателем, с другой стороны.

Причина неразработанности этого вопроса в отечественной правовой науке XIX – начала XX в.в. была обусловлена тем, что само по себе решение этого вопроса напрямую зависело от разрешения целого ряда других вопросов, а именно: что такое возмещение вреда, при каких условиях возможна ответственность за чужие действия, возможна ли и когда именно ответственность за простое причинение вреда без наличия вины и т.п. Другие же смежные вопросы не входили в круг отношений, регулируемых гражданским правом, например, что такое казна как правовой институт, в чем существование юридических отношений между чиновником и государством, с одной стороны, и между чиновником и обывателем, с другой стороны.

Российская Сенатская практика как раз исходила из того, что ответственность за убытки, причиненные действиями должностного лица, полностью возлагается на фиск, т.е. на государство. Под фиском как раз понималось государство в его имущественных отношениях. При этом некоторые отечественные правоведы употребляли этот термин исключительно для обозначения тех юридических отношений государства и тех его прав, которые регулируются общим гражданским законодательством, другие же правоведы понимали под этим понятием все имущественные правоотношения, в которых участвовало государство.

Таким образом, вопросы привлечения к ответственности должностных лиц, вопросы, связанные с исполнением имущественных обязанностей государством, широко осмысливались российской юридической общественностью в XIX – начале XX в.в. и не потеряли своей актуальности на современном этапе.

Литература

1. Лазаревский Н.И. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. Догматическое исследование. С.Петербург.: Типография «Слово», 1905. С. 17–18.
2. Док И. Имущественные проступки должностных лиц в доктрине немецкого права. Пер с немецкого И.В. Дятлов., Москва., Типография Сытина. 1903., С. 56–59. Клевиц А. Администрация в Германии ..., Том 1. Пер. с немецкого И.В. Дятлов., Москва.: Типография Безобразова, 1899. С. 156–157.
3. Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената 1878 г. № 162. 1875 г. № 490. 1887 г. № 14.

**РАЗВИТИЕ ДОКТРИНЫ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ
ЗА ПРИЧИНЕНИЕ УБЫТКОВ В РОССИИ
(XIX – НАЧАЛА XX вв.)**

**THE DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF THE
RESPONSIBILITY OF OFFICIALS FOR LOSSES IN RUSSIA
(XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES)**

С.А. Горбик

Санкт-Петербургский университет управления и экономики

S.A. Gorbik

St. Petersburg University of management and Economics

Российское законодательство XIX – начала XX в.в. различало два вида гражданско-правовой ответственности должностных лиц:

1. Если должностное лицо совершило какое-либо незаконное действие как орган казны (т.е. государства) по управлению казенным имуществом, то в этом случае причиненные убытки попадали в казну. Казна в данном случае отвечала за действия должностного лица как работодатель отвечал бы за действие своего работника.

2. Если должностное лицо действовало в качестве органа государственной власти, то за убытки, причиненные его действиями, казна в данном случае, не отвечала. Ответственность падала всецело на должностное лицо, виновное в причинении вреда [1].

Вторая разновидность подразделяется в свою очередь в зависимости от того, были ли причинены убытки в результате совершения должностного проступка или в результате уголовного преступления.

Если убытки причинены действиями неправомерными по своей сути, но не являющимися преступными, то привлечение к гражданской ответ-

ственности осуществлялось путем непосредственного предъявления к должностному лицу гражданского иска. Если же убытки были причинены путем совершения должностным лицом преступления, то предъявлению иска предшествовало осуждение судом виновного. А предание суду было возможно только с предварительного уведомления и разрешения начальствующего чиновника.

Доктрина гражданского права в дореволюционной России различала как в материально-правовом отношении, так и в процессуальном убытки, причиненные в результате неправомерных действий чиновников и судей. Мы в данной работе исследуем вопросы, связанные с привлечением к ответственности именно должностных лиц. Прежде всего, необходимо четко установить, кто именно мог быть привлечен к ответственности и кому мог быть предъявлен гражданский иск о возмещении убытков как к должностному лицу.

Устав Гражданского судопроизводства устанавливал, что в особом должностном порядке иски предъявляются к лицам, занимающим должности административного ведомства или к служащим по выборам в дворянских, городских и земских учреждениях [2]. При этом при определении подсудности закон исходил из класса занимаемой лицами должности и таким образом исключал предъявление иска в должностном порядке лицу, не занимающему какой-либо должности.

Закон, устанавливая особый порядок привлечения к ответственности и взыскания убытков с должностных лиц, детально регламентировал круг обязанных субъектов, исключая например, должностных лиц общественного сельского управления.

Таким образом, если иск предъявлялся чиновнику, то даже судьи Окружного Суда и Судебной палаты по закону были неправомочны при разбирательстве данной категории дел без привлечения должностных лиц соответствующего административного ведомства.

Вопросы публичного законодательства в сфере крестьянских правоотношений и возмещения убытков представлялись на практике достаточно сложными, а иногда и противоречивыми, поэтому данные дела разрешались в отдельном порядке [3].

Согласно ст. 1104 Проекта V Книги Гражданского Уложения «должностные лица, состоящие на государственной или общественной службе, отвечают за вред, причиненный ими» [2]. Таким образом, по смыслу этой статьи в гражданско-правовом порядке несут ответственность лица, состоящие на государственной или общественной службе. Такое положение в значительной степени устраняет непоследовательность

действовавшего тогда законодательства, которое не считало необходимым распространять особый порядок привлечения и ответственности на должностных лиц сельского общественного управления (под приведенную редакцию ст. 1104 данные лица несомненно подходили).

Вышеуказанная статья говорит о должностных лицах, состоящих на государственной или общественной службе. Данное определение представляется не вполне последовательным и точным, так как исключает из особой должностной подсудности всех тех лиц, которые исполняют должностные обязанности, но не состоят на государственной службе.

Основанием для особой должностной ответственности и подсудности должно служить не то, состоит ли лицо на государственной службе или общественной службе, а то, причинил ли он убытки, действуя за свой счет и для себя, или же его действия явились следствием неверного понимания общественных интересов. Совершать неверные должностные действия могли лица, не состоящие ни на государственной, ни на общественной службе. В таком положении, например, находились все служащие в Правительственных присутственных местах по вольному найму, хотя и не занимавшие классных должностей. Предпринимались попытки закрепить законодательно особый порядок рассмотрения гражданских исков о возмещении убытков ко всем лицам, занимающим какие-либо должности, что позволило бы устранить существовавшие противоречия между потребностями общества и положениями закона.

Литература

1. Градовский А. Начала русского государственного права. Том 2. – С.-Петербург.: Типография М.М. Стасюлевича, 1887. – С. 181–182.
2. Устав Гражданского Судопроизводства., ст. 1316–1330. – С.-Петербург.: Типография Правительствующего Сената, 1905.
3. Савич Г.Г. Сборник законов об устройстве крестьян внутренних губерний России. – С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1903. С. 89.

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРАВСТВЕННОСТИ И ПРАВА
В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ПРАВОВЕДОВ XIX – НАЧАЛА XX ВВ:
ИДЕИ РЕФОРМИРОВАНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ**
ON THE RELATIONSHIP BETWEEN MORALITY AND LAW
IN THE WORKS OF RUSSIAN LEGAL SCHOLARS XIX –
EARLY XX CENTURIES: THE IDEA OF REFORMING
AND MODERNIZATION OF THE JUSTICE

Е.В. Данилова

Научно-образовательный центр «Карьера» (г. Нижний Новгород)

А.В. Уткин

Санкт-Петербургского университета управления и экономики

E.V. Danilova

Scientific-educational center «Career» (e.g. Nizhniy Novgorod)

A.V. Utkin

Saint-Petersburg University of management and Economics

Проблеме соотношения права и морали отводилось особое место и в российской философии права. Так, в своей работе ученый-юрист И.В. Михайловский «Очерки философии» привел классификации многочисленных теорий взаимоотношения права и нравственности, существовавших в то время[1]. Все они сводятся к трем типам. Кратко изложим их сущность:

- 1) отождествление права и нравственности;
- 2) право и нравственность – две совершенно самостоятельные области, не имеющие ничего общего;
- 3) теория этического минимума.

Возможно, при другом классификационном критерии, выделить и четвертый тип, к которому можно отнести учение правоведов, изучающих области взаимопроникновения права и нравственности и сферы общественной жизни, где эти явления не пересекаются.

Во многих учениях русских юристов нравственность выступает более совершенным механизмом в направлении поведения человека. Право может регулировать только поступки и конкретные действия людей, но не мир чувств и эмоций, как бы мы этого ни хотели.

Подобное отношение к праву объясняется наличием ряда специфических условий, в которых формировалось правосознание русского общества начиная с X в. в связи с принятием христианства православного обряда. С последним скорее связывались представления о царстве

«правды», чем права. Категория «правда» выражает ценностное понимание истины бытия. На Руси слово «правда» воспринимается и употребляется как юридический термин, означающий закон, включающий в свое содержание нравственную мотивацию [2]. По мнению И.А. Исаева, «Русская Правда» была не только сводом обычных норм и судебных precedентов, но «своеобразным пособием для поиска нравственной и юридической истины (правды)» [3]. Основная задача человека есть не абстрактное служение закону, но Истине, Правде Христовой: «христиане должны всеми силами духа осуществлять правду Христову в мире, не только в личной жизни, но и в общественной, должны стремиться к царству Божьему не только на небе, но и на земле» [4].

Характерно, что термин «закон» употреблялся на Руси еще в дохристианский период («закон греческий», «закон русский»), но уже в Русской Правде (т.е. с середины XI в.) он отсутствует. В светском юридическом лексиконе слово «закон» вновь появляется только в петровское время (XVII–XVIII вв.). Объяснение этого факта можно найти у митрополита Киевского Иллариона в его широко известной повести «Слове о законе и Благодати». «Правда» – категория моральная, субъективная, она неотделима от понятия «совесть», относящаяся к тому же ряду, что и справедливость. Правда есть мера справедливости. Истина – категория рациональности, познавательной деятельности, ее мера. Право – истинная реальность, но не всегда «правда». Если право не обладает моральной ценностью, то отдается безусловное предпочтение иным социальным регуляторам, например, открываются возможности для духовной и политической властей претендовать на роль носителя «правды».

Б.Н. Чичерин полагает, что нравственность формирует правосознание, определяемое мыслителем как отношение граждан к власти и правовым институтам [5]. С одной стороны, нравственность выступает у него в качестве ограничителя политической власти, с другой – ее внутренней силой, авторитетом [6]. Идеи общего блага, справедливости освещены нравственностью. Человек имеет внутренний источник должностования, т.е. он готов признать правило с точки зрения своего нравственного сознания. Этим дается полная нравственная база для права. Л.И. Петражицкий считал, что несоответствие права и нравственности приводит к игнорированию законов населением: «люди следуют тем или иным законам, выполняют в повседневной жизни те или иные предписания права вовсе не потому, что так написано в граждан-

ском кодексе, который они боятся нарушить, прежде всего потому, что так подсказывает им совесть» [7].

Одним из приверженцев определения права через нравственность является К.П. Победоносцев, что очевидно, ибо большую часть творческой деятельности ученого всегда составляла критика западноевропейского устройства государственности и общественной жизни. Болезненно реагируя на разрушения российских традиционных патриархальных отношений, он усматривал в проявлениях демократии покушение на нравственность и религию, истинность которых не должна подвергаться сомнению. Отвергая концепцию о разделении права и нравственности на внешние и внутренние свободу и обязанности человека, он утверждает единство нравственного начала. Нравственное начало не может двоиться, так чтобы одно было нравственное учение частное, другое – общественное; одно – светское, другое – духовное. Отсюда в основе закона должна всеобщая «нравственная правда» [8]. Юридические нормы строятся на основе нравственных заповедей. К.П. Победоносцев в своем учении соединил право и нравственность, и Церковь явилась связующим звеном в этой интеллектуальной схеме, а «христианство – духовной основой всякого права».

Интересно развитие взглядов на соотношение права и нравственности другого русского философа – В.С.Соловьева. Оно служит «воплощению добра, ограничению и исправлению зла» [9] и определяется справедливостью. «Нравственно должное» становится конститутивным признаком права, а само оно превращается в неперемнное условие осуществления «совершенного добра» в обществе. Право не сводится к этической категории, будучи самостоятельным началом, оно в то же время обусловлено нравственностью. Анализируя нравственность и право, В.С.Соловьев подчеркивал, что эта взаимосвязь необходима для определения обоих понятий. Без права нравственная проповедь, лишенная объективной опоры в реальном мире, осталась бы только пустословием, а само право, при полном отделении его формальных понятий и учреждений от их нравственных принципов и целей, потеряло бы свое «беззвучное нравственное основание», ничем не отличаясь от произвола.

В идеале любой закон должен содержать в себе принципы нравственности, поскольку нельзя допускать существование недобрых и несправедливых законов. По мысли В.С.Соловьева, считавшего право некоторым минимумом нравственности, задача его состоит «не в том, что лежащий во зле мир превратился в Царство Божие, а в том, чтобы

он до времени не превратился в ад». Истинное понятие добра, по Соловьеву, реализуется через принудительную справедливость: «право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла». Нравственное добро – неотъемлемый признак права. Несправедливые законы, идущие в разрез с нравственностью, не являются правовыми и подлежат отмене [10]. «Вместе с тем я отваживаюсь утверждать, что русская философия – сомнительный и ненадежный союзник в нашей сегодняшней борьбе за право и правовую культуру», – писал В.С. Соловьев. Действительно, нельзя не согласиться с тем, что российской ментальности, национальному сознанию издавна свойственен известный дефицит правосознания, чему в отечественной философии соответствовал дефицит правопонимания. Правовой «нигилизм» стал неотъемлемой чертой российской общественной традиции: позитивное право представлялось в качестве «антиценности», его неприятие естественно и нравственно оправданно. С.Л. Франк подчеркивал, что если бы можно было одним словом охарактеризовать умонастроение нашей интеллигенции, то нужно было бы назвать его морализмом. «Русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые. Морализм этот есть лишь отражение ее нигилизма. Под нигилизмом я разумею отрицание или непризнание абсолютных (объективных) ценностей» [11].

Литература

1. Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. См: Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. СПб., 1997. С. 239–241.
2. Ячменев Ю.В. К.А. Неволин – родоначальник философии права в России // Государство и право. 1994. № 12. С. 127.
3. Исаев И.А. История России: Правовые традиции. М., 1995, С. 25.
4. Бердяев Н.А. Типы религиозной мысли в России // Собр. соч. Т. 3. М. 1990. С. 212.
5. Величко А.М. Развитие идеи естественного права в трудах Б.Н. Чичерина // Правоведение. 1994. № 3. С. 76.
6. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. М., 1892. С. 299.
7. Петражицкий Л.И. Теория права и государства связи с теорией нравственности. СПб., 1907. С. 176.

8. Побенодосцев К.П. Великая ложь нашего времени // Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. СПб., 1997. С. 76–80.
9. Соловьев В.С. Собр. соч. Право на собственность. Т. 7. М., С. 379.
10. Соловьев В.С. Собр. соч. Т. 2. С.383.
11. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. М. 1991. С. 170.

**К ВОПРОСУ О РЕНЕССАНСНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ
THE PROBLEM OF RENAISSANCE PREREQUISITES OF EARLY
MODERN POLITICAL AND LEGAL CONCEPTIONS**

П.С. Жданов
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
P.S. Zhdanov
N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

Освещаются вопросы формирования мировоззренческих основ политико-правовых концепций Нового времени в культуре Ренессанса. Затрагивается проблема кризиса этих основ при переходе к обществу постмодерна.

This report is dedicated to the problem of the prerequisites of Early modern political and legal conceptions forming in the Renaissance culture. The problem of Early modern outlook's crises in the postmodern society is also being viewed in it.

Ключевые слова: мировоззрение, Ренессанс, Новое время, гуманизм, рационализм, политико-правовые концепции, утопия.

Keywords: outlook, Renaissance, Early modern period, humanism, rationalism, political and legal conceptions, utopia.

Многочисленные трудности, с которыми сталкиваются сегодня гуманитарные дисциплины и, в частности, группа юридических наук, являются следствиями того переходного этапа, который переживает современная культура в целом. Вопрос о выработке политико-правовых теорий, адекватных современным общественным процессам и современному, постмодернистскому мировоззрению, упирается в главную проблему отсутствия четкого понимания того, что представляет собой указанное постмодернистское мировоззрение. В то же время все более очевидным становится кризис традиционных для эпохи модерна ценностей и принципов, определявших содержание и направление развития социальных, политических и правовых учений в минувший период истории Европы.

В отличие от аморфных пока мировоззренческих установок постмодерного общества, мировоззрение эпохи модерна являет собою вполне определенную картину. Очевидно, что корнями своими оно уходит в средневековую культуру, а через ее посредство связано и с культурой античности. Однако завершённый образ оно получило лишь в эпоху Возрождения. В настоящей работе мы дадим краткий обзор процесса формирования в период Ренессанса той мировоззренческой основы, на которой развивались новоевропейские политико-правовые учения. Это позволит более четко осознать не только генезис данных учений, но и их исторические границы, приближение к которым ставит сегодня вопрос о поиске новых ценностных оснований для развития политико-правовой теории.

Временные рамки эпохи Ренессанса определяют по-разному. Мы же за основу возьмем наиболее распространенную точку зрения и будем относить эту эпоху к периоду между серединой XIV века и серединой XVI века.

Культура ренессанса пронизана самыми разными тенденциями, новое мировоззрение здесь формировалось в диалоге со средневековой культурой и одновременно с культурой античной (М.М. Бахтин представляет это как столкновение нескольких языков – средневековой и классической латыни, а также языков новых европейских народов). Именно это взаимодействие культур, выявляющее возможности и границы каждой из них, стало одним из важнейших факторов разнообразия и творческой свободы, характеризующих Ренессанс. [1]

Первой характерной чертой нового мировоззрения стало изменение представлений об историческом процессе и роли человека в истории. Если средневековье существовало как бы вне времени, перенося исторический процесс в духовную сферу и мало интересуясь историей «дел человеческих», то ренессансное сознание все больше интереса начинает проявлять к истории народов, государств. Эту тенденцию мы увидим и у Макиавелли, и у Гвиччардини, и у Бодена, и у Монтеня. И хотя мыслители той эпохи оперировали, главным образом, циклической картиной истории, позаимствованной у античных философов, тем не менее, история предстает у них уже не просто проявлением безличного рока, человек все чаще сознается как творец истории. Ренессансная историософия исходит из познаваемости законов исторического процесса. На основании знания этих законов человек может, если не направлять ход истории, то, по крайней мере, корректировать его. Подчеркнув актив-

ность человека в истории, ренессансное сознание вплотную подошло к новоевропейским теориям прогресса.

Вторым моментом, с которым зачастую связывают саму суть Возрождения, стало то небывалое высокое положение, которое занял в ренессансном мировоззрении свободный самодостаточный индивид. Я. Буркхардт считал, что именно в этот период происходит рождение индивидуализма, определившего собой характер развития европейской культуры на последующие столетия [2]. Л. Баткин, в свою очередь, считает, что Ренессанс лишь подготовил появление личности в ее новоевропейском понимании [3]. Как бы то ни было, но только в это время человек начинает рассматриваться сам по себе, как неповторимая индивидуальность, развитие которой становится жизненным призванием человека. Ренессансный гуманизм обосновал исключительное положение человека в мире, подчеркивая свободу и творческое призвание человека. Показательны в этой связи взгляды Пико делла Мирандолы, который говорил о том, что в отличие от всех прочих творений Божьих, человек не имеет никакой предзаданной сущности и должен сам определить свое место в мире [4]. Несомненно, именно здесь закладывались основания мировоззрения, в рамках которого станут возможными такие политико-юридические доктрины, как учение о правах человека и либеральная концепция государства.

С индивидуализмом неразрывно связано и распространение в ренессансном сознании представлений о конкурентной борьбе как об основе общественной жизни. Макиавелли считал ее не только чем-то закономерным, но и рассматривал ее как двигатель исторического процесса. Возрожденческий индивидуализм, спроецированный на жизнь государства, стал основой для появления идеи национального государства и государственного суверенитета [5]. Ж. Боден, разрабатывавший теорию последнего, особенно настаивал на независимости государства от любых религиозных партий и говорил о необходимости использовать их борьбу в государственных интересах. При этом на фоне безграничного самоутверждения ренессансного человека парадоксальным образом распространялись воззрения о подчинении личности суверенному государству и целям общего блага. Тем не менее, эта идея прослеживается и у представителей гражданского гуманизма во Флоренции, в особенности у Макиавелли, а также у Бодена.

Назначением человека, согласно ренессансным представлениям, является деятельная жизнь, труд, преобразование природы. Новый тип личности характеризовался широтой интересов: от художественного

творчества и изысканий в области античной литературы до политики и торговли. Важно, что неотъемлемым качеством человека в этот период становится прагматизм, трезвый рационалистический подход как в сфере познания природы, так и в области политики.

Поэтому третьим основным качеством ренессансного мировоззрения мы назовем развитие в нем рационалистических мотивов. Следует, правда, отметить, что рационализм был свойственен уже схоластическому богословию Средних веков, однако только Ренессанс, объединив его с гуманистическими идеями, сделал человеческий разум средством не просто постижения мира, но и подчинения его человеку. Разум был положен в основание строительства «земного града», которое должно было базироваться на знании естественных законов, определяющих жизнь человека и общества.

Ренессанс в целом продолжил линию естественно-правовых идей средневековья. Ранний гуманизм, провозгласив точное познание законов природы недостижимым, считал, что божественный (т.е. естественный) закон, относящийся к человеку и его социальной жизни, запечатлен в душе каждого индивида и может быть познан непосредственно [6]. Божественный закон служит основой справедливых законов государства и имеет целью общее благо. Справедливость отражает саму суть человеческой природы. Естественный закон, таким образом, сближается гуманистами с требованиями разума.

Ренессансная натурфилософия рассматривает человека как органичную часть природы. Джордано Бруно, развивая идею о том, что разумное начало разлито во всей вселенной, возводил к всеобщему разуму законы государства [7]. Рассматривая общественную гармонию как отражение гармонии природы, он сближает определяющие ее человеческие законы с всеобщей природной закономерностью.

Возрождение, сделавшее разум главным критерием, определяющим деятельность человека, сформировало и первую основанную на последовательном рационализме политическую доктрину. Широко известный имморализм Н. Макиавелли есть именно выражение его главной установки на рационализацию политического действия.

Другим выражением стремления рационализировать жизнь общества и тем самым обеспечить его благоденствие стали утопические идеи, которыми ознаменован закат Ренессанса. В знаменитом проекте Томмазо Кампанеллы получило последовательное выражение специфически ренессансное магическое мироощущение. В его представлении маг-философ, основываясь на знании скрытых законов мироустройства и

связей вещей, может не только управлять природными процессами, но и преобразовывать общество [8]. Само устройство спроектированного им Города Солнца должно было отражать структуру мироздания. Однако в этом тотально рационализированном обществе совершенно не оставалось пространства для свободы личности. Поэтому именно с развитием утопизма в ренессансном сознании многие исследователи связывают кризис культуры Возрождения [9].

Даже беглая характеристика ренессансного мировоззрения выявляет в нем целый ряд неразрешимых противоречий. Так, учение о безграничности возможностей человека, об его исключительном положении в природе сталкиваются здесь с натурфилософскими представлениями о подчинении человека природной необходимости, которые, приобретая пантеистическую окраску, приводят к полному растворению человека в космосе. Кроме того, ренессансный индивидуализм вступает в противоречие с тенденциями по подчинению интересов личности интересам общего блага, с рационалистическим подходом к политике. Все эти противоречивые тенденции, так или иначе, получили развитие в философских доктринах Нового времени. Можно сказать, что вся политико-правовая мысль эпохи модерна, исповедуя заданные Ренессансом ценности разума и гуманизма, билась над одной фундаментальной проблемой – проблемой установления приемлемого баланса между личностью и обществом. Колеблясь между либерализмом и этатизмом, индивидуализмом и коллективизмом, европейские политические мыслители в большинстве своем свято верили в то, что все или, по крайней мере, большинство проблем общества могут быть устранены при строго рациональном подходе к их разрешению. Главной же сложностью нашего современного положения является проблематизация ключевых мировоззренческих постулатов модерна, а, следовательно, и невозможность отвечать на вопросы, которые нам ставит современность, с позиций привычных политико-правовых доктрин, основанных на указанных постулатах.

Литература

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4(1): «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950 гг.). Комментарии и приложения. – М.: Языки славянских культур, 2008. С. 488.
2. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. М., 1996.
3. Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. – М.: Наука, 1989. С. 169.

4. Эстетика Ренессанса: Антология. В 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1981. С. 249.
5. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: в 2 т. Т.1: От Возрождения до Просвещения. М., 2007. С. 46.
6. Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1986. С. 53.
7. Бруно Дж. Изгнание торжествующего зверя. /http://krotov.info/acts/16/3/bruno_12.htm/ (дата обращения: 10.03.2013).
8. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. М., 1980. С. 320.
9. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. С. 563; Баткин Л.М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989. С. 243.

**СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВОСУДИЕ
КАК КЛЮЧЕВЫЕ КАТЕГОРИИ УЧЕНИЯ ТОРЫ
FAIRNESS AND JUSTICE
AS KEY-CATEGORIES OF THE TORAH THEORY**

Е.В. Калинина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

E.V. Kalinina

Nizhny Novgorod State University

Анализируется ветхозаветное и талмудическое представление о справедливости и правосудии.

The article analyzes the Old Testament's and Talmudic image of fairness and justice.

Ключевые слова: Письменная Тора, Устная Тора, право, правосудие, суд, судебная система.

Keywords: Written Torah (Written Law), Oral Torah (Oral Law), law, justice, law court, trial, System of Justice.

Понятие справедливости используется множеством учений о государстве, праве, этике, социуме. Справедливость проявляется в отношениях между людьми внутри отдельно взятого общества, между государством и индивидом, в международных отношениях и, конечно, в процессуальных. В отличие от европейской традиции связывать понятие справедливости с равенством, еврейские мыслители проводили параллель со святостью (Рамбам, Й. Герц, Й. Телушкин, П. Полонский, М. Элон и др.). Согласно иудейской политико-правовой теории, категория справедливости, в первую очередь, проявляется в правосудии.

В Ветхом Завете сформулированы только императивные указания назначить судей [1], но не дано представления о судебной системе. Не-

обходимые сведения мы обнаруживаем в талмудическом трактате «Сангедрин». Согласно данному источнику, древнеиудейская судебная система, таким образом, была представлена, прежде всего, тремя видами судов [2]: центральный (Великий Сангедрин), региональные (окружные – «Суды 23-х», иначе именуемые «Малыми Сангедринами»), обычные (раввинские) суды.

Специфику иудейского представления о правосудии отражает категорический запрет обращаться к нееврейским судебным инстанциям, содержащийся в трактатах и высказываниях еврейских ортодоксальных правоведов, а также в актах иудейских общин. Вскоре после уничтожения Второго Храма, когда на короткий период римские власти ограничили еврейскую судебную автономию, было издано предписание о том, что, даже если законы страны проживания совпадают с иудейскими, евреи не вправе обращаться к местным судебным органам [3]. В обоснование данного запрета талмудисты весьма вольно обращались со стихами Писания, ссылаясь на Исход 21:1 и поясняя, что законы Моисею были даны для евреев, а не для иноверцев. В основе этого строгого запрета не только различие между иноземным законом и еврейской Галахой, но и недопустимость самого факта обращения к чуждой евреям судебной инстанции даже в тех случаях, когда их законы подобны иудейским. Этот запрет появляется в связи с попытками еврейских правоведов решить сложную задачу: в отсутствие государственного суверенитета создать судебную автономию.

В трактате «Сангедрин» приведен перечень требований к судьям: глубина правовых знаний; аналитические способности, умение исследовать проблему и сделать правильные выводы; умение поставить реальные, достижимые цели; соответствие личности судьи высоким моральным стандартам; наличие соответствующих свойств характера; умение принимать критику и не поддаваться провокации на резкие замечания; сдержанность во время принятия решения; способность к тщательному обдумыванию деталей во время принятия решения.

Трактат Сангедрин закрепил характерное предостережение: в состав суда, в компетенцию которого входит рассмотрение дел с возможностью вынесения смертного приговора, запрещено включать в состав коллегии судей, известных своей жестокостью, глубоких старцев и людей, не имеющих потомства, объясняя это тем, что подобные люди не воспитывали детей, не испытывали боли за них, а, следовательно, не способны на истинное милосердие.

Согласно еврейской традиции, передача права вершить суд носила сакральный характер. Эта процедура именовалась «смиха», что в переводе на русский язык означает – «возложение рук». Сакральный акт рукоположения упоминается в Ветхом Завете (например, Второзаконие 34:9) и связан не только с передачей права вершить правосудие, но и права руководства народом. Легитимность приобретения власти определялась наличием благословения, придававшего субъекту дополнительные способности и возможности [4] и подкрепляла связь с Всевышним.

В Ветхом Завете содержатся несколько фрагментов, позволяющих составить представление о древнееврейском понимании справедливости и правосудия (Второзаконие 1:16-17, Второзаконие 16:18-20). Те же требования содержатся и в Книге II Паралипоменон 19:5-11. Из этих фрагментов иудейские правоведы выводят следующие основополагающие правила, которые они называют «*принципами иудейского правосудия*». Во-первых, судья не может заранее принимать точку зрения ни одной из спорящих сторон. Во-вторых, принимать во внимание следует только то, что может быть проверено и доказано. В-третьих, необходимо обеспечить соблюдение равных прав на справедливый суд людям, присоединившимся к еврейскому народу («пришельцев»): «*судите справедливо каждого с братом его и с пришельцем его*» [5]. В-четвертых, судье запрещено принимать какой бы то ни было, даже самый незначительный «подарок», не говоря уже о том, что следует избегать любых услуг, которые могут быть похожи на подкуп. В-пятых, из предшествующего положения вытекает правило о том, что дело не может рассматриваться заинтересованным уполномоченным лицом. В-шестых, закон должен быть равным и для бедного и для богатого: «*как малого, так и великого выслушивайте*» [6], а также: «*не лицепрятствуй*» [7]. В-седьмых, принятие решения относительно незначительной суммы денег или недорогого имущества должны быть для судьи столь же важны, как рассмотрение иска о больших денежных суммах. В-восьмых, судья должен ощущать себя представителем Всевышнего и рассматривать вынесение решения в суде как исполнение заповеди: «*Не давайте никому предпочтения: как малого, так и великого выслушивайте; не бойтесь никого, ибо суд в руках Всесильного*» [8]. В соответствии с еврейской традицией считается, что те, кто претворяет закон в жизнь и укрепляет моральные основы, опираясь на истину и справедливость, исполняют Божественное поручение [9]. Параллельно этот принцип повторяется в II Паралипоменон, главе 19: /6/ *И сказал судьям:*

«смотрите, что вы делаете, вы творите не суд человеческий, но суд Господа; и Он с вами в деле суда». В Талмуде «любой справедливый судья» представлен как «соучастник Творения, действующий вместе с Всевышним». В-девятых, судьи должны быть беспристрастными, *«чтобы судили они народ судом праведным»* [10]. Судьи, выслушивая показания каждой из сторон, должны проявлять терпение и не забывать о вежливости. Судья обязан следить за тем, чтобы его личные чувства не повлияли на принятие решения: *«Не давайте никому предпочтения»* [11].

Рамбам добавляет еще одну галаху: «Судье запрещено судить того, кого он любит, даже если он не из числа его родственников или друзей, и того, кого он ненавидит, даже если он не враг его и не желает ему зла. Обе тяжущиеся стороны должны быть равны в глазах и сердцах судей. А самое лучшее, когда судья не был ранее знаком ни с одним из них и с их делами. Это залог того, что он будет судить справедливо» [12].

В-десятых, судьи должны быть компетентными, и их назначение не должно быть обусловлено влиянием общества или семейными связями (*«И выберите себе людей и мудрых, и разумных, и знатных в племенах ваших [...]»*) [13].

В трактате «Сангедрин» указаны критерии, на основании которых оценивалась деятельность судей Сангедрина, и приведены некоторые ограничительные правила. Например, единодушие судей и излишне быстрое вынесение судебного решения воспринимаются как дискредитирующее обстоятельство. Если при рассмотрении дела с вынесением смертного приговора, члены Сангедрина единогласно вынесли обвинительный приговор, обвиняемого следует отпустить на свободу. Чтобы принять окончательное решение, следует подождать ночь и часть следующего дня, чтобы дать возможность объявиться свидетелям, которые могли бы выступить с показаниями в пользу подсудимого. А судьи, пусть даже и на следующий день, единодушно приговорившие обвиняемого к смерти, демонстрируют тем самым, что, по их мнению, у подсудимого уже нет шансов на оправдание. Таким образом, процессуальные нарушения, допущенные судьями, трактуются в пользу подсудимого.

В силу своей сущности законы утверждают принципы, полезные и необходимые для достижения всеобщего блага. Но случается, что в отдельных ситуациях хороший и справедливый закон может оказаться неблагоприятным по отношению к конкретному индивиду. Защищая интересы общего блага, закон, в частном случае, может оказаться же-

сток, ибо говоря о праве, мы всегда предполагаем его роль в уравнивании произвола индивидуальных волей, а, следовательно, в каждом отдельном случае чьи-нибудь притязания останутся неудовлетворенными. Каждая юридическая норма, стремясь быть справедливой в большинстве жизненных случаев, не может гарантировать справедливость для всех без исключения.

Литература

1. Исход 18:21-26 и Второзаконие, 16:18-20.
2. Талмуд, трактат «Сангедрин».
3. Трактат Гитин 88-б Вавилонского Талмуда.
4. I Царств 10:9.
5. Второзаконие 1:16.
6. Второзаконие 1:17.
7. Второзаконие 16:19.
8. Второзаконие 1:17.
9. Второзаконие 1:17.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ ОСНОВЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ КОНТРРЕФОРМ 1890 ГОДА 1890 YEAR OF REFORM AND ITS EFFECTS ON THE LEGAL REGULATION OF THE FINANCIAL BASIS OF LOCAL GOVERNMENTS

А.Н. Кондратьева
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
A.N. Kondrateva
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Освещается процесс усиления финансовой зависимости местного самоуправления от государственной администрации. Отмечено, что эффективное управление на местах обеспечивалась, прежде всего, за счет самофинансирования, что ставило муниципальную власть в тяжелое положение. Но при всех обстоятельствах, роль земства в повышении уровня жизни населения продолжает увеличиваться, что в очередной раз подтверждает социальную направленность его деятельности.

This article briefly highlighted the process of strengthening the financial dependence of local governments from the State administration. It is proved that effective local governance system should, above all, through self-financing and it had a local government in a difficult position. But in all circumstances, the role of local govern-

ment in improving people's standard of living continues to rise. This once again confirms the social direction of the activity of the local authorities.

Ключевые слова: местное самоуправление; финансовая зависимость: реформа 1890 года; сокращение компетенции.

Keywords: local government; financial dependence: reform, 1890; reduction of competence.

Последнее десятилетие XIX века – это непростой для Российского государства период, характеризующийся продолжением авторитарного политического курса, заложенного Александром III. Именно в это время происходит множество реформ в области местного управления. Назначение их сводилось к решению текущих задач и, в основном, было направлено на усиление контроля центральной власти над земскими и городскими учреждениями.

В результате контрреформ 1890 года земские учреждения стали рассматриваться как часть государственного управления, и служба в них стала приравниваться к государственной. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» [1] от 12 июня 1890 года, реализуя «государственную теорию самоуправления», закрепило ранее появившиеся ограничения, усиливая административный контроль за деятельностью местной власти. Данные изменения повлияли и на финансовую обеспеченность земского и городского управления.

Появилась серия актов, которые увеличили зависимость местных учреждений от администрации. Например, ни одна из статей нового «Городового положения» 1892 года [2] не содержала даже декларативного признания самостоятельности местного управления. Все существенные решения городских Дум утверждались Губернским по земским и городским делам присутствием. Усиливалось влияние государственной власти на городские управы. В частности, если ранее никакое административное учреждение не могло изменить определённую Думой смету и повысить назначенные Думой расходы, то по новому «Городовому положению» Присутствие по городским делам могло это сделать. «Устав лечебных заведений» и «Правила оценки недвижимых имуществ» 1893 года, «Закон о предельности земского обложения» и «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей» 1900 года также являлись продолжением этапа ограничения полномочий местного самоуправления и усиления его экономической зависимости от центральной власти. Позже высшие чиновники признавали, что

некоторые законоположения власти были «вредны для реальной практики... подрывая авторитет и поселяя недоразумения между представителями государственной власти и местным населением» [3].

Сохранялась практика «компенсации» земству за утерянны полномочия. Так, одновременно с «Законом о предельности земского обложения» появился законодательный акт «Об освобождении земств от некоторых обязательных расходов» [4]. Например, для Пермского земства этот закон давал экономии на 65000 рублей ежегодно [5]. Местные учреждения направляли ходатайства о сохранении прежних полномочий и одновременно о расширении имеющихся. Так, уездные земства Урала испрашивали расширение на распространение сферы обязательных постановлений земства на мероприятия, появление которых было вызвано развитием экономики и социальной инфраструктуры соответствующей территории (производство буровых работ, пользование артезианскими колодцами и т.п.). Однако эти прошения (как и во многих других случаях) не были удовлетворены. Каким же образом земство, не имея ни политической значимости, ни достаточных финансовых ресурсов, противостояло царской бюрократии и продолжало осуществлять разнообразную и эффективную работу?

На деятельности местных властей сказалось несколько благоприятных факторов. Прежде всего, они продолжали (как и по «Положению» 1864 года) действовать в привычных административно-территориальных рамках в границах уездов и губерний. Это давало им возможность ставить крупные проблемы, касавшиеся живших там людей, и получать необходимые материальные ресурсы для их решения.

Жизнеспособность управления на местах обеспечивалась также их самофинансированием. Основную часть поступлений они получали от налогов на недвижимое имущество: земли, леса, доходных домов, фабрик, заводов. Однако, главным источником дохода были налоговые поступления от крестьянских земель. Например, в 1885 году с десятины помещичьей земли в виде земского сбора брали 12,9 копейки, а с надельной (крестьянской) – 17,7 копейки. Такая диспропорция в системе земских сборов сохранялась до Февральской революции, хотя в целом суммарная величина налогов увеличивалась из года в год: в 1889 году по 34 губерниям она составила 36 миллионов рублей, в 1890 – 48 миллионов, в 1900 году – 88 миллионов, в 1911 году – 188 миллионов [6]. По тем временам это были солидные суммы, которые позволяли земству достаточно эффективно решать сложные и ответственные зада-

чи. Продолжала активно развиваться и благотворительность, которая по-прежнему являлась надежной финансовой опорой местных властей.

Несмотря на непростую политическую обстановку как в городе, так и на селе, активная социальная работа местной власти не прекращалась. Проанализировав нормативно-правовые акты и специальную литературу, можно отметить, что главнейшим предметом земских расходов являлась медицинская часть, на что в 1903 году израсходовано 30.4% всего бюджета. Следующее место в земских бюджетах занимают расходы на народное образование, достигающие 19 миллионов рублей, т.е. 19.2% земского бюджета. Дорожная повинность поглощает 11 миллионов 651 тысячу рублей, но в эту сумму включены почти 6 миллионов, назначавшиеся прежде на издержки, снятые с земства в 1895 году. Отметим еще, что расходы на экономическое благосостояние составляли в 1903 году 3 миллиона 578 тысяч рублей, т.е. 3,6% бюджета, в 1895 году на эту часть было назначено всего только 71 тысяча рублей. Расходы на общественное призрение, как они занесены в земские сметы на 1903 г., исчислены в сумме 1 млн. 792 тыс. руб., и рост этого источника с 1895 года равнялся 10 % [7]. Эти данные красноречиво говорят о значительной роли земств в повышении культурного и образовательного уровня населения. Вместе с тем, органы местной власти по-прежнему не располагают достаточными средствами для того, чтобы в полной мере решать вопросы местного значения в условиях промышленного развития.

Опыт формирования финансовых основ местного самоуправления в России до революционных потрясений 1905 года является весьма интересным для современных органов местного самоуправления. В настоящее время в России муниципальные органы власти находятся в таком же положении, как и земство более ста лет назад [8]. Это подводит органы местного самоуправления к поиску таких технологий, которые позволят укрепить материально-финансовую базу посредством эффективного использования имеющегося в их распоряжении экономического потенциала. В связи с этим обращение к историческому прошлому российского земства является вполне обоснованным и актуальным.

Литература

1. Свод законов Российской империи. Т. II. Кн. I. М., 1910. С. 219–240.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Том XII. № 8708. С. 430–456.
3. Извлечение из журнала комитета министров 31 декабря 1904 г. и 4, 25 января 1905 г. // Сборник Пермского земства. 1906. № 1–2. С. 21.

4. Брюхатов Л. К вопросу об изыскании новых источников земских доходов // Земское Дело. № 2–3. 1911.
5. Высочайшее повеление об установлении предельного земского обложения в губерниях в кои введено в действие Положение о губернских и уездных земских учреждениях и об освобождении земств от некоторых расходов // Пермские губернские ведомости. 1900. № 170.
6. Трутовский В. Современное земство / Под ред. и с предисл. Б.Б. Веселовского. Пг., 1915. С. 55.
7. Озеров И. Х. Основы финансовой науки. Бюджет. Формы взимания. Местные финансы. Кредит. / (переиздание 1906 года). М.: Изд. ЮрИнфор-Пресс, 2008. С. 340-346
8. Трунина И. Ю. Становление и развитие финансово-экономической основы местного самоуправления в России // Проблемы местного самоуправления. URL: <http://www.samoupravlenie.ru/48-02.php> (дата обращения: 13.01.2013).

**«НАУКА ЗАКОНОВ БЛАГОУСТРОЙСТВА» Н.Х БУНГЕ,
КАК ИДЕЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ**
**«THE SCIENCE OF THE LAWS OF IMPROVEMENT»
N.KH BUNGE, AS THE IDEA OF REFORMING THE STATE
MANAGEMENT IN RUSSIA**

К.Б. Лазорин

Санкт-Петербургский университет управления и экономики

К.В. Lazorin

St. Petersburg University of management and Economics

С 1869 г. стал выходить отдельными выпусками курс полицейского права Н. Х. Бунге. Согласно Н. Х. Бунге, полицейское право вообще как отрасль не существует, поскольку благоустройство представляет прикладную часть политической экономии, благочиние есть часть государственного права. Однако он не отрицал целесообразности существования такой научной дисциплины и даже сам написал курс, сосредоточив внимание на государственном регулировании хозяйственной жизни (праве рыбной ловли, охоты, скотоводства и проч.).

После общих понятий Н.Х. Бунге переходит к изложению законов благоустройства, основание которых, по его мнению, находится в прикладной части политической экономии. В виду взаимодействия между учениями экономистов, хозяйственным бытом и законами, устанавливающими нормы хозяйственных отношений, автор полагает необходимым

поставить в системе науки на первое место экономические учения, которым он сам отводит довольно много места. При изложении материала автор распределяет его в соответствии с различными отраслями деятельности человека, направленными к удовлетворению потребностей. Руководствуясь этими соображениями, Н.Х. Бунге рекомендует следующую систему науки законов благоустройства, не касаясь законов благочиния: он делит свой курс на две книги, в первой из которых содержится исторический очерк экономических учений, а во второй – обозрение различных отраслей хозяйственной деятельности. Обозрение это состоит из 8 разделов: добывающая, земледельческая, обрабатывающая и торговая промышленность; деятельность, облегчающая обороты и сношения; духовная деятельность; деятельность для обеспечения доходов, имущества и удовлетворения потребностей; местное общественное хозяйство.

Главное достоинство книги Н.Х. Бунге заключается в тщательной разработке тех отделов предмета, в которых преобладает хозяйственный характер. Но нельзя согласиться с мнением автора, что наука полицейского права состоит из двух частей, не имеющих самостоятельного значения, из которых одна выступает в виде экономических учений, получивших практический характер в прикладной части политической экономии и оттуда перешедших в законодательство, а другая – лишь часть государственного права.

Кроме того, вводя новый термин, а именно «наука законов благоустройства», автор не только не доказал и не оправдал необходимости этого термина и не пояснил его значения, но и связал его с другим термином, с так называемой «прикладной частью политической экономии»; причем Н. Х. Бунге, упустив из виду различие, проводимое К. Рау, который первый указал на отличия между хозяйственной полицией и народно-хозяйственной политикой, неверно ставит эти термины рядом как синонимы и столь же неверно определяет последним немецким термином прикладную часть политической экономии, тогда как К. Рау ясно говорит, что народно-хозяйственная политика не является прикладной частью политической экономии, а имеет значение самостоятельной науки.

Некоторые воззрения на «полицейское государство» встречаются в этот период в учениях славянофилов. Например, К.С. Аксаков утверждал, что русский народ не желает править, он ищет свободы не политической, а нравственной, общественной. Истинная же свобода народа возможна только при неограниченной монархии [1]. Уже к концу XIX в.

подобное сосредоточение полицейских и судебных функций во власти одних органов, организация которых в свою очередь строилась на основе представительства сословий, указывало на характерные черты «полицейского государства» и являлось совершенным пережитком, который не был устранен. Требовалось проведение очередной реформы, сравнимой по своей глубине с реформой Петра I.

«Гражданская жизнь и гражданское законодательство далеко расходятся в своем развитии», – говорил С.А. Муромцев [2]. При таких условиях действительно начинаешь задуматься, как отмечал Ф.В. Тарановский [3]. Вопиющая несправедливость одной части законов вызвала презрение к другой. Разве можно считать истинным нигилистом возмущенного «вопиющей несправедливостью», произволом власти, неспособностью государственного аппарата стабилизировать общество. «Но такое стремление к праву и борьба за него – это лишь слабый отблеск того бессмертного нравственного творчества, которому свойственно чувство подлинной любви к ближнему» [4].

Многие юристы второй половины XIX в. полагали, что в целях обеспечения эффективности административного механизма следует всю полноту дисциплинарной власти в отношении всех чинов администрации подлежащего ранга вручить административным судам. В частности, анализируя западные модели административной юстиции, русские ученые пытались выявить в них положительные и отрицательные стороны и на этой основе разработать оптимальную российскую модель судебного контроля за действиями органов управления и чиновниками.

Литература

1. История политических и правовых учение / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. – 944 с.
2. Муромцев С.А. Выступление на заседании Юридического общества // Журнал министерства юстиции. – 1903. – № 6. – С. 202.
3. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. – СПб.: Издательство «Лань», 2001. – С. 491.
4. Гессен И. В. Судебная реформа. СПб.: Тип-лит. Ф. Вайсберга, П. Гершунина, 1905. – 269 с.

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ ДЕЙСТВИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА
В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND LIMITS
OF STATE SOVEREIGNTY**

А.С. Леонов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

A.S. Leonov

Nizhny Novgorod State University

Вопрос о пределах государственного суверенитета часто возникает в связи с действиями государства в гуманитарных целях, то есть в целях обеспечения защиты прав человека. К таким действиям может относиться гуманитарная интервенция и целенаправленное уничтожение членов террористических групп в рамках правоохранительной деятельности государства. Оба явления являются сложными с правовой точки зрения. В частности, один из аспектов вопроса об их законности касается пределов распространения юрисдикции государства, границ его суверенитета. Рассматриваются положения основных международных договоров о правах человека, касающиеся территориальной сферы их действия и территориальной юрисдикции государства по их реализации.

Limits to state sovereignty are often discussed within the context of state humanitarian actions – that is actions aimed at protection of human rights. Such actions include, for example, humanitarian intervention and targeted killings of terrorists in the framework of law enforcement. Both phenomena are legally problematic. Their lawfulness is indeed linked to the limits of state sovereignty. This article analyses territorial jurisdiction of major international human rights treaties and territorial jurisdiction of states where it concerns protection of human rights defined in these treaties.

Ключевые слова: суверенитет государства, права человека, гуманитарная интервенция, целенаправленное уничтожение террористов, территориальная юрисдикция

Keywords : state sovereignty, human rights, humanitarian intervention, targeted killings, territorial jurisdiction.

Вопрос о пределах государственного суверенитета часто возникает в связи с действиями государства в гуманитарных целях, то есть в целях обеспечения защиты прав человека. К таким действиям может относиться гуманитарная интервенция и целенаправленное уничтожение членов террористических групп в рамках правоохранительной деятельности государства. Оба явления являются сложными с правовой точки

зрения. В частности, один из аспектов вопроса об их законности касается пределов распространения юрисдикции государства, границ его суверенитета. Именно от ответа на этот вопрос во многом зависит правомерность действий государства в соответствии с нормами международного права [1]. Рассмотрим положения международных договоров по правам человека, касающиеся территориальной сферы их действия.

Африканская хартия прав человека и народов, в отличие от других международных соглашений, не ограничивает обязанность государств-участников признавать права, обязанности и свободы, провозглашенные в данном акте, и предпринимать законодательные или иные меры для их осуществления [2].

Международный пакт о гражданских и политических правах предусматривает, что участвующие в нем государства обязуются уважать и обеспечивать права, признаваемые в данном пакте, лишь в отношении лиц, находящихся в пределах их территории и под их юрисдикцией [3]. Американская конвенция о правах человека [4] и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод [5] также ограничивают сферу своего применения лишь в отношении лиц, находящихся под юрисдикцией государств-участников. Таким образом, границы действия данных актов зависят от толкования понятия «юрисдикция», которое можно найти в практике различных международных органов.

Комитет ООН по правам человека в одном из своих дел указал, что понятие «юрисдикция» относится не к месту, где произошло нарушение, а к отношениям между государством и индивидуом, чьи права были нарушены [6]. Таким образом, государство несет ответственность за нарушение положений Пакта, даже если такое нарушение произошло за пределами его территории [7]. На это указывают и положения самого Пакта [8].

Кроме того, в одном из общих комментариев Комитет признал, что государства должны выполнять свои обязательства в отношении всех лиц, находящихся под их контролем даже за пределами своей территории. А в пределах государственных границ действие указанных обязательств распространяется не только на граждан данных стран, но и на всех остальных лиц, которые могут оказаться на их территории. Данное правило распространяется и на случаи, когда государство осуществляет эффективный контроль над иностранной территорией [9].

Межамериканская комиссия по правам человека в своей практике рассматривает обязательства государств-участников Конвенции в качестве универсальных, однако обоснование данного подхода кроется даже

не в положениях Конвенции, а в общей оценке отношений между государством и индивидом, который находится под контролем государственной власти [10]. Все нарушения, совершаемые агентами или должностными лицами государства за пределами его границ, в любом случае приписываются государству [11], что означает, что Комиссия придерживается в своей практике концепции персональной юрисдикции [12]. Однако данный орган также полагает, что у такого экстерриториального действия положений Конвенции существуют свои границы: государства не обязаны обеспечивать защиту прав индивидов на территории других стран от нарушений со стороны последних [13].

Европейская комиссия по правам человека в деле «М против Соединенного Королевства» также указала, что используемый в Конвенции термин «юрисдикция» не ограничивает его применение лишь территориями государства-участника, поскольку последнее обязано гарантировать права и свободы всем лицам, в отношении которых оно осуществляет свою власть, даже если это происходит на иностранной территории. При этом представители государства, включая дипломатических и консульских работников или членов вооруженных сил, действуя за его пределами, не только сами остаются под его юрисдикцией, но и распространяют ее на других лиц [14].

В практике Европейского суда по правам человека также было несколько прецедентных дел, затрагивающих вопрос об экстерриториальной юрисдикции государств. Так, в деле «Луизиду против Турции» Суд рассматривал вопрос о том, распространялась ли на заявителя юрисдикция Турции, поскольку предполагаемое нарушение было совершено в Северном Кипре, оккупированном турецкими властями. Европейский Суд вновь подтвердил, что понятие юрисдикции, закрепленное в ст. 1 Европейской конвенции не ограничивает ее территориального применения лишь границами государства-участника. Государство несет ответственность за действия своих представителей, независимо от того, где они были совершены – внутри или за пределами государства. Оно также несет ответственность за все нарушения положений Конвенции, совершенные иными лицами на иностранной территории, над которой оно осуществляло эффективный контроль [15].

В другом деле, «Банкович и другие против Соединенного Королевства», Суд уточнил, что концепция экстерриториальной юрисдикции сводится лишь к исключительным случаям: когда государство осуществляет эффективный контроль над иностранной территорией и ее населением вследствие военной оккупации или уступки данной терри-

тории, с согласия местных властей либо по их приглашению, а также выполняет все или некоторые функции публичной власти [16].

В деле «Илашку и другие против Молдовы и России» Суд указал, что даже когда речь идет о национальной территории, понятие юрисдикции должно толковаться с некоторыми поправками, поскольку государство не всегда может одинаковым образом осуществлять власть во всей стране. Это может быть вызвано, например, военной оккупацией части его территории, ведением военных действий или поддержкой иностранными властями различных сепаратистских движений. Однако такое государство остается обязано принимать все возможные меры для обеспечения прав человека в соответствующей части страны [17].

В деле «Исса и другие против Турции» Европейский Суд указал, что, положения Конвенции могут применяться, в том числе, и за пределами европейского правового пространства [18]. По этой причине государства, проводящие военные операции на территории иных государств, автоматически распространяют свою юрисдикцию на находящиеся на ней лиц.

В практике Международного Суда ООН особое значение для рассматриваемого в настоящей части вопроса имеют два консультативных заключения: о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории и о законности угрозы ядерным оружием или его применения. В первом консультативном заключении Суд указал, что поскольку Израиль осуществлял экстерриториальную юрисдикцию на оккупированной палестинской территории, он обязан был соблюдать все принятые на себя обязательства в сфере прав человека [19]. Во втором консультативном заключении Суд установил, что обязательства государств в отношении прав иных государств и их граждан заключаются, прежде всего, в их соблюдении, то есть невмешательстве в их осуществление [20].

Таким образом, с учетом вышеприведенной практики можно говорить о том, что любое лицо, в отношении которого государство осуществляет целенаправленное уничтожение за пределами своей территории, автоматически подпадает под его юрисдикцию. Иными словами, если государство располагает достаточными полномочиями и возможностями для осуществления целенаправленного уничтожения на территории другого государства, следовательно, оно может нести и ответственность за нарушение прав лиц, избранных им в качестве объектов своих операций. Что касается позитивных обязательств, то обязанность государства по их выполнению зависит от эффективности осуществля-

емого им контроля над соответствующей территорией или конкретным лицом.

Когда же речь заходит о положениях о праве человека на жизнь в общем международном праве, то они не имеют территориальных границ применения и распространяются на все государства, независимо от участия последних в тех или иных международных договорах [21].

Анализ международно-правовых норм показывает, что государства располагают полномочиями по применению силы, способной привести к летальному исходу, лишь в исключительных случаях и для достижения ограниченного круга целей. При этом таким полномочиям всегда сопутствует обязанность по защите и уважению права каждого на жизнь, которое закреплено не только в различных международных договорах и национальном законодательстве, но и является частью общего международного права.

Литература

1. David Kretzmer. Targeted Killing of Suspected Terrorists: Extra-Judicial Executions or Legitimate means of Defence? Pp. 183–185.
2. Африканская хартия прав человека и народов. Ст. 1.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах. П. 1 ст. 2.
4. Американская конвенция о правах человека. П. 1 ст. 1.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Ст. 1.
6. United Nations Human Rights Committee. Sergio Euben Lopez Burgos v Uruguay, Communication No. R.12/52, UN Doc. Supp. No. 40 (A/36/40), 29 July, 1981. Para. 12.2.
7. Ibid. Para. 12.3.
8. Международный пакт о гражданских и политических правах. П. 1 ст. 5.
9. United Nations Human Rights Committee. General Comment No. 31 (2004): Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant, 26 May, 2004 (CCPR/C/21/Rev.1/Add.13). Para. 10.3.
10. Nils Melzer. Targeted Killing in International Law. P. 126.
11. Inter-American Commission on Human Rights. Report on the Situation of Human Rights in Chile, 9 September, 1985. Ch. III, Para. 29.
12. Nils Melzer. Targeted Killing in International Law. P. 128.
13. Inter-American Commission on Human Rights. Victor Saldano v Argentina, Petition, Report No. 38/99, 11 March, 1999. Para. 22.
14. European Commission of Human Rights. M. v the United Kingdom and Ireland, Application No. 9837/82, Decision of 7 March, 1985. Para. 25.
15. European Court of Human Rights. Loizidou v Turkey, Application No. 15318/89, Judgment on Preliminary Objections of 23 March, 1995. Para. 62.

16. European Court of Human Rights. Bankovic and others v Belgium and 16 other Contracting States, Application No. 52207/99, Admissibility Decision of 12 December, 2001. Para. 71.

17. European Court of Human Rights. Ilascu and others v Moldova and Russia, Application No. 48787/99, Judgment of 8 July, 2004. Para. 313.

18. European Court of Human Rights. Issa and others v Turkey, Application No. 31821/96, Judgment of 16 November, 2004. Paras. 69–71.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ ИНВАЛИДНОСТИ

SOCIAL ASPECTS OF DISABILITY AS A LEGAL CATEGORY

Т.В. Мельникова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

T.V. Melnikova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Проводится анализ правопонимания инвалидности, раскрываются вопросы терминологии в сфере инвалидности.

In the article the analysis of the concept of disability as a legal category is carried out. The issue of terminology in the sphere of disability is raised.

Ключевые слова: инвалид, лицо с ограниченными возможностями здоровья, реабилитация, правопонимание.

Keywords: Disabled Person, Person with the Limited Health Capacity, Rehabilitation, Law Interpretation.

Соблюдение и защита прав и свобод человека, запрет на любые формы ограничений по признакам социальной принадлежности представляются одними из наиболее проблемных вопросов современной действительности. При этом основы правового статуса личности, закрепленные во второй главе Конституции РФ, являются основополагающей составляющей правового статуса инвалида.

В настоящее время в понимании инвалидности происходит существенная эволюция, на которую большое влияние оказала теория и практика реабилитации инвалидов. Социальная реабилитация, в свою очередь, связанная с понятием «доступная среда», предусматривает осуществление различных мероприятий в сфере предоставления доступа инвалидам к объектам социальной инфраструктуры и к информации.

Рассматривая инвалидность в контексте современных социально-экономических условий как сложное социальное явление, остаются актуальными и вопросы терминологии в данной сфере правового регулирования. В современной литературе встречается ряд формулировок, определяющих понятие «инвалид»: лицо с ограниченными возможностями здоровья, лицо с особыми образовательными потребностями, человек с особенностями развития, лицо с отклонениями в развитии, инвалид с детства, лицо с инвалидностью. Зачастую между такими понятиями проводятся аналогии. Более того, русская «толерантная» терминология в отношении людей с инвалидностью до сих пор не устоялась. Даже в среде инвалидов присутствуют разные точки зрения на правомочность употребления тех или иных терминов. Однако, определение инвалидности, которым до сих пор руководствуются в повседневной российской юридической практике, сводит понимание этого сложного социального явления к рамкам узкого медицинского подхода (ФЗ от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»), рассматривая инвалидность с позиции «неизлечимого больного». Такая практика определения инвалидности зародилась в недрах советской системы здравоохранения и социального обеспечения и до сих пор оказывает сильное влияние на законодательство.

В современном международном праве и в международном сообществе нормативным признается социальное понимание инвалидности. Международное движение за права инвалидов рассматривает инвалидность как одну из форм социального неравенства, определяя причину инвалидности не в самом заболевании как таковом, а в существующих в обществе барьерах, стереотипах и предрассудках (М. Фуко, А. Финзен, Д.В. Зайцев, Н.Н. Малофеев, Э.К. Наберушкина, Е.Р. Ярская-Смирнова и др.). Из данной трактовки следует, что основные проблемы инвалидов (недоступная среда, недоступный транспорт, недоступность информации, бедность, раздельное образование, дискриминация при трудоустройстве, стереотипы в отношении) созданы обществом. Ограниченные возможности инвалидов – это результат отношения общества к их особым потребностям, а не внутреннее, присущее именно этим людям свойство или «болезнь». Именно обществу необходимо преодолеть негативные установки в отношении инвалидности, изжить их и предоставить людям с ограниченными возможностями здоровья равные возможности полноценного участия во всех сферах общественной жизни, что, в свою очередь, требует внесения изменений в законодательство страны.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДУХОВНОГО И СВЕТСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XVIII–XIX вв.**

**THE LEGAL REGULATION OF SPIRITUAL AND SECULAR
EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE 2-nd HALF OF XVIII–XIX CENTURIES**

Т.Г. Минеева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

T.G. Mineeva

Nizhegorodskii State University

Анализируются нормативно-правовые акты, регулировавшие деятельность образовательных учреждений в России второй половины XIX–XX вв., принципы обеспечения и функционирования семинарий, народных училищ и гимназий.

The article is analysed legal acts, were regulating activity of institutions of education in Russia in the 2-nd half of XVIII–XIX centuries. Principals of provision and function of seminaries, people secondary schools and gymnasies are considering here.

Ключевые слова: образование, семинария, народное училище, гимназия, указ, обеспечение, библиотека.

Keywords: education, seminary, people secondary school, gymnasia, decree, provision, program, library.

XVIII в. для Европы – это эпоха Просвещения, время расцвета точных наук и философии, а также повышенного внимания к уровню образованности и образовательных заведений. Несколько отставала от европейских стран Россия в количестве и качестве образовательных программ. Импульс, данный Петром I, способствовал созданию ряда учебных заведений, в которых готовили специалистов в области артиллерии, морского и инженерного дела, навигации, однако планомерной работы по созданию сети школ не было. Возможностей получить хорошее систематическое образование в России было немного.

Екатерина II, ценившая работы французских философов, делавших упор именно на доступное образование, не могла не обратить внимания на существовавшие в России проблемы и не озаботиться правовыми и административными нормативами системы образования. Особенностью российской системы образования состояла в том, что в ее центре находилась православная церковь, в ведении которой были семинарии, попечение о народной нравственности, религиозная политика на местах.

Во многих сельских местностях Российской империи единственным грамотным человеком был священник, который и обучал детей началам письма и счета. Мероприятия Екатерины II начались с эффективных и масштабных актов наподобие организации Академии художеств в 1763–1764 г. Однако, на наш взгляд, более важными нормативными актами были «Закон о веротерпимости ко всем вероисповеданиям» от 17 июня 1773 г. [1], которым дорога к получению образования открывалась для большинства жителей Российской империи, а также создания целого ряда учебных заведений.

17 апреля 1774 г. появились два взаимосвязанных указа: о создании при Артиллерийском и Инженерном кадетском корпусах «Гимназии для греческого юношества» и о выделении ей содержания в 41613 рублей, что по тем временам представляло крупную сумму и вообще являлось неординарным шагом вперед в материальном обеспечении учебных заведений [2].

К концу 70-х гг. XVIII в. появится целый ряд учебных заведений, расположенных не в Москве и Петербурге, а в глубинке России (к их числу относится семинария в Севске) [3], пересматриваются и увеличиваются оклады для их преподавателей. Так, например, в 1779–1784 гг. содержание для семинарий Петербурга, Н. Новгорода, Ярославля, Рязани, Владимира, Смоленска, Воронежа и др. были определены в 2000 руб. в год.

Еще одной мерой, предпринятой Екатериной II, стало учреждение народных училищ именованным указом императрицы 7 сентября 1782 г. В тексте указа особо подчеркивается, что училища должны быть учреждены в «совершенном единообразии», т.е. их программы и методы преподавания должны быть согласованы и систематизированы. В архивах Нижегородской области сохранились конкретные планы реализации этого указа, пришедшие в Н. Новгород в сентябре 1783 г. [4].

Подзаконными актами, обеспечивавшими реализацию указа, стали «Устав народным училищам в Российской империи», распространенный в августе 1786 г. [5], а также «Правила для учащихся» и «Руководства учителям первого и второго классов».

«Устав народным училищам» подробно регламентировал структуру народных училищ, разделяя их на главные, располагавшиеся в губернских центрах, и уездные, отличавшиеся по срокам образования (соответственно, 4 и 2 года). Отметим, что государство брало на себя обеспечение народных училищ необходимыми учебными пособиями, а дети

должны были учиться там бесплатно. «Устав» регламентировал также учебный процесс, определяя и нагрузку педагогов (23 учебных часа в неделю).

В программу народных училищ были включены иностранные языки, в том числе и латинский язык, география, математика и рисование.

Наравне с народными училищами продолжили свое существование семинарии, имевшие при себе и церковные гимназии. Обратим внимание на более обширную и представительную программу церковных гимназий и семинарий, учебный план которых включал в себя изучение русского языка в курсах грамматики, чистописания и правописания, арифметики и геометрии, латинского языка, греческого языка и иностранных языков, обществознания, основ философии, богословия, географии, светской и церковной истории. Полный курс семинарии был рассчитан на 8 лет.

Церковные гимназии впоследствии были объединены с народными училищами. Так, в 1787 г. лысковская церковная гимназия была реформирована: «велено макарьевской округи в селе Лыскове быть народному училищу для обучения макарьевского духовного правления священно- и церковнослужительских детей по новому методу, употребляемому в учреждениях по именованному Ея Императорского Величества высочайшему повелению о народных училищ... чтоб они, яко незнающие упомянутого метода впрямь не своих, ни чужих детей... ни сами российской грамоте и писать не обучали ни к другим оною метода незнающих... не отдавали под опасением за преступление неупустительного штрафования» [6]. К концу XVIII в. происходит переориентирование духовных начальных и средних учебных заведений в светские. Учебные заведения, созданные в рамках образовательной реформы Екатерины II, обеспечивали учащимся достаточно высокий образовательный уровень. Императрица планировала довести единую линию учебных заведений до университета, однако данный проект остался без воплощения.

Значительное число направлений развития образования, заложенных при императрице Екатерине в течение XIX в. было свернуто. Однако принцип широкой образовательной ценности учебных программ гимназий и семинарий сохранялся. В перечне обязательных для изучения предметов гимназического курса, предписанных циркулярами министерства народного просвещения во второй половине XIX в., можно видеть русский язык и литературу, историю, древние и новые языки, закон божий, физику, логику, математику и географию [7].

Особое внимание уделялось обеспечению учебных заведений книгами и учебными пособиями. При Екатерине II распоряжениями Синода заказы на печатание учебной литературы передавались различным типографиям. Чтобы увеличить типографскую базу, разрешалось также «заводить типографии во всех городах с освидетельствованием оных от Управы благочиния» [8].

На протяжении XIX в. списки учебных пособий и необходимых в учебных курсах гимназий книг пересматривались неоднократно. Однако мы можем констатировать, что попечители учебных округов следили за обновлением библиотек и сменой учебников. [9] Списки неучебных книг и периодических изданий формировались Ученым комитетом Министерства народного просвещения. Закупки выполнялись за счет казны и на специально выделенные средства [10]. Причем в списках библиотек присутствуют сочинения Д. Локка, Д.С. Милля, Н. Добролюбова и др. авторов, идеи которых обсуждались в обществе. Циркулярами министерства народного просвещения также определялся порядок испытаний при поступлении и окончании учебного заведения, причем следует отметить, что испытания были отнюдь не формальными.

Заканчивая, отметим, что количество и наполненность нормативно-правовых актов, регулировавших деятельность учебных заведений в Российской империи, была различной в отдельные хронологические периоды, однако можно говорить об определенном ритме административной деятельности в этой сфере.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI. № 12502. 41613.
2. Полное собрание законов Российской империи. № 14299, 14300.
3. Полное собрание законов Российской империи. № 14784.
4. ЦГИА. Ф. 796. Оп. 64. Д. 332, Лл. 1, 2, 4 и след.
5. ПСЗРИ. №. 16421.
6. ЦГИА. Ф. 796. Оп. 74. Д. 47. Лл. 96–99.
7. Циркулярное предложение министра народного просвещения попечителям учебных округов относительно учебных планов предметов гимназического курса. 8 августа 1890 г. № 12522.// Исаенков В. Сборник постановлений и распоряжений Министерства народного просвещения. СПб. 1903. С. 405–535.
8. ПСЗРИ. № 15634.
9. О неперемennom выполнении некоторых условий при перемене учебников. Циркуляр министра народного просвещения от 1 августа 1884 г. № 10780. // Исаенков В. С. 387.

10. О неуклонном исполнении действующих правил относительно приобретения книг в библиотеки учебных заведений. Циркуляр министра народного просвещения от 19 ноября 1887. № 17566.//Исаенков В. С.394-395.

**СУЩЕСТВОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО
АРМЯНСКОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ
ГОСУДАРСТВА**
**THE EXISTENCE OF A MEDIEVAL ARMENIAN SOURCES OF
LAW IN THE ABSENCE OF THE STATE**

С.Г. Петикян
*Нижегородский институт управления
Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ*
S.G. Petikyan
NIU RANHiGS under the President

На примере источников средневекового армянского права автор рассматривает вопрос о возможности их существования в условиях отсутствия государства.

On the example of medieval Armenian sources of law by considering the possibility of their existence in the absence of the state.

Ключевые слова: источник права, государство, религиозные каноны, Судебник.

Keywords: source of law, a state, religious canons, the Code of law.

С развитием и усложнением общественных отношений источники права изменялись, дополнялись, совершенствовались как по форме, так и по содержанию, пройдя длительный исторический путь от правового обычая до различных правовых актов. Появление каждого нового источника права свидетельствовало о неспособности предшествующих источников права в полной мере учитывать потребности, интересы общества. В связи с этим возникает необходимость в создании новых норм права и их закреплении в официальных документах (в источниках права) для регулирования вновь возникших общественных отношений. Как указал С. Л. Зивс: «норма права не существует и не может существовать вне источника права – оболочки бытия правовой нормы» [1]. Факт закрепления правовых норм в определенных источниках означает наделение их юридической силой и статусом официального документа, слу-

жащего нормативной основой для регулирования общественных отношений [2].

Система источников каждого государства формируется под воздействием характерных для данной страны социально-экономической, политической среды, развивающихся общественных отношений, правосознания [3], правопонимания и т.д.

Особенностью источников средневекового армянского права является тот факт, что они были приняты в условиях отсутствия государственности у армян.

В Армении до XII в. не было светского юридического кодекса, поэтому общественные отношения регулировались религиозными канонами. После раздела Армении между Византией и Сасанидской Персией (387 г.) и прекращения существования армянского государства, единственной объединяющей народ силой являлось христианство в лице церкви. Армянская апостольская церковь в условиях раздробленности страны и отсутствия царской власти начала вмешиваться в политическую жизнь страны, взяла на себя некоторые обязанности государства и сосредоточила в своих руках правовую деятельность, созывала национальные церковные соборы, занималась правотворческой деятельностью, то есть издавала правовые нормы. Как отмечал Е.Н. Трубецкой: «Все те правовые нормы, коих обязательность обуславливается санкцией того или другого внешнего авторитета (например, государства, церкви, вообще того или другого организованного общества) суть нормы права позитивного или положительного. Напротив того, все правовые нормы, коих обязательность не обуславливается каким-либо внешним авторитетом, а требованиями разума, суть нормы права естественного» [4].

На многочисленных церковных соборах, состоявшихся в Армении в разные исторические периоды, был принят ряд канонов, в частности, Шаапиванские каноны (444 г.), Каноны Иоанна Имастасера Одзнеци (719 г.) и другие. Несмотря на то, что многие нормы канонов носили религиозный характер, их юридическое, письменное закрепление явилось основой для дальнейшего сплочения народа и послужило первым шагом к установлению собственного законодательства Армении.

С XII века были приняты светские юридические кодексы – канонические законоположения («Судебник») Давида, сына Алавика (приблизительно 1130 г.), «Судебник» Мхитара Гоша (XII в.), которые также были составлены в условиях отсутствия государства, что является исключительным явлением в истории права [5].

Анализ источников средневекового армянского права показал, что воплощенные в них идеи являлись отражением тех тяжелейших исторических условий, в которых жил армянский народ и боролся за сохранение своей национальности, духовной культуры, языка. Находясь под господством разных государств в течение долгого времени и испытывая на себе влияние правовой культуры разных народов, армянский народ сохранил свои обычаи и традиции, которые составили основу памятников армянского права.

Анализ источников средневекового армянского права показал, что, даже при отсутствии государства, они были действующими актами, при этом, с одной стороны, учитывали национальную особенность армянского народа, а с другой стороны, соответствовали законодательству того или иного государства.

Литература

1. Зивс С.Л. Источники права. М., 1981. С. 9.
2. Вопленко Н.Н. Источники и формы права. Учебное пособие. Волгоград, 2004. С. 10.
3. Теория государства и права/ Под. ред. В.К. Бабаева. М., 2003. С. 267.
4. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 91.
5. Сафарян Г.Г. Средневековое армянское право и политико-правовая мысль (X–XIII вв.). Ереван: «АРТ», 2008. С. 167 (на армянском языке).

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОПРОСОВ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ **MAIN TRENDS OF DEVELOPMENT AND LEGAL SUPPORT OF SECURITY ISSUES IN THE MODERN RUSSIAN STATE**

Г.С. Пыпина
Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа
G.S. Pypina
Federal arbitration court of the Volga-Vyatka region

Освещены основные направления развития процесса обеспечения национальной безопасности в России. Автор описывает основные пути обеспечения национальной безопасности, наиболее актуальные в настоящее время, приходя к выводу о несовершенстве нормативно-правового регулирования процесса обеспечения безопасности. Автор рассуждает о качественном влиянии таких перво-

степенных элементов обеспечения безопасности, как гражданское общество и общественный контроль.

The article covers the basic directions of progress at the area of the providing of the national security in Russia. The author describes the main ways of the providing of the national security for to day and comes to the conclusion of the not perfection of the law regulation of this process. An addition the author considers the citizen society and the citizen control to be an indispensable components of the providing of the national security.

Ключевые слова: обеспечение национальной безопасности, гражданского общества и гражданского контроля, компоненты обеспечения безопасности, правового регулирования безопасности.

Keywords: the providing of the national security, the citizen society and the citizen control, components of the providing of the security, the law regulation of the security.

Основополагающим фактором обеспечения безопасности признается стабильное гражданское общество, в рамках которого осуществляется реализация и защита прав человека. Личностный подход в вопросах безопасности государства в настоящее время имеет приоритетное значение. Ограничение прав и свобод человека недопустимо при осуществлении безопасности государства. Именно на реализацию и защиту прав человека должны быть направлена деятельность государства, так как реализация и защита прав человека являются основой безопасности государства.

Следует отметить, что безопасность представляет собой полисистемное явление, которое включает в себя ряд аспектов, таких как общественная, личностная, экономическая, военная, продовольственная, экологическая, техногенная и другие. При этом обеспечение одного аспекта безопасности невозможно без обеспечения другого. В целях консолидации усилий органов власти различного уровня и граждан в сфере обеспечения национальной безопасности была утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года[1]. Документ является базовым актом по вопросам планирования системы обеспечения национальной безопасности. В нем излагаются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности, основа для взаимодействия государственной власти, организаций и общественных объединений для защиты национальных интересов Российской Федерации и обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Впервые в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года законодательно были определены наиболее важные правовые дефиниции. В Стратегии нашли отражение такие понятия, как стратегия национальной безопасности Российской Федерации[2]; национальная безопасность[3]; национальные интересы Российской Федерации; угроза национальной безопасности; стратегические национальные приоритеты; система обеспечения национальной безопасности; силы обеспечения национальной безопасности, средства обеспечения национальной безопасности. Дана объективная оценка внутренних и внешних угроз, проведены различия между понятиями «национальная» и «государственная» безопасность[4].

В качестве законодательной меры поддержки реализации Стратегии был принят Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности». Положения закона полностью согласуются с пунктом «ж» статьи 83 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым Президент Российской Федерации формирует и возглавляет Совет Безопасности Российской Федерации, статус которого определяется федеральным законом, и отвечает современным подходам и взглядам на обеспечение национальной безопасности.

Между тем, по основополагающим направлениям обеспечения национальной безопасности отсутствуют федеральные законы, а наиболее актуальные отношения регулируются так называемыми актами второго уровня: Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, Военной доктриной, Доктриной информационной безопасности, Морской доктриной Российской Федерации, Концепцией внешней политики, Основами пограничной политики, Основами политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2010 года и другими документами. Характеризуя данные нормативные акты как акты второго уровня, следует исходить из их места в иерархии нормативно-правовых актов. Представленные доктрины и стратегии приняты Указами Президента Российской Федерации. Следовательно, во исполнение названных доктринальных документов должны приниматься постановления и распоряжения органов, обязанных нести ответственность за их соблюдение или не соблюдение (правительства как на федеральном, так и на региональном уровнях, министерства и ведомства). Так, например, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020

года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, действует Указ президента «О военной доктрине» от 05.02.2010 № 146 и т.д.

При этом механизм конституционной ответственности в рамках рассматриваемых правоотношений явно недостаточен, поскольку стратегическое планирование предполагает адекватное и своевременное реагирование на условия, формирующие угрозы безопасности.

Важно также отметить продуктивность работы гражданского общества и общественных, социально-политических институтов в современных условиях обеспечения безопасности государства. Указанные субъекты наравне с органами власти способствуют четкому определению основных параметров безопасности, зачастую могут их самостоятельно выделить и даже систематизировать. Тема общественного контроля как механизма борьбы с коррупцией стала актуальной, когда коррупция возглавила список угроз национальной безопасности России. Как реальный механизм общественный контроль стал осуществляться с середины 2012 года, когда парламентариям нового созыва было предложено отчитываться по статьям своих доходов и владению объектами элитной недвижимости. В обществе не угасает надежда, что этот вид контроля не перейдет в политическое противостояние и не исчезнет вовсе как любая другая гражданская инициатива в России.

Нормативно-правовая база, регулирующая деятельность негосударственных объединений и способствующая увеличению правовых возможностей диалога между обществом и государством с целью обеспечения безопасности и поступательного развития последнего, в настоящее время также существенно расширена: приняты Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях», Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации».

Некоторое время назад было выдвинуто предложение о создании и регламентации деятельности одного из институтов гражданского общества – Общественной палаты. Инициативы и работа этого органа должны были способствовать, в том числе, борьбе с терроризмом и экстремистской деятельностью, то есть первоосновными угрозами безопасности России в современных условиях. Во исполнение предложения был принят Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об общественной палате Российской Федерации». Закон обозначил предназначение Общественной палаты в представлении интересов гражданского общества

и привлечении граждан к вопросам управления государством, а также осуществлении контроля за деятельностью органов власти. Указанным целям должно были способствовать решение следующих задач: экспертизы федеральных законопроектов, определение приоритетов государственной поддержки общественных объединений, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества. Тем не менее, ее формирование осуществляется при непосредственном участии органов власти, поэтому объективность стратегического планирования преодоления угроз безопасности со стороны населения нивелируется.

Позиция автора согласуется с мнением многих современных исследователей теории национальной безопасности – В.В. Лазарева, А.В. Возженникова и других, согласно которой государство, в первую очередь, обеспечивает безопасность самого себя, что заложено в его механизме, но обеспечение национальной безопасности в совокупности с охраной суверенитета и территориальной целостности государства должно быть ориентировано и на осуществление комплекса мер по развитию и укреплению прав и свобод личности, защите конституционного строя, материальных и духовных ценностей общества. Только такой подход к обеспечению безопасности является единственно возможным, поскольку угрозы порядку и стабильности детерминированы нарушениями баланса интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности (экономической, социальной, духовной, политической, информационной и др.).

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009 № 20. Ст. 2444.
2. Стратегия национальной безопасности РФ – официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу // Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12.05.2009 № 537, пункт 3 гл. I.
3. Национальная безопасность – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства // Там же, пункт 6 гл. I.

4. Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются защита основ конституционного строя Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и территориальной целостности, а также сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе // Там же, пункт 35, часть 2, глава IV.

**«ЯЗЫК ВРАЖДЫ» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ
ПОНЯТИЯ В ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИНГВИСТА
HATE SPEECH IN THE MODERN SOCIETY:
THE PROBLEM OF LINGUISTIC QUALIFICATION
OF THE CONCEPT IN EXPERTISE ACTIVITIES OF A LINGUIST**

Т.Б. Радбиль

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

T.B. Radbil

The N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Обсуждается проблема лингвистической квалификации «языка вражды» в экспертной деятельности лингвиста посредством обращения к инструментарию теории речевых актов.

The paper considers the problem of linguistic qualification of hate speech by means of treatment to tools of speech act theory.

Ключевые слова: «язык вражды», лингвистическая квалификация, лингвистическая экспертиза, теория речевых актов.

Keywords: hate speech, linguistic qualification, linguistic expertise, speech act theory.

Сегодня в социокультурном пространстве современного российского общества усиливаются конфронтационные модели межличностных взаимодействий, принимающих самые разнообразные формы. Немаловажное место в создании атмосферы ксенофобии и других видов нетерпимости занимают проявления вербальной агрессии на разных уровнях. В англоязычных странах для обозначения проблемы использования речевого взаимодействия для возбуждения национальной, религиозной и иной вражды давно используется устойчивый термин *hate speech* (дословно «язык ненависти»), в русской традиции перевода — «язык вражды».

Согласно А.Р. Севортьяну и А.А. Шароградской, словосочетание «язык вражды» введено в оборот в российской медиасреде в 1998 году, когда проблема враждебных, нетерпимых публичных высказываний на этнической, расовой и религиозной почве впервые стала предметом изучения в правозащитном сообществе [1].

С принятием Федерального закона Российской Федерации от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 148-ФЗ о внесении изменений в статьи 1 и 15 соответствующего закона «язык вражды» становится объектом правоприменения и в поле действия уголовного законодательства России.

С этого времени проблемы обнаружения *corpus delicti* на предмет наличия в речевых произведениях разных типов признаков действий, направленных «на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе», становятся одними из наиболее значимыми и резонансными в социальном плане для практической экспертной деятельности лингвистов.

А между тем далеко не решенным остается вопрос о конкретных речевых средствах, имеющих таковые признаки, т.е. о лингвистической квалификации элементов «языка вражды» в устных и письменных текстах в целом или их фрагментах. Дело в том, что далеко не всегда слова и выражения, явно содержащие семантические компоненты, которым может быть приписано значение вражды или ненависти по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии и пр., на самом деле имеют признаки «языка вражды» (вспомним шуточные номинации Пушкина в дружеском кругу как «арапа»), и, напротив, внешне нейтральные слова и выражения в определенной ситуации и контекстном окружении могут выступать как очевидные репрезентации «языка вражды».

Как нам кажется, достаточно надежным инструментарием для квалификации признаков «языка вражды» может быть инструментарий классической теории речевых актов (Дж. Остин, Дж.Р. Серль, Г.П. Грайс и др.), основой которой является рассмотрение любого высказывания на естественном языке как определенного действия, совершаемого при помощи слов: это позволяет различать непосредственные языковые значения слов и выражений и те внеязыковые смыслы, которые имел в виду говорящий, произнося эти слова или выражения («зна-

чение говорящего», по Г.П. Грайсу). Таким образом учитывается не только то что сказано, но и то, что подразумевается, имплицитно экстралингвистическими условиями — коммуникативной целью говорящего, особенностями речевой ситуации и контекста, учетом специфики адресата и пр.

Соответственно, высказывания, содержащие признаки «языка вражды», могут быть определены как *деликт* (лат. *delictum* – «поведение против закона») – «нарушение поведенческих норм; поведение, которое (по конвенции в данной среде) считается предосудительным», синонимами которого в разных ситуациях выступают такие понятия, как промашка, проступок, провинность, прегрешение, преступление, грех, вина [2].

В этом смысле можно утверждать, что «язык вражды» проявляет себя, как правило, «через использование коммуникатором лексических и иных средств, характер которых позволяет определить цели, интонации, интенции, содержащие признаки установок коммуникатора на оскорбление, унижение, угрозу, а также подстрекательство к насилию, ненависти или дискриминации в отношении отдельных этносов, их частей или отдельных категорий или групп граждан» [3].

В теории речевых актов существует классификация речевых актов по совокупности таких признаков, как «иллокутивная сила» (коммуникативное намерение) высказывания, особенности статусных отношений между говорящим и адресатом, наличие или отсутствие средств интенсификации (экспрессивизации) иллокутивной силы и др.

В этом смысле высказывания, содержащие элементы «языка вражды», могут квалифицироваться как принадлежащие к речевым актам двух типов.

1. Речевые акты императивов. Это побудительные акты разной степени интенсивности, среди которых выделяются речевые акты приказа, требования, команды, запрета (*сильные императивы*), просьбы, мольбы, совета, рекомендации и пр. (*слабые императивы*). Нас здесь интересует такая разновидность сильных императивов, как речевой акт *призыва*. А.Н. Баранов отмечает, что речевой акт призыва имеет свои характерологические особенности: «Призыв — это речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторое действие или совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем говорящий и адресат являются политическими субъек-

тами или их представителями, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации» [4].

К содержательным признакам «языка вражды» как речевого акта призыва относятся: 1) прямые и непосредственные призывы к насилию (т.е. в связи с конкретной ситуацией, с указанием объекта насилия); 2) призывы к насилию в виде общих лозунгов; 3) прямые и непосредственные призывы к дискриминации; 4) призывы к дискриминации в виде общих лозунгов; 5) призывы к насилию и дискриминации и др.

II. Речевые акты репрезентативов. Это акты утверждения или сообщения о каком-либо положении дел. Нас здесь интересуют такие разновидности репрезентативов, как речевые акты *оценочной* (а именно — *негативно-оценочной*) *квалификации* (*квалификативы*). Квалификатив, или акт оценочной квалификации, отличается от обычного сообщения в том, что в этом типе речевых актов коммуникативным намерением говорящего является не просто нейтральное сообщение о лице / лицах или об имеющем место факте / событии, но выражение своего негативного отношения к участникам данного события, объектам квалификации или к самому событию в целом.

К содержательным признакам «языка вражды» как речевого акта негативно-оценочного квалификатива относятся акты *порицания, упрека, обвинения, угрозы, оскорбления, унижения* человека или какой-либо группы людей по тому или иному признаку (возрастному, половому, расовому, национальному и пр.). Эти высказывания могут иметь оскорбительный, уничижительный характер, если содержат присущее подобным речевым актам словесное наполнение, а именно — слова и выражения, относящиеся к *инвективной лексике* (лексика, предназначенная для оскорбления адресата или группы лиц по какому-либо признаку).

Литература

1. Севортьян А.Р., Шароградская А.А. Освещение этнического многообразия: Пособие для факультетов журналистики. — М., 2005.
2. Щербинина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. — М., 2004.
3. Казаков Ю. Между «что делать...» и «что делать?»: пресса и общество в ситуации повышенного риска // Язык мой... Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ / Сост. А.М. Верховский. — М., 2002. — С. 115-137.
4. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. — М., 2007.

**ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ
В СВЯЗИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПРИНЦИПА TERRA NULLIUS
LEGAL PROBLEMS CONNECTED WITH THE USE
OF THE PRINCIPLE TERRA NULLIUS**

Ю.А. Рожнова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

U.A. Rozhnova

N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

Освещается проблема применения принципа Terra Nullius. В статье рассматривается колониальная политика Великобритании, касающаяся данного принципа, и политика современной Австралии по устранению последствий Terra Nullius для коренного населения Австралии.

Article is devoted to a problem of the usage of the principle Terra Nullius. Article submits the analysis of the colonial policy of Great Britain concerning this principle and the Australian policy of elimination of consequences of Terra Nullius for indigenous people.

Ключевые слова: Коренные народы, колонизация, закон о титуле собственников коренных народов, право собственности.

Keywords: Terra Nullius, indigenous people, colonization, Native Title Act, ownership.

Понятие «Terra Nullius» в переводе с латинского означает «Ничья земля». Под этим термином понималось, что государство, впервые захватившее землю, не находящуюся под суверенитетом какого-либо иного государства, может установить на нее свою юрисдикцию. Данный термин употреблялся при характеристике колониального периода мировой истории. Считалось, что территориями Terra Nullius являлись даже те земли, на которых проживало местное население, аборигены, не имевшие четких основ государственности.

Рассмотрим данную категорию – Terra Nullius, и проблемы, следующие из ее применения на примере Великобритании, основавшей свои колонии на Австралийском материке.

Известный современный австралийский правовед-историк, профессор Эклунд отмечает, что колониальная политика Великобритании развивалась в трех направлениях. Первое – заключение договора с местным населением путем убеждения присоединить территорию. Второй вариант – «покупка» территории, то есть за определенные экономиче-

ские блага уговорить население или его часть перейти под подданство Короны. И, наконец, третий вариант – «владение на основе первооткрытия» [1]. Но в отношении Австралийской территории Великобритании пошла иным путем. При основании первых колоний Австралии было принято считать, что данная земля никому не принадлежит, и по принципу Terra Nullius на коренное население распространялась юрисдикция Великобритании. (В официальной литературе Австралии местное население (аборигенов) принято называть коренным населением.) Никто не учитывал обычаи, традиции, которые уже возникли у местного населения. Колонизаторы признавали наличие аборигенов, тем не менее, полагалось, что они слишком примитивны, чтобы быть собственниками земли, а также у них не было четко выстроенной государственной власти, с которой Великобритания могла бы пойти на переговоры.

Есть интересное сравнение Австралии с Новой Зеландией и США, которые в свою очередь, проводили переговоры с коренным населением и заключали определенные соглашения. Некоторые австралийские политики предлагали заключить договор с местным населением, однако все эти предложения не прижились в новом австралийском обществе.

Помимо отрицания суверенитета коренного населения Австралии наблюдалось практически полное отсутствие их прав и свобод. Они считались подданными Королевы, тем не менее, до 1900г. у аборигенов не было никаких зафиксированных в законе прав. Много фактов говорит о дискриминации коренного населения Австралии и о вредном влиянии европейцев на жизнь аборигенов: отнятие детей у матерей – теория «потерянного поколения», появление болезней, лишение земель и прочее. Территория Тасмании практически полностью лишилась коренного населения. В 1900 году, при образовании Австралийского Союза у аборигенов появилось пассивное избирательное право, и лишь только к 1967 году они стали полноправными гражданами. В 1968 году создано Министерство по Делах Аборигенов, а в 1973 году Национальный Консультативный Совет аборигенов, состоящий из коренного населения Австралии.

Однако принцип Terra Nullius продолжал действовать. В 1971 году Высокий Суд в деле Миллерпум (Millerpum) против Нобалко (Nobalco) постановил, что «отношения аборигенов с землей и источниками воды не требуют юридического признания в виде правового титула» [2]. Следовательно, ни о каком праве собственности коренного населения на земли, где они исторически проживали, не могло быть и речи.

В 1992 году Высокий Суд Австралии по делу Мабо против Квинсленда опроверг принцип Terra Nullius.[3] В данном решении Суда было сказано, что правовой титул аборигена вытекает из обычая. Данное дело стало важным шагом в признании обычного права коренного населения. Возможно, как отмечают в своей статье А.А. Степанов и Е.Н. Хазов, на решение Высокого Суда повлияла позиция Международного Суда ООН, который отверг принцип Terra Nullius как теорию колонизации [4]. Можно отметить, как долго Суд принимал решение по делу Мабо, – с 1982 по 1992 год, почти десять лет. Данное решение во все не означало, что действия Великобритании являлись незаконными по отношению к коренному населению Австралии. Наоборот, оно еще раз признавало за королевской властью право собственности на территорию Австралии, но это судебное решение давало возможность вернуть в собственность коренным народам определенные территории при соблюдении конкретных условий.

После 1992 года некоторые земли были возвращены в собственность коренным народам, в частности, на территории штата Западная Австралия и Северная Территория. В 1993 году был принят закон о титуле собственников коренных народов. Таким образом места исторического пребывания коренного населения юридически были оформлены как их собственность, и многие промышленники, занимающие данные территории, были вынуждены выплачивать аборигенам компенсацию за пользование землей. Коренные народы могли претендовать не на любую территорию, которая до колонизации могла быть ими заселена, а только на земли, находящиеся в государственной собственности, попадающие под действие данного закона и не имеющие других законных собственников. Бремя доказывания своей непрерывной связи с этой землей ложилось на коренное население. В основном были возвращены территории парков и заповедников Австралии.

Нельзя относиться к принципу «Terra Nullius» однозначно. С одной стороны, непризнание правовых обычаев аборигенов впоследствии выразилось в дискриминации коренного населения, лишения их определенных свобод и прав. Но с другой стороны, Австралия была очень удаленным материком от Европы и Америки, и слияние с Европейской цивилизацией в условиях географического открытия всего мира было неизбежно. Судебные решения 1992–1993 годов с отменой принципа Terra Nullius повлияли на ход истории Австралии и повлекли массовые судебные решения по делам, связанным с восстановлением нарушенных прав и свобод коренного населения.

Литература

1. Eklund A. Terra Nullius and Australian Colonialism. <http://treatyrepUBLIC.net/content/terra-nullius-0>

2. Степанов А.А., Хазов Е.Н. Опыт Австралийского Союза в защите и обеспечении прав коренного и аборигенного населения Австралии // Вестник Московского университета МВД России. – М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2009, № 2. – С. 171

[3]. Mabo v Queensland [1988] HCA 69; (1989) 166 CLR 186 (8 December 1988) <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1988/69.html>

[4]. Степанов А.А., Хазов Е.Н. Опыт Австралийского Союза в защите и обеспечении прав коренного и аборигенного населения Австралии // Вестник Московского университета МВД России. – М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2009, № 2. – С. 172

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «СЕКТА» И «НРД» В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНЫХ ПРОБЛЕМ RELATIONSHIP OF CONCEPTS «SECT» AND «NEW RELIGIOUS MOVEMENTS (NRMS)» IN THE CONTEXT OF HUMANITARIAN PROBLEMS

Л.Р. Романовская
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
L.R. Romanovskaya
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Исследуется феномен Новых религиозных движений (НРД) в России в контексте гуманитарных проблем современности.

In the article is investigated the phenomenon of New Religious Movements (NRMs) in Russia in the context of the humanitarian problems of the present.

Ключевые слова: государства, религия, НРД, Россия.

Keywords: the state, the religion, New Religious Movements (NRMs), Russia.

Важнейшим объектом гуманитарных наук в XXI веке, как и в прошлые века, является социальная динамика. Социокультурное изменение представляет собой сложный многоплановый процесс, имеет множество различных аспектов – в социальной, политической, экономической и духовно-нравственной сферах.

Одной из актуальных гуманитарных проблем современного российского общества является утрата четких мировоззренческих ориентиров,

рост социальной, в том числе межэтнической напряженности, увеличение нетерпимости в обществе, девальвация традиционных ценностей и институтов. В то же время люди существуют в условиях массированного, практически не контролируемого государством информационного воздействия, что при определенных условиях может приводить к тому, что сознание индивида становится неустойчивым и восприимчивым к деструктивным воздействиям. Это в свою очередь приводит к различным девиациям в поведении, в том числе к правонарушениям, алкоголизации, наркотизации, самоубийствам. Исторически присущий российскому обществу правовой нигилизм дополнился морально-нравственным нигилизмом. Отрицается ценность таких понятий, как долг, честь, ответственность, честность, совесть, доброта, уважение и др.

В этих условиях люди, не склонные к духовному поиску, адаптируются к реальности, устанавливая свои собственные «правила игры». Другие – ищут приемлемую для себя систему ценностей, созданную в рамках религии или философии. Конец прошлого – начало нынешнего века – это период возрождения религии на постсоветском пространстве. Данный процесс имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Положительный аспект связан с конструктивными функциями религии: мировоззренческой, интегрирующей, компенсационной, регулирующей и др. Религия всегда выступала хранительницей норм морали, и повышение религиозности населения могло бы привести к оздоровлению социально-психологического климата в российском обществе. Верующий человек руководствуется ценностными установками, присущими данной религии, ориентирующими его на социально-положительные формы поведения, самоконтроль, духовный рост, нравственное совершенствование.

Отрицательным последствием процесса возрождения религиозной жизни стало обострение противоречий между различными конфессиями, рост религиозного экстремизма. Демократизация идеологической сферы привела также к появлению в России зарубежных религиозных сект и организаций, что неоднозначно оценивается исследователями. Одни (особенно представители традиционных конфессий) расценивают это как экспансию, влекущую за собой антипатриотизм и дестабилизацию общества в целом. Другие же считают, что свобода деятельности религиозных организаций, их равноправие и многообразие является необходимым условием и гарантией свободы совести и вероисповедания, закрепленной на конституционном уровне в качестве неотъемлемого права человека в свободном обществе.

Действующее законодательство РФ признает за каждым человеком право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28 Конституции РФ, ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»). Таким образом, религиозный выбор признан делом самого человека. Это подтверждает и ст. 14 Конституции РФ, устанавливающая светский характер Российского государства и запрещающая устанавливать какую-либо религию в качестве государственной или обязательной.

Закон о свободе совести определяет, что граждане РФ равны перед законом во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни независимо от их отношения к религии и религиозной принадлежности. Если его убеждениям или вероисповеданию гражданина противоречит несение военной службы, он имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой. Кроме того, никто не обязан сообщать о своем отношении к религии и не может подвергаться принуждению при определении своего отношения к религии, к исповеданию или отказу от исповедания религии, к участию или неучастию в богослужениях, других религиозных обрядах и церемониях, в деятельности религиозных объединений, в обучении религии. Запрещается вовлечение малолетних в религиозные объединения, а также обучение малолетних религии вопреки их воле и без согласия их родителей или лиц, их заменяющих. Все это является гарантиями свободы совести и вероисповедания.

Однако, государство может и должно охранять граждан от деструктивного влияния культов, если такое влияние причиняет вред их здоровью, законным правам и интересам или безопасности других лиц, государства в целом.

В связи с этим весьма актуальной проблемой является проблема разграничения таких понятий, как «секта», «новое религиозное движение» (НРД), «деструктивный культ».

Согласно большинству толковых словарей, секта (от лат. *Secare* «отсекать», «отделять») – это религиозное сообщество (группа), отделившееся от основного религиозного направления.

В. И. Даль определил слово «секта» как «братство, принявшее своё, отдельное ученье о вере; согласие, толк, раскол или ересь» [5; 155].

Характерными чертами секты можно назвать: замкнутость, обособленность и претензия на исключительность своей роли. Изначально сам термин имел нейтральную окраску, однако впоследствии приобрел негативный оттенок в обыденном понимании, поэтому религиоведы стараются избегать этого термина и используют, например, такой термин как НРД.

Новое религиозное движение – это религиозная или духовная группа, зародившаяся недавно и еще не получившая общественного признания в качестве деноминации, церкви или религии.

Данный термин считается академическим и нейтральным. Он применяется в основном к группам, возникшим в XX в., и к некоторым группам, возникшим в конце XIX в. (например, Бахаизм), т.е. основным критерием отнесения религиозной группы к НРД является *хронологический*.

А.Баркер в книге, посвященной НРД, отмечает, что НРД именуется «новыми», так как «в своей теперешней форме проявились уже после Второй мировой войны; религиозными – поскольку они предлагают религиозное или философское мировоззрение или средства, с помощью которых может быть достигнута какая-либо высшая цель, например: трансцендентальное знание, духовное просветление, самореализация или «истинное» развитие. Таким образом, термин НРД охватывает группы, которые обеспечивают своих членов четкими и однозначными ответами на основные вопросы бытия (например, на вопрос о смысле жизни или месте индивидуума в мироздании)» [3; 166].

Термин «новые религиозные движения» принято использовать применительно к самым разным по содержанию учения религиозным организациям. Их также называют «альтернативными», «нетрадиционными» религиями, культурами или сектами. Однако все они имеют некоторые общие черты: «экзотичность», сравнительно недавнее происхождение, новый культурный стиль жизни, наличие харизматического лидера (во всяком случае, на этапе основания, становления НРД), деятельность на международном уровне и некоторые другие.

Так как НРД весьма разнообразны, исследователи предлагают различные классификации, позволяющие объединить их в условные группы по определенным основаниям. Такими основаниями могут служить сущностные признаки вероучений НРД, способы их функционирования, отношение к миру, география возникновения и распространения и др.

Обобщив несколько классификаций, предложенных как отечественными, так и зарубежными авторами, предложим следующую классификацию НРД:

1. *НРД восточной ориентации* – к ним принадлежат новые индуистские и буддистские движения, которые возникли в рамках религиозных систем Востока (например, бахаизм, кришнаизм, движение Ошо Раджниша, Шри Чинмоя, Саи Бабы, «Живая этика» (Агни-йога) и др.);

2. *«вторичные» протестантские объединения* – Свидетели Иеговы, Церковь Иисуса Христа святых последних дней (мормоны), Церковь Христа («Бостонское движение») и др.;

3. *псевдохристианские движения* – Церковь Объединения Муна, Церковь Последнего Завета Виссариона, Белое братство;

4. *неоязычество* – новые или реконструированные древние языческие учения и духовные практики (анастасийцы – движение «Звенящие кедры России», «староверы-инглинги», родноверы, «Дети Сварога» и др.);

5. *сатанинские* – движения, проповедующие сатанизм, колдовство, чёрную магию (в России это: «Южный крест», «Черный ангел», «Российская церковь сатаны», «Зеленый орден», «Общество сатаны» и др.)

6. *сайентологические культы* – «Христианская наука», Церковь сайентологии Рона Хаббарда, Клонэйд, Движение Белых экологов и т.п.;

7. *Оккультно-мистические НРД* – основанные на элементах верования и ритуальной практики одной из оккультно-мистических, эзотерических традиций мира (герметической, гностической, каббалистической, розенкрейцеровской, теософской и др). Напр., Международная академия эзотерических знаний, последователи учения Рерихов и Е.П. Блаватской, фонд «Духовное возрождение», школа Арканов, школа четвертого пути и др.

8. *Ченнелинг* (от англ. channel – канал) – предполагает получение информации от Высшего Разума («Международная Федерация физического, энергетического и духовного развития ФЭД».)

Предложенная классификация не является исчерпывающей и всеобъемлющей, т.к. в силу разрозненности, многообразия и многочисленности НРД, провести такую классификацию является весьма затруднительным.

В литературе также встречается такое понятие, как «деструктивный культ» (тоталитарная секта) – это любая авторитарная иерархическая организация (религиозная, политическая, психотерапевтическая, образовательная или коммерческая), которая практикует: а) обманную вербовку; б) контроль сознания, чтобы сохранить своих последователей зависимыми и покорными лидеру и доктрине [4; 55].

К признакам тоталитарной секты (деструктивного культа) можно отнести: агрессивный прозелитизм, «бомбардировка любовью», религиоз-

ный маркетинг, наличие двойного учения (одно для рекламы, другое – для внутреннего пользования), строгая иерархичность, программирование сознания, духовный элитизм, контроль жизнедеятельности, вплоть до изоляции от общества, гуруизм и др.

В российском законодательстве не содержится таких определений, как НРД, секта, деструктивный культ и т.п. Среди представителей гуманитарных наук не существует единого мнения по поводу их соотношения. На наш взгляд, эти термины не должны использоваться как синонимы, так как НРД могут иметь как деструктивный, так и конструктивный характер.

Литература

1. Конституция РФ.
2. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. N 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (в ред. от 1 июля 2011 г.) // <http://base.garant.ru/171640/>
3. Баркер А. Новые религиозные движения. – СПб., 1997.
4. В помощь епархиальному миссионеру. – Белгород, 1996.
5. Толковый словарь живаго Великорускаго языка В.И. Даля. Часть четвертая. Р – V. / Печатано на счетъ всемилостивѣйше пожалованныхъ средствъ. – М.: Типографія Т. Рись, 1866.

КОНЦЕПЦИЯ «ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВА» В ТРУДАХ В.Н. ЛЕШКОВА THE CONCEPT OF «PUBLIC LAW» IN THE WORKS OF V.N. ЛЕШКОВА

В.Г. Румянцева

*Северо-Западного филиала ФГБОУ ВПО
«Российской академии правосудия»*

К.Б. Лазорин

Санкт-Петербургского университета управления и экономики

V.G. Rumyantseva

*North-West branch of Federal state educational institution
«The Russian Academy of justice»*

K.B. Lazorin

St. Petersburg University management and Economics

В.Н. Лешков – известный дореволюционный правовед, профессор юридического факультета Московского Университета. Основные поло-

жения своей концепции изложил в труде «Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века» (1858) [1]. Он считал необходимым исследовать государственное право и общественное право как промежуточное звено между правами частных лиц и правами государства. Исходил из представления о праве как о диалектическом единстве равенства и свободы, которые находятся в постоянной борьбе между собой. Примирить их можно только в общественном праве, где под обществом понимается народное земское общение. Оно начинается с семьи, переходит в общество и замыкается в народе. Совершенно очевидно, что общение такого рода не включает в себе насилия. В то же время профессор В.Н. Лешков сам указывал на другой возможный путь: когда о благе народа и о содействии к его умножению, равно как и к умножению его богатства, заботится само государство.

При этом он считает, что между государственным правом и правом общественным нет ничего общего, поскольку право общественное – это право, принадлежащее обществу.

С точки зрения В.Н. Лешкова, право общественное представляет собой право частных лиц и обществ на ту деятельность и на те средства, которыми совершается в государстве обеспечение и развитие цивилизации, или благосостояния народа. Объектом общественного права являются интересы общества – общечеловеческие ценности, в отличие от гражданских и политических интересов. Кроме того, общественное право состоит в охране этих интересов. Сообразно вышеизложенному, предмет подразделяется на две составные части:

- законы, которые совершают саморазвитие общества и личности;
- принципы, в которых заключается их самосохранение.

Субъектами общественного права являются, прежде всего, семейства, общины, сословия, вообще органические соединения, представляющие собой весь народ и все население, все общество, к которому частные лица принадлежат и не отдельными своими действиями, а всей жизнью, и от которого получают не одно гражданское, а полное человеческое значение.

Придерживаясь «историко-теоретического метода», В.Н. Лешков устанавливает самостоятельную систему общественного права. Система эта охватывает законы о лицах, предметах, правах и средствах защиты этих прав. Прежде всего, законы общественного права говорят о деятелях, лицах, или субъектах общественного права, определяя ту степень свободы, которая им необходима как для пользования общественным правом, так и для его дальнейшего развития. Главные начала при этом

выражаются в устранении личной физической зависимости и в узаконении бытия личности в общности во избежание обособления лиц и в противодействии безусловному господству общего над частным. После того, общественные законы излагают понятие о предметах общественного права, или объектах, и преимущественно об основании всякого вещного права, о земле, устанавливая тот способ общественного владения землей в государстве, который позволит принести большую пользу интересам народа. Затем следуют законы о праве личности на бытие, или о народонаселении, и законы о праве на сближение народа и его различных элементов, посредством дорог или путей сообщения, посредством почт и подобных учреждений. Далее следуют установительные законы о праве труда, с одной стороны, для развития вещественного права, а с другой – для развития духовного благосостояния. В первом случае они известны как законы о сельской промышленности, ремесле, фабричном деле, торговле; во-втором, законы излагают учреждения и меры к образованию народа умственному, эстетическому и нравственно-религиозному посредством действия семьи, церкви, школы.

Во второй части системы общественного права излагаются охранительные законы, которые содержат в себе определения для деятельности общества, стремящегося спасти себя как от вредного влияния внешней природы, так и от вредных деяний человека. Эта деятельность начинается предупреждением зла и его пресечением; но в случае их несостоятельности, она переходит в соединении населения в систему взаимного страхования с целью спасти частное лицо от разорения посредством разложения на общество частной потери, не чувствительной для целой системы соединения. Одним словом, говорит В.Н. Лешков, так как право есть мера свободы, то общественное право узаконивает пределы, до которых простирается требование общества, чтобы государство осуществляло идеи науки, и до которых доходит право частных лиц требовать от общества, чтобы оно низводило все добытые государством результаты науки до каждой личности в народе [1, с. 129]. Относительно правовой основы для этой системы в русском Своде Законов, В.Н. Лешков отмечает, что законы установительные носят в Своде Законов название законов благоустройства, а законы охранительные называются законами благочиния. Законы установительные или благоустройства основываются на идее свободного пользования общественными учреждениями; законы охранительные определяют обязательную деятельность, требуемую от настоящего поколения для сохранения всего общественного на пользу будущих поколений.

При несомненных достоинствах исследования В. Н. Лешкова оно имело моменты, с которыми бы вряд ли согласились многие современные ему полицейисты. Замена термина «полиция» общественным правом вызвана теми же мотивами, которые заставили Лоренца Штейна назвать полицию внутренним управлением. Профессор В. Н. Лешков, как и Л. Штейн, доказывает, что первоначальная деятельность государства ограничивалась только охраной безопасности, и только эта деятельность, без содействия общества, названа была полицией. Но из того, что полиция первоначально ограничивала свою деятельность охраной безопасности, не следует, что она всегда оставалась исполнителем только этой задачи, напротив, с развитием верховной власти и государственности задачи полиции быстро расширялись. Причем само заимствование у греков термина «полиция» сделано было отнюдь не для определения только той деятельности государства, которая имела целью установление условий безопасности, а всей деятельности государства вообще в отношении к внутреннему управлению, по необходимости ограничивающейся на первых порах одной безопасностью. При последующем же быстром увеличении количества предметов полиции, когда идеи права, общества и государства достигли известной степени развития, начался как бы обратный процесс выделения из полиции отдельных предметов как самостоятельных сфер, но не в масштабах, полагаемых В. Н. Лешковым.

Спорным моментом является и утверждение, что полицейская деятельность исключает участие общества. Общеизвестно, что государство при создании условий благоустройства и благосостояния действует не одно, а при участии органов самоуправления и разных союзов. В истории был период, когда эта деятельность сосредоточивается в руках только общества так, что правительство или вовсе не принимает участия в нем, или же участие это чрезвычайно слабо, ограничено; но та же история указывает на периоды, когда вся эта деятельность сосредотачивается в руках одного правительства, без всякого участия общества и органов самоуправления; наконец, в настоящее время мы видим совместную деятельность органов правительства, самоуправления и общественных союзов. Подобные исторические стадии характерны не только для полиции, но для юстиции и финансов. Таким образом, очевидно, что одна из стадий развития была воспринята В.Н. Лешковым как явление постоянное, в связи с чем он изъял из деятельности полиции все области, деятелем в которых является не только правительство.

Предлагаемое В.Н. Лешковым понятие об общественном праве не охватывает собой всю совокупность полицейской деятельности, так как

деятельность эта служит не только обществу, или, вернее народу, но и частным лицам, и совершается не только посредством общественных органов, но и посредством правительственных органов и органов местного самоуправления; поэтому, включая в общественное право всю так называемую полицейскую деятельность, В.Н. Лешков неизбежно неправильно расширил бы им же самим установленное понятие. Оставаясь же в пределах понятия об общественном праве, он должен был бы указать на положение остальной части полицейской деятельности и на отношение ее к общественному праву, чего В.Н. Лешков, однако не делает. Кроме того, само определение общественного права построено на воззрении, что общество и государство – явления не просто отличные, но и враждебные.

Тем не менее, книга профессора В.Н. Лешкова была существенным вкладом в русскую литературу полицейского права и, независимо от всех других ее достоинств, заключающихся в самостоятельности, богатстве тщательно и научно обработанного материала, в ясности изложения, главное достоинство ее заключается в установлении правовых основ для полицейской деятельности.

Литература

Лешков В. Н. Русский народ и государство. История русского общественно-го права до 18 века. – М.: Унив. тип., 1858. – 623 с.

МЕДИАЦИЯ КАК ПРАВОВАЯ ПРОЦЕДУРА MEDIATION AS PROCESS OF LAW

С.В. Соловьева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

S.V. Solovyeva

The Nizhny Novgorod state university of N.I.Lobachevsky

Медиация как альтернативный способ урегулирования споров имеет как правовую, так и неправовую природу. Исследуется медиация как процедура, реализуемая в рамках правового поля, правового регулирования, правоотношений, где возможна медиация, правовой статус медиатора, оснований возникновения и прекращения процедуры.

Mediation as the alternative way of settlement of disputes has both legal, and the unlawful nature. Article is devoted to mediation research as the procedure realized within a legal framework: questions of legal regulation, legal relationship within

which mediation, legal status of a mediator, the bases of emergence and the procedure termination is possible.

Ключевые слова: медиация, правовая процедура, медиатор, медиативное соглашение.

Keywords: mediation, process of law, mediator, mediativny agreement.

Конституция Российской Федерации [1] признает право каждого на защиту всеми способами, не запрещенными законом, в том числе право на судебную защиту. Данное конституционное право конкретизируется с учетом российского законодательства.

Законодатель по-новому подошел к решению вопроса о способах реализации гражданами права на защиту, предусмотрев альтернативную процедуру урегулирования споров с участием посредника (процедуру медиации) [2].

В соответствии со ст. 2 ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – ФЗ о медиации) процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Как уточняет Ц.А. Шамликашвили: «Медиация – это урегулирование конфликта не на основе права, а в рамках права. В медиации право не применяется... Участники спора остаются в рамках правового поля, опираясь на право, но вместе с тем рассматривают сложившуюся проблему во всем ее многообразии (включая эмоциональную составляющую)» [3].

ФЗ о медиации, а также иные нормативно-правовые акты [4] определяют правовое поле применения медиации в Российской Федерации.

Медиация может применяться к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности, а также к спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений. Исключения из этого правила определены в п. 5 ст. 1 ФЗ о медиации.

Субъектами правоотношений по разрешению споров с участием посредника являются спорящие стороны и медиатор (медиаторы). Правовой статус медиатора определен в 15, 16 и некоторых других статьях ФЗ о медиации.

Правосубъектность медиатора, осуществляющего свою деятельность на непрофессиональной основе, возникает с 18 лет. Это могут быть ли-

ца, обладающие полной дееспособностью и не имеющие судимости. О наличии высшего или среднего профессионального образования в отношении данных субъектов в законе ничего не говорится.

В отношении профессиональных медиаторов возрастной критерий увеличивается до 25 лет. При этом необходимым условием является наличие высшего профессионального образования (какого именно в законе не уточняется) и документа об окончании курсов подготовки медиаторов по программе, утвержденной Правительством Российской Федерации [5]. Программа подготовки медиаторов осваивается по очной форме обучения и состоит из трех курсов: базовый, особенности применения медиации, курс подготовки тренеров медиаторов. По завершении каждого курса проводится экзамен и выдается документ о повышении квалификации. Вести практическую деятельность в качестве медиатора на профессиональной основе могут лица, освоившие базовый курс обучения.

Если медиаторы, осуществляющие свою деятельность на профессиональной основе, имеют право проводить процедуру медиации по всем спорам, являющимся предметом регулирования ФЗ о медиации, то непрофессиональным медиаторам запрещается урегулировать спор, переданный на рассмотрение суда до начала проведения процедуры медиации.

Ограничения законодатель устанавливает в отношении лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, должности государственной гражданской службы, должности муниципальной службы, если иное не предусмотрено федеральным законом – им запрещается заниматься указанной деятельностью.

Сам медиатор, помимо формальных критериев, определенных в законодательстве, должен, несомненно, обладать определенными личностными качествами, такими как устойчивая психика, уравновешенность, умение управлять своими чувствами, проявлять эмпатию, умение решать проблемы других людей, умение управлять конфликтами, вести переговоры, толерантность, высокий социальный интеллект. Весьма сомнительно, что молодой человек, не имеющий высшего образования и жизненного опыта, сможет заслужить доверие сторон конфликта, увидеть возможные пути его решения, выявить истинные интересы и потребности спорящих сторон, убедить стороны и оформить медиативное соглашение в соответствии с гражданским законодательством. Думает-

ся, что в ФЗ о медиации необходимо ужесточить условия, позволяющие заниматься данной деятельностью.

Для того чтобы стать субъектом процедурных отношений по урегулированию спора, медиатор должен быть выбран сторонами спорного правоотношения самостоятельно или рекомендован организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации. Медиатор со своей стороны должен дать согласие на участие в данной процедуре. Условия применения процедуры медиации определены в ст. 7 ФЗ о медиации [6].

По результатам проведенной медиации стороны заключают медиативное соглашение. В юридической литературе правовая природа медиативного соглашения вызывает много споров [7]. Например, вследствие того, что медиативное соглашение основывается на взаимодовольствующих договоренностях сторон спора исходя из их интересов, оно может выходить за предмет первоначальных требований и может содержать совсем неюридические вопросы.

Любая юридическая процедура основывается на системе принципов, под которыми понимаются наиболее общие начала ее организации. В ст. 3 ФЗ о медиации законодатель называет следующие принципы: добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора.

Медиация – достаточно гибкая процедура, позволяющая спорящим сторонам в духе доброй воли урегулировать разногласия, причем по комплексу вопросов, а правовой спор охватывает зачастую лишь часть проблемы. В дальнейшем медиация помогает сохранить устойчивые нормальные отношения между спорящими сторонами, то есть медиацию вполне можно рассматривать как способ предупреждения конфликтов в будущем. По мнению некоторых авторов, этому направлению (превенции) в доктрине и действующем процессуальном законодательстве уделяется недостаточно внимания [8]. Однако медиация может быть направлена и на прекращение правоотношений при осознании в процессе медиативной процедуры невозможности дальнейшего продолжения сотрудничества.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»// СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

3. Шамликашвили Ц.А. Место медиации в системе альтернативного разрешения споров. В каких случаях использование медиации более предпочтительно? // <http://www.garant.ru>

4. ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4163.

5. См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2010 г. «О программе подготовки медиаторов» // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст.6706.; Приказ Министерства образования и науки от 14 февраля 2011 г. «Об утверждении программы подготовки медиаторов» // Российская газета. 2011. 23 марта.

6. См.: Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)/отв. ре. С.К. Загайнова, В.В. Ярков. – М.: Инфоропик Медиа, 2011. С. 95–101.

7. См., например: Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции / С.И. Калашникова – М. Инфоропик Медиа, 2011. С. 124–136.

8. Лазарев С.В. Основы судебного примирения. – М.:Инфотролик Медиа, 2011. С. 133–134.

**СЛУЖБА ПРОБАЦИИ В РОССИИ:
ФУНКЦИИ И РЕАЛИЗАЦИЯ НА ПРАКТИКЕ
PROBATION SERVICES IN RUSSIA:
THE FUNCTIONS AND ENFORCING**

К.В. Степанова

Нижегородский госуниверситет им.Н.И. Лобачевского

К. V. Stepanova

Nizhny Novgorod State University

Термин «пробация» (от лат. probatio – испытание) употребляется чаще всего как институт, сопровождающий условное лишение свободы или отсрочку вынесенного приговора, а также в связи с деятельностью по исполнению наказаний, альтернативных лишению свободы. Суть probation состоит в принудительном надзоре со стороны специальных органов за поведением осужденного и выполнением обязанностей, возложенных на него судом, коррекции его поведения, содействию в социальной адаптации и предупреждении совершения им повторных преступлений [1]. К основным функциям службы probation [2] за рубежом относят:

Сбор информации о правонарушителе с целью предоставления помощи суду в определении наиболее эффективного для определенного лица вида наказания (досудебная функция).

Социально-реабилитационная и контролирующая деятельность в отношении условно осужденных граждан.

Социально-реабилитационная и контролирующая деятельность при отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, а также в отношении условно-досрочно освобожденных граждан.

Исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы (исправительные, обязательные работы, ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью).

Применение в отношении несовершеннолетних принудительных мер воспитательного воздействия.

Участие в подготовке осужденного к освобождению из пенитенциарного учреждения, в том числе при условно-досрочном освобождении.

Контроль за исполнением наложенных судом дополнительных обязанностей и ограничений при освобождении от уголовной ответственности.

Организация процедур примирения и восстановления.

Служба пробации реализует свои функции в тесном взаимодействии с другими государственными и муниципальными службами, которые в свою очередь обязаны оказывать сотрудникам пробации необходимую для выполнения их обязанностей помощь.

В октябре 2010 года была утверждена Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 год. [3] Её основными целями являются:

- повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с осужденными и потребностей общественного развития;

- сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам;

- гуманизация условий содержания лиц, заключенных под стражу, и лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, повышение гарантий соблюдения их прав и законных интересов.

Одно из ключевых мест в будущей уголовно-исправительной системе Министерство юстиции решило отдать службе пробации. Эту идею также поддержал Президент России Дмитрий Медведев на научно-

практической конференции по проблемам мониторинга законодательства и правоприменения, проходившей в Санкт-Петербурге 17 и 18 мая 2011 года, и на данном этапе идет разработка федерального закона о службе пробации.

По состоянию на 1 апреля 2011 г. в состав уголовно-исполнительной системы входили 2467 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состояли на учете 483,2 тыс. осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Проблема адаптации и ресоциализации данных осужденных обсуждается уже давно. Существуют региональные пилотные проекты [4] в рамках внедрения ювенальных технологий в российское судопроизводство в Ростове-на-Дону, а также Перьми, где помощники судей с функциями социального работника пытаются помочь несовершеннолетнему преступнику не только до вынесения решения суда, но и также активно сотрудничают с УИИ в целях оказания комплексной поддержки и социальной реабилитации, т.к. это не входит в обязанности сотрудников данного учреждения.

В рамках бакалаврской работы в 2010 году мною было проведено исследование одного из региональных пилотных проектов в г. Дзержинске Нижегородской области. Исследовалась роль социальной работы в у восстановительном правосудии как одном из элементов ювенальной юстиции. Были опрошены Федеральный судья Дзержинского городского суда, социальный работник при суде от Регионального представительства Общественного центра «Судебно-правовая реформа» в г. Дзержинске и руководитель Регионального представительства Общественного центра «Судебно-правовая реформа» в г. Дзержинске, куратор и ведущий программ примирения жертв и правонарушителей. Было выделено 4 этапа участия социального работника: профилактический, досудебный, судебный и постсудебный. При обсуждении возможности реализации последнего этапа и возникло больше всего проблем, т.к. «нет адекватных программ сопровождения подростков после проведения программ примирения жертв и правонарушителей, что фактически сводит все усилия к нулю» (цит. из стенограммы интервью с куратором и ведущим программ примирения жертв и правонарушителей, прим. автора). Это доказывает необходимость создания службы пробации как центра социальной реабилитации и завершения процесса ресоциализации правонарушителя.

В России все пилотные проекты по внедрению элементов пробации реализуются общественными организациями: Общественная правозащитная организация «Гражданский контроль», Межрегиональная общественная организация Центр «Судебно-правовая реформа», Фонд под-

держки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании», Межрегиональная общественная благотворительная правозащитная организация Комитет за гражданские права, Московская хельсинкская группа и др. Накоплен большой опыт, налажено взаимодействие с более опытными коллегами из других стран, также появились единомышленники и среди практиков (судей, инспекторов УИИ). К сожалению, институты гражданского общества (прежде всего общественные организации правоохранительной и социальной направленности) развиты в нашей стране в значительно меньшей степени, нежели в тех зарубежных странах, где успешно реализуется институт пробации. Уровень их финансовой поддержки со стороны государства и отечественных частных организаций не позволяет сегодня полностью использовать потенциал общественности в данной сфере.

Движение уголовной политики и уголовно-исполнительной системы России по пути создания службы пробации показывает, что наше государство придерживается ценности гуманизма и фундаментальных прав и свобод человека, сфера которых «затрагивается» при применении уголовных наказаний. Поддержка политическим руководством страны способствует качественной трансформации форм социального контроля в отношении лиц, совершивших преступления, необходимой для того, чтобы они имели все возможности жизнедеятельности в обществе, а не пополняли «маргинальные» слои общества.

Литература

1. Кубанцев, С.П. Применение пробации и досрочного освобождения от отбытия наказания в виде лишения свободы в США / С.П. Кубанцев // Журнал российского права. – 2006. – № 1. – С. 121.
2. Голодов, П.В. Зарубежный опыт и перспективы создания службы пробации в России / П.В. Голодов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2010. – № 14. – С. 83.
3. Распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257449/> свободный. – Загл. с экрана. – Обращение: 07.11.2011 г.
4. Воронова, К.Л. Создание службы пробации для несовершеннолетних в России / Е.Л. Воронова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.juvenilejustice.ru/documents/doc3/ss/vr>, свободный. – Загл. с экрана. – Обращение: 07.11.2011 г.

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
«ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ»
GENERAL CHARACTERISTICS AND LEGAL SIGNIFICANCE
OF «MAIN PROVISIONS OF THE TRANSFORMATION
OF THE JUDICIAL SYSTEM IN RUSSIA»**

А.В. Уткин

Санкт-Петербургский университет управления и экономики

A.V. Utkin

St. Petersburg University of management and Economics

Принципы организации и деятельности дореформенного суда строились на основе нормативно-правовых актов по судоустройству и судопроизводству, которые еще не представляли собой стройную систему. Затягивание с упорядочиванием нормативной базы деятельности дореформенного суда несколько пошатнуло существующую нормативно-правовую основу, а значит, фундамент деятельности всех судебных органов.

Сторонники и члены комиссии по проведению судебной реформы 1864 года ясно понимали, что существовавшие до этого нормативно-правовые акты не могли регулировать судоустройство и производство в новом суде. Назревала необходимость создания новой нормативно-правовой базы для деятельности вновь учрежденных судов. Отсутствие в старых нормативно-правовых актах примера для написания новых законов затрудняло деятельность по реформированию.

Составителям проектов нормативно-правовых актов, лежавших в основе всей новой судебной системы, пришлось обратиться к нормативно-правовым актам Западной Европы, Америки. Это способствовало расширению сферы влияния либеральной правовой мысли в России. Сторонники и составители Судебных Уставов 1864 года пошли дальше: были открыты двери развитых европейских стран для нового поколения юристов, в Россию было завезено большое количество учебной юридической литературы, созданной виднейшими европейскими юристами, была организована выездная практика для обмена опытом.

Развернулась кропотливая работа по составлению новой нормативно-правовой базы, заложившей основу новой судебной системы. Так, 19 октября 1861 года на докладе статс-секретаря Государственного Совета В.П. Буткова Александр II написал: «Было бы полезно обсудить и разрешить главные, основные начала судоустройства и судопроизводства»

[1]. После этого разворачивается активная работа по формированию приоритетных принципов новой системы судов [2]. В течение 1862 года все это вылилось в «Основные положения преобразования судебной системы в России», составленные Государственной канцелярией. 29 сентября 1862 года «Основные положения преобразования судебной системы в России» были утверждены императором с предписанием опубликовать в печати. Данный документ носил характер программы будущей судебной реформы и официально признавал несовершенство существующей судебной системы.

Обнародование программного документа судебной реформы состоялось в октябре, что означало подтверждение политики гласности в государственных преобразованиях [3], его официальное опубликование явилось значительным шагом вперед в разъяснении законодательных ориентиров среди населения, успокоении общественности. Это означало и то, что правящие круги, взявшие на себя обязательство по подготовке судебной реформы, исходили из прогрессивных принципов её поведения, сделав её максимально открытой.

«Основные положения» не представляли собой еще закона, они служили программным ориентиром развития будущей судебной реформы, распространяющим его принципы на всей территории России.

Документ состоял из трех неравномерно разработанных частей:

1. Судостроительство (часть первая статьи 1–91);
2. Уголовное судопроизводство (часть вторая статей 1–152);
3. Гражданское судопроизводство (часть третья статей 1–138).

С одной стороны, мировым судьям отпускается из общего земского сбора определенная суммы на разъезды, наем письмоводителя (ст. 19), и назначение заседателей по жребию проводится в самом суде, дается присяга «в правдивом и внимательном исполнении своих обязанностей, а приводившие к присяге духовные лица» и объясняют им важность этих обязанностей. С другой стороны, не указана и приблизительная цена, требуемая для мировых судей, когда от этого во многом существенно зависит и сам характер института. Последнее объясняется тем, что авторы документа «считались с реальными и воображаемыми противниками и выдвигали на центральное место те пункты, которые могли встретить по своей новизне или по противоречию с прежним наиболее серьезные сомнения и возражения» [4]. Любопытно еще отметить, что в Положении имеется целый ряд статей, которые содержат чисто отрицательные постановления. Например, «теория доказательств, основанная единственно на их формальности, отменяется», «оставление в подозре-

нии не допускается», «рассмотрение судебных приговоров по силе самого закона отменяется», «различные подсудности по сословиям отменяется» и т.д. Отменялся весь действовавший тогда порядок, однако составители сочли нужным специально отметить те стороны, которые представляли наиболее серьезное зло, словно желая успокоить, что избавление от тяготеющего над страной ужаса будет полным [5].

Несмотря на то, что «Основные положения» задуманы как документ, освещающий основные принципы будущего судебного устройства, в нем встречается также много частных. Налицо желание закрепить процедуру организации судоустройства и гарантировать его дальнейшую реализацию.

Концептуальным на наш, взгляд, здесь являются следующие принципы судоустройства. Во-первых, твердо закрепляется основное правило, что «власть судебная отделяется от исполнительной, административной и законодательной» (ст. 1). Данный принцип повторяется и в уголовном судопроизводстве: «никто не может быть наказан за преступление или проступки, подлежащие рассмотрению судебными органами, будучи не присужден к наказанию приговором надлежащего суда, вступившего в законную силу». Этот принцип находит свое отражение во многих статьях Основных положений. Однако даже при разъяснении процесса судопроизводства авторы признавали существование рассматриваемого принципа только теоретически, хотя судебный процесс отражал реальное положение вещей, с которым нельзя было не считаться (Приложение к ст. 1 ч. 2). Во-вторых, в тесной связи с первым принципом и как бы продолжением его реализации стало закрепление за судом только функции разрешения юридических вопросов, освободившей суд от участия в собрании и разыскивании доказательств. «Основной формой гражданского процесса объявлялась состязательность», то же самое можно сказать и об уголовном процессе [6].

Была создана единая структура прокурорского надзора, (часть I, глава 8), основным принципом организации которого становится наблюдение за единообразным и точным применением законов во всех сферах публичной и общественной деятельности (часть I, ст. 51.). С созданием и правовым закреплением института присяжных поверенных (часть I, глава 10, п. 2) появился новый инструмент защиты обвиняемых, подсудимых [7]. Однако нужно признать, что в уголовном процессе теоретически сформулировать идеально чистый состязательный процесс не удалось. Во многом это объяснялось все еще сохранившимся административным диктатом.

Хотя в отчете Государственного Совета за 1862 год указывается на преждевременность введения суда присяжных [8], авторам удается закрепить суд присяжных в «основных положениях...», а значит, признать готовность российского общества для введения этого института правосудия.

В итоге авторам «Основных положений» удалось, не прибегая к политическим мерам, которые объективно не приносят пользы, пересадить на российскую почву многие элементы европейского судебного процесса с его превосходными формами, гарантирующими правильное отправление правосудия [9]. Основные положения заложили прочный правовой фундамент, на котором потом было воздвигнуто стройное здание судебных Уставов, и внесли, хотя и не надолго, социально – политическое спокойствие в регионы [10], нуждавшиеся в реформах суда [11].

Опубликованные «Основные положения» были распространены во всех губерниях Российской империи. «Основные положения» стали в губерниях ориентиром для будущих реформ, подсказали направление, по которому будет развиваться судебно-правовая система страны.

Впоследствии на базе Основных положений создаются Судебные Уставы, иные законы, приводившие в силу организацию новой судебной системы. Судебные Уставы провозгласили принципы новых форм судоустройства и судопроизводства. Всего было издано четыре закона: Учреждения судебных установлений, Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями [12], и в дополнение к Судебным уставам 14 апреля 1866 года было принято Положение о нотариальной части [13].

В российской историографии Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, объявлялись вершиной либеральной юридической мысли в России. Все исследования XIX, XX, XXI веков восхваляли Судебные Уставы, и авторы также считают их бесспорным достоянием не только русской, но и вообще европейской культуры. Действительно, Судебные Уставы – гордость и честь российской юстиции не только XIX, но и XX века, но в то же время Уставы не соответствовали всему старому укладу России, в них слишком ярко выражены черты нового строя. Их принципы неизбежно вступали в противоречие с политическими интересами самодержавия. Феноменальность судебных Уставов состоит в том, что они создавались в политической и социальной среде полицейского государства. По Судебным Уставам 1864 года де-юре Россия делает шаг к построению правового государства, а де-факто она – государство полицейское [14].

Несмотря на общие противоречия строя с порядками Судебных Уставов, они были приняты и начали действовать с 1866 года[15] в разных регионах России.

Литература

1. РГИА. – Ф. 1261. – Оп. 2. – Д. 101. – Л. 115.
2. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. – М., 1914. – С. 102.
3. Журнал Министерства юстиции. – 1862. – № 10. – С. 11–71.
4. Гессен И.В. Судебная реформа. – СПб., 1905. – С. 58–59.
5. Материалы. ...Т. XIX.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 томах. – СПб., 1884. С. 93.
7. Гессен И.В. История русской адвокатуры. В 3 томах. – М., 1997.
8. Отчет заседания Государственного Совета за 1862 г. – СПб., 1863. 1500 с.
9. ПД. – Ф. 265. – Оп. 1 – Д. 23. – Л. 161.
10. ГА РФ. – Ф. 224. – Оп. 1 – Д. 30 – Л. 80.
11. ЦГИА РБ. – Ф.И – 1.- Оп. 1. – Д. 75. Л.2.
12. ПСЗ. II. – Т. 34.- № 41475–41478.
13. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. – СПб., 1878. – С. 55–75.
14. Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. – М., 1915. – С. 12.
15. ПСЗ. II. – № 43696.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «СЛУЧАЕ» И «НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЕ» В РАЗНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭПОХИ THE CONCEPT OF «FORCE MAJEURE» IN DIFFERENT HISTORICAL EPOCHS

С.З. Шарангия
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
S.Z. Sharangia
N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Отражены основные подходы к понятию «непреодолимая сила» и «случай», выделены категории, относящиеся к данному явлению, дан анализ случайности, выявлены проблемные соотношения данных понятий.

The article describes the main approaches to the concept of "force majeure" and "case" are highlighted category related to this phenomenon, an analysis of the accident, revealed the problematic relationship of these concepts.

Ключевые слова: непреодолимая сила, случай, сила, объективная непредотвратимость и чрезвычайность

Keywords: force majeure, case, power, unavoidable objective, extraordinary

Тот, кто ничего не предвидит, бывает часто обманут; кто предусматривает слишком много, всегда бывает несчастным.

Ж. Лабрюйер

Потребность в применении института «непреодолимой силы» диктуется тем, что в современный период возросли угрозы возникновения природно-климатических и техногенных катастроф, участились случаи экстремизма и терроризма. Благоприятной почвой для возникновения чрезвычайных ситуаций являются и политические противоречия между различными регионами мира, военные, межрелигиозные, межэтнические конфликты, массовые волнения, социальные конфликты.

Само понятие непреодолимой силы (*vis major*, *Force majeure*, *Act of God*) существует уже тысячелетия и означает высшую силу, «божий промысел» судьбу, событие, превосходящее по масштабам те человеческие силы, которые можно ему противопоставить, а потому освобождающие от ответственности. Это понятие было известно римскому частному праву классического периода, гражданскому праву стран континентальной Европы, англо-американскому гражданскому праву (форс-мажорные оговорки в договорах). В российском гражданском праве непреодолимая сила традиционно определяется как чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство [1].

В иностранной литературе для обозначения непреодолимой силы, используют термином «Форс-мажер», который имеет французское происхождение. По словарю Ушакова, «форс-мажер» (*франц. force majeure*) – это обстановка, вынуждающая действовать определенным образом, вопреки намерению, плану; обстоятельство, которое невозможно предотвратить или устранить [2].

Толкование слова «сила» – это источник, начало, основная (неведомая) причина всякого действия, движенья, стремленья, понужденья, всякой вещественной перемены в пространстве. Выдающийся русский богослов, философ, историк А.С. Хомяков говорил, что сила – это начало изменяемости мировых явлений. Среди разнообразия видов силы, с юридической точки зрения в ракурсе исследуемого понятия, нас интересуют: силы природы, силы жизненные, неведомая причина, коей мы

приписываем все явления, сила стихий, сила ветра, воздуха, огня, воды; в механике: напор, давление или толчок; тяга, влечение [3].

Понятие «непреодолимая сила» интерпретируется Гражданским Кодексом РФ – как «чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях событие». В настоящее время распространен подход, связанный с отождествлением понятий «форс-мажор» и «непреодолимая сила».

Обстоятельства непреодолимой силы обычно подразделяются на две группы:

А) природные стихийные явления – землетрясения, наводнения, пожары, тайфуны, резкие температурные колебания, влекущие гибель или позднее созревание урожая.

Б) некоторые обстоятельства общественной жизни – военные действия, эпидемии, национальные и отраслевые забастовки, запретительные акты государственных органов (объявление карантина, ограничение перевозок на определенных направлениях запрет торговых операций с отдельными странами вследствие применения международных санкций) [4]. Непреодолимой силой признаются явления реальной действительности (события или действия), которые носят объективно непредотвратимый и чрезвычайный при данных условиях для обязанного лица характер. Таким образом, непреодолимая сила признается таковой только при совокупности таких присущих ей квалифицирующих признаков, как «объективная непредотвратимость» и «чрезвычайность».

На наш взгляд, необходимо признак «непредотвратимости», закрепленный в п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации, дополнить «объективной» составляющей. «Объективную непредотвратимость» определить как невозможность субъекта заблаговременно устранить всеми доступными для него средствами проявленное в реальной действительности обстоятельство, возникшее или развивающееся независимо от возможностей и действий субъекта правоотношения. В свою очередь, «чрезвычайность» можно определить как внезапное, не предусмотренное обычным ходом дел возникновение или течение исключительного явления вне зависимости от его предвидения.

На концептуализацию терминологического аппарата непреодолимой силы наибольшее влияние оказало творчество тех философов, где в качестве важнейшей категории выступает случайность. В древнегреческой философии было две концепции случая, причины обеих – эфффекты, которые возникают случайно, однако они дифференцированы в книге Аристотеля «Физика» следующим образом:

▪ *Tuxa (Tyche)* действует в разуме (также персонифицируется как богиня Тиха);

- *Автомато (Automaton)* оперирует в реальном мире [5].

Для многих более ранних греческих философов случай вообще не существовал. Один из сохранившихся фрагментов Левкиппа говорит: «Ничто не происходит наугад, но все по причине и при необходимости». Для атомистов мир был полностью детерминирован. Однако, Демокрит также утверждал, что случай («автоматон») вызвал первоначальное творение «небесных сфер и всех миров», то есть, что само существование не имеет никакой предшествующей или определяющей причины, хотя все, что случилось с тех пор, детерминировано.

Для Аристотеля, с другой стороны, и *Тиха* и *Автоматон* – каждодневные явления. Однако, для Аристотеля случайные события не были беспричинными, они были просто эффектом параллелизма двух причинных последовательностей. Таким образом камень, падающий, поражающий человека, – случайное событие, хотя падение камня и прохождения человека – оба определенных события.

Анализ случайности обусловлен и тем обстоятельством, что в зависимости от точки наблюдателя, событие может выглядеть как случайное или как неслучайное. Диаметральные противоположные оценки правоверности одного и того же события показывают относительность и субъективность понятия случайности.

Случайность как фундаментальная философская категория неоднократно становилась предметом глубокого научного анализа представителей гуманитарных и естественных наук: философии, истории, антропологии, социологии, права, психологии, физики, математики, которые анализировали различные грани случайности. В философской науке окончательно сформировалось представление о случайности как категории, неразрывно связанной с категорией «необходимость».

В рамках концепции философского детерминизма случайные явления следует считать причинно обусловленными. Обязательным признаком причинной связи является необходимость. Следовательно, случайность тоже необходима, и объективное противопоставление необходимости и случайности лишается смысла. В истории философии предлагались два выхода из этой ситуации: или случайность рассматривалась вне действия принципа детерминизма и постулировалось объективное существование абсолютной случайности, как ничем не детерминированного события, явления, процесса, или случайность объявлялась лишь продуктом незнания причин того или иного явления.

Существуют такие события, которых не обойти, не миновать, не избежать. Если необходимые события представляют порядок, некоторую

устойчивую организованность происходящего, позволяющую предвидеть и рассчитывать, то случайность – это нарушение упорядоченности и устойчивости, мешающая «нормальному» ходу вещей.

В русском языке случай понимался, наряду с прочими толкованиями, и как обстоятельство, что позволяет понимать случайности как обстоятельства непреодолимой силы, или обстоятельства, которые нельзя предвидеть.

Литература

1. ГК РСФСР ст. 85 1964 г., п. 2 ст. 71 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, ст. 202, п. 3 ст. 401 действующего ГК РФ.

2. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. – М., 1939; Т. 4. М., 1940. (Переиздавался в 1947-1948 гг.); Репринтное издание: – М., 2000. С. 343.

3. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах / Под ред. В. Даль. Т. 2. – М-Рипол, 2011. – С. 354.

4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой. – М., 2011.

5. Аристотель «Физика». – М., изд-во: КомКнига 2007 г. – 236 с.

СЕКЦИЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ

THEORETICAL BASIS OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE STATE AND THE MODERN RUSSIAN MODEL

Д.А. Баженов

Нижегородский государственный университет

D.A. Bazhenov

Nizhny Novgorod State University

Обсуждаются идеи социально ответственного государства и текущий уровень их реализации в России

In article are discussed ideas of social responsibility of the state and their current level of realization in Russia

Ключевые слова: социальная ответственность, социоцентричность, антропоцентричность

Keywords: social responsibility, sociocentric, anthropocentric

Российская Федерация по Конституции определяется как социальное государство, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. Однако под «социальным государством» понимается трансформировавшееся классическое «государство – ночной сторож» с политикой вмешательства в социально-экономическую сферу, в частности, в сферу трудовых отношений.

Теоретическое основание социальной ответственности государства впервые было изложено Ф. Лассалем, организатором первой социалистической партии «Всеобщий германский рабочий союз». Ф. Лассаль заявил, «что буржуазия требует невмешательства государства в отношения граждан между собой. Оно должно, по ее мнению, лишь следить за тем, чтобы всякий беспрепятственно пользовался своими силами, как знает и умеет [2]. Но так как не все одинаково сильны и богаты, одинаково образованы и ловки, то ограничение государства ролью «будочника» ведет к дурным последствиям. Государство есть «единство личностей в одном нравственном целом» и цель его – развивать и совершенствовать человека» [2]. В отличие от марксизма лассальянство не разделяет классовой морали, государство представляет собой надклассовый институт, осуществляющий «воспитание и развитие человеческого духа к свободе», борьба за социальные изменения должна проходить мирными способами на основе всеобщего избирательного права с признанием приоритетов интересов нации перед интересами рабочего класса [3]. Как показала история, идеи Ф. Лассаля стали ядром сначала правого крыла Социал-демократической партии Германии, после Второй мировой войны партии в целом. Видно, что философия социальной ответственности, следуя гегелевским мотивам, скорее, социоцентрична, чем антропоцентрична.

В XX века идею социальной ответственности государства углубил и радикально гуманизировал социолог Э. Фромм. Из множества работ теме социальной ответственности посвящены «Здоровое общество», «Революция надежды» и программа-проект Социалистической партии США [4, 6]. Излагая кратко, теоретик считал, что современное капиталистическое общество крайне атомизировано, удерживается эгоистическими интересами и необходимостью использовать друг друга, а соци-

альность-коллективизм становятся пережитком феодализма. Авторитет государства в отличие от лассальянцев уже ставится Э. Фроммом под сомнение, происходит перенесение всех чувств, «связанных с общественной жизнью, на государство, которое в результате этого становится идолом, силой, возвышающейся и главенствующей над человеком. Человек подчиняется государству как воплощению своих собственных социальных чувств, которым он поклоняется как силам, отчужденным от него» [4]. Государство должно из политической машины трансформироваться в один из общественных институтов, высочайшей ценностью для которого будет человек, а целью – «создание условий для полнейшей реализации его способностей, его разума, его любви и творчества» [5]. Политические институты, по Э. Фромму, наделяются мощнейшими социально-экономическими регуляторами, отчасти схожими с советскими странами: они должны произвести изменения в сфере собственности для огосударствления ведущих отраслей промышленности, здравоохранения и образования, для создания потребительских ассоциаций и объединений самих работников, которым будет передана функция управления на предприятиях. «Доходы должны быть уравнены до такой степени, чтобы дать каждому материальную базу для достойного существования, и тем самым не допустить, чтобы экономические различия обусловили совершенно непохожее восприятие жизни для различных социальных классов» [4].

Государство должно вмешиваться и в медийную сферу – законодательно ограничивать «гипнотизирующее, иррациональное рекламирование», что является одним из главных элементов современного производства и базисом общества потребления [6]. «Для получения наивысшей прибыли искусственно стимулируются самые низменные человеческие инстинкты и отравляется общественное сознание» [4].

По мере роста контролирующих функций государства возникает проблема роста бюрократизации и появляется опасность перехода к авторитаризму. Для предотвращения этого Э. Фромм предлагает провести децентрализацию и создать новый орган, подобный палате общин, в котором будут заседать избранные по современным электронным технологиям представители различных социальных групп. Предлагает «разделить все население на малые группы, предположим по 500 человек, по месту жительства или месту работы... Эти группы будут встречаться регулярно, скажем, один раз в месяц, выбирать должностных лиц и комитеты, которые должны заменяться ежегодно. Их задачей должно

быть обсуждение важнейших политических проблем как местного, так и национального значения» [4].

Тенденция расширения социальной ответственности, роста социально-экономического регулирования, по мнению социолога продолжится, «если только промышленность не захватит контроль над государством и не навяжет своего права манипулировать потребителем» [6]. В итоге Э. Фромм предлагает гуманистическую антропоцентристскую модель социальной ответственности, в ходе развития которой государство трансформируется (а в проекте программы Социалистической партии США уже и отмирает) в социальный институт регулирования социально-экономических отношений.

Если говорить о современной российской модели социальной ответственности государства, то её специфика обусловлена тремя особенностями. Во-первых, предыдущей историей советского государства как государства с развитыми социальными институтами, порожденными спецификой отношений между государством и наемными работниками. Во-вторых, современной социально-правовой природой государства и необходимостью оглядываться на передовые государства похожего типа как, например, Германия и Франция. В третьих, свойственной для России патерналистской политической культурой и централизацией, препятствующими развитию гражданского общества.

Резкий слом советской социально-экономической системы и построение рыночной экономики осуществлялось монетаристами-радикалами, «каждый проданный завод – это гвоздь в крышку гроба коммунизма», социальная же составляющая была на втором плане, гражданин-собственник сможет сам себя обеспечить. [7] В Германии к этому времени общественный сектор перевалил за 50%, а государство давно является участником экономических отношений наряду с работодателями и профсоюзами [8]. К 1999 году доля расходов России на социальную защиту составляла 12,7% ВВП, в США 13,9%, в Германии 22%, но к 2005 году в России тратился уже 16,1%, в США 14,2% [9]. Как видно, страна находится на переходном пути от англо-саксонской модели социальной политики к континентальной.

На современном этапе особенно проявляется патерналистская составляющая социальной ответственности. Государство берет на себя роль защиты общества от так называемых «маргинализованных элементов» – антиклерикалов, ЛГБТ-меньшинств, в скором времени от русофобов. После принятия закона о запрете пропаганды гомосексуа-

лизма обсуждается законопроект о защите чувств верующих и патриотов.

Как видим, социальная ответственность государства в России социоцентрична, слабо регулирует социально-экономические отношения, но воздействует на социально-культурные. Патернализм государства в этой сфере очевиден и сравним с современной Турцией. Модель социальной ответственности в России смешанная, которую можно назвать «переходной евразийской»: система социального обеспечения дрейфует от англо-саксонской к континентальной, но при этом наличествует авторитаризм, сильное влияние государства в культурной жизни общества, отсутствуют характерные для Европы светскость и толерантность как специфика восточного государства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm> (дата обращения: 27.02.2012)
2. Классен В. Фердинанд Лассаль. Его жизнь, научные труды и общественная деятельность. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.likebook.ru/books/download/91047/> (дата обращения: 27.02.2012)
3. Бирюков С. Синтез Лассаля. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.apn.ru/publications/article17656.htm> (дата обращения: 27.02.2012)
4. Фромм Э. Здоровое общество. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269078496 (дата обращения: 27.02.2012)
5. Фромм Э. Гуманитарный социализм. – [Электронный ресурс]. URL: <http://avtonom.org/old/lib/theory/fromm/humsoc.html> (дата обращения: 27.02.2012)
6. Фромм Э. Революция надежды. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://socioline.ru/pages/erih-fromm-revoljutsiya-nadezhdy-izbavlenie-ot-illyuzij> (дата обращения: 27.02.2012)
7. Телегин С. «Наперсточники»: «монетаристы-реформаторы» вчера и сегодня. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2624 (дата обращения: 27.02.2012)
8. Особенности социальной политики Германии на современном этапе. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jurvestnik.psu.ru/ru/-3-9-2010/17-osobennosti-soczialnoj-politiki-germanii-na-sovremennom-etape.html> (дата обращения: 27.02.2012)
9. Роик В.Д. Социальная модель государства: выбор современной России и опыт стран Европы // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. – 2006. – № 6 (294). – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2006/VSF_NEW200701241412/VSF_NEW200701241412_p_006.htm (дата обращения: 27.02.2012)

**ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2010 ГОДА
В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ**
**THE MAIN RESULTS OF THE POPULATION CENSUS
OF 2010 IN NIZHNY NOVGOROD REGION**

О.В. Безаева

*Отдел статистики населения и здравоохранения
Нижегородстата*

O.V. Bezaeva

Department of statistics of the population and health Nizhegorodstat

Нижегородстатом подведены основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Нижегородской области. В ходе переписи были получены сведения о демографических и социально-экономических характеристиках населения, необходимые для принятия выверенных программ социально-экономического развития, решения наиболее острой проблемы нашего общества – преодоления депопуляционных процессов, которые в Нижегородской области наблюдаются с начала 90-х годов XXв.

- *Численность и размещение населения*

В ходе переписи населения 2010 года на территории *Нижегородской области* было учтено *3310,6 тыс. человек постоянного населения*, в том числе: *2611,5 тыс. человек – жителей городов и рабочих поселков (78,9%)* и *699,1 тыс. человек – сельского населения (21,1%)*. По сравнению с переписью 2002 года численность населения области сократилась на *213,4 тыс. человек (6,1%)*, в том числе горожан – на *143,5 тыс. человек (на 5,2%)* и сельчан – на *69,9 тыс. человек (на 9,1%)*. Как и в целом по стране, сокращение численности населения происходило в основном из-за естественной убыли населения. При этом темпы сокращения были значительно выше, что обусловлено высокой долей в составе жителей нашей области лиц пожилого возраста.

Около трети горожан страны проживает в 12 крупнейших городах «миллионерах», город Нижний Новгород занимает пятую позицию в этом списке. По сравнению с 2002 годом численность жителей областного центра сократилась на *60,6 тыс. человек (на 4,6%)*. Два города в области имеют население более 100 тысяч человек: Дзержинск – *240,7 тыс. человек (сокращение на 8,6%)* и Арзамас – *106,4 тыс. человек (снижение на 2,8%)*.

Изменения в численном составе постоянного населения отмечаются практически во всех муниципальных районах и городских округах области. Наиболее ощутимы потери населения в сельской местности, в среднем по области на 9,1%. В ряде районов убыль составила более 20%: в Большемурашкинском (на 20,2%), Ветлужском (на 22%), Лукояновском (на 25,9%), Первомайском (на 20,6%), Сергачском (на 23,1%), Тонкинском (на 30,3%), Шахунском (на 22,9%).

Общее сокращение населения области составило 9,3% от убыли населения *в целом по России*.

- *Возрастно-половой состав*

Оценивая *репродуктивный потенциал населения* области, отметим, что наряду с позитивными тенденциями роста уровня рождаемости в нашем регионе, что уже заметно отразилось на увеличении численности детей в возрасте 0-6 лет, остаются известные проблемы, связанные с *возрастно-половой структурой населения*.

В регионе сохраняется выраженная диспропорция в соотношении основных возрастных групп населения: доля *лиц моложе трудоспособного возраста* – снизилась и составила только 14,4%, напротив, возросла до 25% доля *лиц пенсионного возраста*.

Межпоколенные диспропорции оказывают негативное влияние на нормальный процесс замещения поколений, что отражается на ритме социальной и экономической жизни общества. Так, рост рождаемости создал дополнительную нагрузку на систему дошкольного образования. Известные проблемы существуют с набором призывников в Вооруженные силы, абитуриентов – в вузы и т.д.

С резким спадом рождаемости в 90-е годы связано и образование, так называемой, *«демографической ямы»*, последствия которой будут отражаться на численности ряда последующих поколений.

Переписью 2010 года выявлено дальнейшее увеличение среднего возраста населения, или его *«демографическое старение»*. По нашей области средний возраст жителя увеличился на 0,9 лет и составил 40,7 лет, в том числе возраст мужчин увеличился на 0,7 лет и составил 37,3 лет, возраст женщин увеличился на 1 год и составил 43,5 лет.

Сохраняются диспропорции и в численном соотношении мужчин и женщин (гендерные диспропорции). На 1000 мужчин в области пришлось 1213 женщин (в 2002 г. – 1202). Разница в численности мужчин и женщин составила 318 тыс. человек, что обусловлено, главным образом, высоким уровнем смертности мужчин в составе трудоспособного возраста. Причем в возрасте 0-15 лет 946 женщин на 1000 мужчин, в трудо-

способном – 943, старше трудоспособного – 2783 женщины на 1000 мужчин.

- *Состояние в браке*

Сведения *о состоянии в браке* были получены от граждан в возрасте 16 лет и старше. На этот вопрос ответили 1251,2 тыс. мужчин и 1582,3 тыс. женщин нашей области. В расчете на 1000 жителей этой возрастной категории *в браке состояли* 561 человек, в том числе в составе мужчин и женщин, соответственно 635 и 503 человека. По сравнению с 2002 годом удельный вес состоящих в браке снизился как в целом, так отдельно у мужчин и женщин. Из общего числа состоящих в браке (1590,3 тыс. человек) *в зарегистрированном браке* состояли 1408,3 тыс. человек (88,6%) и *в незарегистрированном* – 182,1 тыс. человек (11,4%). Наиболее распространены незарегистрируемые браки в молодежной среде: в возрасте до 19 лет их доля составляет почти половину – 45,9%.

В области продолжает увеличиваться доля лиц *никогда не состоявших в браке*: 198 человек на 1000 жителей (в 2002 г. – 195 человек). Расстет также число *разведенных (официальный развод) и разошедшихся*, всего было учтено 277,4 тыс. человек, указавших о расторжении брака (в 2002 г. – 263,3 тыс. человек), в том числе официальном разводе – 235,9 тыс. человек и фактическом прекращении брачных отношений (разошедшиеся) – 41,5 тыс. человек.

Перепись показала также, что в нашей области каждая десятая женщина (11,4%) находится в разводе, а каждая пятая (21,7%) является *вдовой*.

- *Число и состав домохозяйств*

В перепись было учтено 1357,6 тыс. частных домохозяйств, в которых проживало 98,4 процента жителей нашей области. Средний размер по области, в том числе в городской и сельской местности, составил *2,4 человека* (в 2002 г. – 2,5 человека, в том числе: в горпоселениях – 2,6 человека и на селе – 2,4 человека).

Частных домохозяйств, состоящих из одного человека, в области – *28,8 процента (в 2002 г. – 24,3%)*; *состоящих из двух-трех человек* 52,3%. Доля больших домохозяйств – из 4 и более человек – менее 20% (18,9%). За межпереписной период число частных домохозяйств сократилось на 4,5 тыс. единиц.

В коллективных домохозяйствах области было переписано 51,0 тыс. человек (1,5% населения области). Каждый пятый этой категории населения (21,5%) проживал в стационарных учреждениях социального обслуживания (6,6 тыс. человек), детских домах, школах-интернатах и т.п.

учреждениях (2,7 тыс. человек), больницах для хронических больных (0,9 тыс. человек), учреждениях социальной помощи для лиц без определенного места жительства (0,1 тыс. человек), религиозных учреждениях (0,5 тыс. человек). Основная часть населения коллективных домохозяйств проживает в других институциональных учреждениях (казармах, местах заключения).

В регионе переписью учтено 1432 человека, *не имеющих определенного места жительства*. В составе бездомных 1021 – мужчина и 411 – женщин, 81,7% указанных лиц находились в трудоспособном возрасте. Программой разработки итогов переписи населения предусмотрено выделение семейной ячейки в пределах домохозяйства. Семейная ячейка – это простая, нуклеарная семья, состоящая из супружеской пары без детей или с детьми, матери с детьми, отца с детьми. Общее число семейных ячеек 983428 единиц, в них проживает 2575747 человек (79%), 290851 человек не составляет семейных ячеек (8,9%), 391586 человек проживают одни (т.н. одиночки) 12% от числа лиц, проживающих в частных домохозяйствах. Состав семейных ячеек 311356 (32%) – это супружеские пары без детей, 399775 (41%) супружеские пары с детьми – средний размер 3.4 чел. Матери с детьми 242683 семейных ячейки – средний размер 2.2 чел., отцы с детьми 29614 семейных ячейки, средний размер 2.2 чел. В составе семейных ячеек переписаны супружеские пары, имеющие 1,2,3,4,5 и более детей до 18 лет. 140 семейных ячеек состоят из матери и 5 детей до 18 лет и 9 семейных ячеек из отца и 5 детей. Таким образом, перепись населения дает возможность оценить количество многодетных семей, одиноких матерей и отцов.

- *Национальный состав населения*

Нижегородская область относится к числу территорий с устойчивым преобладанием представителей *русской* национальности. Из общего числа указавших свою этническую принадлежность в перепись 2010 года – 95,1% – русские. В то же время в области издавна проживают представители других коренных народностей, в том числе татары, мордва, украинцы, чуваша, марийцы, белорусы, евреи и другие. Всего в ходе переписи было учтено более 120 национальностей.

Общее сокращение численности населения вследствие его естественной убыли и активизация миграционных процессов в последние два десятилетия – факторы, оказавшие наиболее заметное влияние как на численность, так и этнический состав населения Нижегородской области. Сокращение вследствие естественной убыли типично, прежде всего, для народов, традиционно проживающих на территории нашей

области, включая русских. Напротив, устойчивый поток мигрантов из ближнего зарубежья в постсоветский период отразился на росте численности *узбеков* (в 3,2 раза), *таджиков* (в 2,1 раза), *армян* (на 23,1%), *езидов* (на 22,6%) и ряда других национальностей.

По итогам переписи 2010 года в порядке убывания *первые десять* наиболее многочисленных национальностей области расположились следующим образом: *русские, татары, мордва, украинцы, армяне, чувашаи, азербайджанцы, марийцы, белорусы и цыгане.*

В перепись были получены данные *о числе рожденных детей женщинами отдельных национальностей в возрасте 15 лет и старше.* В целом по области этот показатель, рассчитанный на 1000 женщин всех национальностей, составил 1364 ребенка, наименьший он у русских женщин – 1348 детей. У народов, проживающих на территории нашей области преимущественно в сельской местности, этот показатель наиболее высокий, в том числе у мордовских женщин – 1901 ребенок, у татарских – 1879 детей, марийских – 1893 ребенка, чувашских – 1788 детей. У народов, рост численности которых обусловлен интенсивным переселением из ближнего зарубежья, этот показатель сравнительно невысок, в том числе у азербайджанских женщин – 1581 ребенок и армянских – 1536 детей. Однако средний размер домохозяйства азербайджанцев 3.8 чел, армян – 4,0, грузин – 3.4, таджиков – 3.9, татар – 3.1, мордвы – 2.6, русских – 2.9 человек.

В перепись 2010 г. жители ответили на вопрос *о владении русским языком.* Положительно на него ответили 99,% населения области. Среди представителей наиболее многочисленных национальностей русским языком владеет подавляющее большинство населения. Наиболее низкие эти показатели у узбеков (93,1%), таджиков (96,4%) и езидов (96,6%).

На вопрос о национальности ответили 3268248 человек – 98,7% 19128 чел национальность не указали, 6182 чел. отказались от ответа на этот вопрос, 17039чел. – без национальности, 148 человек – другая национальность.

- *Уровень образования населения*

Одной из позитивных тенденций современного общества является неуклонный рост *уровня образования* граждан.

За межпереписной период численность *лиц с высшим образованием* в области увеличилась на 202,1 тыс. человек (на 45,1%) и составила 650 тыс. человек. В расчете на 1000 жителей в возрасте 15 лет и старше их доля увеличилась со 149 человек до 227 человек.

Впервые при переписи были получены данные о численности специалистов *по ступеням высшего профессионального образования*. Из общей численности лиц с высшим образованием *степень бакалавра* имели 25 тыс. человек (3,9%), *специалиста* – 594,8 тыс. человек (91,5%) и *магистра* – 15,6 тыс. человек (2,4%).

Среди специалистов с высшим профессиональным образованием – 14,6 тыс. человек имели *послевузовское образование*.

Впервые была получена численность лиц, имеющих ученую степень. В области насчитывается 10,2 тыс. кандидатов наук и 1,8 тыс. докторов наук. Среди кандидатов наук женщины составляют 5,9 тыс. человек (58%), среди докторов наук – 0,5 тыс. человек (26,1%).

По сравнению с 2002 годом увеличилась также численность лиц с *неполным высшим образованием* – на 41,4 тыс. человек (на 52,3%), а также лиц со *средним профессиональным образованием* – на 62,8 тыс. человек (на 7,9%). В расчете на 1000 населения лиц с указанным образованием, соответственно 42 и 299 человек.

Наиболее ощутимые потери в образовательном уровне населения связаны с *начальным профессиональным образованием*. Численность лиц, обучившихся рабочим профессиям, сократилась на 218,4 тыс. человек, в расчете на 1000 населения – со 129 до 59 человек.

В структуре образовательного уровня несколько возросла доля лиц со *средним (полным) общим образованием* (со 182 человек до 191), но снизилась доля лиц с *общим основным образованием* (со 143 до 108 человек) и *общим начальным образованием* (с 96 до 63 человек), что связано с неравноценной заменой поколений, сокращением численности и удельного веса детей и подростков школьного возраста.

В области сохраняется отмеченное впервые в 2002 году превышение доли женщин, имеющих высшее образование, по сравнению с мужчинами. На 1000 человек соответствующего пола приходится лиц с высшим образованием у мужчин – 206 человек, у женщин – 243 человека.

- *Экономические характеристики населения: источники средств к существованию, экономическая активность и занятость*

Как и в предыдущую перепись, населению области предлагалось указать все имеющиеся у него *источники средств к существованию*. Всего было указано 3996,2 источников, или в среднем по 1,2 на каждого жителя, указавшего источники. Основным источником является *трудова́я деятельность*, ее указали 50,2% населения (1652,0 тыс.). В составе населения трудоспособного возраста этот показатель наиболее высокий – 75,9%; у лиц молодежного возраста (16-29 лет) – 62,8%; у лиц пенси-

онного возраста – 16,6%. Трудовой деятельностью продолжали заниматься 137,8 тыс. человек старше трудоспособного возраста.

Достаточно распространенным среди населения области остается доход от *личного подсобного хозяйства*, этот вид источника указали 292,1 тыс. человек, или 8,9%. У лиц пенсионного возраста доля этого источника наибольшая – 13,4%. В качестве одного из источников доходов, прежде всего, у молодежи отмечена *стипендия* – указали 42,8 тыс. человек.

Значительную долю в структуре источников средств к существованию занимает *пенсия (кроме пенсии по инвалидности)*, ее указали 866,8 тыс. человек, или 26,3% жителей. Пенсий по инвалидности указали 120,6 тыс. человек, или 3,7%.

Различные виды *пособий (кроме пособий по безработице)*, которые назначаются матерям (отцам, опекунам) на период отпуска по уходу за ребенком, ежемесячные пособия детям, а также ряд других видов социальных пособий, – указали 151,4 тыс. человек, или 4,6%.

Пособия по безработице указали 19,8 тыс. человек, что полностью соответствует данным областной службы занятости, на конец октября 2010 года пособие по безработице было назначено 19,1 тыс. человек.

Другой вид государственного обеспечения, который отмечался воспитанникам детских домов, школ-интернатов, проживающим в домах-интернатах для престарелых и инвалидов и другим лицам, находящимся на обеспечении государства, получали 42,1 тыс. человек (1,3%).

Небольшая по численности часть населения указала в качестве источников средств к существованию *сбережения, дивиденды, проценты* – 8,9 тыс. человек (0,2%); *сдачу внаем или в аренду имущества; доход от патентов, авторских прав* – 2,4 тыс. человек (0,1%).

Практически каждый пятый опрошиваемый отметил своим источником *иждивение, помощь других лиц и алименты*. Всего этот источник указали 796,4 тыс. человек, в основном это дети в возрасте до 15 лет и учащаяся молодежь.

Из общей численности населения области, указавшего источники средств к существованию, указали *один источник* – 79,7% населения; *два источника* – 19,3%; *три источника* – 1%; *четыре и более* – 0,02 % (0,8 тыс. человек).

В ходе переписи 2010 года в составе частных домохозяйствах области было учтено 2531,2 тыс. человек в возрасте 15 – 72 лет, из них 1743,4 тыс. человек (68,9%) – *экономически активное население*, то есть

работающие и готовые приступить к работе граждане, не имеющие работы.

В составе экономически активного населения *занятых в экономике* – 1627,6 тыс. человек, или 93,4%. Из общего числа занятых в экономике абсолютное большинство – 1541 тыс. человек, работающих по найму (94,7%), почти 81 тыс. человек – сами обеспечивали себя работой (работают не по найму), из них 32 тыс. человек привлекают для своей деятельности наемных работников.

Учтенная в перепись численность *безработных* составила 115,8 тыс. человек, или 6,6% от экономически активного населения. В составе безработных – 11,9 тыс. пенсионеров (10,2%) и 47,1 тыс. человек – молодежи (40,7%). Средний возраст безработных – 36,6 лет.

Сравнение данных переписи населения с текущим расчетом *общей численности безработных и уровня безработицы*, который осуществлялся в октябре 2010 года, *от итогов выборочного обследования населения по проблемам занятости*, показал их сопоставимость и, следовательно, высокую достоверность обоих источников информации. По текущим расчетам в нашем регионе на тот период не имели работу около 136 тыс. человек, а уровень безработицы составлял 7,5%.

- Численность *экономически неактивного населения* составила – 697,7 тыс. человек (27,6% от численности населения в возрасте 15- 72 лет). Более половины этой категории населения – 438,5 тыс. человек (62,9%) составили пенсионеры в возрасте до 72 лет. Лиц трудоспособного возраста, не принимающих участия в экономической деятельности по различным причинам (учеба, ведение домашнего хозяйства и т.п.) было учтено 311,9 тыс. человек, или 44,7% от всего экономически неактивного населения. Доля молодежи (16-29 лет) составила 25,1%.

- *Жилищные условия*

В ходе переписи 3213,8 тыс. человек, проживающие в частных домохозяйствах, ответили на вопросы о жилищных условиях (97,1% от числа переписанных). Всего было учтено 1326,6 тыс. частных домохозяйств, или 97,7% от их общего числа.

По типам жилых помещений население частных домохозяйств проживало: *в индивидуальных (одноквартирных) домах* – 21,9% человек; *в отдельных квартирах* – 73,9 % жителей; *в коммунальных квартирах* – 1,9%.

В области 13,5% жителей частных домохозяйств проживают в домах, построенных до 1957 года; 27,5 %– в домах, построенных в период 1957 – 1970 годы; 48,8 %- в домах 1971-1995 годов постройки; 4,9 % – в

домах, построенных в 1996- 2002 годах и 3,8 % – в домах, построенных после 2002 года.

Основным материалом наружных стен жилых строений в регионе являются *кирпич* (46,1%), *панели, блоки* (30,5%) и *дерево* (18,%).

По обеспечению населения частных домохозяйств различными видами благоустройства ситуация выглядит следующим образом. Практически 97 % жилых помещений всех типов оборудованы *электричеством* и *отоплением* (63,4% – центральным отоплением); *водоснабжением из коммунальной системы* оборудованы 82,3% помещений; более 60 % имеют *горячее водоснабжение* (центральное и от индивидуальных обогревателей); *канализацией* оборудованы более 83% помещений, в том числе около 70% – через коммунальную систему; *туалетами* оборудованы более 76% помещений, в том числе туалетами со смывом – 75,2%; *ванной (душем)* оборудованы 68,7% помещений, кроме того каждое шестое домохозяйство имеет вне жилища *баню* или *сауну*.

В расчете на 1000 частных домохозяйств различными видами связи, в том числе *стационарной телефонной* обеспечены 616 домохозяйств; *проводным радио* – 129; *телевизионной антенной* – 880. Доступом в *сеть Интернет* (включая мобильный) располагает 301 домохозяйство, в многоквартирных домах этой услугой пользуется более трети домохозяйств (355).

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПРАВОЧНО:

- По данным переписи населения, проведенной по состоянию на 14 октября 2010 года, численность постоянного населения Российской Федерации составила 142,9 млн. человек. По сравнению с переписью населения 2002 г. численность населения страны уменьшилась на 2,3 млн. человек, или на 1,6%. Российская Федерация занимает восьмое место в мире по численности населения после Китая (1335 млн. человек), Индии (1210 млн. человек), США (309 млн. человек), Индонезии (238 млн. человек), Бразилии (191 млн. человек), Пакистана (165 млн. человек) и Бангладеш (147 млн. человек).

- По численности постоянного населения Нижегородская область занимает 11 место среди субъектов Российской Федерации после г. Москвы (11503,5 тыс. человек), Московской области (7095,1 тыс. человек), Краснодарского края (5226,7 тыс. человек), г. Санкт – Петербурга (4879,6 тыс. человек), Свердловской области (4297,7 тыс. человек), Ростовской области (4278,0 тыс. человек), Республик Баш-

кортостан (4072,3 тыс. человек) и Татарстан (3786,5 тыс. человек), Челябинской (3476,2 тыс. человек) и Тюменской областей (3395,8 тыс. человек).

Среди регионов Приволжского федерального округа по численности населения область занимает третье место (после Республик Башкортостан и Татарстан).

Около трети горожан страны проживает в 12 крупнейших городах («миллионерах»): Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске (1473,7 тыс. человек), Екатеринбурге (1351,1 тыс. человек), Нижнем Новгороде (1250,6 тыс. человек), Самаре (1164,7 тыс. человек), Омске (1154,1 тыс. человек), Казани (1143,5 тыс. человек), Челябинске (1130,1 тыс. человек), Ростове-на-Дону (1089,3 тыс. человек), Уфе (1062,3 тыс. человек), Волгограде (1021,2 тыс. человек). Город Нижний Новгород занимает пятую позицию в этом списке. По сравнению с 2002 годом численность жителей областного центра сократилась на 60,6 тыс. человек (на 4,6%).

- В ходе переписи 2010 года на территории Нижегородской области было учтено 47 районов, 87 городских поселений (28 – городов и 59 – поселков городского типа), 333 сельские администрации и 4762 сельских населенных пункта, из которых в 603 – на момент переписи – никто не проживал (пустующие населенные пункты). По сравнению с переписью 2002 года на территории области сократилось число поселков городского типа (рабочие поселки) – на 10 единиц, сельских администраций – на 208 единиц, сельских населенных пунктов – на 91 единицу. Сокращение числа административных единиц связано с административно-территориальными преобразованиями и списанием пустующих населенных пунктов в межпереписной период. В структуре муниципальных образований было учтено 5 городских округов, 47 муниципальных районов, 76 городских поселений и 322 сельских поселения.

- Как и при переписи 2002 г., в перепись населения 2010 г. за единицу учета было принято домохозяйство. Основная часть населения проживает в частных домохозяйствах, то есть в индивидуальных домах, отдельных и коммунальных квартирах, общежитиях, гостиницах и других помещениях, приспособленных для жилья. Те, кто постоянно живет в учреждениях социального и медицинского обслуживания, казармах, местах заключения, религиозных организациях называются коллективными домохозяйствами.

Таблица 1
Динамика численности населения крупных городов Нижегородской области

ВПН 2002–2010 гг.	2002 г.	2010 г.	2010 г. в % к 2002 г.
Нижний Новгород	1311252	1250 619	95,4
Дзержинск	261334	240742	92,1
Арзамас	109432	106362	97,2
Балахна	57338	51519	89,9
Бор*)	61525	78058	126,9
Богородск	37095	35499	95,7
Выкса	61657	56201	91,2
Заволжье	43971	40460	92,0
Городец	32442	30658	94,5
Кстово	66944	66657	99,6
Кулебаки	39072	35759	91,5
Павлово	64814	60698	93,7
Саров	87652	92047	105,0

*) В соответствии с Постановлением Законодательного Собрания Нижегородской области от 18.11.2004 г. № 1209-III в состав г. Бор вошли поселки городского типа Б. Пикино , Неклюдово и Октябрьский (включая упраздненный поселок им. Калинина), кроме того, дер. Летнево Ивоньковской сельской администрации и жилой массив Пичугино Редькинской сельской администрации.

Таблица 2
Возрастная структура населения. В процентах

ВПН 2002 – 2010 гг.	Россия		Нижегородская область	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Все население, в том числе в возрасте:	100	100	100	100
моложе трудоспособного (мужчины и женщины до 16 лет)	18,2	16,2	16,3	14,4
трудоспособном (мужчины 16-59 лет, женщины 16-54 лет)	61,3	61,6	59,7	60,6
старше трудоспособного (мужчины 60 лет и более, женщины 55 лет и более)	20,5	22,2	24,0	25,0
Средний возраст населения	37,1	39,0	39,8	40,7

Таблица 3

Возрастно-половая структура населения Нижегородской области
Постоянное население, тысяч человек

ВПН 2002 – 2010 гг.			
	2002 г.	2010 г.	2010 г. в % к 2002 г.
Все население, в том числе в возрасте:	3524.0	3310.6	93,9
мужчины	1600.6	1496.3	93,5
женщины	1923.4	1814.3	94,3
моложе трудоспособного	574.3	477.1	83,1
мужчины	293.8	245.1	83,4
женщины	280.5	232.0	82,7
трудоспособном	2103.5	2005.9	95,4
мужчины	1056.5	1032.4	97,7
женщины	1047.0	973.5	93,0
старше трудоспособного	845.9	827.6	97,8
мужчины	250.2	218.8	87,5
женщины	595.8	608.8	102,2

Таблица 4

Состояние в браке населения Нижегородской области

ВПН 2002 – 2010 гг.	Оба пола		Мужчины		Женщины	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Население в возрасте 16 лет и более, тыс. человек, в том числе:	2949,8	2833,5	1306,8	1251,2	1643,0	1582,3
никогда не состоявшие в браке	574,7	561,0	307,5	306,6	267,2	254,3
состоящие в браке	1710,3	1590,3	852,3	793,9	858,0	796,4
вдовые	401,1	393,5	51,5	49,4	349,6	344,1
разошедшиеся, разведенные	263,3	277,4	95,3	96,3	168,0	181,1
На 1000 человек в возрасте 16 лет и более	1000	1000	1000	1000	1000	1000
никогда не состоявшие в браке	195	198	235	245	163	161
состоящие в браке	580	561	652	635	522	503
вдовые	136	139	39	39	213	218
разошедшиеся, разведенные	89	98	73	77	102	114

Таблица 5

*Число и состав домохозяйств
Нижегородской области*

ВПН 2002 – 2010 гг.	Всего		в том числе:			
	2002 г.	2010 г.	Город		Село	
			2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Всего частных домохозяйств, единиц, в том числе из:	1362027	1357568	1051602	1075722	310425	281846
1 человека	331004	391586	236730	300716	94274	90870
2 человек	392828	398880	300276	319144	92552	79736
3 человек	332146	310897	273415	258220	58731	52677
4 человек	216415	179961	171857	142160	44558	37801
5 человек	63107	53212	49475	40100	13632	13112
6 человек	18964	15954	14471	11114	4493	4840
7 и более человек	7563	7078	5378	4 4268	2185	2810
<i>Средний размер домохозяйства, человек</i>	<i>2,5</i>	<i>2,4</i>	<i>2,6</i>	<i>2,4</i>	<i>2,4</i>	<i>2,4</i>
<i>в процентах к итогу</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>
1 человека	24,3	28,8	22,5	28,0	30,4	32,2
2 человек	28,8	29,4	28,6	29,7	29,8	28,3
3 человек	24,3	22,9	26,0	24,0	18,9	18,7
4 человек	15,9	13,3	16,3	13,2	14,4	13,4
5 человек	4,6	3,9	4,7	3,7	4,4	4,7
6 человек	1,4	1,2	1,4	1,0	1,4	1,7
7 и более человек	0,6	0,5	0,5	0,4	0,7	1,0

Таблица 6

Уровень образования населения Нижегородской области

ВПН 2002 – 2010 гг.	Человек		2010г. в % к 2002 г.	На 1000 человек	
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.
Все население в возрасте 15 лет и более, в том числе имеют:	3008196	2864863	95,2	1000	1000
<i>Профессиональное образование</i>					
высшее	447892	650003	145,1	149	227
из него послевузовское	–	14582			5
неполное высшее	79225	120625	152,3	26	42
среднее	792829	855600	107,9	264	299
начальное	387986	169636	43,7	129	59
<i>Общее образование</i>					
среднее (полное)	547799	546177	99,7	182	191
основное	430507	310376	72,1	143	108
начальное	288609	180570	62,6	96	63
<i>не имеют начального общего образования</i>	<i>33104</i>	<i>16065</i>	<i>48,5</i>	<i>11</i>	<i>6</i>

Таблица 7

Уровень образования молодежи Нижегородской области

ВПН 2002 – 2010 гг.	Человек		2010 г. в % к 2002 г.	На 1000 человек	
	2002 г.	2010 г.		2002 г.	2010 г.
Все население в возрасте 16–29 лет, в том числе имеют:	732393	697609	95,3	1000	1000
<i>Профессиональное образование</i>					
высшее	82363	164267	199,4	113	235
из него послевузовское образование	–	4566	–	–	6
неполное высшее	49538	89079	179,8	68	128
среднее	177063	164781	93,1	242	236
начальное	100529	42263	42,0	136	61

Общее образование					
среднее (полное)	188934	145247	76,9	258	208
основное	124686	77448	62,1	170	111
начальное	7641	7928	103,8	10	11
не имеют начального общего образования	2291	2641	115,3	3	4

Таблица 8

Население наиболее многочисленных национальностей Нижегородской области
(по данным переписей населения 1989–2010 гг.)

	Тысяч человек			2010 г. в % к 2002 г.	в % к итогу		
	1989 г.	2002 г.	2010 г.		1989 г.	2002 г.	2010 г.*)
Все население	3719.6	3524.0	3310,6	93,9	<i>100.0</i>	<i>100.0</i>	<i>100,0</i>
1. Русские	3522.2	3346.4	3109,7	92,9	<i>94.69</i>	<i>94.96</i>	<i>95,1</i>
2. Татары	58.6	50.6	44,1	87,2	<i>1.58</i>	<i>1.44</i>	<i>1,4</i>
3. Мордва	36.7	25.0	19,1	76,4	<i>0.99</i>	<i>0.71</i>	<i>0,58</i>
4. Украинцы	33.3	24.2	17,7	73,1	<i>0.90</i>	<i>0.69</i>	<i>0,54</i>
5. Армяне	1.8	10.8	13,3	123,1	<i>0.05</i>	<i>0.31</i>	<i>0,41</i>
6. Чуваши	12.2	11.4	9,8	86,0	<i>0.33</i>	<i>0.32</i>	<i>0,3</i>
7. Азербайджанцы	3.2	8.3	8,5	102,4	<i>0.09</i>	<i>0.24</i>	<i>0,26</i>
8. Марийцы	7.9	7.8	6,4	82,1	<i>0.21</i>	<i>0.22</i>	<i>0,2</i>
9. Белорусы	9.3	6.8	4,7	69,1	<i>0.25</i>	<i>0.19</i>	<i>0,14</i>
10. Цыгане	4.3	4.4	4,5	102,3	<i>0.12</i>	<i>0.12</i>	<i>0,14</i>
11. Евреи	12.2	5.3	3,8	71,7	<i>0.33</i>	<i>0.15</i>	<i>0,12</i>
12. Езиды	-	3.1	3,8	122,6	<i>–</i>	<i>0.09</i>	<i>0,12</i>
13. Узбеки	1.7	1.1	3,5	в 3,2 раза	<i>0.05</i>	<i>0.03</i>	<i>0,11</i>
14. Таджики	0.5	1.0	2,1	в 2,1 раза	<i>0.01</i>	<i>0.03</i>	<i>0,06</i>

15. Молдаване	2.4	1.8	1,9	105,6	<i>0.06</i>	<i>0.05</i>	<i>0,06</i>
16. Грузины	1.2	2.2	1,8	81,8	<i>0.03</i>	<i>0.06</i>	<i>0,06</i>
17. Немцы	0.9	1.6	1,2	75,0	<i>0.02</i>	<i>0.05</i>	<i>0,04</i>

*) Удельный вес отдельных национальностей рассчитан от численности лиц, указавших национальность – **3268,2 тыс. человек.**

Таблица 9

Распределение населения Нижегородской области по всем указанным и основному источнику средств к существованию (по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.)

Виды источников средств к существованию	Население по всем указанным источникам, человек		2010 г. в % к 2002 г. по всем источникам	Население по основному источнику в 2010 г., человек	В % ко всему населению, указавшему источники средств к существованию		
	2002 г.	2010 г.			по всем источникам ²		по основному источнику в 2010 г.
					2002 г.	2010 г.	
Трудовая деятельность	1628619	1652019	101,4	1558435	46,2	50,2	47,3
Личное подсобное хозяйство	452054	292075	64,6	19991	12,8	8,9	0,6
Стипендия	45129	42759	94,7	8721	1,3	1,3	0,3
Пенсия (кроме пенсии по инв.)	884071	866809	98,0	735560	25,1	26,3	22,3
Пенсия по инвалидности	116813	120555	103,2	82727	3,3	3,7	2,5
Пособие (кроме пособия по безработице)	332837	151375	45,5	29570	9,4	4,6	0,9
Пособие по безработице	12957	19849	153,2	16725	0,4	0,6	0,5
Др. вид гос. обеспечения	45727	42112	92,1	33684	1,3	1,3	1,0
Сбережения, дивиденды, проц.	7747	8935	115,3	3578	0,2	0,3	0,1

² Превышение 100% за счет лиц, имеющих несколько источников.

Сдача внаем или в аренду имущества; доход от патентов, авторских прав	2607	2361	90.6	715	0,1	0,1	0,0
Иждивение; помощь других лиц; алименты	917140	796430	86.8	754711	26,0	24,2	22,9
Иной источник	44701	922	2.1	871	1,3	0,0	0,0
Не указавшие	404	17716	в 44 раза	65309	0,0	0,5	2,0

**SOZIALARBEITSWISSENSCHAFTLICHE FORSCHUNG:
EIN KURZER EINWURF
ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ:
НЕБОЛЬШАЯ РЕМАРКА**

Horst Bossong
Universität Duisburg Essen

Хорст Боссонг
Университет Дуйсбург-Эссен, Германия

Обсуждается проблема исследовательской практики в различных сферах системы социальной работы современной Германии. В качестве основных исследовательских направлений анализируются нужды отдельных социальных групп, институты и организации, а также поднимается вопрос об оценке эффективности функционирования системы социальной работы в контексте повышения расходов на ее финансирование в последние годы. Делается вывод о бессистемности исследовательской практики, а также о расхождении исследовательских интересов социальной работы как науки и государства как заказчика социальных услуг населению.

Ключевые слова: исследования в социальной работе, эффективность социальной работы, социальная работа в Германии, международный опыт социальной работы

За последние почти 50 лет существенно расширились направления практической деятельности в рамках социальной работы в Германии, в настоящее время существует столько учреждений и занятых в сфере социальной работы – как никогда ранее. Только в благотворительных союзах¹ в период с 1970 по 2008 годы численность занятых увеличилась более чем в 4 раза с 381 888 до 1541829 чел. (BAGFW 2009: 16). Это обусловлено в значительной мере начавшимся в 70-е годы процессом профессионализации социальных работников и социальных педагогов и

связанной с этой экспансивной структуризацией сфер их деятельности. Причем в настоящее время в отношении большинства областей социальной работы еще нельзя говорить о всеобщей (якобы уже завершающейся) успешной профессионализации. Тем не менее, оглядываясь на прошедший 20-й век и учитывая только лишь значительный количественный рост направлений деятельности социальной работы и численности проектов и учреждений, можно говорить о «социально-педагогическом веке» (Thiersch); развитие коснулось и ее программной динамики. Разработка все новых программ так же, как и все усиливающаяся внутренняя дифференциация областей приложения социальной работы приводит, если следовать обычной логике рыночной экономики, к повышению спроса и соответственно к расширению/экспансии. В большинстве федеральных земель Германии в настоящее время на 100 000 населения приходится 100 полных ставок социальных работников/социальных педагогов, а в отдельных областях данное соотношение еще больше: в Гамбурге 200 социальных работников, а в Бремене – 250 на то же количество населения. И, наоборот, уровень безработицы среди данной профессиональной группы с 90-х годов значительно ниже средних показателей (Maier/Spatschek 2008: 10).

Учитывая экспансивно-динамическое развитие практических и профессиональных областей в рамках социальной работы и социальной педагогики, очень актуальным является вопрос о проведении исследований, как минимум, по двум причинам: во-первых, любая дисциплина должна сама критически утвердиться; во-вторых, социальный сектор является экономически и общественно-политически важным, а потому его деятельность и его эффекты должны регулярно проверяться и легитимироваться в связи с большой емкостью потребляемых ими ресурсов. С управленческой точки зрения необходимо также учитывать, что государство должно перепроверять качество предоставляемых своим гражданам услуг: предоставляемые гражданину услуги должны приносить ему пользу, а ни в коем случае не вред. Кроме того, с учетом принципа экономичности и экономности при расходовании государственных средств необходимо стремиться избегать неправильного распределения налоговых поступлений. Иначе говоря, гражданам, нуждающимся или имеющим право на получение помощи, должно быть предоставлено требуемое и необходимое на соответствующем качественном уровне, избегая избыточного, недостаточного или ошибочного предоставления услуги. Все вышеперечисленное обосновывает необходимость исследо-

вательской деятельности. Вопрос только в том, как исследовать и какими они должны быть, эти исследования?

Исследования (в смысле научного рассмотрения) как в отношении социальной работы, так и внутри нее не являются чем-то новым. Фактически всегда существовали оба эти направления: исследования в отношении социальной работы – как взгляд со стороны – традиционно проводились по темам, касающимся обеспечения бедных (сегодня социальная политика и социальная работа) и требовавшим принятия решительных общественных мер. В 19-м и начале 20-го веков, когда в ходе индустриализации социальный вопрос стал особенно актуальным, этими темами занимались в основном экономисты (такие как, например, Karl Heinrich Rau, Wilhelm Roscher, Gustav Schmoller). Они интересовались, в первую очередь, вопросами структуры и организации помощи бедным, а также ее влиянием и возможными сопутствующими воздействиями, вопросами эффективности общественной системы обеспечения бедных по сравнению с добровольной частной помощью. Параллельно с этим в рамках социологических исследований – как один из примеров Георг Зиммель – речь тоже шла о теоретическом анализе информации об общественной и частной системах социального обеспечения бедных, а также освещении условий жизни и труда тех слоев населения, которым угрожает обнищание, или уже находящимся за чертой бедности (сюда же, кроме опубликованного в 1848 году произведения Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» можно отнести и работы Вернера Зомбарта). И, наконец, в контексте профессионализации организованного социального обеспечения в 1920-е годы и даже немного раньше, благодаря развитию научных дисциплин о воспитании (например, Рауль Наторп с его теорией «социальной педагогики», из более поздних представителей – Алойз Фишер), развиваются собственные исследования, инициированные непосредственно в рамках деятельности социальной педагогики и социальной работы (представителями которой являются, например, Алиса Соломон и Кристиан Ясер Клумкер). Они занимались, в первую очередь, вопросами организации деятельности в рамках социального обеспечения, методики и целеполагания профессионального вмешательства, образования и повышения квалификации занятых в социальной сфере и практической организации данного процесса, а также оптимального взаимодействия чиновников и частных учреждений². Подводя итог, можно отметить наличие длительной исследовательской традиции или скорее, развития концепций социальной работы, которые, прежде всего, в последнее время значительно продви-

нулись вперед. Исследования в узком понимании этого слова, а именно в виде специально организованных практических замеров даже и в настоящее время являются скорее исключениями, хотя, видимо, интерес в данном направлении также постепенно возрастает.

В частности, общественные организации-заказчики (государство, муниципальные образования, фонды социального страхования) внесли свой вклад в этот процесс за счет их стимулирующей политики так же, как и большое количество разного рода общественных и частных фондов. Классические же организации, спонсирующие исследования (такие как, например, известный фонд Немецкого исследовательского сообщества [DFG]) лишь в последнее время начали проявлять значимый интерес к исследованиям в рамках социальной работы. В отношении данной тематики до сих пор нельзя не отметить значительных пробелов и дефицитов. Проблема заключается в отсутствии достаточного количества эмпирических исследований, что не позволяет говорить о наличии «доказательной практической деятельности»³ хоть в какой-либо области социальной работы. Достоин сожаления и тот факт, что большое количество неподтвержденных гипотез без проверки принимается в качестве аксиом и, тем самым, делает исследовательскую деятельность в области социальной работы уязвимой.⁴

Научная общественность, связанная с социальной работой, придерживается единого мнения в отношении спектра исследований по тематике социальной работы, который должен включать следующее: 1) исследования институтов и организаций, 2) исследования профессии и практических областей, 3) получателей/клиентов, в том числе и исследования условий жизни и т.д. (подробнее об этом см. Lüders/ Rauschenbach 2001). При этом признается, что необходимо постоянно принимать во внимание взаимосвязь социальной работы с политикой, общественным мнением. Более противоречивы дискуссии относительно того, возможно ли в принципе и как организовать исследования о результатах и эффективности. В отношении этого вопроса как на практике, так и в рамках самой дисциплины мнения сильно расходятся. В качестве одной из причин можно назвать то, что в данной исследовательской области не помешало бы провести экономическую экспертизу, которая до сих пор в социальной работе встречается со скептической подозрительностью или вовсе отвергается (осуждается). Именно поэтому, например, до сих пор ничего не известно о проблеме неправильного распределения ресурсов или вопросах оптимального или оптимизируемого использования ресурсов, а также об экономически значимых взаимосвязях профес-

сионального социального обеспечения и добровольной – индивидуальной или коллективно организованной самопомощи и самозащиты.

Несмотря ни на что, все-таки в последние десятилетия можно отметить значительное повышение степени разработанности данной проблемы. И прежде всего большое количество небольших качественных исследований на основе единичных случаев, а также регулярно запрашиваемые со стороны общественности исследования, сопровождающие разного рода проекты и оценивающие их эффективность, дают возможность получить представление о практической социальной работе (более подробно см. Heiner 2001). С точки зрения методологии, подобного рода исследования представляют собой этнографические, групповые или экспертные интервью или же стандартизированные опросы клиентов или работников. В принципе, данного рода исследования имеют ограниченный радиус охвата и, как правило, не позволяют экстраполировать результаты.

Именно поэтому, несмотря на увеличение количества публикаций за последние десятилетия, тематика социальной работы остается недостаточно проработанной⁵. Один из примеров: не хватает фундаментальных (лабораторных и экспериментальных) исследований в отношении вопросов соответствия, эффективности и адаптации применяемой методологии (интервенционной и коммуникационной) в различных областях практики социальной работы. Имеющийся, зачастую весьма выборочный анализ единичных случаев или небольших групп, не позволяющий делать обобщения, а значит и не дающий требуемых результатов, обуславливает объективную необходимость в сборе достоверных, в т.ч. сопоставимых данных о соответствии и эффективности профессионального вмешательства и предоставляемой помощи, а также проясняющих возможные последствия досрочного прекращения процесса помощи вместо планомерного его окончания. Кроме того, весьма востребованы убедительные исследования, касающиеся вопросов взаимного влияния профессиональной помощи (извне) и индивидуально выбранной самопомощи. Во многих областях практики социальной работы слишком мало имеется информации об «адресной точности» предлагаемых мероприятий: достигают ли предоставляемые услуги тех клиентов, на которых они направлены, и кто в них нуждается в наибольшей степени? Или ими пользуются в основном лица средней степени нуждаемости? Ну и наконец: мы мало знаем о том, действительно ли учреждения социальной работы и предоставляемые ими услуги являются субъективно предпочтительным и (в большинстве своем) добровольно выбранным ме-

стом проработки индивидуальных проблем, и что люди в соответствии с внутренней мотивацией пользуются ими или, наоборот, социальная работа востребована в первую очередь по причине давления извне или вынужденно, из-за отсутствия лучшей альтернативы, может быть, даже и платной. В качестве еще одной проблемы можно обозначить достаточно распространенные на практике самооценки. С научной точки зрения они не представляют никакого интереса, однако, при определенных обстоятельствах способны инициировать процессы саморефлексии в учреждениях и проектах, и потому не являются совсем уж бесполезными, однако, как правило, недостаточными для оценки услуг и эффективности работы учреждения.

В реальности за последние 20 лет появилась тенденция к сбору большого количества мало чего дающей информации и излишнему документированию практически во всех областях практики социальной работы. Это служит, в первую очередь, легитимации в отношении общественных финансирующих организаций. Это затрудняет работу за счет временных потерь и дополнительной нагрузки на персонал и зачастую не способствует накоплению соответствующих научных наработок (сравни: Sommerfeld 2011). Однако полностью от них невозможно отказаться. Все более усиливающаяся юридизация социального сектора (оформление в виде прав и обязанностей, причём не только внутри Германии, но и по всему Европейскому союзу) и наличие финансово-политических или бюджетных ограничений также требуют от социальных учреждений подтверждения услуг в надлежащем порядке. Это распространяется в зависимости от сферы как на помощь в конкретном случае (например, при предоставлении стационарной помощи, индивидуальном обслуживании и уходе), так и на услуги, предоставленные учреждением за весь отчетный период (касается учреждений организации досуга для молодежи, консультационных центров и т.д.: спрос на услугу, загруженность, передача клиентов в другие учреждения и, конечно же, многочисленные социодемографические показатели). Подобные сборы данных и документирование служат исключительно легитимации, т.е. политически ориентированной балансовой отчетности деятельности? Или же стремятся создать и истинную (предпринимательски-) стратегическую балансовую отчетность производительности профессиональных услуг, т.е. заинтересованы в выявлении своих сильных и слабых сторон, рисков и потенциала? Будет ли это представлять собой научную ценность – все это, очевидно, зависит от интересов, намерений, инноваций и добросовестности ответственных за это как в самих

учреждениях, так и в соответствующих руководящих органах власти (последние могли бы быть инициаторами, поощрять и стимулировать такого рода процессы, но они зачастую этого не делают). С целью снижения бессмысленной и ресурсоемкой нагрузки на учреждения и достижения истинного прорыва в области развития профессиональной концепции – в этой сфере необходимы радикальные изменения⁶.

В заключение остановимся еще на одной проблеме исследований в области социальной работы, которую несколько лет назад выявил и описал Саша Нойманн: невозможно не заметить, что «все теоретические высказывания о «социальной педагогике»... сделаны самими же социальными педагогами» (см там же стр. 25), тем самым мы опять возвращаемся к ранее затронутым различиям между исследованиями о социальной работе и исследованиями (в рамках) самой социальной работы. Другими словами, мы анализируем с использованием социологического, экономического, политологического и государственно-научного подхода и инструментария или мы смотрим сквозь ««социально-педагогическую призму»... [и] в рамках социально-педагогической системы координат» (Thole 2005: 38) и можем, следовательно, что-то открыть для социально-педагогической области исследований только в той степени, насколько это соответствует теоретически узаконенным представлениям «науки и реальности» социальной работы» (Neumann, a.a.O.: 287)? И тем самым поднятый вопрос легитимности аксиоматически установленного принятия, как оно было распространено ранее в социальной работе⁷, иногда активно утверждается до сих пор. Такая направленность исследований может, конечно, с точки зрения профессиональной политики, иметь свои преимущества, но она рискует выявлять только то, что так или иначе предполагали найти. Спор по этому вопросу, как и спор относительно данного вопроса в целом, а именно, социальная работа как предмет исследования – не доведен до конца, а остается открытым. И потому многие до сих пор придерживаются мнения, что несмотря на все усилия и подвижки «кажущийся банальным вопрос о том, что же понимать под исследованиями социальной работы – до сих пор остается не проясненным» (Sommerfeld, a.a.O.: 1463; также: Thole, a.a.O.; Lüders/ Rauschenbach, a.a.O.).

Примечание

1. К ним относятся «Союз милосердия» (Благотворительный союз Римско-Католической церкви), «Диаконическое дело» (Благотворительный союз евангелической/протестантской церкви), Благотворительная организация рабочих,

Немецкий красный крест, Паритетный благотворительный союз, Центральная благотворительная организация евреев в Германии. Приведенные данные не учитывают работающих в коммунальных учреждениях и коммерческих организациях.

2. Этими вопросами занимались и более ранние авторы, чаще всего с целью разработки практических концепций, как, например, Эберхард ван Рошов (1789 г.): Попытка организации учреждений для бедняков и искоренение попрошайничества.

3. Аналогично доказательной медицине, основанной на убедительных свидетельствах и доказательствах (примечание переводчика).

4. Особенно наглядный пример – не подвергаемое критике и эмпирически не доказанное утверждение о том, что профессионально организованная помощь или социальная работа изначально являются чем-то хорошим, желаемым и нужным и что, само собой разумеется, есть соответствующая потребность, которая, как утверждается, более или менее регулярно превышает предложение, и что в отношении обеспечения социальной работой (якобы или действительно) нуждающегося следует говорить о заведомо недостаточном охвате услугами.

5. Исследовательские дефициты в отношении социальной работы становятся наиболее явными, если сравнить с тематикой и количеством публикаций, посвященных разработке вопросов, связанных со школой и организацией школьных занятий.

6. Это относится и к тому, что сегодня в рамках понятия менеджмента, ориентированного на результат, обсуждается, что в принципе не является изначально неправильным, но это нужно правильно организовать и при этом учитывать – что целенаправленность менеджмента в высшей степени амбициозна и, как правило, необходимо реализовывать ее в рамках концепции.

7. Приведем один единственный банальный пример: если исходить из того (следуя нормативам, предписаниям, условиям, требованиям), что социально-педагогические процессы помощи сами по себе хороши, полезны и нужны (я хочу подтвердить правильность или отклонить основанную на этом гипотезу), мне кажется очевидным достаточно часто фигурирующее в исследованиях и статистике понятие «прерывание обслуживания». Как каждый видит – тут смешиваются описательное и оценочное высказывание – подход, к которому мы бы не пришли, если бы придерживались нормативной установки. И даже если вместо прерывания речь бы шла о досрочном или внеплановом прекращении обслуживания, продолжает звучать оценочная коннотация, что даже в этом прекращении обслуживания что-то не так, что-то не в порядке. Стоило бы задаться критическим вопросом: план превыше индивида, которого обслуживают, или все-таки должно быть как раз наоборот, или может быть план в смысле определенной программы является зачастую чем-то мешающим? Обобщая, и мне это кажется одним из центральных моментов у Пауля Файерабенда (Paul Feyerabend): подгоняем ли мы наши интересы познания под наши имеющиеся прежние представления (наши теории) и не должны ли мы в большей степени

учитывать другую многогранную, в том числе и непривычную для нас нормативность, или в лучшем случае не делать их структурой нашего всегда на них основывающегося научного интереса. Возвращаясь к вышеназванному примеру, если законченный процесс обслуживания измерять просто в неделях и днях, то напрашивается вопрос, существует ли понятие «дни лишнего обслуживания», которое не дает никакого преимущества и даже, наоборот, влияет контрпродуктивно. Обобщая – где граница предела полезности процесса обслуживания? С точки зрения профессиональных или предпринимательно-политических перспектив все выглядит совсем по-другому, представим себе: предельная выгода достигается через x дней, стандартная программа предусматривает $x+n$ дней, учитывая при этом, что эти $+n$ дни никакой значимой пользы не приносят, с другой стороны, эти $+n$ дни для учреждения выгодны, так как соответствующие клиенты, не учитывая возникающих затрат на их обслуживание, например, очень самостоятельные и стабильные и берущие на себя определенные обязанности, которые в отсутствие такого рода клиентов должны были бы выполняться самим учреждением с большей нагрузкой на имеющийся персонал, и тогда «достоверные» (беспристрастные) исследования с точки зрения самого учреждения, если речь о системе в целом, и с точки зрения профессионально-политической, оказались бы нежелательными (что и является ошибочным и проблемным). Как мы видим, нормативные «шоры» могут быть очень даже выгодными, но только не для науки.

**СОЦИОЗАЩИТНАЯ ФУНКЦИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
SOTSIOZASHCHITNY FUNCTION
OF THE MODERN ORGANIZATION**

М.Ф. Глухова

*Московский городской университет управления
Правительства Москвы*

M.F. Glukhova

Moscow Metropolitan Governance University

Представлены проблемы и возможные варианты социальной защиты работников в современной организации.

The article represents problems and possible options of social protection of workers in modern organization.

Ключевые слова: социальная политика, социальная защита, социальная защищенность, социозащитная функция

Keywords: social policy, social protection, social security, socially protective function

В условиях нарастающих трансформаций и деформаций в различных сферах и сегментах российского общества вопросы социальной защиты граждан относятся к числу наиболее актуальных.

Социальную защиту необходимо рассматривать в качестве важнейшего инструмента социальной политики российского государства, целью которого является создание необходимых условий для функционирования человека, включая удовлетворение его физиологических, социальных и духовных потребностей в процессе жизнедеятельности.

Современное понимание специфики социальной защиты граждан в российском государстве складывается из двух важнейших составляющих. Во-первых, социальной защиты работающего населения, которая формируется и реализуется в рамках государственной системы социального страхования. Во-вторых, социальной защиты лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, развивающейся в рамках социальных программ, мер и мероприятий государственной системы социального обеспечения.

Приоритетность второй составляющей очевидна в контексте социальных обязательств российского государства по отношению к группам и категориям граждан, имеющих право на гарантированный комплекс мер социальной поддержки федерального и/или регионального уровней.

Тем не менее, на фоне развивающегося демографического кризиса и одновременного уменьшения численности трудовых ресурсов актуализируется вопрос о необходимости создания в обществе условий, которые будут способствовать повышению уровня и улучшению качества жизни граждан трудоспособного возраста.

Формирование достойного уровня и качества жизни обеспечивается, в том числе, и развитой системой социальной защиты населения. Актуальная ситуация в данной сфере характеризуется тем, что «реальный уровень социальной защиты работников занижен, а формальный – завышен» [1]. В то время как реальный уровень развития системы социальной защиты проецируется на степень социальной защищенности человека, имеющей объективный и субъективный характер. Данное заключение относится к работающему населению как к основному ресурсу социально-экономического развития конкретной организации и российского государства в целом.

Следовательно, развитие адекватной социальной защиты и достижение социальной защищенности работающих граждан необходимо рассматривать в качестве важнейшего приоритета социальной политики.

Вместе с тем становится очевидным, что функционирующая государственная система социальной защиты работающего населения не может покрыть широкий спектр рисков, сопровождающих процесс жизнедеятельности человека. В данном контексте государственное социальное страхование, призванное обеспечивать сохранение достигнутого уровня жизни человека, не может пока в полном объеме гарантировать полноценную защиту работающего населения от социальных рисков.

С другой стороны, более деятельное участие организаций в формировании собственной структуры социальной защиты работников позволит решить, помимо указанной выше, и другие, не менее важные задачи. Например, повысить мотивацию работника к участию в трудовой деятельности, обеспечить его заинтересованность в квалифицированном и эффективном труде, а также развить корпоративную культуру в организации.

Пренебрежение или минимизация социально-защитной деятельности в организации приводит к профессиональным, личностным и структурным деформациям со стороны работников. Особенно если последнее сопряжено с недостаточностью оплаты труда в организации. К проявлениям перечисленных деформаций можно отнести безразличие работника к процессу и результатам своей трудовой деятельности, отсутствие стремления к профессиональному саморазвитию, постоянный поиск более интересного и/или высокооплачиваемого места работы, личностная неудовлетворенность, эмоциональная нестабильность и т. д.

В данном контексте возникает вопрос о специфике социозащитной функции современной организации, в рамках которой возможно выделить общие и специфичные параметры.

Общие параметры касаются значительной части работников, а их цель состоит в обеспечении равного доступа к социозащитным мерам, гарантированным в данной организации. Указанные меры имеют материальный и нематериальный характер.

В числе материальных мер социальной поддержки наиболее распространены различные выплаты и компенсации, которые выполняют ярко выраженную стимулирующую роль (к отпуску, по итогам года, по результатам выполнения определенного объема работ, к знаменательным датам и др.). С другой стороны, приоритетность компенсационных мер по возмещению вреда пострадавшим на производстве над превентивными мерами является основной причиной обеспечения финансовыми ресурсами профилактических и защитных мероприятий, связанных с охраной труда, по «остаточному принципу» [2].

Немаловажное значение имеет корпоративное социальное страхование, цель которого состоит в компенсации работнику потери дохода или обеспечении дополнительным доходом в случае наступления ситуации риска. Наиболее распространенными ситуациями являются беременность и материнство, болезнь, травма, инвалидность, утрата кормильца, старость и др. Вариантом социальной поддержки человека в ситуации риска могут являться определенные доплаты, величина которых прямо пропорциональна сумме заработной платы и/или количества отработанных лет в данной организации.

Востребованной частью корпоративного социального страхования становится негосударственное пенсионное страхование за счет работодателя, что гарантированно повышает размер пенсионного обеспечения в старости. Добровольное медицинское страхование за счет работодателя чаще всего предлагается в составе социального пакета, что гарантирует работнику оказание более квалифицированного медицинского обслуживания, включая профилактику социально значимых заболеваний и стимулирование здорового образа жизни.

Нематериальные меры обеспечивают доступ к корпоративным предложениям различного рода, а их цели и способы достижения зависят от интересов и возможностей организации. Востребованными являются меры, направленные на формирование коллектива организации, совершенствование профессиональной компетентности работников, повышение эффективности труда. Спектр предложений со стороны работодателя может быть достаточно широким. Например, повышение квалификации работника, сопровождающееся продвижением по карьерной лестнице с получением новых профессиональных возможностей и социальных гарантий. С другой стороны, организация горячего питания или создание условий для занятий спортом и фитнесом воспринимаются как непосредственная забота работодателя о жизненных потребностях работников.

Специфические параметры социозащитной функции современной организации чаще всего касаются определенных категорий работающих граждан, имеющих потребности в особых условиях труда. К числу наиболее востребованных условий относятся следующие: гибкий режим труда, сокращенный рабочий день или рабочая неделя, работа в дистанционном режиме, дополнительный отпуск без сохранения заработной платы. Основными объектами подобных социозащитных мер являются работники, имеющие несовершеннолетних детей, с проблемами здоровья или другими обстоятельствами жизнедеятельности, которые требу-

ют индивидуального подхода в сфере социально-трудовых отношений. В данном контексте значимая роль социозащитной функции организации состоит в недопущении социальной исключенности для граждан, имеющих особые условия жизнедеятельности или некоторые ограничения.

Необходимо отметить, что предложения, формируемые в рамках социозащитной функции организации, зачастую зависят от ее административно-правового статуса. Социозащитная функция организации в государственном секторе может быть минимальной по содержанию и способам реализации в сравнении с негосударственной структурой. С другой стороны, уровень социальной ответственности структур негосударственного сектора может быть неадекватным современным требованиям социальной защиты и запросам работников в данной сфере, обеспечивая в первую очередь интересы работодателя. Не менее важным представляется не только фактор наличия или ограниченности материальных и нематериальных ресурсов в организации, но и рациональность их использования для формирования и реализации социозащитной функции конкретной организации.

Важнейшим условием для формирования социозащитной функции является ее нормативная обеспеченность в виде положений, правил, стандартов, регламентирующих права работников в данной сфере. Не менее существенным механизмом, обеспечивающих действенность мер для формирования корпоративной социальной защиты, является их постоянство, информационная открытость, доступность и дифференцированность.

Социозащитная функция современной организации бесспорно является важнейшим источником, обеспечивающим достижение социальной защищенности работающего населения, способствуя формированию социально-трудовых отношений на принципах социальных гарантий, социальной ответственности и социального партнерства.

Литература

1. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года «Стратегия 2020: Новая модель роста – новая социальная политика». – С. 214. [http:// www.2020strategy.ru](http://www.2020strategy.ru).
2. Мамытов Е. Проблемы формирования систем, стимулирующих улучшение условий труда: Человек и труд. – № 5. – 2012. <http://www.chelt.ru>.

**ПРОБЛЕМЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ,
ДЛИТЕЛЬНО И ЧАСТО НАХОДЯЩИХСЯ
В ЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**
**PROBLEMS OF LIFE ACTIVITY OF ELDERLY PEOPLE WHICH
OFTEN AND FOR A LONG TIME ARE IN HOSPITAL**

Е.В. Глушкова
Ивановский государственный университет
E.V. Glushkova
Ivanovo State University

Обсуждается специфика актуальных проблем пожилых людей, длительно и часто находящихся в стационарных лечебных учреждениях.

The article deals with problems of life activity of elderly people which often and for a long time are in hospital.

Ключевые слова: пожилые люди, проблемы жизнедеятельности, длительно и часто болеющие, стационарное лечебное учреждение

Keywords: elderly people, problems of life activity, be in poor health, hospital

В настоящее время наблюдается устойчивая тенденция увеличения доли людей пожилого возраста в общей численности населения как во всём мире, так и в России. Пожилые люди в теории и практики социальной работы традиционно являются одним из важнейших и самых масштабных объектов изучения и воздействия специалистов. В отечественной науке можно отметить огромное число работ, касающихся проблематики возрастного периода старости, в которых подробно рассмотрены различные аспекты жизнедеятельности пожилых: социально-экономические, социально-бытовые, социально-психологические, социально-медицинские и др.

Несмотря на мощный пласт научных разработок, следует отметить, что актуальность изучения проблем старшего поколения сохраняется в РФ. В первую очередь это относится к сфере медико-социальной работы с данной возрастной категорией ввиду её недостаточной развитости, по сравнению со странами Запада, и малой исследованности на фоне необходимости расширения масштабов такой деятельности в весьма близкой перспективе.

Проблема здоровья, за крайне редким исключением, актуальна для каждого пожилого человека, зачастую вынуждает его длительно и часто находится в стационарных лечебных учреждениях. Стационарных

нар представляет собой обстановку, в которой приходится временно жить пожилому человеку, отрываясь от привычной и комфортной для него социальной среды. Приходится налаживать новые социальные контакты, а в пожилом возрасте это не всегда легко. Необходимость подчинять свои интересы и поведение условиям работы учреждения, иногда невнимательное или излишне покровительственное отношение персонала усугубляет и без того неустойчивое нервно-психическое состояние пожилого человека, усиливает его переживания, страх за свое здоровье и чувство одиночества. Организация деятельности медицинских учреждений в нашей стране в большинстве случаев не способствует улучшению социально-психологического самочувствия лиц старшего возраста, хотя фактор общности может в определенной степени оказать благоприятное воздействие на самочувствие пожилых пациентов.

В связи с вышесказанным актуальным представляется проведение исследования проблем жизнедеятельности пожилых людей, длительно и часто находящихся в лечебных учреждениях, определение перспектив развития социальной работы в данном направлении.

В задачи нашего исследования, проводившегося на базе пульмонологического отделения одной из московских клиник, входило составление социально-демографического портрета пожилых людей, длительно и часто находящихся в лечебных учреждениях. Средний возраст опрошенных составил 73,7 лет, преимущественно это люди со средним и средним специальным образованием, отмечается незначительное преобладание лиц мужского пола. Треть респондентов состоит в браке, почти половина являются вдовцами (вдовами), особенно, в возрастных группах старше 80 лет, у 71% пожилых есть дети и внуки.

Совместное проживание и контакты с родственниками имеют существенное значение в выживании старшего поколения, но такое проживание не всегда гарантирует пожилым людям родственную помощь и защищает от одиночества. Как выяснилось, 1/2 часть респондентов проживает в квартирах, обычно с супругом (супругой) или детьми, 1/3 являются одиноко проживающими, особенно в старших возрастных группах, чем старше респонденты, тем большее их количество проживает в домах-интернатах. Данные исследования позволили выявить две тенденции: немногим более половины пожилых людей часто общаются с родственниками, детьми, внуками и могут опереться на их помощь в трудной ситуации; остальные опрошенные сказали, что видятся с детьми, внуками, родственниками редко, что свидетельствует об

ослаблении семейно-родственных связей в силу различных причин субъективного и объективного характера. Вторая тенденция усиливается по мере старения респондентов.

Анализ актуальных социально-экономических проблем данной группы выявил неудовлетворенность своим материальным положением у подавляющего большинства пожилых, особенно в старших возрастных группах. В качестве основной причины прекращения трудовой деятельности основная часть респондентов указала ухудшение здоровья. По мнению 24% респондентов, они легко адаптировались к новому образу жизни без работы, 33% – с незначительными трудностями, остальные столкнулись с серьезными проблемами, женщины оказались более адаптивными, по сравнению с мужчинами.

Изучая проблемы пожилых людей, невозможно не затронуть аспекта, касающегося восприятия ими старости: положительные представления о данном возрастном этапе отмечаются у 56% респондентов (один из периодов жизни, подведение ее итогов, отдых) у остальных наблюдается негативное восприятие (обуза, болезнь и одиночество), закономерно усиливающееся с возрастом и ухудшением здоровья.

Кроме проблем со здоровьем и материальных проблем респондентов весьма беспокоит одиночество. Круг общения и контактов у половины пожилых людей ощутимо сузился, сохранить его неизменным и расширить удалось 10% (женщинам до 70 лет). В то же время отмечается, что потребность в общении у подавляющего количества представителей старшего поколения увеличивается или остается на прежнем уровне. Опыт переживания одиночества в той или иной степени имеется более чем у половины опрошенных пожилых людей. Ведущей причиной таких состояний является отсутствие/недостаточность контактов с родственниками и друзьями, усугубляют проблему одинокое проживание и возрастные изменения. Выявлен положительный факт: при нахождении в стационарном медицинском учреждении ощущение одиночества отмечается у меньшего количества пожилых, и, главное, снижается его острота.

Изучение специфики нахождения длительно и часто болеющих пожилых людей в стационарном лечебном учреждении показало, что они оценивают состояние своего здоровья как неудовлетворительное и довольно часто обращаются к врачу, с возрастом таких респондентов становится больше. В клинике их чаще всего навещают супруг/супруга, опрошенных старшего возраста навещают реже, особенно, если они проживают с родственниками, а иногда и совсем не навещают. Как по-

казало исследование, длительное и частое нахождение в стационаре способствует расширению круга контактов пожилых людей и снижению остроты переживаний ими одиночества, чаще у мужчин и опрошенных до 80 лет. Общаются пациенты, в основном, с соседями по палате, за все время нахождения в стационаре у половины из них появилось от 1 до 2, а у пятой части – от 3 до 5 знакомых, с которыми они поддерживают постоянные контакты за пределами лечебного учреждения. Такие связи оказывают позитивное влияние на психологическое состояние опрошенных. Пожилые люди высказали пожелания относительно улучшения условий в стационаре, они касаются оборудования каждой палаты телевизором и душем и обеспечения недорогими, технически простыми настольными играми.

С возрастом у большинства представителей старшего поколения возрастает потребность в помощи. В связи с этим нам важно было выявить, как люди старшего поколения оценивают качество получаемых в стационаре медицинских услуг: как показало исследование, респонденты дали отличные и хорошие оценки. Более половины пожилых не пользуются социальными услугами; вполне закономерно, что самым востребованным видом у данной группы является медицинская помощь на дому (30%), преобладают хорошие оценки качества социальных услуг. В качестве самой необходимой 53% опрошенных указали помощь детей, внуков и родственников; весьма ощутима и увеличивается с возрастом потребность пожилых в квалифицированной помощи специалистов – медицинских и социальных работников (соответственно 38% и 34%).

В заключение следует отметить, что в ближайшей перспективе необходимо развивать социально-психологическую и досуговую составляющие медико-социальной работы с длительно и часто болеющими пожилыми людьми как в медицинских, так и в социальных учреждениях.

**МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПАЦИЕНТОВ, ОКАЗАВШИХСЯ В ТРУДНОЙ
ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ**
**MEDICO-SOCIAL RIGHTS OF MINORS PATIENTS, WHO HAVE
FOUND THEMSELVES IN DIFFICULT LIFE SITUATIONS**

И.В. Горская
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
I.V. Gorskaya
Nizhniy Novgorod state University it. N.I. Lobachevsky

Рассматриваются законодательно закрепленные медико-социальные права несовершеннолетних пациентов, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Рассматривается понятие трудной жизненной ситуации и медицинские мероприятия, которые будут проведены с данной категорией несовершеннолетних пациентов.

Discusses the legal medical and social rights of minors patients caught in a difficult life situation. Consider the notion of a difficult life situation and health of the event, which will be held this category of minors patients.

Ключевые слова: медико-социальные права, несовершеннолетние пациенты, российское законодательство, трудная жизненная ситуация, охрана здоровья, медицинская помощь

Keywords: medical and social rights, the juvenile patients, the Russian legislation, difficult life situation, health protection, medical care

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь является конституционным правом граждан [1]. Права несовершеннолетних детей в области охраны здоровья установлены в статье 54 Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 №323-ФЗ (далее ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Следует сказать, что в соответствии со статьей 54 Семейного кодекса Российской Федерации ребенком считается лицо, не достигшее возраста 18 лет – совершеннолетия.

Согласно части 1 статьи 54 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» несовершеннолетние имеют право: на диспансерное наблюдение и лечение в детской и подростковой службах; санитарно-гигиеническое образование, безопасные условия труда и обучения; бесплатную медицинскую консультацию при определении

профессиональной пригодности; получение необходимой информации о состоянии здоровья в доступной для них форме.

Помимо этого в части 2 названной статьи закреплено право несовершеннолетнего на добровольное информированное согласие на медицинское вмешательство или на отказ от него.

Положения статьи 54 Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» получили развитие в статье 10 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», согласно которой в целях обеспечения прав детей на охрану здоровья в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения проводятся мероприятия по оказанию детям бесплатной медицинской помощи в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Такая помощь включает профилактику заболевания; медицинскую диагностику; лечебно-оздоровительную работу, в том числе диспансерное наблюдение; медицинскую реабилитацию детей-инвалидов и детей, страдающих хроническими заболеваниями; санаторно-курортное лечение детей.

Неспособность семьи как социального института обеспечить воспитание и содержание детей является одним из главнейших факторов появления категории детей, находящихся в трудной жизненной ситуации [2].

Специальными нормативными актами определены права данной категории несовершеннолетних пациентов. Приказом Минздравсоцразвития России от 03.03.2011 № 162н (далее приказ № 162н) «О проведении диспансеризации пребывающих в стационарных учреждениях детей-сирот и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации» установлены порядок и правила проведения медицинскими организациями, участвующими в реализации территориальных программ государственных гарантий оказания гражданам России бесплатной медицинской помощи, диспансеризации этих групп граждан.

Перечень детей, на которых распространяется действие приказа № 162н, весьма обширен. Это дети, оставшиеся без попечения родителей; инвалиды; с ограниченными возможностями здоровья (имеющие недостатки физического и (или) психического развития); жертвы вооруженных и межнациональных конфликтов, экологических и техногенных катастроф, стихийных бедствий; дети из семей беженцев и вынужденных переселенцев; дети, оказавшиеся в экстремальных условиях; жертвы насилия; отбывающие наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях; находящиеся в специальных учебно-

воспитательных учреждениях; проживающие в малоимущих семьях; дети с отклонениями в поведении; дети с объективными нарушениями жизнедеятельности в результате сложившихся обстоятельств, которые не могут преодолеть данные обстоятельства самостоятельно или с помощью семьи.

На основании сведений, выявленных в результате диспансеризации ребенка, оказавшегося в трудной жизненной ситуации, врач-педиатр определяет индивидуальную программу профилактических мероприятий, объем необходимого дополнительного обследования, направляет ребенка на дальнейшее лечение (амбулаторное, стационарное, восстановительное) и осуществляет диспансерное наблюдение за ребенком (п. 8 приказа № 162н). При установлении у ребенка заболевания, требующего оказания высокотехнологичной медицинской помощи, его медицинская документация в установленном порядке направляется в орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере здравоохранения для решения вопроса об оказании такой помощи.

Перечень индивидуальных прав пациента установлен статьей 19 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», к ним относятся права, неотделимые от личности пациента:

- право на уважительное, гуманное отношение при оказании медицинской помощи;
- право выбора и замены врача и лечебного учреждения;
- право на качественную медицинскую помощь, соответствующую состоянию здоровья пациента; обследование, лечение и содержание в условиях, соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям;
- право на облегчение боли, связанной с заболеванием и (или) медицинским вмешательством, доступными способами и средствами;
- право на конфиденциальность: сохранение в тайне факта обращения за медицинской помощью, данных о состоянии здоровья, диагнозе;
- право на осознанное согласие и информированный добровольный отказ от медицинского вмешательства;
- право на получение информации о состоянии своего здоровья, выбор лиц, которым в интересах пациента может быть передана информация о состоянии его здоровья;
- право на возмещение ущерба в случае причинения вреда его здоровью при оказании медицинской помощи.

Таким образом, в действующем законодательстве Российской Федерации четко прописаны права в области охраны здоровья несовершеннолетних пациентов, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 25.12.1993г. ст. 41.
2. Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Дети в трудной жизненной ситуации: новые подходы к решению проблем. – М.: 2010 г. – 8 с.

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ: ОБОБЩЕННЫЙ ПОРТРЕТ COMMUNICATIVE COMPETENCE OF A TOP-MANAGER: GENERALIZED PORTRAIT

Долгова Л.А.
Нижегородский институт развития образования
Dolgova L.A.
N. Novgorod Institute for Educational Development

Рассматривается обобщенный портрет руководителя с опорой на коммуникативную функцию управленческой деятельности.

The article tackles one of the possible variants for describing the professional portrait of a top-manager.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, знания, навыки и умения.
Keywords: communicative competence, knowledge, habits and skills.

Владеющий словом владеет людьми
В.И. Кнорринг

Возрастание роли общения в деловом мире в корне меняет требования к руководителю, успешно работающему и имеющему далеко идущие цели. Современный руководитель должен быть человеком высокой культуры и всестороннего образования, он должен владеть разнообразными знаниями, навыками и умениями. Кроме того, любой руководитель должен обладать культурой общения, его речь должна быть построена безукоризненно верно, грамматически и лексически правильно выдержана. Исследователи в области бизнес-коммуникаций называют такое положение в качестве *первой тенденции* повышения успешности

управленческой деятельности (УД). Разработчики говорят, что успешные менеджеры от 70 до 90 % своего рабочего времени «общаются как одержимые». Причем наблюдается удивительная ситуация: происходит усиление роли «неделового» общения (этот тип управления называют «прогуливающийся менеджмент» – walking management), который опосредованно «работает» на улучшение деловых отношений.

Второй тенденцией в деловом профессиональном сообществе называют ослабление роли непосредственного общения и появление телекоммуникаций, интернет-связи, что требует дополнительного усовершенствования языка письменного взаимодействия.

Третья тенденция проявляется в усилении роли общения в процессе создания услуг и интеллектуальных продуктов.

Наряду с этим можно говорить о *четвертой тенденции* в деловом мире – расслоении общества и рождении нового офисного класса («офисных жителей»), говорящих на особом языке.

Перечисленные выше тенденции оказывают влияние на коммуникативный этикет, те речевые и неречевые нормы, позволяющие считать коммуникативный акт перспективным или успешным.

Для уточнения портрета руководителя необходимо изучать не только «деятельность по организации деятельности» других, но и обратиться к структуре самого субъекта управления, в котором можно выделить три основные подсистемы: (Карпов А.В.).

1. Психическая подсистема, в которую входят:

а) когнитивные процессы, обеспечивающие познание внешней среды, ориентировку в ней – *познавательные* (ориентация в окружающем мире; *волевые* (саморегуляция деятельности); *эмоциональные* (отношение к окружающему миру).

Обобщающим проявлением когнитивных процессов, наиболее значимых для организации личности руководителя, будет *интеллект* как интегративное когнитивное образование.

б) регулятивные процессы, направленные на построение, организацию и регуляцию деятельности и поведения.

Они способствуют эффективности *принятия решения* как ведущего процесса организации деятельности.

в) коммуникативные процессы, осуществляющие коммуникативное взаимодействие между людьми.

Коммуникативные процессы обеспечивают *управленческую рефлексию*, т.е. функционирование ведущего механизма коммуникации.

2. Подсистема, включающая психические свойства личности (черты личности плюс их синтетические проявления: характер, темперамент, направленность личности) и психические состояния.

3. Подсистема, охватывающая мотивационную сферу личности.

Из рассуждений становится очевидным, что «портрет» руководителя как сложное интегрированное понятие включает несколько аспектов, а коммуникация имеет «проникающий эффект», обеспечивая профессионализм (компетентность) управленческого работника в целом.

Понятие «компетенция»/«компетентность» пришло в науку достаточно недавно и в переводе с английского означает «способность». Компетентный человек – это человек, обладающий способностью, силой, властью, умениями, знаниями и пр. Коммуникативная компетенция (КК) представляет собой совокупность навыков и умений, необходимых для эффективного общения (Л.А. Петровская), ситуативную адекватность и свободное владение вербальными и невербальными средствами социального влияния (Ю.Н. Емельянов). Иначе говоря, КК – это коммуникативная способность, коммуникативные умения и коммуникативное знание, адекватные коммуникативным задачам и достаточные для их решения; это способность устанавливать и поддерживать необходимый контакт с другими людьми и рассматривается как система внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определенном круге ситуаций (Ю. Рысь, В. Степанов и др.). Она основана на *коммуникативной способности*, которая трактуется двояко: 1) природная одаренность человека в общении; 2) коммуникативная производительность. Люди различаются по своей коммуникативной способности, но можно предположить, что человек достаточно одарен, чтобы развить в себе высокую коммуникативную производительность, даже если он не является врожденным гроссмейстером общения. *Коммуникативные знания* – знания о том, что такое общение, каковы его виды, фазы, закономерности развития: какие существуют коммуникативные методы и приемы, какое действие они оказывают, каковы их возможности и ограничения; какие методы оказываются эффективными в отношении разных людей и разных ситуаций, а также знания о степени развития у себя тех или иных коммуникативных умений и о том, какие методы эффективны именно в своем исполнении, а какие не эффективны. *Коммуникативные умения* – владение способами решения коммуникативных задач: слушания, активизации партнера, регуляции эмоционального напряжения и т.д.

Классификационная упорядоченность коммуникативных умений в составе КК различна. Предлагается выделить в качестве единиц общения – «драму общения» (Е.В. Сидоренко) как трудную задачу, «вызов», с которым нужно справиться. Этих «драм» четыре (по Тарасову В.К.):

1) *слушания* = слушаю, но не слышу (умение слушать другого человека);

2) *понимания* = слышу, но не понимаю (умение понять другого человека);

3) *действия* = понимаю, но сделать не могу (умение действовать соответственно своему пониманию)

4) *самовыражения* = могу сделать сам, но сформулировать, как это делается, не могу (умение выражать свои мысли и чувства).

Формирование КК руководителя предполагает освоение определенной коммуникативной техники (в формате внешнего или самообучения). Владение ей – важный признак профессиональной пригодности тех, чья профессия связана с общением.

В заключении следует вспомнить, что качество КК зависит еще и от того, насколько хорошо руководитель знает, в каких ролях он выступает в процессе общения. Ролевая палитра и полифункциональность обязанностей говорит, что профессионал должен:

1) организовывать и управлять деловым общением (ДО);
2) уметь формулировать и анализировать цели и задачи ДО;
3) знать речевой этикет и уметь его использовать; ставить вопросы и конкретно отвечать на них;

4) владеть навыками и приемами ДО, его тактикой и стратегией;
5) уметь вести беседу, собеседование, деловой разговор, спор, полемику, дискуссию, диалог, дебаты, прения, диспут, круглый стол, деловое совещание, командную деловую игру, переговоры, торги;

6) уметь анализировать коммуникативные конфликты, кризисные ситуации, конфронтации, их диагностировать;

7) уметь доказывать и обосновывать, аргументировать и убеждать, критиковать и опровергать, достигать соглашений и решений, компромиссов и конвенций, делать оценки и предложения;

8) владеть техникой речи, риторическими фигурами и приемами, уметь правильно строить речь и другие публичные выступления;

9) знать служебный этикет и уметь его использовать;
10) уметь с помощью «слова» осуществлять психотерапию, снимать стресс, страх, недоверие собеседника, адаптировать клиента к соответ-

ствующим условиям, корректировать его поведение и оценки, отношение к событиям и заявлениям (Курбатов В.И.).

Изложенное выше представляет лишь предварительный набросок коммуникативной профиограммы, модели, на основе которой руководитель выстраивает свой образовательный маршрут, свою образовательную карту повышения квалификации (образование «через всю жизнь»).

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ЛИЦ, ОСВОБОДИВШИХСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ THE PROBLEM OF SOCIAL SUPPORT TO PERSONS RELEASED FROM THE PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Т.Е. Ерофеева

Казанский государственный медицинский университет

T.E. Erofeeva

Kazan state medical University

Обсуждаются проблемы, связанные с социальным сопровождением лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

In article are discussed the problems associated with the social accompaniment of persons released from the places of deprivation of liberty.

Ключевые слова: социальное сопровождение, бывшие осужденные, адаптация, ресоциализации в обществе.

Keywords: social support, former convicts, adaptation, re-socialization in the society.

Россия занимает одно из первых мест по количеству тюремного населения. По данным ФСИН России за 2011 год, ежегодно из мест лишения свободы освобождаются около 600 тыс. осужденных, из них 140 тыс. в возрасте до 30 лет.

В Российской Федерации пока не существует отдельной структуры, которая обеспечивала бы преемственность в оказании помощи и поддержке человеку при выходе из мест лишения свободы и ресоциализации в обществе. К сожалению, современная ситуация в исправительных учреждениях усугубляется практически полным отсутствием необходимого числа обученных социальных работников-практиков, способных работать с различными категориями осужденных по-новому. В не

меньшем дефиците и социальные работники-теоретики, призванные разрабатывать научную методологию социальной работы в местах лишения свободы.

Актуальность данной проблемы состоит в том, что в наше время, когда кривая преступности, в том числе и рецидивной, неуклонно движется вверх, а пенитенциарные учреждения не исправляют, а только готовят к совершению новых преступлений, вопрос о социальной работе с лицами, содержащимися в учреждениях исполнения наказания, а также освобожденными от наказания, встает очень остро. Если человек не исправится и не адаптируется к нормальной жизни, это приведет к новым девиантным последствиям и, чаще всего, к повторному совершению преступлений. Данная проблема занимает особое место в практике пенитенциарной и постпенитенциарной социальной работы. Это связано с тем, что она ориентирована на исправление осужденных, стимулирование их дальнейшего законопослушного поведения в условиях свободы. Социальное сопровождение может помочь в проблеме адаптации заключенных, т.к. оно облегчит их интеграцию в общество. Но стоит заметить, что социальное сопровождение, скорее всего, реализуется не в должной мере.

Проблематика данной работы выражается в необходимости полноценного социального сопровождения, которое может решить вопрос трудности включенности бывших заключенных в полноценную социальную жизнь общества.

Необходимость социального сопровождения состоит в том, чтобы «поставить на ноги» незащищенные группы людей, попавших в трудную жизненную ситуацию. В процессе социального сопровождения целевая аудитория может получить доступ к медицинским, юридическим и другим услугам и интересующей их информации. Стоит заметить, что большую роль в процессе интеграции человека в общество играет и удовлетворение потребностей физического и психосоциального благополучия, получение образования, трудоустройство, консультирование и многое другое.

Суть процесса социального сопровождения заключается в том, что специалисты социального сопровождения помогают клиентам выявить насущные потребности, сориентироваться в сложной системе сервисных услуг и выработать стратегию, призванную решить актуальные проблемы клиентов.

В работе с лицами, освобожденными из мест лишения свободы, проводятся индивидуальные встречи и групповые занятия, направленные

ные, прежде всего, на профилактику заболеваний и успешную адаптацию клиентов в новую для них социальную среду, осуществляется материальное обеспечение, помощь в поиске жилья и работы, восстановлении документов и социальных связей, т.е. решаются главные проблемы, возникающие у клиентов после выхода из заключения.

В Российской Федерации осуществление социального сопровождения лиц, освободившихся из мест лишения свободы, еще не получило своего распространения. В связи с этим мы сделали следующие предложения.

В настоящем законодательстве нет четкости, сбалансированности, в связи с этим мы считаем, что нужно принять закон, в рамках которого будут отражены основные принципы и стандарты работы с данной категорией граждан. Здесь же должны быть обозначены наименования учреждений и организаций, призванных осуществлять деятельность в отношении лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Примером может служить законодательство стран ближнего зарубежья (Украина, Белоруссия), в которых принято законодательство в отношении социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Мы предлагаем выставлять различные гранты на конкурс, например, направленные на трудовую реабилитацию лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в дальнейшем на помощь в трудоустройстве. Это можно сделать в виде различных мастерских в Центре, курятника (не так давно предлагался грант «Курочка Ряба») и т.д. Это будет способствовать трудовой адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, дополнительной профилактикой социального иждивенчества, социально-негативных явлений, таких как употребление психоактивных веществ, агрессия, аутоагрессия, делинквентное поведение.

**ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ШКОЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
THE ETHICAL-LEGAL ASPECTS
SCHOOL SOCIAL WORK**

И.А. Исакова
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
I.A. Isakova
N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Социальная работа в системе образования начинает свое становление как особое направление сферы социального обслуживания. Социальный работник в

школе – это специалист, призванный объединить усилия семьи, школы, общественности и государства. В период закрепления данной профессии в школах основной акцент должен быть сделан на этико-правовых основах социальной работы, которые в России пока разработаны недостаточно.

Social work in the education system begins its development as a special direction in the sphere of social care. The school social worker is a specialist with a mission to unite the efforts of families, schools, public and government. In the period of fixation of this profession in schools, the emphasis must be placed on the ethical and legal foundations of social work. In the period of fixation of this profession in schools, the emphasis must be placed on the ethical and legal foundations of social work, which in Russia is still poorly developed.

Ключевые слова: социальная работа, школа, ученик, учитель, коллектив, этика

Keywords: social work, school, student, teacher, team, ethics

Современные школы подвергаются модернизации наряду с другими социальными институтами. Преодоление недостатков в их работе невозможно только за счет повышения качества подготовки школьников, необходимо существенно дополнить имеющиеся формы работы. Воспитание ребенка происходит при взаимодействии семьи, школы, общественности и государства. Необходима координация действий всех участников процесса в интересах ребенка. Функцию такого координатора будет выполнять социальный работник.

Школьный социальный работник – это специалист, контролирующий и способствующий защите интересов школьника и его семьи, сопровождение их в сложных жизненных ситуациях, включение их в социальную полезную деятельность, созданию здорового микроклимата в школьном коллективе. Важно подчеркнуть, что школьная социальная работа не ограничивается защитой интересов школьников, в сферу влияния входит семья ученика, классные коллективы, а также учительские и родительские.

Цель социальной работы в школе – активизация клиента, что подразумевает формирование у учеников навыка самостоятельного решения проблем, умения принимать решения и нести за них ответственность, адекватно оценивать имеющуюся информацию, адаптироваться и преодолевать трудные жизненные ситуации. Если в качестве клиента выступает семья ученика, то цели работы остаются неизменными. Если же клиент – это учитель, то социальный работник выступает в роли кон-

сультанта по преодолению конфликтных ситуаций, содействует в профилактике отклоняющегося поведения, препятствует проявлению психического насилия как над учителями, так и учениками, организует социально-психологическую и правовую консультацию для всех субъектов взаимодействия в школе. Социальный работник должен осуществлять поиск форм работы с родителями, организации сотрудничества между самими родителями, между родителями и учителями, а также школьной администрацией. Организация сотрудничества должна выходить за пределы школы и включать различные социальные учреждения, правоохранительные органы, службы здравоохранения и т.п. В связи с этим социальная работа в школе должна начинаться с составления социального паспорта микрорайона, школы, а также паспорта учащихся с особыми нуждами или состоящими на учете. Порой для решения сложных ситуаций социальному работнику приходится опираться не только на имеющиеся у него правовые знания, но и на собственное чувство долга и внутренние ценности.

Эффективность использования ресурсов в социальной работе, их рациональное расходование, изыскание новых, нетрадиционных их видов – одна из главных задач социального работника и его профессиональный долг перед обществом и государством. Это особенно важно при работе в школе, потому что школьная социальная работа является достаточно новой и методологически непроработанной сферой деятельности, со значительными возможностями для проявления инициативы и мобильности. В интересах общества и государства школьный социальный работник должен делиться своими наработками и позитивным профессиональным опытом со своими коллегами, что будет способствовать становлению школьной социальной работы.

Существует долг перед профессией – социальный работник в школе ответственно, максимально выполняет свои обязанности, используя как можно меньше ресурсов. Не все обязанности социального работника могут быть привлекательными, например, в школе следует вести обширную документацию, уделяя этому много времени, порой в ущерб преподавательской работе, но это не дает ему права пренебрегать документооборотом. Необходимо также четко осознавать свои возможности. Работая с подростками, социальный работник порой испытывает гнев, раздражение, обиду. В интересах профессии необходимо уметь справляться с негативными ситуациями, заниматься профессиональной гигиеной и профилактикой синдрома выгорания.

Формирование имиджа профессии возможно только в случае качественного выполнения социальным работником своих обязанностей, а также положительной морально-этической оценки этих действий со стороны коллектива школы, школьников и их родителей, а также школьных общественных организаций, школьных общественных советов или родительских советов.

Школьному социальному работнику в процессе деятельности приходится постоянно сотрудничать с администрацией школы и учителями, способствовать поддержанию стабильности и сплоченности коллектива. Это проблема особенно актуальна в школах, где коллектив в основном женский, психологическая напряженность труда высокая, так же, как и требования к учителям. Социальный работник должен способствовать созданию атмосферы взаимной поддержки и обмена опытом, профилактике эмоционального выгорания, разрешению конфликтов: ученик – учитель, учитель – учитель, учитель – родитель, учитель – директор, учитель – среда. Облегчить взаимодействие может независимость социального работника от администрации школы, что позволит ему сохранить объективность в принятии решений и разрешении конфликтов.

Основным долгом социального работника остается долг перед клиентом, то есть школьником, содействие его наиболее полной самореализации. Значительную роль в школьной социальной работе играют отношения, складывающиеся между социальным работником и родителями, обратившимися отдельно или родительскими коллективами. Специалист всегда видит в социальном окружении своего клиента не только объект воздействия, но и своего союзника в решении проблем клиента, поскольку они заинтересованы в улучшении условий жизнедеятельности своего ребенка или друга.

Долг перед собой – невозможно позволить себе в профессиональной деятельности делать только то, что хочешь, избегать ситуаций вызывающих негативные эмоции. Если школьному социальному работнику нравится рисовать, но не нравится выступать на сцене, это не дает ему права ограничивать учеников, организуя только конкурсы рисунков, должно учитываться всё разнообразие интересов ученика. Если социальный работник в прошлом был ответственным учеником и не любит задр, это не значит, что он может ограничить свое общение с ними или относиться к ним более отстраненно, чем к другим ученикам. Если он встретит учеников, напоминающих ему себя, нельзя допускать фаворитизм в школьной среде, поскольку у детей чувствительность к подобным проявлениям значительно выше, чем у взрослых.

Социальному работнику приходится сталкиваться с трудно разрешимыми противоречиями, искать баланс, полагаясь на собственные представления о позитивном школьном взаимодействии, это повышает объем требований к подготовке подобных специалистов, необходимо совершенствование формирования профессионально-ценностной составляющей деятельности социального работника в школе.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АКТОРЫ
В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ РИСКА
GOVERNMENTAL ACTORS IN THE PROCESS OF SOCIAL
CONSTRUCTION OF RISK**

И.Ю. Киселев, М.А. Щерба
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
I.Y. Kisselev, M.A. Scherba
P.G. Demidov Yaroslavl State University

Обсуждаются результаты исследования роли государственных акторов в социальном конструировании риска. Рассматриваются особенности и причины использования ими определенных механизмов социального конструирования. Исследование проведено на основании изучения явления «свиного гриппа» с помощью стратегии кейс-стади. Использовались различные исследовательские методы: социологический опрос, количественный и качественный контент-анализ.

The article is devoted to the role of governmental actors in the social construction of risk. The peculiarities and reasons for using of certain mechanisms of social construction by the governmental actors are demonstrated. The research was based on the study of the phenomena «swine influenza » through the strategy of case study. The variety of research methods was used: the opinion poll, the quantitative and qualitative content analysis.

Ключевые слова: социология риска, риск, конструирование риска, государственные акторы.

Keywords: sociology of risk; risk; risk construction; governmental actors.

Теория социального конструирования риска основана на идее о том, что риски целенаправленно конструируются социумом в процессе социальных коммуникаций. Разработка модели процесса социального конструирования риска осуществлялась на стыке достижений социологии

риска, теории социального конструкционизма и социологии коммуникаций, ее основаниям стали работы П. Бергера и Т. Лукмана, У. Бека, М. Дуглас, П. Словика, Р. Касперсона, Г. Лассуэла. По структуре модель социального конструирования риска включает ряд элементов и

Механизмов[1]. Механизмы конструирования риска – это сакюризация, институционализация, социальная амплификация и мифологизация. Элементы модели – это информационное сообщение, коммуникационные каналы, социальные условия и механизмы коммуникации, а также социальные акторы конструирования.

Последний из указанных элементов является одним из ключевых в процессе конструирования: задачи и интересы субъектов могут полностью обуславливать процесс конструирования и выбор механизмов, каналов, информационного сообщения и т.д. Вследствие актуальности изучения данного элемента темой работы была выбрана роль государственных акторов в процессе социального конструирования риска. Акцент на государственных агентах сделан вследствие того, что в современности, в том числе в связи с размыванием границ цивилизации и природы, увеличивается количество рисков, в создании и изменении которых участвует государство.

Изучение указанной темы проводилось на основании стратегии кейс-стади. Первый этап исследования, на котором было организовано анкетирование по формализованной анкете, был посвящен выбору характерного сконструированного риска. Вопросы были посвящены оценке страхов и степени вероятности реализации рисков перед рисками из перечня, составленного на основании вторичного анализа данных социологических исследований и включающего 34 риска. На основании положения о том, что высокие оценки опасений риска одновременно с низкими оценками его вероятности могут свидетельствовать о реализации процесса конструирования риска, для дальнейшего изучения был выбран риск «массовые эпидемии, распространение смертельных заболеваний». В качестве конкретного риска для исследования была выбрана одна из самых ярких пандемий прошлых лет – «свиной грипп».

В рамках второго этапа выявлялись характерные особенности использования механизмов акторами, участвующих в конструировании «свиного гриппа», на основании количественного контент-анализа их официальных сайтов, количественного и качественного контент-анализа сообщений данных сайтов, а также общенаучных методов. Для статистической обработки полученных количественных данных использовалась программа SPSS 11.5 for Windows.

Вначале на втором этапе на основании ряда организационных и содержательных критериев определялась выборочная совокупность, которая составила 7 акторов конструирования риска: государственные (Президент России, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, ФБУН Государственный научный центр вирусологии и биотехнологии «Вектор»), коммерческие (это компании Roche, ОАО «Фармстандарт-Лексредства», ООО «НПО Петровакс Фарм») и международные межправительственные организации (это Всемирная организация здравоохранения). Далее с помощью статистических методов анализа данных определялись взаимосвязи акторов и механизмов. Гипотеза о том, что социальным акторам свойственно использовать разные механизмы конструирования риска, проверялась с помощью критерия хи-квадрат. Критерий хи-квадрат рассчитывался для трех случаев сравнения независимых выборок: государственные субъекты и коммерческие организации, государственные субъекты и межправительственные организации, коммерческие и межправительственные организации. При сравнении выборок государственных и коммерческих акторов значение критерия составило 93,92 (2 степени свободы, критическое значение – 9,21, уровень значимости 0,01). При сравнении выборок государственных субъектов и межправительственных организаций значение критерия составило 221,37 (2 степени свободы, критическое значение – 11,345, уровень значимости 0,01). При сравнении выборок коммерческих и межправительственных организаций значение критерия составило 29,99 (2 степени свободы, критическое значение – 11,345, уровень значимости 0,01). Таким образом, гипотеза о том, что социальным агентам, принадлежащим к разным группам, свойственно использовать разные механизмы конструирования риска, была статистически подтверждена.

Далее рассматривались статистические различия в использовании механизмов группами акторов. Сравнилось использование механизмов разными группами: государственными и коммерческими, государственными субъектами и межправительственными организациями, коммерческими субъектами и межправительственными организациями. При кодировке каждому информационному сообщению присваивался порядковый номер, определялась его принадлежность группе акторов, обозначалось число раз использования каждого механизма. Проверка распределения на нормальность показала, что для переменных: «использование амплификации», «использование секьюритизации», «использование институционализации» распределение не является нор-

мальным, поэтому при анализе был использован непараметрический тест Манна-Уитни. Анализ данных показал, что различия между коммерческими и государственными агентами наблюдаются в использовании секьюритизации (значение критерия Манна-Уитни 997,5, уровень значимости 0,013), институционализации (значение критерия Манна-Уитни 977, уровень значимости 0,01). Различия между государственными акторами и межправительственными организациями наблюдаются в использовании секьюритизации (значение критерия Манна-Уитни 430, уровень значимости 0,003), институционализации (значение критерия Манна-Уитни 385, уровень значимости 0,01) и амплификации (значение критерия Манна-Уитни 607,5, уровень значимости 0,031). Для иллюстрации различий в использовании механизмов был введен индекс интенсивности использования механизмов. Индекс рассчитывался как соотношение числа раз использования механизмов к общему числу сообщений. Анализ показывает, что государственные акторы менее интенсивно используют секьюритизацию, чем коммерческие (индекс составляет 1,38 для государственных и 3,76 для бизнеса), и более интенсивно используют институционализацию (значение для бизнеса – 2,2, для государственных субъектов – 6,21, среднее значение индекса – 5,39.)

Далее на основании контент-анализа массива информационных сообщений были рассмотрены качественные различия в использовании механизмов. Анализ показал, что для государственных агентов характерно применение институционализации, которая предполагает закрепление представлений о рисках в социальных институтах и их элементах (нормах, статусах, ценностях). Представления о рисках закреплялись в нормативных положениях государственных институтов о противодействии рискам: в основном перечислялись организационно-методические меры. В частности, организации работы по противодействию распространения вируса сообщения были посвящены все 1689 применений механизма институционализации Роспотребнадзором. В использовании институционализации государственными акторами ярко выделяется следующая особенность: действия против риска соответствовали функциям субъектов. Так, для Роспотребнадзора – это надзор и контроль за соблюдением законодательства в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Реализация действий против риска в рамках реализации собственных функций обуславливает то, что государственным акторам свойственно описание формальных характеристик риска, применение официальных названий вируса и не использование в описании риска эмоциональных, нагнетающих эпитетов.

Литература

1. Щерба М.А. Модель социального конструирования риска // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2011. – № 4. С. 110–115.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ LOCAL SELF-GOVERNMENT THROUGH THE MIRROR OF PUBLIC OPINION

И.Ю. Киселев, Н.В. Киселева
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
I.Y. Kiselev, N.V. Kiseleva
Yaroslavl Demidov State University

На основе результатов социологических исследований крупнейших российских исследовательских организаций анализируются особенности восприятия и оценки органов местного самоуправления населением страны. Исследуя данный фактор делается вывод о возможности использования социологического опроса в оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления.

On the basis of the results of sociological studies of the largest Russian research organizations the peculiarities of perception and evaluation of the bodies of local self-government by the population are analyzed. Exploring this factor we come to the conclusion about the research potential of sociological opinion poll for the assessment of the effectiveness of the bodies of local self- government.

Ключевые слова: местное самоуправление, оценка, удовлетворенность населения.

Keywords: local self-governance, evaluation, satisfaction of the population.

В статье использованы материалы социологических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Исследовательской группы ЦИРКОН и Ярославского центра изучения общественного мнения и социологических исследований.

Местное самоуправление? Сегодня это понятие также часто производится из уст научных работников, представителей власти и ответственности, как и модернизация, инновация, борьба с коррупцией. Однако само понятие «местное самоуправление» вошло в отечественный политический обиход относительно недавно [1, с. 9] и сегодня продолжает наполняться более точным содержанием [2, с. 10]. В научном сообществе и коридорах власти активно обсуждаются вопросы, связанные

Таблица 1

Динамика представлений населения РФ о местном самоуправлении

<i>Вопрос: «Одни считают, местное самоуправление – это представительство государства на местах. Другие считают, что местное самоуправление – это форма самоорганизации населения. С каким мнением – с первым или со вторым Вы согласны?»</i>				
	2003 год [7]	2004 год [8]	2005 год [9]	2008 год [10]
Местное самоуправление – это форма самоорганизации населения, его главная обязанность – предоставлять услуги по запросам жителей города (данное суждение соответствует определению термина «местное самоуправление», данному в гл. 8, ст.130–131 Конституции РФ)	51%	45%	43%	38%
Местное самоуправление – это представительство государства на местах, его главная обязанность – исполнять распоряжения государственной власти, обеспечивать единые стандарты на территории всей страны.	32%	36%	34%	44%

с организацией местного самоуправления, структурой органов местного самоуправления, финансирования местного самоуправления, разграничения полномочий между региональной и местной властью, вовлечения населения в процесс местного самоуправления и т.д. В то же время вопросы понимания населением принципов местного самоуправления практически не рассматриваются. Опираясь на результаты социологических исследований, попытаемся выявить основные представления населения страны – различных социальных групп о местном самоуправлении.

Согласно результатам социологических исследований, в 2008 году лишь 38,0% населения страны (таблица 1) полагали, что местное

Таблица 2

Представления жителей страны о том, кто относится к органам местного самоуправления

<i>Вопрос: «Скажите, а какие органы, на Ваш взгляд, относятся к органам местного самоуправления?» (закрытый вопрос, любое число ответов)</i>	
	2005
Городская или районная исполнительная власть (местное правительство, администрация)	62
Глава муниципального образования (мэр, глава администрации)	58
Городская или районная законодательная власть (Законодательное собрание, Дума, Совет)	48
Администрация области, республики, края	36
Глава области, республики, края	22
Законодательный орган области, республики, края (Законодательное собрание, Дума, Совет)	18
Правительство РФ	4
Президент РФ	3
Затруднились ответить	10

самоуправление – это форма самоорганизации населения, главной обязанностью которого является предоставление услуг по запросам жителей города. Более 40% жителей страны ошибочно считали, что местное самоуправление – это представительство государства на местах, его главная обязанность – исполнять распоряжения государственной власти, обеспечивать единые стандарты на территории всей страны. При этом с 2003 года по 2008 год в динамике восприятия жителями страны местного самоуправления наблюдается доминирующая тенденция к изменению представлений населения в ошибочную сторону. Так, ежегодно с 2003 года 3,0%–5,0% граждан из числа ответивших на вопрос в 2003 году «местное самоуправление – это форма самоорганизации населения...» изменили свое мнение на противоположное. Причина перемены социальных представлений о местном самоуправлении, на наш взгляд, кроется в построении с 2000 годов административной вертикали и проведении реформ, направленных на укрепление властной вертикали.

Знания населения о структуре органов местного самоуправления несколько лучше и глубже – две трети жителей страны в 2005 году отнесли к органам местного самоуправления городскую и районную исполнительную власть, 58,0% глав муниципальных образований, 48,0% городскую и районную законодательную власть. Однако значительная часть граждан, принявших участие во всероссийском опросе, ошибочно отнесли к органам власти администрацию и главу области (республики, края) 36,0% и 22,0% соответственно. Еще 18,0% отнесли к органам местного самоуправления законодательный орган области (республики, края), 4,0% Правительство РФ, 3,0% президента РФ (таблица 2).

Результаты социологических исследований, проведенных на территории России, подтверждают, что большая часть населения страны воспринимает органы местного самоуправления как низшее «звено» государственных органов власти, жители страны имеют смутное представление о том, что такое местное самоуправление, кто к нему относится, какие функции и задачи оно выполняет.

Литература

1. Гильченко Л.В., Замотаев А.А., Пашенцев В.В. Федеральные правовые акты о местном самоуправлении. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 591 с.
2. Ковешников Е.М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. М.: Издательство НОРМА, 2002. 272 с.
3. Указ Президента Российской Федерации от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов».
4. Кашо В.С., Ответственность в системе местного самоуправления: учеб. пособие, 2005. 123 с.
5. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 16.10.2012) «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ)
7. Граждане оценивают местное самоуправление – 2003 (аналитический доклад по итогам опросов общественного мнения исследовательской группой «ЦИРКОН») // www.zigcon.ru
8. Граждане оценивают местное самоуправление – 2004 (аналитический доклад по итогам опросов общественного мнения исследовательской группой «ЦИРКОН») // www.zigcon.ru

9. Граждане оценивают местное самоуправление – 2005 (аналитический доклад по итогам опросов общественного мнения исследовательской группой «ЦИРКОН») // www.zircon.ru

10. <http://wciom.ru/>

11. Басаргин В., Баскакова Ю., Боков М., Бызов Л.Г., Давыдов Л., Михеев С., Петухов В.В., Фёдоров В. Как управлять Россией. Социология одного города. М.: Алгоритм, 2009. 192 с.

**ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО
В ЭКОНОМИКЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ:
ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ
STATE-PRIVATE PARTNERSHIP IN ECONOMICS
OF PUBLIC HEALTH:
INTEGRATION WAYS ON INTERRELATIONS**

Л.Н. Коптева
ГБОУ ВПО НижГМА Минздрава России
L.N. Kopteva
Nizhny Novgorod State Medical Academy

Обсуждаются вопросы интеграции и взаимодействия государственных и частных организаций здравоохранения на современном этапе.

In article are discussed questions of integration and interrelations state and private medical organizations in modern period.

Ключевые слова: государственная система здравоохранения, частные медицинские организации, перспективы взаимодействия.

Keywords: state system of public health, private medical organizations, perspective of interrelations.

В России на современном этапе осуществляется системная модернизация отечественного здравоохранения в рамках Концепции развития 2020, которая, по мнению многих организаторов здравоохранения, не имеет аналогов в международной практике. Необходима новая философия рыночных отношений в здравоохранении, вследствие которой следует тщательно пересмотреть позиции дополнительного привлечения экономических ресурсов (финансовых, материальных, трудовых, информационных) и их эффективного использования. Предпринимательство, по мнению современных экономистов, относится к важнейшим экономическим ресурсам общества (отрасли). Теневая оплата медицин-

ских услуг населением (от 25 до 40%, по данным социологических исследований) не могут рассматриваться как адекватный выход из сложившейся ситуации.

Одним из вариантов решения этой проблемы является переход на экономические методы управления, планирования и создание альтернативных организационно-правовых структур здравоохранения, включая некоммерческие и коммерческие.

Развитие предпринимательства в здравоохранении, экономических методов управления осложняется отсутствием опыта работы коммерческой медицины, медицинским нигилизмом населения, нестабильной финансовой, экономической и правовой ситуацией в России. К настоящему времени можно считать, что коммерциализация медицины состоялась, и происходит дальнейшее развитие новых частных клиник и медицинских центров на различной организационно-правовой основе.

Развитие коммерческих медицинских структур – одна из форм реорганизации системы здравоохранения с целью повышения доступности и качества медицинской помощи населению.

Деятельность по оказанию медицинских услуг является предпринимательской вне зависимости от того, кто ее осуществляет – государственное учреждение здравоохранения или частные медицинские организации; кто ее оплачивает – казна (бюджет или внебюджетные фонды) или любой иной плательщик. Предпринимательство в здравоохранении стало фактом, который невозможно отрицать или не замечать.

Частная система здравоохранения является неотъемлемой частью здравоохранения РФ, потенциал которой в должной мере не востребован государством. Мировой опыт эволюции здравоохранения свидетельствует о том, что частная медицина в большинстве стран мира способна эффективно выполнять задачи по охране здоровья граждан международного и государственного масштаба. Именно частная медицина во всем мире является для государств эффективным ресурсосберегающим инструментом воспроизводства трудового потенциала нации и нуждается в государственном переосмыслении ее значимости в общенациональной системе охраны здоровья граждан. Частная медицина относится к здравоохранению, но никак не к коммерции, поскольку это низкорентабельная, ресурсоемкая, высокзатратная и высокорисковая отрасль социальной сферы. Следовательно, при определении стратегии развития частной системы здравоохранения необходимо исходить из общих норм функционирования социальной сферы.

В качестве частной системы здравоохранения следует рассматривать не систему субъектов – организаций, основанных на частной форме собственности, а систему отношений по оказанию платных услуг, возникающих с целью реализации конституционного права граждан на свободное развитие в сфере охраны здоровья. Субъектами таких отношений могут быть как частные организации здравоохранения, так и те из государственных и муниципальных организаций, которым предоставлено право оказывать платные медицинские услуги.

Тем не менее, существуют объективные факторы общественного неприятия предпринимательства в здравоохранении, каковыми являются:

неуклонное удорожание медицинских услуг; способ распределения прибыли в частных организациях; нестабильность существования коммерческих организаций, осуществляющих медицинские услуги.

Поэтому предпринимательство в здравоохранении не достигает тех социальных результатов, которые могли бы проявиться, будь действие этих факторов оптимизировано государством.

В действительности, объективных причин неприятия предпринимательства в здравоохранении всего две:

- недостаточность общественных средств для оплаты товаров, работ, услуг медицинского назначения в пользу граждан;
- избыточность нормативно-правового регламента и недостаточность правового регулирования оборота товаров, работ и услуг медицинского назначения.

В то же время увеличение объема платных медицинских услуг является дополнительным источником расширения социальных потребностей человека; развитие платных услуг должно дополнять, а не заменять общественные гарантии в здравоохранении; платная медицинская помощь должна рассматриваться лишь как дополнение к эффективно функционирующему бесплатному здравоохранению.

Препятствиями внедрения предпринимательских отношений в сферу медицинских услуг в РФ являются: слабая законодательная база, сильные позиции административно-командных методов управления, непродуманная политика налогообложения, отсутствие реальных стимулов деятельности, несовершенство финансово-кредитного механизма, ресурсные ограничения, а также ограничения, обусловленные платежеспособным спросом.

Пути преодоления препятствий в развитии предпринимательства в здравоохранении должны быть:

- демонополизация существующих структур государственного управления;
- обеспечение правовой защиты производителей и потребителей медицинских услуг;
- содействие формированию обособленных товаропроизводителей, рыночных институтов и структур;
- исключение возможностей недобросовестной конкуренции;
- активизация децентрализованного перераспределения материальных и финансовых ресурсов.

Недавнее Постановление Правительства РФ от 4 октября 2012 г. N1006 н "Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг" в значительной степени снимает остроту вопроса в данной сфере и регулирует порядок и условия предоставления платных услуг как в государственных, так и частных организациях здравоохранения.

Главной целью Концепции развития частной системы здравоохранения РФ, разработанной общественной организацией «Первая общероссийская ассоциация врачей частной практики», является развитие существующей, слабоструктурированной частной системы здравоохранения (ЧСЗ) с постепенным и поэтапным переходом к современной, высокотехнологичной, саморегулируемой системе, которая должна стать полноценным участником национального здравоохранения, способным решать масштабные социально-экономические задачи охраны здоровья граждан.

Основными направлениями развития существующей частной системы здравоохранения являются:

- развитие законодательного и нормативного регулирования деятельности ЧСЗ;
- совершенствование инфраструктуры ЧСЗ (проблема непредсказуемости арендных отношений, отсутствие продуманной инвестиционной политики и государственной поддержки лизинга дорогостоящего медицинского оборудования);
- гарантии прав хозяйствующих субъектов при целевом использовании существующих объектов недвижимости в ЧСЗ.

Основные вопросы экспертного совета Ассоциации:

- совершенствование нормативно-правовых актов с целью развития конкуренции в здравоохранении;
- преодоление административных барьеров при вхождении частных медицинских организаций в систему ОМС;

- мониторинг нарушений антимонопольного законодательства и оперативное реагирование;
- подготовка предложений в Правительство РФ по внесению изменений в законодательство;
- преодоление административных барьеров при вхождении частных медицинских организаций в систему оказания высокотехнологичной помощи.

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ CONCEPTION OF SOCIAL POLICY IN PROGRAMS OF POLITICAL PARTIES

Д.А. Кормщиков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

D.A. Kormshchikov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассматривается один из субъектов социальной политики в современной России – политические партии. Проведен анализ предвыборных программ и выделены наиболее актуальные направления социальной политики в период предвыборной кампании в Государственную Думу в 2011 году.

In article is considers one of the subjects of social policy in modern Russia – political parties. Carried out the analysis of election programs and allocated the most actual directions of social policy during election campaign in the State Duma in 2011.

Ключевые слова: Россия, социальная политика, политические партии.

Keywords: Russia, social policy, political parties.

В результате перехода к рыночной системе и новым общественным отношениям в 1990-е гг. сложились предпосылки для развития нового этапа социальной политики в нашей стране. Наряду с изменениями в принципах оказания помощи нуждающимся, новых форм поддержки, появились и новые субъекты социальной политики в нашей стране. Одним из таких субъектов стала многопартийная система в Российской Федерации, прежде не существовавшая. Ряд исследователей социальной политики в России скептически относится к определению политических партий как одного из субъектов социальной политики по причине доли популизма, присутствующего в программных заявлениях. Тем не менее, участие политических партий в формировании социальной политики

занимает не последнее место, а многообразие концепций развития социальной политики, предлагаемое ими в программных документах, делает актуальным данный обзор.

В первую очередь сосредоточимся на анализе программных документов партий и официальных заявлений представителей в СМИ, сделанных в период предвыборной кампании последних выборов в Государственную Думу РФ в 2011 году. В исследование включены программы четырех наиболее значимых партий в России в настоящее время, а именно «КПРФ» (Коммунистическая Партия Российской Федерации), «ЛДПР» (Либерально – Демократическая Партия России), «Справедливая Россия» и «Единая Россия», которая является наиболее массовой партией в стране. Каждая из партий предлагает предвыборную программу, в которой описываются основные направления, по которым партия готова проводить работу.

Учитывая вариативность и многообразие направлений, предлагаемых каждой партией, считаю необходимым систематизировать приоритетные задачи и направления партий в области социальной политики. Среди таковых были выделены: политика в области трудовых отношений, направления деятельности в области здравоохранения, отношения к семье, материнству и детству как к важнейшему социальному институту общества, молодежная политика (в том числе включающая в себя развитие спорта и досуга данной социальной группы).

Если рассматривать первый пункт, в котором идет речь о политике, проводимой в области труда, то партии «Единая Россия» и «ЛДПР» склоняются, к решению вопроса об улучшении условий труда и повышении заработной платы. «Справедливая Россия» предлагает установить постоянную индексацию заработных плат. Коммунистическая партия не ведет речи о повышении заработной платы. Коммунистам видится необходимым пересмотреть законы, ухудшающие материальное положение граждан, осуществить снижение платы за коммунальные услуги, а также освободить от уплаты налогов граждан с низкими доходами. Стоит отметить, что все описанные партии единогласно отмечают важную роль профсоюзов в регулировании трудовых отношений и необходимость развития данного института.

В области здравоохранения, безусловно, ведется речь о модернизации данной системы наряду с повышением ее качества. В целом, основной упор делается на общедоступность, а также повышение оплаты труда для работников здравоохранения на всех уровнях. Так, например,

Единороссы предлагают выделить 1 млн. рублей в качестве подъемных врачам, которые будут работать в сельской местности.

При анализе программ семейной социальной политики наиболее существенными выглядят действия, предлагаемые партией «Единая Россия». Несомненно, ведущую роль играет выплата материнского капитала, пособие, выплачиваемое многодетным матерям. Помимо этого, стоит выделить внимание к репродуктивному здоровью населения и развитию медицины в данной области.

По мнению «Справедливой России», семьи, практически лишены поддержки, особенно молодые и многодетные семьи. Ввиду этого партией предлагается принять отдельный Закон об основах государственной семейной политики, который регулировал бы важнейшие аспекты деятельности данного направления. «ЛДПР» и «КПРФ» в данном разделе отличаются формальностью своих заявлений и лаконичностью предполагаемых действий, направленных на увеличение рождаемости, обеспечение жильем и льготами семей.

В развитии спорта и молодежной политики более четкие действия прописаны в программе «Единой России», которая в своих рядах имеет большое количество спортсменов высшего уровня, победителей олимпиад и мировых первенств. Разработаны конкретные федеральные программы, такие как «Дворовый тренер», «Школьный спорт» и др. С начала 2000-х сумма, ежегодно закладываемая в бюджет на развитие спорта, увеличилась в 30 раз (от 1 млрд. до 30 млрд. соответственно).

В программе «ЛДПР» развитие спорта и молодежной политики видится следующим образом: в планах партии восстановление детских спортивных школ и усиление пропаганды в данном направлении, наряду с этим будет происходить восстановление работы домов творчества и различных кружков по интересам.

Интересные пути воздействия на молодежь предлагает «КПРФ». Партия считает, что в современных условиях необходимо начинать работу с молодежью как можно раньше. Для этого «коммунисты» выступают за развитие пионерского движения, указывая на хороший опыт подобной работы в некоторых регионах России. В последние годы в этой работе в ряде региональных отделений КПРФ, в первую очередь Московском, Иркутском, Волгоградском, Челябинском, Орловском областных отделениях удалось добиться хороших достижений.

Хотелось бы также отметить предлагаемую агитационную работу, которая будет выполняться в следующих направлениях: популяризация

марксизма, информации о СССР, поддержка популярных среди молодежи потенциально антикапиталистических идейных движений.

Подводя итоги проведенного анализа, можно выделить следующие задачи по обеспечению социального благополучия российского общества:

- улучшение условий трудового процесса и повышение заработной платы;
- повышение пособий нуждающимся слоям населения, таким как пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи;
- работа с молодежью – будущим России;
- развитие спорта и сети учреждений, способствующих творческому развитию личности;
- повышение качества образования в России, выведение качества российского образования на лидирующие позиции в мире.

Для достижения успеха в формировании и развитии социальной политики в нашей стране наиболее важным видится осознание политическими партиями необходимости некоего компромисса между собой и конструктивной критики, ведь только так будут достигнуты хорошие результаты. Избирателям же, в свою очередь, следует, внимательней относиться к программным документам партий и активнее участвовать в политической жизни страны. Каждый избиратель, являясь ячейкой общества, видит потенциал каждой из программ и на основе своих ожиданий о благополучном государстве делает выбор в пользу той или иной партии, а, следовательно, и выбор курса на дальнейшее развитие нашей страны.

Литература

1. Официальный сайт партии Единая Россия. – URL: <http://er.ru/>
2. Предвыборная программа Партии – Политическая партия Справедливая Россия . – URL http://www.spravedlivo.ru/information/section_11/section_54/#2
3. Коммунистическая партия Российской Федерации. – URL <http://kprf.ru/party/program>
4. Официальный сайт ЛДПР. – <http://www.ldpr.ru>

**СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА
ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЛЕКАРСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛЬГОТНЫХ
КАТЕГОРИЙ БОЛЬНЫХ**

**SYSTEM APPROACH AS A METHODOLOGICAL BASIS OF
STUDYING SOCIAL REGULATION OF PROVIDING PATIENTS
ENTITLED TO BENEFITS WITH MEDICINES**

А.М. Кузнецова

Казанский государственный технологический университет

А. Kuznetsova

Kazan state technological university

Обсуждается использование системного подхода в исследовании системы лекарственного обеспечения льготных категорий больных.

The article considers the use of a system approach in studying the system of providing patients entitled to benefits with medicines.

Ключевые слова: льготная категория, системный подход, лекарственное обеспечение, социальное регулирование, внешняя и внутренняя среда, факторы

Key words: entitled to benefits, system approach, provision of medicines, social regulation, outdoor and indoor environment (external and internal environment), factors

Исследование социального регулирования лекарственного обеспечения льготных категорий больных является одним из важных направлений современной социологии.

Теория социальных систем Т. Парсонса позволила сформулировать представление о социальной защите, выполняющей регулярные социальные функции: функцию адаптации, интеграции социума, функцию накопления и перераспределения ресурсов, ценностно-интегрирующую функцию. В исследуемой системе лекарственного обеспечения с применением теории структурного функционализма Р. Мертона выявлены дисфункциональные особенности современного лекарственного обеспечения России, приводящие в результате отклонения от норм, к правонарушениям в системе здравоохранения в целом, и сформулировано авторское понимание лекарственного обеспечения, отражающее сущность социального государственного регулирования в изучаемой отрасли. Общенаучные методы системного подхода позволили рассмотреть

систему лекарственного обеспечения льготных категорий населения во взаимосвязи с внешней средой и ее адаптации к потреблению ресурсов. Установили, что система лекарственного обеспечения является социальной системой, характеризующейся адаптацией и стремится к достижению цели и интеграции. Для этой системы характерна интернализация (поддержание существующего порядка). Таким образом, системный подход при исследовании системы лекарственного обеспечения позволяет рассмотреть систему как единое целое, выявить структуру объекта, характер взаимодействия в структуре между элементами и структуры со средой.

Определяющее воздействие на систему оказывает государство. В системе лекарственного обеспечения действуют различные ограничения, установленные федеральными, региональными и другими нормативными актами. По характеру регулирования нормы зависят от существующей специфики отрасли. Здоровье и жизнь людей зависит от доступности лекарственных средств и тенденций развития фармацевтического рынка, системы управления и регулирования, которые являются инфраструктурой системы лекарственного обеспечения. Фармацевтический рынок занимает особое место в экономической системе любого государства, так как предлагает социально значимые ценности, результатом потребления которых является улучшение качества жизни. Системный подход позволяет представить фармацевтический рынок России как совокупность воздействующих факторов, взаимодействующих субъектов и объектов, деятельность которых направлена на достижение социальных и экономических целей. Фармацевтический рынок является открытой системой и имеет взаимосвязанные составляющие структурные элементы системы (внешняя среда, внутренняя среда, схема «вход-выход», связи между элементами, окружающая среда). Внешний контур системы фармацевтического рынка России формируют факторы глобального воздействия, федерального и регионального воздействия. Макроконтур системы фармацевтического рынка России характеризует степень воздействия федерального уровня на региональный. Однако фактор государственного воздействия на систему лекарственного обеспечения, а особенно на лекарственное обеспечение льготных категорий населения остается доминирующим. Региональный уровень системы лекарственного обеспечения испытывает воздействия внутреннего контура групп факторов: социальных (демографическая ситуация, заболеваемость, уровень доходов населения, потребительские предпочтения). Внутренний контур системы фармацевтического рынка составляют его

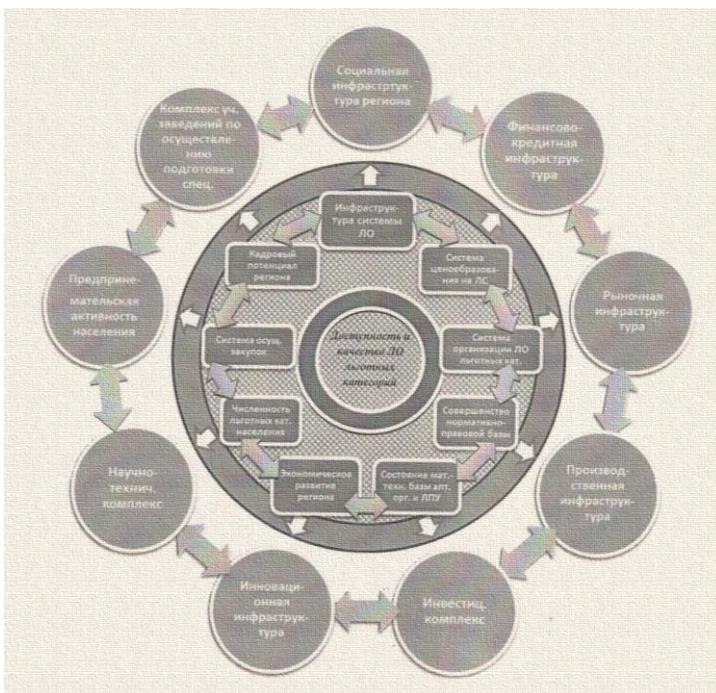

Рис. 1. Взаимосвязь факторов, формирующих условия оказания лекарственной помощи населению

- Инфраструктура и основные компоненты системы ЛО
- Основные компоненты и свойства, формирующие устойчивость региона
- Взаимосвязи между инфраструктурой и основными компонентами
- Стратегическое управление

субъекты и объекты. К субъектам фармацевтического рынка относятся подсистемы: управления и регулирования, представленные органами по осуществлению надзора за фармацевтической деятельностью, контроля качества, эффективности и безопасности лекарственных средств на фе-

деральном и региональном уровнях, производства и распределения, включающая фармацевтические промышленные отечественные предприятия и потребителей (институциональных, промежуточных и конечных). В Республике Татарстан (РТ) источниками финансирования лекарственной помощи являются средства бюджетов федерального и регионального уровней, системы ОМС, личные средства граждан. Финансирование оказания лекарственной помощи в рамках программы ОНЛС и «Семь высокочатратных нозологий» в Республике Татарстан осуществляется из Федерального бюджета, а денежные средства для оказания лекарственной помощи региональным льготникам республики выделяются из бюджета Татарстана. Специализированные аптеки ГУП «Таттехмедфарм» осуществляют отпуск лекарственных средств всем льготным категориям больных. Оптовые фармацевтические организации участвуют в аукционах и торгах по обеспечению лекарственными средствами.

Субъекты рынка оказывают воздействие на объекты рынка: фармацевтические товары и услуги, парафармацевтические товары и т.д. Функционирующая система в результате взаимодействия со структурными элементами приобретает новые свойства и изменение свойств любого из элементов системы лекарственного обеспечения влечет за собой изменение характеристик всей системы в целом.

**ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ В РЕШЕНИИ
ВОПРОСОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ
В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ)
INFORMATION SUPPORT IN ADDRESSING THE ISSUES SOCIAL
PREVENTION IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA
(ON MATERIALS OF REGIONAL MASS-MEDIA)**

Н.А. Лимкина

*ГКУ РМ «Научный центр социально-экономического
мониторинга Республики Мордовия»*

N.A. Limkina

*SIGI RM «Scientific center of socio-economic monitoring
of the Republic of Mordovia»*

Освещается управление общественными отношениями в решении отдельных вопросов социальной профилактики в Республике Мордовия. Анализиру-

ются статьи региональных журналистов, опубликованные в местной прессе и интернет-источниках. Акцентируется внимание на важности взаимодействия средств массовой информации и представителей органов власти для наведения социального правопорядка.

The article is devoted to the management of social relations in solving separate issues of social prevention in the Republic of Mordovia. Examines the articles of the regional journalists, published in the local press and Internet sources. Focuses on the importance of the interaction between the media and the authorities to restore social order.

Ключевые слова: жестокое обращение с несовершеннолетними, информационное пространство, информирование населения, правопорядок, система ювенальной юстиции, социальная профилактика, субъекты социальной профилактики.

Keywords: ill-treatment of minors, information space, public awareness, the rule of law, juvenile justice system, social prevention, the subjects of social prevention.

Изменения в современном информационном пространстве требуют нового осмысления и подходов к процессу информирования населения о деятельности властных структур. Информационная открытость органов власти – принцип государственной информационной политики, фактор, повышающий эффективность управления.

Одной из остро обсуждаемых в средствах массовой информации проблем является социальная профилактика семейного неблагополучия. Целью данного направления деятельности является защита материнства, отцовства и детства.

Федеральный закон от 24 июня 1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [1] устанавливает систему органов и учреждений профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Администрациям муниципальных образований переданы государственные полномочия в сфере защиты прав несовершеннолетних, которые реализуются субъектами системы профилактики.

По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия, численность детского населения республики от 0-17 лет включительно составляет по состоянию на 1 января 2013 года 136733 человек. Республиканскую инфраструктуру детской профилактики составляют 1406 специализированных учреждений и служб, которые обеспечивают поддержку семьям и детям, нуждающимся в государственной помощи и защите [2].

Субъекты социальной профилактики взаимодействуют со средствами массовой информации для привлечения внимания общественности и заинтересованных ведомств к решению значимых проблем общества. В Республике Мордовия только в 2012 году по вопросам защиты прав и законных интересов детей, профилактики правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, социального сиротства в региональных печатных изданиях опубликовано 195 статей, осуществлено 35 выступлений по радио и телевидению, 517 журналистских материалов посвящено проблемам информирования молодежи о последствиях употребления наркотиков [2].

Обозначим наиболее актуальные вопросы социальной профилактики, характерные не только для Мордовии, но и для других регионов России.

Ранняя профилактика семейного неблагополучия. Чем раньше неблагополучная семья выявлена и поставлена на контроль, тем проще решить вопрос о проведении программы индивидуальной профилактической реабилитации. По состоянию на 1 января 2013 года на учете в комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав Мордовии состоят 2787 семей, в которых воспитывается 4316 детей, и 1557 несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении. В 2012 году вновь выявлено и поставлено на учет 305 семей, находящихся в социально опасном положении [2].

Своевременная реакция общественности на неблагоприятную обстановку в семьях способна помочь в наведении социального правопорядка. Ярким примером подобного взаимодействия служит случай, изложенный журналисткой Светланой Чеглаковой в газете «Известия Мордовии».

Первоначальная информация о семье поступила неутешительная: проживает женщина 28 лет с 3-хлетним ребенком, собирает пьяные компании дома, не работает, ребенок грязный и голодный. Проверка показала: все так и есть. Дома застали притон. Нетрезвые люди спали после употребления самогона. Маленький голодный ребенок играл с пластиковой бутылкой самогона. Мальчика немедленно изъяли и поместили в приют, мать привлекли к административной ответственности, установили срок для исправления ситуации. И гражданка, почуввав, что может потерять сына, а затем – и себя, исправила ситуацию: убралась дома, выгнала пьяную компанию, прекратила употреблять спиртное, стала искать работу. «А пить я бросила, – заверила Елена, – ради своего Сашки я на все готова» [3, с. 4].

Алкоголизм, токсикомания и употребление психотропных веществ несовершеннолетними. Проблема существовала всегда. С каждым годом, к сожалению, изменяются только ее масштабы в сторону увеличения. В целом по республике за 2012 год предложено пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании и токсикомании 298 подросткам, 63 из них его прошли. Кроме этого, усилиями всех субъектов профилактики оказана помощь 88 родителям в лечении от алкоголизма и наркомании [2].

По статистике, каждый четвертый школьник Республики Мордовия об алкоголе и его последствиях знает не понаслышке. Данную ситуацию комментирует Людмила Александровна Спирина, главный внештатный специалист по детской наркологии Республики Мордовия: «С наступлением весны увеличилось количество подростков, задержанных правоохранительными органами за распитие спиртного и появление в общественных местах в нетрезвом состоянии. Почему юные приобщаются к алкоголю? Свое пристрастие они трактуют по-разному: «чтобы повысить настроение», «любопытно», «захотелось развеселиться», «приятно пить», чтобы «отключиться», «забыть неприятности» [4, с. 4].

К счастью, проблема наркомании не так актуальна для несовершеннолетних региона, как в мегаполисах. Однако масштабная аудитория употребляющих алкоголь детей и подростков заставляет задуматься над происходящим.

Факты жестокого обращения с несовершеннолетними. Сложность в выявлении фактов жестокого обращения обусловлена: 1) закрытостью семьи, 2) разнообразием форм жестокого обращения (физическое, сексуальное, психологическое насилие, пренебрежение интересами ребенка), 3) страхом ребенка перед своим родителем, 4) случаями невнимательного отношения представителей уполномоченных органов к своим должностным обязанностям по выявлению фактов семейного насилия.

В течение 2012 года в комиссии по делам несовершеннолетних Республики Мордовия поступила информация по 23 фактам жестокого обращения с детьми, по 12 из них возбуждались уголовные дела по ст. 156 УК РФ (неисполнение обязанностей по воспитанию соединенное с жестоким обращением с несовершеннолетним). В результате 10 родителей привлечены к уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ [2].

В 2010 году жительница г. Саранска была ограничена в правах на своего сына из-за гиперопеки. Всю жизнь женщина воспитывала своего мальчика сама и потакала каждой его прихоти. Из-за малейших конфликтов переводила его из одной школы в другую, в итоге ребенок по-

менял 5 образовательных учреждений. Женщина держала подростка на «коротком поводке»: интересовалась каждой минутой его жизни – куда он пошел, когда придет, и т. д., старалась все свободное от его учебы время проводить вместе. При этом мама была уже в возрасте, и взрослеющий мальчик стеснялся появляться с ней в кругу своих друзей, на улице и т. д.

В итоге подросток буквально взбунтовался и начал совершать правонарушения, грубить матери. Та в обиду перестала кормить его, иногда не пускала домой ночевать, и ребенок был вынужден проникать в свою комнату через окно с крыши пятиэтажного дома. Между ними начались скандалы, доходящие до драки, и крушения мебели. В итоге женщину ограничили в родительских правах, а мальчика отдали под опеку родной тетки. Сейчас подросток кардинально изменился, успокоился, перестал совершать правонарушения. Это был довольно сложный случай, так как семья с виду благополучная, но внутренние конфликты угрожали психике и жизни подростка. Изъятие ребенка из семьи – это крайняя мера, которая должна приниматься в исключительных случаях [5].

Проживание несовершеннолетних отдельно от своих родителей. Родители выезжают в более крупные города на заработки, чтобы обеспечить достаток в семье. В случае отсутствия родителей ребенок является официально оставшимся без родительского попечения, не имеющим законных представителей. Действующее законодательство позволяет разрешить ситуацию, назначить законного представителя ребенка на время отсутствия родителей [6]. Однако не всегда родители считают необходимым устанавливать так называемую «добровольную опеку» над своим ребенком, не выделяя существенных выгод.

Средства массовой информации становятся силой, способной повлиять на изменение отношения родителей к своим обязанностям, ведь главным здесь является не только соблюдение прав и законных интересов, но порой и жизнь несовершеннолетнего [5, 7].

Иногда родители проживают раздельно с детьми не из-за материальных проблем, а по собственной воле, со временем теряя родительский инстинкт и связи с ребенком.

Например, несколько лет назад в г. Саранске родительских прав в отношении старшего сына была лишена мать троих детей, непьющая, порядочная, материально обеспеченная женщина. После того, как распался ее первый брак, она передала своего сына на воспитание бабушке, а сама занялась обустройством личной жизни. Вышла второй раз замуж, родила еще двоих детей, но старшего ребенка так к себе и не забрала. В

итоге мальчик рос у бабушки и видел, как мать нежно заботится о младших отпрысках, а о нем полностью забыла, и даже не давала денег на содержание. В итоге суд обязал женщину выплачивать алименты на содержание старшего сына и, при согласии мальчика, лишил ее родительских прав [5].

Организация досуга и занятости несовершеннолетних во внеурочный период. Организация досуговой деятельности подростков является залогом их нравственного и физического развития, условием, существенно влияющим на снижение показателей подростковой преступности. Не всегда родители могут организовать досуг своим детям в силу финансовых обстоятельств, нехватки и времени и других причин.

«Они учатся в обычных школах, живут в обычных квартирах, а свой досуг проводят в полутьме городских подвалов, весьма скромно оборудованных для занятий спортом. Впрочем, официально эти подвалы называются «подростковыми клубами», основной задачей которых является обеспечение досуга детей не очень обеспеченных родителей», – повествует Андрей Марков на страницах еженедельника «Комсомольская правда» [8, с.20].

Первая публикация на эту тему привлекла внимание руководства республики, что повлекло за собой проверки и обследования. Подростковые клубы оказались под угрозой закрытия.

«Зачем отдавать детей на «воспитание» улице?», – задает вопрос А.Марков. Звучат и другие вопросы. Отчего вдруг сразу несколько городских подростковых клубов, в которых занимается больше сотни детей, оказались на грани закрытия? Что будет с воспитанниками клубов, если их все-таки закроют? И наконец, почему этот вопрос так остро встал только сейчас? [9, с. 16].

Автор находит решение проблемы в предоставлении подростковым клубам новых помещений. Освещение данной проблемы в печати позволило обратить на нее внимание не только населения, но и руководства республики, которое не оставило детей без возможности получить дополнительное образование независимо от социального статуса их семей.

Правовая безграмотность и намеренное неисполнение гражданами действующего законодательства о несовершеннолетних. Важно, чтобы общество знало о своих проблемах и ответственности, которую предстоит понести в случае нарушения законности и правопорядка. «За что штрафуют родителей» – так называется заметка в газете «Известия Мордовия» [10, с. 4].

Одними штрафными санкциями злостных алкоголиков испугать сложно. Самостоятельно справиться с алкогольной зависимостью им не под силу, а закодировать без его согласия человека нельзя.

Принудительное лечение сейчас законом не регулируется. Если бы были лечебные профилактические учреждения, куда можно было бы этих алкоголиков помещать, то, по крайней мере, они бы боялись. Такова главная мысль статьи С. Вечкаева «Стакан водки дороже дочери» [11, с.18].

Предлагаются и способы организации профилактической работы. В Ленинском районе городского округа Саранск около 20 лет функционируют Советы общественности при участковых пунктах полиции. Журналист Наталья Голубьёва побывала на одном из заседаний Совета общественности и затем на страницах газеты «Время» поделилась с читателями своими наблюдениями. Индивидуальный подход – один из главных принципов работы данных общественных формирований. Беседы здесь проводят с учетом личности подростка, особенностей его поведения, характера, образа жизни. Решения, принятые здесь, носят, в основном, предупредительный характер: усилить контроль со стороны родителей или места обучения. Дается срок, в течение которого подросток должен исправиться. К счастью, общественное мнение для некоторых пока еще не безразлично [12, с. 5].

Кроме рассказа о деятельности деятельности данных общественных формирований автор подчеркивает их значимость, предлагая законодательно регламентировать их функционирование. Советы общественности важны еще и тем, что сами по себе являются формой гражданского участия в определении законопослушного поведения членов общества. Практически один из элементов новомодной сейчас системы ювенальной юстиции, уходящий своими корнями в советское прошлое.

Введение ювенальной юстиции в России. В 2009 году Президент России Дмитрий Медведев подписал федеральный Закон «О ратификации Европейской социальной хартии от 3 мая 1996 года», что означает обязательное введение в стране ювенальной юстиции и «сексуального просвещения» несовершеннолетних.

Вокруг введения ювенальной юстиции в России споры идут повсеместно. Журналист Ольга Немчинова пытается разобраться в данном вопросе. Прежде, чем вводить в стране ювенальные технологии, необходимо четко определить права и обязанности взрослых и детей. При этом приоритетным должно быть право ребенка на семью. Другой немаловажный момент – кадры. Необходимо подготовить штат професси-

ональных социальных работников, которые будут работать по ювенальным технологиям [5].

Таким образом, средства массовой информации не случайно называют «четвертой властью». Во-первых, они помогают обществу узнать о характере проблем и изменений, которые его ожидают, формируют общественное мнение. Во-вторых, наиболее актуальные вопросы, поднимаемые журналистами, находят положительный отклик у чиновников и решаются незамедлительно. В-третьих, информированные граждане являются силой, оказывающей содействие местным властям в решении текущих вопросов, первичным источником получения оперативной информации, что позволяет предупредить и раскрыть преступления, защитить интересы семьи. Все эти факторы способствуют наведению правопорядка, созданию более гармоничных социальных отношений, повышению авторитета власти в глазах граждан и избирателей.

Литература

1. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».
2. Информация о работе Республиканской, районных и районных в ГО Саранск комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав по реализации Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и Закона Республики Мордовия «Об организации деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Республике Мордовия» в 2012 году. <http://goskomust.e-mordovia.ru/news/view/11308>.
3. Чеглакова С. «Ради ребёнка готова на всё» // Известия Мордовии. 1 августа 2006. С. 4.
4. Данилова В. Почему пьют наши дети // Республика Молодая. 30 апреля 2008. С. 4.
5. Немчинова О. Кому от этого хорошо? // Интернет – журнал «Кругозор». <http://www.krugozormagazine.com/show/kids.1261.html>.
6. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».
7. Чеглакова С. Я у бабушки живу // Известия Мордовии. 1 августа 2006. С. 4.
8. Марков А. Дети подземелья // Комсомольская правда. 14-21 февраля 2008. С. 20.
9. Марков А. Зачем отдавать детей на «воспитание» улице? // Комсомольская правда. 6–13 марта 2008. С. 16.
10. Чеглакова С. За что штрафуют родителей // Известия Мордовии. 1 августа 2006. С. 4.

11. Вечкаев С. Стакан водки дороже дочки // Республика Молодая. 30 августа 2006. С. 18.
12. Голубьёва Н. Советы общественности // Время. 14 марта 2007. С. 5.

**МУНИЦИПАЛЬНОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ГРАЖДАН
(НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОГО РЕГИОНА)**
**MUNICIPAL AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE VIEWS
OF CITIZENS (ON THE EXAMPLE OF THE TVER REGION)**

Э.Ю. Майкова
Тверской государственный технический университет
E.Yu. Maykova
Tver state technical University

Анализируются представления регионального сообщества о роли местного самоуправления и его функциях, о соотношении полномочий органов местного самоуправления и государственной власти; рассматривается степень доверия граждан к данным институтам.

The representations of regional community about a role of local self-management and its functions, about a power parity of autonomous and state bodies are carried out in the article; the degree of civil trust to these institutes is studied.

Ключевые слова: развитие местного самоуправления, государственное управление, представления регионального сообщества.

Keywords: development of local self-management, the government, representations of regional community.

Местное самоуправление (МСУ), являясь сферой объединения интересов граждан, местных сообществ, политических партий, общественных объединений, государства, обладает значительным потенциалом гармонизации взаимоотношений между ними и укрепления социальных связей. Институт МСУ, вовлекая население в деятельность по управлению обществом, способствует становлению правового государства и гражданского общества в современной России.

Однако в сознании большинства российских граждан пока еще преобладают определенные стереотипы по вопросам организации властных структур. К числу существенных проблем, которые вскрыла практика внедрения современной модели МСУ, относится несоответствие уста-

новок законодательства, рассматривающего его как базовый элемент самоуправяемого гражданского общества, и устоявшегося в общественном сознании отношения к органам МСУ как к органам государственной власти низового уровня. Причем, подобного рода отношение свойственно и обычным гражданам, и самим муниципалам, и, в значительной мере, представителям региональной государственной власти. Такое отношение можно считать наследием советского периода с его фактическим отсутствием самого понятия «гражданское общество». Социологические исследования последних лет показывают, что с начала 1990-х гг. восприятие МСУ властью и населением практически не изменилось, и сегодня на разных уровнях власти отсутствует четкое понимание сущности идеи местного самоуправления.

Непонимание роли МСУ приводит к низкой социальной активности граждан, проживающих в различных муниципальных образованиях. По существу, их участие в самоуправлении ограничивается самой простой формой – участием в выборах, при этом значительная часть жителей отказывается и от такой формы активности, не видя в ней смысла. Иные формы непосредственного осуществления населением МСУ, закрепленные федеральным законом № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», остаются практически невостребованными.

Выявление потенциала, тенденций и перспектив развития МСУ в регионах России предполагает проведение эмпирических исследований установок граждан на включение в процессы управления жизнедеятельностью населенного пункта, оценок деятельности различных органов власти, степени доверия муниципальным структурам.

Кафедрой социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета было проведено социологическое исследование с целью изучения отношения населения г. Твери к сложившейся в РФ системе социального управления и месту, занимаемому в ней институтом МСУ. Исследование проводилось в три этапа (2009, 2010, 2011 гг.), объем выборочной совокупности на каждом этапе составил 400 человек (статистическая погрешность – 4%).

В ходе исследования было выявлено, что население г. Твери склонно, скорее, к отождествлению местного самоуправления и местной власти, понимая под МСУ представительство государства на местах (2009 – 29,8%, 2010 – 40,12%, 2011 – 44,07%). Менее половины опрошенных понимают местное самоуправление как форму самоорганизации населения (2009 – 43,36%, 2010 – 46,31%, 2011 – 38,14%), и немалая часть ре-

спондентов испытывает затруднения в трактовке содержания данного феномена (2009 – 26,82%, 2010 – 13,57%, 2011 – 17,8%). Определяя роль органов МСУ в системе государственного устройства, около половины опрошенных граждан видит сущность деятельности местного самоуправления в совмещении интересов государства и местного сообщества (2009 – 51,75%, 2010 – 52,07%, 2011 – 45,88%). И лишь треть жителей г. Твери считает, что МСУ должно быть независимым от государственного контроля и ориентировано, прежде всего, на защиту интересов населения (2009 – 31,75%, 2010 – 35,8%, 2011 – 30,22%).

В целом, жители г. Твери демонстрируют достаточно низкий уровень информированности о функциях органов МСУ и деятельности региональных и муниципальных органов власти (особенно это касается представительных структур). С одной стороны, решение важных вопросов жизни города (организация электро-, тепло-, газо- и водоснабжения и др.), входящих в сферу компетенции МСУ, возложено жителями г. Твери на органы государственной власти регионального уровня. С другой стороны, такие важные функции государства, как установление, изменение и сбор налогов, выплата пенсий и пособий ошибочно рассматриваются большинством тверичей, преимущественно, как функции органов МСУ.

Для выявления потенциала МСУ в регионе немаловажное значение имеет анализ оценок гражданами работы различных органов власти и должностных лиц, а также степени доверия к ним. Так, ниже среднего тверичи оценивают деятельность главы администрации г. Твери (2009 – 29,75%, 2010 – 26,04%, 2011 – 14,56%), работу городской администрации (2009 – 33%, 2010 – 25%, 2011 – 15,93%), деятельность Тверской городской Думы (2009 – 35,75%, 2010 – 28,11%, 2011 – 16,25%), работу мэра г. Твери (2009 – 39,04%, 2010 – 33,73%, 2011 – 15,38%). Наиболее высоко оценивается жителями г. Твери работа органов власти федерального уровня. Более низкие показатели, полученные в ходе оценивания деятельности структур МСУ, свидетельствуют о сравнительно низком потенциале развития данного уровня управления по сравнению с государственным.

В ходе анализа ответов респондентов на вопрос о степени доверия различным органам власти и должностным лицам было выявлено, что наибольшим доверием тверичей пользуется Президент РФ (2009 – 27% от общего количества ответов, 2010 – 27,6%, 2011 – 19,6%). Меньшая степень доверия выражается губернатору области (2009 – 7,6%, 2010 – 10,3%, 2011 – 9,9%) и мэру г. Твери (2009 – 6,1%, 2010 – 10,9%, 2011 – 8,3%). Однако наименьшим доверием городских жителей пользуются

органы представительной власти как регионального, так и муниципального уровней (Законодательное Собрание Тверской области: 2009 – 3%, 2010 – 3%, 2011 – 1,8%; Тверская городская Дума: 2009 – 4,7%, 2010 – 2,9%, 2011 – 5,9%). Следует отметить, что доверие к органам исполнительной ветви власти имеет тенденцию к росту, в то время как степень доверия представительным органам либо остается прежней, либо снижается. Подобную ситуацию объясняют тем, что основная функция представительного органа МСУ как защитника интересов местного населения не реализуется в достаточной степени в муниципальных образованиях, взаимодействие между депутатами и их избирателями не развито. Следствием этого и является, согласно данным социологических опросов, проводимых в различных регионах России, то, что именно представительные органы муниципальных образований лидируют в рейтинге недоверия к органам МСУ [1].

В 2012 году было проведено исследование, ориентированное на анализ отношения населения не только г. Твери, но и Тверской области к деятельности органов власти различного уровня и органов МСУ. Данное исследование в значительной степени подтвердило результаты исследований предшествующих периодов, зафиксировало сохранение ключевых тенденций, выявленных ранее.

Анализ научной литературы и результатов эмпирических исследований позволяет выявить определенную противоречивость существующих тенденций развития МСУ как в целом в России, так и в Тверском регионе, в частности. С одной стороны, доминирующей остается тенденция к централизации власти. Значительная часть муниципального сообщества недостаточно дифференцирует систему МСУ и органы государственной власти, особенно в части существующих полномочий и обязанностей. Основными формами реализации права граждан на управление жизнедеятельностью муниципального образования продолжают оставаться участие в выборах местного уровня и организованных мероприятиях по благоустройству территории. Среди причин сложившейся ситуации необходимо отметить отчужденность муниципальных властей от основной массы населения, правовую неосведомленность граждан в вопросах МСУ, сохранение политической культуры подданнического типа и характерной для нее традиционной пассивной модели политического поведения.

Литература

1. Бутитова Д. Местное самоуправление в системе взаимодействия власти и общества // Власть. 2008. № 4. С. 51–53.

**МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО
ВОЗРАСТА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН
И НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)
MEASURES OF SOCIAL SUPPORT FOR THE ELDERLY
(ON THE EXAMPLE OF REPUBLIC OF TATARSTAN
AND IN NIZHNY NOVGOROD OBLAST**

М.Н. Максимова, А.Ф. Шакирова
Казанский государственный медицинский университет
M.N. Maksimova, A.F. Shakirova
Kazan state medical University

В статье обсуждаются меры социальной поддержки граждан пожилого возраста, а именно сравнительный анализ мер социальной поддержки пенсионеров не льготников на примере Республики Татарстан и Нижегородской области.

The article discusses the measures of social support for the elderly, namely the comparative analysis of measures of social support of pensioners do not beneficiaries on examples of Republic of Tatarstan and in Nizhny Novgorod region.

Ключевые слова: меры социальной поддержки, граждане пожилого возраста, меры социальной поддержки в Республике Татарстан и Нижегородской области, дополнительные меры социальной поддержки.

Keywords: social support measures, elderly citizens, measures of social support in the Republic of Tatarstan and in Nizhny Novgorod region, additional measures of social support.

Современная демографическая ситуация в Республике Татарстан, как и в целом по Российской Федерации, характеризуется тенденцией увеличения доли пожилых людей, что соответствует общемировому процессу старения населения. В Республике Татарстан на 01.01.2012 проживало 1,013 млн. пенсионеров, из них 28,7 тыс. человек – одиноких, 151,6 тыс. человек – одиноко проживающих. При этом 15,2 тыс. человек являются одинокими малообеспеченными и 15,0 тыс. человек – одинокими престарелыми, нуждающимися в постороннем уходе [1].

Цель исследования: проанализировать меры социальной поддержки пожилых граждан в Республики Татарстан и в Нижегородской области.

Принятие федерального закона от 22.08.2004 № 122-ФЗ модернизировало в первую очередь сферу социального обеспечения населения. Реформирование носит системный характер и характеризуются уста-

новлением новых стандартов в системе мер социальной поддержки, заменой натуральных льгот денежной компенсацией.

Законом Республики Татарстан от 08.12.2004 г. № 63-ЗРТ «Об адресной социальной поддержке населения в Республике Татарстан» определены меры социальной поддержки пожилых граждан из числа тружеников тыла, ветеранов труда, реабилитированных лиц и лиц, пострадавших от политических репрессий.

В соответствии с Законом Российской Федерации от 22.08.2004 № 122-ФЗ ответственность за правовое, финансовое обеспечение и предоставление мер социальной поддержки перешла на региональный уровень. В связи с этим проанализируем реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан за счет средств бюджета субъектов Российской Федерации Приволжского Федерального округа (рис. 1). Видно, что Республика Татарстан находится в тройке лидеров (Нижегородская область, Республика Татарстан, Самарская область) по расходам бюджета на меры социальной поддержки, уступая только Нижегородской области [1].

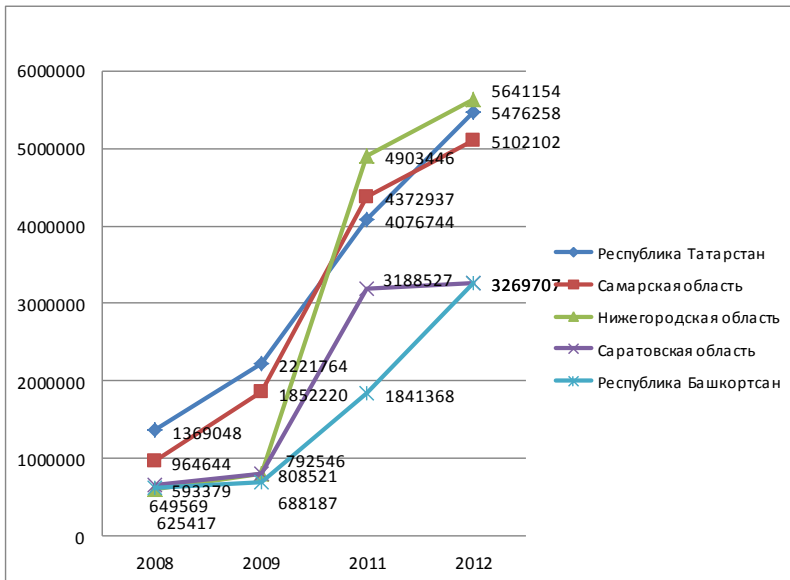

Рис. 1. Расходы бюджета субъектов Российской Федерации

Объем финансирования за счет субъектов РФ увеличивается каждый год. Одна из причин этого – ежегодная индексация денежных выплат льготным категориям населения.

Систем мер социальной поддержки пенсионеров, не относящихся к льготной категории населения (далее – пенсионеры не льготники), определяются на региональном уровне и финансируются из бюджетных средств субъектов РФ. Во многих субъектах РФ социальная поддержка данной категории лиц предоставляется в виде ежемесячной денежной выплаты на оплату проезда городского и внутрирайонного общественного транспорта.

Проведём сравнительный анализ предоставления мер социальной поддержки пенсионерам не льготникам в Республики Татарстан и Нижегородской области.

В настоящее время в РТ проживает 1 044 117 пенсионеров (в 2011 году – 1029916 чел.), что составляет 27,6% от общей численности населения. Численность пенсионеров возрастает.

Основным источником доходов пожилых граждан в РТ является пенсия. По данным пенсионного фонда, уровень пенсионного обеспечения граждан ежегодно растет. Так, например, средний размер пенсии с 2008 года на 2012 год увеличился на 5209,45 рублей (2008 г. – 4153,88 руб.; 2009 г. – 5503 руб.; 2010 г. – 7825,87 руб., 2011 г. – 8419,81 руб., 2012 г. – 9363,33 руб.). Однако, несмотря на проведенное увеличение пенсии, остаются граждане, их – 39 499 чел., размер пенсии которых ниже величины прожиточного минимума пенсионера, который установлен в Республике Татарстан на 2012 год в размере 3957 руб [2].

В соответствии с Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 22.01.2005 г. № 22 «Об утверждении порядка предоставления единого месячного социального проездного билета и единого месячного детского социального проездного билета в Республике Татарстан» с 1 февраля 2005 года пенсионерам, не имеющим право на меры социальной поддержки по нормативным актам Российской Федерации и Республики Татарстан, предоставляется ежемесячная денежная выплата на проезд в размере 361 рублей [3]. Лимит на пользование единым социальным проездным билетом не установлен. Численность получателей денежных выплат на проезд в городском и пригородном транспорте на 2012 год составил 728390, из них пенсионеры – 424767 человек [1]. Это

58,3% от общей численности получателей денежных выплат на проезд на городском и пригородном транспорте.

В Нижегородской области на 01.07. 2012 года проживают пенсионеры – 1 323588 чел.(2011 – 1 23844 тыс. чел, 2010 – 996 292 тыс. чел) [4]. Это 30% от общей численности населения.

Средний размер пенсии составляет на 2012 год – 9 482 руб. (2011 – 8031 руб., 2010 – 7461 руб.). Численность получателей федеральной социальной доплаты к пенсии до прожиточного минимума пенсионеров в Нижегородской области на 01.01.2012 г. составил – 66 903 чел. [4]

Постановление Правительства Нижегородской области от 20.12.2004 № 281 «О порядке реализации Закона Нижегородской области «О ежеквартальной денежной компенсации на проезд для отдельных категорий граждан» так же устанавливает ежеквартальные денежные выплаты [5]. С 1 сентября 2012 года стоимость единого социального проездного билета (автобус, трамвай, троллейбус, метро) составляет 300 рублей и установлен лимит на пользование единым социальным проездным билетом – 39 поездок.

К слову, лимитированное количество поездок по социальному проездному – не новинка. В РТ лимитированные проезд то же пытались вести зимой 2011 года, но по просьбам многих пенсионеров его отменили. Подобная система действует в Удмуртской республике, где льготники за 280 рублей имеют право на 36 поездок. Над введением системы лимитных поездок для пенсионеров не льготников работают в Республике Башкортостан и Чувашии.

При этом стоимость проезда на общественном транспорте в РТ 19 руб., в Нижегородской области 20 руб.

Пенсионеры-не льготники имеют право и на другие меры социальной поддержки, которые отличаются в зависимости от региона. Например, субсидии-льготы на оплату жилья и коммунальных услуг. Но эти льготы они получают как малоимущие граждане в соответствии с федеральным законом от 10.10.1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». Прожиточный минимум в субъектах Российской Федерации предназначается для оценки уровня жизни населения соответствующего субъекта Российской Федерации; при разработке и реализации региональных социальных программ; оказания необходимой государственной социальной помощи малоимущим гражданам (ст. 4). В связи с этим предпринимаются попытки всю систему мер социальной поддержки гражданам, не относящимся к льготной категории, строить в зависимости от дохода. В их число входят пенсионеры.

Численность получателей федеральной социальной доплаты к пенсии до прожиточного минимума составляет в Нижегородской области на 01.01.2012 г. – 66 903 чел., в РТ – 39 499 чел. Надо отметить, что самый большой процент пенсионеров проживают в Нижегородской области (30% от общей численности населения). При этом прожиточной минимум пенсионерам за III квартал 2012 года составил в РТ – 3957 руб.[2], в Нижегородской области – 5141 руб.[2].

Пенсионеры не льготники в РТ имеют право на дополнительные меры социальной поддержки в виде санитарно-курортного лечения. В соответствии с постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 14.02.2011 № 97 «Об утверждении Порядка обеспечения пенсионеров Республики Татарстан санаторно-курортным лечением»[6] путевками на льготных условиях обеспечиваются пенсионеры, постоянно проживающие на территории Республики Татарстан, среднедушевой доход семьи которых не превышает 400 процентов величины прожиточного минимума на душу населения по Республике Татарстан (за исключением граждан, относящихся к категориям населения, имеющим право на санаторно-курортное лечение в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации), при наличии соответствующего медицинского заключения о необходимости в санаторно-курортном лечении.

Анализ показывает, что Республика Татарстан максимально старается заботиться о своих гражданах. Несмотря на то, что в регионе прожиточный минимум ниже, чем в Нижегородской области, стоимость денежных выплат на проезд пенсионерам не льготникам выше, чем в сравниваемых регионах. В РТ не введены лимитированные проезды пенсионерам.

Литература

1. Комплексный информационно аналитический доклад / Татарстанстат. 2012. № 7. // <http://www.tatstat.ru>.
2. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 03.11.2012 г. № 954 «Закон ЗТ от 19.10.2012 г. № 71-ЗРТ «Об установлении на 2013 год величины прожиточного минимума пенсионера в Республике Татарстан для определения размера федеральной социальной доплаты к пенсии» // consultant.ru: КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/>.
3. Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 22.01.2005 г. № 22 «Об утверждении порядка предоставления единого месячного социального проездного билета и единого месячного детского социального проездного билета в Республике Татарстан» // consultant.ru: КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/>.

4. Официальный сайт отделения пенсионного фонда Нижегородской области // URL: http://www.pfrf.ru/ot_nigegor/about/

5. Постановление Правительства Нижегородской области от 20.12.2004 г. № 281 «О порядке реализации Закона Нижегородской области «О ежеквартальной денежной компенсации на проезд для отдельных категорий граждан» // consultant.ru: КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/>.

6. Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 14.02.2011 № 97 «Об утверждении Порядка обеспечения пенсионеров Республики Татарстан санаторно-курортным лечением». consultant.ru: КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/>.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ
СТРАДАЮЩИХ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ
SOCIAL PROBLEMS OF YOUNG PEOPLE SUFFERING
FROM DIABETES**

О.Н. Морозова, М.Ш. Габидуллина
Казанский государственный медицинский университет
O.N. Morozova, M.S. Gabidullina
Kazan State Medical University

Раскрываются основные социальные проблемы молодых людей, страдающих сахарным диабетом.

The article describes the main social problems of young people with diabetes.

Ключевые слова: сахарный диабет, социальные проблемы, молодые люди.

Keywords: diabetes, social issues, Malden people.

Актуальность проблемы определена тем, что сахарный диабет – это одно из самых опасных заболеваний эндокринной системы. А молодежь является важнейшей социально-демографической группой, стратегическим ресурсом развития страны.

У пациентов, страдающих сахарным диабетом, нарушается обмен веществ из-за полного отсутствия секреции гормона инсулина (диабет I типа) или снижения чувствительности клеток к инсулину (диабет II типа).

Согласно статистике сахарного диабета, в мире насчитывается 120-180 млн. людей с этим заболеванием. По официальным данным Министерства здравоохранения в России, в 2013г., зарегистрировано более

трех миллионов больных сахарным диабетом. Фактическое же число больных диабетом больше, больные диабетом второго типа о своем заболевании не знают. В Республике Татарстан людей, страдающих сахарным диабетом, насчитывается более 70 тыс. человек, из них свыше 700 – дети. Ежегодно в республике выявляются более 7 тыс. людей, имеющих повышение сахара в крови.

Изучение социальных проблем молодых людей, страдающих сахарным диабетом, представляет значительный теоретический и практический интерес, что и стало целью нашего исследования.

Объектом исследования стали молодые люди (16-23лет), страдающие сахарным диабетом, проживающие в городе Казань. В работе был использован метод опроса в виде интервью.

Подводя итоги исследования можно сделать выводы, что молодые люди, страдающие сахарным диабетом, сталкиваются с рядом социальных проблем, которые мешают им свободно взаимодействовать с окружающей средой.

Но при этом всего лишь 20% отметили, что у них есть проблемы в отношениях со сверстниками; а 30% отметили наличие проблем в отношениях с родственниками.

Около 55% отметили, что они испытывают проблемы психологического плана, связанные в т.ч. с диабетом, около 30% отметили, что некоторые особенности их характера связаны с диабетом. Например, связывают это с постоянной мобилизацией внимания на контроль диабета, отмечают усиление твердости характера, уверенности в себе, ответственность, но большее количество опрошенных связывают диабет с вспыльчивостью, нетерпимостью, срывами, скрытностью, раздражительностью, изменчивостью настроения.

43% отметили, что редко, но они испытывают потребность в помощи психолога, а у 34% есть опыт сотрудничества с психологом (в т.ч. со школьным психологом).

Около 55% (достаточно высокий процент и в среде совершенно здоровых молодых людей) показали, что у них удачно складывается личная жизнь, однако в двух случаях отметили, что диабетики никому не нужны и неудачны.

Около 43% отметили, что у них были или есть, если они сейчас учатся, проблемы с обучением и связывают их: с быстрой утомляемостью, психологическими проблемами, лабильным течением диабета; с нарушением памяти и внимания; частыми пропусками занятий в связи с повышенной заболеваемостью; с отсутствием льгот на получение образо-

вания (скорее всего, это связано с незнанием своих прав – *авт.*); недостатком денег на получение платного образования. 28% опрошенных отметили, что не удовлетворены полученным образованием, связывают это с ошибкой в выборе будущей профессии.

50% респондентов из числа окончивших обучение отметили наличие проблемы с трудоустройством, связывают это с негуманным отношением при ознакомлении с диагнозом при приеме на работу, отсутствием работы. Основная масса работающих людей довольны своей работой, однако некоторые отмечают, что им тяжело, повышенная утомляемость – около 10%. Все 100% работающих заявили, что не пользуются льготами инвалида, а некоторые пояснили: если узнают – увольт.

88% респондентов отметили недостаточный уровень денежного обеспечения минимальных жизненных потребностей, в т.ч. для качественного лечения, питания, образования; уровень дохода на одного человека в семье до 8 т.р. отметили 78%, причем среди них 42% отметили уровень дохода менее 6т.р. на человека в месяц. При этом около 73% молодых диабетиков считают оптимальным, необходимым уровень дохода не менее 15тысяч рублей.

В отношении же получения диабетических препаратов (инсулинов) практически все 100% отмечают регулярное получение диабетических препаратов, однако около 40% респондентов отметили перебои в обеспечении инсулинами 2-3 раза в год;

55% оценивают работу районного эндокринолога на «хорошо» и «отлично»; 39% – на «удовлетворительно»; 3% – как «неудовлетворительно», 3% отмечают отсутствие эндокринолога в районе.

Только 50% участников отметили наличие у них возможности получить путевки на санаторно-курортное лечение и то с периодичностью от 1 раза в год до 1 раза в 4 года. Остальные отмечают отсутствие такой реальной возможности лечения по причинам: регулярного отсутствия путевок; отсутствие предложений от фонда социального страхования; путевки не предлагают в период студенческих каникул; сложная процедура оформления документов на получение путевок; нет возможности этим заниматься в рабочее время; по причине противопоказаний.

Характерными признаками культуры управления диабетом являются регулярные занятия физическими упражнениями и отсутствие вредных привычек. Если с вредными привычками в молодежной среде относительный порядок, только 16% отметили тягу к курению, то регулярно занимаются физическим тренингом лишь 31%.

Среди других социальных проблем участники исследования отметили следующие: проблема лишнего веса и помощи диетолога; понижение группы инвалидности при росте стажа заболевания.

Отсутствие личной жилплощади; постоянная усталость, состояние апатии; необходимость 1 раз в месяц посещения врача для выписывания рецептов на инсулин; недоступность санаторного лечения; недоступность лекарств для лечения осложнений; недостаток финансовых средств.

Таким образом, мы выяснили основные социальные, экономические, психологические и медицинские проблемы молодых людей, страдающих сахарным диабетом. Для решения этих проблем нужна четкая и структурированная информация для диабетиков. Необходимо создавать группы взаимопомощи, где молодые люди смогут общаться друг с другом и делиться своим опытом.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗА СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТУДЕНТОВ **CHARACTERISTICS OF SOCIAL WORKER IMAGE IN STUDENTS REPRESENTATION**

Т.В. Мосунова

Вятский государственный гуманитарный университет

T.V. Mosunova

Vyatka State University of Humanities

Представлены характеристики образа социального работника в представлении студентов первого курса направления подготовки «Социальная работа».

The article presents characteristics of social worker image in representation of first-year students of department of "Social Work".

Ключевые слова: образ, представление, социальный работник.

Keywords: image, representation, social worker.

Представление человека об окружающем его мире с древнейших времен и по сей день основывается на образах. Под образом в социологии сегодня рассматривается мысленный или вещественный конструкт, представляющий какой-либо объект; целостное, но неполное представление о каком-либо объекте или классе объектов, совокупность типич-

ных видов (способов) жизнедеятельности индивида, социальной группы [1, с. 36].

Социального работника и его профессиональную деятельность очень часто оценивают, руководствуясь сформированными в обществе стереотипами. Зачастую его образ является искаженным и негативным. Например, в Великобритании социальная работа в массовом сознании воспринимается как плохо оплачиваемая профессиональная деятельность, связанная с проблемными семьями и подростками, а в средствах массовой информации Америки социальные работники представлены как европейцы со средним уровнем дохода, которые работают, как правило, в сфере защиты прав интересов детей и часто проявляют свою некомпетентность [2, с.63].

У студентов первого курса базисные представления о профессиональном поле деятельности специалиста формируют институты образования. В процессе обучения студенты получают информацию о профессиональной деятельности социального работника, которую оценивают и соотносят с собой, с выбранной профессией, формируя (изменяя и дополняя) свои личные представления о ней.

В марте 2013 года нами были изучены характеристики образа социального работника в представлении студентов первого курса направления подготовки социальная работа методом сочинений. В исследовании приняло участие 16 студентов.

По мнению 68% респондентов, социальный работник – это специалист, осуществляющий профессиональную деятельность в социальных учреждениях, имеющий высшее профессиональное образование. Он оказывает помощь гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации: гражданам пожилого возраста, малообеспеченным семьям, семьям в ситуации развода и многим другим. Таким образом, среди характеристик образа социального работника студенты отмечают его профессиональную подготовку и широкий круг профессиональной деятельности.

Ведущим мотивом профессиональной деятельности специалиста, по мнению 25% респондентов, является стремление оказывать помощь другим людям справиться с возникшими трудностями.

18% студентов выделяют принципы, которыми должен руководствоваться специалист. Среди них: принцип гуманизма, конфиденциальности, толерантности, универсальности.

Респонденты в своем представлении наделяют образ социального работника такими личностными качествами, как доброта, отзывчивость,

ответственность, понимание. Студенты исключили из личностных качеств корыстность и эгоистичность.

Образ социального работника раскрывается респондентами через отношение к клиенту. Они считают, что в отношении клиента специалист должен быть честным, проявлять вежливость и терпимость.

Представляет интерес возрастные и гендерные характеристики социального работника глазами студентов первого курса. 60% считают, что специалистом по социальной работе должна быть женщина, которая обладает душевностью, умением выслушать клиента, чувством милосердия и сострадания. 18% считают, что специалистом могут работать как и мужчины, так и женщины. По их мнению, мужчины являются расчётливыми и менее сентиментальными.

В 44% сочинениях студенты описывают свои представления о внешнем виде специалиста: 38% из них считают, что социальный работник должен носить форму одежды, требуемую при посещении определённых мероприятий, организаций, заведений; 8% считают, что внешний вид специалиста не имеет значения в профессиональной деятельности.

Таким образом, в представлении студентов первого курса образ социального работника является недостаточно полным и находится в стадии формирования. Он складывается из таких характеристик как:

- профессиональное поле деятельности специалиста;
- ведущий мотив и принципы осуществления профессиональной деятельности;
- гендерные и возрастные характеристики специалиста;
- личностные качества;
- требования к внешнему стилю.

Литература

1. Российская социологическая энциклопедия / Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФА-М, 1998. 672 с.
2. Вишневский, Ю.Р. Профессиональный имидж и престиж социальной работы: моногр. Екатеринбург: УрФУ, 2011. 184 с.

**ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА,
ОТРАЖЕННЫЕ В СМИ**
**PROBLEMS OF CHILD ABANDONMENT
PREVENTION IN THE MEDIA**

Т.Н. Отделкина
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
T.N. Otdelkina
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Анализируются проблемы детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, которые нашли отражение в СМИ за период с 2000 по 2010 гг.

This article focus on the problems of orphans and parentless children which are reflected in the media over the period from 2000 to 2010.

Ключевые слова: дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, социальное сиротство, международное усыновление, тайна усыновления, патронат

Keywords: orphans, parentless children, social orphanhood, international adoption, the mystery of adoption, patronate

Материал, опубликованные в СМИ в период с 2000 по 2010 год по проблеме профилактики социального сиротства, можно классифицировать по следующим темам¹:

1. Государственное регулирование проблем детей-сирот. В рамках этой темы рассматриваются проблемы усыновления российских детей иностранными гражданами, профилактика безнадзорности и проблема тайны усыновления;

2. Государственные органы и организации по жизнеобеспечению и поддержке детей-сирот. В рамках данной темы рассматриваются органы опеки и попечительства и правозащитные организации;

3. Патронат. В рамках данной темы рассматриваются основные характеристики данной формы семейного устройства, ее плюсы и минусы.

Существует много проблем, которые поднимаются авторами в рамках темы о социальном сиротстве. Одной из таких проблем является усыновление иностранными гражданами российских детей. На эту тему

¹ В 2010 году автором было проведено контент-анализ печатных СМИ. Через программу Lекта было обработано 300 газетных статей федерального и регионального уровней и составлен словарь из 130 ключевых слов.

существуют две оппозиционные точки зрения, однако основной массив авторов высказывается «против». Это объясняется тем, что, отдавая ребенка иностранным усыновителям, его дальнейшую судьбу практически невозможно контролировать. В связи с этим увеличилось число детей, которые оказались в ситуации домашнего насилия.

Основные аргументы противников усыновления детей иностранцами основаны на опасениях относительно дальнейшей жизни ребенка: "невозможно проконтролировать судьбу детей, усыновленных иностранными гражданами" (40%), "дети могут стать жертвами криминальных структур" (35%). Еще 35% просто считают, что дети должны усыновляться только соотечественниками.

Основными экспертами, которые высказывались по данной теме в прессе, были Сергей Фридинский – в то время заместитель Генпрокурора РФ и Альберт Лиханов – председатель Российского детского фонда, писатель.

Помимо этого, многих авторов интересует вопрос тайны усыновления. Как известно, в нашей стране тайна усыновления ребенка охраняется законом. Практика же изобилует примерами грубого и бесцеремонного нарушения этой тайны на фоне постоянных дебатов педагогов, психологов, законодателей о необходимости её отмены по примеру других стран. Авторы статей пытаются дать понять читателю, что речь идёт о неразглашении абсолютно никаких сведений сотрудниками тех организаций, которые по роду своей профессиональной деятельности имеют отношение к усыновлению, а не о стремлении приёмных родителей скрыть от своего ребёнка, пусть и не кровного, историю его появления в семье.

Тайна усыновления закрывает возможность социального контроля за соблюдением прав и законных интересов ребенка-сироты. К сожалению, необходимость социального контроля не закреплена законодательно. Необходима новая форма проверки соблюдения прав усыновленного.

Авторами уделяется внимание проблеме профилактики безнадзорности несовершеннолетних. Отмечается, что Российское законодательство в данной сфере нуждается в следующей доработке: комиссиям по делам несовершеннолетних разрешить обращаться в суд с заявлениями на неблагополучные семьи. Если родители несовершеннолетних россиян тратят деньги не на детей, а на алкоголь и наркотики, им самим может быть назначен опекун. Помимо этого предлагается наделить комиссии правом обращаться в суд с заявлениями "об ограничении родителей в деес-

способности вследствие злоупотребления ими спиртными напитками и наркотическими средствами".

Однако стоит отметить, что работа по профилактике в данной сфере должна начинаться с общеобразовательных учреждений, поэтому надо говорить о необходимости социального работника в школе. Здесь можно говорить о двух подходах: социальный работник сотрудничает со школой; социальный работник является её штатным работником. Сотрудничая со школой, прикрепленный социальный работник часто посещает школу, помогает родителям и школьникам в нормализации отношений, выясняет причины непосещений учениками школы. Он выявляет семьи, где жестоко обращаются с детьми, детей, отстающих в физическом и умственном развитии, страдающих от обездоленности. Чтобы помочь ребёнку или семье, он привлекает юриста, врача, работников милиции, полиции. От школьного врача он узнаёт о длительной болезни ребёнка, её причинах и, чтобы предотвратить отставание в учёбе, помогает заниматься дома или в больнице. Данный вид профилактики будет являться наиболее эффективным, так как выявляет проблемы на ранних этапах их зарождения.

Однако в некоторых статьях можно обнаружить критику органов опеки и попечительства. Авторы констатируют, что некоторые органы опеки не справляются со своими задачами и не контролируют факты жестокого обращения с детьми. В частности, отражение данных проблем находим в статьях об Архангельской области и Ставропольском крае. В московских газетах отмечается проблема превышения полномочий органами опеки.

Как следствие, в прессе идет обсуждение вопроса о том, чтобы органы опеки могли делегировать часть своих полномочий некоммерческим организациям. Отмечается, что некоммерческие организации могут выполнять работу, с которой не справляются органы опеки, а именно сопровождение кризисной семьи, выпускников детских домов и интернатов, а также общественный контроль за интернатными учреждениями и др.

Помимо некоммерческих организаций на помощь детям-сиротам, выпускникам детских домов приходят и правозащитные организации.

Основные направления их деятельности:

- социально-правовая помощь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (консультации, взаимодействие с государственными органами и административными структурами, привлечение СМИ);

- внедрение новых моделей организации работы по профилактике семейного неблагополучия, детской безнадзорности и социального сиротства и по развитию семейных форм воспитания детей-сирот;
- распространение прогрессивного опыта российских регионов;
- организационно-методическое обеспечение программ проживания детей-сирот в семьях граждан в период каникул.

В прессе они имеют обезличенный вид, то есть в основном не называются конкретные организации, кроме организации «Право ребенка», которая развивает такие программы, как «Право ребенка на семью», «Помоги детям России».

Живо обсуждаемой темой в прессе является патронат. Одним из главных отмечаемых моментов, что патронат дает родителям профессиональное сопровождение работниками образовательных, медицинских организаций и организаций, оказывающих социальные услуги: психологи и воспитатели следят за жизнью семьи и помогают найти взаимопонимание. Данная форма может быть эффективно использована как промежуточная форма перед усыновлением. Родители, не решавшиеся сразу брать на себя полную ответственность за судьбу неродного ребенка, могут принять помощь специалистов, используя патронат.

Однако противники этой формы опеки считают, что детей будут брать на воспитание только ради денег, так как за патронатное воспитание предусмотрено денежное вознаграждение.

В связи с этим выделяют положительные и отрицательные стороны патронатного воспитания. К плюсам относятся: возможность поместить в семью патронатного воспитателя ребенка, не имеющего статуса; наличие менее жестких требований к кандидатам; на ребенка выплачивается содержание, предоставляются льготы по транспортному обслуживанию, жилью и др. К минусам патронатного воспитания относят: работу по планам Уполномоченной службы, постоянный контроль и отчетность за воспитание и расходование средств; ребенок может быть изъят из семьи воспитателя в любой момент по решению Уполномоченной службы; контакты с родителями и родственниками ребенка, как правило, обязательны, и их регламент определяется Уполномоченной службой.

Таким образом, проведя анализ газетных статей, можно сказать, что в основном они имеют описательно-информационный характер. Статьи, посвященные проблемам детей-сирот, чаще встречаются в федеральных газетах, чем в региональных (в среднем 1 раз в год). Исключение составляет региональная газета «Вечерняя Москва», в которой статьи

также помещаются каждый год. Из федеральных газет можно выделить «Московский комсомолец», «Правда», «Российская газета», «Труд», «Трибуна». Однако в последних двух периодичность выпуска статей меньше. Это может быть связано с тематиками газет: тематика газеты «Трибуна» в основном посвящена экономике и политике, событий спортивной жизни и культуры; газета «Труд» направлена на помощь читателям в строительстве карьеры, и общеностной и событийный блок составляет в ней малый процент.

Не были выявлены авторы, которые постоянно пишут о данной проблеме, а также не было обнаружено статей с аналитическими отчетами, написанных представителями власти. Необходимо отметить, что материалов, в которых есть интервью с представителями власти, крайне мало. Это может говорить о том, что между властью и прессой нет взаимного интереса и потребности в общении по интересующей нас проблеме. В этом случае СМИ не выступают посредником между властью и человеком. Ни в одной газете не нашлось списка детей, попавших в трудную жизненную ситуацию и нуждающихся в семейном устройстве, соответственно нет никакой информации о дальнейшем жизнеустройстве таких детей.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ И ЕВРОПЕ

SOCIAL WORK OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN RUSSIA AND EUROPE

И.Э. Петрова
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
I.E. Petrova
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Социальная работа религиозных организаций в России и Европе в настоящее время находится на совершенно разных уровнях развития. Государственная власть разного уровня в европейских странах активно вовлекает учреждения различных религиозных направлений к взаимодействию в рамках социальной работы, в то время как в России это взаимодействие не развито. Ожидания клиентов и социальных работников светских учреждений социального обслуживания Нижнего Новгорода и области относительно возможности принятия социальных услуг от религиозных организаций раскрыты по итогам пилотажного исследования.

Social work of religious organizations in Russia and Europe is currently at very different levels of development. Government at different levels in European countries actively involves various religious institutions to interact in social work, while in Russia, this interaction is not developed. Expectations of clients and social workers of secular social service agencies in Nizhny Novgorod and the region about the possibility of getting social services from religious organizations are disclosed on the basis of the pilot study.

Ключевые слова: социальная работа, религиозные организации, диакония.
Keywords: social work, religious organizations, diakonia.

Социальная работа религиозных организаций может быть представлена в свете различных теоретических концепций: структурного функционализма (как развитие функции религиозных институтов); глобализации/глокализации (распространение опыта социальной работы католической и протестантской церквей в западноевропейской традиции); экономических теорий религии (позиционирование религии на глобальном рынке, предоставление религиозно-социальных услуг); социокультурном подходе (разнообразии культурных норм в реализации социальной работы, нормализация клиентов, социальный контроль силами социальных работников).

В зарубежной научной литературе можно выделить несколько традиций исследования социальной работы религиозных организаций.

В первую очередь, необходимо представить огромное количество публикаций немецких исследователей о деятельности таких немецких союзов религиозных благотворительных организаций, как Каритас ФРГ (католическая церковь) и Диакония (Евангелическая (лютеранская) церковь) Германии.

Исследованию деятельности диаконического союза Германии посвящено большое количество публикаций, которые можно распределить по различным темам: сущность диаконии, формы и методы; управление диаконической работой и экономические вопросы диаконии; взаимосвязь диаконии и государственной социальной политики; исследования практики диаконической работы [1, 203–220].

Работы, посвященные каритативной деятельности, менее разнообразны, но в целом весьма подробно освещают систематическую социальную работу различных организаций, действующих под эгидой католической церкви в Германии [2, 115–126].

Как правило, авторы, работающие в разных теологических традициях (протестантской и католической), пишут об опыте именно того союза

и конкретных религиозных организаций, к которым они принадлежат, но в последнее время обнаруживается традиция проведения сравнительных исследований деятельности Каритас и ЕКД [3, 134–154].

В англоязычной научной литературе стоит обратить внимание на опыт ученых из Великобритании и США, которые предпочитают говорить о духовности и религиозности в профессиональной социальной работе, нежели о конфессиональной социальной работе собственно [4, 23–66].

В последнее время появились публикации, свидетельствующие о научном интересе к социальной работе в исламе [5, 102–230].

Одной из основных публикаций, посвященных анализу многих аспектов организованного социального служения Русской Православной Церкви, является коллективная монография «Православная церковь при новом патриархе» [6, 69–121]

Б. Кнорре в главе «Социальное служение современной Русской православной церкви как отражение поведенческих стереотипов церковного социума» очень подробно исследует процесс формирования системы социального служения РПЦ, выявляя как функции, так и ее дисфункции до настоящего времени.

Совершенно справедливо автор показывает весьма удачные социальные проекты, реализованные РПЦ за последние 20 лет – создание социальных центров, имеющих всероссийскую и мировую известность, множество созданных «служб милосердия, патронажных служб, приютов, организаций по поддержке семьи, о центрах реабилитации людей, страдающих разными видами зависимости, о работе в тюрьмах, опеке социально неадаптированных». Вместе с тем, исследователь подчеркивает несколько хаотичный характер этого служения при патриархе Алексии II и более упорядоченный с приходом Патриарха Кирилла.

Одним из важных ракурсов анализа, как мне кажется, является изучение субкультурных особенностей церковного социума и системных проблем организации социальных инициатив.

По мнению автора, именно эти черты формируют такое положение, как зависимость системы от неофитов – пока у человека есть энтузиазм, он будет работать без денег и с полной отдачей. Как только заканчивается первое рвение, наступает текучка кадров. Пока энтузиастов много, церковь не заинтересована в профессиональной работе.

Корпоративную культуру церковных социальных служб Б. Кнорре относит к разряду патерналистских, с нестабильной структурой, частыми реорганизациями, и во главе этого – священнослужителя в роли «от-

ца» всех служащих и приходящих. Такое распределение ролей приводит к тому, что штат организации формируется за счет служащих – чаще женщин, компенсирующих в служении недостатки собственной семьи. Кроме того, формируется подобие «соцпакета» из услуг и помощи «своих», закрепляющее патернализм в служении. Очень много зависит в таких организациях от обаяния, харизматичности священнослужителя. И именно в таком труде реализуется общинность, которую трудно найти в обычной приходской жизни [6, 110].

Весьма интересным представляется применение к анализу социальной работы религиозных концепции распределения ролей и ответственности акторов социальной работы в гражданском обществе [7, 290].

Фонд «Институт экономики города» на протяжении последних 14 лет исследует различные вопросы реализации социальной политики в Российской Федерации. К.Г.Чагин в работе «Применение современных подходов к организации предоставления социальных услуг населению: логика выбора» [8] рассматривает возможность внедрения механизма субсидий в современной российской социальной работе. По его мнению, в настоящее время существует необходимость совершить переход от натуральных социальных льгот к потребительским субсидиям, а также переход от содержания поставщиков социальных услуг к покупке услуг. Автор утверждает, что потребительские субсидии предоставляют оптимальное соотношение удобства для потребителей, административной нагрузки на распорядителя бюджетных средств и качества со стороны поставщиков услуг.

К.Г.Чагин заявляет о необходимости осуществить переход на другую форму прямого финансирования поставщиков – заказ социальных услуг, что позволяет практически полностью избежать указанных недостатков. Автор приводит примеры успешной апробации и внедрения этой технологии в 2003 г. в Городецком районе Нижегородской области, где темами заказа стало надомное обслуживание пожилых и инвалидов, а также социально-психологическая реабилитация детей группы риска. Автор приводит обоснование логики выбора применения различных современных подходов к организации предоставления социальных услуг, но оговаривает, что существует возможность возникновения неоправданных барьеров для поставщиков. В целом К.Г.Чагин демонстрирует множество возможностей для оптимизации отношений социальной работы и государства в современной России.

Европейский опыт аутсорсинга в социальном обслуживании дает множество примеров включения религиозных организаций в сферу гос-

ударственного субсидирования. Так, в г. Мюнстере (Германия) не существует светских интернатных учреждений для престарелых – за столетия существования протестантские и католические заведения завоевали достаточный авторитет, чтобы региональная власть заказывала социальные услуги для населения именно в этих центрах.

В 2013 году в Нижнем Новгороде проведено пилотажное исследование по вопросу информированности клиентов социальной защиты населения о социальных услугах религиозных организаций и ожиданий относительно такой помощи. Всего в квазиэкспертном опросе приняли участие пятьдесят пять клиентов районных управлений социальной защиты и тридцать пять социальных работников. Еще одиннадцать человек были клиентами реабилитационного центра алкоголе- и наркозависимых одной из протестантских деноминаций в Нижнем Новгороде, пять социальных работников представляли центры помощи разных церквей Нижнего Новгорода.

Наиболее интересным для меня стал факт практически полной неосведомленности клиентов светских учреждений о возможностях получить помощь в городе или в пределах области в действующих религиозных организациях.

Вместе с тем, ожидания от такой помощи совершенно разнятся, от полного неприятия («Я неверующий и не доверяю религиозным организациям...»), до полной готовности стать клиентом такого учреждения («От государства ничего не добьешься, религиозные организации хоть что-то дадут...»). Как правило, клиенты, довольные обслуживанием в светском социальном учреждении, не готовы искать помощи «на стороне». Очевидно, что респонденты, не знакомые с практикой оказания помощи в религиозных организациях, в ответах транслируют существующие стереотипы: помощь церкви должна быть «не по найму», без оплаты, от души, поэтому она лучше, чем государственная.

Клиенты религиозно-ориентированного реабилитационного центра демонстрируют приверженность названной ими церкви протестантского направления, реабилитационному и адаптационному центрам и конкретному виду услуг – в сочетании духовной помощи и создания реабилитационного пространства. В речи этих клиентов очень заметна религиозная лексика, очевидно принятие ими норм и ценностей как христианства в целом, так и учения конкретной пятидесятнической деноминации, направленность в будущем на служение Богу и нуждающимся. Как правило, о самом реабилитационном центре все получившие помощь узнавали от друзей и родственников («все наркоманы знают наперечет

реабилитационные центры не только в Нижнем, но и в других областях – из общения с друзьями, прошедшими реабилитацию»).

Только некоторые социальные работники рассказывают о взаимодействии своих УСЗН с представителями РПЦ – один из КЦСОНов на территории Нижнего Новгорода и один интернат для пожилых и инвалидов из удаленного района области. Говорят о совместных проектах малого масштаба, как правило, культурной направленности (концерты во время религиозных праздников, выезды в Дивеево, озеленение территории центра), стабильности такой помощи и хорошем отношении клиентов к такому сотрудничеству. Практически никто из социальных работников не задумывался о возможном расширении спектра услуг со стороны религиозных организаций.

Ответы различных респондентов позволяют говорить о неразвитом взаимодействии учреждений государственной социальной политики (регионального и муниципального подчинения) и религиозных организаций, отсутствии практики аутсорсинга, малой представленности религиозных услуг в информационном поле.

Вместе с тем, развитие такого сотрудничества представляло бы, на мой взгляд, несомненный интерес не только для исследования практик оказания услуг в религиозных организациях, но и для развития публично-частного партнерства в рамках региональной и муниципальной социальной политики Нижнего Новгорода и области.

Литература

1. Schulz C., Hauschild E., Kohlert E. Milieus praktisch II: Konkretionen für helfendes Handeln in Kirche und Diakonie, Vandenhoeck & Ruprecht, 2010, 333 s.
2. Ehrenamt in der Caritas: Allensbacher Repräsentativbefragung Qualitative Befragung Ergebnisse-Perspektiven/ Hrsg. Bangert, C., Lambertus-Verlag, 2008, 296 s.
3. Caritas und Diakonie in Deutschland, Alibri, 2005, 366 s.
4. Furness S., Religion, Belief and Social Work: Making a Difference (Social Work in Practice Series), Policy Press, 2009, 190 p.
5. Harmsen E., Islam, Civil Society and Social Work: Muslim Voluntary Welfare Associations in Jordan Between Patronage and Empowerment (ISIM Dissertations), Amsterdam University Press, 2007, 500 p.
6. Православная церковь при новом патриархе / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. Центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 415 с.
7. Петрова И.Э. Социальное учение и социальное служение конфессиональных организаций в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2009, № 3, с. 289–293.

8. Чагин К.Г. Применение современных подходов к организации предоставления социальных услуг населению: логика выбора. [on-line /доступ через <http://www.urbanecomomics.ru/> 03.09. 09].

**ОСОБЕННОСТИ АККУЛЬТУРАЦИИ МИГРАНТОВ
В УСЛОВИЯХ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ-
ИНТОЛЕРАНТНОСТИ¹**
**PECULIARITIES OF ACCULTURATION OF MIGRANTS
IN THE SITUATION OF TOLERANCE/INTOLERANCE**

М.Г. Плуженская
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
M.G. Pluzhenskaya
Yaroslavl Demidov State University

Рассматривается взаимосвязь аккультурации мигрантов и уровня этнической толерантности принимающего населения

In article the correlation of acculturation of migrants and ethnic tolerance level of the host population are discussed.

Ключевые слова: мигранты, подростки-мигранты, аккультурация, культурная адаптация, этническая толерантность.

Keywords: migrants, teens migrants, acculturation, cultural adaptation, ethnic tolerance.

Для современного мира в целом, для России, актуальной является проблема аккультурации этнических мигрантов в принимающем социуме. Увеличение притока мигрантов, охват миграцией все новых территорий, этническое разнообразие прибывающего населения ведет к трудностям в адаптации мигрантов к требованиям жизни в новом для них обществе. Чем выше уровень адаптированности мигрантов к новым условиям жизни, тем значительнее экономическая и интеллектуальная отдача человеческих ресурсов и, наоборот, усиление конфликтогенного

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке государства в лице Минобрнауки. (Грант: для физических лиц из федерального бюджета в рамках реализации федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (XLVI очередь, мероприятие 1.3.2, гуманитарные науки) Номер соглашения 14.132.21.1045.)

потенциала миграционных потоков увеличивает социальную напряженность, ведет к снижению позитивной социальной активности мигрантов, негативно влияет на их психоэмоциональное состояние и способствует развитию девиаций и маргинальности.

В российских реалиях, на наш взгляд, это связано, с одной стороны, со склонностью коренного населения к дискриминации по национальному признаку, интолерантности, с другой – с нежеланием или неспособностью этнических меньшинств к выбору таких моделей поведения, которые позволили бы им эффективно интегрироваться в принимающее общество. Снижение негативного характера межэтнических отношений особенно актуально, если эти процессы касаются детей, подростков, молодежи, ставших мигрантами не по собственной воле. От того, насколько данная категория приспособлена к жизни в полиэтническом государстве, зависит стабильность и благополучие общества в будущем. Многие стороны процесса адаптации детей мигрантов малоизученны, меры их социальной поддержки малораспространены и не выстроены в единую государственную комплексную программу адаптации молодого поколения разновозрастных групп. Поэтому значимой становится задача изучения эффективных моделей аккультурации детей-мигрантов и условий и факторов среды, оказывающих влияние на выбор той или иной модели.

Ранее, в научном мире эффективной признавалась так называемая модель «плавильного котла» или же, основываясь на типологии аккультурационных стратегий Дж. Берри, модель ассимиляции. Но, как показал опыт, данная модель потерпела поражение и ученые вновь вернулись к вопросу поиска оптимального варианта межкультурного взаимодействия. В настоящее время в развитых странах обсуждается проблема терпимого отношения к мигрантам, возникшая как отклик практики на теоретический анализ оптимальной как для принимающего общества, так и для мигрантов модели аккультурации – интеграции, при которой мигранты принимают основные ценности коренного населения, не отвергая собственные культурные особенности. Для успешной реализации данной модели ключевым моментом становится принятие большинством идеи толерантного отношения к людям другой культуры. Так, для продвижения данной идеологии в большинстве регионов нашей страны создаются целевые программы, включающие вопросы исследования уровня терпимости населения к представителям других этнических групп, образовательные программы содержат «уроки толерантности», в вузах страны проводятся конференции, посвященные изучению данных

проблем. Но, резкое расслоение социума по социально-экономическим и другим признакам вызывает рост нетерпимости, терроризма, экстремизма.

Таким образом, феномен этнической толерантности-интолерантности тесно вплетен в повседневные межличностные и межгрупповые взаимодействия и указывает на необходимость более глубокого изучения особенностей данного явления. В данном случае встает вопрос: является ли высокая этническая толерантность одним из основных условий обеспечения оптимальных межкультурных взаимодействий, а также эффективной интеграции мигрантов в местный социум? В поисках ответа на этот вопрос были проведены исследования методом группового анкетного опроса, методом открытого невключенного наблюдения и субшкалы «этническая толерантность» из методики Г.У. Солдатовой и др. «Индекс толерантности» среди учащихся школ и училищ г. Ярославля. Основными задачами исследования являлись определение уровня толерантности титульной нации по отношению к мигрантам различных национальностей, как с позиций коренного населения, так и с позиций этнических меньшинств, а также определение уровня адаптированности подростков-мигрантов.

Исследование показало, что около 43% опрошенных подростков разделяют мнение о том, что «Россия – это, прежде всего, государство русских людей, где права коренного населения не должны нарушаться приезжими из других стран». Более того, 24,8% опрошенных полностью поддерживают лозунг «Россия – только для русских» и считают, что для снижения конфликтов на национальной почве, необходимо чтобы каждый народ жил в своей стране. Четверть опрошенных школьников испытывают чувство напряженности при частом общении с представителями других национальностей. 49,3% представителей титульной нации считают, что в смешанных браках больше семейных проблем, чем в моноэтнических. Анализ отношений подростков коренного населения к сверстникам различных национальностей показал, что в целом 52,9% опрошенных считают, что к некоторым народам априори трудно хорошо относиться. Так, наиболее нетерпимо учащиеся относятся к выходцам с Кавказа, особенно к чеченцам, дагестанцам, азербайджанцам.

Таким образом, можно говорить о низкой степени толерантности подростков коренного населения. Подростки – представители народов Кавказа в своих ответах указали, что проявления нетерпимости по отношению к себе как к представителям другого этноса не замечают или игнорируют, не воспринимая это как угрозу. По результатам наблюде-

ний, подростки данных этнических групп практически не отличаются по поведению, речи, стилю одежды и основным жизненным ценностям от сверстников – представителей коренного населения. Все это указывает на то, что подростки-мигранты хорошо интегрированы в среду.

В отношении приезжих из Украины и Средней Азии показатели интолерантного отношения титульной нации практически одинаковы и низки. Некоторые подростки-украинцы и подростки-таджики все же считают, что по отношению к ним существует некоторая нетерпимость, которая выражается в основном в словесных оскорблениях, подшучивании. Наблюдение за представителями вышеназванных национальных меньшинств показало, что подростков-украинцев при данном исследовании проидентифицировать не удалось.

Это говорит о том, что наблюдаемые украинские подростки внешне не проявляли себя как представители другой этнической группы, либо их национальные особенности могли быть восприняты как личностные особенности. Следовательно, они достаточно ассимилированы в среде. Таджики из числа наблюдаемых подростков замкнуты, плохо говорят по-русски, одеты в стиле национальных особенностей, не имеют мотивации к общению с представителями титульной нации. Все это говорит о слабой адаптированности подростков-мигрантов – выходцев из Таджикистана.

Результаты исследования указывают, на взаимосвязь степени этнической толерантности и степени адаптированности мигрантов к среде. Таким образом, можно предположить, что чем ниже толерантность принимающего населения, тем активней мигранты перенимают стили поведения и ценности титульной нации. Для дальнейшего понимания сути межкультурного взаимодействия автор намерен исследовать и изучить вопросы о непосредственном влиянии этнической толерантности на выбор мигрантами одной из стратегий аккультурации, а также на трансформацию этнической идентичности при данных процессах.

Литература

1. Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии / М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова // Социологические исследования. 2009. № 3.
2. Айрапетян А.А. Общество ждет от социологов критерии оценки межнациональной обстановки в регионах России / Актуальные проблемы межнациональных отношений и национальной политики в Российской Федерации. Материалы круглого стола. Под общ. Ред. д. философ. наук Г.В. Мирзояна. М.: Университетская книга, 2011. 112 с.

3. Берри Дж., Пуртинга А. и др. Кросскультурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. 506 с.
4. Лебедева Н.М. Теоретические подходы к исследованию взаимных установок и стратегий межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей / Под ред. Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. 424 с.
5. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Прокофьева Т.Ю., Кравцова О.А. Психодиагностика толерантности личности. Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008. 172 с.
6. Хотинцев В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 124 с.
7. Чуй Ю.В. Основные проблемы реализации миграционной политики в России. / Ю.В. Чуй, Н.В. Досина // Вестник социально-политических наук: сборник науч. трудов / Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ. 2009. Вып. 9. 121 с.

**ФОРМЫ И МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
СПЕЦИФИЧЕСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП
FORMS AND METHODS OF SOCIAL ADAPTATION
OF SPECIFIC SOCIAL GROUPS**

П.В. Разов
Военный университет, Российская Федерация, г. Москва
P.V. Razov
Military University, Russian Federation, Moscow

Рассмотрены формы и методы социальной адаптации специфических социальных групп в современном обществе.

In given article forms and methods of social adaptation of specific social groups in a modern society are considered.

Ключевые слова: формы социальной адаптации, методы социальной адаптации, граждане, уволенные с военной службы.

Keywords: forms of social adaptation, methods of social adaptation, the citizens discharged from military service.

Динамичные условия современной реальности детерминируют рост исследовательского интереса к процессу и механизму приспособления к новым средовым условиям специфических социальных групп. Рассматривая формы и методы социальной адаптации специфических социаль-

ных групп, обратим внимание, что они будут сходными с общими формами и методами социальной адаптации, модифицированными с учетом групповой социальной специфики, присущей субъекту адаптации.

Социальные субъекты, входящие в различные специфические социальные группы, выступают одновременно объектом и субъектом социальных отношений. В качестве объекта они предстают как частично пассивная сторона, на которую направлено воздействие социальных институтов и групп, трансформирующих их личность. В качестве субъекта они, напротив, активные участники общественных отношений и выступают как личность самообразующаяся (трансформирующаяся) в новых условиях. Другими словами, социальная адаптация специфических социальных групп – это, скорее, не цель, а средство активного преобразования ими социальной среды, где они выступает одновременно субъектом и объектом адаптации.

Одно из центральных противоречий адаптационного процесса специфических социальных групп заключается в том, что процесс согласования ценностно-нормативных систем, отражающих новые условия жизнедеятельности социальных субъектов, не является однозначным и линейным. В данном случае эффективность процесса интеграции нарушается уровнем социализированности членов специфической социальной группы, что имеет значительное влияние на степень и качество освоения новых отношений и нормативных установок. При этом основу дезадаптационных состояний личности определяет перенос установок и поведенческих стереотипов, сформированных ранее, в новые социокультурные условия, где ориентация социального субъекта на прошлую или новую ценностно-нормативную систему детерминирует особенности его социального поведения и, как следствие, влияет на процесс социальной адаптации. Например, дезадаптационный эффект, возникающий в связи с переходом военнослужащих в гражданскую сферу, обусловлен расширением личностной свободы и диапазоном допустимых форм социальной активности, открывающих как широкие перспективы социальной мобильности, так и высокий уровень неопределенности [1].

Данное положение обуславливает обращение автора к вопросу об измерении социальной адаптации как целостном, непрерывном и относительно устойчивом процессе установления некоего соответствия между суммарным уровнем наиболее актуальных на данный момент потребностей личности и перспективным уровнем их удовлетворения посредством конкретного вида человеческой деятельности. Социальная адаптация, таким образом, может быть выражена в основных группах

ценностей: материальная, нравственная, эмоциональная, познавательная,

Рассматривая формы социальной адаптации специфических социальных групп, обратимся к психофизиологической адаптации такой специфической социальной группы, как граждане, уволенные с военной службы и члены их семей. Основываясь на проведенных исследованиях социальной адаптации, ряд авторов выдвигают предположение о том, что в условиях современной реальности предъявляются повышенные требования к психофизиологическим механизмам жизнедеятельности человека, что приводит к социально-биологической аритмии и дисгармонии развития личности или социальных групп. Психофизиологическая адаптация уволенных военнослужащих и их семей характеризуется информационными перегрузками, высоким психоэмоциональным напряжением и возросшим давлением на функциональные адаптационные резервы, обуславливая возникновение различных заболеваний [2].

Обращаясь к социально-психологической адаптации специфических социальных групп, обратим внимание, что люди, посвятившие значительную часть своей жизни военной службе и сознательно принявшие некоторые ограничения (в частности, связанные с выбором места жительства, свободой передвижения, возможностью заниматься бизнесом, ограничения личной безопасности и прочее), после увольнения в запас получают более слабые стартовые условия для налаживания гражданской жизни, чем их ровесники, не служившие в армии. Данные особенности, в свою очередь, сказываются и на членах семей военнослужащих, вследствие наличия между ними тесных взаимосвязей. Становится очевидным, что социально-психологическая адаптация военнослужащих, а особенно принимавших участие в боевых действиях, определяет возможность изменения их внутренних установок и реализацию скрытых резервов личности, которые в своей комплексной совокупности запускают формирование и активное осмысление социальным субъектом своей новой социальной роли в изменившихся средовых условиях.

Рассматривая формы социальной адаптации специфических социальных групп, можно сделать вывод, что в подавляющем большинстве исследований по данной проблематике актуализируется именно профессиональная адаптация социальных субъектов, что связано с новыми условиями их жизни, и, как следствие, с необходимостью переподготовки на новые профессии. Согласно результатам социологических исследований, проводимых различными авторами, обратим внимание, что в условиях современного рынка труда граждан, уволенных с военной

службы и членов их семей, можно выделить как специфическую социальную группу, нуждающуюся в помощи при трудоустройстве и профессиональной переподготовке [3].

Важную роль в процессе социальной адаптации специфических социальных групп играет обеспечение их занятости в новых социально-экономических условиях – так, например, до 85 % увольняемых в последние годы военнослужащих не имеют гражданской специальности или утратили за время службы навыки по ней [1]. В то же время, согласно официальной статистике, сама система переподготовки и переквалификации индивидов на гражданские профессии позволяет оказать содействие только каждому пятому из них, что обусловлено рядом факторов. В частности, это обособленность проживания специфических социальных групп. Вместе с тем, при профессиональной адаптации представленной социальной группы возникает целый спектр проблем, ключевой из которых является представление о том, что профессиональной адаптации подвергаются уже сложившиеся личности с богатым жизненным опытом, семьей, определенным социальным и профессиональным статусом, индивидуальными и профессиональными предпочтениями.

Одним из методов их профессиональной адаптации может стать создание модельных кабинетов в местах компактного проживания уволенных военнослужащих, которые бы оказывали психологическую и профконсультационную помощь в вопросах трудоустройства, а также давали возможность получить новую специальность методом дистанционного обучения. Согласно мнению экспертов, важную роль в работе со специфическими социальными группами играет профессиональная ориентация, стимулирующая социальных субъектов к активным поискам вариантов трудоустройства посредством выработки у них мотивации к трудовой деятельности после увольнения, психологической готовности к возможному переобучению и новому месту работу в изменившихся социально-экономических условиях жизнедеятельности. Особое значение в адаптации к новым социально-экономическим условиям жизнедеятельности социального субъекта на пути поиска работы имеет правильное определение соответствия профессиональных притязаний адаптируемого индивида и сложившейся ситуации на современном рынке труда, что позволяет центрировать усилия на активизации именно тех возможностей человека, которые способствуют обеспечению индивидуальной занятости.

Согласно мнению экспертов, одним из методов социальной адаптации специфических социальных групп может стать реабилитация как комплекс специальных мер, которые необходимо осуществить в отношении социального субъекта с целью его приспособления к новым социально-экономическим условиям современной реальности. Принципиальный акцент при этом делается на том, что реабилитационные меры необходимо разрабатывать не только для субъектов специфических социальных групп, но и для членов их семей, а возможно и для всего их ближайшего окружения. Данное положение обусловлено тем, что радикальные изменения жизнедеятельности индивида чаще всего касаются их жен и детей, что обуславливает значимость поддержания и укрепления ценности семейных отношений как базового источника необходимых для социальной адаптации внутренних ресурсов успешного преодоления кризисной ситуации.

Таким образом, результативность социальной адаптации специфических социальных групп определяется объективными показателями достижений и субъективной удовлетворенности социальной группой своим местом в системе общественного устройства, а также достигнутым в той профессиональной и общественной позиции, которую он занимает. К критериям успешности социальной адаптации специфических социальных групп можно отнести: конкурентоспособность и уверенность в своих силах, социально-психологическая комфортности возникших субъектно-объектных отношений, определяемый степенью удовлетворенности человека отношениями в новой социальной среде.

Литература

1. Обертенюк В.Г. Социальная адаптация военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, в современных условиях: социологический анализ: Дисс. ... канд. соц. наук: 22.00.04: Ростов-на-Дону, 2006.
2. Низамова А.Э. Адаптация специалистов в трансформирующемся российском обществе: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04: М., 2011.
3. Михайлов Ю.Я. Особенности социальной адаптации бывших военнослужащих и членов их семей к условиям гражданской среды: Дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04: М., 2005.
4. Витенберг Е.В. Социально-психологические факторы адаптации к социальным и культурным условиям: Автореф. ... канд. псих. наук. СПб., 1994.

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ПАТРОНИРОВАНИЯ СЕМЕЙ И ДЕТЕЙ,
НАХОДЯЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ
В УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

**TECHNOLOGICAL PROCESS OF IMPLEMENTATION
OF A SOCIAL PATRINOROVANIYE OF FAMILIES
AND CHILDREN BEING IN SOCIALLY DANGEROUS SITUATION
IN ESTABLISHMENTS OF SOCIAL SERVICE
IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

А.В. Смирнова

Казанский государственный медицинский университет

A.V. Smirnova

Kazan state medical university

Освещается социальное патронирование семей и детей, находящихся в социально опасном положении, и процесс патронирования в учреждениях социального обслуживания семей и детей. Обращается внимание на методы патронирования, используемые в учреждениях социального обслуживания.

In article it is said that such social patronirovaniye of families and children being in socially dangerous provision, and on patronirovaniye process in establishments of social service of families and children. In article as the attention to the methods of a patronirovaniye used in establishments of social service is paid.

Ключевые слова: семья, дети, социально опасное положение, технологический процесс, социальное патронирование, консилиум, реабилитация, индивидуальный план реабилитации.

Keywords: family, children, socially dangerous situation, technological process, social patronirovaniye, consultation, rehabilitation, individual plan of rehabilitation.

Основной технологией, по которой работают учреждения социального обслуживания Республики Татарстан с семьями и детьми, находящимися в социально опасном положении (СОП), является социальное патронирование.

Социальное патронирование – система социального сопровождения и оказания необходимой помощи семьям и детям, находящимся в социально опасном положении. Семьи, находящиеся в СОП, испытывают кризис и неблагополучие и долгое время не могут самостоятельно решить свои проблемы и справиться с психологическими нагрузками.

Обычно такие семьи являются неполными, несовершеннолетние данной категории не посещают школу и другие учебные заведения, увлекаются алкоголем, наркотиками, зачастую ведут бродяжнический, асоциальный образ жизни. Задача социальных служб, занимающихся социальной помощью семье и детям, помочь им справиться с трудностями.

В Республике Татарстан при работе с семьями и детьми, находящимися в СОП, выделяют межведомственный патронат и ведомственный. Межведомственное социальное патронирование устанавливается в том случае, когда для выхода семьи из кризисной ситуации необходимо вмешательство нескольких ведомств или субъектов профилактики; ведомственный патронат устанавливается, если проблемы семьи могут разрешиться в рамках одного ведомства.

Изучение практического опыта деятельности в центрах социального обслуживания населения, технологического процесса работы с семьями и детьми, находящимися в СОП, начинается с выявления данной категории семей и поступления сигнала о семье в учреждение социального обслуживания. В учреждениях г. Казани сигнал чаще всего поступает от инспекторов комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. После поступления сигнала осуществляется выезд в данную семью и составляется регистрационная карта семьи, находящейся в социально опасном положении. Собирается вся информация об этой семье, составляется акт обследования жилищно-бытовых условий, собираются справки из учреждений образования, здравоохранения об этой семье и о ее членах. Затем регистрационная карта и другие документы представляются на межведомственный социально-реабилитационный консилиум (МСРК) для рассмотрения случая данной семьи, принимается решение о постановке семьи на ведомственный или межведомственный патронат. Семья признается находящейся в социально опасном положении и ставится на учет по решению консилиума и на основании постановления комиссии по делам несовершеннолетних. МСРК также разрабатывает индивидуальный план реабилитации семьи. В зависимости от каждой конкретной ситуации, над обслуживаемыми устанавливается вид патроната: срочный (с посещением 1 раз в неделю), обычный (с посещением 1 раз в месяц), контрольный (1 раз в 3 месяца). В учреждениях г. Казани чаще всего устанавливается обычный патронат.

Методы, которые используются специалистами по социальной работе в рамках социального патронирования, зависят от ситуации в каждой конкретной семье. Работа, которая проводится специалистами – это индивидуальная социальная работа со случаем. Обычно работа с семьями

включает в себя следующие направления: содействие в трудоустройстве безработным; в оформлении документов; в оформлении мер социальной поддержки; в организации отдыха и оздоровления детей; содействие в подаче документов на получение земельного участка (многодетным); консультирование по жилищным вопросам; поиск благотворительной или спонсорской помощи; предоставление талонов на бесплатное питание; содействие в восстановлении родительских прав; содействие в реструктуризации долга; содействие в определении детей в образовательные учреждения, дошкольные учреждения; содействие в получении материальной помощи; организация отдыха и досуга несовершеннолетних (например, в рамках кружков и клубов, посещение культурно-массовых мероприятий). Так же учреждениями оказываются различные социальные, психологические услуги.

Последним этапом работы с семьями и детьми, находящимися в СОП, является снятие их с патронирования (до достижения положительной динамики, реабилитации). Как показывает практика, процесс реабилитации семьи длится в среднем 2–3 года, в некоторых случаях 1 или 5 лет, в зависимости от случая в каждой конкретной семье.

Таким образом, технологический процесс социального патронирования семей и детей, находящихся в СОП, состоит из 4 этапов: 1 – выявление; 2 – постановка на учет, разработка плана реабилитации; 3 – реализация реабилитационных мероприятий; 4 – снятие с межведомственного (ведомственного) учета.

В заключение, хочется отметить, что работа с семьями, в которых ситуация улучшилась, не прекращается. После снятия учета такой семьи с патроната, она становится клиентом учреждения, и с ней продолжается вести работу.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL REHABILITATION OF ELDERLY

А.В. Смирнова, Э.Н. Утеева
Казанский государственный медицинский университет
A.V. Smirnova, E.N. Uteeva
Kazan state medical university

Обсуждаются проблемы одиноко проживающих граждан пожилого возраста, нуждающихся в социальной и психологической реабилитации.

The paper discusses the problems living alone aged citizens who need social and psychological rehabilitation.

Ключевые слова: реабилитация, граждане пожилого возраста, социальная реабилитация, психологическая реабилитация.

Keywords: rehabilitation, elderly people, social rehabilitation, psychological rehabilitation.

Пожилые люди являются особо нуждающейся в социально-психологической поддержке категорией. Особо нуждаются в такой поддержке те граждане, которые проживают одни, не имеют родственников, либо их родные живут далеко.

Подобная потребность граждан в социальных и психологических услугах объясняется, прежде всего, особенностями преклонного возраста. Как правило, пожилые люди не работают. Привычный круг общения сужается. Из-за проблем со здоровьем нет ни желания, ни возможности передвигаться на дальние расстояния. В связи с постоянно меняющейся социальной действительностью, развитием политической, экономической, социальной сфер жизни и в связи с этим большим ростом информации, пожилые люди не успевают адаптироваться к новой социальной среде. С выходом на пенсию у большинства пожилых людей появляются и другие проблемы: низкая материальная обеспеченность, ухудшение состояния здоровья, одиночество. Для таких людей общение, участие в любой деятельности, принадлежность к какой-либо группе, возможность общаться с другими людьми в похожей ситуации – именно то, чего им очень не хватает. Мы считаем, что наиболее актуальной для пожилых граждан является помощь в виде социальной реабилитации.

Под социальной реабилитацией мы понимаем совокупность услуг по психологической реабилитации, социальной адаптации, социокультурной реабилитации. Данные мероприятия направлены на преодоление чувства отсталости от жизни, избавления от депрессивного состояния, на привлечение граждан к какой-либо активности, т.е. вовлечь гражданина в деятельную среду, пробуждения его интереса к жизни посредством организации для него какой-либо деятельности, активности. Нами были изучены некоторые аспекты социальной реабилитации граждан пожилого возраста в социально-реабилитационном отделении для граждан пожилого возраста в одном из центров социального обслуживания Республики Татарстан. Специалисты центра считают, что эффективным средством социальной реабилитации граждан пожилого возраста явля-

ется организация досуговой деятельности, взаимодействия с людьми, имеющими похожие проблемы. По словам самих клиентов отделения центра, они приходят для того, чтобы пообщаться с другими. С целью вовлечения граждан в социальную активность центром организуются культурно-массовые мероприятия: литературные вечера, походы на выставки в музеи, в театр, совместные выезды на природу и т.д. Для них также организуются праздники, экскурсии. По результатам нашего опроса граждан, большинство из них получают удовольствие от этих мероприятий, и от того, что они имеют возможность общения с другими людьми. Все опрошенные нами граждане отметили, что просмотр фильмов и посещение театров повышает настроение, дает пищу для размышления и переосмысления ценностей. 30% граждан, которые в течение года проходили социальную реабилитацию, отмечают, что у них появилось ощущение любви к жизни, у 34% граждан исчезло чувство одиночества.

Вопросы, касающиеся психологической реабилитации, включают в себя не менее интересные мероприятия. Это и арома-терапия, занятия в сенсорной комнате, различные беседы, занятия и тренинги с психологом. Что нужно человеку, чтобы избавиться от негативных эмоций? Проговорить все свои проблемы вслух. На занятиях с психологом человек получает именно то, что нужно – проговаривание своей проблемы, обсуждение ее не только с психологом, но и с другими пожилыми людьми.

Сегодня популярным становится получение образования пожилыми людьми – университет третьего возраста. Благодаря этому человек получит новые знания, например, существует курс лекций о физических изменениях, происходящих с людьми в старости, даются рекомендации по образу жизни и питанию, чтобы дольше оставаться активным членом общества. Кроме того, существует такое направление, как курсы компьютерной грамотности для пожилых людей. Особенно полезным это было бы для тех, у кого родственники, дети, внуки проживают в другом городе, другой стране. Пожилые люди могли бы связываться с близкими людьми через сеть интернет и общаться.

Подводя итог, делаем вывод о том, что гражданам пожилого возраста нужна и необходима социальная реабилитация, она помогает им как можно дольше оставаться активными, а это и есть основная цель социальной работы с пожилыми людьми.

**СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**
**SOCIAL RISKS OF FAMILY WITH MANY CHILDREN:
THEORETICAL ANALYSIS**

О.В. Сокерина
Вятский государственный гуманитарный университет
O.V. Sokerina
Vyatka State University of Humanities

Рассматриваются социальные риски, которым подвержена современная российская семья.

In article are considered social risks to which the modern russian family is subject.

Ключевые слова: многодетная семья, социальный риск.

Keywords: family with many children, social risk.

Социальные риски являются важнейшей характеристикой современного образа жизни общества, семьи и проникают в ее повседневность в виде явных и латентных, потенциальных угроз (здоровью, воспитанию детей, благополучию, целостности семейной группы). Социальные риски определяют особенности поведения большинства семей, характер их взаимодействия с обществом и друг с другом.

Л.С. Алексеева для описания социологических признаков рисков и их влияния на семью использует следующую типологию:

1. Семьи, в жизнь которых риски включаются из-за сословной, возрастной, профессиональной, территориальной принадлежности как существенные черты образа и периода жизни, подчеркивающие включенность семей в группы с особой субкультурой и делающие поэтому риск делом добровольным, безусловным, предсказуемым, ограниченным пространством и временем, проявляющимся в рутинной и обыденной обстановке.

2. Семьи, члены которых умеют просчитывать и сравнивать риски, а значит, соглашающиеся на них не на эмоциональной, а на рациональной основе с тем, чтобы ограничить наносимый ими во времени и пространстве ущерб. К «рискованному» выбору их могут вынуждать такие факторы, как личностные диспозиции, ожидания других людей, параметры ситуации (наличие угрозы, отсутствие средств, времени). Риски в таких случаях оказываются как добровольными, так и недобровольными, и тем не менее последствия их калькулируемости поддаются количественно-вероятностному измерению, делая возможными снижения, страхования, возмещения рисков.

3. Семьи, являющиеся непосредственными объектами и прямыми мишенями чужих решений при собственном нежелании рисковать. Риски таких семей не поддаются непосредственному наблюдению и из-за своей комплексности не могут быть поставлены в вину семье. Как правило, они являются неопределенными, а их последствия необозримыми и вынужденными. Неопределенность как таковая может быть результатом недостаточной социальной компетентности семей, не позволяющей им формировать адекватное отношение к риску и осознавать его. Собственно рискованное поведение таких семей, как правило, имеет те же содержательные компоненты, что и при осознанном риске. Но и в условиях полной неопределенности такие семьи вынуждены оценивать ситуацию и делать выбор, опираясь на собственное чутье или интуицию, а значит, рисковать, действуя наобум. Тем самым их оценка рискованной ситуации оказывается совершенно иной, чем та, которая есть у семьи второго типа, и, следовательно, предполагает другие решения [1].

Расширение знания о социальных рисках в отношении семьи особенно актуально и потому, что на нынешнем переломном этапе российское общество вместо того, чтобы активно разрабатывать новые институциональные правила и системы для остановки собственноручно производимых угроз, само создает небезопасные зоны развития. В результате жизнь семьи становится все более зависимой не только от случая и от собственных решений, но и от расчетов (или отсутствия таковых) со стороны тех, кому надлежит принимать «судьбоносные» решения.

Локализация и сужение зоны действия социальных рисков – основополагающая задача государственной социальной и семейной политики. Она сводится прежде всего к обеспечению минимальных социальных гарантий – минимальной оплате труда, минимальной пенсии, минимуму безработицы, базирующихся на использовании специальных социальных технологий. Без основательной разработки проблем социальных рисков трудно наметить пути предотвращения их воздействия на конкретную семью «группы риска». Так, зная природу, типы и интенсивность страхов, вызванных множественностью социальных рисков, можно предположить, что они детерминируются различными по своей природе факторами – культурными, генетическими, социальными условиями жизни семьи.

В своих исследованиях В.И. Зубков определяет факторы социального риска как социальные детерминанты и условия, определяющие ту или иную направленность и характер поведения и действий людей (семей) в ситуации социальной неопределенности и нестабильности.

Определение сущностных характеристик социальных рисков и их содержания позволило классифицировать их:

а) с точки зрения возможных последствий для каждой семьи – материальные, моральные, физические, бытовые и т.п.;

б) в зависимости от того, в какой сфере жизнедеятельности семьи они проявляются (экономической сфере, повседневной жизни, образования, профессионально-трудовой, межличностных взаимоотношений и т.п.);

в) по актуальной значимости рисков для конкретных семей, их интенсивности, отсроченности, предсказуемости, локализованности, неопределенности [2].

Процессы модернизации современного российского общества в конечном итоге должны быть направлены на повышение благосостояния народа страны. При этом государство призвано приоритетное внимание уделять заботе о тех социальных группах населения, которые нуждаются в поддержке. В их число входит и абсолютное большинство многодетных семей. От повышения действенности системы помощи им во многом будут зависеть и возможности социальной работы с этой категорией семей.

Примечания

1. Алексеева Л.С. Российская семья в условиях социальных рисков [Текст] / Л.С. Алексеева // Отечественный журнал социальной работы. – 2011. – № 1. – С. 42–51.

2. Зубков, В.И. Риск как предмет социологического анализа [Текст] // Социс. – 1999. – № 4. – С. 3–9.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ ПАЦИЕНТОВ, СТРАДАЮЩИХ РЕДКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ INTERDISCIPLINARY APPROACH IN STUDYING PROBLEMS OF PATIENTS SUFFERING FROM RARE DISEASES

О.В. Тимуца, А.А. Латыпова
Казанский государственный медицинский университет
O.V. Timutsa, A.A. Latypova

Обсуждаются основные проблемы людей с редкими заболеваниями и пути их решения.

In article are discussed the main problems of people with rare diseases and their solutions.

Ключевые слова: редкие заболевания, проблемы редких заболеваний.
Keyword: rare diseases, problem of rare diseases.

Количество пациентов с редкими заболеваниями год от года растет как в целом по Российской Федерации, так и в Республике Татарстан. Так, из 24 заболеваний, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 26.04.2012 г. № 403[1], в Республике Татарстан выявлены пациенты по 19 редким (орфанным) заболеваниям. Общее количество выявленных пациентов, страдающих редкими (орфанными) заболеваниями, проживающих в Республике Татарстан – 478 человек. В республике проживают дети с редкими заболеваниями, не вошедшими в указанный перечень, но также имеющие жизнеугрожающие и хронические прогрессирующие редкие заболевания, приводящие к сокращению продолжительности жизни, к инвалидности, таким, например, как синдром Ретта.

В 2012г. вступил в силу новый закон Российской Федерации «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в которой впервые появляется статья, определяющая понятие редкое заболевание. Этот закон четко predetermined критерии отнесения к редким заболеваниям, и теперь принятые законодательные нормы будут обязательными для исполнения субъектами федерации, регионы будут обязаны заботиться о своих пациентах. Теперь у пациентов с редкими болезнями появилась возможность доступа к лечению повсеместно на всей территории России. Но при этом не уделяется внимания социализации, интеграции и адаптации таких детей в общество.

К основным проблемам, с которыми сталкивается человек с редким заболеванием, мы относим:

1) недоступность и несвоевременность постановки правильного диагноза ребенку с редким заболеванием – специалисты первичного диагностического звена зачастую обладают недостаточными знаниями по большинству редких заболеваний;

2) получение необходимых лекарственных средств для эффективного лечения и поддержания жизнедеятельности ребенка – принятие федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» должно было решить многие проблемы пациентов с редкими (орфанными) заболеваниями, однако эксперты считают, что до сих пор не приняты стандарты лечения редких заболеваний, а зарегистрированные в стране орфанные препараты не входят в список жизненно важных лекарственных средств;

3) затруднено получение образования ребенком с редким заболеванием. Давно известен факт, если у ребенка задержка развития, он должен быть принят на обучение как можно раньше, так как в развитии любого ребенка исключительно важную роль играет познавательная деятельность, реализующаяся в образовании;

4) отсутствие всесторонней социальной реабилитации для детей с редкими заболеваниями, предлагаемые услуги по социальной реабилитации детей с редкими заболеваниями зачастую не достигают поставленной цели, так как реабилитационные мероприятия назначаются без учета мнения родителей либо отсутствия специальных знаний специалистов (медиков и психологов) по профилю заболевания и соответственно перечень предлагаемых услуг, не в достаточной степени соответствующий потребностям детей.

Дети с редкими заболеваниями имеют большой спектр взаимосвязанных проблем, решать которые необходимо коллективом специалистов, иначе говоря, консилиумом. В консилиум необходимо включить таких специалистов, как социальный работник, профильный врач (генетик, психиатр, невролог и другие), психолог, педагог, другие специалисты.

Роль координатора работы с ребенком и его семьей может взять на себя специалист по социальной работе, социальный работник, который может участвовать в непосредственной реабилитации ребенка – обучать социально-бытовым навыкам ребенка и родителей, консультировать по вопросам обустройства квартиры, дома, где проживает ребенок.

Работу с близкими родственниками возможно осуществлять посредством психокоррекционной работы, целью которой будет создание благоприятного психоэмоционального климата в семьях таких детей. Психокоррекционную работу возможно проводить в форме индивидуальных и групповых занятий. Индивидуальная работа направленная на установление контакта между психологом и матерью ребенка, для определения собственной потребности матери в групповой работе, проблем, которые существуют в конкретной семье, видение матерью болезни ребенка, отношения к заболеванию. Групповая форма работы направлена на обмен опытом между матерями, групповое обсуждение проблем, с которыми сталкиваются семьи таких детей.

В настоящее время в большинстве реабилитационных центров предоставление социальных услуг для детей с редкими заболеваниями ограничено. Нет таких реабилитационных услуг, как аба-терапия, иппо-

терапия, гидротерапия, которые способствовали бы максимальной реабилитации такого ребенка и адаптации его в общество.

Что важно для пациентов с редкими заболеваниями? Это – формирование инфраструктуры, направленной на своевременную помощь детям и взрослым с редкими заболеваниями. Наличие специализированных медицинских и реабилитационных центров, доступных географически и, желательно, бесплатных для пациентов, оснащенных современным медицинским оборудованием и имеющим в штате высокопрофессиональных врачей, медсестер, психологов, социальных работников, владеющими информацией и практическими навыками оказания первой помощи, лечения и наблюдения «редких» пациентов, также важный аспект в решении вопросов пациентов с редкими заболеваниями.

Резюмируя вышесказанное, хотелось бы отметить ключевые моменты. Дети с редкими заболеваниями имеют целый комплекс взаимосвязанных проблем, начиная от постановки диагноза и заканчивая обеспечением всесторонней, высококвалифицированной социальной реабилитации. Решать этот комплекс проблем возможно благодаря коллективу специалистов различного профиля: врачей, педагогов и психологов. Координацию деятельности этих специалистов может взять на себя специалист по социальной работе. Он также может участвовать непосредственно в самом процессе реабилитации человека с редким заболеванием. При этом все эти специалисты должны иметь, как минимум, базовый уровень знаний и навыков оказания помощи, лечения и реабилитации «редких» пациентов.

Литература

1. О порядке ведения федерального регистра лиц, страдающих жизнеугрожающими и хроническими прогрессирующими редкими (орфанными) заболеваниями, приводящими к сокращению продолжительности жизни граждан или их инвалидности, и его регионального сегмента: Постановление Правительства Российской Федерации от 26 апреля 2012 г. № 403. [электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Консультант плюс» / www.consultant.ru

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ
И КВАЛИФИКАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ ФЕЛЬДШЕРСКОГО
ПЕРСОНАЛА ВЫЕЗДНЫХ БРИГАД СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ
ПОМОЩИ В АСПЕКТЕ ПОДГОТОВКИ
К РЕФОРМИРОВАНИЮ СЛУЖБЫ**

**THE CURRENT STATE OF SOCIAL AND PROFESSIONAL
STRUCTURE OF PARAMEDICAL STAFF EMERGENCY MEDICAL
SERVICES IN TERMS OF PREPARATION FOR THE REFORM
OF THE SERVICE**

Ю.Н. Филиппов, В.В. Тарычев, С.В. Храмов, М.В. Хазов
Нижегородская государственная медицинская академия
Станция скорой медицинской помощи города Нижнего Новгорода
YU.N. Filippov, V.V. Tariychev, S.V. Khramov, M.V. Khazov
The state medical academy of Nizhniy Novgorod
First aid station of Nizhny Novgorod

Освещается современное состояние социальной и квалификационной структуры фельдшерского персонала службы скорой медицинской помощи. Полученные авторами результаты свидетельствуют о необходимости комплексного подхода к управлению фельдшерским персоналом скорой медицинской помощи в целях успешного реформирования службы.

Article focuses on the current state of social and professional structure of paramedical staff emergency medical services. The authors' results demonstrate the need for an integrated approach to rural first ambulance staff for the successful reform of the service.

Ключевые слова: фельдшеры скорой медицинской помощи, структура персонала.

Keywords: paramedic of an emergency medical services, structure of the staff.

С 2006 года в Российской Федерации реализуется Приоритетный национальный проект «Здоровье». Одним из направлений реформирования отечественной системы здравоохранения является реформа скорой медицинской помощи. Вместе с неуклонным ростом потребности населения в данном виде помощи меняется и её содержание. Сочетание высокой социальной значимости этой службы с увеличением расходов для ее обеспечения заставляют искать новые подходы к организации догоспитального звена здравоохранения, среди которых предусматривается повышение роли фельдшерских бригад в оказании скорой меди-

цинской помощи населению. Актуальной проблемой для современного здравоохранения является оценка качества фельдшерского персонала бригад скорой медицинской помощи в аспекте готовности к возложению на них новых обязанностей в сочетании с повышением уровня ответственности [1, 2, 3, 4].

Целью нашего исследования явилось изучение качества фельдшерского персонала бригад скорой медицинской помощи.

Для реализации поставленной цели нами были сформулированы задачи:

1. Изучить социальную структуру фельдшеров выездных бригад.
2. Исследовать квалификационную структуру фельдшерского состава.

Исследование проводилось на базе ГБУЗ НО «Станция скорой медицинской помощи» города Нижнего Новгорода (далее – ГБУЗ НО ССМП НН). ГБУЗ НО ССМП НН является некоммерческой организацией и оказывает круглосуточно скорую медицинскую помощь взрослому и детскому населению г. Нижнего Новгорода и прикреплённых населённых пунктов за пределами городской черты как на месте происшествия, так и в пути следования в стационар при состояниях, угрожающих здоровью или жизни граждан или окружающих их лиц, вызванных внезапными заболеваниями, обострением хронических заболеваний, несчастными случаями, травмами и отравлениями, осложнениями беременности и при родах. Численность прикреплённого населения составляет 1 280 355 чел., из них детей 0–17 лет – 199 543 чел., численность сельского населения – 5 857 чел. Площадь обслуживания составляет 411 км². Для реализации данной цели в структуре станции имеется 9 подстанций. Круглосуточную помощь оказывают 107 выездных бригад скорой медицинской помощи, среди которых 19 специализированных. В составе бригад работает 721 фельдшер. Материалом нашего исследования явилась документация кадровой службы. Обработка материалов производилась с учётом требований законодательства о сохранении персональных данных работников.

Как показали результаты исследования, современный коллектив фельдшеров ГБУЗ НО ССМП НН характеризуется выраженной диспропорцией структуры по полу: доля женщин составляет почти три четверти (73,8%) от всего фельдшерского состава. Преобладание женщин среди фельдшерского персонала бригад скорой медицинской помощи было отмечено на всех подстанциях. Работающие в ГБУЗ НО ССМП НН мужчины-фельдшеры преимущественно направляются в реанимацион-

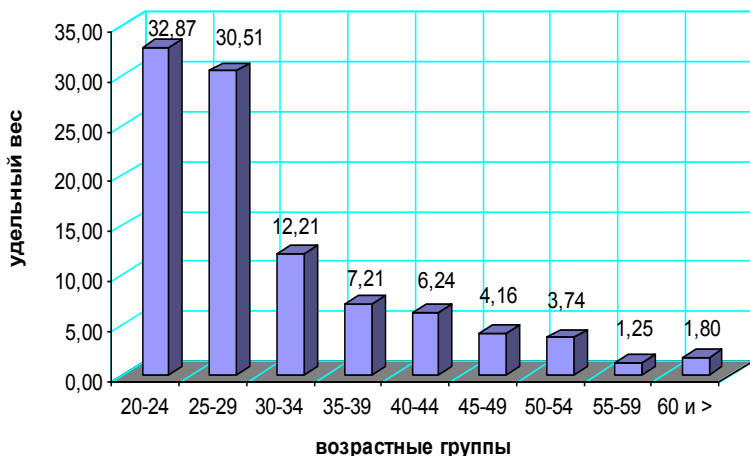

Рис. 1. Структура фельдшерского персонала выездных бригад ГБУЗ НО ССМП НН по возрасту, в %.

ные, неврологические, кардиологические, психиатрические бригады, что обосновывается высокой интенсивностью и особыми условиями труда в специализированных бригадах. В частности, предельно допустимая масса перемещаемого груза для женщин, утверждённая Постановлением Правительства РФ от 06.02.1993 г. № 105, исключает участие женщин-фельдшеров в транспортировке больных на носилках.

Исследование возрастной структуры фельдшерского персонала позволило выявить тенденцию снижения численности персонала по мере увеличения возраста. Так, две трети ($63,38 \pm 1,79\%$) фельдшеров являлись специалистами молодых возрастных групп (от 20 до 29 лет), при этом доля сотрудников в возрасте от 30 до 34 лет составила $12,21 \pm 1,22\%$, 35–39 лет – $7,21 \pm 0,96\%$, 40-44 года – $6,24 \pm 0,90\%$.

Удельный вес группы работников от 45 до 59 лет оказался низким и составил $9,15 \pm 1,07\%$. Доля специалистов пенсионного возраста (60 лет и старше) составила лишь $1,8 \pm 0,5\%$. Считаем необходимым отметить, что полученные нами данные имеют существенное отличие от результатов аналогичных исследований структуры врачебного персонала муниципального здравоохранения, где преобладают специалисты молодых возрастных групп и врачи в возрасте 45 лет и старше [5].

Исследование зависимости распределения среднего медицинского персонала в ГБУЗ НО ССМП НН от стажа работы позволило наглядно

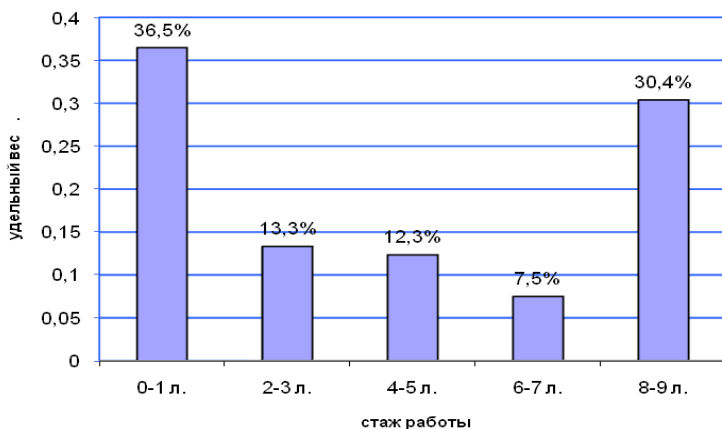

Рис. 2. Структура фельдшерского персонала выездных бригад в зависимости от стажа работы

продемонстрировать тенденцию оттока фельдшеров из службы скорой медицинской помощи по мере увеличения стажа работы. Так, почти половину ($49,42 \pm 1,86\%$) специалистов составила группа со стажем работы до 3 лет, удельный вес остальных групп оказался существенно ниже. Специалистов, имеющих стаж работы более 9 лет, на станции не оказалось.

Изучение квалификационной структуры показало, что лишь 28,2% фельдшеров имеют квалификационную категорию.

При этом полученные нами данные во многом объясняются особенностями социальной структуры фельдшерского персонала. Как уже отмечалось, среди фельдшеров преобладают женщины молодых возрастных групп и, соответственно, имеющие небольшой стаж работы. В то же время в соответствии с требованиями нормативной базы именно стаж работы по конкретной специальности является важнейшим критерием для возможности присвоения квалификационной категории (вторая квалификационная категория может быть присвоена работнику здравоохранения со средним специальным образованием при стаже работы не менее трех лет, первая – пяти лет, высшая – семи лет). Как показали результаты исследования, существенное значение имеет и обусловленная нормативными документами ситуация, когда женщина

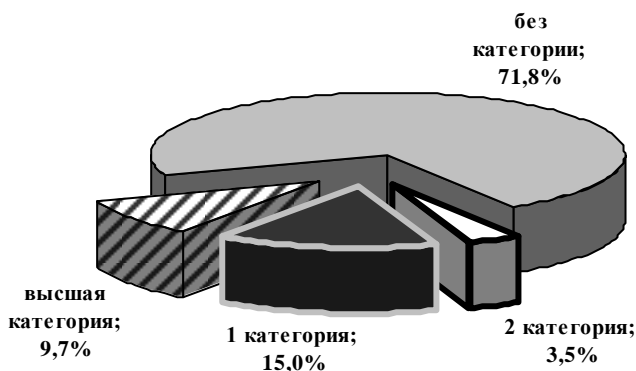

Рис. 3. Структура персонала по наличию квалификационной категории

после выхода из отпуска по уходу за ребенком в течение года не имеет возможности получить квалификационную категорию. Однако, помимо особенностей социальной структуры, увеличению доли специалистов, имеющих квалификационную категорию, в ГБУЗ НО ССМП НН препятствует и низкая мотивация фельдшеров к прохождению аттестации. Исследование показало, что только четверть фельдшеров ($24,83 \pm 1,61\%$), из числа имеющих стаж работы, достаточный для аттестации на квалификационную категорию, изъявляли желание пройти данную процедуру.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о нерациональности социальной структуры фельдшеров скорой медицинской помощи. В частности, отмеченная нами половая диспропорция в пользу женщин, безусловно, станет причиной затруднений при реформировании службы, т.к. руководство отрасли предполагает увеличение числа специализированных бригад, а их формирование требует наличия работников преимущественно мужского пола.

Подавляющее большинство фельдшеров скорой медицинской помощи – это молодые специалисты, находящиеся в поиске жизненного пути, места работы, самоопределения. Специалисты молодых возрастных групп в большей степени склонны к частой смене места работы [6, 1]. Кроме того, для них характерны длительные отпуска в связи с деторождением. Небольшой стаж работы, недостаточный профессиональный уровень значимой доли фельдшеров требует от администрации ГБУЗ

НО ССМП НН планомерного внедрения комплекса мероприятий, направленных на повышение квалификации работников как в рамках ЛПУ, так и в образовательных учреждениях дополнительного профессионального образования.

Наиболее стабильной и перспективной социальной группой персонала традиционно считаются работники со стажем от 10 до 20 лет. Такие специалисты трудятся на наиболее ответственных участках: ответственными фельдшерами и фельдшерами специализированных бригад. Однако, доля таких работников невелика и имеет тенденцию сокращения по мере увеличения возраста сотрудника.

Специалисты возрастных групп от 45 до 59 лет и пенсионного возраста традиционно в силу психологических особенностей являются наиболее стабильной частью персонала медицинского учреждения. Отмеченная нами неравномерность распределения среднего медицинского персонала внутри потенциально наиболее стабильной группы работников свидетельствует о неудовлетворительной работе по управлению персоналом администрацией ГБУЗ НО ССМП НН на протяжении многих лет. Специалисты данной группы обладают большим опытом работы, однако в силу своих психофизиологических особенностей имеют низкий уровень мотивации к профессиональному росту. Кроме того, в условиях постоянно растущей информатизации, компьютеризации отрасли, переходам к отраслевым стандартам проблема адаптации к меняющимся условиям труда особенно остро встает именно перед средним медицинскими работниками старших возрастных групп, что не может не сказаться на качестве оказания медицинской помощи населению. Однако специалисты данной группы являются оптимальными кандидатурами для организации работы по профессиональной адаптации молодых фельдшеров.

Изучение квалификационной структуры показало тенденцию оттока специалистов по мере увеличения стажа. Возможно, многие фельдшеры рассматривают службу скорой медицинской помощи как временное место работы в поисках лучшего. По мере увеличения объема профессиональных навыков специалисты трудоустраиваются в другие организации. Об этом же свидетельствует низкая заинтересованность фельдшеров в аттестации для получения квалификационной категории [7].

Таким образом, наше исследование показало, что современный фельдшерский состав персонала скорой медицинской помощи может стать серьезной проблемой на пути реформирования догоспитального звена службы, о чем свидетельствуют особенности социальной и квалификационной структуры; отток работников по мере увеличения стажа

работы и низкая заинтересованность в профессиональном развитии. Обязательным условием успешного реформирования скорой медицинской помощи считаем разработку и проведение комплекса мероприятий, направленных на повышение качества фельдшерского состава как на уровне отрасли, так и в каждом конкретном учреждении.

Литература

1. Габибулаев, Ф.А. Качество скорой и неотложной медицинской помощи городскому населению / Ф.А. Габибулаев // *Здравоохранение РФ*. – 2010. – № 5. – С. 29–32.
2. Зенкин, Н.Г. Система оказания скорой медицинской помощи городскому населению: проблемы и направления совершенствования / Н.Г. Зенкин // *Бюллетень сибирской медицины*. 2003. № 4. С. 70–86.
3. Иванова, С.В. Искусство подбора персонала: Как оценить человека за один час. – 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 160 с.
4. Татарников, М.А. Социально-психологические методы управления в системе менеджмента качества / М.А. Татарников // *Вопросы экспертизы и качества медицинской помощи*. 2011. № 4. С. 3–20.
5. Абаева, О.П. Научное обоснование и пути совершенствования работы с врачебными кадрами стационарного звена муниципального здравоохранения: дисс. канд. мед. наук: 14.00.33 / Абаева Ольга Петровна. 2006. Н.Новгород. 190 с.
6. Адаир, Д. Эффективная мотивация. – М.: Изд-во Эксмо, 2009. – 256 с.
7. Решетников, А.В. Медико-социологический мониторинг: Руководство. М.: Медицина, 2003, с. 238–247.

ПОЛУЧЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В СООТВЕТСТВИИ С ПРОГРАММОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГАРАНТИЙ MEDICAL CARE IN ACCORDANCE WITH THE PROGRAMME OF STATE GUARANTEES

Г.М. Хамитова
Казанский государственный медицинский университет
G.M. Khamitova
Kazan state medical University

Обсуждаются проблемы, с которыми сталкиваются граждане РФ при получении бесплатной медицинской помощи, гарантированной Конституцией РФ.

The Constitution of the Russian Federation guarantees medical care to be free of charge for a citizen in state and municipal medical institutions, without collection of a payment from the patient for the medical services rendered to him. And with it, there

are a number of problems the citizens of the Russian Federation face when resort to medical care.

Ключевые слова: Конституция, медицинская помощь, пациент.
Keywords: Constitution, medical care, patient.

Частью 1 статьи 41 Конституции РФ закрепляется право каждого человека на охрану здоровья и медицинскую помощь. При этом специально оговаривается, что медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

Таким образом, Конституция РФ гарантирует, что в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения медицинская помощь оказывается бесплатно, без взимания платы с пациента за оказанные ему услуги медицинского характера [1]. В развитие положений, закрепленных Конституцией РФ, Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» также закрепляет право граждан на бесплатную медицинскую помощь в соответствии с программой государственных гарантий (ст. 10 Основ) [2].

В соответствии с требованием законодательства Правительством Российской Федерации ежегодно утверждается Программа государственных гарантий оказания гражданам РФ бесплатной медицинской помощи. Указанная программа содержит перечень видов заболеваний, при которых гарантированно оказывается бесплатная медицинская помощь [3]. Этот перечень заболеваний составлен на основе "Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр. Женева, 2005" (МКБ-10) и содержит все виды заболеваний, известные современной медицине, по которым гражданам должна оказываться бесплатная медицинская помощь. Программа государственных гарантий оказания гражданам РФ бесплатной медицинской помощи определяет виды, нормативы объема медицинской помощи, нормативы финансовых затрат на единицу объема медицинской помощи, подушевые нормативы финансирования и порядок формирования тарифов на медицинскую помощь.

Таким образом, в Российской Федерации закреплено право граждан на бесплатную медицинскую помощь и создан механизм реализации данного права.

Вместе с тем основная проблема, с которой сталкиваются граждане РФ при обращении за медицинской помощью в государственные и муниципальные учреждения здравоохранения, – невозможность ее получения в необходимом объеме бесплатно.

Одной из причин можно назвать несбалансированность государственных гарантий с имеющимися финансовыми ресурсами. Достижение сбалансированности государственных гарантий с имеющимися финансовыми ресурсами должно быть достигнуто, во-первых, путем улучшения финансирования здравоохранения (как за счет увеличения финансовых поступлений, так и за счет повышения эффективности существующих механизмов финансирования здравоохранения, в том числе модернизации системы обязательного медицинского страхования), во-вторых, путем конкретизации государственных гарантий медицинской помощи (по видам, объемам, порядку и условиям оказания медицинской помощи, которая гарантируется всем гражданам РФ на бесплатной основе) [4].

Сейчас в федеральном законодательстве жестко разграничены полномочия и ответственность за социальную политику и финансирование здравоохранения в регионах возложена на органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Федеральный центр надеется заставить регионы самостоятельно решать проблемы социальной поддержки населения и охраны здоровья, изыскивая возможности финансового обеспечения. Однако здесь, по мнению специалистов [5], важно добиться равенства конституционных прав граждан на всей территории Российской Федерации, что достигается балансом принципов федерализма и регионального самоуправления. Устранение федерального центра от выполнения большинства социальных функций на местах не означает отмены государственных социальных гарантий. Но снижение «ответственности государства за социальные процессы, происходящие в нем, является ударом по авторитету государства в целом, потому что подрывает веру в социальную направленность государственной политики» [6].

В то же время остается нерешенной в полном объеме проблема доступности бесплатной медицинской помощи для большинства граждан, в том числе проживающих в сельских местностях отдельных субъектов Российской Федерации.

Еще одной из причин декларативности конституционного права граждан на бесплатную медицинскую помощь является переориентация

государственных и муниципальных учреждений здравоохранения на работу по оказанию платных медицинских услуг [7].

Полагаем, что действующее законодательство в части реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на бесплатную медицинскую помощь нуждается в совершенствовании по ряду направлений:

1. определенный объем оказываемой бесплатной медицинской помощи должен обеспечивать не только лечение, но и профилактику, реабилитацию и адаптацию гражданина к нынешним условиям жизни;

2. следует установить виды, формы, основания ответственности для лиц, отказывающихся или ненадлежаще оказывающих в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения бесплатную медицинскую помощь;

3. необходимы подготовленные законодательные акты, регламентирующие: порядок оказания видов бесплатной медицинской помощи, порядок публичного контроля за оказанием медицинской помощи, порядок публичного контроля за расходованием бюджетных средств на оказание бесплатной медицинской помощи.

Кроме того, ориентирующая функция конституционных ценностей предполагает более широкое использование стимулирующих конституционных гарантий, развивающих инициативу субъектов правовых отношений, усиливающих мотивацию к укреплению и сохранению здоровья [8]. Предлагается на законодательном уровне закрепить систему мер, направленных на увеличение средств, инвестируемых населением, работодателями в улучшение состояния здоровья посредством использования гибкой системы финансовых, страховых стимулов и механизма добровольного медицинского страхования.

В целях обеспечения баланса ценностей индивидуального и общественного здоровья необходимо использование стимулирующих правовых средств, направленных на повышение взаимной ответственности личности, работодателей, общественных и государственных институтов по вопросам охраны здоровья: механизмов стимулирования эффективности реализации программ государственных гарантий органами государственной власти субъекта Российской Федерации, страховых и налоговых стимулов для работодателей к укреплению здоровья работников, поощрения личной ответственности гражданина за укрепление и сохранение здоровья [9].

Рассмотрев данную тему, мы должны отметить, что в сфере правового регулирования здравоохранения центральная фигура – всегда паци-

ент, являющийся не просителем, а носителем безусловного права. И ущемление пациента в праве на бесплатную медицинскую помощь является нарушением действующего законодательства на самом фундаментальном конституционном уровне. Следует учитывать, что граждане сегодня требуют от российского здравоохранения высоких "европейских" стандартов, повышения качества медицинской помощи, основанной на последних достижениях науки.

Литература

1. Каргалова М.В. Социальное государство – неотъемлемая часть современной цивилизации // Социальное государство: концепция и сущность. ДИЕ РАН № 138. М.: ИЕ РАН – изд. ОГНИ, 2004. С. 17.
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 139-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ Российской Федерации, 2011. № 49. Ст. 4740.
3. Страшун Б.А. Десять лет конституционных прав и свобод // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 6.
4. Пишита А.Н. Правовой статус российского пациента // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 52.
5. Карпенко С.В., Короткова И.Е., Тишина А.В., Ивашева В.В. Пути обеспечения сбалансированности государственных обязательств в сфере бесплатного здравоохранения // Главный врач. 2003. н 5. С. 12.
6. Государственный Доклад о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 2004 году. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2005. Раздел 9. Оценка и прогноз состояния здоровья населения и основные направления развития здравоохранения. С. 89.
7. Найговзина Н.Б., Ковалевский М.А. Система здравоохранения в Российской Федерации: организационно-правовые аспекты. 2-е изд., испр. и доп. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2004. С. 75.
8. Путило Н.В. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2003. С. 64.
9. Николаев Г.А. Социальное государство в России: декларация или норма закона. Социальное государство: концепция и сущность. ДИЕ РАН № 138. М.: ИЕ РАН – изд. ОГНИ, 2004. С. 52.

ЧТЕНИЕ В 21 ВЕКЕ: ДИНАМИКА ФУНКЦИЙ И ЗНАЧЕНИЯ
READING IN THE 21st CENTURY: THE DYNAMICS
OF THE FUNCTIONS AND VALUES

Б.Л. Цветкова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

B.L. Tsvetkova

Nizhniy Novgorod State University of N.I. Lobachevsky

Обсуждаются изменения, происходящие в культуре чтения в 21 веке.

The article discusses the changes taking place in the culture of reading in the 21st century.

Ключевые слова: массовая культура, читательская культура, институциональный дефицит, буккроссинг.

Keywords: mass culture, the culture of reading, the institutional deficit, bookcrossing.

Двадцать первый век – эпоха массовой культуры, что не требует уже доказательств. Система манипулирования сознанием с помощью СМИ в контексте массовой культуры предстает формой универсальной информационной войны, которая ведется техникой с умами и душами современного массового человека. Эта война может быть сведена к индоктринации специально организованной информации в сознание. Но лишь в частных случаях она выступает как скрытая намеренная индоктринация, в тотальном же контексте это манипуляция как эффект технологически организованной безличности коммуникативных процессов, их технологически обеспечиваемой бессубъектности[1].

Массовая культура рождается из нарастающей зависимости автора от массы, а точнее, от средств передачи текста массам и технологий воздействия на массы. С развитием СМИ роль анонимного человечества – массы растет в сравнении с ролью автора. Автор шлет человечеству уже не то послание, которым бы хотел поделиться с ним, а то, которое оно от него потенциально ждет. Наконец, и анонимная масса становится «автором» интерактивного текста, в котором за обоюдной имперсональностью коммуникации нечего сказать, можно только играть словами, символами и образами.

Человек уже не замечает тривиальный и нетворческий характер и собственной жизни, и самой массовой культуры. Потребительство, становящееся доминантой жизни, определяет его отчуждение от творчества. Даже если человек не осознает этого, такая отчужденность ощу-

щается им как неполнота жизни, порождает смутную неудовлетворенность, выливающуюся в поиск компенсаций в виде острых, жестоких зрелищ, необычных переживаний, приключений и т. д.

Духовное потребительство, заменившее творческий дух, выливается не просто в культурную апатию, но в апатию агрессивную, человек все время чего-то требует от мира, но уже не видит, что мог бы дать ему сам.

Это безусловно влияет и на читательскую культуру, которая сегодня крайне раздроблена, состоит из дробных и кратковременных впечатлений, в ней отсутствуют объединяющие, интегративные начала, устойчивые, передающиеся во времени символы и авторитеты. В чтении даже самых образованных и продвинутых читательских групп сегодня отчетливы ориентации на пассивно-адаптивный тип культурного поведения и потребления, отсутствие аналитического интереса к окружающей современности во всех ее противоречивых чертах, склонность к развлечению и эскапизму, усреднение вкусов[2].

Школа, библиотека, массмедиа в России по-прежнему монополично огосударствлены. Как считает Б. Дубин, они могут существовать сегодня и будут существовать завтра лишь в виде развалин старого порядка, скрепляемых и удерживаемых единственно корпоративными интересами и персональными связями бюрократических кадров, рекрутируемых сокращающимися в числе и хиреющими, если говорить об активности, значимости и авторитетности в обществе, учреждениями культуры[2]. Достаточно сравнить с этими учреждениями сферу книгоиздания, откуда государство почти полностью ушло (свыше 68% названий книг, вышедших в России за 2004 год, и 91% совокупного книжного тиража принадлежало негосударственным издательствам), чтобы убедиться: собственно производство литературных образцов, разных по форме, уровню и адресации, т. е. продуктивность культурных групп, развивается сегодня в России не без успеха. Только за первую половину 2005г. в стране вышло 47,5 тыс. названий книг – почти столько же, сколько за весь советский 1985 год (51 тыс.)[3]. Наконец, государством же, монополизировавшим почтовые коммуникации, крайне затруднено распространение книг: они почти не доходят до городов с населением в 100 и менее тыс. человек, не говоря уж о селах. Кроме того, и покупательная способность большинства российских жителей за пределами двух столиц сравнительно низка, а книги не относятся для них к товарам первой необходимости.

Что же касается библиотек, они в России так и не стали общественными, но принадлежат либо федеральным органам, либо – на низовом уровне – местным властям. Прежняя централизованная сеть распространения книг не работает, фонды библиотек – от национальных до районных – становятся все бедней, а их количество на низовом, наиболее массовом, доступном для людей уровне постоянно сокращается (по оценкам экспертов, в ближайшей перспективе оно может сократиться более чем наполовину, возможно, на три четверти). Периферия российского общества, и социальная, и географическая, отрезана и все дальше «отодвигается» от его центров, можно сказать, происходит ее варваризация, причем осуществляет эту варваризацию едва ли не в первую очередь государство[4].

В этих условиях озабоченность «проблемами чтения» и задачами его «поддержки», публично, даже с какой-то назойливостью проявляемую в последние несколько лет различными официальными ведомствами, скорее всего, надо понимать как претензию власти, особенно на международных встречах, выставочных мероприятиях и т. п., символически обозначить свое присутствие без намерения брать реальную ответственность за сложившуюся по ее вине ситуацию. Более того, государство здесь, как и в других социальных сферах (образование, медицинское обслуживание, ЖКХ), последовательно отказывается от каких бы то ни было обязательств, все чаще перекладывая финансирование на местную власть и на самого налогоплательщика. Между тем деятельность наиболее массовых (сельских, районных), а во многом и центральных городских, даже ведомственных библиотек фактически сведена сегодня до функции библиотек школьных. Они обеспечивают первичную социализацию, помогают в учебе или используются теми культурно несамостоятельными, социально зависимыми группами населения, у которых нет ни денег для покупки книг, ни больших библиотек дома, ни альтернативы массовым библиотечным учреждениям в виде крупных универсальных или ведомственных библиотек[5]. В какую-то библиотеку сегодня записана лишь пятая часть взрослых россиян (примерно такова же, с расхождением в несколько процентов, доля россиян, постоянно читающих журналы и книги), причем примерно две трети остальных были записаны, но перестали пользоваться, прочие же и вовсе никогда не были абонентами библиотек. Этот массовый отток пользователей вовсе не связан с переходом их к более «современным» средствам? скажем, интернет-библиотекам, журнальным сайтам.

Так, по данным опросов Левада-Центра, один раз в неделю и чаще Интернетом сегодня пользовались лишь 8% россиян, причем ведущими мотивами обращения к сети выступают наведение справок, электронная переписка и ознакомление с новостями, а отнюдь не интерес к печати, еще менее – к книгам[6].

Последовательно расширяющийся за последние годы разрыв между производителями и потребителями культурных образцов, между властью и населением, центром и периферией, который свидетельствует о слабости и несамостоятельности общества, вялости процессов группообразования и групповой дифференциации в нем, о его застарелых институциональных дефицитах, в подобных условиях становится для обычного человека почти непреодолимым. Можно сказать иначе: институты культурного воспроизводства в России закрепляют и воспроизводят сегодня сам этот разрыв – консервируют социум как развал, руину и осыпь[4].

С другой стороны, современная ситуация не дает все-таки говорить о смерти книги как базовой коммуникативной модели, о ее растворении в визуально-аудитивных средствах управления вниманием, которыми она неуклонно оснащается и с которыми не может конкурировать. Один из признаков обретения книгой новой жизни в пространстве постмодерна – феномен буккроссинга. Новое движение имеет все признаки субкультуры: ритуальность, встречи в культовых местечках, свой сленг, своя философия. Буккроссинг – движение книголюбов, действующих по принципу «прочитал – передай другому». Они целенаправленно оставляют прочитанные книги в людных местах (метро, кафе, вокзалы, парки), чтобы другие могли их взять и почитать. Еще одна новая (или подзабытая старая) интересная возможность делиться с близкими по духу людьми радостью от погружения в хорошую литературу – чтение в слух. Совершенно недавно эта форма небезуспешно стартовала на платформе Свободного пространства АльтЛиб (альтернативная библиотека) в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде[7].

Книговорот не должен прекращаться, и, возможно, именно свободное неформальное пространство обеспечит будущее, в котором будет место книге.

Литература

1. Панкин В.Г., Григорьева О.А. Книга как информационно-технологическая основа культуры / СОЦИС, 2009. С. 81

2. Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Чтение и общество В России 2000- х годов / СОЦИС, 2009. С. 68.

3. Гудков Л., Дубин Б. Издательское дело, литературная культура и печатные коммуникации в современной России // Либеральные реформы и культура. М., 2003. С. 13–89; Дубин Б. Между каноном и актуальностью, скандалом и модой: литература и издательское дело России в изменившемся социальном пространстве // Неприкосновенный запас. 2003. № 4 (30). С. 136–144; Гудков Л., Дубин Б. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов // Новое литературное обозрение. 2005.

4. Дубин, Б.В. Другая история: культура как система воспроизводства / Отечественные записки. – №4 (24), 2009.

5. Опрос комплектаторов библиотечных учреждений, проведенный Фондом «Пушкинская библиотека» в 2003 году, показал, что 73% библиотек приобретают учебники для школ и средних специальных учебных заведений, 64% – сборники шпаргалок по разным предметам, рефератов и учебных сочинений. См.: Стельмах В. Кому нужны библиотеки в современной России? // Вестник общественного мнения. 2005. – № 5 [в печати], а также ее более раннюю статью: Современная библиотека и ее пользователи // Там же. 2004. – № 1 (69). – С. 56–63.

6. Палилова И. Социально-демографический портрет пользователей сети Интернет // Интернет-маркетинг. 2005. № 3. С. 15–18.

7. Персональная страница АльтЛиб в Нижнем Новгороде vk.com/altlib

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ШКОЛЬНИКОВ-МИГРАНТОВ **SOCIAL ADAPTATION OF SCHOOLCHILDREN-MIGRANTS**

В.А. Чигиркина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

V.A. Chigirkina

Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky

Обсуждается проблема процесса социальной адаптации школьников мигрантов в принимающем обществе. Изучается степень разработанности данного вопроса. Выделяются основные трудности, с которыми сталкиваются учащиеся-мигранты в инокультурной среде. Автор использует результаты исследования «Школа: обыденность насилия», проведенного на 2009-2013 годы на кафедре общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Лобачевского и приходит к заключению, что одной из ведущих причин возникновения насилия являются этнические различия между учащимися.

In the article is discussed the problem of the foreign schoolchildren's social adaptation in the accepting society. Chief reasons of the adaptation in the foreign culture are listed. Author uses results of the research "A School: The Habit to Violence" con-

ducted within the Federal Target Program “Research and Educational Staff of Innovative Russia” on the department of general sociology and social work of the Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod. Author arrives at a conclusion that ethnic difference is one of the underlying reasons of the school violence.

Ключевые слова: миграция, школьник-мигрант, социальная адаптация, инокультурная среда, школа, насилие.

Keywords: migration, foreign schoolchildren, social adaptation, foreign cultural environment, school, violence.

На рубеже XX и XXI века протекающие экономические, политические и социальные процессы привели к тому, что миграция в современном мире стала глобальным феноменом и получила небывалые значения и последствия. Человечество становится свидетелем процесса глобализации, который охватывает все сферы жизни общества и создает единую систему народов и государств. Однако остаются слаборазвитые страны, экономическое отставание которых формирует траектории миграции, возбуждая постоянно направленные миграционные потоки. Направленность миграционных потоков от менее развитых стран к более развитым сильнее воздействует именно на последние. Это проявляется в негативном влиянии на социальные отношения, культуру и национальную идентичность этих государств. В подобной ситуации необходимым является создание четких механизмов регулирования миграционных процессов, предупреждающих возникновение негативных тенденций в межэтнических отношениях, возникающих в процессе миграции. Все больше люди мигрируют целыми семьями. Дети, мигрировавшие с семьями из другой языковой и культурной среды, сталкиваются с необходимостью этнокультурной адаптации [1].

Межкультурная адаптация – сложный процесс, благодаря которому человек достигает совместимости с новой культурной средой. Успешное приспособление определяется как ощущение гармонии с окружением, а основное внимание уделяется анализу чувства удовлетворенности, психологического благополучия к душевному здоровью детей мигрантов.

Акультурационные изменения отражаются в таком понятии, как «культурный шок», и сходном с ним – «шок перехода», «культурная утомляемость». Симптомы культурного шока – недостаток уверенности в себе, тревожность, раздражительность, бессонница, психосоматические расстройства, депрессия. Это негативная сущность культурного шока. Но есть и позитивная сторона процесса – ярко выраженный личностный рост, возникающий при благоприятных условиях вхождения в

новую культуру, когда индивид проходит цикл «стресс – адаптация – личностный рост».

Исследование проблем миграции имеет относительно большую теоретическую базу. Основы теоретического изучения миграционных процессов были заложены еще в конце XIX в. Э. Равенстейном, идеи которого лежат в основе неоклассических теорий экономического рационализма, в частности, теории «притяжения – выталкивания» (С. Стауфер, З. Зелинки, Г. Джером, Э. Ли). Среди авторов, работы которых были выполнены в рамках иных теоретических подходов, следует назвать О. Старка и Э. Тейлора («новая экономическая теория миграции»), М. Кастельса и Дж. Козака (теория исторического структурализма), М. Пиор (теория двойных рынков труда). Довольно часто при анализе миграции исследователи обращаются к теории человеческого капитала (Г. Беккер, Т. Шульц), а также теории миграционных сетей (А. Паллони).

Представители западной науки во второй половине XX в. также внесли неопределимый вклад в изучение общих проблем миграции. М. Бойд, Т. Буш, П. Ди Маджио, Х. Злотник, Н. Кибриа, Д. Массей, М. Миллс выявили основные характеристики миграции как социокультурного процесса.

В советский период в нашей стране освещали методологические проблемы анализа миграционных процессов Ж.А. Зайончковская, В.М. Моисеенко, В.И. Переведенцев, В.Н. Чапек.

Большой вклад в изучение сущности и видов миграционных перемещений внесли демографы, экономисты и специалисты в сфере географии. Среди современных авторов следует отметить Н.В. Алисова, С.К. Бодыреву, В.А. Борисова, А.Я. Боярского.

Особое внимание отечественных исследователей направлено на анализ характера взаимодействий мигрантов и принимающего населения, адаптационных практик, стратегий интеграции мигрантов. Вопросы взаимодействия мигрантов с принимающим сообществом нашли свое отражение в работах Ю. Арутюняна, О. Вендиной, С. Артоболевского, И. Бадышовой, Д. Лухманова, Н. Мкртчяна, К. Мокина, Л. Гудкова.

Для детей мигрантов необходим такой межкультурный контакт, как интеграция, то есть сохранение мигрантом своей культурной идентичности при объединении в сообщество на новом значимом основании [1]. Мигрант синтезирует обе культуры, будучи их связующим звеном. Для этого и необходимо психологическое сопровождение интеграции и социокультурной адаптации детей мигрантов, чтобы они быстрее могли погрузиться в иную культуру и приобрести определенные качества,

свойственные представителям новой культуры, также сохраняя свои культурные ценности.

Проблемы школьников-мигрантов – это и социокультурные, и языковые, и психологические, в первую очередь они выражаются в процессе обучения. Школьная система должна учитывать положение, рубежи, потребности, физические способности, темперамент, скорость реакции, способности учащегося-мигранта, плохое знание языка и психологии, на которые этот язык опирается [2].

Основные трудности, с которыми сталкиваются учащиеся-мигранты в инокультурной среде: наличие различий между ребенком-мигрантом и местным ребенком в языке, способе думать, привычках, в результате чего возникает культурная и социальная дистанция, так как ребенок-мигрант зачастую является выходцем из низших слоев общества; отсутствие согласия относительно форм интеграции мигрантов в инокультурном обществе; трудности в организации специального обучения детей мигрантов из-за их некомпактного проживания.

В рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы на кафедре общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Лобачевского проведена научно-исследовательская работа на тему: «Школа: обыденность насилия». Был проведен анализ социокультурных корней насилия в современной российской школе.

Целью работы являлось комплексное исследование проблемы насилия в современной российской школе, анализ его социокультурных корней, а также разработка системы мер по предотвращению школьного насилия с использованием ресурсов социальной работы.

Школа – один из важнейших институтов социализации человека, подключаемый к данному процессу на самых ранних стадиях становления личности, когда начинается активное формирование навыков межличностного общения, разрешения проблем и выстраивания взаимодействия. Школа является центральным элементом образовательного процесса, закладывающим основы и создающим условия развития личностных склонностей и интересов, профессиональных навыков, становится одним из ключевых факторов успешности индивида. Насилие является главным социально-психологическим фактором, препятствующим не только осуществлению школой образовательной функции, но и способствующим закреплению у учащихся негативных моделей поведения и разрешения конфликтов во взрослой жизни. Данное исследование пока-

зало, что одной из ведущих причин возникновения насилия являются именно этнические различия между учащимися.

Оценивая современное состояние решаемой научной проблемы, следует отметить, что в последнее время в России акцентируется тема эскалации насилия в школе. Однако, основываясь на слухах и отдельных, крайних случаях, представленных в СМИ, можно прийти к неправильным выводам относительно взрывного уровня насилия в российской школе. Необходимы точные сведения о реальных масштабах явления, что позволит дать его адекватную оценку.

Таким образом, из вышесказанного стоит сделать вывод, что проблема адаптации школьников-мигрантов является в настоящее время как никогда актуальной и требует детального изучения.

Литература

1. Саралиева З.Х. Типология мотивов иметь или не иметь детей / З.Х. Саралиева, С.С. Балабанов, Б. Наук // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 129–136.
2. Петрова И.Э., Сироткина Е.С. Актуальные проблемы социальных педагогов в образовательном учреждении / Петрова И.Э., Сироткина Е.С. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4. С. 130–136.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ИНВАЛИДОВ УСЛУГАМИ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМИ ЦЕНТРАМИ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ Г. КАЗАНИ ПРИ ТРУДОУСТРОЙСТВЕ **STATISFACTION OF DISABLED PEOPLE WITH THE SERVICES PROVIDED BY THE CENTER OF EMPLOYMENT OF THE POPULATION OF KAZAN CITY AT APPLICATION FOR A JOB**

И.К. Шагимуратова

Казанский государственный медицинский университет

I.K. Shagimuratova

Kazan State Medical University

Описаны услуги, предоставляемые инвалидам центрами занятости населения при трудоустройстве. Приведена оценка клиентами и специалистами организации и доступности предоставляемых услуг

The article deals with services, given for disabled person by employment center, when these person are application for a job. The, article present the centers evaluation of organization and availability of the given services.

Ключевые слова: инвалиды, трудоустройство, услуги.
Keywords: disabled, application for a job, services.

На российском рынке труда сохраняется возникшая при переходе к рыночной экономике тенденция сокращения численности работающих инвалидов. По данным МТЗ и СЗ РТ, численность инвалидов трудоспособного возраста составляет 327868 человек. Из них трудоустроены 62838 инвалидов (37,5%), что превышает российские показатели (34,9%). Численность инвалидов будет возрастать и к 2020 г. может достигнуть 2,08 млн. человек, увеличившись по отношению к уровню 2010 года в 1,2 раза. При этом в среднем за год численность лиц, впервые признанных инвалидами, повысится с 1148 тысяч человек (1970–2012 гг.) до 1909 тысяч.

В соответствии с законодательством РФ, обязанность обеспечивать трудоустройство граждан, в том числе и инвалидов, возложена на территориальные органы Государственной службы занятости – Центры занятости населения (ЦЗН). В г. Казани действует семь ЦЗН.

С момента реализации долгосрочной целевой программы «Доступная среда» на 2011–2015 г.г. в РТ ЦЗН стали переоборудоваться для обеспечения равных возможностей в сфере занятости для инвалидов. Объем финансирования на 2011 год – 695 727,832 тыс. рублей, в том числе: 347 863,916 тыс. рублей – средства бюджета РТ; 347 863,916 тыс. рублей – средства бюджета РФ. В 2012 г. на реализацию программы выделено – 658,9 млн. рублей.

Чтобы оценить уровень предоставления государственных услуг ЦЗН г. Казани по трудоустройству инвалидов, мы провели исследование. Задачи исследования: определить степень удовлетворенности инвалидов полнотой и качеством услуг, оказываемых в ЦЗН; оценить результативность оказания услуг инвалидам ЦЗН. Методология исследования: анкетный опрос 80 инвалидов, получивших услуги ЦЗН г. Казани; экспертные полуструктурированные интервью 21 специалиста ЦЗН г. Казани.

Среди обращающихся в ЦЗН инвалидов больше мужчин (60%). Это группы в возрасте 46–60 лет (62,5%) и 30–44 лет (30%). Возраст, как правило, предпенсионный. В данном возрасте люди чаще приобретают инвалидность и работать на прежней работе не могут, поэтому обращаются за услугами в ЦЗН.

Информацию об услугах ЦЗН инвалиды получают из разных источников: 80% респондентов выделили основным источником информации

своих родственников, друзей, знакомых; около половины – интернет и работников ЦЗН, более 30% – СМИ и средства автоинформирования, 15% – средства электронной связи.

Проблемы трудоустройства у инвалидов, по мнению сотрудников ЦЗН, обусловлены тремя основными причинами: психологическими барьерами инвалида; нежеланием работодателей принимать на работу инвалидов; отсутствием четких рекомендаций по обустройству конкретных рабочих мест для инвалидов органами МСЭ. Ограничения, прописанные в ИПР бюро МСЭ, одинаковы у всех инвалидов, и поэтому трудоустроить такое количество инвалидов с одинаковыми противопоказаниями к труду очень сложно. Инвалиды же выделили следующие причины своей безработицы: нет вакансии, соответствующей требованиям, указанным в ИПР (80%), нет работы, соответствующей желаниям и предпочтениям (20%).

Инвалиды главной целью обращения в ЦЗН называют «найти работу» – 67,5%. С целью получения социальных пособий в ЦЗН обратилось 17,5% инвалидов. Специалисты же свидетельствуют об обратном: основная цель обращения инвалидов в ЦЗН – получение социальных выплат. Следующая причина обращения в ЦЗН – пройти профессиональное обучение, получить социальные льготы. Половина опрошенных инвалидов обращается повторно в ЦЗН за получением услуг, чуть меньше половины опрошенных (45%) обращаются впервые и 5% регулярно.

Услугу, которую хотели получить все 100% инвалидов, обращающихся в ЦЗН, содействие в поиске работы, получили эту услугу 97,5% респондентов. На втором месте по востребованности – «получение социальных выплат» (40%), но получают значительно больше – 97,5%. Такую большую разницу можно объяснить тем, что социальные пособия получают все клиенты ЦЗН, зарегистрированные в качестве безработного. Этот факт подтверждает общее мнение сотрудников – основной, часто скрытой целью регистрации инвалидов в ЦЗН, является получение социальных выплат. Третье место – услуги по «профессиональной ориентации» и «психологической поддержке» (25% респондентов), а это каждый 4 ответивший. Каждый пятый–шестой инвалид обращался в ЦЗН, чтобы получить услугу по «социальной адаптации» (20%), но получили ее только 5% из опрошенных респондентов.

При обращении в ЦЗН на общественных работах хотели работать 10% инвалидов, получили – 18,5%, а временно трудоустроиться – только 5%, получили 15% соответственно. Потребность в услуге по «организации общественных работ» можно объяснить тем, что работая на

общественных работах, инвалид не снимается с учета в ЦЗН и продолжает получать пособие по безработице.

Предпринимательская деятельность является одним из средств решения проблемы незанятости, тем не менее, только 2,5% респондентов хотели бы заняться предпринимательством и только 1,8% готовы к этому.

Результаты анкетирования инвалидов совпадают со статическими данными ЦЗН: на первом месте по получению стоит услуга «содействие гражданам в поиске подходящей работы», на втором – «получение социальных выплат», на последнем – «содействие самозанятости».

На вопрос, «Удовлетворены ли Вы услугой(-ми), полученными в ЦЗН?», 100% респондентов-инвалидов ответили положительно. Парадоксально, но такой фактор, как «результат оказания услуги», является абсолютно не важным для 6,25% опрошенных инвалидов. Абсолютно не важна полнота и своевременность информирования о предоставлении государственных услуг 7,5% респондентов.

Все опрошенные сотрудники ЦЗН придерживаются норм, предусмотренных Административными регламентами, но некоторые положения, прописанные в них, по словам работников, вызывают сложности и спорные ситуации. Руководители ЦЗН отмечают: «В Административном регламенте есть такое понятие, как «время ожидания в очереди», которое не должно превышать 30 минут. А прием может длиться до 55 минут. И если люди пришли одновременно, то данный пункт Регламента может быть нарушен. Для инвалидов не предусмотрено прохождение без очереди, они идут в общей очередности и часто этим не довольны». По регламенту должен стоять в очереди, а по ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» все услуги инвалид получает без очереди, в результате возникает спорная ситуация. Работники ЦЗН предлагают отменить бумажный архив, предусматриваемый Административным регламентом. При предоставлении услуг сотрудникам необходимо дублировать все документы в электронном виде, что увеличивает объем работы в два раза.

Итак, услуги, предоставляемые ЦЗН, не в полной мере удовлетворяют потребности инвалидов в трудоустройстве. Низкая эффективность социальных мер в получении услуг ЦЗН обусловлена недостатками законодательства, взаимодействием и оперативной обратной связью пяти сегментов: инвалидов, государства, ЦЗН, МСЭ, работодателей. Особенности здоровья инвалидов являются самым значимым фактором, определяющим возможности их трудоустройства. Не всегда работа, соответ-

ствующая требованиям ИПР, является желаемой для инвалидов. Даже при наличии высшего и среднего профессионального образования и опыта возможности трудоустройства ограничены. А рекомендации, прописанные в ИПР, указывают, что физический труд противопоказан. Это осложняет сотрудникам ЦЗН подбор подходящих вакансий.

**ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ
БЫВШИХ СОТРУДНИКОВ НАРКОКОНТРОЛЯ РОССИИ
MAIN FACTORS OF FEDERAL DRUGS CONTROL AGENCY
FORMER EMPLOYEES ADAPTATION**

Е.С. Щигорцова

*Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н. Туполева – КАИ*

E.S. Shchigortsova

*Kazan National Research Technical University
named after A.N. Tupolev*

Раскрыты факторы, оказывающие воздействие на социальную адаптацию общественно-профессиональной группы бывших сотрудников наркоконтроля России.

The authors reveal peculiarities of socio-professional group of drug control agency former employees and factors that have an impact on their social adaptation.

Ключевые слова: социальная адаптация, сотрудники наркоконтроля.

Keywords: social adaptation, employees of federal drugs control agency.

Сотрудники федеральной службы наркоконтроля России, несмотря на сравнительно недавнюю историю существования службы, являются неотъемлемой частью российского общества. После выхода на пенсию бывшие наркополицейские возвращаются в ряды гражданского населения. Выход на пенсию таких сотрудников, происходящий значительно раньше, чем у большинства граждан, порождает у них, с одной стороны, соответствующие жизненные диспозиции, стремление работать и делать карьеру, а с другой стороны, препятствия к этому, вызванные непроработанностью этих вопросов в социальном и правовом отношениях.

Анализ условий и социальных проблем, встающих перед сотрудниками наркоконтроля, увольняющимися со службы, позволяет выделить и соотнести между собой следующие факторы, оказывающие решающее

воздействие на возможности их социальной адаптации. Среди объективных факторов: 1) биофизиологические факторы, прежде всего, связанные с возрастом увольняющихся сотрудников, их состоянием здоровья и вызванных этим проблем с лабильностью, эвристичностью и ригидностью мышления; 2) экономические условия, прежде всего связанные с деиндустриализацией страны, периодическими падениями производства, высокой безработицей; 3) историко-политические факторы, к которым относится отсутствие в стране отработанной системы социальной защиты и адаптации рассматриваемого сегмента граждан; 4) правовые условия, коллизия между заявленным в Конституции РФ статусом государства как социального и лакуной в законодательстве, призванном создать юридические основы для социальной адаптации бывших сотрудников ФСКН России, очевидная нехватка прав у этой категории в сравнении с другими сотрудниками правоохранительных органов; 5) духовные факторы, к которым относятся, в частности, несформированность институтов переквалификации освобождающихся сотрудников ФСКН России.

К субъективным факторам, влияющим на социальную адаптацию рассматриваемой категории лиц, можно отнести: 1) традиционное отсутствие необходимых личностных диспозиций у данной категории лиц, стремления овладеть новой специальностью в зрелом возрасте; 2) социальный патернализм их сознания, порождающий пассивную жизненную позицию и завышенные социальные ожидания от помощи со стороны государства; 3) социальная аномия и фрустрация многих из увольняющихся сотрудников, рождающие разрыв между социальными интенциями этой категории и недостаточностью социальных ресурсов для их реализации; 4) с другой стороны, это позитивные для адаптации социальные и культурные ресурсы данной категории лиц: высокая информированность, ориентация на карьеру, конкурентоспособность, уровень профессиональной подготовки, необходимый для успешного выполнения новой профессиональной деятельности, умение справляться с высокими нервно-психологическими нагрузками, действовать в ситуациях социального и личного риска, что облегчает адаптацию в условиях рыночной экономики, в частности, к предпринимательской деятельности; волевые качества, навыки самоконтроля, сдерживание эмоций, привычка работать в режиме большого эмоционального напряжения, определенной актерской «игры», сочинение «драматургических сценариев» своего социального поведения; 5) особенности ценностно-нормативного регулирования их социального и профессионального поведения, такие

как патриотизм, привычка к приоритету государственных интересов над личными, к законопослушности; 6) наличие социального капитала (помощь от родственников и друзей, система социальных связей индивида); 7) пропаганда, агитация и иные формы идейного воздействия на увольняющихся сотрудников со стороны СМИ и коммуникации, пиар служб, предприятий и учреждений, нуждающихся в новых работниках.

Система социальной адаптации сотрудников, увольняющихся из ФСКН России, – многоуровневый социальный процесс, приводящий к согласованию внешней и внутренней социальных сред, воздействующих на личность или общественную группу, с помощью оптимальных стратегий приспособления. Данные стратегии способны сформироваться на основе новых личных диспозиций увольняющихся сотрудников, усваиваемых в ходе изменений их жизненных шансов, и благодаря накоплению у них новых социальных ресурсов.

ДОСТУПНОСТЬ И КАЧЕСТВО МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ MEDICAL CARE AVAILABILITY AND QUALITY ASSESSED BY MORDOVIA REPUBLIC POPULATION

М.В. Юскаева

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

M.V. Yuskayeva

Mordovian State University named after N.P. Ogarev

Рассматриваются особенности процесса модернизации отечественной системы здравоохранения. Приводятся данные эмпирических исследований доступности и качества медицинской помощи в оценках различных социально-демографических и профессиональных групп Республики Мордовия.

The article considers the specifics of Russian medical care system modernization. The article presents the empirical study data based on medical care quality and availability assessed by various professional and social groups of Mordovia Republic.

Ключевые слова: здоровье, медицинская помощь, доступность, качество, удовлетворенность

Keywords: health, medical care, availability, quality, satisfaction

В настоящее время вопросы сохранения здоровья общества в целом, различных социально-демографических и профессиональных групп при-

обрели особое значение. Это обусловлено, прежде всего, снижением уровня здоровья населения и качества жизни, изменением социально-экономического статуса многих социально-профессиональных групп в период реформ, а также необходимостью воспроизводства здорового молодого поколения и поиска внутренних резервов индивидов для поддержания собственного здоровья.

В то же время в условиях рыночной экономики ценность общественного и индивидуального здоровья имеет тенденцию к возрастанию. С одной стороны, динамика восприятия здоровья населением связана с усилением его роли в качестве инструментальной ценности в общественном производстве, когда материальная отдача от профессиональной деятельности (доход), согласно теории М. Гроссмана, стимулирует человека к увеличивающимся инвестициям в свое здоровье, так как в случае болезни его убытки будут более значительными [1]. С другой, она напрямую связана с доступностью, уровнем и качеством медицинской помощи, оказываемой населению учреждениями здравоохранения.

Вопрос о необходимости совершенствования системы здравоохранения остается одним из самых острых, стоящих перед органами государственного управления, медицинскими работниками и поэтому находится в фокусе исследователей различных научных областей. Несмотря на реализуемые правительством России программы по модернизации учреждений здравоохранения, обеспечению доступности высокотехнологичной медицинской помощи и повышению качества медицинских услуг для населения, медицина сегодня становится все более коммерциализированной, качество доступной медицинской помощи остается на невысоком уровне, а введенные в поликлиниках электронные очереди зачастую не решают проблем длительного ожидания визита к специалисту.

Результаты исследования «Оценка населением Республики Мордовия эффективности деятельности органов местного самоуправления городского округа и муниципальных районов» (2009 г., N=8 000), показывают, насколько население удовлетворено доступностью и качеством предоставляемой медицинской помощи [2]. Несмотря на высокий показатель удовлетворенности качеством медицинской помощи в целом (63,5%), а среди жителей сельских населенных пунктов он еще выше (71,5%), только 16,5% респондентов не могли назвать недостатки в работе медицинских учреждений.

По мнению респондентов, существенным недостатком является проблема очередей как на прием к врачам-специалистам (40,8%), так и на лечение в стационаре (10,3%). Это в большей степени характерно для

городской среды (47,4%), где, с одной стороны, выше плотность населения, а с другой – близость и доступность расположения медицинских учреждений для населения, что создает предпосылки для спроса на медицинские услуги и повышения времени ожидания приема к врачу. Особенно актуальна эта проблема для работающего населения, для которого время, потраченное в очередях, весьма «дорого».

Как отмечают респонденты, в государственных учреждениях здравоохранения наблюдается дефицит специалистов узкого профиля. Так, при наличии высокотехнологичного оборудования нередко складывается ситуация, что работать на нем некому (27,6%). Это во многом обусловлено оттоком специалистов в частные медицинские учреждения и крупные города, заработная плата в которых значительно выше.

В настоящее время спорными являются критерии оценки качества работы врача-специалиста, приоритет отдается количественным показателям (число принятых пациентов, выписанных рецептов и выданных больничных листов), что, в свою очередь, отрицательно сказывается на качественных показателях (количество выявленных на ранних стадиях заболеваний, профилактических осмотров и т.д.). Кроме того, к существенным недостаткам было отнесено распространение отдельных видов платных медицинских услуг, доступность которых ограничена для населения (8,4%). Небольшая доля респондентов указывает на непрофессионализм медицинских работников (8,8%) и, как следствие, неэффективное лечение (11,1%).

Сведения об уровне удовлетворенности медицинской помощью в проекции профессиональной группы были получены в результате исследования «Отношение к здоровью преподавателей вуза» (2011 г., N=126). Результаты свидетельствуют, что более половины опрошенных преподавателей обращаются за медицинской помощью только в случае тяжелого заболевания (52,5%) или необходимости уточнения диагноза (26,7%). Это может быть обусловлено отсутствием доверия к квалификации врачей, очередями в учреждениях здравоохранения, что требует затрат времени, или неудобным расписанием врачебного приема. Немаловажным фактором, снижающим уровень доступности медицинской помощи, является распространение платных услуг, которые могут быть недоступны для работников бюджетной сферы.

Немногим менее половины опрошенных преподавателей регулярно проходят профилактический медицинский осмотр и диспансеризацию. Не считают необходимым осуществлять профилактический осмотр 14,8%

респондентов, треть опрошенных преподавателей не проходят диспансеризацию (35,6%).

Таким образом, социальная дифференциация населения в проекциях «город-село», «богатые-бедные», «социально-профессиональные группы» и т.д., и, как следствие, неравномерность доступа к медицинскому обслуживанию различных групп населения, обуславливают тенденцию обращения за помощью в медицинские учреждения только в случае крайней необходимости. Это практически исключает возможность профилактики и лечения заболеваний на ранних стадиях и требует особого внимания при формировании государственной политики в области здравоохранения.

Важную роль в вопросах сохранения здоровья населения играет его самосохранительная активность [3]. Так, распространение западных стандартов, формирование «моды» на здоровый образ жизни и его активная пропаганда в средствах массовой информации и в сети Интернет, появление слоя богатых, ведущих «особый» образ жизни, оказывают влияние на изменение отношения к своему здоровью у определенной части населения, прежде всего у молодежи. В то же время воздействие данных факторов может оказывать двоякую роль: как позитивную, так и негативную. С одной стороны, отношение к здоровью, которое диктуется извне, определяется подражательными мотивами и может глубоко не осознаваться человеком, иметь временный характер. С другой стороны, здоровье может осознаваться человеком как самоценность, и забота о нем может стать его внутренней потребностью при обеспечении государством доступа к качественной медицинской помощи.

Литература

1. Бондаренко Н., Красильникова М., Шишкин С. Представления населения о равенстве доступа к медицинскому обслуживанию // Вестник общественного мнения. – 2007. – № 6. – С. 36–44.
2. Социологический анализ качества оказания бюджетных услуг населению в Республике Мордовия: моногр. / науч. ред. проф. А.И. Сухарев; Науч. центр соц.-экон. мониторинга Республики Мордовия. – Саранск, 2010. – 176 с.
3. Назарова И.Б. Доступность системы здравоохранения (медицинской помощи) и самосохранительная активность граждан // Социология Медицины. – 2006. – № 2. – С. 43–54.

СЕКЦИЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ИМИДЖ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ IMAGE AS AN INTEGRAL PART OF A STATE POLICY

Н.С. Бакутина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

N.S. Bakutina

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматривается значение имиджа государства в международном политическом сообществе, дается определение и разъяснение понятий «образ» и «имидж», выявляются две основных составляющих имиджа государства, проблемные моменты текущего имиджа России и даются рекомендации по улучшению имиджевой политики государства.

The article discusses the value of the state's image in the international political community, definition and explanation of the terms «concept» and «image», reveals the two main components of the image of the state, the problematic aspects of the current image of Russia and provides recommendations to improve the branding policy of the state.

Ключевые слова: имидж, образ, государство, политика, СМИ.

Keywords: image, concept, state, policy, mass media.

В условиях динамично развивающегося мира с его высокими темпами глобализации, непрерывным технологическим процессом и активным международным взаимодействием возрастает интерес к эффективному коммуникационному процессу. Все это способствовало тому, что понятие имидж превратилось в необходимый инструмент государственной политики. Имидж государства все больше оказывает влияние на положение в мировом политическом сообществе, предоставляет возможность отстаивать свое мнение, свои интересы, принимать активное участие в процессе принятия решений.

Несмотря на это, в политологии проблематике конструирования имиджа государства до сих пор уделяется меньше внимания, чем вопросам корпоративного имиджа. Тем не менее, проблема формирования

позитивного имиджа России за рубежом является актуальной и требует дальнейшего изучения.

Имидж – это искусственный образ, формируемый в общественном или индивидуальном сознании средствами массовой коммуникации и психологического воздействия. Имидж создается пиаром, пропагандой, рекламой с целью формирования в массовом сознании определённого отношения к объекту. Может сочетать как реальные свойства объекта, так и несуществующие, приписываемые [1]. Одной из целей формирования имиджа является стремление как можно быстрее приблизить объект к идеальному образу.

Понятия «образ» и «имидж» – дефиниции, между которыми в практике коммуникационных дисциплин зачастую ставится знак равенства, так как слово «образ» несет объяснительное значение определения имиджа. Однако не встречается определений образа, где пояснительная роль принадлежит слову «имидж». Под образом, как правило, понимается субъективное воспринятое «отражение» чего-либо, представление о чем-либо.

Рассматривая образ России, необходимо затронуть проблемы идентичности государства. Идентичность – это представление государства о самом себе и положении среди других государств (самоимидж) – конструкция многоуровневая, и ее можно рассматривать как составной корректируемый компонент имиджа. Идентичность носит персональный характер, тем не менее, частично формируется в ходе взаимодействия с другими участниками международных отношений.

Важнейшими компонентами образа (и конструируемого имиджа) несомненно являются образы политических лидеров государства и инвестиционная привлекательность.

Сформировавшийся имидж России на международной арене носит противоречивый характер с преобладанием негативных характеристик. Основные темы, по которым строится в последнее время, особенно, в западных СМИ, освещение событий в России: вопросы прав человека и свободы слова, личность российского президента и премьер-министра, «энергетического оружия, используемого в политических целях», проблемы ксенофобии и расизма. В настоящее время попытки России изменить данную ситуацию пока сводятся к усилиям нейтрализовать негативное освещение российских событий в зарубежных СМИ.

Немаловажным фактором, способствующим изменению ситуации в лучшую сторону, является налаживание взаимоотношений с российскими и зарубежными СМИ, в перспективе это поспособствует положительной,

устойчивой репутации, но средства массовой информации предпочитают строить отношения «на двусторонней доверительной основе»: доверять объективности журналистов и уважать их стремление опубликовать информацию, действительно ценную и актуальную для аудитории его издания. Для иностранных журналистов особенно важно мнение о распространителях информации (например, официальных СМИ) и степень открытости источников для получения информации «из первых рук».

Сегодня приходит понимание, что имидж является не просто решением каких-либо информационных целей, а реальным управленческим и дипломатическим ресурсом, в существенной степени определяющим успешность политических, экономических и социальных процессов в регионе и в мире. Анализ существующего положения страны на мировой арене и устранение причин, направляющих негативное, неадекватное, фрагментарное освещение, установление на основе законов медиарынка и взаимного сотрудничества надежных взаимоотношений с мировым медиасообществом – главные направления корректировки имиджа России в мировой системе.

Литература

1. Свободная энциклопедия Википедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.wikipedia.org

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРЫМУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ SOME OF INTERETHNIC RELATIONS IN CRIMEA TODAY

Д.А. Белашенко

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

D.A. Belashchenko

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассматриваются особенности современных межэтнических отношений в Крыму, выделяются основные противоречия и возможные решения существующих проблем.

In article are discussed features of modern interethnic relations in Crimea, pointed out main contradictions and possible solutions of existing problems.

Ключевые слова: Крым, межнациональные отношения и противоречия, урегулирование, крымские татары.

Keywords: Crimea, interethnic relations and contradictions, reconciliation, Crimean Tatars.

Современные проблемы в сфере межэтнических отношений в Крыму во многом определяет прошлое. Разные этнические группы, проживающие на полуострове, по-разному интерпретируют одни и те же исторические события. Например, крымские татары претендуют на звание коренного народа и отстаивают право на самоопределение. Этнические греки считают, что первенство расселения на полуострове принадлежит им, и это действительно подтверждается историческими фактами. В свою очередь, русские, которых на полуострове большинство, утверждают, что основной экономический и культурный потенциал сформировался на полуострове во время существования российского, а затем и советского Крыма [1].

Возвращение крымских татар после депортации 1944 г., их обустройство и национальное возрождение осуществлялось в последнее десятилетие ушедшего столетия в условиях социально-экономического кризиса. Это явилось причиной того, что жилищно-бытовые условия крымских татар не были полностью удовлетворены. Определенные трудности возникли и в вопросах их трудоустройства [2].

На современном этапе можно выделить следующие проблемы крымскотатарского населения, оказывающие непосредственное влияние на ситуацию в Крыму:

1. Возвращение депортированных и их потомков и последствия вынужденного переселения.
2. Неурегулированность земельного вопроса, проблема «самозахватов».
3. Культурные и религиозные вопросы.
4. Высокий уровень безработицы.
5. Низкий уровень участия в политической жизни Крыма.
6. Распространение влияния радикальных исламистских группировок.

При рассмотрении отношений славянского большинства и крымских татар выделяют несколько уровней коммуникаций и связанных с нею факторов, а именно бытовые, ежедневные отношения представителей двух общин, а также политику крымской власти по отношению к крымским татарам и их органам самоорганизации, влияние СМИ, деятельность неправительственных организаций и структур гражданского общества, а также роль ближайших соседей и партнеров Украины – ЕС и РФ.

Одна из закономерностей межкультурных отношений состоит в том, что близкое знакомство с носителями другой культуры отнюдь не означает автоматического развития терпимости по отношению к этой культуре. В последние годы в Крыму преодолена бывшая раньше нормой изолированность крымскотатарской общины, для большинства они стали более понятны, однако такая ситуация потенциально несет в себе как заряд добрососедства, так и обоюдного раздражения. Культура крымского «славянского большинства», особенно «русская» ее часть, отличается от крымскотатарской целым рядом фундаментальных понятий, а именно:

1. Плоскость религии. Большинство принадлежит к православной христианской традиции, крымские татары – к исламской.

2. Историческая. Славянское большинство во многом отождествляет себя с Российской империей, тогда как крымские татары считают ее разрушителем их государства – Крымского ханства. Различно отношение обоих общин к событиям Великой Отечественной войны.

3. Социокультурная. Выступление крымских татар выступают за всемерную ликвидацию культурного наследия коммунистов (возвращение исторической топонимики, демонтаж советских памятников), которое для многих крымчан из славянского большинства является частью привычного культурного ландшафта и своего рода свидетельством русско-советского доминирования в регионе.

4. Характер культурных предпочтений. Тогда как для многих представителей большинства Россия естественным образом является «близкой», «симпатичной», даже «родной» страной, контакты с которой нужно всячески развивать, крымские татары понимают Россию как враждебное, небезопасное государство, с которой нужно не столько сотрудничать, сколько ограничить ее экспансию.

5. Тип гражданской самоорганизации. Если для крымских татар активные действия в случае ущемления их прав являются нормой, то таковые акции воспринимаются большинством с непониманием, а часто раздражением.

Вместе с тем, можно привести и ряд вопросов, в которых крымские славяне и крымские татары стоят на общих позициях. Прежде всего, это касается качества жизни и путей его улучшения (медицина, образование, защита труда, цены и т.д.), в которых определяются общие враги («продажные чиновники», политики, корпорации), а также заинтересованность в экономическом процветании Крыма как туристического центра [3].

В течение нескольких лет Форум народов Крыма совместно с другими организациями и региональными органами власти разрабатывали концепцию межнационального согласия. Ее базовые положения были представлены в 2009 г., а сам документ появился через два года. Главной целью «Концепции обеспечения культурного многообразия и межнационального согласия в Автономной Республике Крым» является «определение стратегических направлений политики Автономной Республики Крым в области сохранения культурного многообразия полуострова, принципов и приоритетов деятельности органов государственной власти в области поддержания межнационального согласия, усовершенствования и институционального обеспечения политики культурного многообразия». Кроме того, к целям Концепции отнесены обеспечение равноправия всех жителей АРК, поддержка и развитие этнических, культурных, религиозных особенностей, содействие обустройству, адаптации, интеграции и равноправному участию в общественной, экономической и культурной жизни общества лицам, депортированным по этническому признаку и возвращающимся в АРК, обеспечение экономических интересов всех народностей и групп [4].

Авторы Концепции во многом опираются на положения «Стратегии экономического и социального развития Автономной Республики Крым на 2011-2020 годы», принятой 22 декабря 2010 г. В этом документе перечислены основные проблемы региона, возможные пути их решения и сценарии развития событий на полуострове. Среди прочих упоминаются и неурегулированные межэтнические отношения, препятствующие социально-экономическому развитию [5].

В целом, на современном этапе наблюдается проявление активности населения для достижения, если не «межнационального согласия», то, по крайней мере, нахождения точек соприкосновения и выработки компромиссных решений. Положительным моментом является тот факт, что ряд инициатив выдвигается именно «снизу». В случае если эти усилия встретят поддержку и понимание со стороны властей, такой комплексный подход имеет значительные шансы на успех.

Литература

1. Сенюшкина Т. Управление местными сообществами в Крыму. – URL: http://eawarn.ru/pub/EthnoCensus/WebHomeMultiEthnic/CrimeaRus_1.htm (дата обращения: 27.02.2013).
2. Мельник С.В., Матросов В.Д. Занятость крымских татар в местах их компактного проживания: проблемы и перспективы (Результаты социологиче-

ского исследования). – URL: <http://lir.lg.ua/docs/tatari.pdf> (дата обращения: 27.02.2013).

3. Кириллов А. Зыбкое равновесие. Межнациональные отношения в Крыму все еще остаются проблемой. – URL: <http://217467.mediacri.web.hosting-test.net/index.php?newsid=1915> (дата обращения: 27.02.2011).

4. Концепция обеспечения культурного многообразия и межнационального согласия в Автономной Республике Крым. – URL: <http://reskomnac.ark.gov.ua/mejnacotnosh/inform-anal-mat/287-konceptiya-obespecheniya-kulturnogo-mnogobraziya-i-mezhnacionalnogo-soglasiya-v-avtonomnoj-respublike-krym> (дата обращения: 28.02.2013).

5. Стратегия экономического и социального развития Автономной Республики Крым на 2011-2020 годы. – URL: <http://www.ark.gov.ua/blog/2010/12/15/strategiya-ekonomicheskogo-i-socialnogo-razvitiya-avtonomnoj-respubliki-krym-na-2011-2020-gody> (дата обращения: 28.02.2013).

**ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**
**THE EDUCATION IN THE SPHERE OF THE INTERNATIONAL
RELATIONS: NATIVE AND FOREIGN EXPERIENCE**

А.В. Борков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

A.V. Borkov

Nizhnii Novgorod State University named N.I. Lobachevskii

Рассматриваются различные системы организации дипломатического образования.

In article various systems of the organization of diplomatic education are considered.

Ключевые слова: дипломатическое образование, система повышения квалификации и переподготовки, организация учебного процесса.

Keywords: diplomatic education, professional development system, organization of educational process.

Современное общество нуждается в подготовке специалистов в самом большем наборе гуманитарных профессий. В полной мере это относится и к специальности в области международных отношений, поскольку предполагает наличие знаний в самых различных сферах человеческой деятельности. В настоящее время более 70 российских вузов осуществляют подготовку бакалавров и специалистов (хотя, в основ-

ном, завершается переход на двухуровневую систему подготовки) по направлениям международные отношения и/или зарубежное регионоведение. Их география охватывает всю страну – от Калининграда до Владивостока. Кроме того, международные отношения отчасти изучаются и преподаются на факультетах и кафедрах политологии (более 100 российских вузов), исторических факультетах, факультетах иностранных языков и др. [1]. Сюда же необходимо добавить обучение в рамках Дипломатической академии, которая предоставляет возможность получить второе высшее образование в течение 2-х лет.

Распространение получили летние и зимние школы, различного рода семинары для молодых исследователей, аспирантов и преподавателей международных отношений. Данная работа достаточно эффективна и проводится в рамках различных грантов. Особенностью системы подготовки специалистов в области международных отношений в России является преимущественная опора на исторические знания, изучение исторического опыта, исследование развития международных отношений недавнего прошлого, тогда как в западных странах подготовка международных базируется в основном на изучении политологических или юридических наук.

Явно расширилась сфера деятельности специалистов в области международных отношений. В настоящее время эта область применения знаний включает также работу в бизнесе, структурах региональной власти, резко увеличилось число работающих в масс-медийном пространстве и т.д. Однако Министерство иностранных дел по-прежнему выступает главным работодателем для специалистов данного профиля.

Ближе всего к российскому опыту выглядит организация системы образования по международной проблематике в Словацкой республике. Здесь после провозглашения независимости появились два новых учебных заведения, занимающихся подготовкой дипломатов. Первое учебное заведение – Университет им. Матей Белу в г. Банска Быстрица. Здесь студенты получают первое высшее образование. Их специализация осуществляется силами кафедры международных отношений. Обучение длится 5 лет, ежегодно выпускаются приблизительно 100 человек. Многие из предметов преподаются на иностранных языках [2, с. 158].

Второе – Академия международных отношений и адаптации права (имеется в виду сближение словацкой правовой системы с правовой системой Евросоюза) было создано в рамках правового факультета Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе. В Академии обучаются будущие дипломаты, уже получившие одно высшее образование гума-

нитарного направления и сдавшие государственные экзамены по двум языкам.

Из программы обучения исключены общеобразовательные предметы. Она основана на узкой специализации в области международных отношений, международного права, экономики, изучении языков и т.д. Руководство Академии уделяет большое внимание подбору преподавательского состава – министры, бывшие дипломаты, профессора Венской дипломатической академии. Многие занятия ведутся на английском языке. Обучение длится 2 года. Ежегодно Академия выпускает 20-25 человек. Сегодня выпускники Академии относятся к числу специалистов, наиболее востребованных Министерством иностранных дел СР [2, с. 158].

Похожая ситуация наблюдается в Китайской Народной Республике. В Китае 8 сентября 1983 г. состоялась официальная церемония открытия, вернее, восстановления функционировавшего до этого в течение десятилетия в виде курсов повышения квалификации Дипломатического института как базового вуза, призванного не только готовить дипломатов, но и вести исследования международных проблем. В последние годы происходит смещение акцента с языковой подготовки (на нее приходится до 70% учебной нагрузки) на страноведческую и проблемную. Начиная с 90-х годов XX века в Дипинституте стали читаться новые курсы: введение в дипломатию, современная мировая политика, актуальные проблемы стран и регионов. К преподавательской деятельности в институте, насчитывающем более тысячи преподавателей и сотрудников, привлекаются дипломаты различного ранга. За период 6-летнего обучения студенты дважды (по месяцу) проходят практику в центральном аппарате МИД КНР [2, с. 204-205]. Кроме того, действует система повышения квалификации дипломатов. Они могут проходить обучение в Дипломатической академии (в течение года), в Высшей партийной школе КПК (в течение полугода), или в рамках недельных курсов в Школе иностранных языков МИД.

В западных странах подготовка дипломатических кадров выглядит иначе. Например, в Великобритании для того, чтобы поступить на службу в Форин Оффис, не обязательно иметь специальное образование в сфере международных отношений. Достаточно обладать общегуманитарной подготовкой классического образца. Кроме того, кандидату на дипломатическую должность необходимо обладать воспитанностью, хорошими манерами, способностью к общению в различных слоях общества, иметь устойчивую психику. Это вполне соответствует определению, которое дал ан-

глийский дипломат Э. Сатоу еще в 1917 г. Он говорил о том, что дипломат должен быть «образованным джентльменом» [3].

В дальнейшем каждый молодой человек (или девушка) могут сдать вступительные экзамены для поступления в английскую дипломатическую службу. Для получения необходимых специальных знаний, с точки зрения руководителей внешнеполитического ведомства Великобритании, достаточно пройти обучение на краткосрочных курсах и приобрести опыт непосредственно в ходе работы. В последующей служебной карьере дипломаты продолжают сдавать экзамены для перехода из более низкого состава дипломатического корпуса (разряд «Е») в разряд («А»).

Точная такая же ситуация в США, ФРГ и Италии. Для будущих дипломатов достаточно впоследствии пройти курсы переподготовки и повышения квалификации либо в Институте заграничной службы (США), либо Дипломатической школе (ФРГ), либо в Дипломатическом институте (Италия). Например, для поступления на дипломатическую службу в Италии необходимо выдержать сложные конкурсные экзамены; это новая и новейшая история, история политических доктрин, политическая экономия, экономическая политика, политическая география, международное право, административное право, государственное право, частное право, право Европейского союза, международное частное право, английский и французский языки. Участвовать в конкурсе могут итальянские граждане обоего пола не моложе 21 года и не старше 30 лет (эти возрастные ограничения могут быть изменены в случаях, предусмотренных законом в отношении участников войн, инвалидов и т.д.).

Обязателен диплом о высшем образовании по одной из возможных специальностей: юриспруденция, политические науки, демография, политические системы Востока и другие. Конкурс проводится ежегодно. По таким предметам, как новая и новейшая история, международное публичное право, политическая экономия и экономическая политика предусмотрены письменные экзамены. Устный экзамен проводится как по вопросам, содержащимся в письменных экзаменах, так и по вопросам остального перечня предметов. Раньше обязательным был экзамен по английскому и французскому языкам, теперь это только английский. Вторым языком может быть французский, русский, испанский, китайский, немецкий. Принимает экзамены комиссия, состоящая из ученых и университетских профессоров. Ежегодно выставляется на конкурс около 40 мест, на которые претендуют 300-400 кандидатов [2, с. 118].

После зачисления на службу в министерство учеба в Дипломатическом институте обязательна, правда, соответствующий закон не оговари-

вает сроки. Поэтому администрация, как правило, стремится как можно быстрее привлечь молодого дипломата к работе, на этой почве иногда возникают трения с профсоюзом. Дипломатический институт осуществляет также занятия с дипломатами среднего и высшего ранга с целью повышения квалификации, но здесь уже продолжительность обучения не превышает полугода.

Институт может привлекать к преподаванию профессоров университетов, представителей различных организаций, как итальянских, так и зарубежных, в том числе и международных. Руководство института располагает определенным стипендиальным фондом. Министр по предложению комитета института подписывает ежегодный учебный план института, утверждает список преподавателей и по предварительному согласованию с министром финансов утверждает соглашения с университетами и другими организациями.

Несколько иначе выглядит ситуация во Франции. С одной стороны, здесь также отсутствует классическое дипломатическое образование. С другой стороны, можно отметить такое уникальное явление, как функционирование Национальной школы администрации (ЕНА), которая была создана после Второй мировой войны для подготовки руководящих кадров всего государственного аппарата Франции, включая и дипломатическую службу. В Национальную школу администрации принимаются две категории слушателей: с одной стороны, лица, не старше 26 лет имеющие дипломы высшего образования чаще всего соответствующего гуманитарного профиля. С другой стороны – государственные служащие не старше 30 лет, проработавшие не менее 5 лет на государственной службе. Вступительные экзамены проводятся отдельно для каждой из категорий, но в дальнейшем никакого различия в процессе учебы и при назначении на работу между этими категориями не делается. Срок обучения в школе – 2 года 4 месяца. В ходе учебы слушатели проходят продолжительную стажировку в госучреждениях во Франции или за границей, а затем изучают теоретические дисциплины, иностранные языки, продолжают практику в различных административных учреждениях. По окончании второго курса составляется список слушателей в очередности, которая зависит от показателей в учебе. Вслед за этим происходит распределение слушателей на работу. При этом учитывается как желание слушателей, так и результаты их учебы. Слушатели этой школы считаются государственными служащими и получают высокую стипендию. В случае, если это им позволяет занятое по итогам работы место, слушатели могут избрать работу в Министерстве ино-

странных дел, получив назначение на должность советника. Каких-либо конкурсных экзаменов для этого не требуется. В среднем каждый год на работу в МИД Франции устраивается по семь выпускников Школы национальной администрации [2, с. 67-68].

Организация образования в области международных отношений в мире, в целом, выглядит по-разному. Разница в системе организации образования вовсе не означает, что одна из них является более удачной, чем другая. В целом, каждая из них позволяет решать основные задачи внешней политики своего государства, время от времени подвергаясь реорганизации с учетом современных требований мировой политики.

Литература

1. Лебедева М.М. Российские исследования и образование в области международных отношений: 20 лет спустя // Официальный сайт Российского совета по международным делам. Рабочая тетрадь. – 2013. – № 2. – С. 9.
2. Дипломатия иностранных государств. Учебное пособие / Под ред. Т.В. Зоной. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 67-68, 118, 158, 204-205.
3. Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. – М., 1961. – С. 130.

УГРОЗА ИСЛАМИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА THE THREAT OF ISLAMIZATION OF MODERN EUROPEAN SOCIETY

М.Ю. Бородина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

M.U. Borodina

N.I. Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod

Обсуждается процесс исламизации Европы как одной из злободневных проблем современного европейского общества. Уделено внимание таким аспектам, как культурные ценности европейской нации, нелегальная миграция в Европу мусульман, рост последователей ислама в ряде европейских государств.

In article is devoted to the process of the Islamization of Europe, as one of topical problems of the modern European society. The author also pays attention to such aspects as the loss of cultural values of the European nation, illegal migration of Muslims to Europe, the growth of the followers of Islam in a number of European States.

Ключевые слова: исламизация, европейское общество, мусульманские традиции, нелегальная миграция.

Keywords: Islamization, the European society, the Muslim traditions, illegal migration.

В настоящее время процесс исламизации Европы является одной из злободневных проблем современного европейского общества. В действительности, ислам является второй по численности последователей мировой религией, а мусульманские общины существуют более чем в 120 странах мира, в том числе и в Европе. Самая крупная мусульманская община проживает во Франции: по разным оценкам от 5 до 7 миллионов, что составляет 10% от общего числа населения, ислам стал здесь второй по численности религией страны после католицизма. Многочисленные общины последователей ислама сформировались также в Германии (4 млн.), Великобритании (1,7 млн.), Италии и Голландии (по 1 млн.), Швеции и Дании (по 600 тыс.). Значительные мусульманские общины разбросаны по всем без исключения западноевропейским странам [1].

Безусловно, такое стремительное увеличение числа мусульман в Европе не может не беспокоить европейское сообщество. В последнее время европейские СМИ обращают внимание всего мирового сообщества на такие актуальные для Европы темы, как положение мусульман в Европе, диалог европейского общества и мусульман, насильственная исламизация Европы, увеличение числа мечетей в европейских странах, нелегальная миграция из стран Ближнего Востока и другие проблемы, связанные с увеличением числа последователей ислама в европейских государствах. Термин «исламизация Европы» стал одним из самых часто употребляемых не только в европейских СМИ, но и во всем мире.

Необходимо отметить, что этот термин был введён в обращение мусульманами, чтобы обозначить процесс трансформации обществ из состояния «куфр» («неверности») в состояние «просвещения» (обращения в Ислам) [2]. Другими словами под исламизацией можно понимать усиление влияния ислама на различные сферы жизни общества, будь то религия, образование или политика.

Усиление процессов исламизации связано в первую очередь с быстрыми темпами роста численности европейских мусульман. Этому способствует высокая рождаемость в мусульманских семьях, отсутствие продуманной миграционной политики в Евросоюзе, а также прославляемая в европейских странах политика мультикультурности и толерантности. Исламизации способствует и переход самих европейцев в ислам, например, в Германии число немцев-мусульман составляет около 150 тыс. человек, во Франции число французов-мусульман давно превышает

50 тыс. человек, также приняли ислам до 50 тыс. итальянцев, 10 тыс. британцев и примерно 3 тыс. испанцев [3].

Европейское общество не зря так сильно обеспокоенно набирающим силу процессом исламизации Европы. Если детально рассмотреть эту тенденцию, можно заметить, что ислам проник уже практически во все сферы общественной жизни ряда европейских государств.

Сегодня религия в Европе находится далеко не на первых ролях, поэтому иммигранты из исламских стран, где религия играет первостепенную роль в жизни общества, замещают так называемый религиозный голод. В августе 2011 г. в интервью национальной радиостанции RTL президент Мусульманского совета Франции Мохаммед Муссауи озвучил информацию по мечетям во Франции, число которых за последние 10 лет удвоилось, и сегодня превышает отметку в 2 тыс. строений. Более того, 150 новых проектов мечетей находятся на различной стадии реализации, в то время, как католическая церковь Франции построила за последние 10 лет лишь 20 храмов [4].

Журнал «Newsweek» привел статистические данные, согласно которым ислам получает все большее распространение в Европе, особенно в Италии, Англии и Франции. В статье содержится парадоксальная информация о том, что посещаемость церквей в Англии снизилась до минимума, а в Восточном Лондоне закрывшиеся церкви передаются мусульманам для открытия в них мечетей. В Мадриде воздвигают новые минареты, а в Италии строятся крупнейшие в Европе мечети [5].

Влияние ислама усилилось также и в политической сфере. Исламистских политических партий в Европе не существовало вплоть до конца 1990-х гг. Сейчас такие партии, представленные иммигрантами из стран Ближнего Востока, Африки и Азии, появились в большинстве стран Западной Европы.

В Великобритании в 2004 г. Британский мусульманский активист Анас Аль-Тикрити в знак протеста против войны в Ираке основал «Партию Уважения», которая на местных выборах получила 2,3% голосов [6]. В Бельгии в мае 2003 г. «Parti de la Citoyennete et Prosperite» (PCP, Партия гражданства и процветания), которая проповедует радикальный ислам, набрала более 8 тысяч голосов на выборах в Брюсселе. Также в октябре 2012 г. на муниципальных выборах в Брюсселе два мандата получили представители партии «Ислам», которая фокусирует свое внимание на религиозной тематике и выступает за радикальные меры с конечной целью превращения Бельгии в исламское государство. Один из новоизбранных членов совета Редуан Арух сказал: «Для начала мы

должны ненавязчиво привлечь внимание людей и объяснить им те преимущества, которые несут исламские руководители и исламские законы, чтобы в конечном итоге – почему бы и нет – прийти к исламскому государству в Бельгии» [7]. В Испании также существует «Партия возрождения и объединения Испании» (PRUNE), которую возглавляет бывший журналист и профессор арабского языка Мустафа Баррак. Учитывая, что численность мусульман в стране, включая нелегалов, достигает двух миллионов, перспективы у партии весьма внушительные [8]. Таким образом, в начале третьего тысячелетия европейские мусульмане превратились в активную политическую силу.

Весьма прочно ислам укоренился и в европейской системе образования. Во многих европейских странах осуществляется преподавание основ ислама в школах, действуют медресе, исламские университеты и академии. Так, в Бонне (Германия) в 1994 г. на деньги короля Саудовской Аравии была выстроена Исламская академия. В Роттердаме (Нидерланды) работает Исламский университет, созданный на базе существовавшего там с 1997 г. медресе. В Германии, Австрии и Бельгии выделяются дополнительные часы для проведения уроков основ ислама. В Германии и Бельгии уроки по истории ислама являются обязательными и включены в программы государственных учебных заведений [9].

Увеличение числа мусульман в Европе способствует возникновению противоречий между консервативными ценностями ислама и традиционно светским европейским либерализмом. Растет напряженность между европейцами и мусульманами, появляется радикальный исламизм, который выражается, в частности, в протестах молодежи. Компактно проживающие мусульманские общины, как правило, не интегрируются в социально-культурное пространство страны проживания и не ассимилируются. Они не воспринимают европейские демократические и правовые нормы и живут по законам шариата, придерживаясь своей системы ценностей [10]. В связи с этим мусульманское население Европы пытается внести изменения в формировавшуюся веками судебную систему европейских государств.

Норвежские юристы предложили легализовать в стране шариатские суды, так как они считают, что в части районов, где проживают мусульмане, шариатские суды де-факто уже все равно существуют. Министр юстиции Кнут Стурбергет пока сопротивляется нововведениям, но правозащитники считают, что такая нетолерантная точка зрения обречена [11]. Похожая ситуация сложилась и в Дании. Исламская группа, называющая себя «Призыв к исламу», заявила о своих планах ввести в исламских кварталах Копенгагена и других областей Дании шариатские зоны с круглосуточным

патрулированием [12]. Исламские экстремисты по всей Великобритании запустили кампанию по расклеиванию плакатов, обозначающих зоны, где действуют законы шариата. Жилые районы были заклеены плакатами, которые гласили: «Вы входите в зону, контролируемую шариатом – необходимо соблюдать исламские законы!» [13].

Исламизация – это достаточно серьезная проблема для европейского общества, которая требует глубокого осмысления и незамедлительного решения. Исламофобия в самых разных формах – это вовсе не преувеличенная реакция европейских обществ на увеличение последователей ислама в европейских государствах. Ислам все глубже проникает в различные сферы жизни европейского общества, мусульмане избираются в парламенты, создают свои компании, идут служить в полицию, в армию, преподают в светских университетах, школах. Становясь все более очевидной частью европейского населения, они коренным образом меняют традиционный облик современной Европы. Безусловно, и в самой Европе найдется ряд сторонников исламизации, которые не видят никакой угрозы во взаимодействии двух культур, однако размышляя о проблеме исламизации Европы, хочется упомянуть книгу С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» (1996 г.), где он утверждал, что Европа и ислам – это не просто две абсолютно разные культуры, это две изначально враждебные антагонистические цивилизации, которые попросту не могут мирно сосуществовать друг с другом.

Литература

1. Крылов А. Европеизация ислама или исламизация Европы? // Информационное агентство Благовест-Инфо. – 2007. – [Электронный документ]. – URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=24&id=12275> (дата обращения: 15.11.2012)
2. Сеннельс Н. Что такое исламизация? Попытка подхода к анализу. – 2011. – [Электронный документ]. – URL: <http://gabblgob.livejournal.com/665205.html> (дата обращения: 24.09.2012)
3. Браницкий А.Г. Исламское образование в странах Европы: история и современное состояние // Материалы третьей ежегодной всероссийской научно-практической конференции «Фаизхановские чтения». – 2006. – [Электронный документ]. – URL: http://www.idmedina.ru/books/materials/faizhanov/3/pedagog_branicki.htm? (дата обращения: 13.02.2013)
4. Les musulmans de France réclament aujourd'hui le droit à l'indifférence // Журнал Le Monde. – 2011. – [Электронный документ]. – URL: http://www.lemonde.fr/societe/chat/2011/03/09/que-faut-il-craindre-d-un-debat-sur-la-laicite_1490372_3224.html (дата обращения: 13.02.2013)

5. Яхья Х. Европа обращается к Исламу // Международная жизнь. – М.: Красная звезда, 2004. – № 9. – С. 105-110.
6. Проиграв выборы в Европарламент. Партия уважения завоевала большую часть голосов мусульман Великобритании. – 2004. – [Электронный документ]. – URL: <http://islam.com.ua/news/1006/> (дата обращения: 26.02.2013)
7. Крылов А. Европеизация ислама или исламизация Европы? // Информационное агентство Благовест-Инфо. – 2007. – [Электронный документ]. – URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=24&id=12275> (дата обращения: 15.11.2012)
8. Первая исламская партия Испании будет представлена на местных выборах в 2011 г. – 2009. – [Электронный документ]. – URL: <http://islam.com.ua/news/6888> (дата обращения: 28.02.2013)
9. Яхья Х. Европа обращается к Исламу // Международная жизнь. – М.: Красная звезда, 2004. – № 9. – С. 105-110.
10. Трофимова О. Мусульмане и ислам в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 10. – С. 52-62.
11. Норвежские судьи потребовали узаконить шариат – 2009. – [Электронный документ]. – URL: <http://www.nr2.ru/culture/351375.html> (дата обращения: 05.02.2013)
12. Мусульмане Дании предложили создать в стране «шариатские зоны» – 2011. – [Электронный документ]. – URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/10/25/904937.html> (дата обращения: 5.02.2013)
13. Привет Брейвику: Великобритания превратилась в «зону шариата» – 2011. – [Электронный документ]. – URL: <http://www.nr2.ru/inworld/341425.html> (дата обращения: 5.02.2013)

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
КОНЦЕПЦИИ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РУСИ ГУСТАВА ЭВЕРСА
METHODOLOGICAL BASES
CONCEPTS OF INITIAL HISTORY OF RUSSIA GUSTAV EWERS**

Л.В. Горькова
***ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского», Арзамасский филиал***
L.V. Gorkova
***FGBOU VPO «The Nizhny Novgorod state university
of a name of N.I. Lobachevsky», Arzamas branch***

Методология истории в качестве специальной исторической дисциплины и области научного знания, как собственно и историческая наука

вообще, оформилась в XIX в. Основной спецификой данного научного направления является определение предмета, объекта и цели научного исторического познания, изучающего общий и частный статусы исторической науки, её дисциплинарное строение, функциональные особенности и специфику основных теоретико-методологических направлений. В то же время методология истории разрабатывает теорию исторического познания, так называемую историческую эпистемологию, основанную на общефилософских и гносеологических принципах, уровнях, видах, этапах, методах исторического познания и методах изложения его результатов, а также различные формы исторического знания и уровни познания прошлого.

Необходимо отметить, что процесс становления и развития основ методологии истории на протяжении всего XIX в. проходил параллельно в России и Западной Европе. Практически одновременно происходило дисциплинарное оформление. Научным фундаментом и методологическим основанием ее с полным основанием можно назвать принцип историзма, предполагающий изучение процессов и явлений прошлого с учетом конкретно-исторической обстановки соответствующей эпохи, во взаимосвязи и взаимообусловленности событий, с точки зрения того, как, в силу каких причин, где и когда возникло то или иное явление, какой путь оно прошло, какие оценки давались ему на том или ином этапе развития исторической науки.

Становление принципа историзма в его научном понимании имеет долгую предысторию. Историки, обращавшиеся к этому вопросу, называют эпоху Просвещения исходным пунктом и временем зарождения историзма как методологической основы последующей историографии.

Свои коррективы в развитие исторической методологии внесли представители немецкой классической философии, но наиболее полно данный принцип реализовался в трудах представителей немецкой исторической школы права и исторической школы Леопольда фон Ранке.

В отечественной исторической науке одним из первых последователей и активных разработчиков принципа историзма стал Иоганн Филипп Густав Эверс (1779-1830). Он отказался от нравоучительного тона в изложении материала, каким до него излагались исторические сочинения по истории России В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина. Явления истории, по мнению дерптского профессора, происходили в определенной обстановке и поэтому не должны служить назиданием настоящему, т.к. исторические явления и процессы «живут» только в контексте своего времени.

Тщательный анализ памятников древнерусской истории, предпринятый Эверсом, нередко сравнивают с методами научной исторической критики, в частности, историко-статистическим методом его учителя А.Л. Шлецера. Разработанная Шлецером методология, точнее метод критического подхода к историческим источникам, был реализован им самим только наполовину: в критическом издании Нестора представлена только его малая (или низшая) критика – критика текста.

Другой подход к анализу исторического источника демонстрируют сочинения Эверса. Как историк-юрист дерптский профессор впервые в отечественной историографии на деле реализует приемы критического анализа исторического источника, разработанные Шлецером, при этом и малую (низшую), и большую (высшую) критику источника. Он не останавливается на анализе и интерпретации текста, а изучает обстановку появления исторического источника, его временные и территориальные рамки. Ярким примером этого служит изучение Эверсом мирных договоров Руси с Византией и «Русской правды».

Он тщательно проанализировал памятники русской истории и дал научную трактовку фактов, ими сообщаемых; широко использовал иностранные источники, особенно византийские, впервые заинтересовался арабскими. Историк-юрист особое внимание уделял нормативным документам, понимая их общее значение как срез общественно-политической и социально-экономической конъюнктуры периода их появления. Письменные законы – продукт государственной деятельности, поэтому анализ их содержания он предваряет историко-критическим изучением сопутствующей эпохи.

Этот факт дает основания считать, что Эверс с методологической точки зрения был ближе к исторической критике, разработанной представителями немецкой исторической школы права, в частности, геттингенским профессором истории и философии А.Г.Л. Геереном, Ф.К. Савиньи, К.Ф. Эйхгорном.

Эверса не без основания называют первым историком русского права. В этом контексте следует упомянуть об адаптированной им для русской истории концепции родового быта, ранее представленной в сочинениях представителей немецкой исторической школы права.

В законченном виде родовая теория происхождения государства нашла отражение в монографическом исследовании Эверса «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» (1826 г.). Первым общественным образованием он называет патриархальную семью с сильной властью отца. Естественная нужда в защите от внешних врагов

привела к необходимости объединения семей и образования родов, из которых позднее образовывались племена – переходное звено к государственному образованию. Семья, род, племя – три ступени, составляющие патриархальное общество. Государственный период, по мнению Эверса, – второй этап в развитии собственно общества. То есть, развитие государственности на Руси соответствовало общему направлению развития мировой истории. В этом прослеживается влияние теории исторического прогресса И.Г. Гердера и отчасти философского учения Г.В.Ф. Гегеля, представленного в его лекционных курсах о личности, обществе, государстве и праве, в законченном виде – на страницах «Философии права».

Обобщая вышеизложенный материал, отметим, что в исторических трудах Эверса принцип историзма отразился не только в подходе к анализу исторических явлений, но и в структуре изложения и преподнесения материала. Четко структурированные главы и разделы его книг являются не просто проявлением немецкой педантичности, а обусловлены логикой изложения материала, представлением связей и закономерностей исторического процесса, выявленными в ходе многолетней работы с историческими источниками. Изучение истории русского государства и права он производит с учетом конкретно-исторической обстановки соответствующей эпохи, во взаимосвязи и взаимообусловленности внутренних событий и внешних обстоятельств. Большое внимание уделяет историк анализу причин и факторов, послужившими основой тех или иных явлений, он прослеживает путь их развития, который предстает перед нами как процесс естественного состояния.

Наряду с представителями немецкой исторической школы права Эверс эволюционным путем развития общества объясняет результаты внутренней его жизни, в частности, происхождение русского государства и права. Его исторический подход к этим проблемным вопросам нашей истории представлял собой новую ступень в развитии источниковедения и историографии отечественной исторической науки.

**ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ГУМАНИТАРНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
**HUMANITARIAN SAFETY AND HUMANITARIAN
TECHNOLOGIES IN THE STRATEGY OF DEVELOPMENT
OF MODERN RUSSIA**

М.А. Казаков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

М.А. Kazakov

The Nizhny Novgorod state university of N.I. Lobachevsky

Ставится вопрос о необходимости создания гуманитарной стратегии России, обосновано ее методологическое и организационное обеспечение, представлено авторское видение стратегических приоритетов гуманитарной безопасности внутри страны, исходных форм деятельности государства и общества в ее продвижении.

In the report the question of need of creation of humanitarian strategy of Russia is raised, its methodological and organizational support is proved, author's vision of strategic priorities of humanitarian safety within the country, initial forms of activity of the state and society in its advance is presented.

Ключевые слова: человек, человеческий потенциал, антропологическая парадигма, гуманитарная безопасность, гуманитарные технологии, стратегия развития России.

Keywords: person, human potential, anthropological paradigm, humanitarian safety, humanitarian technologies, strategy of development of Russia.

Процесс актуализации вынесенных в название аспектов отечественной политики закономерен. Он имеет свою предысторию как каждый по отдельности, так и в представленном соотношении, разные измерения/пересечения в теории и на практике, собственные и привнесенные динамикой бытия РФ и мира особенности. Одним из безусловных вызовов времени как в национальном, так и глобальном масштабе стала проблема сохранения человека, индивида, личности как уникальной биосоциальной структуры в условиях разрушения традиционных культур и ценностей. Срочность решения проблемы производства и воспроизводства «*собственно человеческого*» в людях, гражданах России, что в совокупности и является предметом статьи.

Гуманитарная безопасность является базовой и органической частью национальной безопасности России. Но в дополнении к нормам и принципам законодательства обладает собственной сферой конкретных политических решений и обеспечивающих их *Гуманитарных Технологий (ГТ)*. В своей реализации они направлены на раскрытие и развитие созидательной личности как первоосновы процветания страны, представляют собой эксклюзивный продукт особого производственного цикла. Выработка и осуществление *ГТ* базируется на *взаимосвязи и взаимодействии* как профильных, заинтересованных в партнерстве структур, так и в целом, человека и власти, образующих «в купе» *монопольный фактор развития РФ*.

Мы исходим из понимания того, что а) гуманитарная безопасность – это прежде всего *защищенность* передаваемого от поколению к поколению социо- и духовно-культурного разнообразия: эталонов культуросообразных укладов жизни, веры, традиций, образования, этики, в том числе политической и т.п.; б) гуманитарные технологии – это ресурс, помогающий раскрытию творческого потенциала человека и общества. Чрезвычайно важна инновационная среда для полноты развития как субъектов, так и средств их деятельности. Образно говоря, *гуманитарная безопасность и гуманитарные технологии в действии – это защищенность того, что России гарантирует эволюцию и развитие, а при потере – инволюцию и деградацию*.

Чтобы это стало действительностью, нужно в теории «по делу» представлять акценты, а на практике – приоритеты. Главный смысл обоих феноменов это *человеко-ориентированность*. Всякая практика может считаться гуманитарной, если она является *средой* защиты, становления и развития «собственно человеческого в человеке». И наоборот – любая практика не гуманитарна (и не гуманна), если она этого не делает [1], в какие бы имиджи ни облекалась.

Принципиально первой функцией государства является осуществление целого спектра политик, ориентированных на защиту, служение людям и обеспечение *гуманитарной безопасности* как конкретного состояния защищенности жизненно важных интересов личности и общества в границах данного государства от внешних и внутренних угроз. Преодоление последних при этом сопряжено не только с удовлетворением потребностей общества, но и развитием новых, альтернативных направлений деятельности государства и общества, особенно в экономике.

Все сходится на вопросе о том, как, при каких условиях, во имя и посредством чего возможна консолидация, а главное – наращивание качества человеческого потенциала? И здесь для решения этой беспрецедентной в нашем социокультурном контексте задачи для всех сфер российского социума: а) духом и выбором времени, новым эколого-философским мышлением укрепляется *антропологическая парадигма*; б) а драйвером, вызывающим упорядоченное изменение ситуации – *гуманитарные знания*.

Тенденции институционализации/профессионализации находят выражение именно в становлении и развитии способностей людей быть подлинным субъектом культуры и исторического действия, творцом собственной жизни в родном Отечестве, индивидуальностью, личностью и гражданином при встрече с Другими. Что принципиально и даже патриотично не только в смысле нового объяснительного принципа «феномена человека-россиянина», но и в качестве критериев гуманитарной практики, гуманитарной безопасности и гуманитарных технологий.

Переход страны на «рельсы» устойчивого развития требует упреждающего анализа и опережающих технологий управления не только изменениями характера угроз и привычно значимых факторов безопасности – военного, информационного или энергетического, сколько в большей степени их меры – самого Человека. Ибо *человеческий капитал*, борьба за него, особенно за способности наций к инновациям сегодня определяют темпы развития стран современного мира. Безопасность бытия конкретного человека считается основой национальной безопасности и условием безопасности социума.

Погружение в эти практики и освоение их позволяет ставить вопрос о необходимости человеко-ориентированной, гуманитарной стратегии развития России. Несмотря на то, что действенность системы мер по защите интересов, прав и свобод личности, групп, сообществ, наконец, *россиян как народа* во внутренней политике нашей страны сейчас низка и избирательна. Как некая платформа для ее конструирования гуманитарная безопасность есть поле освоения подлинным субъектом качественных моделей жизнедеятельности, особенностей стиля; б) *эластичная структура защиты*, объектом которой выступают конкретные люди, а не институты, территории; *народный*, а не государственный суверенитет. в) перспективная и полезная для инновационного движения развивающихся стран *концепция*, ядро которой – *свобода*

от угроз жизни и развитию личности, реализации ее прав и возможностей как человека и гражданина [2].

Апелляция к правам человека без учета цивилизационного и культурно-исторического содержания ведет к формализму в решении проблем гуманитарной безопасности, а в ряде случаев, как это показывают события в Северной Африке, на Ближнем Востоке, становятся эффективным поводом и информационным прикрытием военной интервенции Запада и ТНК по отношению к суверенным государствам. При помощи абстрактных моделей человека и его прав идет уничтожение людей конкретных [3].

Из всех формирующихся ныне парадигм более стойкой по содержанию и возможностям проектирования предметной реальности адекватной состоянию современного человека является *антропологическая парадигма*. С учетом новых представлений и средовых изменений она обладает собственным подходом к сфере социальных, политических наук и практик, ориентирующим их на человеческую природу во всей полноте ее проявлений, разворачивающихся в межцивилизационных границах ускоряющегося времени. Именно поэтому гуманитарная стратегия РФ мыслится как модель защиты «антропологической матрицы России», символического пространства отечественной культуры и цивилизации.

Постсоветский опыт государств, возникших на территории бывшего СССР, показал: прочные отношения и устойчивое разрешение конфликтов должно опираться не на заимствованный, а собственный опыт и свои традиции. В связи с этим, в стране и идет ныне вполне *критический, системный и креативный* (как общие принципы стратегии) пересмотр философских, политико-экономических, социально-психологических, образовательно-педагогических и других основ гуманитарных практик с точки зрения их подлинности антропологической модальности.

Назначение гуманитарной безопасности в такой плоскости – *защита инновационного воспроизводства человеческого сообщества*, способного в рамках адекватной политики к поливариантному развитию, готового ответить на вызовы неопределенности социуму, безопасности личности и нейтрализовать угрозы жизни конкретному индивиду. Гуманитарные технологии, соответственно, представляют собой *самостоятельную гуманитарную систему, направление изменений которой определяется ее наличным состоянием и всей совокупностью обстоятельств внешнего окружения. Они осуществляются во имя людей и за счет их разумной деятельности с учетом складывающихся факторов, вызыва-*

ющих изменение ситуации, драйверов и трендов. Гуманитарные технологии в конкретных сферах деятельности – это комплексная система методов и способов воздействия на объекты (образования, политики, экономики и т.д.) с целью повышения эффективности жизнедеятельности самих людей [4].

Злободневной для России представляется задача определения стратегических приоритетов государства и самого общества в обеспечении и продвижении гуманитарной безопасности. При этом мы не в праве забывать, что для многих наших соотечественников основная угроза исходила (и отчасти исходит) именно от государства, поскольку с его курсом реально взаимосвязаны решения и действия лидеров, правительства, бюрократии, элиты. *Каждый из этих институтов должен быть дифференцирован на предмет способности к переоценке сложившихся подходов к обеспечению безопасности РФ в целом и поддержки стратегии развития страны на гуманитарно-антропологических основаниях, особенно.*

Углубление концепции, оптимизация и принятие Доктрины гуманитарной безопасности позволило бы осветить и оснастить эти меры более полно и предметно. Основные положения данной Доктрины, связанные с критериями политического и экономического развития, гуманитарной практики работают на укрепление тенденции к «со-общности», равноправию, включая обоюдное ужесточение ответственности для всех субъектов современной политической борьбы.

По форме этот документ представляет собой свод «отформатированных» взглядов на цели, задачи, принципы, направления обеспечения гуманитарной безопасности РФ и служит основой: подготовки предложений по совершенствованию правового, методологического, методического, научно-технического и организационного оснащения гуманитарной безопасности Российской Федерации; формирования и реализации ее стратегических приоритетов как нового элемента обеспечения национальных интересов России. Утверждение Доктрины неразрывно связано с преодолением вялотекущей стагнации, с политикой экономического роста, дополняемой проведением сильной социальной и региональной политики с опорой на гуманитарные технологии.

В плане «гуманитаризации» внутренней политики РФ – внедрение в социальную практику регулирующих положений Доктрины гуманитарной безопасности содействует складыванию значимых институциональных условий для позитивных изменений, аккумуляции, защиты и управления национальным разнообразием, наращивания качества чело-

веческого потенциала, крайне необходимых для инновационного движения страны. Гуманитарные технологии, в свою очередь, переводят в плоскость практической социальной деятельности знание о Человеке, его потребностях в устойчивом и безопасном развитии, позволяя тем самым использовать все многообразие гуманитарных, общественных и международных закономерностей, принципов, норм при определении целей, средств и методов осуществления целого спектра политик.

Литература

1. См.: Гуманитарная безопасность. Стенограмма «круглого стола» Фонда «Наука-XXI» «Национальная безопасность» Российской Федерации в гуманитарном измерении // Проблемы безопасности. – 2009. – № 6. – URL: <http://www.naulkaxxi.ru/materials/108/>; Казаков М.А. Новое в теории безопасности: гуманитарная безопасность и гуманитарные технологии: учебно-методическое пособие. – Н.Новгород: ФМО ННГУ, 2012. – С. 37–38.
2. См.: Слободчиков В.И. Антропологическая перспектива отечественного образования. – Екатеринбург: РИО Екатеринбургской епархии. 2009. – 264 с.
3. Казаков М.А. Гуманитарная безопасность как основание внутренней политики современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. № 1 (29). – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. – С. 24.
4. Казаков М.А., Левина Е.С. Гуманитарные технологии – современный ресурс реализации геостратегических приоритетов России // Materiály VIII mezinárodní vědecko-praktická konference «Zpravy vědecké ideje – 2012». Díl 10. – Historie. Politické vědy: Praha. Publishing House «Education and Science» s.r.o. – S. 75–84.

УГРОЗА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В XXI ВЕКЕ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ THREAT OF PROLIFERATION OF NUCLEAR WEAPONS AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
I.Yu. Kiselev, A.G. Smirnova
Yaroslavl Demidov State University

Обосновывается значимость осмысления с позиций социологии процессов распространения ядерного оружия и связанных с ними угроз, в частности, различий в восприятии государствами угрозы распространения ядерного оружия.

In the article the necessity to comprehend the proliferation of nuclear weapons and corresponding threats through the lens of sociology is under discussion. In particular, it is argued, that the differences in perception of threat of proliferation of nuclear weapons could be considered from the point of view of sociology.

Ключевые слова: ядерное оружие, социология, угроза, социальный конструкт, социальная структура.

Keywords: nuclear weapons, sociology, threat, social construct, social structure.

Несмотря на оптимистические оценки экспертов, согласно которым количество государств, обладающих возможностью создать ядерное оружие, в пять раз превышает число стран, которые реализовали ее на практике [1], распространение данного вида вооружения и связанные с ним угрозы не утратили актуальность и в новом тысячелетии. События вокруг северокорейской и иранской ядерных программ служат предметом новостей и усилий международного сообщества. Последствия распространения ядерного оружия рассматриваются представителями разных наук. Социология, как правило, не обращается к осмыслению данного процесса и связанных с ним угроз. Исключения составляют исследования *общественного мнения* по поводу отмеченных проблем [2], а также изучение мнений представителей экспертного сообщества и правящей политической элиты [3].

Вместе с тем, и сам *процесс распространения ядерного оружия* составляет объект социологического исследования [4]. Любая технология и оборудование, в том числе и ядерное оружие, наделены социально сконструированным значением, а также социально обусловленной целью их создания и применения. Согласно социологическому подходу, решение о создании ядерного оружия детерминировано не только национальными интересами в области безопасности, но также нормами и убеждениями о том, какое поведение в сфере международных отношений будет легитимным и востребованным в данный момент времени [5]. В частности, ядерное оружие выполняет *символические функции*, связанные с формированием и репрезентацией идентичности государства, выступает как символ модернизации, эффективности и независимости государства на международной арене [6].

Один из аспектов проблемы распространения ядерного оружия, требующий социологического осмысления, связан с изучением различий в восприятии государствами угроз, вызванных данным процессом [7].

Становление социологического подхода к изучению проблем безопасности в целом, и исследованию восприятия угроз, в частности, связано с развитием трех основных идей. Во-первых, с рассмотрением об-

щества как объекта, требующего защиты от *социальных рисков*, которые способны поставить под сомнение сложившийся социальный порядок и существование самого общества. Во-вторых, с выявлением специфической категории *структурных угроз*, которые, согласно структуралистским концепциям риска, представляют собой «побочный эффект» тех мер, которые ранее предпринимались для обеспечения безопасности и благополучия индивида, общества и государства. В-третьих, с трактовкой рисков и угроз как *социальных конструктов*. Фактически, восприятие угрозы осуществляется в контексте системы значений, актуальной для той или иной социальной общности, и под воздействием социальных процессов, в которые она включена.

Таким образом, изучение рисков и угроз безопасности общества должно осуществляться во взаимосвязи с анализом его структуры. Она одновременно выступает и как один из источников опасностей, и как объект их разрушительного воздействия. В процессе взаимодействия члены общества продуцируют риски и в то же время стремятся их предвосхищать, осмысливая возможные опасности. В связи с этим, конструирование рисков и угроз безопасности осуществляется как на *макроуровне* под воздействием структурных и институциональных факторов, так и на *микроуровне* в контексте взаимодействия конкретных субъектов.

Для реализации отмеченных принципов исследования угрозы распространения ядерного оружия необходимо конкретизировать термин «социальная структура». Можно предположить, что конструирование угрозы осуществляется субъектами на *макроуровне* в контексте *системы международной безопасности*, которая структурирует положение государств по нормативному, стратификационному, интеракционному и идеальному измерениям. В частности, институциональная и интеракционная основы взаимодействия государств в сфере безопасности определяют суть *международных режимов* [8], в том числе, нераспространения ядерного оружия. Институты задают основу для принятия решений с рациональных позиций. Кроме того, они определяют также систему категорий, предписаний и запретов, формирующих репертуар уместных действий, которые позволяют государствам быть членами международного общества и поддерживать соответствующую идентичность. Следовательно, институты предполагают существование ментальных моделей, которые способствуют воспроизводству установленных правил и норм [9]. Кроме того, государства отличаются неравным статусом в системе международных отношений. В частности, режим нераспространения закрепляет неравенство статусов государств, обладающих и не обладающих ядерным оружием.

Вместе с тем, на *микроуровне* угроза конструируется в контексте отношений между конкретными государствами, каждый из которых занимает определенную социальную позицию в системе международной безопасности.

Таким образом, угрозы распространения ядерного оружия получают осмысление, *во-первых*, сквозь призму положения государства в системе социального неравенства, определяемое сочетанием различных показателей могущества (стратификационное измерение). *Во-вторых*, с точки зрения системы правил и норм, которые определены внутренним и международным правом, обязательствами, взятыми на себя государствами в результате заключения договоров, членства в международных и региональных организациях (нормативное измерение). В-третьих, они осмысливаются в контексте двусторонних отношений государства, познающего угрозу, и страны, принимающей решение создать ядерное оружие (интеракционное измерение). В-четвертых, познание угрозы опирается на ментальные модели, отражающие социальные представления о ядерном оружии как источнике опасностей, а также – *образы государств*, от которого они исходят, и *тех стран*, в отношении которых они направлены (идеальное измерение).

Угроза распространения ядерного оружия выступает в качестве социального конструкта, который возникает в результате осмысления субъектом воспринятой информации с точки зрения существующих правил и норм, привычных паттернов реагирования на опасности, распределения материального, социального и культурного капитала, ментальных моделей угрозы. Они выступают в качестве пред-конструкций, позволяющих субъекту придать смысл действиям государства, стремящегося к созданию ядерного оружия.

Различия в восприятии угрозы могут быть проинтерпретированы с точки зрения различий социальных позиций, которые занимают государства в системе международных отношений.

Литература

1. Nymans J.E.C. Theories of Nuclear Proliferation // The Nonproliferation Review. – 2006. – Vol. 13. № 3. – P. 457.
2. Петрова А., Черняков А., Климова С., Ядова Е. Об угрозе ядерного конфликта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/of19993406>; Покида Н. Чего опасаются россияне? // Вестник Российской нации. – 2009. – № 2 (4). – С. 182-200; Чего опасаются россияне? // Информационно-аналитический бюллетень ИС РАН. – 2008. – № 6. – 72 с.

3. Global Threat Perception: Elite Survey results from Canada, China, the European Union, France, Germany, Italy, Japan, Russia, the United Kingdom and the United States / Edited by Emil J. Kirchner and James Sperling. Garnet Working Paper 18/07. Garnet Project JERP 5.3.2. May 2007 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/garnet/workingpapers/1807.pdf>

4. Смирнова А.Г. Угроза и политика нераспространения ядерного оружия // Социология. – 2010. – № 1. – С. 30-47; Смирнова А.Г. Угрозы и их изучение в социологии международных отношений // Социологический журнал. – 2010. – № 2. – С. 35-49.

5. Sagan S.D. Why do states build nuclear weapons? Three models in search of a bomb // International Security. – 1996. – Vol. 21. № 3. – P. 73.

6. Sagan S.D. Why do states build nuclear weapons? Three models in search of a bomb // International Security. – 1996. – Vol. 21. № 3. – Pp. 54-86; Suchman M.C., Eyre D.P. Military Procurement as Rational Myth: Notes on the Social Construction of Weapons Proliferation // Sociological Forum. – 1992. – Vol. 7. № 1. – Pp. 137-161.

7. Поттер У., Перриш С. Политика нераспространения: в поисках адекватности // Индекс безопасности. – 2007. – № 2 (28). – С. 94.

8. Krasner S. Defending the National Interest. – Princeton: Princeton University Press, 1978. – 404 p.

9. Hasenclever A., Mayer P., Rittberger V. Theories of International Regimes. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 248 p.

**РОССИЙСКИЙ ИСТОРИК НАЧАЛА XXI В. МЕЖДУ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНОЙ, КУЛЬТУРНОЙ
ПАМЯТЬЮ ОБЩЕСТВА И ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКАЗОМ
(на примере претензий Нижнего Новгорода на получение звания
«Город воинской славы»)**

**RUSSIAN HISTORIAN BEGINNING OF THE XXI CENTURY
BETWEEN PROFESSIONAL DISCIPLINE, CULTURAL MEMORY
OF THE SOCIETY AND THE POLITICAL ORDER
(FOR EXAMPLE CLAIMS OF NIZHNY NOVGOROD TO RECEIVE
THE TITLE OF «CITY OF MILITARY GLORY»)**

А.А. Кузнецов, А.Н. Маслов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

A.A. Kuznecov, A.N. Maslov

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

В одной из последних работ авторы прогнозировали, что второе десятилетие XXI в. пройдет для российского общества как время исторических коммемораций. Они, прежде всего, выразятся в параде регио-

нальных и федеральных юбилеев, годовщин крупных историко-культурных событий. Инициаторами таких действий, кроме властей, выступали и будут выступать историки. Кроме прочих мотивов ими движут необходимость быть востребованными и культурно-просветительская миссия [1].

Сами по себе юбилеи, памятные даты, кроме нацеленности на конструирование некоей общей социально-культурной и политической идеи и обретение историко-культурной идентичности (дабы общество смогло опознать себя в череде поколений и наметить осмысленные перспективы развития), чреваты конфликтами. Прошедший юбилей 400-летия подвига Ополчения Минина и Пожарского, который мог обернуться финансовыми инвестициями в ряд регионов, вызвал ожесточенную полемику между Нижним Новгородом и Ярославлем за право считаться местом рождения ополчения. Так великое деяние предков стало поводом для мелкого дележа (к счастью, безрезультатного) их славы¹ для получения политических дивидендов и финансовой поддержки в начале XXI в. Поверхностное и непрофессиональное толкование тех иных памятных дат в истории России может дать эффект соли на рану в отношении конфессий, культур и этносов России.

Кроме того, изобретение юбилеев, которые во множестве своем мельчают и девальвируются, наталкивается на слабую историческую подготовленность граждан России. Ее усугубляет то, что живая память общества о конкретных событиях прошлого не держится более 3-4-х поколений. Поэтому представления социума о событиях 200-летней, 400-летней и 1150-летней давности зависят от того, как их визуализируют служители Клио. А они, в свою очередь, сталкиваются с представлениями о прошлом, желательными для власти. Например, в 2012 г. власти Нижнего Новгорода намеревались к 4 ноября выпустить патристическо-просветительскую газету «Козьма Минин». В качестве образца было выбрано нижегородское одноименное издание начала XX в. Однако выстраивание такой преемственности рождало антиконституционные коннотации: в начале XX в. периодическое издание «Козьма Минин» было рупором нижегородских черносотенцев. Лишь указание историков на это позволило переформатировать данный проект. Газета получила название «Кузьма Минин» и в ней были устранены указание на какую-либо связь с дореволюционным печатным органом. В начале ноября 2012 г. Нижний Новгород был украшен плакатами, на которых красовался лозунг типа «Россия: славное прошлое, великое будущее». Любому образованному человеку этот слоган-заклинание напоминал изрече-

ние начальника III Отделения А.Х. Бенкендорфа: «Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно; что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое пылкое воображение...». Эти слова до сих пор в школьных учебниках по истории даются как подтверждение парадного фасада правления Николая I при его реакционно-консервативной сути. Вообще, применительно к юбилеям 1150, 400 и 200 власти транслировали тексты, сформированные либо в дореволюционной России, либо в результате гибридизации имперских и советских (сталинских) дискурсов Смутного времени и Отечественной войны 1812 г. Сложные для интерпретации мозаичные, альтернативные, неоднозначные процессы политогенеза в IX в., преодоления социокультурного кризиса в Смуту и отнюдь не лубочное по представлению отражение Наполеона остались за скобками торжеств 2012 г. Подобным примерам автодискредитации историко-культурных проектов, инициированных нынешним российскими властями, несть числа.

В таких тисках и находится сегодня профессиональная деятельность историка. Ярко эта ситуация проявляется в кампании за получение Нижнего Новгорода звания «Город воинской славы». Она делится на два этапа. Первый пришелся на 2010 г. Тогда по инициативе Министерства культуры Нижегородской области историки Нижегородского строительного университета подготовили обоснование заявки. В ней основной упор был сделан на роль города Горького в годы Великой Отечественной войны: город был «Кузницей Победы», он отбивался от вражеских бомбардировок.

Выбор Великой Отечественной войны, в принципе, логичен, грамотен и востребован тем, что Праздник Победы остается единственным в России торжеством, которое реально сплачивает людей, не нуждается в пропаганде сверху. В технологическом плане это тоже имело смысл: из 40 городов, занесенных официально в список «Городов воинской славы», подавляющая часть удостоилась за вклад в Победу 1945 г. Тем не менее, издержки были очевидны. Например, в 2010 г. на стритбордах на нижегородских улицах подавалась информация о времени, в течение которого Горький подвергался бомбардировкам в 1941-1943 гг. Принцип подсчета был незамысловатым: в качестве хронометрических границ брался день первой бомбардировки в 1941 г. и день последнего налета в 1943 г., и весь промежуток между ними предлагался как срок, в ходе которого Горький отбивался от нацистских стервятников. Такое завышенное число дней и небольшое количество сбитых самолетов кри-

тически мыслящего человека должно было привести к выводу о том, что все бомбардировщики люфтваффе должны были быть нацелены лишь на наш город, и что ПВО Горького не справлялось со своим боевым заданием. Сочетание «трудовой подвиг и авиабомбардировки», кроме Горького, был присущ Рязани, Ярославлю. В этом смысле Нижний Новгород не является особенным. По такому же критерию звание «Город воинской славы» был присвоен городу Коврову Владимирской области. Нижний Новгород был обойден, что вызвало раздражение его властей и общественности.

Второй этап начался на волне мероприятий Года Российской истории в Нижегородской области осенью 2012 г. Тогда Министерство образования Нижегородской области поручило историкам Нижегородского университета разработать обоснование заявки для получения Нижним Новгородом звания «Город воинской славы». Рабочая группа оказалась в сложном положении. С одной стороны, раздача этого звания большому количеству городов обесценило его как таковое. С другой стороны, целый ряд событий нижегородской истории дают основания для претензий на это звание. Правда, эти события находятся на значительном временном удалении от сегодняшнего дня и не вызывают чувства сопричастности к славным деяниям нижегородцев в средние века. И в этом смысле пропаганда знаний о них будет способствовать культурно-историческому просвещению нижегородцев.

При разработке обоснования акцент с Великой Отечественной войны был перенесен на события, которые соответствовали духу Федерального закона «О почётном звании Российской Федерации «Город воинской славы»»: «Звание «Город воинской славы» присваивается городам Российской Федерации, на территории которых или в непосредственной близости от которых в ходе ожесточенных сражений защитники Отечества проявили мужество, стойкость и массовый героизм». Подобные ожесточенные сражения на территории Нижнего Новгорода проходили в 1229 г. (отражение мордвы), в 1360-1370-е гг. (борьба с ордынцами), в 1445 г. (приход Улу-Мухаммеда), в начале XVI в.; в 1520-1530-х гг. Нижний Новгород стал объектом многочисленных рейдов и набегов крымчаков, казанцев и ногайцев; ополчение Минина и Пожарского не могло состояться без мужества и стойкости нижегородского гарнизона в противостоянии силам народов Поволжья, тушинцев, болотниковцев в 1606-1611 гг. Как видно из перечня, эти ратные страницы связаны с борьбой с теми силами и этносами, которые являются неотъемлемой и сущностной частью современного российского этнокультурного ланд-

шафта. Для профессионального историка в этом нет проблемы: эти конфликты, рассматриваемые в рамках оппозиций «цивилизация – варварство», «прогресс – архаика, традиционность» и пр., государственных ценностей, позволяют всех участников столкновений вписать в сложный процесс развития феномена полиэтничной и мультикультурной Российской государственности. И в этом смысле Нижний Новгород на протяжении столетий оказывался оплотом этой государственности на стыке регионов Верхнего и Среднего Поволжья.

Такая трактовка не устроила «заказчика». Чиновники желали видеть политкорректный нарратив, не задевающий интересы Татарстана, Республики Мордовия и пр. Поэтому упоминания о войнах с мордвой были устранены, казанцы и ногайцы превратились в безликих кочевников, а в образе хана Мамай акцент был поставлен на его незаконности на золотоордынском троне Чингизидов и крымском происхождении, из текста ушла Гражданская война, в которой Нижний Новгород выступил оплотом Советской государственности...

Данный в приложении конечный вариант текста в своей эволюции демонстрирует многие аспекты трудности ремесла российского историка в условиях прозаического политического заказа, слабой просвещенности общества и необходимости соответствовать современным процедурам получения и представления исторического знания.

Литература

1. Кузнецов А.А., Маслов А.Н. Диктатура юбилеев. Мемориальный бум как призрак иной повседневности // Исторические исследования в России–III. Пятнадцать лет спустя. – М., 2011. – С. 514–548 (дополненный вариант этой работы см. в коллективной монографии: Между каниунами. Исторические события в России за последние 25 лет. – М., 2013. – С. 1425–1461).

Примечание

1. Отметим, что гипертрофирование роли ополчения Минина и Пожарского в преодолении Смуты есть результат долгого коммеморативного процесса XVIII–XX вв. Современные исследования показывают, что преодоление Смуты произошло в результате взаимосвязанных и взаимообусловленных деяний представителей всех народов Европейской России в начале XVII в.: Смоленское сидение, оборона Троице-Сергиева монастыря, самопожертвование и упорство патриарха Гермогена, ратные дела Скопина-Шуйского, идеология и практика Первого (рязанского) ополчения П. Ляпунова, отражение поляков от Москвы в 1618 г. – вот далеко неполный перечень фактов, придающих великий смысл ополчению Минина.

**Обоснование заявки на получение Нижним Новгородом
звания «Город воинской славы»**

СТРАНИЦЫ РАТНОЙ ИСТОРИИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

А.А. Кузнецов, А.Н. Маслов, А.В. Морохин, В.А. Сомов
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

Вот уже восьмой год в России отмечается общенациональный праздник – День народного единства. За важными и насущными политическими, культурными ценностями, несомыми идеей праздника, немногие помнят, что Нижний Новгород является родиной Дня народного единства. Именно инициатива нижегородцев, складывавшаяся на протяжении полутора столетий, отмечать 22 октября по старому стилю как день памяти подвига ополчения Минина и Пожарского стала толчком к введению этого праздника. В основе этих «воспоминаний» лежат переломные события 22 октября 1612 г., когда ополченцы, ведомые Пожарским, взяли штурмом укрепления Китай-города и обозначили неминуемую капитуляцию польско-литовского гарнизона в московском кремле. Ополчение было сформировано в Нижнем Новгороде осенью 1611 г. и позднее дополнилось отрядами народов Поволжья, Кинешмы, Ярославля и др.

Один из важнейших праздников РФ, во всех смыслах рожденный в Нижнем Новгороде, несет в себе главную идею – преодоление социокультурного кризиса Российского государства путем военно-патриотического порыва снизу, по народному почину. И на этом фоне недоумение вызывает то, что Нижний Новгород, начавший вооруженной силой выход из Смуты, изгнание интервентов из России, не имеет звания «Город воинской славы»...

Эта историческая несправедливость тем более очевидна при общем экскурсе в историю Нижнего Новгорода.

Ополчение Минина и Пожарского не могло состояться без упорства нижегородцев в годы, предшествовавшие его созыву. Осенью-зимой 1606/1607 гг. отряды болотниковцев, желавших утвердить в Москве очередного самозванца, осадили Нижний Новгород. Сил нижегородского гарнизона для уничтожения многочисленного противника не хватало. Только появление под Арзамасом московского войска вынудило болотниковцев снять осаду. В ноябре-декабре 1608 г. Нижний Новгород оказался в кольце врагов. Так называемые тушинцы (сторонники Лжедмит-

рия II, сидевшего в подмосковном Тушине), шедшие из Балахны, пытались захватить продовольственные склады купцов на Стрелке (мыс, образуемый впадением Оки в Волгу). 22 ноября 1608 г. нижегородский отряд служилых людей по льду переправился на Стрелку. В ожесточенном бою нижегородцы разбили врага и вывезли все продовольствие в Нижний Новгород. Эта победа определила успешность дальнейших действий нижегородского гарнизона, выдержавшего блокаду. 25 ноября 1608 г. нижегородцы отбили атаку на кремль другого отряда тушинцев из Терюшевской волости. Через четыре дня тушинцы, напавшие на Нижний по Московской дороге, были отброшены. 30 ноября кремль выдержал штурм с четырех сторон. 1 декабря 1608 г. командовавший нижегородским гарнизоном воевода Репнин организовал вылазку и ненадолго рассеял осаждавших, чем обеспечил возможность прибытия в Нижний подмоги. Теперь число его защитников увеличилось, что не замедлило сказаться на изменении положения. 2 декабря балахнинские тушинцы были разбиты у кремля, а нижегородцы во главе с воеводой Алябьевым беспощадно преследовали их до Балахны, овладели ею и привели к присяге царю Василию Шуйскому ее жителей. Через три дня был истреблен тушинский отряд, пришедший из-под Арзамаса.

Затем нижегородцы предприняли усилия, чтобы вернуть под власть законного царя территорию вверх по Оке. 9-11 декабря 1608 г. тушинцы были разбиты ратью Алябьева в двух сражениях под Ворсмой и Павловым. Через неделю другой нижегородский отряд привел к присяге на верность Москве отпавшие от нее Гороховец и Ярополч. 7 января 1609 г. нижегородцы во главе с Алябьевым уничтожили крупный вражеский отряд под селом Богородское и двинулись к Мурому. По пути часть нижегородских сил ушла к Арзамасу, где очистила его окрестности от сторонников Лжедмитрия II. Известие о приближении войска Алябьева вызвало 16 марта 1609 г. восстание в Муроме против «изменников» и поляков. В марте нижегородцы вернули под «руку Москвы» Владимир. В мае 1609 г. Алябьев устроил успешный рейд на Касимов.

До 1611 г. служилый люд Нижнего Новгорода показал себя поборником восстановления порядка, верным присяге на верность законному государю, увеличил число его сторонников. На этом фоне выступление Кузьмы Минина с призывом к нижегородцам идти на освобождение Москвы, их горячий отклик на него уже не выглядят случайными. В свете последних научных изысканий Минина надо считать урожденным нижегородцем. Земская изба, куда Кузьма Минин приходил исполнять обязанности старосты, находилась рядом с храмом Иоанном Предтечи

(у подножия Ивановской башни). В этой части города и прозвучал его знаменитый призыв, после которого нижегородцы собрали деньги для организации Ополчения.

Несомненно, что нижегородцев начала XVII в. вдохновляли и более древние боевые традиции. Нижегородский каменный кремль, стены которого оберегли город в Смуту, был построен в начале XVI в., и с тех пор ни один противник не одолел его. Особенно значимым данный факт стал в контексте событий 1520-1540-х гг. 1520-е гг. характеризуются натиском Османской империи на Европу: тогда пал Белград и Родос, была осаждена Вена...

В Восточной Европе орудием турок стали кочевники и ханства Великой Степи. Сразу на русские земли обрушились вражеские орды крымцев, ногайцев, войска Казанского и Астраханского ханств. Кочевники опустошали окрестности Нижнего Новгорода. Великий князь Василий III с 1523 г. целенаправленно превращал Нижний Новгород в оборонительный форпост Российского государства в Поволжье и Почье. Тем не менее, обстановка в нижегородском регионе оставалась тревожной.

После смерти Василия III в 1533 г. нижегородское Поволжье стало ареной многочисленных набегов, что тяжело отразилось на самом Нижнем Новгороде. Правительство малолетнего Ивана IV направляло в Нижегородскую землю войска, опытных воевод. Однако они не всегда успевали дать отпор отрядам врага. Для нижегородцев эти напасти стали частью повседневности, и потому не всегда фиксировались в документах. Но даже те источники, которые есть в распоряжении историков, свидетельствуют, что Нижний Новгород спасал только Кремль, а посад, пристани, слободы не раз опустошались. В то время сил хватило только на то, чтобы создать на восточном рубеже Московского государства сильную и мощную оборону. Центром ее и стал Нижний Новгород, ежегодно принимавший большое число русских войск, противостоявших врагу. И как символ ведущей роли Нижнего Новгорода в защите границ Российского государства выглядит единственное сооружение, дошедшее до нас от XVI в. (самое древнее в Нижнем Новгороде) – Кремль, ни разу за свою историю не взятый врагом.

Еще раньше – во второй половине XIV столетия – Нижний Новгород был центром крупного княжества, наряду с Москвой внесшего вклад в освободительное движение русских земель. Идеологом этой борьбы в Нижнем Новгороде стал сподвижник Сергия Радонежского и митрополита Алексия – епископ Дионисий. В 1360-1370-е гг. нижегородцы гро-

мили ордынские войска, которые направлял на Русь узурпатор ханского трона – крымский эмир Мамай. Он, разгневанный на нижегородцев, отказывавшихся признать его власть, в 1377 г. бросил на Нижний Новгород орду. Она разгромила нижегородское войско у Пьяны и устремилась на беззащитный Нижний Новгород. Его жители успели, взяв самое ценное, бежать за Волгу. 5 августа 1377 г. город был предан «огню и мечу». В следующем году ордынцы вновь ворвались в Нижний Новгород и разграбили его. Этими погромами надо объяснить отсутствие нижегородцев под стягом Москвы на Куликовом поле.

Даже фактом своего основания Нижний Новгород обязан защитой интересов Северо-Восточной Руси в регионе устья Оки, на Верхней Волге. Грандиозный замысел закрепления Владимирского княжества на устье Оки начал воплощаться после нападения волжских булгар на города Владимирского княжества – Углич и Унжу. В ответ русские дружины в 1220 г. нанесли сокрушительный удар по болгарскому граду Ошелю (ниже устья Камы). Затем князь Георгий стал готовить новый поход, видимо, для того, чтобы навсегда снять угрозу болгарских набегов. Для его предотвращения булгары направили послов с просьбой о мире. После непростых переговоров в Городце был заключен мир. В 1221 г. на устье Оки был заложен город. С тех пор история Нижнего Новгорода неразрывно связана с историей России, ее военным прошлым.

Утверждение града поставило под контроль русских князей всю Оку и позволило ему вырваться из перелесков Волго-Окского междуречья и Клязьминской поймы к заволжским горизонтам. С момента основания и до середины XVII в. Нижний Новгород был щитом земли Русской. Он закрыл для неприятелей речные пути на Верхнюю Волгу, Оку и Клязьму. И неожиданные удары врага, и мобилизация сил в короткое время на его отражение, и пребывание большого числа воинских отрядов, и восстановление разграбленного и сожженного города – все это ляжет тяжким бременем на нижегородцев в первые четыре века его истории.

Эти и другие события нижегородской истории XIII – начала XVII в., в полном смысле слова, обрекают Нижний Новгород на то, чтобы значиться в почетном списке городов воинской славы, если руководствоваться пунктом 1 статьи 1 Федерального закона «О почетном звании Российской Федерации «Город воинской славы»: «Звание «Город воинской славы» присваивается городам Российской Федерации, на территории которых или в непосредственной близости от которых в ходе

ожесточенных сражений защитники Отечества проявили мужество, стойкость и массовый героизм...».

В определенном смысле лейтмотив этого закона – «в целях увековечения памяти погибших при защите Отечества» – можно распространить и на события военной истории Нижнего Новгорода после Смутного времени.

Вслед за победой в Северной войне (1700-1721 гг.) Петр I отвел Нижнему Новгороду важное место в планах подчинения Кавказа и Закавказья. В 1722 г. Нижний Новгород стал одним из пунктов Персидского похода, итогом которого стало самое глубокое за всю историю России проникновение в Закавказье. Тогда же в Нижнем по императорскому приказу были заложены верфи и выписаны мастера для строительства военных кораблей, которые могли выходить по Волге в море, вести боевые действия и высаживать десанты на побережье. Очевидно, что традиции этого воплотились в военно-морской продукции нижегородского (горьковского) завода «Красное Сормово». Выпущенные на нем подводные лодки зарекомендовали себя и в Великую Отечественную, и в последующие десятилетия как верные стражи безопасности нашей Родины.

В 1812 г. в Нижнем Новгороде было организовано ополчение. Образцом для него, впрочем как и для ополчений других городов, стало ополчение 1611–1612 гг. Неслучайно и то, что в марше ополчения были слова:

Врагу там можно ль покориться,
Где щит Отечества в сердцах?
Здесь всё Отчизне посвятится!
Здесь *Минина* священный прах!

Нижегородское ополчение прошло с боями по немецким землям в 1813–1814 гг. Домой вернулось около 6,5 тысяч ратников – чуть более половины. Остальные положили свои жизни в боях с войсками Наполеона. Все нижегородские ополченцы за свои подвиги были представлены к медалям и орденам.

Всем известен вклад города Горького в Победу в Великой Отечественной войне. Но не всегда вспоминается о том, что город был в буквальном смысле затронут боевыми действиями. В октябре 1941 г., когда немцы рвались к Москве, произошла первая бомбардировка Горького. Главной целью люфтваффе в 1941 г. был железнодорожный мост через Волгу. Его уничтожение сулило перерезать снабжение техникой, боеприпасами войск, защищавших Москву. Горький прикрывался зенитными

установками, которые размещались на месте будущих микрорайонов Щербинки, Печеры, на башнях кремля, колокольных храмов... Ни одна бомба не упала на мост... Успехом врага стало выведение из строя на три месяца цеха конвейерной сборки ГАЗа летом 1943 г. В воздушном пространстве Горького было сбито 14 вражеских самолетов. Один из них был сокрушен тараном истребителя П.И. Шавурина 27 июня 1943 г. Обломки «юнкерса» затем были брошены к постаменту памятника В.П. Чкалова.

Нижний Новгород на протяжении восьми веков своей истории в каждом столетии отмечился как город-воин, защищавший Русскую землю. Обороняя Отечество, нижегородцы зачастую играли решающую роль в спасении Российской государственности.

**ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА
THE ISSUE OF SOCIAL STRUCTURE OF
INTERNATIONAL SOCIETY**

Д.А. Лапшина

Ярославский государственный университет им П.Г. Демидова

D.A. Lapshina

P.G. Demidov Yaroslavl State University

Обосновывается применение термина «общество» для описания пространства международных отношений, произведен анализ его социальной структуры.

In the article the use of the term «society» to describe the space of international relations is substantiated, and the analysis of its social structure is conducted.

Ключевые слова: социальная структура, международное общество, социальная система, социальная солидарность, социальная позиция.

Keywords: social structure, international society, social system, social solidarity, social position.

В ходе рассмотрения феномена международных отношений особую роль играют факторы, на основе которых возникает интеракция государств. Исследуя данную область, зачастую в современной науке предпочтение отдается системному подходу [1], в рамках которого международные отношения можно рассмотреть как анархическую систему, где не существует властного принуждения; или иерархическую [2], где наблюдается определенный уровень упорядоченности.

Современные международные отношения достаточно сложно проанализировать исключительно в рамках подобной классификации. Это интеракции более сложного характера, когда государства взаимодействуют, образуя не только систему, элементы которой являются частью целого и вынуждены принимать во внимание поведение других, но и некий общественный организм. В рамках данного представления можно выделить ряд теоретических подходов к рассмотрению межгосударственных отношений и факторов, определяющих их становление и функционирование: международное общество[3], мировое общество[4] и общество глобальное[5].

Международное общество, в отличие от системы, представляет собой совокупность государств, которые не просто образуют определенную целостность, но и совместно вырабатывают и соблюдают единую унифицированную нормативно-правовую базу, имеют сложную статусную структуру взаимоотношений, создают институты контроля, отражающие общие интересы, гарантирующие стабильность и его дальнейшее процветание.

Концепция Х.Булла [3], дает нам основание говорить о заметной локальности понятия «международное общество», нежели повсеместного «мирового общества», его распространенности сугубо в рамках определенных территорий, где государства, объединены единой нормативной основой. Данную модель построения межгосударственных отношений можно наблюдать в современной Европе. Образование Евросоюза – пример международного общества.

Элементы любого общества, как известно, удерживаются в его рамках посредством определенных факторов социальной солидарности [6] – механической или более сложной органической. Следовательно, можно предположить, что и в рамках представленной модели действуют схожие механизмы.

Соответственно, данный критерий объединения государств, может быть рассмотрен и исследован посредством социологического анализа. Особое внимание в докладе хотелось бы уделить социологическому анализу структуры международного общества, его внутреннему строению. Среди многообразия теорий и мнений наиболее содержательной, отвечающей поставленным задачам, интерпретация социальной структуры представлена в работе П. Штомпки[7], через призму которой в рамках доклада будет описана структура современного международного общества.

Используя выбранный подход, мы будем основываться на 4-ех измерениях социальной структуры, выделенных П. Штомпкой [8]: 1) нормативное измерение; 2) идеальное измерение; 3) интеракционное измерения; 4) измерение интересов.

Интеракционное измерение является базовым принципом международных отношений, определяя саму возможность формирования межгосударственного сотрудничества. Это непосредственно связанные с данной общностью и типичные для нее взаимно ориентированные действия – модель построения межгосударственных отношений. От специфики интеракции зависит будущее мирового общества и то, в каком направлении оно будет развиваться.

Измерение интересов–доступ к общественным благам, соответственно, определяет причины и возможность государственных дипотношений. Отношения между государствами складываются для получения определенной конкретной совместной выгоды, исходя из представлений о возможных особенностях и атрибутах сотрудничества.

Нормативное измерение в свою очередь представляет собой совокупность в основном (но не только) формальных норм, сложившихся в рамках общества, определяющих возможные пути интеракций, поведения государств, направления сотрудничества. Целью создания международного права было регулирование жизни государства как члена международного сообщества.

Стратификационное измерение–это определение характера неравенства в рамках общества, отражающего статусно-ролевой паттерн межгосударственных отношений.

Стоит отметить, что данные измерения сосуществуют в тесной взаимосвязи друг с другом. Их совокупность дает представление не только о социальной структуре международных отношений, но и служит методом раскрытия социальной позиции государства как участника международных отношений.

Литература

- 1) Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений: учеб. пособие. М.: Радикс, 1994.
- 2) Цыганков П.А. Теория международных отношений на рубеже столетий. М.: Гардарики, 2003.
- 3) Buzan B. From International System to International Society: Structural Realism and Regime Theory Meet the English School // International Organization, 1993. Vol. 47. № 3. Pp. 327–352.

4) Браун К. Международно-политическая теория и идея мирового сообщества // Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. М.: Гардарики, 2002. С. 102–119.

5) Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма: новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007.

6) Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

7) Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.

8) Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования, 2001. № 9. С. 3–13.

ВЫБОРЫ 2012 ГОДА И СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС В США **THE 2012 ELECTIONS AND THE SYSTEMIC** **CRISIS IN THE USA**

А.Я. Левин

Сильвер Спринг, штат Вашингтон, США

A.Y. Levin

Silver Spring, Washington, USA

Обсуждаются итоги выборов 2012 года, проявления, причины и перспективы экономического и социального кризиса в США.

Discussed the results of the 2012 elections, symptoms, reasons and perspectives of economic and social crisis in the USA.

Ключевые слова: США, выборы, кризис, корпорация, профсоюз, семейный доход, производительность труда.

Keywords: USA, elections, corporation, trade-union, family-income, productivity.

Итоги выборов 2012 года в США парадоксальны. Парадоксальны потому, что избиратели, большинство которых (81%) недовольны ситуацией в стране и считают, что она движется в неправильном направлении, тем не менее проголосовали за оставление президента-демократа на второй срок и увеличили поддержку его партии. Обозреватели почти единодушно объясняют этот парадокс тем, что республиканская партия под давлением консервативных активистов из «партии чаепития» заняла позицию, откровенно враждебную афро-американскому и испаноязычному меньшинствам, настроила против себя избирателей-женщин, предложила резко сократить расходы на программы медицинской помощи старикам и неимущим. Со всем этим нельзя не согласиться. Од-

нако, как представляется, ситуация сложнее и трагичнее. Оптимистические восклицания торжествующего победу президента не должны вводить в заблуждение. Трагичный итог этих выборов в том, что ни один из кандидатов ни в оценке нынешнего положения страны, ни в своей программе на будущее не упоминал о главной проблеме, лежащей в основе нынешнего неблагополучия. Экономика страны все глубже втягивается в системный кризис. Симптомы очевидны. Во-первых, небывалый в истории для мирного времени государственный долг и рекордные долги домохозяйств. Во-вторых, все более глубокие рецессии и все более длительные сроки восстановления после них. До 1990 года занятость после всех послевоенных рецессий восстанавливалась за 6 месяцев. После рецессии 1990 года на это потребовалось уже 15 месяцев, в следующей – 39 месяцев, а после последней, при нынешних темпах, уйдет не менее 5 лет. В качестве причин последней рецессии обычно называют безответственность банков, неоправданное облегчение получения кредита на покупку домов. Это тоже верно. Но несомненно, что эти лежащие на поверхности факторы имеют более глубокие корни. Нельзя списать данную рецессию и на традиционное психологическое объяснение – осторожность в тратах, бережливость потребителей и инвесторов. Реально главная причина в том, что потребителям, за счет покупок которых реализуется 70% Совекупного Национального Продукта, нечего ни тратить, ни сберегать. Как справедливо писал Кейнси, эффективный спрос (потребительский спрос, соответствующий предложению рынка) – главное условие нормального состояния и роста экономики. Между тем, разрыв между предложением и платежеспособностью спроса за последние десятилетия, особенно с начала нового столетия, все более углублялся. *Для нормального бескризисного развития экономики необходимо, чтобы рост производительности труда сопровождался адекватным ростом доходов потребителей.* С 1947 года, примерно до 1973 года это условие соблюдалось. И производительность труда и медианный семейный доход выросли одинаково – более, чем вдвое. Экономическое положение страны было тогда соответственно вполне благополучным. С середины семидесятых годов рост семейных доходов стал все более отставать от роста производительности труда, а с конца 90-ых годов разрыв стал катастрофическим. В 1999 году производительность труда выросла на 200% к уровню 47 года, а доходы всего на 170%. К 2011 году производительность выросла более чем до 300%, между тем, рост доходов почти прекратился, а с 2007 года даже произошло падение. И это при том, что за те же 10 лет ликвидный капитал корпораций удвоился и

вырос на триллион долларов, а доход компаний, входящих в статистику Standard and Poor, на одного рабочего вырос с 378 тыс. долларов в 2007 году до 420.000 в 2011 году. Недавнее обследование показало, что американцы в возрасте от 39 до 44 лет с семьей из четырех человек зарабатывают сейчас на 28% меньше, чем их родители в этом же возрасте. Медианная зарплата работника физического труда (синего воротничка) сейчас ниже, чем в 1964 году. Никогда в послевоенные годы не достигал такого размера разрыв в доходах между самыми богатыми и основной массой населения. На долю 1% самых богатых сейчас приходится вдвое большая доля дохода, чем 30 лет назад. В то время как доход среднего американца с 1979 года по 2005 с учетом инфляции увеличился на 21%, доход одной десятой процента богатейших вырос на 400%. Консервативные экономисты утверждают, что увеличение дохода богатых экономически оправданно, так как ведет к росту инвестиций. Однако падение до самого низкого уровня за последние 50 лет доли заработной платы в национальном продукте сопровождается таким же падением доли инвестиций. В шестидесятые годы в американской социологии доминировало утверждение, что в США исчезают классовые различия и классовые противоречия, что страна превращается в общество единого среднего класса. Сейчас, напротив, отмечаются вымывание среднего класса и возрождение классовых противоречий. Как показал недавний опрос, проведенный Pew Research Found, две трети респондентов считают, что конфликт между богатыми и бедными является большим источником напряжения в обществе, чем расовые и национальные противоречия. Естественно, что при сохранении такой тенденции, без резкого роста доходов основной массы населения, то есть среднего класса, стране грозит катастрофа, которую невозможно предотвратить традиционными мерами стимулирования экономического роста (снижением ставки учетного процента, понижением налогов). Причины того, что доходы основной части американских семей росли медленней, чем росла производительность труда, а у значительной части населения даже сокращались, консервативные экономисты и обозреватели обычно сводят к глобализации и техническому прогрессу. Действительно, промышленные компании на протяжении последних десятилетий перенесли значительную часть производства в страны с дешевой рабочей силой, а оставшиеся на предприятиях рабочие места во все большей степени замещаются автоматами. Заработная плата в сфере обслуживания, к которой теперь относится основная масса рабочих мест в стране, в среднем на 20% ниже, чем в промышленности. Однако авторы, которых

принято называть либералами, поддерживающие демократическую партию, подчеркивают особое значение резкого ослабления профсоюзов. Только тем, утверждают они, что работники не могут бороться с руководителями корпораций, получающими небывало высокие прибыли и личные доходы, можно объяснить, почему не повышается зарплата тех миллионов, чьи рабочие места не смогли быть экспортированы. Действительно, тридцать лет назад профсоюзами был защищен каждый третий работающий по найму. Теперь – только каждый десятый. И эта доля продолжает уменьшаться. В 2012 году членов профсоюза среди заводских рабочих было на 4% меньше, чем в 2010. Владельцам и высшим менеджерам компаний при поддержке республиканских губернаторов и законодателей удалось сократить долю членов профсоюзов в частном секторе до 6,6% работников. Академик Тарле, объясняя ослабление экономических позиций Великобритании в конце XIX века, указывал на два основных фактора. Во-первых, перенесение промышленного производства из метрополии в колонии с их дешевой рабочей силой (переход от экспорта товаров к экспорту капитала). Во-вторых, основанную на роли фунта стерлингов как мировой валюты высокую доходность финансовых операций, дающих доход больший, чем промышленные инвестиции. Дешевизна рабочей силы и уход капитала из промышленности на биржу объясняют падение интереса к техническим нововведениям. Если заменить фунт стерлингов долларом, эта характеристика вполне подходит к современным Соединенным Штатам. Известен термин «голландская болезнь». С таким же основанием можно говорить об «английской болезни». Доход от финансовых операций является источником примерно 70% прибыли американских корпораций, поэтому никогда еще доля инвестиций в совокупном продукте американской экономики не была так мала, как сейчас. В начале 20-х годов Генри Форд разко поднял заработную плату рабочих на своих предприятиях, чтобы сделать их покупателями его продукции. Современные американские корпорации на это не способны. Важнейшая причина этого в том, что современная корпоративная собственность все в большей мере утрачивает главное преимущество частной собственности – заинтересованность владельца в долговременных результатах деятельности. Нынешние акционеры фактически превратились в кратковременных арендаторов. Шестьдесят лет назад акции, зарегистрированные на Нью-Йоркской бирже, оставались в одних руках в среднем на протяжении 7 лет. Теперь только в течение 6 месяцев. В 50-годы 90% акций были в руках индивидуальных владельцев. Теперь из доля не превышает 35%. Остальное

принадлежит инвестиционным фондам, которые непосредственно не могут следить за деятельностью всех компаний, в которые вложены их капиталы. Члены советов директоров компаний, формально являющиеся представителями интересов акционеров, по всеобщему мнению, в большей степени зависят от высших менеджеров компаний, чем высшие менеджеры от директоров. Таким образом, именно эти высшие менеджеры вырабатывают политику компаний и руководят всей их деятельностью. Размер бонусов, составляющих главный вид вознаграждения этих менеджеров, определяется курсом акций на бирже. Их первоочередной задачей является обеспечить высокую прибыль в текущем квартале – показатель, от которого зависят колебания курса. Поэтому, как отмечают исследователи, повсеместно наблюдается падение интереса к долгосрочному планированию, долгосрочным инвестиционным проектам. Нововведения, которые выбрасываются на внутренний и мировой рынок, рождаются такими молодыми компаниями, как Майкрософт, Эппл, Гуггл, Фейсбук, контроль за которыми сохраняют до сих пор их основатели. Социализм в устах консервативных американских ортодоксов – жупел, которым пугают обывателей. Они объявляют социалистической очень умеренную программу медицинского страхования, введенную Обамой. Между тем, игнорируется распространение худшего порока социалистической экономики – показательного фетишизма, то есть ориентации высших руководителей предприятий на показатели, отражающие кратковременные результаты, в жертву чему приносятся долгосрочные задачи. Дело Энрона показало перенесение на американскую почву явлений, знакомых всякому, работавшему в СССР, – фальсификацию отчетности, подкуп аудиторов, оценку задач не по их реальной значимости, а по сиюминутной выгоде, легкости достижения и простоте учета.

США остаются самой мощной экономикой мира. Доллар сохраняет позицию ведущей мировой валюты. Производительность труда американского работника выше, чем в других развитых странах. Именно здесь изобретения, которые делаются гениальными одиночками в собственных гаражах, быстрее всего превращаются в товары, завоевывающие мировой рынок. Пороки, которыми страдает экономика и общество США, могут быть устранены разумной налоговой реформой, возрождением рузвельтовского профсоюзного законодательства, законами, регулирующими деятельность финансовых и промышленных компаний. Наиболее дальновидные экономисты и политики понимают необходимость перемен и их должное содержание. Но для реализации такой про-

граммы надо убедить в ее необходимости массового избирателя, преодолевая ожесточенное сопротивление могущественных групп, интересы которых в этом случае будут ущемлены.

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИИ
В ННГУ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО
PROBLEMS AND PROSPECTS OF ARCHAEOLOGY
IN N.I. LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD**

Е.А. Молев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

E.A. Molev

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Полевые исследования нижегородских археологов стали одним из этапов научной деятельности созданного в 1946 г. в составе Горьковского университета историко-филологического факультета. Первоначально основной задачей факультета была подготовка специалистов, имеющих определенную теоретическую базу и практический опыт. Это обеспечивалось преподаванием курса «Основы археологии» специалистами высокого уровня и организацией достаточно широкомасштабных практик для студентов, специализирующихся по этой дисциплине. Первоначально курс «Основы археологии» читал *Виктор Трофимович Илларионов*. Он имел диплом ученого археолога (с золотой медалью окончил Нижегородский филиал Московского археологического института), некоторое время работал в Горьковском краеведческом музее, геологическом музее университета. Кандидатская (1941) и докторская (1948) диссертации В.Т. Илларионова («Опыт историографии палеолита в СССР») значительным образом «выходили» на археологический материал (в теории и на практике)¹. Уже он счел необходимым включить в программу подготовки археологов раздел по методике полевых исследований. И мотивировка его была вполне аргументирована: «... выпускники периферийных университетов будут работать на местах и могут сталкиваться с необходимостью вести в том или ином масштабе хотя бы рекогносцировочную и разведочную работу».² Эта программа успешно выполнялась до тех пор, пока курс вел сам В.Т. Илларионов. Студенты получили возможность выезжать в экспедиции Академии наук в Армению и Среднюю Азию. Качество подготовки студентов значительно

выросло еще и за счет дополнительных занятий в рамках организованного В.Т. Илларионовым кружка археологии и этнографии. Его члены принимали участие в работах целого ряда нижегородских экспедиций, а привезенные ими на факультет материалы раскопок и фотографии явились началом создания на историко-филологическом факультете археологического кабинета³.

Успешная деятельность в области подготовки выпускников истфака была продолжена и преемниками В.Т. Илларионова в преподавании археологии: Татьяной Сергеевной Пономаревой, Татьяной Владимировной Гусевой, Николаем Игоревичем Солнцевым, Евгением Александровичем Молевым, Николаем Николаевичем Грибовым. Результатом их стало создание студенческого кружка археологии, проведение самостоятельных раскопок с написанием научных отчетов, статей и публикаций. Большое значение имели также выступления в областной прессе и статьи в краеведческих изданиях. Собственная база практики позволяла закреплять у студентов получаемые в теоретическом курсе знания практическими навыками, давала возможность активно внедрять новые формы учебно-исследовательской работы. Уже первые дипломные работы, выполненные на городецком материале, показали широкие перспективы археологии для организации НИРС (научно-исследовательской работы студентов).

Следующим этапом в деятельности нижегородских археологов стало издание сборников научных работ, посвященных результатам полевых исследований и теоретическим проблемам науки,⁴ и проведение регулярных научных конференций. Последние были посвящены памяти нижегородского археолога Виталия Федоровича Черникова. В настоящее время на историческом факультете создана кафедра «Археологии, искусствоведения и музеологии», позволяющая объединить усилия по подготовке высококлассных специалистов-археологов. Студенты исторического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского имеют возможность работать в семи-восьми экспедициях, публиковать материалы своих исследований, работать в археологическом отделе музея ННГУ, могут продолжить свое образование в открытой в 2011 г. магистратуре по археологии.

Для успешного продолжения деятельности нижегородских археологов уже давно назрела проблема создания на базе университета археологической лаборатории для камеральной обработки материалов, приобретение специальной техники для проведения полевых научно-исследовательских работ, увеличение набора студентов и магистрантов

на данную профессию, спрос на которую востребован как в Нижнем Новгороде, так и в области.

Примечания

1. Толстова Н.Н., Пономарева Т.Н., Солнцев Н.И., Молев Е.А. Археология в Горьковском (Нижегородском) университете // Вестник ННГУ. Серия «История». – 2002. – Вып. 1. – С. 165.
2. ГАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 537. Л. 165.
3. ГАНО. Ф. 377. Оп. 8. Д. 449. Л. 8.
4. Нижегородские исследования по краеведению и археологии (НИКА). – Н.Новгород, 1996-2011; Культурный слой. – Н.Новгород, 2012.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ ИЛИ ВОЛЯ К ЖИЗНИ HISTORICAL OPTIMISM TO THE LIFE VOLITION

Т.М. Новокрещенова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

T.M. Novokreshchenova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассматривается понятие « исторический оптимизм» и потребность в нем у общества.

Discusses the concept of « historical optimism» and the need for it in the population of the country.

Ключевые слова: оптимизм, история, общество.

Keywords: optimism, history, society.

Для начала определимся с терминологией. Значение слова «оптимизм» (от лат. *optimus*-наилучший), представление о том, что в мире господствует положительное начало, добро. Термин был введен для характеристики учения Г.В. Лейбница о существующем мире, как наилучшем из возможных. Также мы можем говорить об оптимизме как о взгляде на жизнь с позитивной точки зрения, уверенности в лучшем будущем. Оптимисты утверждают, что мир замечателен, из любой ситуации есть выход, все получится, все люди, в общем, хорошие. Правда, сегодня более распространенное понятие – позитив. Его употребляют чаще.

Древнегреческий термин «история» означает «расследование, узнавание, установление» [1]. Одни авторы относят историю к гуманитарным наукам, другие – к общественным. Поскольку историки являются

одновременно наблюдателями и часто участниками событий, их исторические труды написаны с точки зрения времени и обычно являются не только политически пристрастными, но и разделяют все заблуждения своей эпохи. Итальянский философ Бенедетто Кроче (1866 – 1952) писал: «Вся история – современная история». Далее он утверждал, что «... история обладает катарсическим эффектом в отношении человека: зная ее, он освобождается от груза прошлого» [2]. И.Г. Гете писал: «Лучшее, что нам дает история, – это возбуждаемый ею энтузиазм» [3].

Исторический оптимизм характеризует определенную систему представлений о мире, отражает общую духовную атмосферу эпохи, особенно в периоды социальных сдвигов, а также умонастроения общественных групп и классов, идеология которых выражает их восхождение к господству и стремление переустроить общество на более справедливых началах.

Оптимизм – это ценностная сторона мировосприятия, в ней мир осмысливается лишь с точки зрения добра и зла, справедливости и несправедливости, счастья и бедствий. Это общий тон и настрой, пронизывающий конкретное содержание представлений, но не обуславливающий его строго однозначно.

Когда говорим об историческом оптимизме, то в первую очередь имеем в виду видение перспектив развития России. Понимание того, что в нашей истории были не только проблемы, но и достижения. Исторический оптимизм, думается, состоит в том, чтобы увидеть эти перспективы развития в наши дни.

Есть такой важный момент, как общественные ожидания. В жизни народов периоды подъема обычно чередуются временами спада. Некоторые исследователи сегодня отмечают усталость современного общества. Необходима огромная воля, чтобы сопротивляться большому объему негативной информации из многочисленных источников.

В 90-е годы XXв. был сильный спрос на негативное толкование истории. Работ такого плана было подготовлено не мало. Появился и такой жанр, как альтернативная история. Влияние этих публикаций на мировоззрение населения трудно переоценить.

Сегодня существует огромный интерес к отечественному прошлому у общества. Как потребность в существовании истории, «возбуждающей энтузиазм», можно рассматривать и увлечение ролевой имитацией исторических военных событий: Бородинское сражение, Куликовская битва и т.д. Многолетние сезоны работы отрядов по поиску погибших на полях сражений подтверждают потребность в причастности к истории у значительной части молодежи.

В январе 2012 г. Указом Президента России Д.А. Медведева 2012 год был объявлен годом истории России. Сегодня ставится задача создания единой концепции учебника по истории России. Конечно, безупречной объективности и беспристрастного анализа вряд ли следует ожидать, но есть надежды, что из сознания будет удалена откровенная клеветническая ложь. Исторические труды, отвечающие этому спросу, освещающие события минувшего так, чтобы из них можно было извлечь полезные уроки для наших дней, еще нужно создавать.

Литература

1. Словарь исторических и общественно-политических терминов. / Автор-составитель Васильев В.И. М.: ОЛМА-ПРЕСС. Образование. 2005.
2. История философии в 6-ти тт. / Под ред. М.А. Дынина / Т.5. М., 1961. С. 654.
3. Философский словарь //www. philosophydic.ru//

ГЕНЕЗИС ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ УСТОЙЧИВОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ GENESIS OF POLICY INSTRUMENTS FOR SUSTAINABLE ENVIRONMENTAL DEVELOPMENT

Е.С. Поскребышева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

E.S. Poskrebsheva

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматриваются экологические аспекты концептуальной базы Организации экономического сотрудничества и развития, характеризуются понятия «экологическое развитие», «устойчивое экологическое развитие», «экологический рост». Констатируется, что переход к экологическому развитию ведет к поиску приоритетных направлений экологического роста и, как следствие, к дальнейшей работе по усовершенствованию существующих практик и устранению препятствий продуктивного развития экономики.

The paper addresses the environmental aspects of the conceptual framework of the Economic Cooperation and Development, characterized by the concept of "ecological development", "environmental sustainability", "green growth." It is noted that the transition to environmentally sustainable is to seek environmental priorities of growth, and as a result, further work on the improvement of existing practices and remove barriers productive economic development.

Ключевые слова: экологическое развитие, экологический рост, устойчивое экологическое развитие, эко-инновации.

Keywords: ecological development, green growth, environmental sustainability, eco-innovation.

Одной из существенных характеристик современного общественного развития является дальнейшее совершенствование работы по экологическому развитию ключевых международных институтов, таких как программа ООН по окружающей среде, МВФ, Евросоюз, Организация экономического сотрудничества и развития и т.д. В отношении последней следует отметить, что ОЭСР во многих отношениях является пионером в политике экологического развития и промежуточным итогом ее деятельности можно считать фундаментальную работу, составленную в мае 2011 г. «На пути к экологическому развитию», в которой говорится о необходимости четко сформулированной стратегии экологического развития и внедрении ее в общую политику для постепенного перехода к новой парадигме развития. В мае 2011 г. Организация экономического сотрудничества и развития опубликовала также дополнительные отчеты – «Способы достижения экологического развития» и «На пути к экологическому развитию: мониторинг прогресса – показатели ОСЭР». Вместе эти работы составляют концептуальную базу Организации экономического сотрудничества и развития, а также определяют границы возможного движения в плане экологического развития. Несомненно, что ЕС и власти стран Европы руководствуются работами ОЭСР в определении национальных стратегий экологического развития.

Организация экономического сотрудничества и развития предлагает следующее определение: «Экологическое развитие подразумевает экологический рост и развитие с учетом сохранения природных ресурсов, обеспечивающих человеческую жизнедеятельность. Для этого требуются инвестиции и инновации, которые обеспечат устойчивый рост и появление новых экономических возможностей».

Отметим, что данное определение во многом совпадает с программой ООН по сохранению окружающей среды и «озеленению» экономики, согласно которой рост доходов и занятости населения зависит от инвестиций в сокращение выброса углекислого газа в окружающую среду, снижения загрязнений окружающей среды от использования чистых источников энергии и предотвращения разрушения разнообразия в биосфере и поддержки функционирования эко-систем.

В работах ОЭСР отмечается: «Возвращение к «привычному» ведению бизнеса не сообразно с устойчивым развитием, так как влечет за собой риски доходов, роста и развития экономики». Отметим, что стремление к «озе-

ленению» экономики неразрывно связано с нынешним положением мировой экономики: национальные и региональные экономики пытаются справиться с последствиями экономического кризиса. Европа ведет борьбу с рекордной безработицей, увеличивающимся дефицитом бюджета, низким приростом ВВП и «неправильным распределением капитала». Под последним понимается тот факт, что большинство инвестиций были направлены в частную собственность, ископаемые виды топлива и структурирование финансовых активов во встроенные производные инструменты. Более того, рост экономики в последнее время был зависим от аккумуляции, потребления и использования конечных природных ресурсов, что ставит настоящее и будущее человечества под угрозу.

Следует подчеркнуть, что и программа ООН по окружающей среде, и Организация экономического сотрудничества и развития обращают внимание на то, что определение «экологического развития» не должно заменить определения «устойчивого экологического развития», скорее, экологический рост подразумевает под собой устойчивое экологическое развитие. «Определение «зеленой» экономики не заменяет определения «устойчивого экологического развития», однако достижение устойчивого экологического развития напрямую зависит от изменения экономики в нужном направлении». Таким образом, в определение «экологический рост» входит более узкое определение «устойчивого развития», которое включает в себя «задачи и решения по достижению измеримого прогресса во всем, что связано с экономикой и окружающей средой».

Отметим также, что цели «экологического» и «устойчивого» развития совпадают – достичь сбалансированного роста при эффективном использовании ресурсов без нанесения вреда окружающей среде. Однако экологический рост подробнее рассматривает понятийные, политические инструменты и способы контроля над инновациями и инвестициями, которые могут стать источниками экономического роста.

Также считается, что экологическое развитие подразумевает под собой внедрение совершенно новой парадигмы развития, которая основывается на следующих двух элементах. Во-первых, необходимость оптимизации потребления энергии и производство возобновляемой энергии для ее бездефицитного использования во всех сферах экономики. Во-вторых, необходимость внедрения «специализации» сфер экономики для поиска регионов, где природные ресурсы и возможности являются наилучшими для производства того или иного вида энергии. Эксперты едины во мнении, что нет единого ответа на вопрос о способе «озеленить» региональную, национальную и международную экономику. Учитывая, что политические решения являются главными двигателями в социо-экономических реформах,

нежелание что-либо менять и инертность данных сфер могут быть настолько сильны, что политика будет не в состоянии изменить существующее положение вещей. Именно поэтому для действенного экологического развития требуется разнообразие в «двигателях» реформ и инноваций, поддерживаемых политикой и экономикой.

Можно констатировать, что переход к экологическому развитию влечет за собой поиск приоритетных направлений экологического роста и, как следствие, дальнейшую работу по усовершенствованию существующих практик и устранению препятствий продуктивному развитию экономики. Необходимо отметить, что современная экономика основывается на бесконечном процессе освоения новой продукции, новых идей и процессов для увеличения ее прироста. Благодаря этому процессу, названному Джозефом Шампетером «творческим разрушением» (1934 г.), инновации действительно вносят изменения, что делает их обязательным условием любой инициативы развития. К этому относится и устойчивое развитие, которое подразумевает экологическое развитие.

Способность к инновациям является необходимостью для преодоления инерции, существующей в социоэкономических и технологических традициях. Сочетая нынешний подход к развитию с помощью инноваций и технологий с политикой, которая будет усиливать конкурентоспособность «зеленой» экономики по сравнению с обычной, есть надежда на совершение реформы в существующих традициях производства и потребления.

**ИСТОРИЯ УНИВЕРСИТЕТА НА СТРАНИЦАХ СТУДЕНЧЕСКИХ
СМИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ «НОВШЭСТИ»)
THE HISTORY OF THE UNIVERSITY ON THE PAGES
OF STUDENT MEDIA ON THE EXAMPLE OF THE STUDENT
NEWSPAPER «NOVSHESTY»**

Е.А. Пухова, Е.С. Подлеснова
НИУ Высшая Школа Экономики – Нижний Новгород
E.S. Puhova, E.S. Podlesnova
NRU Higher School of Economics – Nizhny Novgorod

Изучение истории студенческой журналистики способно внести неоченимый вклад в изучение истории студенчества в целом. Студенческая газета освещает основные события, происходящие в университете, следовательно, является одним из источников информации для студен-

тов. Кроме того, студенческая пресса затрагивает наиболее актуальные вопросы, волнующие студентов. Изучение университетской газеты даёт представление об учебном процессе, а также и о внеучебной жизни студентов, что необходимо для формирования полной картины студенческого быта в данном университете в данный период времени.

Изучению истории средств массовой информации уделяли внимание многие учёные (Е.Л. Вартанова, Я.Н. Засурский, В. Трыков и др.). Изучением процесса становления и развития отечественной периодической печати занимались В. В. Бендерский, В. Л. Хмылёв и др.

Исследований, касающихся непосредственно истории студенческих СМИ, крайне недостаточно. Одна из немногочисленных работ, посвященная студенческой журналистике, – исследование А.Н. Болкуновой «Возникновение и становление студенческой периодики в России», где представлена история зарождения студенческой периодики со времён «самиздатовской» периодики XIX в. и заканчивая полновесными университетскими СМИ XXI в.

Цель данного исследования – описать и охарактеризовать этапы развития студенческой газеты НИУ ВШЭ – Нижний Новгород с момента её образования и по настоящее время (2005–2012 гг). В качестве источников в работе были использованы печатные и электронные архивы студенческого издания за данный период, всего 21 выпуск.

Сопоставление и сравнение данных, полученных на основании исследований студенческой прессы разных временных промежутков, позволяет проследить процесс изменения условий жизни студенчества. Анализ основных этапов развития газеты «НоВШЭсти» даёт возможность выявить наиболее яркие и значимые события учебной и внеучебной студенческой жизни за указанный период, а также определить, какие проблемы наиболее остро волновали студентов.

Газета «НоВШЭсти» была создана инициативной группой студентов в 1998 году, освещает самые яркие события из жизни университета, даёт студентам возможность творческого самовыражения, опыт работы журналистом, верстальщиком, корректором, фотографом.

Работа студенческой газеты завоевала признание. Так, в 2007–2008 учебном году газета «НоВШЭсти» была награждена Почетной грамотой администрации Нижнего Новгорода за высокий профессионализм и творческий подход в сфере развития молодежных СМИ. Осенью 2009 года газета «НоВШЭсти» стала Лауреатом городского фестиваля молодежной прессы «Я-мегаполис», проводившегося в рамках городского конкурса социальных проектов «Будущее Нижнего».

Студенческие СМИ отражают события жизни университета. Проведенный анализ 21 выпуска «НоВШЭсти» позволяет охарактеризовать этапы развития студенческой газеты, а также описать студенческую жизнь в университете за данный период.

Итак, изучаемое периодическое издание носит локальный характер, все материалы не выходят за пределы жизни вуза. Газета связана как с учебной, так и с внеучебной деятельностью студентов, поэтому тематика номеров разнообразна (см. таблицу).

Если анализировать этапы развития газеты, можно заметить, что темы этапа становления (2005 год) значительно отличаются от тем последующих этапов.

Таблица

Тематическая направленность материалов (%)

Темы	2005	2006 – 2010	2011 – 2012
Спортивные мероприятия	14,3	23,8	19,0
Научная работа студентов	14,3	23,8	14,3
Летний отдых студентов	9,5	14,3	14,3
Взаимодействие с другими вузами	9,5	9,5	9,5
«Студенческая весна»	4,7	9,5	4,7
День первокурсника	4,7	4,7	4,7
Международные стажировки	-	9,5	9,5
Студенческие организации	-	9,5	-
Студенческие фестивали	-	9,5	-
Студенческие проекты	-	9,5	9,5
Клубы НИУ ВШЭ НФ	-	9,5	9,5
Социальная поддержка студентов	-	9,5	9,5
Будущая карьера	-	9,5	9,5
Советы студентам перед сессией	-	4,7	4,7
Благодарности НИУ ВШЭ НФ	-	4,7	4,7
Субкультуры	-	4,7	-

Если на начальном этапе существования издания список тем достаточно узок, социальные вопросы почти не обсуждаются, то на втором этапе (2006–2010) студенческая журналистская тематика предельно широка.

Исходя из анализа статей второго периода, возможно сделать вывод о том, что у студентов Нижегородский вышки появилось больше возможностей участвовать в международных проектах, студенческих фестивалях и организациях. Среди материалов газеты увеличилась доля интервью.

При сопоставлении периодов 2006–2009 и 2009–2012 годов можно заметить, что часть тем становится традиционными (например, темы спорта, научной деятельности студентов, летнего отдыха и др.). На страницах студенческого СМИ увеличивается доля фотографий, что способствует привлечению внимания читателя к материалам. Однако по-прежнему мала доля критических статей, что не позволяет читателю непредвзято разобраться в проблемных вопросах: первичным становится «позитивный имидж вуза», который понимается буквально.

Таким образом, история развития студенческой газеты тесно встраивается в историю университета, «рупором» которого она является, следовательно, изучая историю студенческой газеты, возможно изучать также и историю университета, при котором она издается.

**РЕЛИГИЯ И ВЕРА В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**
RELIGION AND FAITH IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Е.М. Рогожина
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
E.M. Rogozhina
Nizhny Novgorod State University by N.I. Lobachevsky

Поднимается вопрос о роли и значении религии и веры для современного человека, изучается «либеральная» модель православной религии, делается акцент на задачах РПЦ и государства по внедрению аксиологических императивов православной религиозной традиции в духовно-нравственное поле современного российского гражданина.

This article raises the question of the role and significance of religion and faith for the modern man, studied the "liberal" model of the Orthodox religion, focuses on the problems of the Russian Orthodox Church and the state in the implementation of the axiological imperatives of Orthodox religious tradition in moral and spiritual field of contemporary Russian citizen.

Ключевые слова: Православная религиозная традиция, церковь, государство, духовно-нравственное поле, вера, религия.

Keywords: Orthodox religious tradition, the church, the state, the spiritual and moral field, faith, religion.

В современных условиях поиска новых политических стратегий и способов преодоления глобальных и региональных вызовов и угроз политические и духовные лидеры все чаще обращаются к религии как к универсальному инструменту преодоления демографических, этических, социальных и иных видов проблем и противоречий, а также используют механизмы духовно-нравственного воздействия на население в попытке поддержания и осуществления так называемой «духовной безопасности» граждан с целью поиска новых национальных идей, коррелирующихся особым образом с многогранным понятием национальной идентичности русского народа.

Пореформенная Россия в 1990-е – 2000-е гг. столкнулась с рядом серьезных кризисов и изменений как государственных, так и идеологических. Реформаторы не всегда учитывали значимость национального менталитета как универсально-системной духовно-нравственной и психологической основы населения и одного из источников социальной динамики, а также мотивации самих политических лидеров-реформаторов. Часто игнорировалась и его способность не только тормозить политические новации, но и легитимировать радикальные преобразования, давая им нравственную и духовную санкцию.

Религиозная основа русского национального менталитета создана Православием. Одной из ключевых категорий Православной религиозной традиции является категория «веры». Вера является первичной системой знаний, неким фундаментом ментальной матрицы любого народа. Именно православие укрепляло не только вертикальные связи между элитой и народом, оно же связывало людей и в горизонтальные общности, постепенно образуя из многочисленных племен и народностей русскую нацию и единое государство.

Итак, на фоне всевозможных кризисов, в том числе кризиса идеологий, в 1990-е гг. началась массовая апелляция к религии. Однако и современные политики, и церковные деятели, и само общество в целом столкнулись с проблемой отсутствия/искажения религиозной основы. Сейчас в России религия из традиционной превратилась в «либеральную» (Ф. Лукьянов). К слову, подобная тенденция наблюдается и в других странах христианского мира.

Что же представляет собой современная «либеральная религия»?! Во-первых, данная модель характеризуется тем, что уменьшается присутствие церкви как института в различных областях жизнедеятельности и развития общества и государства. Однако это не говорит, что уменьшается ее значение, поскольку при этом не уменьшается значение

христианства как такового. Видоизменяется роль церкви в духовно-нравственном, социальном и политическом пространстве.

Сегодня мы видим, как РПЦ занялась бурной хозяйственной и административной деятельностью, предпринимает активные шаги по расширению своего влияния на различные общественные и государственные институты. Часто она аргументирует это естественной принадлежностью церкви подобной социальной роли и ссылается на обладание многими социальными функциями РПЦ до революции 1917 года. Однако возникает вопрос: не опасен ли этот процесс для, так сказать, «здоровья» самой церкви?! Ведь именно чрезмерное участие Русской православной церкви в дореволюционных социальных и властных институтах во многом и привело к катастрофической идейному и нравственному кризису в обществе и разрушило образ РПЦ как нравственного ориентира в глазах миллионов россиян.

Одна из важнейших в социально-политическом плане функций и задач церкви – это исполнение роли института национальной идентификации, с помощью которого происходит стимулирование образования национального государства.

Весь нарабатанный за века церковью опыт духовной работы крайне востребован сегодня в условиях постсекулярного общества, общества «трансполитического» (Ж. Бодрийяр), с присущей ему клиповостью сознания, рациональностью мышления и смешением сфер «повседневного» и «сакрального» (Э. Дюркгейм). Церковь по-прежнему необходима человеку. Однако она должна, в первую очередь, представлять собой не элемент административного аппарата, а царство духа и любви к Богу.

Второе, что характеризует «либеральную модель» религии, – это характеристика сознания современного человека. С современным человеком с постсекулярным сознанием, когда «человек считает себя всезнающим и как бы вне всего сущего» (А. Уминский), церкви сложно обращаться на духовно-этические темы.

В третьих, в нынешнем процессе выцерковления довольно много рационального и слишком много суеверного. Рациональное привилось нам современностью, а различного рода суеверия – это дань языческим традициям, которые на протяжении многих веков неискоренимо существуют в ментальности русского народа.

Сейчас большинство прихожан подходят к религии как к магии, соблюдают обрядовую сторону религиозной традиции и верят, что все их проблемы и заботы исчезнут как по-волшебству. Верить-то они верят, вопрос: во что?! Большинство людей, обращаясь к Богу, смотрят не на

«искусство в себе», так сказать, а на «себя в искусстве». И такой вариант самоидентификации искажает и портит современное православие и христианскую религиозную традицию вообще, превращая ее из традиционной в либеральную.

Получается, что происходит восстановление после кризиса идеологий и, как следствие, духовного и нравственного кризиса, так называемой «низовой религиозности», то есть обрядовой стороны православной религиозной традиции. Однако это восстановление идет не традиционным, как должно быть, путем передачи знаний и умений из поколения в поколение, а через так называемую «инструкции по применению» (А. Титков), какому святому и в какой ситуации молиться, через книги и брошюры «Как вести себя в храме» и тому подобное.

Задача церкви как основного религиозного института, на наш взгляд, не увеличить число формально православных, а увеличить число спасающих душу людей. Задача же пастырей, церковнослужителей – создание обстановки, которая не оттолкнет околорелигиозного, религиозного и просто ищущего себя человека от церкви и от религии. Однако по-прежнему актуальным в таком случае останется вопрос веры. Ведь вере нельзя научить. Ее нельзя привить. Ее можно только разжигать и гасить. Современная попытка церкви технически подойти к данному вопросу, на наш взгляд, не принесет действенных результатов, поскольку, если человек не готов ходить в церковь, никакими школьными уроками по основам православия его туда не заманить и, тем более, не удержать.

В современном обществе наблюдается дефицит героев и духовных проповедников, с которыми бы хотелось быть морально солидарными в минуты кризиса. Церкви представляется сейчас уникальная возможность стать такого рода героем.

Таким образом, «вера» – это способность каждого человека (индивида) на ментальном уровне к самоидентификации в пространстве и во времени с условием включения резервов подсознания и активизации ресурсов человеческой души, существующих во вневременном и внепространственном измерении (Е.М. Рогожина). «Религия» же представляет собой объединяющую идею и методологическую основу поиска смысла человеческого бытия (Е.М. Рогожина).

Корреляция этих двух категорий – категории общего (религия) и категории частного (вера) происходит по весьма сложной схеме, в которой вера помогает человеку оставаться человеком, координирует его и направляет как в духовно-нравственном поле, так и в любом другом. Удел религии при этом – мотивировать не только и не столько граждан

государства, сколько само государство как институт, а также государственных и церковных деятелей к поиску национальной идеи посредством пропаганды аксиологических императивов православной религиозной традиции.

**КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ
IDENTITY CRISIS IN CONTEMPORARY SOCIETY
AT THE EXAMPLE OF THE STATE OF ISRAEL**

И. В. Рыжов, Е.А. Якимова
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
I. V. Rizhov, E. A. Yakimova
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматриваются ключевые проблемы современного общества Израиля, где израильская идентичность неизбежна, но до сих пор невозможно провести четкое различие между понятиями гражданин и еврей. Разграничение этнических и национальных аспектов самоидентификации могло бы способствовать ослаблению напряженности как в стране, так и в регионе, но трудно достижимо ввиду политики израильских властей.

The article is devoted to the analyses of contemporary Israeli society where the concepts a citizen and a Jew could hardly be pinpointed. Differentiation of ethnic and national identity issues could contribute to easing tensions inside Israel and in the region but is difficult to achieve owing to authorities' policy.

Ключевые слова: национальная и этническая идентичность, еврейско-израильская идентификация, коллективная ответственность и дифференциация.

Keywords: national and ethnic identity, Jewish-Israeli identity, collective responsibility and differentiation.

Вопросы идентичности в обществах различных стран являются источником напряженности и взаимных претензий, порождая борьбу за гегемонию в социокультурном и социально-политическом пространстве. Современное израильское общество не является исключением.

Рамки данного исследования не позволяют рассмотреть подробнее процессы консолидации выходцев из различных стран диаспоры, абсорбцию смешанных семей репатриантов, влияние национальных меньшинств на доминирующую коллективную идентификацию. Материал посвящен анализу кризиса идентичности, сложившегося в совре-

менном израильском обществе с точки зрения оценки трех категорий: взаимодействия религии и доминирующей культуры, коллективной идентификации граждан Государства Израиль и самоопределения израильтян по отношению к евреям стран диаспоры.

Взаимодействие религии и доминирующей культуры израильского общества определяется наличием двух обстоятельств. С одной стороны, для Государства Израиль характерными являются противоречия ортодоксального и светского секторов общества. С другой – светская культура страны вобрала в себя религиозное наследие еврейского народа. По сути своей сионизм и базирующаяся на его призывах к объединению евреев разных стран на основе их исторической родины светская культура исследуемого государства является воплощением религиозного подхода об освобождении на Святой Земле.

В данном контексте отдельного внимания заслуживают официальные символы страны. С провозглашением Государства Израиль в качестве первоочередной стала выступать не столько задача собирания евреев всего мира, но и создания единой национальной культуры и символики. Флагом Израиля стало изображение щита Давида в центре белого полотнища с двумя продольными синими полосами, напоминающими талит-гадол, которым покрывают голову при молитве или надевают в праздники. Государственным языком был выбран иврит, который, сменив идиш в качестве главного разговорного и письменного языка граждан созданного государства, фактически должен был означать их разрыв с покинутыми странами.

Создание единой национальной культуры Государства Израиль изначально базировалось на основе т.н. принципа «плавильного котла», в котором ценности разрозненных еврейских общин стран диаспоры должны быть преобразованы в нечто целое. При этом сформированное единство должно было представлять собой существование более высокого уровня, противоположность странам, где постоянно существовал риск подвергнуться преследованиям по национальному или религиозному признаку. Таким образом, вопрос о формировании доминирующей национальной культуры перетекает в необходимость определения статуса израильтян, т.е. осознания коллектива.

Политико-правовая связь индивида с государством определяется на основе гражданства. Закон о гражданстве 1952 г. предусматривал следующие пути получения гражданства страны для бывших арабских граждан Палестины: лицо на 1 марта 1952 было зарегистрировано в качестве жителя на основании Указа о регистрации жителей 1949 г. (ст. 3,

п. 1), в день вступления в силу этого Закона являлось жителем Израиля (ст. 3, п. 2), со дня провозглашения государства до дня вступления в силу этого Закона находилось в Израиле или на территории, являвшейся территорией Израиля после провозглашения государства, или в этот период въехало в Израиль на законных основаниях (ст. 3, п. 3).

Принятый в 1954 г. Закон о предупреждении проникновения давал право депортировать лиц, бывших гражданами, жителями или посетителями враждебных арабских стран или жителями Палестины, покинувшими свое местожительство на территориях, вошедших в состав Израиля, которые въезжали в страну после принятия решения ООН о разделе Палестины.

Фактически ограничивая права национальных меньшинств, государственная политика препятствует консолидации общества. Население сталкивается с проблемами как на бытовом, так и на законодательном уровне. Это касается, в первую очередь, арабского населения, испытывающего трудности, связанные с безработицей, образованием, строительством инфраструктуры в населенных пунктах.

Охарактеризовав парадоксы в формировании коллективной идентификации внутри Израиля, следует перейти к вопросу о взаимоотношениях сложившейся общности с внешним миром, а именно дифференциации между понятиями «еврей» и «израильтянин».

Для евреев стран диаспоры важно видеть в Государстве Израиль не географическое или политическое образование, а воплощение некоего центра еврейства, существование которого базируется на принципах сионизма и приверженности сохранению наследия предков. Данный императив может быть вполне успешно реализован в рамках национального государства. С другой стороны, сами они проживают в многонациональных государствах, правительства которых заинтересованы в отношениях со странами, где население обладает равными правами и гарантирована защита национальных меньшинств.

Евреи Израиля, в свою очередь, несмотря на подчеркиваемые ими различия с представителями стран диаспоры, гораздо более склонны к сближению с ними, чем с представителями национальных меньшинств внутри страны. Следовательно, для них также наиболее приемлемым являлось бы существование исследуемого государства как национального.

С точки зрения доминирующей культуры, существование арабского меньшинства предполагает новую трактовку понятия «израильская идентичность», которая позволила бы арабским гражданам идентифи-

цироваться с израильским обществом, одновременно наделяя их ответственностью за его судьбу. Таким образом, «израильская идентичность» заменила бы «еврейско-израильскую» коллективную идентификацию или сосуществовала бы рядом с ней.

По сути, понятие «израильтянин» должно означать гражданина Израйля, а определения того, кого считать евреем содержится в Галахе и Законе о возвращении. В действительности, под израильтянином подразумевается еврей, проживающий в границах Государства Израиль или, в отдельных случаях, только сабра. Второе понятие продолжает соотноситься либо с населением стран рассеяния, либо со всеми представителями народа, рожденными вне страны.

Кризис идентичности современного израильского общества заключается, с одной стороны, в толковании религиозных ценностей с позиции доминирующей светской культуры. В данной области правящие круги вступают в противоречие с ортодоксальными. Другой аспект кризиса затрагивает противоречия между поколениями, родившимися в Государстве Израиль и вобравшими в себя основы создаваемой единой культуры, и новыми репатриантами, стремящимися сохранить связь со странами диаспоры. В-третьих, отсутствует консолидация между населением определенных территориально-политических границ и четкая дифференциация между гражданами государства и стран диаспоры.

Позиционирование Государства Израиль как «еврейского» должно было породить этнодоминирующую идентичность. В действительности коллективная идентификация в стране характеризуется не только негативным восприятием представителей национальных меньшинств, которое существует не только на бытовом, но и законодательном уровне, но феноменом сдвоенности в осознании собственной принадлежности. Следовательно, можно говорить об амбивалентном характере идентичности граждан Израйля, что свидетельствует о вступлении общества в плюралистическую фазу существования. В качестве пути выхода из кризиса национальной идентичности может выступать превращение Израйля в государство, где существует единство граждан, отказ от политики дифференциации между еврейским населением и национальными меньшинствами при частичном сохранении прежних культурных оснований.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Международные отношения на Ближнем

и Среднем Востоке в XXI веке: тенденции, проблемы и перспективы развития», проект № 12-03-00399.

**«ВОЛГА-МАТУШКА» В НАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКИХ**
“MOTHER VOLGA” IN RUSSIAN NATIONAL IDENTITY

О.В. Рябов

Ивановский государственный университет

O.V. Riabov

Ivanovo State University

Дается анализ роли образов Волги в конструировании русскости в отечественной и зарубежных культурах. Автор уделяет особое внимание взаимодействию материнских образов Волги и самой России.

The paper focuses on the role of images of Volga river in constructing Russian-ness. The author pays a special attention to intersections of maternal images of Volga and Russia itself.

Ключевые слова: Образ Волги, образ России-матушки, национальная идентичность.

Keywords: Image of Volga River, image of Mother Russia, Russian national identity.

В символическом пространстве нации заметное место занимают природные объекты, и важную роль здесь играют образы рек [1].

Река по самой своей природе является одним из заметных элементов национальной идентичности, представляя собой естественную границу, которая и разъединяет сообщества, и связывает их. С древности и по сегодняшний день реки играют выдающуюся роль в жизни социума: они обеспечивают пищей и энергией, являются транспортными артериями и военными рубежами. Реки наделены антропоморфными чертами и представлены как самостоятельные персонажи в исторических нарративах нации. Они воспринимаются в качестве не только маркера национального сообщества, но и выражения «национального духа». Образы рек включаются в произведения литературы и искусства, политическую риторику и военную пропаганду, коммерческую рекламу и брендинг территорий. Не менее заметна роль образов рек в региональной / территориальной и локальной идентичностях.

Доклад посвящен образу Волги, который занимает особое место в национальной идентичности русских. При этом фокус исследования направлен на изучение гендерного аспекта этого образа, который прежде всего выражен в концепте Волги-матушки. Материнская метафора Волги получает широкое распространение в культуре; образ реки наделяется такими материнскими чертами, как кормление, забота, защита, сила, уязвимость. Несложно заметить, что тем самым он обнаруживает параллелизм с образом России-матушки, играющим важную роль в конструировании русскости [2]. С одной стороны, обозначая некую аутентичную русскость, «Волга-матушка» используется в утверждении идеи особенности России, ее отличия от Запада и противостояния ему. С другой – в текстах русских авторов он также включается в обоснование идеи сродства цивилизаций и необходимости диалога между ними.

В докладе я останавливаюсь на следующих вопросах:

1. История развития представлений о материнской сущности Волги (говоря об истории, следует также иметь в виду, что образ Волги-матушки, будучи значимым элементом репрезентаций России, занимает важное место в «воображаемой географии» зарубежных культур; на превращение исследуемого образа в национальный символ зарубежный взгляд также оказывал влияние).

2. Содержание образа Волги-матушки и его связь с чертами России-матушки, в числе которых природность, смирение, соборность, иррациональность, таинственность, непредсказуемость и др.

3. Функции образа, для чего предполагается рассмотреть его в различных типах дискурса:

- в национальном (создание при помощи репрезентаций Волги образов русских как сыновей и дочерей России, постулирование органического, натурального, характера национального сообщества);
- в военном (использование образов страдающей, уязвимой и одновременно непобедимой Волги в военной мобилизации и практиках коммеморации);
- во внутривластном (использование образа Волги-матушки в легитимации и делегитимации власти);
- в имперском (создание образа Волги как начала, объединяющего русские и нерусские регионы России в единое государственное и духовное целое);
- в гендерном (влияние материнского образа Волги на конструирование канонов женственности и мужественности, на легитимацию гендерного порядка российского общества).

Источниками исследования являются произведения философской публицистики, литературы, кинематографа, изобразительного и песенного искусства.

Литература

1. Cusack T. Riverscapes and National Identities. Syracuse, 2010.
2. Рябов О.В. «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart, Hannover, 2007.

ТЕОРИЯ «СТРУКТУРНОГО НАСИЛИЯ» Й. ГАЛЬТУНГА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ J. GALTUNG'S «STRUCTURAL VIOLENCE» THEORY: PAST AND PRESENT

А.А. Сергунин
Санкт-Петербургский государственный университет
A.A. Sergunin
St. Petersburg State University

Рассматриваются теория «структурного насилия» Й. Гальтунга, стремившаяся объяснить источники насилия в обществе и мировой политике, а также её влияние на современную теорию международных отношений.

This article examines J. Galtung's 'structural violence' theory that aimed at explaining the sources of violence in society and world politics as well as its impact on the present-day international relations theory.

Ключевые слова: Й Гальтунг, теория «структурного насилия».
Key words: J. Galtung, «structural violence» theory.

В 1960-е гг. в рамках школы по изучению проблем мира (peace research school) сложилась довольно любопытная теория происхождения конфликтов – теория «структурного насилия» (structural violence theory), автором которой явился Й. Гальтунг. В отличие от других школ общественно-научной мысли, которые пытались свести истоки конфликта к одному-двум факторам (например, марксисты – к экономике, либералы – к неверным восприятиям намерений друг друга, реалисты – к «порочной природе» человека), норвежский ученый попытался создать комплексную теорию конфликта. Он считал, что причины конфликта нельзя свести к одному фактору, его истоки имеют сложносоставной и многомерный характер. В зависимости от конкретного случая на перед-

ний план выступают те или иные факторы, но и другие причины конфликта нельзя игнорировать. Главное же, на чем настаивал Й. Гальтунг, по мере исторического развития человечества, насилие всё глубже «встраивалось», проникало в самую «ткань» общества и, в конце концов, стало неотъемлемой частью социальных структур.

В свою очередь, если ставить перед собой задачу изживания насилия из практики общественной жизни, нужно радикально менять как всё общественное устройство, так и самого человека (путем воспитания и перевоспитания). Эта рекомендация во многом перекликалась с учением марксизма-ленинизма, но, в отличие от последнего, Й. Гальтунг не допускал никаких насильственных методов для переустройства общества и перевоспитания человека. Он считал, что насилием насилие не изживешь.

Что касается сферы мировой политики, то Й. Гальтунг, несколько трансформировав свой методологический подход, предложил «структурную теорию империализма» (structural theory of imperialism). Он определял империализм как «структурное отношение господства», обладающее политическим, экономическим, военным, культурным и коммуникативным измерениями. Как и в случае с внутренней политикой, он предлагал рассматривать господство как комплексное явление, а не сводить его только к одному виду насилия (военное или экономическое).

По Й. Гальтунгу, наибольшие угрозы безопасности порождаются отношениями государств, которые находятся как бы на границе центра и периферии. При этом с наибольшей скоростью разрыв растет между слабейшими из центра и слабейшими из периферии, ускоряя поляризацию мира. По мнению норвежского исследователя, механизм империализма состоит в следующем. Слабейшие из западных стран тяготеют к своему процветающему ядру и не считают партнерами слабейших из периферии. То есть, солидарности относительно «бедных» из центра и бедных из периферии нет. А вот сильнейшие из периферии стремятся попасть в так называемый «золотой миллиард» (наиболее развитую часть стран мира), а не выступить союзниками своих более слабых «коллег» по периферии.

Получается, что, в отличие от центра, внутри периферии всегда возникают раздирающие ее противоречивые интересы, и потому периферия обречена быть более рыхлой политически, что дополнительно накладывает на экономическое отставание и усугубляет его. Тем самым создается замкнутый круг нарастающего конфликта, который ча-

сто прерывает революция, целью которой чаще всего является перераспределение богатства между бедными и богатыми странами.

В то же время Й. Гальтунг считал, что революции можно избежать путем оптимизации и регулирования международных отношений, в частности, с помощью добровольного перераспределения богатства между развитыми и развивающимися странами, установления более справедливых правил мировой торговли, укрепления роли международных организаций и права, пропаганды культуры мира и ненасилия и т.д.

И хотя многие идеи Й. Гальтунга, казалось бы, имели утопический характер, они, тем не менее, оказали заметное влияние на внутреннюю и внешнюю политику стран Северной Европы, а также на деятельность ряда международных организаций, включая ООН.

Что касается теории международных отношений, то концепция «структурного насилия» породила весьма плодотворные дискуссии вокруг таких вопросов, как природа войны, мира и международной безопасности, меняющаяся роль силы в международных отношениях и пр. Так, Й. Гальтунг обратил внимание на то, что большинство исследователей определяют понятия «мир» (peace) и «безопасность» (security) исключительно негативным образом как отсутствие войны или военных угроз. По мнению Й. Гальтунга, отсутствие войны или военной угрозы – это лишь предпосылка для настоящего мира и безопасности. Должно быть позитивное наполнение этих понятий, т.е. в них должны быть отражены такие социальные условия, которые бы, с одной стороны, способствовали предотвращению войн и конфликтов, а с другой – обеспечивали стабильное развитие общества.

Сам Й. Гальтунг, введя в научный оборот термины «негативного» и «позитивного мира», не оставил после себя определения второго понятия. Его исследования продолжили ученики в рамках школы изучения проблем мира. Если суммировать результаты их научных разработок, то «идеальное» определение безопасности в рамках указанной школы выглядит примерно следующим образом. *Безопасность – это социальный порядок, в котором существует механизм предотвращения наиболее опасных внутренних и внешних угроз индивиду, обществу и государству, и обеспечены условия для наиболее полного раскрытия творческих способностей человека и устойчивого развития общества.*

Более полное раскрытие понятия «безопасность» происходит при характеристике её уровней – национальный (делится на индивидуаль-

ный, общественный, государственный) и международный (субрегиональный, региональный, глобальный) и видов (военная, политическая, экономическая, экологическая, информационная, демографическая, продовольственная, культурная безопасность).

Отметим, что в процессе изучения проблем мира и безопасности сторонники указанной школы натолкнулись на проблему философского порядка: а можно ли в принципе обеспечить *полную безопасность* человека и общества, можно ли предотвратить все угрозы, существующие и потенциальные? Возникает вопрос еще более общего плана: а нужна ли человечеству всеобщая безопасность? Не приведет ли такое состояние общества (если оно достижимо) к его деградации, ибо оно лишится противоречия как источника развития?

Школа «мирных исследований», несмотря на обвинения в утопичности, дала достаточно реалистичные ответы на эти вопросы. Полную безопасность человечества обеспечить никогда не удастся, ибо даже с ликвидацией угроз, порождаемых деятельностью человека (военные, экономические, этнорелигиозные и прочие конфликты, а также техногенные катастрофы), что само по себе вряд ли достижимо, останутся угрозы, порождаемые силами, неподвластными человеку (природные катаклизмы, воздействие из космоса). Речь можно вести только о минимизации ущерба от этих угроз путем объединения усилий всего человечества и максимального использования достижений научно-технического прогресса.

Сторонники этой школы считают, что даже предотвращение угроз, порождаемых человеком, – дело трудное и достижимое лишь в отдаленном будущем. Даже если удастся когда-либо создать надежный глобальный режим предотвращения военных конфликтов и контроля над вооружениями, все равно никто не может гарантировать этот режим от дестабилизирующих факторов. Среди них – появление международных акторов, претендующих на роль новых центров силы, или новых видов оружия, которые могут создать соблазн использовать подобное «чудооружие» для достижения большего влияния или даже мирового господства.

**КОНСТРУИРОВАНИЕ РИСКОВ И УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ
КАК ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ
CONSTRUCTION OF RISKS AND SECURITY THREATS
AS THE PROCESS OF SOCIAL COGNITION**

А.Г. Смирнова

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

A.G. Smirnova

Yaroslavl Demidov State University

Обосновывается актуальность социологического осмысления процессов восприятия рисков и угроз безопасности. Предложены основные положения концепции, которая трактует риски и угрозы как социальные конструкты, выступающие в качестве результата процесса социального познания.

In the article the actuality of sociological comprehension of the processes of risk and threat perception is under consideration. The major positions of the conception, that treats risks and threats as social constructs of the result of the process of social cognition, are substantiated.

Ключевые термины: риск, угроза, конструктивизм, социальное познание.

Keywords: risk, threat, constructivism, social cognition.

Реалии социальной и политической жизни современного общества обуславливают высокую актуальность исследования процессов восприятия рисков и угроз, которые лежат в основе предвосхищения опасностей и управления их последствиями.

Социологические исследования продемонстрировали социальную обусловленность процесса восприятия и оценки рисков и угроз, а также позволили по-новому определить их онтологический и эпистемологический статус. В частности, познание рисков и угроз трактуется как их конструирование, то есть осмысление реальных событий сквозь призму социальных понятий, придающих им смысл [1]. Иначе говоря, источники опасности, рассматриваемые как локализованные во внешней среде, обретают реальность в качестве аналитических трактовок, интерпретаций, артефактов, стратегического мышления экспертов, политиков, членов общества. Фактически, восприятие рисков и угроз осуществляется в контексте системы значений, актуальной для той или иной социальной общности, и под воздействием социальных процессов, в которые она включена.

С точки зрения конструктивистской интерпретации, риски и угрозы характеризуются, с одной стороны, *онтологическим реализмом*, а, с другой стороны, отличаются *эпистемологической лабильностью* [2]. Последняя означает существование множественных, иногда противоположных друг другу трактовок опасностей, которые сами по себе чреватые новыми рисками. В частности, У. Бек отмечает, что реальность рисков определяется их дискуссионной природой: «они становятся реальными благодаря противоречивым суждениям различных групп и общностей» [3].

Тем самым конструктивистские теории исходят из значимости как социальных, так и когнитивных процессов в производстве рисков. В частности, они уделяют внимание проблеме *знаний*, а именно, их доступности, дифференцированности, несовпадению знаний экспертов и обычных людей в конструировании рисков и угроз безопасности [4]. Знания о рисках рассматриваются во взаимосвязи с процессами реализации власти, функционирования субъектов экономических отношений. Меньшее внимание уделяется *познанию* рисков и угроз как процессу, составляющему важный компонент конструирования реальности и образуемому связи с социальными процессами в обществе.

Психологические исследования восприятия рисков, выполненные в русле *психометрической парадигмы* [5], не позволяют компенсировать это упущение. Во-первых, они исходят из другой онтологической и эпистемологической трактовки рисков и угроз. Последние рассматриваются как компонент действительности, познавая которую, субъекты допускают ошибки. Иначе говоря, предполагается, что в случае научения, применения выверенных измерительных процедур субъекты способны составить верное представление об источниках опасности. В свою очередь конструктивистские теории не рассматривают познание с точки зрения его корректности. Скорее, речь может идти об *объяснении* паттернов поведения или *понимании* отдельных случаев и попытках извлечь из них уроки [6]. Иначе говоря, в соответствии с тезисом конструктивистов о взаимном учреждении агентов и структуры можно лишь предположить, что сложившиеся в данный момент социальные, исторические и пространственные условия способствуют тому, что субъекты будут демонстрировать предсказуемые образцы поведения, воспроизводить доминирующие практики в области обеспечения безопасности. Во-вторых, при рассмотрении познавательного процесса психологические исследования связывают особенности восприятия рисков и угроз со спецификой убеждений, мотивов и ценностей субъектов,

в то время как логика объяснения в конструктивистских теориях опирается на идеи *интерсубъективности*, то есть, разделенности знания среди членов общества, а также *институционализации* – его закрепления в практиках и идентичности.

Изучение познавательных процессов конструирования реальности позволяет преодолеть ограничения традиционных социологических теорий рисков. В частности, они зачастую предполагают анализ технологических, экологических и социальных проблем, которые уже осмыслены экспертами и/или членами общества как сопряженные с рисками. При этом из рассмотрения исключается такая категория опасностей, как *угрозы*. В отличие от рисков, угрозы *интенциональны*, то есть, связаны с действиями конкретных *субъектов* и направлены на преднамеренное причинение вреда. Они всегда сопряжены с *потерями*. Кроме того, основная задача субъекта, от которого исходит угроза, заключается в том, чтобы сделать ее в высокой степени достоверной, то есть несущей минимальный уровень *неопределенности*. Отмеченные характеристики позволяют рассматривать угрозы как «*известные риски*» [7].

В связи с этим возникает потребность в интегративной теории, которая установила бы взаимосвязи когнитивных и социальных процессов на микро- и макроуровнях анализа, отразить восприятие риска отдельным субъектом, который одновременно занимает социальную позицию в обществе, характеризующемся определенной структурой. При этом необходимо, чтобы теория могла объяснить познание *любых* рисков и угроз: известных и неизвестных, структурных и произведенных деятельностью человека, преднамеренных и естественных.

По нашему мнению, такими возможностями обладает концепция, которая трактует *конструирование рисков и угроз безопасности как социальное познание* [8].

Познание рисков и угроз является социальным, поскольку, во-первых, оно имеет дело с социальными объектами. Например, субъект познает не угрозу как таковую, а формулирует суждения относительно неравенства в распределении могущества, нарушении правил и норм, которые рассматриваются как сопряженные с опасностями для общества. Во-вторых, познание рисков и угроз возникает и поддерживается социальным взаимодействием и коммуникацией между субъектом, от которого исходит намерение причинить вред, и субъектом, в отношении которого оно направлено. В-третьих, познание социально разделено, то есть, в процессе интерпретации намерений и действий друг друга субъекты опираются на существующие в обществе формальные и нефор-

мальные институты, систему значений, представлений, интерпретативных схем.

Риски и угрозы могут быть определены как социальные конструкты. Они выступают в качестве результата процесса, содержание которого связано с превращением определений рисков и угроз в устойчивые формы поведения, социального взаимодействия. При этом существующие в обществе правила и нормы, привычные паттерны реагирования на опасности, распределение материального, социального и культурного капитала, ментальные модели рисков и угроз выступают в качестве пред-конструкций, на которые опираются субъекты в процессе осмысления фактов реальности и придания им смысла как представляющих опасность.

В основе конструирования рисков и угроз лежат социально-когнитивные механизмы социального сравнения, эмпатии, каузальной атрибуции и рефлексии.

Литература

1. Hurd I. Constructivism // *The Oxford Handbook of International Relations* / Ed. by Reus-Smit C., Snidal D. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 301.
2. Смирнова А.Г. Восприятие угрозы в международных отношениях: в поисках теоретических оснований // *Политическая экспертиза (ПОЛИТЭКС)*, 2007. № 4. С. 193–208.
3. Бек У. Инсценировка глобальных рисков // *Union Magazine*, 2009. № 1. С. 24.
4. *Social Theories of Risk and Uncertainty: An Introduction* / Ed. by J.O. Zinn. Malden: Blackwell, 2009. Pp. 14, 183-187.
5. Словик П., Фишхофф Б., Лихтенштейн С. Факты против страха: понимание воспринимаемого риска // Канеман Д., Словик П., Тверски А. *Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения*. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. С. 527-562; Slovic P. *The Perception of Risk*. London and Sterling: Earthscan, 2000. 473 p.
6. Klotz A., Lynch C. *Strategies for Research in Constructivist International Relations*. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 2007. P. 14.
7. Krahnman E. *Beck and Beyond: Selling Security in the World Risk Society* // *Review of International Studies*, 2010. Vol 36. P. 9.
8. Смирнова А.Г. Механизмы межличностного и межгруппового восприятия угрозы в международных отношениях // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2010. № 1. С. 111–126; Смирнова А.Г. Угрозы в «обществе риска»: определение, познание, противодействие // *Вестник Ярославского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки»*, 2008. № 8 (5). С. 94–102.

**О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПОЛИТИКИ ЕС В ОБЛАСТИ
ЭКОИННОВАЦИЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**
**SOME TRENDS EU POLICY EKOINNOVATSY AND
ENVIRONMENTAL DEVELOPMENT**

С.В. Старкин

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

S.V. Starkin

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Обсуждаются вопросы экологической политики и экологического развития стран ЕС, рассматривается экологический аспект нормативных документов ЕС. Отмечается необходимость политических мер, развития инноваций и технологий для экологического развития.

The paper discusses the issues of environmental policy and environmental development of the EU, is considered the environmental aspect of EU regulations. The necessity of policy measures, innovation and technology for environmental development.

Ключевые слова: экоинновации, «зеленый рост», экологического развитие, экологическая политика, Организация экономического сотрудничества и развития.

Keywords: ekoinnovatsi "green growth", environmental development, environmental policy, the Organization for Economic Cooperation and Development.

В настоящее время перед мировой экономикой, особенно в Западной Европе и Северной Америке, стоит множество задач. Экономический кризис сказался на положении национальных и международной экономики: они стали более уязвимыми и нестабильными, что привело к сокращению инвестиций и к нестабильной ситуации на рынке. В контексте иных глобальных вопросов проблема охраны окружающей среды занимает важное место в обеспечении экономической устойчивости государств. «Зеленая» экономика является новым курсом экономического развития многих стран мира, включая Россию. Одним из приоритетных направлений перехода к «зеленой» экономике является активная разработка и внедрение экологических инноваций.

Следует отметить, что существующая социальная, экономическая и технологическая инертность ограничивает эффективность политики экологического развития даже в тех случаях, когда имеется перспектива значительной прибыли. В частности, новым технологиям сложно утвер-

даться на рынке и добиться значительных изменений. Технологическая закрытость свойственна сфере занятости, что означает, что при осуществлении политики экологического развития необходимо четко определить правила, по которым работников можно перемещать из сокращающихся секторов экономики в развивающиеся. Именно поэтому перераспределение в рамках политики экологического развития в краткосрочный период может иметь негативный эффект. Так, в городах, где сосредоточена энергетическая промышленность или разработка ресурсов, количество рабочей силы может сократиться. Для таких уязвимых секторов необходимо планирование реабилитационных мер.

На развитие и распространение технологий также могут повлиять торговые ограничения, что, в свою очередь, ограничивает их применение и затрудняет инновационную деятельность.

Отметим, что экологическое развитие требует значительных вложений в инфраструктуру, которые затем долго окупаются. К ним относятся экологические технологии в сфере коммуникаций, водоснабжения и транспорта, а также инвестиции в разработку и монтаж общеевропейской энергетической сети.

Применение любых социальных, экономических или политических аспектов политики экологического развития будет зависеть от решения вышеуказанных проблем с помощью различных инструментов. По данным ОЭСР, в рамки первого входят фискальные и регулятивные элементы, которые будут координировать налогообложение и конкуренцию, поддерживать экономику и сохранение природных богатств. Вторым инструментом будут действия по рациональному использованию природных ресурсов, что подразумевает превращение загрязнения окружающей среды в экономически нерентабельную деятельность. В данную концепцию входят инструменты рынка, поэтому одним из ключевых аспектов успеха экологического развития является способность «правильно назначить цену».

Однако Организация экономического сотрудничества и развития также подчеркивает, что к экологическому развитию нельзя подходить с точки зрения «одно решение на все случаи». Например, регулятивная и рыночная политика не могут существовать самостоятельно, а действия в сфере экологических научных разработок должны иметь поддержку, чтобы выстоять в условиях свободной конкуренции. Данная поддержка обеспечивается мерами по контролю над сферами влияния рынка, которые курируются региональными и местными властями. Что же касается непосредственно экологического развития, ОЭСР считает, что для пере-

хода к «зеленому» росту в сфере экономики необходим выбор политики с долгосрочной перспективой.

Для дальнейшего экологического развития и создания соответствующих продуктов и процессов необходимо развитие новых технологий с помощью инновационной деятельности. Также необходимы соответствующие условия для развития «зеленых» технологий на разных стадиях инновационного процесса. Можно выделить четыре политических аспекта, способствующих экологическому развитию. Во-первых, европейские и национальные инвестиции разных стран идут на первоначальные научно-исследовательские работы, однако следует отметить, что поддержка требуется и рискованным фундаментальным проектам с долгосрочной перспективой. Во-вторых, развитию новых технологий на рынке будет способствовать сокращение разницы между инвестициями и будущими прибылями. В-третьих, важным аспектом является поддержка рынка, которая выражается в особых тарифах для новых технологий и в налоговых льготах. В-четвертых, после достижения стабильности на рынке необходимо начать кампании по привлечению внимания покупателей к новым продуктам и постепенному изменению их потребительских привычек, что в итоге создаст стабильный и безопасный рынок экологических технологий.

Организация экономического сотрудничества и развития подчеркивает, что проблемы во внедрении экологического развития не решаются сразу и политику «зеленого роста» необходимо внедрять в уже существующие политические процессы, а не создавать по ней отдельные нормативные документы или органы контроля. В связи с этим Евросоюз не составлял никаких формальных документов, которые были бы направлены исключительно на экологическое развитие. Однако фундаментальные определения в сфере развития экологии включены в основные стратегии Евросоюза, нацеленные на поддержку экоинноваций.

В программе «Европа-2020» подтверждается уже известная мысль о том, что финансовый и экономический кризис послужил отправной точкой движения к «рациональному, устойчивому и всеобъемлющему развитию». Данное приоритетное направление совпадает с пятью основными целями ЕС: увеличить занятость работоспособного населения до 75%; инвестировать 3% от ВВП Евросоюза в научно-исследовательскую деятельность; добиться выполнения плана «20-20-20» в области энергетики и климатических условий (и по возможности снизить выбросы вредных веществ в окружающую среду на 30%); в сфере образовательной деятельности добиться показателя в 90% среди всего населения за-

кончивших среднюю школу и 40% – выпускников вузов; уменьшить количество населения, живущего за чертой бедности до 20 миллионов человек.

Как было отмечено ранее, рациональное использование ресурсов в Европе должно быть достигнуто с помощью трех методов: продвижение использования возобновляемой энергии до показателя в 20% от общего объема используемой энергии; модернизация транспортного сектора и рациональное использование ресурсов. Эти меры также могут способствовать развитию социэкономических отношений в плане потребления природных ресурсов, или, другими словами, они также могут способствовать экологическому развитию.

В пятом сводном отчете ЕС «Инвестиции в будущее Европы» отмечается, что регионы и объединенная политика могут способствовать целям стратегии «Европа-2020». Основные цели этой стратегии не могут быть достигнуты только с помощью решений ЕС или отдельных национальных правительств. Вместо этого необходимо предпринять политические меры в зависимости от конкретных территориальных условий тех или иных регионов.

Отметим, что данный отчет был первым после Лиссабонского соглашения, в котором среди целей указывалось наряду с социальным и экономическим единством «территориальное единство». Он также обращает внимание на «изменения климата и окружающей среды» и подчеркивает, что если Европа надеется к 2020 г. начать производство энергии из возобновляемых источников, ей нужно разрабатывать самые разные источники в зависимости от характеристик региона, от солнечной энергии и энергии ветра до биотоплива. Также в отчете говорится о возможностях рационального использования энергии, особенно в городских областях.

Россия принимает активное участие в международном сотрудничестве в сфере инновационных технологий. Обеспечивается взаимодействие с представителями стран-членов партнерств и участие российских организаций в деятельности ряда международных организаций. О необходимости «зеленого» роста в России заговорили на самом высоком политическом уровне сравнительно недавно. В частности, в опубликованном осенью 2010 г. Проекте экологической стратегии РФ до 2030 г. запланирован переход к «зеленому» росту экономики. Еще раньше – в ноябре 2009 г. был принят закон «Об энергосбережении и повышении энергоэффективности», который предусматривает сокращение потребления энергии на единицу ВВП на 40% к 2020 г. В этой связи осмысленно

ние конкретных мероприятий ЕС, встроенных в общую парадигму развития «зеленой экономики», выглядит весьма актуальным и своевременным.

**АКТУАЛЬНОСТЬ КРОССКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
THE TOPICALITY OF CROSSCULTURAL ADAPTATION
WITHIN INTERNATIONAL COOPERATION**

А.Н. Сухова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

A.N. Sukhova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Обосновывается актуальность исследования адаптационных практик иностранных студентов в границах социального, культурного, академического пространств.

The article discusses the topicality of investigation of international students' adaptation practices within social, cultural and academic environments.

Ключевые слова: социокультурная и академическая адаптация, иностранные студенты, интеграция в академическую среду.

Keywords: sociocultural and academic adaptation, foreign students, integration into the academic environment.

Проблема межкультурной адаптации в условиях мультикультурального социального пространства в последние десятилетия становится все более актуальной в связи с расширением экономического, социального и культурного поля взаимодействия. Это дает больше возможностей для изучения культур и в целом антропологического и социального пространства других стран. Особенный интерес в исследовании взаимодействия культур представляет изучение студенческой молодежи, а именно стратегий поведения молодых людей в поликультурном социальном пространстве. Сегодня практика международного сотрудничества, рост числа и популярности программ студенческого обмена и стажировок говорят о массовом характере процессов, связанных с социальной мобильностью и наращиванием социального капитала. Вузы во всех странах стремятся к привлечению все большего числа иностранных студентов. Такие факторы, как интеграция в систему высшего образования, эффективность учебной деятельности, успешное социальное (а в данном

626

случае, межкультурное) взаимодействие в академической, социальной и культурной средах являются основополагающими в изучении проблем социокультурной и академической адаптации студентов, проходящих обучение за границей. Эффективность механизмов управления научно-исследовательской и академической активностью студентов, мотивирующие аспекты академической деятельности, способствующие сглаженной адаптации в непривычных условиях взаимодействия, заслуживают внимания исследователя в рамках изучения феномена «адаптации».

В рамках глобализации информационного и образовательного пространств в борьбу за привлекательность вступают университеты всего мира, пытаясь занять высшие ступени в рейтинге мирового научного сообщества. В подобных условиях постоянно существующей конкурентной борьбы студенты вынуждены адаптироваться к специфике выбранного ими университета и новой среды, в целом.

Стереотипическое восприятие новой среды не позволяет полноценно реализовать «новичку» свои возможности и ограничивает его адаптивные способности, поэтому выход за границы привычного и традиционного представления о негативных сторонах культур тех или иных стран/народов может являться одним из условий сглаженной адаптации. Важно отметить, что не существует общего для всех «правил» успешной адаптации: подготовка к этому этапу «жизненного сценария» человека является, в большей степени, освоением теории, нежели практических навыков. Это связано с особенностями субъективного восприятия, жизненных возможностей, социального капитала и изначально сложившихся условий первичной и вторичной социализации. В процессе социального познания формируется ряд представлений о «должном» и задаются критерии оценивания реальности. Учитывая, что автоматический перенос социальных практик и навыков, которыми человек владел в географическом и социальном пространстве родной страны, на пространство инокультурной среды невозможен, происходит деформация привычных образцов восприятия, что влечет соответствующие трудности в оценке и регулировании своего поведения в новых условиях.

Действительно, в условиях открытых границ реальность предоставляет возможности для взаимодействия, взаимообогащения культур и традиций. Успех этого взаимодействия определяется множеством факторов. Не следует забывать о стрессовых состояниях, обусловленных переживанием непредсказуемых и неожиданных ситуаций, сила которых зависит от накопленного социального опыта кон-

кретного индивида. Отсутствие социальной и психологической напряженности является одним из оптимальных условий успешной адаптации, социального и культурного обмена между представителями двух (и более) общностей.

Изучение предпосылок и механизмов, условий и агентов адаптационного процесса, влияющих на его эффективность, позволит подойти к решению и оценке проблемы межкультурной адаптации с более объективных позиций. Важно понять не только специфику, но и общие механизмы адаптационного процесса в инокультурной среде, участником которого становится студенческая молодежь.

Исследование стратегий успешной адаптации на примере самых привлекательных для иностранных студентов стран позволяет вести речь об исследовании механизмов адаптации и особенностей социокультурного взаимодействия не только на уровне общностей и групп, но и на уровне социальных институтов. В частности, опыт и практика международного сотрудничества ставит немецкую академическую систему в один ряд с наиболее конкурентоспособными образовательными системами США и Англии, поэтому возможность комплексного эмпирического исследования проблемы социокультурной адаптации иностранного студенчества в поле немецкой системы обучения представляет особую практическую ценность. Вопрос о преемственности механизмов и инструментов регулирования не только академической, но и социальной жизни иностранных студентов является актуальным для российской реальности. Достижение европейского уровня в организации процесса обучения студентов является одним из условий привлекательности системы высшего образования для иностранных визитеров. Особого внимания заслуживает разработка системы организованной помощи международным студентам, приезжающим на обучение в Россию. Германия, в этом смысле, является образцом системного подхода в оказании такого рода поддержки.

В данном контексте, выход Российской системы образования на международный уровень стал бы перспективным продолжением процесса интеллектуальной интеграции России в Европейское сообщество.

**НИЖНИЙ НОВГОРОД: ЗНАНИЯ НИЖЕГОРОДЦЕВ
В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ СВОЕГО ГОРОДА
NIZHNY NOVGOROD: CITIZEN'S KNOWLEDGE
ABOUT IT'S HISTORY**

О.С. Чернявская
НИУ Высшая Школа Экономики – Нижний Новгород
O.S. Chernyavskaya
NRU Higher School of Economics – Nizhny Nograd

Приводятся данные о самооценке нижегородцами собственных знаний по истории города, а так же об источниках получения таких знаний.

In the article are presented data: how citizens esteem their knowledge about their city history and what recourses of information do they use.

Ключевые слова: история, горожане, образ города.
Key words: history, citizens, city image.

Наличие образа города и соответствующего ему образа жизни и мышления, принятия решений, характерных для этого города, выступают значимым фактором идентичности, выделяющим горожан конкретного города как группу. Единый образ города способствует самоидентификации членов территориального сообщества: соседства, землячества. Общее знание, разделяемое членами группы, служит основой для формирования единства.

В 2011 году нами было проведено исследование, посвященное характеру размещения горожан в социальном пространстве города. Одним из показателей включенности в социально-информационное пространство выделено наличие образа города в глазах горожанина, специфических характеристик, которые делают город уникальным.

Исследование показало, что образ города у нижегородцев чаще всего ассоциируется с богатой историей города, историей Нижнего Новгорода они гордятся и хотят, чтобы город был известен как исторический. Одним из любимейших мест в городе является Нижегородский Кремль, причем не только потому, что он оборудован для прогулок, но и потому, что здесь горожане могут почувствовать связь с историей.

В этой связи интересно обратить внимание на то, каково же представление нижегородцев об истории Нижнего Новгорода, насколько хорошо они её знают, откуда черпают информацию.

Известность Нижнего Новгорода благодаря своей истории предполагают 21,5 % жителей. Из них 8 % главным известным историческим сюжетом называют нижегородское ополчение 1612 года. Действительно, это самый популяризированный в последнее время эпизод истории города. Почти во всех остальных случаях отсылка к истории формулируется как «древний город», «город с богатой историей», «старинный русский город».

История может служить мощной основой для единения жителей города. Хотелось бы отметить, что исторические факты, уходящие вглубь времен, важно дополнять более современными ассоциациями. Например, по результатам интервью видно, что историческая роль Нижнего Новгорода широко связывается с народным ополчением 1612 года, реже – с Нижегородской Ярмаркой, в то время как роль города в Великой Отечественной Войне практически не упоминается респондентами, равно как и роль в формировании советской промышленности или в развитии искусств. Если историческая роль города в жизни страны и его собственная богатая история значимы для жителей в определении привлекательного образа города, в котором они живут, то информационное, социальное поля в этом аспекте стоит сделать более богатыми и насыщенными. Историческое прошлое служит удобной основой для внешнего позиционирования как туристического центра. В то же время достижения, оставшиеся лишь в далеком прошлом, превращают город в своего рода музеев, живущий прошлым.

В исследовании учтена субъективная оценка жителей собственного знания истории Нижнего Новгорода. (Оценить по пятибалльной шкале, Таблица).

Таблица
Оценка жителями собственного знания истории Нижнего Новгорода

Оценка в баллах	Описательная оценка	Количество ответов	Процент от общего числа
1	не знаю историю города	34	8,5
2	плохо знаю историю города	62	15,5
3	кое-что знаю из истории города	170	42,5
4	довольно хорошо знаю историю города	113	28,3
5	отлично знаю историю города	19	4,8

Результаты практически соответствуют нормальному распределению. Можно обратить внимание на экстремумы в этом распределении, а

именно: людей считающих, что историю города они не знают, больше, чем оценивших знание истории города на «отлично».

Передача и восприятие информации по истории города происходит по нескольким каналам. На школьную программу ссылаются 66 % нижегородцев (в некоторых случаях отмечая, что имеют в виду школьную программу собственных детей). Менее формальный вариант циркуляции сведений об истории города – рассказы родителей и других родных (29 %) и рассказы друзей и знакомых (28 %). Считаем это достаточно высоким показателем в рамках вопроса об активности включения горожан в социально-коммуникативное пространство городской среды. Существенную роль в просвещении жителей играют нижегородские телевизионные каналы: 33 % жителей черпают знания по истории своего города благодаря этому источнику. Среди опрошенных 27 % читали книги по истории Нижнего Новгорода, чтобы узнать больше о городе, 22 % использовали Internet-ресурсы в качестве источника. Для немногим более 8 % нижегородцев полезными оказались информационные плакаты на улицах города.

Из оценивших свое знание как отличное 20 %, – читателей справочных материалов (буклеты, путеводители). Одинаково популярны в данной группе информационные плакаты и посещение экскурсий, музеев и т.п. – по 18,2 %. Нижегородское радио и собственные наблюдения – по 17% – третьи в списке. Стоит отметить, что группа людей, оценившие свои знания по истории Нижнего Новгорода оценкой в 4 балла более равномерно распределяет свое внимание между источниками информации. Именно в этой группе особенно распространено внимание к справочным материалам, Internet-ресурсам, центральным СМИ и нижегородской прессе. Максимальный процент популярности все остальные источники набирают в группе опрошенных, оценивших свое знание истории на 3 балла (качественно оценка эквивалентна формулировке «кое-что знаю из истории города»). Знания, полученные в школе или переданные родителями и родственниками, или транслируемые нижегородскими СМИ, а также почерпнутые из книг о городе, позволяют людям оценивать свое знание истории города на 3 балла. Мы особенно отметили именно эти источники, поскольку они обеспечивают преемственность поколений нижегородцев, целенаправленное воспитание определенного отношения к территории, а также потому, что именно благодаря этим источникам возможно создание целостного, не фрагментарного знания. Среди таких источников, судя по результатам исследования, только справочная литература выполняет данную функцию. Именно

разрозненные фрагменты информации могут получать горожане благодаря случайно воспринятым обрывочным сведениям.

Относительно высокие показатели связи между оценкой собственных знаний и источниками, требующими активной позиции в добычании информации, подчеркивает значение активности объекта в познавательном процессе, напоминает о способах эффективного обучения молодых нижегородцев, в том числе – истории родного города (низкие показатели связи имеют, например, «школа», «родители, родственники», «центральные СМИ»).

Знание истории города чаще оценивают как «довольно хорошее» (4 балла) коренные нижегородцы (31 %) и люди, приехавшие в город по семейным обстоятельствам (37,5 %).

Представление информации фрагментами, для чего используются, например, ставшие популярными в последние годы информационные плакаты, может составить знание лишь при наложении на знание истории в целом. В противном случае они представляют только обрывочные сведения без возможности восприятия в рамках исторического контекста. Можно сказать, что существует необходимость популяризации истории города в форматах более комплексной подачи материала, нежели освещение отдельных исторических эпизодов, и информация об истории Нижнего Новгорода должна охватывать различные жизни города.

СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ: СОЮЗНИКИ ИЛИ СОПЕРНИКИ? SOCIOLOGY AND HISTORY: ALLIES OR RIVALS?

Иржи Шубрт
Карлов университет в Праге, Гуманитарный факультет
Jiří Šubrt
Charles University in Prague, Faculty of Humanities

Обсуждаются отношения между современной социологией и историей и возможности их взаимного диалога.

In article are discussed relationships between contemporary sociology and history, and possibilities of their mutual dialogue.

Ключевые слова: социология, история, теория, исследования, диалог.

Keywords: sociology, history, theory, research, dialogue.

В самом начале необходимо отметить, что отношения между социологией и историей весьма сложные и далеко не гармоничные; в них

632

присутствует множество аспектов, которые значительно усложняют и запутывают их теоретико-методологическое осмысление, и тем самым создают ряд спорных вопросов и тем. Коммуникация между обеими дисциплинами во многом отягощена взаимным невежеством и игнорированием, а также многочисленными предрассудками, однобокостью и, пожалуй, даже некоторыми крайностями во мнениях. Заняться изучением сложных отношений между социологией и историей мы собираемся с полным сознанием того, что из-за тематической широты данной проблемы наш подход должен быть непременно селективным и что, кроме того, в нем есть определенные лимиты, обусловленные доминирующей социологической перспективой и ее специфической позицией. Наверное, если бы доклад на эту же тему написал историк, он бы уделил внимание и другим вопросам, точка зрения на отдельные проблемы, возможно, отличалась бы, а акценты бы были связаны с другими тематическими схемами.

В книге *Central Problems in Social Theory* ее автор социолог Энтони Гидденс высказал мысль, что для разделения социальных наук и истории нет ни логических, ни методологических оснований [1]. С данным утверждением вскоре после этого согласился и Филип Абрамс, влиятельный представитель британской исторической социологии, который под влиянием Гидденса сформулировал тезис, согласно которому история и социология являются и всегда являлись одним и тем же вопросом [2]. Сам Гидденс позже попытался еще раз поддержать эту позицию в своем, вероятно, наиболее важном теоретическом труде *The Constitution of Society* [3], в котором он утверждает, что нет ничего, что смогло бы достаточно рационально обосновать отличие между историческими и социальными науками. «Историческое исследование является социально-научным исследованием и наоборот». [4] А если и существует какая-то граница, то это граница, данная разделением труда в общем деле, а не повод к логическому или методологическому расколу.

Независимо от того, соглашаемся мы или не соглашаемся с точкой зрения Гидденса, фактом остается то, что социологи и историки не говорят на одном и том же языке. Питер Берк в этой связи вспоминает высказывание Фернана Броделя о «диалоге между глухими» [5]. Берк считает, что обе дисциплины находятся под угрозой сужения своей перспективы [6]. Историки, специализирующиеся на определенной проблеме, склонны рассматривать ее как единственную в своем роде, что мешает им видеть данную проблему как комбинацию элементов, которые имеют параллели и в других областях. Социологи, напротив,

склонны к обобщению явлений сквозь призму нынешнего опыта, но при этом игнорируют перспективу долгосрочных исторических процессов и социальных изменений. Кроме того, отношения между обеими профессиями отмечены рядом суеверий и стереотипов: историки иногда воспринимает социологов как людей, в абстрактном жаргоне которых отсутствует восприятие конкретного места и времени; и, наоборот, об историках иногда складывается впечатление собирателей мелочей и редкостей, которые не способны точно и комплексно анализировать свои знания.

Сегодня многие ученые в области социальных наук считают, что границы, отделяющие социологию и историю, должны быть преодолены. Однако есть и такие ученые, которые очень настойчиво высказываются против такого мнения. Одним из них является социолог Джон Голдторп, который в 1991 г. опубликовал на данную тему статью [7], вызвавшую большой резонанс [8]. В данном случае, пожалуй, интересен уже сам факт, что Голдторп в 50-е гг. 20 в. изучал историю в Университетском колледже Лондона. Автор сравнивает исследовательские подходы обеих дисциплин и констатирует, что в них присутствуют отличия, которые состоят не только в том, что одни ориентированы на прошлое, а другие – на будущее. Историки уделяют особое внимание тому, чтобы их знания были очень точно локализованы во времени и пространстве; социологи, наоборот, верят, что их знание может выйти за рамки таких координат во времени и пространстве. Внимание Голдторпа в этом отношении нацелено, в особенности, на тех коллег, которые с особыми обобщающими амбициями принимают за написание того, что он с нескрываемой иронией называет «grand historical sociology», т. е. за создание социологических концепций истории.

Голдторп начинает свои рассуждения с воспоминаний о том времени, когда он, будучи студентом истории, осваивал определенный методологический стандарт – некий «катехизис» методов, который начинался с вопроса «*What is a historical fact(?)*», и переходил в ответ «*A historical fact is an inference from the relics*» (исторический факт – это то, что получено из остатков, «реликтов») [9]. Автор констатирует, что он до сегодняшнего дня является сторонником мнения, согласно которому о прошлом можно судить только на основании того, что из него физически уцелело. Остатки, изучением которых занимается история, относятся к различным видам, это могут быть природные предметы (кости), артефакты (иструменты, оружие, здания, произведения искусства), но,

прежде всего, речь идет о письменных документах («объективированная коммуникация»).

Относительно вопроса «реликтов» Голдторп отмечает, что их число (если речь идет о конкретном времени) конечное, но в то же время неполное (их количество может сокращаться в результате уничтожения, но не может нарастать). То, что пытаются сделать историки, это открытие новых, пока еще ненайденных остатков и их добавление к тем, которые уже знакомы и служат в качестве склада запасов доказательств сформулированных утверждений. В сравнении с этим, как утверждает автор, у социологии есть одно важнейшее преимущество, а именно то, что она не зависит исключительно от «реликтов», а сама может продуцировать свои данные и тем самым производить свои доказательства (*to generate evidence*). Полевые исследования создают для нее научный материал, которого до этого не существовало. Тем самым социология по отношению к истории оказывается в намного более выгодной позиции и в то же время она теряет способность к чуткости и осторожности в обращении с источниками, что так свойственно работе историков. По мнению Голдторпа, особенно отчетливо это проявляется именно в тех работах, которые относятся к области исторической социологии; автор при этом имеет в виду, прежде всего, двух основных представителей данной дисциплины – Баррангтона Мура и Теду Скочпол [10].

В работах, в которых используется обобщающий социологический взгляд на исторические процессы, Голдторп находит важнейшую методологическую проблему. Он указывает на то, что для исторических социологов источником их знаний становится не изучение первичных информаций («реликтов»), а анализ вторичных источников; исторические социологи черпают свою информацию из литературы, написанной историками. При этом происходит то, что вместе с данными они несознательно принимают и чужие интерпретации. Голдторп не считает обращение социологов с источниками, с большими усилиями историками найденными и с еще большей осторожностью ими интерпретированными, достаточно серьезным и научным. Автор указывает на большую сдержанность социологов, когда речь идет об обширном и при этом непременно выборочном использовании ссылок на историческую литературу с целью поддержки социологических концепций и теорий. Он считает, что социологи должны заниматься прошлым только тогда, когда, ввиду характера изучаемого явления, это совершенно необходимо, и что в этом случае они должны так же, как и историки, работать с первичными источниками. Все размышления Голдторпа ведут к заключе-

нию, согласно которому история и социология являются двумя *significantly different intellectual enterprises* [11]. Автор не верит, что социологи могли бы создать большую теорию «трансисторического» типа. Любые рассуждения о том, что социология и история являются или должны быть одним и тем же, автор считает неверными и вводящими в опасные заблуждения, а социологам рекомендует перестать заниматься исследованиями в области истории.

Статья Голдторпа вызвала ряд полемических реакций, некоторые из которых нашли место в *British Journal of Sociology* за 1994 г. Майкл Манн выразил несогласие с утверждением Голдторпа, согласно которому социология должна заниматься исключительно современным обществом [12]; по мнению Манна, социология является наукой об обществе в целом, независимо от периода его существования. Джозеф Брайант отверг идею, что историческую социологию нужно считать некоей второстепенной конструкцией, которой не хватает достаточных эмпирических основ [13]. Он указал на то, что как в работе историков, так и в работе социологов, есть две составляющие: первой их них является «передача информации» (*reportage*), второй – интерпретация (*interpretation*). Передача информации касается данных и информации, которые имеются в наличии, интерпретация пытается найти в этих данных смысл и значение. О релевантности и ценности научного толкования говорят не только сами данные, но и то, как последовательна и убедительна их интерпретация. Никос Музелис дополняет, что все историки, которые выполняют большую синтетическую работу, работают, по сути, с тем же вторичным материалом, который используют исторические социологи, т.е. являются подверженными тем же методологическим проблемам [14].

Через несколько лет ту же дискуссию продолжила Гертруда Микл-Горке [15]. Автор из Австрии считает преувеличенным требование Голдторпа, согласно которому социология должна перестать всячески заниматься историей. По ее мнению, Голдторп игнорирует тот факт, что каждая социальная реальность имеет исторический характер и что все социологические данные, в конце концов, становятся составной частью истории. Микл-Горке указывает на то, что в области эмпирического исследования произошло сближение между историческими методами и методами социальных наук, а это Голдторп не принимает во внимание; методы герменевтики и критики источников, математический анализ и статистические методы принадлежат к методам социологии так же, как и к методам истории [16]. Ссылаясь на И.Г. Дройзена, автор констати-

рует, что историческое исследование исходит не только из *relics*, т. е. конкретных доступных следов, артефактов и документов, но и из традиций. По ее мнению, Голдторп игнорирует культурную историю как историю менталитетов, типов мышления, повседневности и коллективной памяти. Часть прошлого является составляющей современности и воздействует на актуальные действия в ней – либо на их ориентацию, либо (в учреждениях и структурах) в качестве их основного условия. Вдохновленная прежними дискуссиями, Микл-Горке попыталась определить главные требования, которые историческая социология должна соблюдать в исследованиях. К ним относятся [17]: понимание теории как средства, а не как цели; дифференцированное, а не некритическое обращение с достижениями исторической науки, и если возможно, работа с источниками; осторожность в интерпретациях, особенно при ссылках на общие, структуральные факторы; понимание действительности как исторически протекающего явления.

Уже в начале 80-х гг. 20. в. Филип Абрамс оптимистически заявил, что в течение последних двух десятилетий в исторических науках были опубликованы такие «теоретически добросовестные» работы, которые однозначно показали, что мнение о том, что социология должна быть теоретической, а история описательной, – это пережиток [18]. По мнению данного автора, чем больше обостряется теоретический аспект исторической науки, тем более очевидным становится то, что убежденность ряда профессиональных историков в том, что теория не является составляющей их сферы деятельности, уже не актуальна. И хотя в течение последних лет произошло определенное сближение между историей и социологией, в особенности благодаря исторической социологии, нельзя пренебрегать фактом, что коммуникация и сотрудничество между обеими дисциплинами все еще весьма сложные и не слишком продвигаются. У социологов появляются свои собственные представления об истории, а историки, с другой стороны, на свой лад работают с некоторыми основными социологическими понятиями. Значение вклада Голдторпа [19] состоит в том, что дискуссия, вызванная им, сделала из отношений между обеими дисциплинами главную проблему. И хотя нельзя отрицать, что подход к истории, который можно найти у исторических социологов, в ряде факторов отличается от подхода историков, это отличие нельзя интерпретировать в том смысле, что социология должна быть теоретической дисциплиной, тогда как задачей истории является ориентация на соби́рание фактов и их описание.

Попытка провести четкую разделительную линию между историей и социологией очень проблематична, однако нельзя отрицать, что Голдторп ударил своей критикой по исторической социологии в определенной степени справедливо. Из этой критики, в частности, можно извлечь такой урок, что социология в своем подходе к истории не может исходить исключительно из своих собственных перспектив и при этом игнорировать методологические приемы и правила, характерные для истории. Было бы неправильно, если бы исторические социологи не интересовались методологической дискуссией об интерпретации исторических источников, а историческую литературу использовали бы только в качестве «каменоломни», служащей для добычи сырья, из которого можно без проблем производить далеко идущие конструкции. Тем не менее, недооценивать нельзя и тот факт, что в настоящее время историческая социология подвергается «искушению» создавать концепции, которые могут опасно приближаться к тому, что когда-то Карл Р. Поппер назвал и критиковал как «историцизм» (*historicism* – касательно предположения, что у исторического развития есть заранее данный, обязательный характер, обусловленный природой универсальных исторических законов, которые можно выявить, и на данном основании «подготовить» приход будущего) [20]. Очевидно, что при занятии историей необходима теория, поэтому вопрос не звучит «теория – да или нет», а речь идет об адекватности такой теории. Значение исторической социологии, в частности, состоит в том, что она может и даже должна играть роль того фактора, который будет содействовать диалогу между социологией и историей.

Литература

1. Giddens, Anthony 1979. *Central Problems in Social Theory*. London: Macmillan, с. 230.
2. Abrams, Philip 1982. *Historical Sociology*. Shepton Mallet: Open Books, с. 2.
3. Giddens, Anthony 1988 (1984). *Die Konstitution der Gesellschaft. Grundzüge einer Theorie der Strukturierung*. Frankfurt/M.: Campus.
4. Там же, с. 416.
5. Burke, Peter 1989. *Soziologie und Geschichte*. Hamburk: Junius, с. 10.
6. Там же, с. 9-10.
7. Goldthorpe, John H. 1991. „The Uses of History in Sociology: Reflections on Some Recent Tendencies.“ In: *The British Journal of Sociology*. Vol. 42, с. 211-230.
8. Goldthorpe, John H. 1994. „The Use of History in Sociology: A Reply.“ In: *The British Journal of Sociology*. Vol. 45, 1994, с. 55-77.
9. Goldthorpe, John H. 1991. „The Uses of History in Sociology, с212.

10. Там же, с. 222–223.
11. Там же, с. 225.
12. Mann, Michael 1994. „In Praise of Macro-Sociology: A Replay to Goldthorpe.“ In: *The British Journal of Sociology*. Vol. 45, с. 37–54: 37.
13. Bryant, Joseph M., 1994. „Evidence and Explanation in History and Sociology: Critical Reflections on Goldthorpe’s Critique of Historical Sociology.“ In: *The British Journal of Sociology*. Vol. 45, с. 3–19: 13–14.
14. Mouzelis, Nicos, 1994. „In Defence of ‘Grand’ Historical Sociology.“ In: *The British Journal of Sociology*. Vol. 45, с. 31–36: 35.
15. Mikl-Horke, Gertraude 1999. „Die Wiederkehr der Geschichte: Zur historischen Soziologie der Gegenwart.“ In: *Österreichische Zeitschrift für Soziologie*. 19/3, с. 3 – 33.
16. Там же, с. 11.
17. Там же, с. 22.
18. Abrams, Philip 1982. *Historical Sociology*, с. 300.
19. Goldthorpe, John H. 1991. „The Uses of History in Sociology.“
20. Popper, Karl R. 2000. *Bída historicismu*. Praha: OIKOYMENH.

СЕКЦИЯ ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ КЛАССИЧЕСКОГО И СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ИСКУССТВОВЗНАНИЯ

THE PROBLEM OF OPPOSITION OF CLASSIC AND CONTEMPORARY ART AS AN ACTUAL PROBLEM OF THE STUDY OF ART

Е.И. Булычева

Нижегородская государственная консерватория им. М.И. Глинки

E.I. Bulycheva

Nizhniy Novgorod State Glinka Conservatoire

Рассматриваются некоторые аспекты взаимосвязей искусства классического и актуального в художественной практике, а также отражение этих взаимосвязей в искусствознании.

The article examines some aspects of interconnections between classical and topical art as well as replication of these interconnections in the study of art.

Ключевые слова: современное искусство, классика, цитирование, противостояние, диалог, гуманистические истоки.

Keywords: contemporary art, classics, quotation, standing in opposition, dialogue, humanistic origins.

Противостояние? Действительно, долгое время при рассмотрении данной проблемы акцентировался характер противостояния искусства классического и современного, но художественная практика демонстрирует нам куда как более сложные процессы их взаимодействия. Скорее, можно говорить об «исторической одновременности» противостояния и диалога. При этом противостояние воспринимается как очевидность, диалог не так очевиден. Между тем, на уровне серьезных художественных проектов диалог искусства современного и классического никогда не прекращался. Его присутствием окрашено творчество самых радикальных новаторов двадцатого века, в диалоге классики и современности рождаются и многие проекты художников рубежа 20–21 веков.

Взаимодействие классики и инноваций в современном искусстве разворачивается в самых разных сферах: в художественной образности, в разработке формы, в стилистике, в технологиях и т.д. Такое разнообразие можно рассматривать как проявление «соприсутствия» различных художественных течений искусства пошлого в работах современных художников. Признанные шедевры предыдущих эпох в контексте многих художественных проектов актуального искусства выступают как метафоры высших ценностей, а их образы становятся своеобразными риторическими фигурами, которые художники используют в свободной комбинаторике в своих композициях. Эти образы, многократно растяженные в «наглой наивности культурного производства» [1, с. 59] становятся для художников нового поколения объектами рефлексии по поводу метаморфоз, происходящих с современным обществом, с современной культурой. Например, М. Пистолетто в композиции «Венера в лохмотьях», поставив скульптурный образ прекрасной античной богини перед грудой тряпья, практически сделал зримым положение искусства в «обществе потребления».

Особенно ярко такого рода взаимоотношения классики и современности проявляются при прямом цитировании прославленных образов. Цитаты активно использовали и представители первой волны авангарда, и их последователи второй половины 20 века. Цитируют и ныне работающие художники. В качестве примеров можно вспомнить «Частичное затмение» с Моной Лизой К.Малевича, «Готовый букет» Магритта с Весной Ботти-

челли или «Похищение сабинянок» Урса Фишера с прямым цитированием скульптурной группы Джамболоньи. Эти цитаты – и перечеркнутое красным изображение Моны Лизы, и проходящая незамеченной Примavera Боттичелли, и свечой сгорающая восковая скульптурная группа Джамболоньи-Фишера – все они, исполненные глубокого очарования, включаются в систему достаточно агрессивных или обезличенных проектов, как будто демонстрируя, что художникам «ничего более не остается, как настаивать на своем очерствении» [1, с. 65] в современной социокультурной ситуации. В таком контексте тема взаимоотношения искусства классического и современного предстает как духовная драма конфликта между устремлениями художников и реальностью. «...Какие бы волны ни вздымали пресловутые прогрессивные веяния, они тоже стихнут, не оставив по себе перемен..., а если и переменят, то самую малость...» – пишет, например, С. Дали. Заявляя, что «только в прошлом я вижу гениев...– они представляются мне богами», он снова и снова вступает с ними в диалог, пытаясь дотянуться до них сквозь «времена угрожающей техники и процветания посредственности» [2, с. 338, 25].

Но цитирование далеко не единственный вариант диалога классики и современности. Интереснейший материал для размышлений о взаимосвязях искусства классического и актуального дают, например, творческие поиски и эксперименты современного испанского художника Микеля Барсело. Барсело, словно заставляя признать правоту Э. Гомбриха, протестующего против безусловного приоритета темы произведения над его декоративными качествами, обращается к классическим технологиям работы в живописи и сочетает крупномасштабность полотен, характерную для эпохи классицизма, с любованием фактурой, в которой угадываются черты импрессионизма. В качестве примера можно привести циклы живописных работ «Ландшафты», «Пена волн» и др. Самобытный творческий почерк художника вобрал в себя разнородные черты искусства предыдущих периодов, как дитя вбирает в себя черты предыдущих поколений своей семьи. Барсело активно развивает и традиции монументального искусства. С Сикстинской капеллой Микеланджело по грандиозности сопоставляют зрители абстрактную роспись потолка, выполненную им в Зале прав человека и альянса цивилизаций в Женевском Дворце наций (2008). Сам Барсело, описывая свою работу по росписи потолка, говорит, что работая над оформлением зала, он представлял «межгалактический совет с разными языками и мнениями» и пытался передать идею «пространства для человечества» [4]. Это не единственная монументальная роспись художника. В городе Пальма-де-

Мальорка в главном соборе города – соборе Святой Троицы в капелле Santísima M. Барсело выполняет лепную роспись стен (2007). Здесь его работа, повествующая о том, как Спаситель пятью хлебами накормил тысячи, вступила в диалог с готикой и, похоже, будет мирно сосуществовать с ней в одном пространстве. Другими словами, М. Барсело, сохраняя связь времен, свободно вступает в творческий диалог и со средневековыми традициями.

Не менее интересен в контексте наших размышлений опыт другого современного скульптора Томаса Шютте. Так же, как и Барсело, Шютте активно обращается к традиционным технологиям скульптуры. Для своих работ он использует привычные для этого вида искусства материалы: глину, металл. Но и сам характер творчества немецкого мастера неоднозначно отсылает зрителя к классическому наследию. Достаточно вспомнить цикл «Женщины» (1997–1999) – восемнадцать скульптурных изображений, безусловно созданных в продолжение классической традиции. Каждая из скульптур цикла кажется вариантом какой-то неизвестной работы классической эпохи, но пережившей катастрофы 20 века. Удивительное сочетание выразительных возможностей монументальных форм классической скульптуры и интимных, почти исповедальных интонаций, рождающих ощущение, что это не тело – душа переживает катастрофические деформации.

Так противостоят ли диалог? Вероятно, вопрос о соотносительности искусства современного и классики можно обозначить как одну из проблем в сфере наук об искусстве, не утратившей своей актуальности. В этой связи стоит отметить формирование в искусствоведении второй половины 20 века тенденции к поиску объективных оснований в изучении художественного наследия предыдущих веков и современности в их сопоставимости. Г. Зедльмайр в своей работе «Утрата середины» в качестве такого основания рассматривает феномен человека как носителя непреходящих ценностей. Он пишет: «...Как сущность человека во все времена одна и та же, так и сущность искусства на все времена одинакова, хотя его проявления могут быть разнообразны» [4]. Идея антропологического основания при рассмотрении процессов взаимодействия традиций разных периодов, происходящих в современной художественной культуре, находит единомышленников и среди современных художников, и среди современных искусствоведов. Так, например, в одном из интервью художник Г. Острецов утверждает: «Художник самостоятельно предстаёт перед Спасителем. Реализует свою миссию и свою личность в том времени, в котором ему выпало жить» [5]. О решающем

значении нравственных ценностей пишет в своем достаточно критичном «Письме из Венеции» искусствовед Е.Деготь: «Современное искусство создавалось во время Первой мировой войны... С тех пор это искусство претерпело много изменений, нашло для себя аудиторию и социальную роль, но сохранилась его этическая платформа... В современном искусстве по-прежнему есть люди,... для которых слово «идеалы» не пустой звук» [6].

Похоже, что именно феномен человека с его неистребимой ностальгией по идеалу и сохраняет возможность продуктивного диалога классики и современности. Искусство и искусствоведение начала 21 века, вопреки объявленной «дегуманизации искусства», снова обращается к гуманистическим истокам. Это тем более закономерно, что в практической деятельности художников полная «дегуманизация искусства» так и не состоялась, так же, как и тотальное противостояние классике.

Литература

1. Адорно Т.В. Философия новой музыки. М.2001. С. 59.
2. Дали С. Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим о себе... М.:1999. С.338.
3. Барсело М. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://ru.euronews.com/2008/11/18/modern-art-celebrates-human-rights/>
4. Зедльмайр Г. Утрата середины. М., 2008. С. 204.
5. Острцов Г. Художник должен быть философом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/georgij_ostretsov_hudozhnik_dolzhen_byt_filosofom_16917
6. Деготь Е. Письмо из Венеции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://os.colta.ru/art/projects/89/details/10805/>

ДУХОВНОСТЬ И МЕТОДОЛОГИЯ ИДЕАЛ-РЕАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ SPIRITUALITY AND THE IDEAL-REALISM IN THE MODERN HUMANITIES

А.П. Ветошкин

Московский государственный университет путей сообщения

A.P. Vetoshkin

Moscow State University of Railway Engineering

«Русская философия таит в себе религиозный интерес и примиряет знание и веру. Конкретный идеализм, связанный с реалистическим от-

*ношением к бытию, мог бы стать основой нашего национального философского творчества и мог бы создать национальную философскую традицию, в которой мы так нуждаемся», – утверждал Н.А.Бердяев, один из авторов «Вех» [1]. Идеал-реализм – это не просто одно из течений и школ в многообразии русской мысли, а *главное и ведущее направление всей духовной культуры, ее вершинное достижение в духовном осмыслении и постижении нашего национально-исторического своеобразия и призвания.**

Впитав в себя высшие прозрения мировой и русской философской классики, опыт святоотеческого учения, наиболее зрелую, системную и целостно завершенную форму идеал-реализм получил от своей духовности предтечи – славянофильства в учении о соборности и духовной цельности личности А.С. Хомякова и И.В. Киреевского. В философии Всеединства и Богочеловечества В.С. Соловьева, в творчестве кн. С.Н. и Е.Н. Трубецких, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Н.О. Лосского и И.А. Ильина идеал-реализм утверждается в статусе самостоятельного и оригинального направления. Сущностной чертой идеал-реализма является общеприкладная универсальность его методологии. Она охватывает онтологию и гносеологию, социальную философию и антропологию, раскрывает возможности творческого синтеза логики и аксиологии.

Понадобился целый XX век трагических и героических испытаний, взлета и упадка, созидательных свершений и социальных катаклизмов, чтобы приблизиться к осознанию этого пророческого напутствия. И, пожалуй, никто из русских мыслителей как Иван Александрович Ильин (1883-1954 гг.) с такой глубиной и полнотой не выразил обоснования теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами социальности и быта. И.А. Ильин с полным основанием можно назвать автором теории духовной актологии. В ее целостности «соло» каждой способности сопровождается «хором» всех остальных и возникает «симфония» духа, дарующая полноту миропереживания и понимания. Это разумное мышление, понимающее объективную истину. Нравственная воля, ориентированная на сотворение добра. Продуктивное воображение и эстетическое созерцание, постигающее прекрасное. Любящее сердце, интуитивно схватывающее объективно лучшее содержание и переживающее его художественно. Верование, укорененное в совершенство Божие. Совесть, оценивающая помыслы и деяния с позиций должного совершенства [2].

Обратимся к базовым понятиям – *идеал и реализм*, единство и взаимосвязь которых определяет сущность данного направления. По исторической оценке В.С. Соловьева, учение об идее дали нам греки. По характеристике П.А. Флоренского, платонизм был воспринят предельно широко. Он рассматривал его как некое духовное устремление и «как указующий перст от земли к небу, от долу – горе» [3]. Глубокую трактовку диалектики идеального и реального дал А.Ф. Лосев, блестящий знаток античности и тонкий исследователь творчества Платона. Учение об идее предстает у него как выражение принципа, смысла, целостности и качественной определенности, сущности и закона проявления той или иной предметной реальности. В таком ракурсе эвристическое и творческое, креативное значение феномена идеального в его связи с реальным воплощением имеет непреходящее значение.

В понимании реализма сложились различные концепции. Они варьируются от объективно-идеалистических до непосредственно материалистических вариантов. В той или иной интерпретации они признают реальность и действительность предмета познания или практики. Реализм признан наиболее адекватным методом осмысления, постижения и преобразования действительности для любого серьезного, системного и основательного философского, научного, художественного и социального исследования. Так, в последние два столетия литературный и в целом художественный процесс в России развивался в русле реализма в формах критического или социалистического реализма. Сами определения формы критической, социалистической, национальной и т.д. имеют вспомогательное значение к сущности и природе реализма. В языковой семантике синонимами понятия «реализм» служат жизненность, правдивость, действительность, существенность, явь, факт и т.п.

Методология идеал-реализма приобретает характер всеобщности и конкретности, нацеливает на максимальное приближение к существующему предмету или процессу в его бытийной действительности. Идеал-реализм выступает способом восприятия, понимания и переживания в целостном духовном акте феномена идеального как объективно сущего, совершенного и высшего. В.В. Зеньковский усматривает в нем самобытную черту русских мыслителей, которые ищут именно цельности, синтетического единства всех сторон реальности, всех движений человеческого духа» [4].

В определенной степени даже русский материализм и позитивизм можно рассматривать своеобразной версией идеал-реализма. В.И. Ленин в своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» приходил к

выводу, что за пределами основного вопроса философии соотношение идеального и реального (в его трактовке – материи и духа) становится относительным. Что же касается роли идей и особенно идеологии, то марксизм-ленинизм придавал им исключительное и особое значение. Когда идеи овладевают массами, то они сами становятся материальной силой.

Вместо мертвенно-схоластической и догматической интерпретации внешней, поверхностной и видимой материальной стороны бытия мира и человека идеал-реализм выступает методом духовного постижения социальной реальности бытия общества и человека в их внутреннем, глубинном и сокровенном смысле и существе. *Идеал-реализм Ивана Александровича Ильина* обретает наиболее зрелую, системную и целостно завершенную форму, суть которой можно кратко и емко определить, сформулировать и выразить как философию *Совершенства*. [5] Ильин выявил суть и раскрыл путь духовного обновления в постижении духовной реальности, ее непреложной очевидности и душевной достоверности в «Аксиомах религиозного опыта». Он *убедительно обосновал линию духовного возрождения в предметной структуре и содержании творческого акта веры, любви, совести и свободы – в философском созерцании, правосознании, художественном творчестве, политике, в образовании культуры, социальном служении и хозяйственно-трудовом поприще*. В работе «Путь духовного обновления» И.А. Ильин раскрывает вечные основы духовного бытия человека. Объективно переживания духа и души никогда не уходили из внутреннего мира и жизни людей. Но они агрессивно вытеснялись, особенно в прошедшем столетии, из науки, культуры, социальной жизни, идеологии, образования и воспитания. «Господствовала» установка не выводить их за пределы церковной ограды с тем прицелом, чтобы «закрыть» там их на ключ и удерживать такой «ключ» в своих собственно атеистических, материалистических, светско-советских, сциентистско-позитивистских головах и руках. Понятия духа и души не только отторгались. Они подменялись категориями «сознание», «сознательность», «научность», «идейность» в соответствующем контексте.

Духовность не сводится и не определяется только научностью, интеллектуальностью, эрудицией, тем более простой информированностью. Верное и ясное понимание духа и души, соединительных и разграничительных линий в их сущностных моментах, имеет исключительное значение во всех сферах жизнедеятельности человека, и прежде всего, в образовании и воспитании. Аксиологический уровень личности

определяет ее профессиональное и социальное самоопределение, внутреннюю мотивацию и траекторию жизненного поведения. По убеждению Ильина, человек должен изжить ущербность материализма и безбожия и выйти из состояния «сущего духовного помрачения». По выражению С.Н. Булгакова, необходимо преодолеть «обморочность материализма», но и не впасть в «антиэкономический идеализм». Конечно, надо понимать и принимать все грани человеческого существования – от биологической природы до социального строя жизни. Главное в человеке – его дух, духовное состояние. Красотой и волей к совершенству, глубиной и широтой захвата характеризуется определение духа в трудах И.А. Ильина. Он раскрывает дух как то, что значимо в душе. Говоря словами Аристотеля – это «энтелехия» души, или «душа души». Ильин описывает *«дух как потребность священного и как радость верного ранга...как дар молитвы, как силу поющего сердца и как жилище совести...как месторождение художественного искусства, как источник правосознания, истинного патриотизма и национализма, как главную основу здоровой государственности и великой культуры...»* В действительности дух есть – *все это сразу*. И главное – проникнуть в религиозный, философский, нравственный и художественный смысл тех или иных проблем, чтобы постигнуть их как состояние человеческой души и человеческого духа. *«Дух можно было бы определить как волю к Совершенству – а также к совершенствованию – в самом себе, в своих деяниях и во внешнем мире»* [6].

В таком понимании феномена духовности как ценностной основы бытия человека и общества все формы общения и социального устройства, хозяйственной жизни, семьи и Родины, труда и собственности, культуры и цивилизации, образования и воспитания могут быть представлены и осмыслены как концентрированное выражение и проявление наличного уровня духовности. Один из виднейших представителей русского идеал-реализма С.Л. Франк имел все основания утверждать, что общественная жизнь по самому своему существу духовна, а не материальна. *«Что такое есть семья, государство, нация, закон, хозяйство, политическая или социальная реформа, революция и пр., словом, что такое есть социальное бытие, и как совершается социальное явление – этого вообще нельзя усмотреть в видимом мире физического бытия; это можно узнать лишь через внутреннее духовное соучастие и сопереживание невидимой общественной действительности»*. Он приходит к выводу: *«В этом заключается абсолютно непреодолимый предел, положенный вечному социальному материализму, всякой попытке биоло-*

гического или физического истолкования общественной жизни». В своей истинности и полноте дух предстает, по С.Л. Франку, как осмысляющее основание всякого бытия: *«Мы можем сказать, что духовное бытие в самом общем его смысле – есть основание и корень реальности непосредственного самобытия»*. Чем люди ближе к Богу, тем ближе они и друг к другу. *«Люди разобщены между собой на поверхности и связаны в своей глубине... Духовная сила всегда сверхиндивидуальна, и ею всегда устанавливается невидимая связь между людьми»* [7].

Согласно идеал-реалистическому подходу, личность предстает как то подлинное и глубинное в человеке, которое выходит за пределы «обыденного чувственного мира», рациональных критериев истины и добра, поскольку личность соотносится с Абсолютной Реальностью – Богом в своих высших возможностях самоопределения и самоустановления. «Личность для природного индивидуума есть задание, – считал Н.А. Бердяев. – Личность нельзя мыслить ни биологически, ни социологически. Личность духовна и предполагает существование духовного мира». Укорененность личности в духовном мире обнаруживает ее как «носителя и творца сверхличных ценностей», которые ее созидают.[8]

В образовательной и профессиональной подготовке, в налаживании воспитательного процесса особое значение приобретают вопросы взаимодействия науки и религии, понимания границ и возможностей теологизации и сциентизации в самом содержании образования и воспитания. Именно об этом и, как будто, для нас писал В.И. Вернадский в 1920 году: «Новая интеллигенция отдаст свои силы, свои знания великой работе по развитию производительных сил государства. Черты этой интеллигенции вырисовываются. Замечающийся сейчас интерес к религиозным вопросам, попытки возрождения реального Православия являются фактом громадной важности. Напрасно многие боятся этого как симптома реакции и застоя. Нет. История говорит нам, что человеческая мысль в области научного знания может постигать новое, а не топтаться на одном месте, только если рядом с научным творчеством идет широкое творчество религиозное. И теперешнее религиозное движение в России таит в себе залог будущего расцвета русской науки» [9].

Можно сказать, что духовное не только окрыляет, одушевляет, осмысляет и выпрямляет, но и освящает весь жизненный путь человека. При характеристике феномена духовности следует исходить из ее бытийственности как особого вида онтологической реальности, способа и форм ее существования и проявления. Духовность определяет и опосредует внешнюю, предметно-практическую деятельность, труд и хо-

648

зайство, формы и институты социальных отношений, характер социализации человека на личностном и социально-общностном уровнях. Вне духовности процесс образования, воспитания, в целом социализации, обесмысливается, обездушивается, обезбоживается, становится нейтральным, механическим взаимодействием, тупиком человеческой сущности. Духовность выступает онтологическим законом развития социума и человека, а социальная практика становится предметно-аксиологическим полем ее проявления. *Идеал-реализм содержит в себе все основания целостной и работающей методологии, наиболее адекватной теоретическому исследованию и практическому решению ключевых вопросов современности и самой будущности России, прежде всего в экономике и социальной сфере, образовании и воспитании.*

Литература

1. Вехи. Интеллигенция в России. Сб. статей 1909-1910. – М.: Мол. гвардия, 1991. – С. 39-40.
2. Ветошкин А.П., Гончаров С.З. Духовная актология Ивана Ильина / Духовно-нравственный путь развития России. Материалы V Всероссийских Ильинских научно-богословских Чтений 9-13 мая 2007 г. – Екатеринбург-Ярославль-Санкт-Петербург, 2007. – С. 18–19.
3. Флоренский П.А. Смысл идеализма. – Сергиев Посад, 1914. – С. 6.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Т. 1. – Л., 1991. – С. 16–17.
5. Гончаров С.З. Философия совершенства Ивана Ильина. – Екатеринбург, Изд-во Уральского института бизнеса. 2007. – 551 с.
6. Ильин, И.А. Собрание сочинений: Аксиомы религиозного опыта. Том 1. – М.: Русская книга, 2002. – С. 35-36.
7. Франк С.Л. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. – М., 1922. – С. 12.
8. Бердяев Н.А. Философия свободы духа. – М., 1994. С. 361
9. Вернадский, В.И. Русская интеллигенция и новая Россия/ Из доклада на съезде таврической научной ассоциации/В.И. Вернадский / Биосфера и ноосфера. Изд-во «Рольф». – М., 2002. С. 568–569.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ HUMAN ACTIVITIES IN THE NEW REALITY

Л.М. Злотникова

Белорусский торгово-экономический университет

L.M. Zlotnikova

Belarusian Trade and Economics University

Рассматриваются некоторые аспекты сущности человеческой деятельности. Человек постоянно изменяет условия производства, формы и виды занятости. Жизненные ценности, личностные качества человека более консервативны. Противоречия современного этапа развития проявляются между изменениями в технологическом укладе, возвышении материального и ограниченном внимании к личности, заниженной оценкой гуманитарной компоненты.

This article discusses some aspects of the nature of human activity. One is constantly changing conditions of production, forms and types of employment. Life values, personality rights are more conservative. The contradictions of the present stage of development occur between changes in the technological structure, the exaltation of the material and the limited attention given to the individual, and underestimate the humanitarian component.

Ключевые слова личность, качества, ценности, деятельность, материально-вещественные факторы, гуманитарная компонента.

Keywords personality, quality, value, activities, material and material factors, the humanitarian component.

Длительное время человек пытается создать систему объективных оценок о результатах собственной деятельности и на их основе управлять своей жизнью. Самыми распространенными оценочными показателями являются: ВВП, темпы экономического роста, денежно-валютные резервы, производительность труда и т.д. Количественное измерение достижений на определенных этапах развития сыграло положительную роль. Однако с середины XX века стало очевидно, что большие объемы материального богатства не способны улучшить жизнь человека. Цивилизация основана на развитии человека. Высокий уровень материально-технической базы не привел к уменьшению количества бедных, усиливается моральная деградация. Культ страстей и импульсов активно замещает убеждения и сознательные ограничения разнообразных неконтролируемых эмоций. Думающие люди становятся своеобразной редкостью. Человек отличается от животных (они тоже проявляют страсти и

эмоции) и машин, которые создает сам. Постоянное и настойчивое стремление минимизировать затраты физических сил человека, к сожалению, сопровождаются моральной и нравственной деградацией. Гипотетически высвободившееся время и силы человек должен был потратить на собственное совершенствование. Расширение материальных потребностей, наращивание товарного вещизма по-прежнему остается основным приоритетом в развитии. Ограниченность природных ресурсов и преобладание в человеке потребителя создают объективные условия для научного обоснования новых ценностей.

Высокие темпы технологических изменений создают комплекс противоречий в деятельности человека. С одной стороны, человек освободил себя от изнурительного физического труда, производит все большее количество разнообразных товаров. С другой – новое технологическое содержание производственной деятельности усиливает значимость подлинно человеческих качеств. На первом плане, по нашему глубокому убеждению, по-прежнему остается соблюдение этических норм и правил поведения в быту и на производстве. Этика как одна из гуманитарных компонент представляет интерес пока только для ученых. Хотя на практике сложно назвать сферу деятельности без большого количества этических проблем. Наиболее заметная среди них – коррупция.

Существенная трудность замены физического труда интеллектуальным заключается в создании новых условий общения, оценки и стимулирования труда. Процесс интеллектуальной деятельности невозможно увидеть, потрогать, облачить в форму и т.д. Формирование и использование интеллектуального потенциала предъявляет особые требования к поведенческим характеристикам человека. «Повышение уровня умственных способностей человека происходит не столько благодаря увеличению знаний, сколько благодаря особым процедурам комбинирования разнородной и отрывочной информации» (1, 140). Человек реализует свой потенциал на принципах и в условиях морально-нравственного воздействия социального окружения. Интеллектуальный процесс не может быть массовым. Образно говоря, не терпит суеты, штурмовщины, жесткого обращения, его сложно регламентировать во времени и пространстве. Интеллектуальный труд – это развитый умственный потенциал, высокая дисциплина, ответственность, самоконтроль и самоорганизация. «Значение ценности порядка возрастают с увеличением разнообразия составляющих его элементов» (1, 140). Развитый интеллект становится основной ценностью цивилизации.

Но на практике носитель обозначенного богатства сталкивается со многими этико-гуманитарными проблемами. Ранжировать их по значимости сложно, поэтому условно на первое место мы поставим отношение общества и государства к финансированию гуманитарных исследований. На вербальном уровне есть признание актуальности и особой важности, образно говоря, познания человека. На практике исследования финансируются по принципу «выгодности». Развитие интеллекта оказалось в изгоях. Носители идеи выгоды активизировали деятельность по сокращению количества дисциплин и часов гуманитарного блока в вузах, колледжах и школах. Человек пока не придумал системы формирования, развития и поддержания трудоспособного интеллекта, которая составила бы серьезную альтернативу образованию. Как отмечал Фридрих Хайек: «иллюзия, что макроэкономика жизнеспособна и полезна, укоренилась в общественном мнении»(1, 172). Она не позволяет смириться с закономерной необходимостью расширения образовательного пространства, поиска его нового содержания.

На второе условное место в системе гуманитарных проблем можно поставить этико-правовые и морально-экономический аспекты отношений «меньшинство-большинство». История развития цивилизации убедительно доказала, что немногие люди обладают даром придумывать новые оригинальные идеи, разрабатывать механизмы реализации, расширять познание, оказывать положительное влияние на традиционные убеждения и теории. Рядовой человек не рассуждает о великих проблемах. В этом он полагается на авторитет других, поступает так, как должен поступать любой порядочный человек. Но рядовой человек делает свой выбор. Либо он ломает стереотипы, либо действует на основе прежнего жизненного опыта и ценностей.

Гуманитарное знание в отличие от естествознания не может предложить обществу и человеку новые носители информации, расширить многообразие товаров и т.д. Гуманитарное исследование необходимо для получения новых знаний о человеке, месте и роли в жизни цивилизации. Эта фраза на первый взгляд кажется высоко абстрактной, не имеющей под собой эмпирического наполнения. Многие начинания последних десятилетий не принесли ожидаемого результата. Важнейшая причина обозначена Мизесом «...самые хорошие теории являются бесполезными, если не разделяются общественным мнением» (2, 810). Для управления общественным мнением необходима не только информация, но и эффективные социальные технологии убеждения, привлечения сторонников, определенной нейтрализации противников и т.д.

Сложно признавать, но гуманитарная наука не располагает реальными возможностями по измерению степени влияния ложных представлений на реализацию самых мудрых идей и начинаний. В качестве примера мы воспользуемся новым символом современного этапа развития – «модернизация *производства* на основе инновационного развития». Вы намерено выделили понятие «производство», так как оно не является абсолютно независимым от состояния общества и не может служить фундаментальной ценностью и единственной целью ближайшего этапа развития. Любое новшество – это новые риски, и новые требования к человеку. Инновационное развитие полно противоречий, как и все предыдущие этапы становления цивилизации.

Риски, доходы, безработица – понятия, которые не могут характеризовать только экономические процессы. Современная макроэкономическая политика очень тесно связана двумя величинами: «затраты на производственную деятельность и безработица». Если быть абсолютно корректным, то господствует теория о том, что увеличение заработной платы невозможно, потому что возрастет безработица. А рост безработицы повлечет за собой многие негативные социально-экономические процессы. Гуманитарной науке предстоит разработка новой концепции человека. Цивилизации нужны люди, открывающие новые истины, способные начинать новое на практике, обладающие оригинальным мышлением и активной социальной позицией.

Литература

1. Фридрих Август фон Хайек Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – Пер. с англ. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxu», 1992.– 304 с.
2. Мизес Людвиг фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Пер. с 3-го испр. англ. изд. А.В. Куряева. – М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000. – 878 с.

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ДИАЛОГ НАУКИ И РЕЛИГИИ RATIONALITY AND SCIENCE AND RELIGION DIALOGUE

Г.А. Каржина
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
G.A. Karzhina
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Предложен анализ проблемы рациональности применительно к диалогу науки и религии.

In the article, modern interpretation of the problem of rationality and science and religion dialogue is realised.

Ключевые слова: рациональность, диалог науки и религии, трансформации науки, трансформации религии.

Keywords: the rationality, the science-religion dialogue, science transformations, religion transformations.

Рациональность как философская проблема в первичном фундаментальном смысле связана с вопросами о сущности человеческого ума и его способности соотносить и объяснять временное и вечное, конечное и бесконечное. Рациональное действие мы чаще всего понимаем как разумное и свободное по отношению от страстей. Не перестает быть востребованным платонический образ души, в котором ум (возничий) управляет непослушными страстями (лошадьми), и вопрос И. Канта «Что я могу знать?».

Парадигмы рациональности имеют непосредственное отношение ко многим сюжетам диалога науки и религии. И. Кант, определяя границы знания, привнёс логику рациональности в нравственное доказательство бытия Бога. В то же время атеизм эпохи Просвещения также носил рациональный характер и способствовал взаимному отчуждению науки и религии, что особенно закрепилось в советской философии.

Рассмотрим некоторые возможности диалога науки и религии, которые, с нашей точки зрения, открывают свойства рациональности как особой культурной среды, особого пространства, проводника способного транслировать алгоритмы науки и религии в человеческую деятельность, определяя цели и пути.

И наука, и религия сегодня оказываются в поле действия сил, противоположного качества. Вызовы и настроения массового общества стимулируют дивергенцию смыслов, вызовы Земли и Космоса, искания

гениев способствуют обретению единства истины. Сложились и продолжают расширяться подходы, основанные на выявлении социальной обусловленности рациональности, определенный уклон сформировался под влиянием медиасреды, что вывело в фокус проблемы коммуникативные аспекты рациональности. В философской литературе обозначилась линия ухода от чистой гносеологии к социальным, коммуникативным и культурологическим предпосылкам рациональности. Можно отметить также широкое разнообразие концепций и трактовок, основанных на гипертрофии субъективного начала, как, например, «радикальный субъект» или «гносеологический рэссизм» [1]. Философы констатируют глубокий кризис «рацио», фиксируют трансформации рациональности, становление постнеклассической парадигмы в познании, появление множества дискурсов и определений рациональности, например, пластичной рациональности. Преувеличение социального и субъективного начала в восприятии познавательных ситуаций создаёт иллюзию полной подчинённости научной и религиозной деятельности управленческим алгоритмам «мира сего» и, следовательно, предполагает возможность манипулировать целями и смыслами. Критики постмодерна напуганы такой перспективой и видят защиту рациональности в консерватизме.

Отметим, что постмодерн меняет процессы в науке и религии двойственным образом. С одной стороны, эти перемены разрушают базовые ценности научного и религиозного познания, с другой, соответственно второму смыслу понятия кризис (поворотный пункт), они, действительно, предоставляют новые возможности.

Показательна активно популяризируемая точка зрения о Новом веке как преодолении кризиса постхристианской цивилизации. Движение Нью Эйдж (New Age – новый век, новая эра) совершенно не похоже ни на традиционные религиозные конфессии, ни на известные сектантские структуры. Главный мировоззренческий ориентир Нового века – признание наступления постхристианской эры – эры Водолея. Догматическая и организационная деструктурированность течения делает его открытым принципам холизма, синергии, нелинейности, которые уже получают научное обоснование, но ещё не вошли в строгие теории и не включены в предметную область диалога науки и религии. В религиозном дискурсе постмодерна преобладает позиция обновленного деизма, распространенного в протестантской среде и радикальной протестантской теологии. Создаётся трансформированная религия, с выхолощенными культовыми, мировоззренческими и гносеологическими аспекта-

ми. Она все больше уходит в плоскость этических идей и поведенческих сюжетов. Эти сюжеты имеют ту же природу, что и трансформации науки, научной деятельности, которые происходят под действием Hi-Tech, усилением роли инструментальности. Наука XX и XI века, развившая необычно инструментальную составляющую, сформировала новую приборную базу, которая, как казалось, в корне меняет характер научной деятельности, так как под влиянием бизнеса все в большей степени ориентируется на прибыль, а в инновациях всё больше доминирует прикладной аспект. Создаётся опасная дистанция между процессом производства новых знаний и извлечением прибыли при применении новых технологий, которым, в свою очередь предшествуют технологические знания.

Трансформации постмодерна создают кризисную онтологическую и гносеологическую ситуацию для науки и религии, выхолащивая из научного и религиозного пространства мировоззренческие смыслы. Для религии эта ситуация ведёт к утрате онтологических основ, на которых держатся догматы и система культа. Для науки кризис разворачивается в сторону размывания главной функции производства нового знания. Однако сама жизнь неожиданными событиями, потрясениями и катастрофами восстанавливает утраченные смыслы и функции. Она ставит перед наукой и религией вопросы онтологического и гносеологического характера. Пытаясь понять, как разнородные данные соотносятся друг с другом в рамках некой согласованной или несогласованной системы, исследователи оказываются в мировоззренческой плоскости. Всегда есть разные трактовки и, как правило, не существует каких-либо окончательных доказательств. За последние десятилетия в науке были реализованы большие междисциплинарные программы – исследование человеческого генома, составление генетического портрета народов и этносов, запуск аппаратов на Марс. Они имеют свои мировоззренческие последствия. Для ответа на такие фундаментальные вопросы, как происхождение жизни, происхождение Вселенной, происхождение и эволюция вещества нужна определенная ситуация в культуре, в обществе, настрой на любопытство и познание. Космические угрозы, связанные с падением астероида или другого космического тела, обозначают масштаб рисков цивилизации. И, конечно, в мелькании событий повседневного уровня, нужны выделенные «вечные ориентиры», которые может дать религия, и она тем лучше выполняет эту миссию, чем меньше в ней трансформаций и нововведений, и чем большее количество сторонников она имеет.

В английском языке есть термины «Belief» и «Faith». Они выражают степень религиозности веры. В русском языке существует одно слово, но оно явно и неявно соотносится с образом наивысшего абстрактного общего, со знанием, наивысшего обобщения, наивысшей логической свертки. В этом смысле вера и знание едины. Описание такого единства возможно аксиоматически и асимптотически. Подобно тому, как естественные науки все более детализируют и масштабируют описание объектов исследований, философия, создавая концепты, примеряет их друг к другу, выстраивая множественный дискурс, религия организует интеллектуальную среду, в которой реализуется вероятностная парадигма познания.

Классическая рациональность апеллировала к единству знаний и подразумеваемому под ним субстанциональному единству мира. В науке этому способствовал механический детерминизм, распространившийся от астрономии до биологии. Попытки объяснить целое через часть на пути редукционизма неоднократно сменялись попытками объяснить части через целое в системном подходе. В современном естествознании эти тенденции вылились, соответственно, в господствующую идеологию дарвинизма с молекулярной генетикой как её острием, и в геосферно-биосферную систему взглядов, призванную выяснить возможности устойчивого развития. Развитие системной динамики, учения о биосфере, идеи великих русских учёных Виноградского и Вернадского дают возможность научного обоснования принципов холизма. Новая рациональность «нова» с точки зрения принципов восприятия единства знания и единства истины и «стара» с точки зрения определения её сути. Неклассическая рациональность несёт в себе вероятностные принципы, пробабиллизм, и они не противоречат основам религиозного опыта. В религиозной картине мира парадигмы постмодерна позволяют видеть совокупность коммуникативных действий или событий, направленных на передачу, сохранение и развитие религиозных представлений. Религиозная вера регламентирует отношения между человеком, природой, сверхъестественным миром, создавая иерархическую основу для приобретения знаний о мире, поэтому границы религиозного дискурса неклассической рациональности относительно и мягко соприкасаются с научным дискурсом. Понятия постмодерна содержат общенаучный и мировоззренческий потенциал, который приобретает дальнейшее наполнение в процессе диалога науки и религии. Новая тенденция ориентирована на органичное восстановление и развитие системообразующих принципов рациональности и может использовать возмож-

ности диалога науки и религии. Наука, развивая идеи системности, холизма, нелинейности позволяют подозревать внешнее по отношению к наблюдаемым элементам начало и, определенным образом, указывают на трансцендентное, а религия в своей ортодоксальной форме дает почву для рационального определения предмета науки и цели научного познания. Рациональность через религию формируется как отрицание экстремизма, обретение доверия, как осмысление и приятие целесообразности, которую видит и наука как стохастическое приближение к оптимальному решению.

Литература

1. Дугин А.Г. Постфилософия. – Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=IsV-HZ3vVIk> (время обращения: 23.03.2013).
2. Ивар Максудов. Леди Гага стала философом. – Режим доступа <http://www.youtube.com/watch?v=D9tPr6ODKzc> (время обращения: 23.03.2013).
3. Кургинян С.Е. Дискуссия о постмодернизме на ТВ. – Режим доступа: <http://kurg.rtdcomm.ru/publ.shtml?cmd=art&theme=10&auth=&id=2200> (время обращения: 23.03.2013).
4. Кутырёв В.А. Наша цивилизация в эпоху трансмодерна // Философия и культура. – 2011. – № 12. – С. 10–19.

КАПИТАЛИЗАЦИЯ И СУДЬБА ГУМАНИТАРИЕВ CAPITALIZATION AND THE FATE OF HUMANITIES

В.П. Козырьков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

V.P. Kozyrkov

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Обсуждаются изменения, происходящие в современной культуре. В этой связи раскрывается эволюция гуманитариев.

In article are discussed changes in modern culture. In this context reveals the evolution of humanities as a particular social group.

Ключевые слова: капитализация, гуманитарий, культура, человек

Keywords: capitalization, humanities, culture, person

Понятие гуманитарного выражает новую стадию в развитии противоречивой природы современной культуры, ее внутренней расколото-сти. Возникла такая культура, в которой антагонизм между различными элементами и, прежде всего, между материальными и духовными, меж-

658

ду техникой и человеком проявляется в определенных формах социального компромисса. Задача социальной науки состоит в том, чтобы выявить причины и структуру этого глобального раскола и дать феноменологию его различных компромиссных форм и проявлений.

Начнем с феноменологии. Понятие гуманитария вытесняет понятия интеллигенции и интеллектуала. Интеллигенция есть продукт социального раскола общества, в котором образованные люди начинают выражать противоположные социальные позиции, одну из которых (народную) стала представлять интеллигенция. Понятие интеллектуала есть компромиссная форма выражения соединения культуры и общества, в которой образованному слою отводится роль творца и хранителя культуры, а прочим – роль потребителей ценностей культуры.

Понятие гуманитария выражает еще более интегрированную форму компромиссности в противоречии между культурой и обществом, поскольку означает компетентность в любой форме человеческой жизнедеятельности, включая мистику, магию и астрологию, если эта форма во благо человека. И еще шире: все, что имеет отношение к человеку, относится к гуманитарной области. Под навесом гуманитарности может скрываться все, что угодно, включая все неужидное, но пользующееся спросом у людей. К гуманитарной области относятся, разумеется, и помощь людям, когда они находятся в беде, и разные сферы общества, в которых человек является главным предметом заботы (образование, медицина и др.). В результате такой предметной безбрежности исчезает критерий, позволяющий отделить добро и зло, науку от псевдонаучных знаний.

Одна из причин дисциплинарной и ценностной беспредельности предмета гуманитариев в том, что современное капиталистическое общество интегрировало слой гуманитариев, модифицируясь в форму культурного капитализма (С. Жижек) или посткапитализма, стадию, в которую, якобы, вступил современный капитализм, отрицая самого себя. Представляется, что было бы корректнее называть сложившееся общество гуманитарным капитализмом. Тем более, когда С. Жижек говорит о культурном капитализме, то его содержание иллюстрирует примерами из социальной области, связанной с социальной помощью, благотворительностью и т.д., а не из области морали, науки, искусства. Понятие культуры имеет свой, специфический смысл, отличный от понятия гуманитарного, поэтому привязка понятия культуры к категории капитализма смещает содержание данного понятия, делая его аморфным, и, одновременно, возвышает феномен капитализма. Но возвыше-

ние происходит только на словах, в области PR, а не на деле, так как реальная культура, которая интегрируется в капиталистическое общество, существует как массовая культура, оставляя за рамками широкий пласт культуры в виде определенной оппозиции капитализму. В этом случае понятие гуманитарного позволяет воссоединить разбегающуюся культуру, так как в нем происходит «очищение» не только от строгой научной, но и социальной составляющей.

Впрочем, капитализм возвышается и через понятие гуманитарного, но это возвышение происходит внутри самой структуры общества, сумевшего использовать социальную сферу, сферу благотворительности, образования и воспитания для извлечения прибыли. Гуманитарность становится пресловутыми издержками производства прибыли, которые капитализм вынужден учитывать, чтобы сохранить себя как тип общества. Более того, такое включение позволяет капитализму выдвигать на передний план свою необходимую связь с ценностями гуманизма в решении многих вопросов, убеждая с помощью СМИ и всей системы современных массовых коммуникаций, что человеческий капитал является для него главным капиталом и главным ресурсом общества.

Такое развитие современного общества приводит к неожиданным последствиям. Полвека назад наличие гуманитариев в науке рассматривали показателем того, что существует масса наук, включая социальные науки, в которых проблема человека игнорируется. Это привело к скачку в антропологизации наук. Сейчас ситуация противоположная: в то время как гуманитарная сфера расширилась, по крайней мере, с ее презентативной стороны, гуманитариев часто обвиняют в том, что они занимаются такими проблемами, которые далеки от потребностей социальной практики и человека. Физики и лирики поменялись местами. Вполне логично, что обвинения в не гуманности гуманитариев чаще звучат со стороны ортодоксальных «физиков», а не креативных «лириков». Гуманитарии защищаются, как могут, указывая на продолжающееся углубление дегуманизации общественных отношений и феноменов культуры в условиях технологизации капитализма. Кроме того, гуманитарии указывают на рост искусственных, симулятивных форм гуманитарности, которые преследуют коммерческие цели, а не цели, связанные с развитием человека.

Для устранения этой негуманитарности гуманитарной сферы и гуманитарной науки, в том числе, предлагается еще более глубокая технологизация и капитализация гуманитарной сферы. И мы сейчас видим, как это происходит с помощью полной информатизации и технологизации

коммуникаций, конвертирования всех видов информации в цифровые формы их хранения, передачи и воспроизводства. Капитализация выражается процессами наращивания «человеческого капитала», «материнского капитала», «детского капитала» и др. форм гуманитарного капитала. В литературе уже без запинки произносятся выражения «гуманитарный аудит», «гуманитарная экспертиза», «гуманитарная помощь» и т.д. При этом каждый, кто хоть чем-то занят в этой жизни, может назвать себя гуманитарием, поскольку он свободен, имеет свое мнение, свои чувства, свои интересы и свои прихоти. Содержание понятия гуманитарного становится эксклюзивным, индивидуализированным и локализованным по регионам и поселениям. Затихает диалог, так как каждый высказывает и утверждает только себя. Умирает дискуссия, превращаясь в громкие публичные споры, в которых не рождается истина, а умирает. Становится ненужной массовая социальная коммуникация, так как каждый ничего не ждет от других в ценностном отношении и довольствуется своей доморощенной духовностью. Образуется некое гуманитарное марево, в пространстве которого можно и дальше успешно развивать общество гуманитарного капитализма, в которое интегрируются гуманитарии. В ответ гуманитарии находят теоретическое оправдание своей несостоятельности, создавая концепцию постмодернизма, в которой доказывают исчезновение общества. А раз общество исчезает, то люди начинают испытывать потребность в экспертах, социальных инженерах, консультантах и прочих гуманитариях нового типа, которые призваны связывать всех людей в одно целое. Однако постмодернизм, при всей его эпатажности и логической неупорядоченности, есть лишь обратная сторона технологизации функций гуманитариев, которые рождаются потребностями капиталистического общества, которое никуда не исчезает.

Мы наблюдаем, как информационно-коммуникационная революция, призванная повысить уровень интеллектуальности общества, приводит к катастрофическому сокращению объема субъектности, так как приводит к доминированию обыденных ценностей и отказу от принципов гуманизма. Это выражается в констатациях не только «конца социального» (Ж. Бодрийяр), но и «конца истории» (Ф. Фукуяма). Хотя гуманитарии еще находят в себе силы для исторического оптимизма, создавая теории лишь «конфликта цивилизаций» (Ф. Хантингтон), а не гибели. Они даже говорят о «притязаниях культуры» (С. Бенхабиб), но этот отчаянный оптимизм не избавляет общество от кризиса культуры. И все же гуманитарии, при всей их противоречивой интегрированности в общество, не отказываются от задачи теоретического осмысления и ду-

ховного разрешения кризиса культуры. На практическое его разрешение гуманитарии не претендуют. Тем более что социальная элита понимает историческую опасность, которая может исходить от деятельности гуманитариев, поэтому всячески стремится их дискредитировать, нейтрализовать или интегрировать в господствующие социальные структуры. Самый распространенный способ дискредитации гуманитариев – создание стереотипа, что они являются зачинателями социально-политических реформ (как это льстит самолюбию гуманитариев!). Но есть и более простой способ: указать на то, что у гуманитариев ничего никогда не получается на практике или даже все становится хуже, когда за дело берутся гуманитарии. На самом деле гуманитарии никогда не были ни заказчиком реформ, ни их проектировщиком, ни исполнителем. Политики просто подставляют гуманитариев тогда, когда нужно снять с себя ответственность.

Действительным гуманитарием, а не формальным и не «подставным», если выделять в этом понятии какой-то общий смысл, человека делает его ответственное отношение к культуре, высокий уровень его социального участия и духовного соучастия в общественной жизни, гуманное отношение к другим людям. Этот смысл вытекает из той исторической задачи, которая стоит перед гуманитариями: как можно более полное развитие и раскрытие свободной индивидуальности человека, сопряженное с необходимостью развития культуры. Если гуманитарии с этой задачей справятся, то в этом случае будет оправдана их преемственная связь с интеллигенцией и интеллектуалами. Гуманитарный капитализм станет еще одним шагом в движении к обществу, в котором не будет необходимости в особом слое людей, призванных своей деятельностью восполнять те элементы культуры, носителями и субъектами которых должны быть все члены общества.

ПОСТМОДЕРНИЗМ В РЕКЛАМЕ POSTMODERNISM IN ADVERTISING

Р.Н. Лейни

Саратовский государственный технический университет им.

Ю.А. Гагарина

R.N. Leyni

Saratov State Technical University

«Состояние постмодерна» не раз становилось предметом пристального внимания и изучения философов, социологов, культурологов, ли-
662

тературоведов и лингвистов, объединенных общим желанием осмыслить процессы, происходящие в мировой современной культуре. Объединяя порой весьма противоречивые и неоднозначные тенденции, постмодернизм становится одной из устойчивых характеристик современного массового искусства, естественно репродуцирует новые виды творческой деятельности. «Лабиринтами» постмодернизма можно назвать не только доминирующие культурные формы, но и детерминанту образа мыслей человека конца двадцатого – начала двадцать первого столетия. Подобная диффузия постмодернизма обнаруживается и в самой сущности таких «молодых» профессий, как рекламист, дизайнер, пиарщик, копирайтер, спиндоктор.

Постмодернистская установка на диалог стилей, голосов и точек зрения предполагает активное воздействие и влияние на массовое сознание. Современные продукты рекламного и дизайнерского творчества стремятся говорить на языке «большинства», на языке своего времени и тем самым становятся основным носителем стиля постмодерна. Реклама, дизайн, постмодернизм обладают большим объемом общих характеристик, что и позволяет рассматривать их как взаимообусловленные явления современной культуры.

Традиционно дизайнерское воплощение рекламы основывалось на использовании символа. Символическое изображение объекта подключает более информационно насыщенные сферы. Именно так трактует символ П. Флоренский, когда говорит, что символ больше себя самого. Современное символическое рекламное изображение строится по принципу конструктора. Символы, образы и детали «выдергиваются» из разных стилей и собираются в новый визуальный образ, создавая новую эклектическую реальность. Современные рекламные символы, в отличие от традиционных, не только «больше себя самих», но предоставляют множество интерпретаций.

Одним из хорошо узнаваемых по всему миру логотипов является надкушенное яблоко Apple, которое сознательно продуцирует различность прочтения. Для знатоков истории создания этого логотипа актуальным остается символ яблока как «озарения» Исаака Ньютона; использование символики яблока, раскрашенного в цвета радуги, позволяло создавать инсинуации о поддержке Apple сексуальных меньшинств, этот образ прочитывался и как своего рода знак уважения перед математиком и криптографом Аланом Тьюрингом. Таким образом, миф нарушения запретов, анархия пересекается с архетипом перемены ценности жизни. Постмодернистская незавершенность интерпретаций дизайнер-

ских работ остроумно умножается возможностью пародийного использования. Объектом опытов шведского дизайнера Виктора Хертца стал логотип компании Apple: используя пародийную технику трибьюта, дизайнер бесконечно продлевает поиск новых смыслов [Креативные логотипы Apple. 5.].

Сравним подобное функционирование логотипа с постмодернистским представлением о реальности. По мнению Ж. Бодрийера, постмодернизм сосредоточился не на отражении, а на конструировании, моделировании действительности. Современный мир функционирует как «мир-текст», мир видимостей, симулякров – фантомов сознания, мало соотносимых с реальностью, но воспринимаемых гораздо реальней, чем сама реальность. Такой мир Ж. Бодрийер называет гиперреальностью [2. С. 45].

В современной рекламе мы имеем дело с постмодернистским миром-текстом, миром симулякров, отсылок к текстам различных культур, искусств и жанров. В рекламе идет поиск нового, которое рождается из диалога со старым. Новое смысловое поле рождается в соприкосновении с коммуникативным полем прошлого, при этом используется «авторитет» первоисточника. Наиболее яркими примерами, на наш взгляд, является создание серии рекламных видеороликов режиссером Тимуром Бекмамбетовым «Всемирная история. Банк «Империял»», использование исторического колорита и исторических персонажей в рекламе сушиков с Павлом Волей.

Рекламное порождение смысла основывается на принципах римейков, когда за основу берется известное произведение искусства прошлого, знакомые широкой публике цитаты, герои, ситуации из канонических текстов – будь то кинофильм, произведение живописи, музыки, театра, рекламы, моды, но трактуется чаще всего пародийно, в соответствии с новым содержанием.

Распространенным рекламным ходом становится использование стилистических цитат. Создаваемый рекламный текст представляет собой стилизацию под рекламу 30-х или 70-х годов. В российской рекламе пришло время «освоения» соц-арта с соответствующими тому времени реалиями, ключевыми фигурами и понятиями. Саратовский рекламный рынок также включается в общую тенденцию стилистического цитирования прошлых эпох. Частым примером последних лет становится использование советских лозунгов.

Включение штампов и идеологем в рекламный текст, сочетание разнотипных словарных элементов способствуют моделированию разо-

рванной, потерявшей свою индивидуальность действительности. Как в постмодернистском, так и в рекламном дискурсе современная реальность рассматривается как огромный, непрерывный текст, в котором все уже когда-то было сказано. Новые комбинации и интерпретации возможно получить лишь случайно, при смешении отдельных элементов.

Подобная постмодернистская игра историческими клише и реальностями способствует развитию новых видов дизайнерского мастерства, например, использование 3D-рисунков на асфальте. Дизайнеры по образованию Эдгар Мюллер, Курт Веннер и Джулиан Бивер создают трехмерные оптические картины-иллюзии. Нарисованная цветными мелками реальность создает иллюзию включенности рисунка в действительность. Кстати, некоторые корпорации охотно используют подобные рисунки в качестве рекламного продвижения собственных брендов. Потребитель такой дизайнерской и рекламной продукции погружается в искусственно сконструированную квазиреальность, имеющую иллюзорно-чувственный характер, свойственный постмодернистской «зрелищности». Таким образом, реальность формирует сферу инобытийности, обеспечивающей беспрепятственные взаимопереходы реального и нереального без всякого сопротивления со стороны воспринимающего сознания.

Психологическая и эстетическая привлекательность рекламных и дизайнерских текстов в определенном смысле может быть охарактеризована как проявление феномена маргинализма – специфического фактора именно постмодернистского модуса мышления и самоощущения творческой интеллигенции XX в. И.П. Ильин отмечает, что собственно позиция нравственного протеста и неприятия окружающего мира, та позиция всеобщей контестации, получившая специфическую трактовку в постмодернизме, приобретает статус центральной идеи – выразительницы духа своего времени [3. С. 21–22.]. Слова Александра Елизарова, руководителя РА «Мир», открыто заявившего в интервью AdLife: «По большому счету, мы – рекламисты – занимаемся ерундой» [6] подтверждают постмодернистскую маргинальность и периферийность профессиональной деятельности современного специалиста по рекламе.

Другой исследователь утверждает, что современная реклама не направлена на прямую покупку товара. «Целью рекламы является включение нас в ее структуру значений, побудить нас к участию в декодировке ее лингвистических и визуальных знаков и получить удовольствие от этой деятельности декодирования» [1, С. 69.]. По мысли современных коммуникативистов, техника рекламы состоит в создании кор-

реляции между чувствами, ощущениями и материальными объектами, то есть недостижимое привязывается к достижимому. Реклама, действительно, достаточно частотно связывает определенные социальные значения (например, уверенность в себе, дружеское расположение другого) с кофе, жевательной резинкой.

Как можем заметить, современная деятельность рекламиста и дизайнера располагается на территории постмодернизма, отвечая тем самым на запросы духа времени, в то же время питает и способствует распространению постмодернистского самоощущения в творческой среде XX – XXI вв.

Литература

1. Цит. по: Почепцов Г. Коммуникативные технологии двадцатого века. – М., 1999.
2. Бодрийяр Ж. Злой демон образов / Ж. Бодрийяр // Искусство кино. – 1992. – № 10.
3. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М., 1998.
4. Маньковская Н.Б. «Париж со змеями» (введение в эстетику постмодернизма). – М., 1995.
5. Рекламисты о своей профессии. <http://www.dv-reclama.ru/others/articles>

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ ИНДИВИДА КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

POSTMODERNISM AS A LIFESTYLE OF THE INDIVIDUAL IN THE END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURIES

М.С. Лыцев

Нижегородский государственный технический университет им.

Р.Е. Алексеева

M.S. Lystsev

Nizhny Novgorod state technical University in the name

of R.E. Alekseeva

Анализируется и описывается история становления постмодернизма, как общественного явления, влияние постмодерна на индивидов, на их образ жизни, на самые различные сферы жизни общества.

In article the history of formation of a postmodernism as the public phenomenon, it renders influence of a postmodern on individuals, on their way of life and what

value on the most various spheres of life of society, such as fashion, policy, etc. is analyzed and described.

Ключевые слова: постмодернизм, постмодерн, общество потребления, мировоззрение, яппи, мода, шоу, политика.

Keywords: postmodernism, postmodern, consumer society, outlook, yuppie, fashion, show, policy.

Постмодернизм – явление достаточно молодое: его возраст составляет около 40 лет, как общественный феномен он проявился в 1970-е годы. Многие связывают его рождение с публикацией книги «Пределы роста» подготовленной Римским Клубом в 1972 г. Некоторые ученые утверждают, что особую роль в его появлении и становлении оказал труд французского философа Ж.Ф. Лиотара «Становление постмодернизма», вышедший в 1979 г. Эти и другие труды западных ученых вызвали большой резонанс и оживленные споры, которые впоследствии помогли постмодернизму как общественному явлению получить окончательное признание.

В 1980-е гг. постмодерн начинает постепенно распространяться по всему миру (страны Третьего мира, Восточный блок) и достигает впечатляющего успеха. Благодаря СМИ он становится модным трендом, знаком времени и своеобразным пропуском в круг избранных и посвященных.

По мнению многих исследователей, постмодернизм – это особое духовное состояние, которое могло возникнуть и реально возникало в различные исторические эпохи на их завершающей стадии. В этом смысле постмодерн выступает как трансисторическое явление, которое проходило или проходит через различные эпохи, и поэтому его нельзя ограничивать какой-т определенной эпохой. Другие ученые, наоборот, определяют постмодернизм как уникальную эпоху, которая зародилась в период становления постиндустриальной цивилизации.

Опасность политической катастрофы после Второй мировой войны заставила правящие элиты западных стран пойти на определенные уступки. Благодаря этому непосредственной целью экономик развитых стран стало не только получение прибыли, но и потребление, которое охватило большинство населения данных государств. Новая ситуация привела к уменьшению уровня социальных противоречий и создавала приемлемые условия существования индивида, которые распространи-

лись на две трети общества. В 1950-е гг. в США и на 1960-е гг. в Европе возникает «общество потребления».

В социальной сфере постмодернизм соответствует «обществу потребления», основные характеристики которого выглядят не четкими, а скорее размытыми. В нем нет четко выраженной классовой структуры. Главное условие – уровень потребления, который выступает основным критерием деления на определенные социальные страты.

В таком обществе основной фигурой является «яппи». Это представитель так называемого «среднего класса». Он лишен «интеллигентских комплексов» и должен уметь «наслаждаться жизнью», принимая условия постмодерна. Но при этом он может быть не уверен в своем благополучии. Между городом и деревней такой индивид явное предпочтение отдаст городу и его образу жизни, так как его он считает в определенной степени «более нравственным и чистым».

Другой фигурой является «зомби» – определенное запрограммированное существо, которое лишено в какой-то мере некоторых свойств личности. Данная фигура не может или не хочет самостоятельно мыслить или действовать. Это современный массовый человек, которого можно сравнить с плеером, подключенным к телевизору, без которого он не может полноценно работать.

Мировоззрение таких людей в определенной степени лишено фундамента, так как формы их идеологии выглядят размытыми. Они как бы поражены апатией. Иногда такую идеологию называют «софт-идеологией», то есть мягкой и нежной. В ней может мирно уживаться то, что раньше считалось несовместимым или диаметрально противоположным.

Данное положение может объясняться тем, что мировоззрение таких индивидов лишено устойчивого внутреннего ядра. Например, в средние века такую функцию выполняло религиозное мировоззрение, в эпоху модерна – сначала философское, а затем научное. Однако постмодернизм развенчал авторитет науки, но взамен ничего не предложил.

Мироощущение или миропонимание таких людей можно определить как неофатализм. Его особенность заключается в том, что индивид не воспринимает себя хозяином своей судьбы и обязанным всем самому себе. Да, можно сказать, что «яппи» является активным и самоуверенным человеком. Однако даже он вполне понимает, что многое в его жизни зависело и зависит от удачи или везения. Такие люди не могут сказать, что они начинали с нуля и достигли вершины без везения или самостоятельно.

Общество постмодерна теряет интерес к «целям» – не только к великим и возвышенным, но даже скромным. Если ранее «цель» была ключевой ценностью, то сейчас она перестает или перестала быть таковой. Как отмечают многие философы, в наши дни наблюдается «атрофия целей». Причиной этого явления заключается в разочаровании в идеалах и ценностях, в «исчезновении будущего», которое как бы пропало.

Образ жизни индивида XXI века становится все более циничным и проявляется в отказе от прежних этических норм и ценностей. Этические нормы уступают место «эстетическим», а они принимают форму гедонистических, во главу угла ставится культ физических наслаждений.

В такой культуре главенствующее положение занимает масскульт, а в нем – мода. Некоторые западные исследователи считают моду главным и ключевым ядром всей «постмодерной жизни». Действительно, именно мода в настоящее время выполняет ту мировоззренческую роль, которую раньше играли религия, философия и наука.

Современная мода, в определенной мере, все обосновывает и узаконивает. Все, что пришло не через моду, не может быть признано и не имеет права на развитие и даже на существование. Современные научные теории или взгляды, чтобы получить признание и дальше развиваться, вначале должны стать «модными». Их ценность может не зависеть от внутренних достоинств, но они должны быть внешне эффектными и привлекательными.

Однако всё, что связано с постмодерном, в том числе и мода, как известно, мимолетно и непредсказуемо. Эта особенность постмодернизма оставляет печать на всей жизни, что делает её всё более эфемерной или неустойчивой. Поэтому западные ученые называют постмодерн «эрой пустоты».

Одной из главных черт постмодернизма является театрализация, которая захватила многие сферы жизни. Практически все «главные» события принимают или приняли форму яркого и эффектного шоу, в том числе и политика. Например, выборы кандидатов в президенты (праймериз) и сами выборы президента США превратились в голливудский фильм. Политика перестала быть местом активной и серьезной деятельности человека-гражданина. «Политические войны» настоящее не ведут и не приведут к революции, так как в них нет глубины, остроты противоречий и достаточной энергии. Политика становится игрой, в какой-то мере определенным видом спорта. Но удивительно, при этом её роль в

жизни общества не уменьшается, а возрастает. Современная политика в некотором смысле стала «религией» постмодерного человека.

Таким образом, индивид XXI века становится пессимистической, гедонистической личностью, которая может испытывать ностальгию, но при этом вернуться уже не может, так как он полагается не на свои возможности, а на волю случая или удачу. Постмодернизм как явление становится ключевой и главной единицей в устройстве любого общества.

Литература

1. Силичев Д.А. Постмодернизм: экономика, политика, культура / Д.А. Силичев. – Учебное пособие. – М., 1998. – 196 с.
2. Шепель В.М. Выборы президента США – мастер-класс по «PR» и репутационным технологиям. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.msk-pr.ru/xfiles/articles-pr/146.html>
3. Ермилова Г.И. Постмодернизм как феномен культуры конца XX века. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Ermilova/>

МАЛЫЕ ГОРОДА: ДИАЛЕКТИКА КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ И НОВАЦИЙ **SMALL TOWN: DIALECTICS OF CULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS**

А.С. Ляховец
*Российский государственный социальный университет
в городе Ивантеевке*
A.S. Lyachovec
Russian state social University in the city Ivanteevka

Для анализа роли малых городов России как создателей и хранителей ценностей отечественной культуры наиболее значимыми из множества определений культуры являются два нерасторжимо связанных понятия, раскрывающих социальное и индивидуальное бытие культуры. Это – характеристика культуры как огромной искусственной среды, окружающей человека, а также понимание культуры как формы и способа деятельного бытия человека, где в полной мере раскрывается его созидательная, а потому творческая инновационная и гуманистическая природа.

Для отечественных работ, посвященных анализу культуры, характерно понимание культуры как сферы гуманитарного знания, основани-

ем которого является принцип гуманизма, сформулированный Протагором еще в античные времена. Этот тезис, утверждает, что «человек есть мера всех вещей», а потому все ценности и артефакты культуры надбиологичны и всегда имеют гуманистический характер.

Современное отечественное обществознание рассматривает культурную традицию как базисный элемент любого культурного наследия, которое передается от поколения к поколению, т. к. культурная традиция является определенным объектом, имеющим конкретную материальную и духовную ценность для всего общества. Этот процесс реализуется в разных формах: в непосредственных деятельных контактах поколений через игру, учебу, труд, а также и опосредованно через приобщение подрастающих поколений к литературе и произведениям искусства. Естественно, что немаловажную роль в приобщении или отрицании культурных традиций общества играют современные СМИ, воздействующие на формирование определенной направленности массового сознания.

Культурные традиции – это постоянно действующие процессы передачи множества самых разнообразных социальных установлений – норм, ценностей, идеалов, стереотипов сознания и стандартов поведения, а также обрядов и обычаев, в том числе суеверий и предрассудков. Эти процессы преемственности обеспечивают более высокую сплоченность, стабильность и взаимопонимание между членами общества, а значит, способствуют выживаемости всего этноса, что особенно необходимо в эпоху радикальных социальных перемен.

Существуют различные каналы трансляции культурных традиций, бесспорно, главнейшим из них является непосредственный контакт людей разных поколений, который способствует овладению определенными навыками поведения, культурными ценностями и нормами, одобряемыми авторитетными членами общества. Наиболее значимым социальным институтом, передающим базовые культурные традиции, является семья, которая осуществляет первичную социализацию подрастающих поколений, приобщая их к родному языку, образу жизни, стандартам поведения, нормам морали, профессиональным канонам, политическим симпатиям/антипатиям старших поколений, формируя также и художественный вкус подрастающих поколений и их понимание Добра, Красоты, Блага.

Вторым по значимости социальным институтом – транслятором культурных традиций является среда ближайшего социального окружения, когда в процессе непосредственных контактов со «значимыми дру-

гими» и всеми членами референтных групп, происходит постепенная интериоризация человеком норм и культурных традиций этих малых групп и у личности формируются не только стереотипы сознания, но и устойчивые фиксированные установки, определяющие большинство стандартов поведения человека.

Третий по значимости социальный институт, который формирует как общую направленность личности, так и ее социокультурную заданность – все учреждения масс-медиа. Они ориентируют массовое сознание населения на ценности общества потребления и либеральную идеологию. Им принадлежит главная заслуга в формировании амбивалентной и мозаичной современной картины мира и адекватного ей мировоззрения подрастающих поколений – главных потребителей продуктов масс-медиа.

Существующая в современном российском обществе система образования, понимаемая как формальная информационно – репродуктивная система передачи готового знания и как способ передачи канонических письменных текстов, в настоящее время уступает свое место другим каналам социализации. Это стало особенно очевидным в последние десятилетия, в ходе реформ российского образования, предполагающих его настойчивую коммерциализацию и многоуровневость. Не менее значимы и другие каналы социализации в России, например, религиозные учреждения, которые формируют не только религиозное сознание, но и этноидентификацию верующих, зачастую не совпадающую не только с их гражданской принадлежностью, но и с их очевидной укорененностью во всех сферах русской культуры. Характерно, что для формирования определенных культурных традиций в сфере труда имеют значение как существующие в настоящее время разные формы собственности, разнообразные материально-технические и технико-технологические характеристики, а также и разные формы культуры труда, которые существенным образом влияют на эффективность и сплоченность или конфликтность в процессе трудовой деятельности.

В эпоху радикальных перемен, когда происходят разительные трансформации во всех сферах жизни общества, существенно меняется и роль культурных традиций, уступающих другим, инновационным и по существу революционным изменениям.

Данные Всероссийской переписи 2010 года показывают, что с начала перестройки существенно выросло население больших городов страны, в первую очередь мегаполисов, за счет внутренней, а также и внешней миграции, а это ведет к существенной маргинализации населения мега-

полисов, а значит и к постоянному росту девиантного и делинквентного поведения всех возрастных групп горожан, проживающих в мегаполисах.

По последним статистическим данным на 1 января 2011 года статус малого города (с населением до 50 тыс. человек) в современной России имеют 784 города, т. е. более 70% ото всех городских поселений в стране. В них проживает около 20% всего городского населения страны. Данные статистики показывают, что численность населения малых городов РФ постоянно сокращается как за счет продолжающейся депопуляции страны, так и за счет внутренней миграции, характерной для молодых поколений, которые стремятся получить профессию и оптимальное трудоустройство в таких городах, которые имеют явно выраженный финансово-экономический и социокультурный рост.

Другими словами, в современной России малых городов, где на протяжении многих десятилетий сохранялись лучшие культурные традиции и укреплялись фундаментальные основы отечественной ментальности, образа жизни и стандартов поведения, становится все меньше, а продолжающееся сокращение населения страны и сильная внешняя и внутренняя миграция в мегаполисы существенно осложняют процессы этносоциокультурной идентификации и стабилизации российского общества, т.е. сохранения необходимых старых и становления его новых культурных традиций.

Жизнь показывает, что основу культуры малого города определяют не столько финансы, властные структуры, экономическое процветание или близость к столице, а, в первую очередь, население города или его человеческий капитал. Для культурных традиций большинства малых городов Подмосковья в доперестроечный период были достаточно характерны: преимущественно высокий образовательный уровень населения, высокий профессионально-квалификационный уровень работающего населения, занятого преимущественно на предприятиях ВПК. Наличие такого рода предприятий в городах существенно улучшало их социально-бытовой и духовно-культурный уровень. Для населения малых городов той исторической эпохи была характерна моноэтничность и практически полное отсутствие внешних мигрантов при достаточно высокой маятниковой миграции населения городов в Москву – на работу и учебу.

Население большинства малых городов Подмосковья, имеющих многовековую историю, в силу особенностей отечественной модели городских поселений, вело полудеревенский образ жизни, т.е. всегда имело какое-то приусадебное хозяйство. И хотя местная власть неодоб-

рительно относилась к этому «частному сектору», этот объективно-необходимый уклад хозяйствования сформировал у них трудолюбие, высокую культуру и эффективность труда. Приусадебные огороды Подмосковья снабжали не только своих хозяев, но и столицу необходимыми овощами, фруктами, зеленью. Жизнь этой части жителей подмосковных городков в полной мере уже тогда соответствовала еще неизвестной большинству советского городского населения «стихии рынка мелких производителей», именно этот рынок, а не поголовная ваучеризация всей страны, исподволь закладывал основы будущего цивилизованного рынка в России, равно как и базисные основания реального, а не иллюзорного среднего класса.

Немалое число подмосковных городов возникло как города-спутники ВПК и наукограды, вроде Дубны, Черноголовки, Протвино и др. Они имели не только высококвалифицированное население, но в полной мере представляли интеллектуальную мощь страны. В ходе становления рынка, который сопровождался приватизацией и последующей деиндустриализацией экономики, эти города в течение двух десятилетий не получали необходимого государственного финансирования наукоёмких производств и фундаментальной науки. Там произошли свои радикальные перемены, связанные с потерей уровня квалификации населения эти города специалистов ВПК, утративших не только высокооплачиваемую работу, но и уверенность в завтрашнем дне.

Отнюдь не каждый наукоград, как например Черноголовка, сумел быстро найти свою нишу на рынке актуальных потребительских товаров, поэтому в них немалая часть населения вынуждена была радикально переквалифицироваться, обеспечивая свою занятость в других сферах труда, а наиболее молодые и решительные предпочли уехать работать на ПМЖ за рубеж.

Особняком стоят социокультурные проблемы тех подмосковных малых городов, которые имели особый статус, т.к. были связаны с армией, размещением военных и подобных им гарнизонов в особых «режимных» городских поселениях, культурные традиции которых, несомненно, обладали своей спецификой. В ходе радикальных трансформаций, коснувшихся всех сфер жизни российского общества, немалое число таких городков оказались ненужными ни силовым структурам, ни тем более, муниципальной власти, что определило жизненную стратегию большинства этого населения в режиме выживания.

В настоящее время малые города не только нашей страны, но и всего мира, реализуют в своей повседневной жизнедеятельности особую эт-

нососоциокультурную миссию, связанную с существованием культурных традиций, обеспечивающих сохранение норм, ценностей и идеалов, необходимых этносам в условиях все усиливающихся процессов глобализации.

Именно в малых городах в полной мере раскрывается специфика современных массовых диаметрально противоположных социокультурных процессов – глобализации и локализации.

Надо отметить, что локализация в полной мере выражает очевидную и достаточно сильную общепланетарную тенденцию к самоидентификации народов и государств. Выдвинутая Р. Робертсоном концепция глокализации отражает процесс глобального, идущий «снизу», от локальных интересов. Это предполагает единение глобальной институализация всего мира и одновременно с тем локализацию всего глобально[1].

Р. Робертсон подчеркивает, что глобальные и локальные тенденции, в конечном счете, взаимодополняемы и взаимопроникают друг в друга, хотя в конкретных случаях между ними могут быть и столкновения. В настоящее время любой глобальный продукт должен быть так адаптирован, чтобы в полной мере соответствовать локальному потребителю. При сложении элементов глобального и локального интересов на основе взаимной комплементарности и взаимодополняемости возникает более высокий уровень удовлетворенности как индивидуально-личностных, так и общественных интересов.

Приостановить стагнацию малых городов современной России может только новейшая модернизация их финансово-экономического и социально-политического потенциала, неотъемлемыми составляющими которого являются не только отыскание инвесторов, заинтересованных не в «быстрых барышах», а в процветании всей городской инфраструктуры, ориентированной на существенное улучшение жизни населения малых городов. Немаловажную роль при этом призваны сыграть образовательные центры малого города, которые становятся базисным основанием реальной, а не декларируемой модернизации, они готовят специалистов, которые не только могут, но и хотят создать на своей малой родине новую жизнь, отвечающую перспективам и реалиям XXI века.

Литература

1. Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. L. 1992.

**КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ
И СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В XXI ВЕКЕ**
**COMMUNICATIVE SPACE OF CULTURE AND THE FORMATION
OF A PERSONALITY IN THE TWENTY FIRST CENTURY**

Н.Д. Мостицкая

Московский государственный университет культуры и искусств

N.D. Mostitskaya

Moscow state University of culture and arts

Рассматриваются особенности организации коммуникативного пространства культуры на примере праздничного ритуала и влияние специфических форм коммуникации на становление личности.

The article considers the peculiarities of the organization of communicative about-the space of culture on the example of the festive ritual, and the influence of specific forms of communication on the formation of a personality.

Ключевые слова: информация, коммуникативное пространство, становление личности, традиции праздника.

Keywords: information, communicative space, the formation of a personality, the traditions of the holiday.

Для современных исследователей процессов глобализации интерес представляет проблема коммуникативного или информационного пространства, поскольку оно является жизненной субстанцией для новой цивилизации, а потому философское и культурологическое осмысление статуса информации в культуре представляет собой актуальный дискурс.

Согласно современным дефинициям, «информация существует независимо от нашего сознания и может иметь отражение в нашем восприятии только как результат взаимодействия: чтения, получения в виде сигнала, стимула» [1]. Информационное пространство может быть представлено метафорически как некое поле, среда, доставляющее питательные вещества для развития человека. Культура объективирует информационное пространство в культурных кодах, знаках, символах, предметах, тем самым обеспечивая его объективное существование как материи. Коммуникативными формами в культуре являются ее традиции, обряды, ритуалы, которые, в свою очередь, могут быть нами рассмотрены как каналы коммуникации.

Определение статуса информации в культуре нельзя рассматривать вне бытия самой личности, поскольку информационное пространство есть та среда, которая позволяет человеку осознать себя личностью, ориентирует на определенные интересы и смысложизненные цели. В зависимости от важности и значимости для культуры в целом тех или иных знаний формируется соответствующий способ и символически-знаковая форма передачи этой информации и выбирается информационный канал.

Поскольку знания в культуре не являются однородными, а дифференцируются по степени их значимости, обеспечивая тем самым сохранение жизненного потенциала культуры в целом, соответственно структурируется коммуникативное пространство, в котором более важные знания будут представлены в максимально заразительной для восприятия форме. Так, очевидным становится неоднородность этого пространства, соответственно, анализируя его в категориях системного подхода, приходим к идее иерархического построения внутри коммуникативной системы. Если рассматривать любую коммуникацию как форму связи с жизненно важным элементом системы, передаваемую информацию можно рассмотреть в иерархическом порядке по релевантности.

К числу таких целостных информационных блоков, адаптированных для передачи наиболее значимой в культуре информации, относится праздник как форма культурной традиции. Методологически определяющим для культурологического исследования феномена праздника послужили системный и структурно-функциональный подходы, а также работы Климента Александрийского, Иоанна Зизиуласса, иеродиакона Серафима (Чуркина), в которых встречается точка зрения на праздник как форму общения с Богом. В светской литературе сакральные основы и функциональные особенности праздника изучали такие исследователи, как К. Жигульский, О.Л. Орлов, М. Элиаде, Ф. Путинцев, А.И. Мазаев, С.Б. Адоньева и другие. В современном энциклопедическом словаре культурологи выделяют характерную черту праздника – его связь со сферой сакрального. Он исцеляет, то есть «делает «целой» раздираемую конфликтами человеческую общность» [2, с. 135], и не только общность, но позволяет обрести целостность личности. Целостность мироощущения задается именно в коммуникативном пространстве праздника, а потому способы построения коммуникации, позволяющие человеку фиксировать моменты собственного развития или изменения по отношению к окружающему миру, заслуживают особого внимания, поскольку раскрывают специфику становления личности. При этом, чем

большее значение для морфологии культуры имеет передаваемая информация, тем более заразной и эмоционально насыщенной должна быть ее форма, поскольку в этом случае осуществляется комплексное воздействие на память.

Рассмотрим для примера формы коммуникации в ритуалах христианского праздника, в которых объективируется антропологическая концепция культуры. Согласно христианской антропологии, основу личности составляет сложная иерархическая структура взаимного подчинения тела душе, а души духу. На строгость такой иерархической целостности указывал Святитель Феофан Затворник. С его слов, мы можем рассматривать формирование целостной личности как процесс восстановления духовно-душевно-телесной иерархии. Личность, выстраивающая свою жизнь по иерархическому принципу, обретает целостность, символически интерпретируя для себя ритм обыденной практики. По высказыванию М.С. Кагана, «целостность... есть качество, обусловленное содействием всех ее частей той части (подсистеме, элементу), которая в данной деятельностной ситуации является основной "ударной силой" в решении конкретной задачи» [3]. В данном случае «конкретную задачу» определяет сакральный центр иерархической системы, в христианстве им является непосредственно идея «обожения» как уподобления образу Иисуса Христа. Соответственно, организация постоянного и непрерывного символически опосредованного общения или трансцендентной коммуникации с личностью Христа есть основная функционально обусловленная задача любых культурных феноменов, созданных в рамках христианской культуры, способствующих формированию целостного мировоззрения личности.

Условно конструкция праздника может быть представлена в трех частях: подготовка, таинство, «личностное самоопределение». Первый этап – это психологическая и физиологическая подготовка (пост – подчинение тела душе и духу), второй – яркий ритуализированный обряд (подчинение души духу), и третий – импульс и настрой для максимальной реализации творческого потенциала в направлении становления собственной личности, ориентирующейся на идеал личности Христа (самоактуализация духа). Форма проповеди, как и искусство храмового оформления, необходима для подчинения чувственной и рациональной психической природы, «настройки» на молитвенное состояние, форма молитвы служит способом трансцендентного диалога с Богом. Символически значимый и художественно оформленный обряд таинств Покаяния и Евхаристии позволяет переживать трансцендентную реальность

Богоприсутствия, объективированную посредством сакральной символики. Таким образом, культура организует коммуникативное пространство в христианском празднике в соответствии с антропологической иерархией, и, как следствие, обеспечивается целостность личности.

Современное коммуникативное пространство моделируется в зависимости от возможностей научных технологий. Технические коммуникационные средства связи, обладая своей символической условностью, позволяют облекать в заразительно-эмоциональную форму любую информацию вне зависимости от ее иерархической значимости для человека. А этот «демократизм» способствует лишь формированию личности, отзывающейся на более яркие образы и не нацеленной на получение системного и структурообразующего знания, т.е. происходит разбалансировка информации или разрушение иерархических форм ее передачи, что ведет к разрушению целостного мировоззрения. Таким образом, надо отметить, что целостность личности формируется благодаря задаваемой иерархии в коммуникативном пространстве, где наибольший акцент ставится на сакральных коммуникациях, определяющих смысложизненные ценности, цели, а потом по релевантности актуализируются все формы коммуникации. Критерии релевантности для каждой культуры определяются индивидуально.

В XXI веке предлагается альтернативное получение информации, благодаря техническим способам ее распространения, что дает человеку возможность самостоятельно выбирать смысложизненный вектор, относительно которого и будут иерархически построены коммуникативные каналы. Но в этом случае надо отметить, что концентрация внимания на зрелищных формах передаваемых сообщений позволяет создателям ярких образов легко манипулировать зрителями и благодаря использованию заразных средств оформления информации предлагать людям знание, подчас деформирующее иерархию коммуникационного пространства традиционной культуры и, как следствие, разрушающее целостность личности.

Литература

1. Информация. URL:<http://ru.wikipedia.org/wiki/Информация>.
2. Культурология: энциклопедия. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 2.
3. Каган М.С. Целостность. URL:www.psylib.org.ru
4. Жигульский К. Праздник и культура. М.: Наука, 1985.
5. Зизиулас Иоанн, Митрополит. Бытие как общение: Очерки о личности и Церкви/предисл. Прот. Иоанна Мейендорфа; пер. с англ. Д.М. Гзгзяна. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2006.

6. Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Клин: Христианская жизнь, 2004. С. 43–47.

7. Чуркин Серафим, Иеродиакон. Путь святых праздников. СПб.: САТИС ДЕРЖАВА, 2006.

**РОЛЬ СМИ В СОХРАНЕНИИ САМОБЫТНЫХ КУЛЬТУР
И ТРАДИЦИЙ НАРОДОВ РОССИИ**
**THE ROLE OF MEDIA IN PRESERVING NATIVE CULTURES AND
TRADITIONS OF THE PEOPLES OF RUSSIA**

О.Н. Савинова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

O.N. Savinova

Lobachevsky University of Nizhny Novgorod

Рассматривается роль СМИ в обеспечении согласия в этноконфессиональной сфере, ответственности корпоративного журналистского сообщества в реализации задач, поставленных перед прессой в Стратегии государственной национальной политики РФ.

The article discusses the role of the media in ethnic and religious harmony, the corporate responsibility of the journalistic community in the implementation of the tasks assigned to the press in the National Strategy for Public Policy of the Russian Federation.

Ключевые слова: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, межкультурный диалог, этнополитический дискурс, толерантность.

Keywords: strategy of the state national policy of the Russian Federation, intercultural dialogue, ethno-political discourse, tolerance.

Публичное обсуждение проекта и принятие основополагающего для современного многонационального и многоконфессионального российского общества документа – «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» стало важной вехой в определении приоритетов в деятельности государственных институтов, общественных организаций, экспертного научного сообщества, средств массовой информации по обеспечению согласия в этноконфессиональной сфере.

В принятом документе, в частности, подчеркивается, что государственная национальная политика социально обусловлена и носит меж-

отраслевой характер. Одна из задач Стратегии в сфере культуры и информации – сохранение самобытных культур, исторического наследия и традиций народов многонациональной России.

Исторический опыт взаимовлияния культур диктует необходимость следования культурной традиции и формированию межкультурного диалога в новых условиях. Это особенно важно сегодня, когда активно развиваются процессы интеграции, современные технологии и коммуникационные возможности «сжимают» пространство и время, в ответ на вызовы современного мира активно развиваются новые massmedia.

Печать, электронные СМИ, вошедшие в каждую семью, усилили зависимость между направленностью информации и мышлением, поведением человека. Информация стала властью над психикой человека. Из коммуникативного инструмента СМИ давно превратились в самостоятельную социально-политическую силу, субъект социально-политического процесса. Выражение «четвертая власть» все чаще пишут без кавычек, активно введен в оборот и новый термин: медиакратия.

При этом нынешний этап развития и распространения СМИ совпал с особым временем в развитии не только России, но и всего мира. И страна и мир находятся в состоянии трансформации, в состоянии нового социального порядка, новой системы глобальной экономики, новой системы международных, межнациональных, межконфессиональных отношений. Это становление нового, как всегда, сопровождается кризисами, что делает роль СМИ еще более важной, требует от средств массовой информации новых качеств, новых функций. Важнейшая из них: способствовать преодолению кризисов, не допустить эскалации межнациональной розни, формировать в обществе толерантность, без которой невозможен гражданский мир.

В Приволжском федеральном округе, где тесным образом переплетаются три мировые культуры – русская культура, культура тюркских народов и финно-угорского мира, где представлены все традиционные мировые конфессии, выходит около 7 000 газет и журналов, из них 6% на одиннадцати языках народов России. При этом речь идет не только о языках титульных этносов, но и о других языках той части населения региона, которая находится в ситуации этнического меньшинства.

Вместе с тем, говоря об общих тенденциях развития современных СМИ, зафиксируем, что их деятельность в сфере освещения межнациональных отношений носит зачастую противоречивый характер. Современная журналистика – явление многогранное, включает в себя общественно-политическую, социокультурную, корпоративную, гламурную,

т.н. «желтую» прессу и д.р. В ситуации коммерциализации прессы некоторые издания утратили культурно-образовательную функцию, при этом гипертрофированно развивается функция релаксации.

Так, обладая огромным просветительским потенциалом и возможностью всеохватного и практически моментального воздействия на аудиторию, пресса, к сожалению, не всегда использует эти возможности во благо, тиражируя низкие стандарты культуры, используя «язык вражды» и нагнетая ксенофобию. По данным Института этнологии и антропологии РАН, среди актуальной этнической тематики российских СМИ – проблемы социально-культурного развития этносов, межэтническое и межконфессиональное взаимодействие, проблемы этнического криминала в России, освещение горячих межэтнических конфликтов, раскрытие различных форм этнического экстремизма.

Вместе с тем явно прослеживается и такая тенденция, как различные акценты и подходы к освещению этнокультурной и этнополитической тематики в региональной и федеральной прессе.

На кафедре журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского был проведен мониторинг некоторых федеральных и региональных изданий, выходящих в период осени-зимы 2010–2011 гг.

Основными задачами контент-анализа было исследование количественных и качественных показателей представленности этнокультурной и этнополитической проблематики; анализ жанрового многообразия, стилистики и контекста, в которых размещаются материалы по проблемам гармонизации межнациональных отношений; оценка редакционной политики в отношении тематики межнациональных отношений.

Осень-зима 2010–2011 гг. – это известные события в Москве на Манежной площади, обострение мигрантофобских настроений в обществе. Нами был проведен контент-анализ публикаций этого периода на страницах журналов «Огонек» и «Наш дом – Татарстан».

Журнал «Огонек» – известный общественный еженедельный иллюстрированный журнал. Учредитель – ЗАО «Коммерсант», объем 54 полосы, тираж в исследуемый период – 62000 экз.

Журнал «Наш дом – Татарстан» – ежеквартальный общественно-просветительский журнал на русском языке. Учредитель – Ассамблея народов Татарстана, тираж – 10000 экз., объем – 90 полос.

Основные векторы этнополитического дискурса журнала «Наш дом – Татарстан» – проблемы взаимоотношений национальностей, проживающих в Татарстане, миграционные, взаимоотношения и диалог

национальностей на межкультурном уровне. Основные заголовки журнала – «Татарстан – Азербайджан: новый мост дружбы», «Экстремизм не пройдет!», «История Татарстана – история дружбы народов», «Мигранты стали законопослушнее», «Гости из Вьетнама». Журнал не уходит от обсуждения острых проблем в этноконфессиональной сфере, но делает это без аффектации, взвешенно, стараясь найти то, что сближает, а не разъединяет народы.

Анализ публикаций в «Огоньке» показывает акцентирование внимания к отражению негативных тенденций «вынужденного сосуществования» представителей разных национальностей: материал В. Морозова и О. Филиной «Город без приезжих» о ситуации в подмосковном Хотькове [1], где выгнали всех гастарбайтеров из города. В публикациях наблюдается частое использование таких выражений, как «белый город», «этническое очищение». В журнале печатают свои работы такие известные журналисты, писатели как Павел Шеремет, Захар Прилепин; стиль их рассуждений достаточно жесткий, резкий. Размышляя о событиях на Манежной площади в статье «Общая кровь», З. Прилепин резюмирует: «Каждый орган готов пожрать другой, не отдавая себе отчета, что кровь потечет общая» [2]. Или статья «Пример для заражения», где, в частности, говорится, что «большое количество мигрантов из стран третьего мира вернули к активной жизни ушедшие в прошлое смертельные болезни» [3]. Идет раскручивание стереотипов: в статье «Мечеть в огне» читаем: «Мусульмане – чужие, непонятные, темные, страшные» [4]. Приводится опрос: «Что беспокоит жителей Москвы? 42% опрошенных считают – пробки, 27% – приезжие. Типичные заголовки в журнале «Огонек» в исследуемый период – «Мечеть в огне», «И вам приятно зигхайля», «Мечети – призраки», «Общая кровь», «Год прозрения».

Принимая во внимание то обстоятельство, что сегодня в центре обсуждения в СМИ стали темы, которые ранее не были предметом общественной дискуссии, хотелось бы подчеркнуть важную роль корпоративного журналистского цеха в освещении такой чувствительной темы, как межнациональные отношения в современном обществе.

Взвешенная сбалансированная позиция представителей журналистского сообщества при освещении вопросов межнационального и межкультурного взаимодействия является важным фактором в установлении межнационального и межконфессионального согласия.

Литература

1. Морозов В., Филина О. «Город без приезжих» // Огонек, 2010 г. – № 46 (5155). С. 30–32.
2. Прилепин З. «Общая кровь» // Огонек, 2010 г., № 50 (5159). С. 18–19.
3. Волкова О., Тихомиров В. «Пример для заражения» // Огонек, 2010, – № 40 (5149). С. 36–38.
4. Губин Д. «Мечеть в огне» // Огонек, 2010. № 40 (5149).

**ОДИССЕЙ. ВОЗВРАЩЕНИЕ
(АКТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)
ODYSSEYS. RETURN
(ACTUAL INTERPRETATIONS)**

А.Н. Фатенков

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

A.N. Fatenkov

Nizhny Novgorod state university of N.I. Lobachevsky

Образ Одиссея и идея возвращения рассматриваются как концептуальные точки расхождения экзистенциального реализма и негативной диалектики.

Image of Odysseys and idea of return are considered as conceptual points of a divergence of existential realism and negative dialectics.

Ключевые слова: Одиссей, возвращение, экзистенциальный реализм, негативная диалектика.

Keywords: Odysseys, return, existential realism. negative dialectics.

Н.В. Гоголь, откликнувшись на перевод В.А. Жуковским гомеровской «Одиссеи», не без оснований назвал её поэтическим и нравственным образцом для всех эпох, особенно ценным сейчас, «когда слышна у всякого какая-то безотчётная жажда быть не тем, чем он есть, может быть, происшедшая от прекрасного источника быть лучше...» [1, с. 243]. Отказываться, убегать от себя, безоглядно трансцендировать – извечный соблазн, требующий преодоления, какими бы причинами и обстоятельствами он ни подпитывался. Экзистенциальный реализм солидарно, но с большей приземлённостью и упрямством, нежели мистический, фантастический реализм, противится пафосу безвозвратного. Идейный замысел Гомера экзистенциалисту понятен и дорог: «Чтоб возвращён был домой Одиссей боестойкий, – однако / Чтобы никто из богов иль людей ему спутником не был» («Одиссея», 5: 31–32; перевод

В.В. Вересаева). В лаконичной версии: «Я отправляюсь к себе» («Одиссея», 13: 61). Иное невозможно, ведь: «Слаще нам нет ничего отчизны и сродников наших, / Если бы даже в дому богатейшем вдали обитали...» («Одиссея», 9: 34-35). Герой догадывается, что путь домой будет труден, и допускает, что не все близкие и приближённые достойно выдержали разлуку. Не удивительна печаль возвращения, круговратного движения по Океану-реке. Не по безбрежным водным просторам, что примечательно, – по «реке», как водится, с истоком и устьем. Ностальгическую неопределённость пересиливает, к счастью, уверенность странника в себе и, на худой конец, убеждённости в праве возвратившегося на мсть и на восстановление справедливости.

В негативно-диалектическом ключе гомеровская «Одиссея» интерпретируется подчёркнуто критически: древнейшей репрезентацией буржуазного духа. Эллину-рассказчику, пользующемуся доступным для всех языком, вменяется в вину деструкция эзотерики мифа, разложение иерархического порядка традиционного общества экзотерической формой его описания. Притом что «будничность языка» Ф. Кафки – адекватно, спору нет, передающий ординарный ужас тотальной бюрократизации – франкфуртского философа вполне устраивает, а усложнённый, с претензией на сакрализацию отдельных лексем язык М. Хайдеггера не устраивает совсем. Очень похоже на каприз. Разумеется, отчасти можно согласиться, что хайдеггеровское письмо вербально и концептуально перегружено, излишне мудрёно. Однако сеть парадоксов Т. Адорно не многим проще. Минимизирует возможные претензии к её конструктору следующее вспомогательное толкование: М. Хайдеггер занимается «вербальным шаманством», когда уже рассеялась, исчезла культурная, созидательная аура подобных жестов, отчего они становятся антикультурными, разрушительными; Гомер, наоборот, неоправданно поспешно отказался от изысков сакральной лексики. Увы, это непрочный спасательный круг. Ибо «уже миф есть Просвещение», «расколдовывание мира» [2, с. 13, 16]. Получается, Гомер перестроился вовремя. И во всём виноват М. Хайдеггер. Вместо того, чтобы прозрачным языком обнажать непотребство павшего мира, клеймить и отречься от него и от себя, философ-словесник, защищая, вербально прикрывает сокровенно-подлинными уголки природы, культуры, экзистенции.

Главному герою античной эпопеи ставится в упрёк натурализм, в силу которого храбрый воин и законный правитель Итаки оборачивается вдруг прототипом буржуазного индивидуума, формирующегося в ходе унифицированного самоутверждения человека. Т.

Адорно вообще дегероизирует мир, полагая, что в преступной целостности современного социума «торгаши и герои стоят друг друга» [3, с. 58]. Неправда! Уныло-безнадёжный, пораженческий тезис, необоснованно абсолютизирующий опосредованность и равноценность, товарность и продажность любых социальных действий. Нечестно обвинять общество, пусть самое циничное и разнузданное, в *нашем* соглашательстве с уценкой и распродажей героического. Среда, конечно, заедает, но не настолько...

Герой – не посредник и не посредственность. Не устранившийся и не сдавшийся. Он из когорты победителей, тех, кто господствует, и прежде всего над самим собой. Внутреннее повеление удалено от лучезарной славы. Лишено невинности. Оно противоречиво и трагично. Такова обычно натура героя и всякого подлинного, не чисто номинального, субъекта общественной жизни. В определённом смысле власть над собой есть самообладание. Известная стоическая добродетель имеет, однако, неафишируемую изнанку: владение собой в качестве вещи, объекта; присвоение себя, собственной самости в качестве произведённого продукта.

Т. Адорно, вскрывая таящиеся внутри субъекта зачатки отчуждения и объективации, изрядно преувеличивает, демонизирует изъяны человека, его врождённый раздрай и неизбежность падения, омассовления. Опрометчиво поступаая, обличитель авторитаризма и тоталитаризма попадает в ловушку: чем более ущербным диагностируется человеческий род, тем нужнее надзирающее за ним политическое и религиозное око. Паллиативно и всеобщее покаяние, если наивно уповать на него: с очевидностью оно принадлежит кругу массовых явлений, недвусмысленно порицаемых критической теорией.

Развенчание героев закономерно перетекает в дискредитацию рядовых участников сопротивления социальным и экзистенциальным невзгодам, оборачивается катастрофическим ростом необоснованных претензий и обид. Так, человек, утверждающий себя в мире, обладая чем-то, хотя бы только собственной самостью, непременно почему-то оказывается потенциальным или актуальным буржуа, самодовольным и безразличным к окружающим: «в противном случае Освенцим был бы невозможен; в этом и состоит явная вина тех, кого пощадили» [4, с. 323]. Несправедливый упрёк! Т. Адорно судит нелогично и не мужски. Ведь сам тогда быстро перебрался в безопасное место, аж за океан, а теперь поучает других, переживших тяготы оккупации, тыла, передовой. Да, не все из них герои – но и далеко не все отступники. У

каждого своя, не равная остальным, мера ответственности за произошедшее и своё личное восприятие этой меры. Поборнику идеи нетождественности, различия, множественности сущего тут нечем крыть. Как, вероятно, и возразить на то, что спрос надо начинать с себя.

Одиссей Лаэртид уж точно не запятнан буржуазностью. Даже при наличии её следов в античной эпохе, он герой-воин. Академическая гуманитаристика аргументированно позиционирует гомеровский текст аутентичным образцом классического эпоса. При переходе от архаических эпических форм к классическим доминирующие прежде «шаманистские черты окончательно исчезают и полностью формируется *героическая воинская эстетика* (курсив мой. – А.Ф.)» [5, с. 63].

Герой-воин (именно воин, а, скажем, не солдат) – brutальная натура с нравственным стержнем. Одиссева brutальность – вернулся и, не церемонясь, расправился с коварными подданными и неверными наложницами – франкфуртцев коробит. Но не только она, а ещё, акцентированно, авантюризм и хитрость Лаэртида. Несомненно, он хитёр. Однако это его качество подчинено другому – стойкости, воинскому атрибуту. Бесхитростный, простодушный воин в полный рост поднимается в лобовую атаку. Хитрый воин скрытно пробирается в стан неприятеля. Оба пути достойны. Ни тут, ни там нет места формализму товарно-денежных отношений и равнодушию к близким и дальним, товарищам и противникам.

Впрочем, не авантюризм и не хитрость Одиссея раздражают негативных диалектиков больше всего. Весомее иная причина. Подступаясь к ней, сошлёмся на Милана Кундеру, обыгрывающего в романе «Неведение» некоторые важные адорновские сюжеты. На страницах произведения упоминается композитор Арнольд Шёнберг, друг философа. Обсуждается избирательность памяти и сила забвения. Проскальзывает фраза, что за родину нынче не умирают. По версии стильного европейского прозаика, Нобелевского лауреата, Одиссей «страстному постижению неведомого (приключению)... предпочёл апофеоз ведомого (возвращение). Бесконечному (ибо приключение никогда не мыслится законченным) он предпочёл конечное (ибо возвращение есть примирение с конечностью жизни)» [6, с. 10]. Трактовку, думается, можно слегка отрихтовать. Приключениям ради приключений гомеровский герой противопоставляет возвращение не без приключений. Существованию без начала и без конца он противопоставляет жизнь, сосредоточенную в её вехах и рубежах; жизнь как возвращение к истоку, так до конца и не раскрывающего нам всех своих тайн и богатств. Как бы то ни было,

кундеровская интерпретация, созвучная мыслям Т. Адорно, указывает на особенно расстраивающий их предмет. Одиссея – не пьянящее удалоехождение, не смиренное рассеяние тоски, а ностальгическое возвращение на родину. Главное, Лаэртиду есть куда вернуться. Негативному диалектику, проповедующему безначалие, вернуться некуда. Гнетущая безысходность... Оттого само слово «родина» произносится с горькой иронией. В полемике с экзистенциальной онтологией М. Хайдеггера, с метафизикой «жаргона подлинности» критик сетует: «Регресс диалектики к новой метафизике жаргон регистрирует как открытие пути в милую отчизну» [3, с. 55]. И следом: М. Хайдеггер «постулирует предустановленную гармонию между сущностным содержанием [слова. – А.Ф.] и доверительным шёпотом родины» [3, с. 63]. Зря так о сокровенном! Ладно, огрызаться и давать сдачи государству: нередко своим цинизмом и хамством оно того заслуживает. Родину подозревать не в чем и ёрничать над ней нельзя. Разве кому-нибудь ещё ты нужен? Порой суровая, она и тогда не безжалостна к нам.

Радость и счастье человека событийно-мгновенны. Они не суммируются, не хранятся бессрочно. Буквально не повторяются, не тиражируются. Миг счастья легко пропустить, забыть и утратить; его трудно, зачастую невозможно превзойти. Но чтобы ни творилось внутри и вокруг человека, радость и счастье, пусть изредка, возвращаются к нему. В этом непреходящая ценность возвращения, не девальвируемая повторением ошибок и воскрешением невзгод.

Литература

1. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: В 14 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. – Т. 8. – С. 213–418.
2. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. – М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 311 с.
3. Адорно Теодор В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии / Пер. с нем. Е.В. Борисов. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. – 191 с.
4. Адорно Т.В. Негативная диалектика / Пер. с нем. Е.Л. Петренко. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с.
5. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. Курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика». – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 170 с.
6. Кундера М. Неведение: Роман / Пер. с франц. Н. Шульгиной. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 224 с.

**ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВЕРСИИ
PERSPECTIVES OF RUSSIAN CIVILIZATION:
VERSIONS OF SOCIAL PHILOSOPHY**

Е.Д. Шетулова

*Нижегородский государственный технический
университет им. Р.Е. Алексева*

E.D. Shetulova

*Nizhniy Novgorod State Technical University
named after R.E. Alexeev*

Рассмотрены основные подходы к определению возможностей и границ модернизации страны. Выделены различия между либерализмом, марксизмом, консерватизмом в исследовании перспектив российской ситуации.

In the article the main approaches to the possibilities and limits of the country's modernization are discussed. Distinctions are made between liberalism, Marxism, conservatism in the studies of the perspectives of the situation in Russian.

Ключевые слова: цивилизация, идентичность, модернизация, либерализм, марксизм, консерватизм.

Keywords: civilization, identity, modernization, liberalism, Marxism, conservatism.

Любая цивилизация переживает в истории разные времена. И любая цивилизация в любое из этих времен имеет, по меньшей мере, два сценария развития – оптимистический и пессимистический. Условие «написания» сценария заключается в констатации наличного положения, которое рассматривается в зависимости от тех или иных мировоззренческих и методологических оснований, предпочтительных для того или иного автора.

Но, обратившись к описанию положения дел в современной России, можно отметить сходность описания авторами, стоящими на противоположных теоретических и политических позициях. Так, В.В. Ильин, отстаивающий необходимость создания т.н. постиндустриального общества (т.е. общества, подобного современным западным), в одной из своих работ обстоятельно и подробно рассматривает сложившуюся ситуацию. Он констатирует, что базовые отрасли промышленности России деградировали (причем, прежде всего, были закрыты передовые производства), демонтирована база наукоемкого производства, базисом

хозяйствования выступает архаичный потенциал ресурсной экономики, доля неквалифицированного труда составляет более 25% (для сравнения: в США в 10 раз меньше). Приводится им и ряд других, столь же плачевных экономических показателей. Но дело не ограничивается экономикой. Столь же плачевны антропологические показатели, связанные с продолжительностью жизни, здравоохранением, образованием, качеством и нравами населения (все раскрывается на привлечении многочисленной статистики). Не радуют и социально-политические показатели. В частности, в постсоветский период численность населения сократилась вдвое, на столько же увеличилась численность чиновников [1, 75–123].

В.Н. Шевченко, работающий в рамках марксистской теории, в одной из работ, посвященных рассматриваемой теме, сосредоточивает внимание преимущественно на социальных и антропологических аспектах современной российской жизни. Им констатируется, вслед за рядом авторов, стоящих на разных позициях, социальный регресс, социальная эксклюзия (выпадение людей из социальной жизни), навязывание общественному сознанию гламура как особой философии беспроблемности и культа потребления, появление России бедных и России богатых с поразительно несправедливым социальным расколом [2, 53–54].

Авторы, придерживающиеся консервативной идеологии, отмечают, что современная Россия, в принципе, подошла к критическому рубежу, за которым возможен распад государственности. При этом критикуются все те же рыночные экономические отношения, аномия, господство человека *играющего, паразитария*. Именно эти отношения признаются «разрушителями» цивилизационной идентичности России [3, 174–175]. Как видим, в основных позициях описание сложившейся в России ситуации, даваемой представителями либеральной, марксистской и консервативной идеологий, обладает сходностью, хотя, конечно, есть и различия, на которых мы не будем останавливаться специально.

Однако эта констатация непростой экономической, социально-политической, антропологической ситуации в современной России столь одинаковая у таких разных авторов, в качестве собственного заключения имеет разный ответ на один из вечных русских вопросов – что делать? Ответ многих представителей современной социально-философской мысли сводится к провозглашению необходимости модернизации страны. Остановимся на этом тезисе подробнее, попробуем раскрыть, каково содержание понятия «модернизация», что мешает модернизации, с точки зрения социальных философов и социологов, зани-

мающихся этой проблемой, к какой цели должна привести желаемая модернизация.

По мнению В. Красильщикова, «модернизацию в собственном смысле слова можно рассматривать как переход от традиционного, аграрного общества, которое строится на отношениях личной зависимости, к обществу, где господствуют рыночные отношения («отношения личной независимости, основанной на вещной зависимости» – К. Маркс)...» [4]. Сходную позицию в определении содержания понятия модернизации занимает В.Г. Федотова. С ее точки зрения модернизация «не просто развитие, а его специфический вид, при котором осуществляется переход от традиционного к современному обществу» [5].

Исходя из этого определения сущности модернизации, можно сделать вывод, что ее целью выступает создание в России общества, тождественного западным либеральным обществам. Однако на пути его создания, по мнению ряда российских философов и социологов, существует ряд препятствий, в том числе социокультурного плана. С точки зрения А.П. Давыдова, к таким моментам, затрудняющим развитие страны, относятся архаичные культурные стереотипы, присущие ментальности русского человека. Конкретно они выражаются в ряде установок, конструктов и комплексов: установке на синкретиз, познавательном-моральном конструкте «должного/сущего», эсхатологическом комплексе, манихейской составляющей, мироотречной или гностической установке, сакрализации статуса власти, ее положения над законом, партиципации, прилепления к господствующему смыслу как спасительному, экстенсивной доминанте, идеи России как империи [6, 71–72]. Путь преодоления этих препятствий, путь приостановки деградации общества видится рядом авторов либерального крыла в одном – распаде России, что будет способствовать формированию русского человека как личности, а соответственно расширит возможности для модернизации страны [6, 69].

Авторы, тяготеющие не к либеральной, а к марксистской версии социальной философии, критикуют вышеозначенные подходы, особенно в части их теоретических оснований и соответствующих политических практик. Например, А. Тарасов подчеркивает, что и на Западе теория модернизации отброшена как сугубо пропагандистская, ввиду ее неадекватности применительно к странам «второго мира», к которым еще совсем недавно относилась и наша страна. Кроме того, теория модернизации «грешна» слишком розовым описанием т.н. индустриального об-

щества и слишком сгущает краски, описывая аграрное вплоть до евроцентризма, расизма и ксенофобии [7].

В качестве замены модернизации авторы-марксисты увязывают общие перспективы российской цивилизации с осуществлением национального пути развития России (т.е. созданием новой модели социализма). В частности, данная позиция ярко представлена в уже упомянутой работе В.Н. Шевченко. Он полагает, что национальный путь развития России есть другой вариант европейского пути. При этом новая модель социализма, с его точки зрения, не отменяет/не должна отменять ни частную собственность, ни рыночные механизмы, ни прослойку богатых людей, ни демократию, ни конкуренцию. Но все должно быть подчинено решению целей *развития*. Это и позволит вернуть Россию в Историю, из которой она выпала [2, 56–58].

Авторы-консерваторы уповают на возможности создания новой цивилизации, основанной на подлинных ценностях: любви, Софии, всечеловечности, соборности, космизме, ноосферном порядке [3, 176–177].

Подводя некоторый итог, отметим, что в современной литературе сложилась плюралистическая картина современного положения и перспектив России. Но, в целом, это три основных направления: создание т.н. «нормального» капитализма, следование по пути евразийской цивилизации и вариант воссоздания на новой основе социалистической модели развития. Обоснованность и адекватность каждой версии покажет история.

Литература

1. Ильин В.В. Мир глобо: вариант России. Смоленск: «Полиграф-Информ», 2007. 252 с.
2. Шевченко В.Н. Модернизация или национальный путь развития России? // Философские науки. 2011. № 1. С. 46-59.
3. Батурин В.К. Проблемы развития российской цивилизации (обзор Всероссийского философского форума) // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 174-177.
4. Красильщиков В. Мировые модернизации и судьбы страны (статья 1) // Режим доступа: <http://www.-h-o-m.ru/index.php/модернизация-в-России/мировая-модернизация-и-судьбы-страны-статья-1.html>
5. Цит. по: Межуев В.М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/>
6. Давыдов А.П. Социокультурные факторы цивилизационной динамики России // Философские науки. 2010. № 2. С. 68-79.

7. Тарасов А. Теории модернизации, вид оружия идеологической борьбы // Режим доступа: <http://saint-juste.narod.ru/modernization.htm>

**МИФОЛОГИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В СТРУКТУРАХ СОЦИАЛЬНОЙ ДИСКУРСИВНОСТИ**
**MYTHOLOGIZATION OF ETHNIC IDENTITY
IN THE STRUCTURES OF SOCIAL DISCURSIVENESS**

А.В. Яркеев

Удмуртский филиал Института философии и права УрО РАН

A.V. Yarkeev

Udmurt branch of Institute of Philosophy and Law (Ural Branch of Russian Academy of Sciences)

Рассматривается конструирование этнической идентичности, специфицированное в способах ее социально-мифологической репрезентации.

The article regards construction of ethnic identity specified in ways of its socio-mythological representation.

Ключевые слова: этническая идентичность, дискурсивность, социальный миф.

Keywords: ethnic identity, discursiveness, social myth.

Процессы глобализации, происходящие в современном («постсовременном») обществе, связаны с размыванием традиционных идентичностей и способов идентификации в социальном пространстве. Утрата устойчивой коллективной идентичности в ходе универсализации социального мира порождает как «реакцию» партикуляристские тенденции реанимирования этноцентристских идеологий, зачастую сопряженных с реакционными формами проявления, – региональный сепаратизм, воинствующий национализм, агрессивный антиглобализм и т.п. При этом этническая идентичность понимается как максимально естественная и непосредственная сущность индивида, в отличие от прочих – «надстроечных» – идентификаций, искусственных и сконструированных социальным порядком.

Наша идея заключается в том, что отношение к этнической идентичности как само собой разумеющейся естественной данности представляет собой социальный миф.

Попытка «схватывания» ускользающей, или «плавающей», идентичности (floating identity) в условиях «текучей современности» (З. Бауман)

стала актуальной для целого ряда наук. Вместе с тем, классическая рациональность с ее ориентацией на научность и универсальность описаний социального мира в терминах объективной истины переживает кризис, поскольку объективирующий принцип познания идентифицирует все, кроме идентифицирующего субъекта. Не-хватка субъективности как не-хватка идентичности приводит к порождению условий для возникновения современных социальных мифов, то есть к мифологизации социальной дискурсивности. На границе собственного существования логос становится не отличимым от мифа, философия превращается в мифологию. На этом фоне остро заявляет о себе необходимость введения в философский процесс саморефлексивного мышления, основанием которого является понимающий субъект как носитель смысла дискурсивности. Сохранение осмысленности социально-философских построений на базе мыслящей субъективности позволяет остаться в рамках социальной рациональности, не выходя в пространство мифологических представлений.

Поскольку конструирование этнической идентичности специфицируется в данной работе в способах ее социально-мифологической репрезентации, постольку нам потребовалось обстоятельно рассмотреть сущность мифологической дискурсивности, подвергнув кардинальной ревизии существующие концепции социального мифа в современной социальной философии.

Анализ как зарубежных, так и отечественных научных публикаций по релевантной проблематике показывает, что социальный миф понимается как субъективно-иллюзорная форма представления объективной действительности. По нашему мнению, такое представление о мифе само является мифом, поскольку исходит из классической метафизики Платона о существовании двух миров – истинного мира сущностей-эйдосов и иллюзорного мира многообразных чувственных вещей. Платоновская метафизика сохраняется и в рамках научной рациональности, замещающей платоновские миры сферами достоверной объективности и заблуждающейся субъективности. Критерии естественно-научной рациональности переносятся в гуманитарные исследования, гарантируя объективность получаемых результатов. Однако объективация предмета гуманитарных наук приводит к натурализму в социальном познании. Применительно к изучению этнической идентичности это проявляется в форме радикализации биологизма в вопросах интерпретации бытия этнической реальности.

Идентификация представляет собой вопрос о том, что есть социальная реальность. Социальный дискурс идентификации социальной реальности предъясняется в виде общепринятой системы норм как результат объективации социальных категорий, обосновывающих социальный порядок. Необходимость типизации этничности требует ее дискурсивного оформления, категориального закрепления в языке. Такой дискурс склонен проецировать идентифицирующие номинации на социальную действительность, разделяя ее на «этноты», имеющие четкие «объективные» границы.

Так, например, в многочисленных современных исследованиях, выполненных в рамках проблемы «Этнос: миф или реальность», отмечается чрезвычайная мифологизированность проблемы, связанной с теорией этноса. Это, якобы, является следствием того, что многие авторы в определениях этноса ускользают от ясного и однозначного указания на объективную основу формирования этносов (биологическое происхождение), подмешивая альтернативный субъективный фактор: самосознание группы, замешанное на культурной и языковой идентичности. То есть, они определяют этничность как социальность, что уже само по себе ложно. Этнос же в рамках данных исследований понимается как биологическое сообщество, связанное общим происхождением, обладающее общей генетикой и соотносящееся с расой как вид с родом либо как разновидность (порода) с видом. Такое понимание этноса основывается на гипотезе первичного происхождения этносов от изначальных больших рас в результате изменчивости и расхождения признаков, а также гипотезе вторичного (третичного и т.д.) происхождения этносов в результате последующих многочисленных миграций и «метисаций» изначальных рас и первичных этносов. Эти гипотезы, как утверждают авторы данных исследований (например, А. Севастьянов), в максимальной степени отражают реальное положение вещей с позиций современного знания. Финальный «приговор» строится на констатации кризиса метода и необходимости реабилитации биологизма при определении этничности.

Автор данной статьи опирался на позиции конструктивно-герменевтического подхода, сведенного к методу субъект-объектного тождества. Прояснение специфики этничности с этих позиций способствует построению модели этнической дискурсивности, выявляющей механизмы конструирования этнических структур в процессе самоидентификации этнического субъекта.

Самоидентификация социального субъекта происходит как дискурсивное самоопределение, где он, с одной стороны, оказывается тем, кто определяет, – субъектом дискурса, с другой стороны, тем, что определяется, – объектом дискурса. Соответственно, возникает как возможность идентификации через саморефлексию, так и возможность самоопределения через объективные структуры. Идентификация социального субъекта имеет смысл только тогда, когда она понимается в аспекте субъект-объектного тождества, в котором субъект самопредставляется через самоотношение бытия социальной реальности и оказывается точкой события – некоторой социальной позицией, существующей в пространстве социальной реальности. Процесс самоидентификации предъясвляется как самоманифестация социального субъекта в движении по поверхности социальной реальности. Смыслы социального дискурса самоопределяются через точку самопредставленности социального субъекта в поименованных структурах социальности.

Этническая реальность предстает как состояние социальной реальности, самоопределяющейся в структурах идентичности. Этническая идентичность предстает как результат процесса самоидентификации бытия социальной субъективности. Социальный дискурс, основанием которого является саморефлектирующий субъект, гарантирует обретение смысла идентичности, предотвращая ее опустошение в жестах объективации. Классическая научная эпистемология строится на противопоставлении субъекта и объекта как «идентифицирующего» и «идентифицируемого», что приводит к исчерпанию идентичности и субъективности. Целостный онтологический подход на основе метода субъект-объектного тождества позволяет задать социальное бытие как способную к самоидентификации идентичность в осмысленных структурах языка. Самоположение социальной субъективности в качестве мыслящего и смыслополагающего основания социальной дискурсивности позволяет сохранить ее рациональность, не прибегая при этом к социально-мифологическим допущениям.

ГУМАНИТАРИИ В XXI ВЕКЕ
18–19 апреля 2013 года
Том 1

Составитель и научный редактор З.Х. Саралиева

Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 40,5. Тираж 100. Заказ 668.

Отпечатано в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского